U 113/517

1819-1846

ТЕНГИНСКІЙ

ПОЛКЪ

НА

КАВКАЗѢ

355-48
17-67
Р-19
801-86
11920-0
И 118/517
20 вил.

ТЕНГИНСКІЙ ПОЛКЪ

НА

КАВКАЗѢ.

НЕ КОПИРОВАТЬ

1819—1846.

ПРАВЫЙ ФЛАНГЪ. ПЕРСІЯ. ЧЕРНОМОРСКАЯ БЕРЕГОВАЯ ЛИНІЯ.

ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЫПУСКЪ.

БИБЛИОТЕКА АКАДЕМИИ Наукъ Имени Ф. Е. Кочубея
805-в

Составилъ поручикъ *Раковичъ*. Д. В.

Подъ редакціей генералъ-маіора Потто.

ИЗДАНІЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАГО ОТДѢЛА ПРИ ШТАБѢ КАВКАЗСКАГО ВОЕННАГО ОКРУГА.

ТИФЛИСЪ.

Типографія Канцеляріи Главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ, Лорисъ-Меликовская улица, домъ казенный.

1900.

Напечатано по распоряженію командующаго войсками Кавказскаго военнаго округа.

ВСЕСОЮЗНАЯ БИБЛ-КА имени В. И. Ленина
13330-44
2007058096

ПРЕДИСЛОВІЕ.

25-го іюня 1900 года исполнилось двѣсти лѣтъ боевой и мирной жизни 77-го пѣхотнаго Тенгинскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексія Александровича полка.

На рубежѣ начала третьяго столѣтія полкъ пожелалъ оглянуться назадъ и запечатлѣть въ памяти потомства знаменательнѣйшія событія изъ прошлой своей жизни, издавъ лѣтопись вѣрной и самоотверженной службы полка Царю и Отечеству.

Но трудъ, обнимающій двухсотлѣтній періодъ всѣхъ войнъ, которыя вела за это время Россія въ Европѣ и въ Азіи, требуетъ весьма продолжительныхъ и сложныхъ архивныхъ изысканій; поэтому-то онъ и не могъ быть выполненъ своевременно. Вслѣдствіе этого, полкъ вынужденъ былъ ограничиться изданіемъ къ знаменательному дню юбилея только той части своей исторіи—съ 1819 по 1846 годъ, когда онъ, переведенный изъ Россіи на Кавказъ, принялъ видное участіе въ многолѣтней и упорной борьбѣ съ горскими народами. Періоды же полковой исторіи до прихода на Кавказъ и слѣдующій за 1846 годомъ будутъ изданы впослѣдствіи.

Первоначальная разработка матеріала, подборъ его и, наконецъ, изложеніе первыхъ шести главъ исторіи принадлежатъ поручику Д. В. Раковичу, нынѣ воспитателю Псковскаго кадетскаго корпуса; двѣ же послѣднія главы написаны поручикомъ А. Г. Лавровымъ, который принялъ на себя дальнѣйшую работу.

Редакція.

1900 г.

ИСТОРІЯ

77-го ПѢХОТНАГО ТЕНГИНСКАГО

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

АЛЕКСІЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА

ПОЛКА.

Оглавленіе.

стр.

Краткая хроника Тенгинскаго полка . . . . . XI—XX

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Необходимость усиленія грузинскаго корпуса. Указъ Императора Александра I. Собственноручная записка Ермолова о слитіи полковъ. Передвиженіе Тенгинскаго полка на сѣверный Кавказъ. Прибытіе въ Георгіевскъ. Полковники Оранскій и Максимовичъ. Недоразумѣнія по сдачѣ полка. Приказъ по полку. Списокъ коренныхъ тенгинцевъ. Описаніе театра военныхъ дѣйствій. Наша оборонительная линія. Устройство станицъ, постовъ, землянокъ, столбянокъ и штабъ-квартиръ. Горскіе народы сѣвернаго Кавказа. Ихъ образъ дѣйствій. Бытъ офицеровъ и солдатъ полка. Строевое образованіе. Учебныя команды. Санитарныя условія. Казенныя работы. Участіе тенгинцевъ въ устройствѣ минеральныхъ водъ. 1

ГЛАВА ВТОРАЯ. Боевая дѣятельность полка на кавказской линіи. Первыя потери. Набѣги и экспедиціи. Ермоловская система просѣкъ. Набѣгъ въ Чечню. Очищеніе Ханкальскаго ущелья. Маіоръ Курило. Набѣги въ Кабарду въ 1821 и 1822 годахъ. Дѣйствія 1-го и 2-го баталіоновъ. Прибытіе генерала Вельяминова. Знаменитый его приказъ. Движеніе къ верховьямъ Лабы. 1824 годъ. Спокойствіе на линіи. Эпизодъ во время сатовки въ Прочномъ-окопѣ. Дѣйствія въ 1825 г. противъ «бѣглыхъ кабардинцевъ». Постройка укрѣпленія на Бѣлой. Дѣйствія на рр. Шагуанъ, Киндjалъ, Хасаутъ. Обостреніе дѣлъ на линіи и съ Персіей. Причины войны. Кончина Александра I и воцареніе Николая I. 1826 годъ. Разрывъ съ Персіей. Общій очеркъ военныхъ дѣйствій. Подготовленіе полка къ походу. 1827 годъ. Смѣна Ермолова. Отзывъ Дибича о ермоловскихъ войскахъ. Выступленіе полка въ походъ. Сагиновъ. Претензія, заявленная офицерами. Коммуникаціонная линія. Тыловая дѣятельность полка. Смертность въ полку. Наступленіе за Араксъ въ 1827 году. Сдача Ардебиля. Конецъ войны. Дѣятельность баталіоновъ во время турецкой войны. Полковникъ Лисаневичъ. Его заботы объ улучшеніи санитарной части. Обратное выступленіе полка на линію. 1830 годъ. Дѣятельность 3-го резервнаго баталіона за послѣдніе три года. Участіе баталіона въ карачаевской экспедиціи. Приходъ дѣйствующихъ баталіоновъ на линію. Смотръ генерала Фролова 42

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Возникновеніе мюридизма на Кавказѣ. Кадій Мулла-Магометъ. Газаватъ. Кази-Мулла. Сопротивленіе закубанцевъ постановленію адріанопольскаго трактата. Возвращеніе тенгинцевъ на линію. Полковникъ Лисаневичъ и его заботы о состояніи полка. Стрѣлковое дѣло. Холера. Замѣчательные приказы Лисаневича. Усиленіе войскъ кавказскаго корпуса. Экспедиція Паскевича противъ шапсугъ въ 1830 году. Дѣйствія на Убинѣ. Абинъ. Возвращеніе на линію. Осмотръ Лисаневичемъ полка. Положеніе семей женатыхъ солдатъ. Отношеніе къ казачьему населенію. Заботы генерала Емануеля о Кисловодскѣ. Журналъ «Темнолѣсскій Шмель». Генералъ Марлини. Пріостановка изданія. Женатые офицеры и ихъ коммерческія наклонности. Волненіе въ Кабардѣ въ 1831 году. Нападеніе на линію. Дѣло капитана Чубровскаго въ Хасаутскомъ ущельѣ. Движеніе Лисаневича къ абазинскимъ ауламъ. Подвигъ рядового Медвѣдева. Истребленіе шайки дезертировъ. Бѣглые тенгинцы. Приказы Лисаневича. Польскіе ссыльные. Геройская смерть маіора Гарковенко. Подвигъ унтеръ-офицера Зимина и рядового Будниченко. Спокойствіе на линіи въ 1832 и 1833 годахъ. Строевыя занятія. Блестящее состояніе полка.

Уходъ полковника Лисаневича. Оцѣнка его дѣятельности. Новый командиръ подполковникъ Шостенко. Переформированіе полка въ четырехбаталіонный составъ. Краткая хроника 1-го и 2-го баталіоновъ Крымскаго полка. Участіе ихъ въ войнахъ европейскихъ, а затѣмъ персидской и турецкой. Отличіе баталіоновъ въ дѣлѣ подъ Ушаганомъ 17-го августа 1827 года. Участіе 2-го баталіона Козловскаго полка въ различныхъ войнахъ. Мужественная защита Баязета въ 1829 году. Полковникъ Кашутинъ. Пріемъ полка. Численный составъ полка въ 1834 году. Новый планъ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ. . . . 84

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Сборъ у Ольгинскаго редута. Обмундированіе кавказскихъ солдатъ. Проведеніе геленджикской дороги. Переходъ отряда къ Геленджику. Возвращеніе въ Абинъ. Награды. Перемѣна дислокаціи Тенгинскаго полка. Трудное положеніе семейныхъ солдатъ и польскихъ плѣнныхъ. Жизнь въ штабъ-квартирахъ. Строевыя занятія. Занятія съ подпрапорщиками. Программа офицерскихъ экзаменовъ. 1835 годъ. Движеніе 1-го и 2-го баталіоновъ къ укрѣпленію Абинскому. Дѣйствія ген. Малиновскаго противъ шапсуговъ и абадзеховъ. Неудачная мартовская экспедиція. Движеніе ген. Вельяминова къ берегу Чернаго моря. Заложеніе укрѣпленія Николаевскаго. Возвращеніе на квартиры. Награды. Заготовленіе консервовъ. Строевыя занятія. Школа кантонистовъ. 1836 годъ. Движеніе отряда двумя колоннами. Дѣйствія въ долинѣ Нако и Баканскомъ ущельѣ. Подвигъ унтеръ-офицера Величко. Переходъ отряда къ Цемесской бухтѣ и возвращеніе на Кубань. Дѣйствія 5-го резервнаго баталіона въ отрядѣ генерала Засса. Награды. 1837 годъ. Значеніе черноморской береговой линіи. Сборы отряда къ Ольгинскому укрѣпленію. Движеніе къ Геленджику. Дѣло 10-го мая въ чумбайскомъ лѣсу. Заложеніе укрѣпленія Новотроицкаго. Десантъ тенгинцевъ въ устьѣ Шапсуго. Переходъ въ долину Вулана. Описаніе послѣдней. Заложеніе Михайловскаго укрѣпленія. Подробности устройства. Буря. Выступленіе отряда въ Геленджикъ на царскій смотръ. Пріѣздъ Николая Павловича. Les gens de fer. Смотръ. Возвращеніе по квартирамъ. Недѣльный пикникъ. Награды. Зимнія строевыя занятія. Смотровая стрѣльба. Смертность. Бѣглые. Полковая церковь. 1838 годъ. Формированія десантнаго отряда. Назначеніе генерала Раевскаго начальникомъ отряда. Высадка въ Туапсе. Отличіе тенгинцевъ. Полковая пѣснь. Заложеніе укрѣпленія Вельяминовскаго. Страшная буря 30-го мая. Гибель эскадры. Подвигъ рядового Полякова. Заложеніе укрѣпленій Тенгинскаго и Новороссійскаго. Возвращеніе на Кубань. Награды. Строевыя занятія. Учебная команда. Починка ружей. Учрежденіе пѣшей почты. Уходъ Кашутина. Новый командиръ подполковникъ Выласковъ. 1839 годъ. Движеніе отряда къ Абину. Посадка отряда на суда. Высадка у р. Субаши. Подполковники Хлюпинъ и Данзасъ. Заложеніе укрѣпленія Головинскаго. Высадка у р. Псезуапе. Заложеніе укрѣпленія Лазаревскаго. Окончаніе береговой линіи. 127

ГЛАВА ПЯТАЯ. 1840 годъ. Кавказская береговая линія. Прибрежные жители. Военная организація убыховъ. Общій подъемъ горцевъ. Плохое состояніе укрѣпленій. Бѣдствія ихъ гарнизоновъ. Смертность. Сторожевыя собаки. Блокада черкесскихъ береговъ. Вооруженія горцевъ. Фортъ Лазарева. Гарнизонъ его. Капитанъ Марченко. 7-е февраля 1840 года. Нападеніе горцевъ. Гибель гарнизона. Усиленіе войскъ береговой линіи. Тяжелый походъ тенгинцевъ. Дѣятельность 4-го баталіона. Нападеніе горцевъ на форты. Состояніе Михайловскаго укрѣпленія. Гарнизонъ его. Штабсъ-капитанъ Лико. Слухи о намѣреніяхъ горцевъ. Организація обороны. Рѣшимость взорвать крѣпость. Архипъ Осиповъ. Его біографія. Рѣшеніе Осипова пожертвовать собою. Приготовленіе гарнизона къ бою. 21-е марта 1840 года. Нападеніе горцевъ. Ходъ боя. Взрывъ. Приказы Государя. *Первый рядовой.* «Слезою искренней въ молитвѣ». Памятники Лико и Осипову. Пѣснь 20-й дивизіи. Награды семьямъ погибшихъ. Усиленіе береговой линіи. Нападеніе горцевъ на Абинъ. Наказанія горцевъ. Осенняя высадка тенгинцевъ въ Вельяминовскомъ. Походъ въ Абхазію. Дальская экспедиція. Награды. 189

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Назначеніе М. Ю. Лермонтова въ Тенгинскій полкъ. Краткая его біографія до прибытія на Кавказъ. Назначеніе Лермонтова въ отрядъ генерала Галафѣева. Бой на Валерикѣ. Выдержка изъ журнала военныхъ дѣйствій ген. Галафѣева. Боевыя отличія Лермонтова. Отрывокъ изъ стихотворенія «Валерикъ». Движеніе въ Чечню.

IX

Аттестаціи храбрости Лермонтова, сдѣланныя генераломъ Галафѣевымъ и кн. Голицынымъ. Пребываніе Лермонтова въ Тенгинскомъ полку. Отъѣздъ его въ отпускъ. Возвращеніе на Кавказъ. Смерть Лермонтова. Похороны его и открытіе памятника. 1841 годъ. Расположеніе полка на береговой линіи. Бѣдствіе полка въ хозяйственномъ отношеніи. Вооруженія убыховъ. Дѣйствія отряда полковника Муравьева въ Цебельдѣ. Постройка Гагринскаго укрѣпленія. Союзъ нашъ съ джигетами. Враждебныя дѣйствія убыховъ противъ джигетовъ. Движеніе нашего отряда на ихъ защиту. Покорность убыховъ. Нарушеніе ими присяги и блокада Навагинскаго укрѣпленія. Движеніе на выручку. Сосредоточеніе отряда у св. Духа. Бой 22-го іюля. Снятіе осады Навагинскаго укрѣпленія. Прибытіе милицій. Движеніе отряда Муравьева въ землю убыховъ. Трехдневный бой 8-10 октября. Награды полку. Постройка сочинскаго блокгауза. Возвращеніе полка на Кубань. Состояніе полка. Убыль. Отдыхъ полка. Строгій смотръ полковника Назимова. Дѣятельность 5-го резервнаго баталіона за Кубанью. Образованіе резервной дивизіи. 6-й резервный баталіонъ Тенгинскаго полка 236

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Расположеніе полка въ 1842 году. Мюридизмъ. Шамиль. Его возвышеніе и дѣятельность до сороковыхъ годовъ. Мюридизмъ на Западномъ Кавказѣ. Причины его неуспѣха. Хаджи-Магометъ. Сулейманъ-эфенди. Нападенія горцевъ на Васюринскую, Ивановскую и Полтавскую станицы. Дѣятельность Хлюпина въ полку. Его мысли объ обмундированіи и снаряженіи кавказскихъ солдатъ. Музыкантскій хоръ. Строевое образованіе. Укомплектованіе полка. Смотръ полковника Катенина. Замѣчаніе Хлюпина офицерамъ. Оставленіе полка на лѣто въ Черноморіи. Проѣздъ военнаго министра. Смотръ полка. Нападеніе горцевъ на Екатеринодаръ. Движеніе Завадовскаго на р. Псекупсъ. Улучшеніе довольствія солдатъ. Экспедиція за р. Афипсъ. Выступленіе двухъ баталіоновъ на правый флангъ. Прибытіе баталіоновъ 13-й пѣхотной дивизіи. 1843 годъ. Переводъ полковника Левковича въ Тенгинскій полкъ. Лабинская линія. Семейные нижніе чины. Кантонисты 285

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Мнѣніе князя Чернышева о кавказской горной войнѣ. Усиленіе Шамиля. Усиленіе войскъ кавказскаго корпуса. Дислокація полка въ мартѣ 1843 года. Довольствіе войскъ. Поискъ за Лабу 16-го мая 1843 года. Заселеніе станицъ по Лабѣ. Дѣйствія въ верховьяхъ Зеленчука. Движеніе 1-го баталіона на зиму въ станицу Горячеводскъ. Дѣйствія 4-го баталіона въ 1843 году. Полученіе лентъ и скобъ на знамена. Составленіе полковникомъ Хлюпинымъ хроники Тенгинскаго полка. Начало полковой исторіи. Зимовка на Лабѣ 2-го и 3-го баталіоновъ. 1844 годъ. Приготовленіе къ экспедиціямъ, вьючный обозъ. Разореніе аула Глабугай 24-го марта 1844 года. Окончаніе укрѣпленія на Кяфирѣ. Смѣна 2-го баталіона на Лабѣ 4-мъ. Нападеніе на Тенгинскую станицу. Мужество унт.-офиц. Грабовскаго. Набѣгъ на темиргоевцевъ за р. Фарсъ. Дѣйствія въ Черноморіи въ 1844 году. Приказъ объ Архипѣ Осиповѣ. Пожаръ въ ст. Ивановской. Возвращеніе 4-го баталіона на лабинскую линію. Экспедиціи за Кубань. Смерть Хаджи-Магомета. Смотръ генерала Анненкова. 1845 годъ. Назначеніе графа Воронцова. Поступленіе Тенгинскаго полка въ составъ 19-й пѣхотной дивизіи. Набѣгъ за р. Бѣлую на аулъ Пхеней. Появленіе Сулейманъ-эфенди. Похищеніе дѣвочки изъ Усть-Лабы. Дѣйствія въ Черноморіи въ 1845 году. Нападеніе на станицу Марьинскую. Экспедиція къ р. Иль. Трудный походъ въ Абинъ. Неудачи Сулейманъ-эфенди. Дислокація на зиму 1845—1846 годовъ. Слухи о переходѣ полка на лѣвый флангъ. Итоги командованія полковникомъ Хлюпинымъ 334

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Предписаніе ген. Ермолова ген. Сталю 2-му. 3
II. Расписаніе, какимъ образомъ должна комплектоваться по новому положенію 19-я пѣхотная дивизія 4
III. Списокъ гг. штабъ и оберъ-офицеровъ Суздальскаго и Тенгинскаго полковъ въ 1819 году 5

IV. Приказъ въ полки 22-й пѣхотной дивизіи. 6
V. Высочайшій рескриптъ Крымскому полку 6
VI. Высочайшій рескриптъ Козловскому полку. 7
VII. Показаніе рядового Ефима Комаровскаго. 7
VIII. Формулярный списокъ подпоручика Краумзгольда 8
IX. Послужной списокъ рядового Архипа Осипова 11
X. а) Разореніе и взрывъ Михайловскаго укрѣпленія. Разсказъ Гуртового. 17
б) Письмо Сидора Гуртового 20
в) Письмо Юзефа Мирославскаго 20
г) Разсказъ полковника Филипсона о взрывѣ Михайловскаго укрѣпленія 21
д) Копія съ рапорта начальнику Черноморской береговой линіи генералъ-лейтенанту Раевскому начальника 1-го отдѣленія той же линіи контръ-адмирала Серебрякова 23
е) Статья Берже. Защита Михайловскаго укр. 22-го марта 1840 г. 26
XI. а) Формулярный списокъ о службѣ и достоинствѣ Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручика Лермонтова 27
б) Наградной списокъ поручику Лермонтову 32
в) Наградной списокъ поручику Лермонтову 32
г) Рапортъ поручика Лермонтова командиру Тенгинскаго пѣхотнаго полка полковнику Хлюпину 33
д) Свидѣтельство о болѣзни поручика Лермонтова 33
XI. Рапортъ пятигорскаго коменданта полковника Ильяшенкова командующему войсками на кавказской линіи и въ Черноморіи генералу Граббе. 34
XII. Списокъ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ нижнихъ чиновъ 77-го пѣхотнаго Тенгинскаго полка съ 1819 по 1845 годъ 36
XIII. Знаки отличія военнаго ордена за кавказскую войну 49
XIV. Списокъ штабъ и оберъ-офицерамъ Тенгинскаго полка съ 1819 по 1833 гг. . . . 61

КРАТКАЯ ХРОНИКА ПОЛКА

съ 1700 по 1900 г.

1700 г.

25-го іюня былъ сформированъ пѣхотный полкъ, названный по имени своего перваго командира или шефа—полкомъ *Ивана Бернера* *).

1701 г.

Съ 15-го мая полкъ Ивана Бернера принималъ участіе въ великой сѣверной войнѣ со шведами.

1702 г.

11-го октября участовалъ при взятіи штурмомъ крѣпости Нотебурга.

1703 г.

Съ 25-го по 30-е апрѣля въ осадѣ и взятіи крѣпости Ніеншанцъ, на мѣстѣ которой заложенъ Петромъ Великимъ С.-Петербургъ.

1704 г.

Съ 10-го іюля по 6-е августа въ осадѣ и взятіи штурмомъ крѣпости Нарвы.

1705—1706 гг.

Съ 25-го сентября въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ.

1705 г.

5-го сентября при взятіи штурмомъ укрѣпленнаго замка Митау.

1706 г.

Весною въ отступленіи изъ г. Гродно. Послѣ этого полкъ

*) «Хроника кавказскихъ войскъ» А. Л. Гизетти.

Ивана Бернера былъ направленъ вмѣстѣ съ другими полками во вновь завоеванныя провинціи Прибалтійскаго края.

1708 г.

Полкъ былъ поставленъ въ Бѣлозерской провинціи и, согласно новому распоряженію Петра I, былъ именованъ по этой провинціи—*Бѣлозерскимъ*.

1712 г.

29-го декабря Бѣлозерскій полкъ былъ перечисленъ въ составъ гарнизонныхъ войскъ С.-Петербургской губерніи. Здѣсь же стояли, кромѣ Бѣлозерскаго, еще гарнизонные полки Фразера, Колтовскаго и Бухгольца.

1725 г.

По приказу Императрицы Екатерины I, названъ *Кронверкскимъ*.

1727 г.

Императоръ Петръ II приказалъ называть полки опять по именамъ тѣхъ городовъ, въ которыхъ они стоятъ, поэтому Кронверкскій полкъ получилъ опять наименованіе *Копорскаго* *).

1764 г.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины II произошло переформированіе гарнизонныхъ полковъ. Взамѣнъ ихъ было образовано 84 гарнизонныхъ баталіона. На основаніи этого переформированія, каждый изъ четырехъ гарнизонныхъ полковъ, стоявшихъ тогда въ С.-Петербургѣ: Невскій, Петербургскій, Ямбургскій и Копорскій (Ивана Бернера, Бѣлозерскій, Кронверкскій), былъ раздѣленъ на два отдѣльныхъ баталіона, изъ которыхъ въ С.-Петербургѣ было оставлено пять, въ томъ числѣ одинъ, образованный изъ Копорскаго полка **).

1796 г.

29-го ноября Императоръ Павелъ I повелѣлъ изъ лучшихъ

*) П. С. З. т. VII, № 5196. Баронъ Штенгель. «Настольный хронологическій указатель», стр. 34.

**) П. С. З т. XVIII, № 12135.

ШЕФЪ ТЕНГИНСКАГО ПОЛКА

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

АЛЕКСІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

людей этихъ пяти гарнизонныхъ С.-Петербургскихъ баталіоновъ сформировать одинъ двухбаталіонный мушкетерскій полкъ. Этотъ полкъ былъ названъ мушкетерскимъ генералъ-отъ-инфантеріи *Архарова 1-го* полкомъ, по имени своего шефа, былъ расположенъ въ г. С.-Петербургѣ и состоялъ въ 1-й С.-Петербургской дивизіи *).

1797 г.

14-го сентября названъ мушкетерскимъ генералъ-маіора *графа Эльма* полкомъ.

Въ этомъ же году 18-го декабря Императоръ Павелъ I лично пожаловалъ нашему полку простыя знамена **).

1798 г.

18-го октября названъ мушкетерскимъ полкомъ генералъ-маіора *Уколова*. 21-го октября—снова полкомъ генералъ-маіора графа *Эльма*.

1800 г.

10-го марта—мушкетерскимъ генералъ-маіора *Ѳомина;* 11-го марта—полкомъ генералъ-маіора *Бороздина 1-го;* 7-го мая—генералъ-маіора князя *Горчакова 3-го;* 18-го іюня—генералъ-маіора *фонъ-Гренинталя 1-го*; 27-го октября—генералъ-маіора князя *Щербатова*.

1801 г.

31-го марта названъ ***Тенгинскимъ*** *мушкетерскимъ* ***).

1802 г.

Тенгинскій полкъ, согласно объявленныхъ новыхъ штатовъ, былъ приведенъ въ трехбаталіонный составъ. Каждый баталіонъ состоялъ изъ четырехъ ротъ: одной гренадерской и трехъ мушкетерскихъ ****).

---

*) П. С. З. т. XXIV, с. 17581. Бар. Штенгель. «Наст. хр. указат.», стр. 35. Св. шт. к. № 17606.

**) «Хроника рос. Имп. арміи». Сост. кн. Долгорукій 1799 г. № 82.
Рапортъ деж. ген. глав. шт. командиру отд. кавк. корп. отъ 12-го іюля 1844 г. № 6000.

***) А. Л. Гизетти. «Хроника кавказскихъ войскъ».

****) П. С. З. т. XXVI, №№ 19809, 19901; т. XXVII, №№ 20135, 20166, 20252.
Бар. Штенгель «Наст. Хронолог. указатель», стр. 94.

1806 г.

Тенгинскій полкъ, находясь въ составѣ 4-й пѣхотной дивизіи кн. Голицына, участвовалъ въ войнѣ съ Франціей. 11-го декабря—въ упорномъ бою съ французскимъ корпусомъ Ожеро у Сохочина за переправу черезъ рѣку Вкру; 14-го декабря—въ сраженіи подъ г. Пултускомъ.

1807 г.

22-го января—въ упорномъ бою съ французами у м. Бергфрида, въ составѣ отряда графа Каменскаго; 26-го и 27-го января—въ сраженіи у г. Прейсишъ-Эйлау; 24-го мая—въ дѣлѣ у сел. Альткирхъ; 26-го и 27-го мая—при переправѣ черезъ рѣку Пассаргу; 29-го и 30-го мая—въ кровопролитномъ сраженіи подъ г. Гейльсбергомъ; 2-го іюня—въ сраженіи подъ Фридландомъ.

1808 г.

22-го іюля Тенгинскій полкъ выступилъ въ составѣ 4-й пѣхотной дивизіи князя Голицына изъ Петербурга въ Финляндію, гдѣ шла война со Швеціей; 15-го октября принималъ участіе въ сраженіи при мызѣ Индесальми.

1809 г.

7-го августа—въ побѣдоносномъ сраженіи при г. Севарѣ, въ отрядѣ графа Каменскаго; 13-го сентября Тенгинскій полкъ выступилъ изъ Финляндіи въ Россію.

1811 г.

22-го февраля полкъ названъ *пѣхотнымъ*.

1812 г.

Тенгинскій пѣхотный полкъ принималъ участіе въ Отечественной войнѣ съ французами. Онъ находился въ составѣ войскъ корпуса графа Витгенштейна, предназначеннаго охранять отъ французовъ пути наступленія на Ригу и Петербургъ; 19-го іюля Витгенштейнъ разбилъ французскаго генерала Удино у д.

Клястицъ; 20-го іюля совершилось новое пораженіе французовъ у д. Головчицы; 30-го іюля Тенгинскій полкъ принялъ снова участіе въ жаркомъ бою у мызы Свольны; 5-го и 6-го августа —въ кровопролитномъ сраженіи подъ г. Полоцкомъ; 6-го, 7-го и 8-го октября—послѣ упорнаго боя, во взятіи этого города отъ французовъ; 19-го октября—въ пораженіи французовъ при м. Чашники; 1-го и 2-го ноября—въ кровопролитномъ бою при мызѣ Смолянцы, послѣ котораго французы отступили къ Череѣ; 15-го ноября—въ плѣненіи цѣлой французской дивизіи подъ г. Борисовымъ. Послѣ этого корпусъ Витгенштейна, а съ нимъ и Тенгинскій полкъ, перешелъ въ Пруссію и здѣсь до конца декабря преслѣдовалъ остатки французскихъ войскъ; 22-го декабря нашъ полкъ участвовалъ въ сраженіи съ французами подъ прусскимъ городомъ Лабау.

1813 г.

24-го и 25-го февраля Тенгинскій полкъ участвовалъ въ блокадѣ крѣпости Кюстрина и въ отраженіи вылазокъ. 8-го марта Тенгинскій полкъ вступилъ въ Берлинъ и здѣсь присоединился къ войскамъ гр. Витгенштейна. 20-го апрѣля принималъ участіе въ сраженіи при мѣст. Люценѣ. 9-го мая—при Бауценѣ. Съ 10-го по 16-е мая—въ нѣсколькихъ сраженіяхъ съ французами. 14-го и 15-го августа—въ сраженіи подъ гор. Дризеномъ. Здѣсь Тенгинскій полкъ состоялъ въ отрядѣ генерала Гельфрейха, поставленномъ у кр. Кенигштейнъ для наблюденія за переправой черезъ р. Эльбу, а затѣмъ перешедшемъ къ Геннерсдорфу. 17-го и 18-го августа—въ упорномъ и кровопролитномъ сраженіи при деревнѣ Кульмъ, подъ начальствомъ гр. Остермана-Толстого, Ермолова и, затѣмъ, Барклая-де-Толли. 2-го сентября—при дер. Кенигсвейде и Петерсвейде. 3-го сентября—при Юсенъ-Зибелѣ. 28-го сентября—при гор. Борна. 4-го, 6-го и 7-го октября—въ великой битвѣ народовъ подъ гор. Лейпцигомъ.

1814 г.

Съ начала января по 17-е февраля того же года Тенгинскій

полкъ, въ составѣ 14-й пѣхотной дивизіи, занятъ былъ блокадой крѣпости Пфальцбургъ. 8-го и 9-го марта Тенгинскій полкъ участвовалъ въ упорномъ сраженіи подъ городомъ Арси, окончившемся взятіемъ этого города. 17-го марта—въ атакѣ французскаго корпуса Кампаня при м. Ливри и оттѣсненіи его къ Парижу. 18-го марта—въ штурмѣ парижскихъ предмѣстій Роменвиль и Пантенъ, окончившемся взятіемъ гор. Парижа.

За подвиги въ бояхъ 1812, 1813 и 1814 годовъ и особенно въ сраженіи подъ г. Лейпцигомъ 4-го октября 1813 года Тенгинскому пѣхотному полку Высочайше пожалованъ былъ «*Гренадерскій барабанный бой*» (нынѣ походъ за военное отличіе). Всѣ офицеры и солдаты получили серебряную медаль «*за взятіе гор. Парижа въ 1814 году*».

1815 г.

Тенгинскій полкъ возвратился изъ Франціи въ Россію.

1818 г.

28-го февраля Императоръ Александръ I пожаловалъ двумъ дѣйствующимъ баталіонамъ Тенгинскаго полка новыя знамена, которыя оставались въ полку до 1850 года, когда были опять замѣнены новыми.

1819 г.

Указомъ Императора Александра I отъ 19-го апрѣля Тенгинскій полкъ былъ передвинутъ на Кавказъ, куда выступилъ 25-го апрѣля и прибылъ въ кр. Георгіевскую 30-го августа того же года. Штабъ-квартира Тенгинскому полку назначена была въ кр. Константиногорской и Кисловодской. По прибытіи сюда онъ былъ укомплектованъ личнымъ составомъ Суздальскаго пѣхотнаго полка и принялъ трехбаталіонный составъ. Кадръ Суздальскаго пѣхотнаго полка въ томъ же году выступилъ въ Россію.

1820 г.

Съ 7-го по 14-е марта Тенгинскій полкъ (двѣ роты) совершили свою первую на Кавказѣ экспедицію въ Чечню, подъ начальствомъ полковника Грекова 1-го.

XVII

1822—1825 гг.

Въ эти четыре года Тенгинскій полкъ принималъ участіе въ экспедиціяхъ: въ Кабарду къ вершинамъ Баксанскихъ горъ, подъ начальствомъ генералъ-отъ-инфантеріи Ермолова, и за р. Кубань въ земли абадзеховъ, подъ начальствомъ ген. Вельяминова.

1827—1829 гг.

21-го мая, по случаю начавшейся войны съ Персіею, Тенгинскій полкъ выступилъ съ Кавказа въ г. Старую Шемаху Ширванскаго ханства, куда прибылъ 11-го іюля. 12-го іюля 1-й баталіонъ Тенгинскаго полка выступилъ къ м. Сальяны для преслѣдованія скопища персіянъ. 25-го іюля имѣлъ стычку съ персіянами въ Муганской степи. 17-го ноября 1827 года весь полкъ совершилъ движеніе къ персидской крѣпости Ардебиль и занялъ ее. Въ началѣ 1830 года возвратился обратно на Кубань.

1830—1833 гг.

Тенгинскій полкъ совершилъ экспедиціи за Кубань, подъ начальствомъ главнокомандующаго графа Паскевича-Эриванскаго, генералъ-отъ-кавалеріи Емануеля и генералъ-маіора Фролова.

1834 г.

21-го марта 3-й баталіонъ Тенгинскаго полка отчисленъ на составленіе Кавказскаго линейнаго № 3 баталіона, а къ полку присоединены 1-й и 2-й баталіоны упраздненнаго Крымскаго пѣхотнаго и 2-й баталіонъ упраздненнаго Козловскаго пѣхотнаго полковъ, и полкъ переформированъ въ пятибаталіонный составъ: 1-й и 2-й баталіоны остались прежніе своего полка, 3-й и 4-й баталіоны составились изъ 1-го и 2-го баталіоновъ Крымскаго полка; а 5-й резервный изъ 2-го баталіона Козловскаго полка.

1834—1836 гг.

Въ эти три года Тенгинскій полкъ совершилъ нѣсколько экспедицій за Кубань для усмиренія безпокойныхъ горцевъ, проведенія дороги отъ Ольгинскаго тетъ-де-пона къ Геленджику и устройства укрѣпленій Абинскаго и Николаевскаго.

XVIII

1837—1840 гг.

Въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ участвовалъ въ непрерывныхъ экспедиціяхъ для устройства черноморской береговой линіи, конвоировалъ транспорты отъ Ольгинскаго къ Абинскому укрѣпленію и занималъ отдѣльными ротами береговыя укрѣпленія, которыя мужественно оборонялъ отъ нападенія горцевъ: 2-я гренадерская рота—въ фортѣ Раевскомъ; 3-я гренадерская—въ укр. Новороссійскомъ; 7-я мушкетерская—въ фортѣ Головинскомъ; 8-я мушкетерская—въ укр. Тенгинскомъ; 9-я мушкетерская—въ укр. Михайловскомъ; 4-я мушкетерская—въ фортѣ Лазаревскомъ и 10-я мушкетерская—въ укр. Абинскомъ.

1840 г.

22-го марта гарнизонъ Михайловскаго укрѣпленія, чтобы не сдаться живымъ въ руки 12-ти-тысячному скопищу горцевъ, поднялъ себя на воздухъ. Взрывъ совершилъ рядовой 9-й мушкетерской роты Тенгинскаго полка *Архипъ Осиповъ*.

1841 г.

Тенгинскій полкъ въ полномъ составѣ участвовалъ въ экспедиціи въ земли непокорныхъ убыховъ, къ укр. Св. Духа. 14-го іюня сформированъ 6-й резервный баталіонъ Тенгинскаго полка, вошедшій въ составъ резервной дивизіи отд. кавк. корпуса.

1842—1845 гг.

За эти четыре года Тенгинскій полкъ участвовалъ въ постоянныхъ экспедиціяхъ за Кубань и устраивалъ станицы и укрѣпленія по лабинской линіи.

1846 г.

18-го апрѣля 4-й баталіонъ Тенгинскаго полка, подъ начальствомъ полковника того же полка Левковича, выдержалъ жаркій и мужественный бой съ 5-ти-тысячнымъ скопищемъ Шамиля на переправѣ черезъ рѣку Терекъ, возлѣ ст. Урухской. 15-го мая весь Тенгинскій полкъ перешелъ изъ Черноморіи въ Нальчикъ, а въ 1847 году—во Владикавказъ.

XIX

1846—1859 гг.

Со времени прибытія на лѣвый флангъ Тенгинскій полкъ каждый годъ принималъ участіе въ лѣтнихъ и зимнихъ экспедиціяхъ противъ Шамиля и его сподвижниковъ Хаджи-Мурата, Даніель-бека и другихъ, въ Большой и Малой Чечнѣ и на Кубани, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Фрейтага, генералъ-маіоровъ: барона Вревскаго, Слѣпцова, Козловскаго, Нестерова, кн. Барятинскаго и Евдокимова; полковниковъ: Бакланова, Веревкина, Кемпферта и Баженова.

1854—1855 гг.

Съ 22-го апрѣля 1854 г. по 29-е декабря 1855 года 1-й, 4-й и 5-й баталіоны были двинуты въ Закавказье для занятія лезгинской кордонной линіи. 29-го декабря 1855 года 4-й и 5-й баталіоны выступили къ Кутаису въ составъ гурійскаго отряда, а 1-й баталіонъ остался въ Тифлисѣ. 5-го августа 1856 года всѣ баталіоны возвратились обратно во Владикавказъ.

1856 г.

9-го февраля изъ лучшихъ стрѣлковъ сформированы для каждаго баталіона стрѣлковыя роты.

1859 г.

Съ 1-го января Тенгинскій полкъ, въ составѣ главнаго чеченскаго отряда, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Евдокимова, генералъ-маіора Кемпферта и командира полка полковника Баженова, принималъ участіе въ постепенной осадѣ укрѣпленія Ведень и въ геройскомъ штурмѣ его 1-го апрѣля.

1860 г.

18-го февраля 1-му баталіону Тенгинскаго полка пожаловано *Георгіевское знамя* съ надписью: «*за отличіе при взятіи штурмомъ Андійскаго редута 1-го апрѣля 1859 года*». Всѣмъ же четыремъ баталіонамъ пожалованы знаки на шапкахъ съ надписью: «*за покореніе Чечни въ 1857, 1858 и 1859 годахъ*».

1862 г.

6-го сентября 3-й баталіонъ Тенгинскаго полка упраздненъ, 5-й названъ 3-мъ, а 6-й резервный—5-мъ резервнымъ.

1863 г.

6-го ноября 5-й резервный баталіонъ поступилъ на составленіе Имеретинскаго пѣхотнаго полка.

1864 г.

25-го марта полкъ названъ ***77 пѣхотнымъ Тенгинскимъ.***

1868 г.

19-го іюня названъ ***77 пѣхотнымъ Тенгинскимъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексія Александровича.***

1874 г.

1-го августа 4-й баталіонъ поступилъ на составленіе 163-го пѣхотнаго Ленкоранскаго полка, а изъ стрѣлковыхъ ротъ сформированъ новый 4-й баталіонъ.

1877 г.

Съ февраля мѣсяца по октябрь Тенгинскій полкъ принималъ участіе въ подавленіи возстанія въ Чечнѣ.

1879 г.

6-го января 1-му, 3-му и 4-му баталіонамъ Тенгинскаго полка пожалованы были *Георгіевскія трубы* съ надписью: «*за умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области въ 1877 году*».

1894 г.

17-го августа Тенгинскій полкъ выступилъ изъ г. Владикавказа на новую стоянку въ Закавказьѣ г. Ахалцыхъ.

1900 г.

25-го іюня 77-му пѣхотному Тенгинскому полку, по случаю его двухсотлѣтняго служенія Царю и Отечеству, Высочайше пожаловано *Георгіевское знамя* и юбилейныя *Александровскія ленты* съ надписью: «*за оборону крѣпости Баязета 20-го и 21-го іюня 1829 года и за отличіе при взятіи штурмомъ Андійскаго редута 1-го апрѣля 1859 года*».

Глава I.

Необходимость усиленія грузинскаго корпуса. Указъ Императора Александра I. Собственноручная записка Ермолова о слитіи полковъ. Передвиженіе Тенгинскаго полка на сѣверный Кавказъ. Прибытіе въ Георгіевскъ. Полковники Оранскій и Максимовичъ. Недоразумѣнія по сдачѣ полка. Приказъ по полку. Списокъ коренныхъ тенгинцевъ. Описаніе театра военныхъ дѣйствій. Наша оборонительная линія. Устройство станицъ, постовъ, землянокъ, столбянокъ и штабъ-квартиръ. Горскіе народы сѣвернаго Кавказа. Ихъ образъ дѣйствій. Бытъ офицеровъ и солдатъ полка. Строевое образованіе. Учебныя команды. Санитарныя условія. Казенныя работы. Участье тенгинцевъ въ устройствѣ минеральныхъ водъ.

Въ 1819 году Тенгинскій пѣхотный полкъ, едва успѣвшій отдохнуть отъ цѣлаго ряда утомительныхъ кампаній 1812—15 годовъ, былъ передвинутъ въ числѣ 10-ти другихъ полковъ на новый театръ военныхъ дѣйствій—на Кавказъ. Передвиженіе это было вызвано необходимостью существеннымъ образомъ усилить численный составъ кавказскихъ войскъ, некомплектъ которыхъ, вслѣдствіе боевой убыли и смертности отъ болѣзней, достигалъ громадной цифры—27-ми тысячъ.

Ко времени вступленія полка въ составъ отдѣльнаго грузинскаго корпуса, т. е. къ 1819 г., владѣнія Россіи на Кавказѣ простирались отъ береговъ Каспійскаго и Чернаго морей до Кубани и Терека, гдѣ и расположены были наши пограничные посты, охранявшіе южныя губерніи отъ хищническихъ набѣговъ горцевъ, жившихъ къ югу отъ названной черты. Узкая полоса военно-грузинской дороги, идущая долинами верхнихъ Терека и Арагвы, соединяла кавказскую линію съ закавказскими владѣніями Россіи, гдѣ намъ принадлежали Грузія, въ 1801 году принявшая русское подданство, и, затѣмъ, присоединенныя трактатомъ 12-го октября 1813 года персидскія ханства: Карабахское, Шушинское, Нухинское, Ширванское, Ганжинское (переименованное въ Елисаветпольскую провинцію), Дербентское, Кубинское, Бакинское и Талышинское, а также весь Дагестанъ.

На западѣ границы наши непосредственно соприкасались съ турецкими владѣніями: Ахалцыхскою провинціею и всѣмъ восточнымъ побережьемъ Чернаго моря *). Главнымъ начальникомъ кавказскаго края въ то время былъ знаменитый герой отечественной войны, генералъ-лейтенантъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, который, съ первыхъ же моментовъ своего прибытія на Кавказъ, (въ концѣ 1817 года), пришелъ къ весьма неутѣшительнымъ выводамъ относительно общаго положенія нашихъ дѣлъ.

Въ новыхъ владѣніяхъ наша власть еще далеко не утвердилась, произволъ царилъ всюду; жалобамъ на злоупотребленія не было конца; безпрерывные грабежи и разбои сильно препятствовали мирнымъ занятіямъ нашихъ первыхъ русскихъ поселеній по кавказской линіи. Политику своихъ предшественниковъ, относительно представителей разныхъ ханствъ и горскихъ племенъ, генералъ Ермоловъ не только не раздѣлялъ, но и считалъ ее въ корнѣ вредною. Практиковавшаяся до сихъ поръ система подкуповъ и задабриваній, а также заключеніе всевозможныхъ мирныхъ трактатовъ и письменныхъ условій не только не сдерживали горцевъ отъ вторженія въ наши границы, но и порождали въ нихъ обратное—алчность и «стремленіе набѣгами вынудить Россію платить имъ дань». Генералъ Ермоловъ писалъ Государю Императору **), что съ этимъ населеніемъ, привыкшимъ вѣками къ разбоямъ и насильямъ, нужно рѣшать вопросы силою и слѣдовало поэтому перемѣнить образъ дѣйствій, начавъ «постепенную атаку кавказскихъ горъ. Кавказъ—это огромная крѣпость: надобно штурмовать ее или овладѣть траншеями. Штурмъ будетъ стоить дорого и успѣхъ невѣренъ, такъ обложимъ же ее».

Такимъ образомъ, необходимо было измѣнить всю систему дѣйствій на Кавказѣ, но съ тѣми незначительными силами, которыя были въ то время въ распоряженіи Ермолова, ничего нельзя было сдѣлать. Ихъ едва хватало на пассивную охранительную

*) Дубровинъ. «А. П. Ермоловъ на Кавказѣ» Воен. Сбор. 1882 г. № 2, стр. 205.

**) Письмо отъ 22-го февраля 1819 г. Приложеніе къ запискамъ Ермолова, Дубровинъ. «Алексѣй Петровичъ Ермоловъ на Кавказѣ» Воен. Сборн. 1882 г. № 4. Потто. «Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ», II, вып. 1-ый.

службу. Войска, уменьшенныя почти вдвое значительною смертностью, едва могли содержать кордонные посты, конвоировать транспорты и сопровождать оказіи *). Неоднократныя просьбы Ермолова объ усиленіи грузинскаго корпуса вызвали, наконецъ, Высочайшій указъ Александра I отъ 19-го апрѣля 1819 года, приводимый здѣсь въ извлеченіи.

. . . «Я могу временно выслать подъ начальство Ваше десять полковъ пѣхоты съ тѣмъ предположеніемъ, чтобы ими укомплектовать единожды надежнымъ образомъ Грузинскій корпусъ, чего присылкою рекрутъ никогда не достигалось, ибо, отъ столь дальняго перехода и непривычки переносить трудности, потеря въ оныхъ была всякій разъ весьма чувствительна. Укомплектованіе сіе Я нахожу нужнымъ привести на слѣдующемъ основаніи: число полковъ, составляющихъ Грузинскій корпусъ, оставить прежнее, т. е. 8 пѣхотныхъ, 4 егерскихъ, 2 гренадерскихъ и 1 карабинерный, итого 15 полковъ.

Каждый изъ сихъ полковъ предписываю привести въ 3900 человѣкъ, разумѣя 300 унтеръ-офицеровъ и 3600 рядовыхъ; каждый же баталіонъ будетъ состоять изъ 100 унтеръ-офицеровъ и 1200 рядовыхъ. Если по сему числу людей Вы найдете нужнымъ прибавить и число офицеровъ, то дозволяется Вамъ на каждую роту прибавить по одному, что составитъ на полкъ прибавки 12 офицеровъ; штабъ-офицеровъ положенное число, по 7-ми на полкъ, нахожу Я достаточнымъ...

По постепенному укомплектованію полковъ, долженствующихъ оставаться въ Грузіи и на линіи, дабы избѣгнуть второй путь тѣмъ же войскамъ, предписываю Вамъ прислать назадъ кадры слѣдующихъ полковъ: Севастопольскаго, Троицкаго, Суздальскаго, Вологодскаго, Казанскаго, Бѣлевскаго, 8-го, 9-го, 15-го, 16-го и 17-го Егерскихъ. Изъ оныхъ предоставляю Вамъ перевесть въ корпусъ, Вамъ вѣренный, всѣхъ тѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, коихъ служба и опытность признана будетъ Вами полезнымъ въ Грузіи и на линіи. Вы пришлите имъ списки съ обозначеніемъ, въ которые полки будутъ Вами переведены. Симъ же самымъ образомъ Вы укомплектуете по лишнему офицеру въ роту. Полки Апшеронскій, Ширванскій, Куринскій, Тифлисскій, 41-й и 42-й Егерскіе должны составить 20-ю дивизію. Полки же Кабардинскій, Тенгинскій, Навагинскій, Мингрельскій, 43-й и 45-й Егерскіе—19-ю.

Сими распоряженіями Вы будете имѣть средство единожды навсегда устроить превосходнымъ образомъ Грузинскій корпусъ въ надлежащую силу».

Таковы были причины, вызвавшія переходъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка на Кавказъ.

*) На Кавказѣ въ то время числилось: 58 бат. пѣх., 1 драгун., 9 донск. казачьихъ полковъ и 120 орудій; изъ этого числа 39 бат. и 50 орудій находились въ Закавказьѣ, остальные охраняли кавказскую линію. Янжулъ. «80 лѣтъ боевой и мирной жизни 20 артиллер. бригады».

Въ началѣ апрѣля 1819 года командиръ полка полковникъ Оранскій получилъ приказаніе готовиться къ новому и дальнему передвиженію, а 25-го числа тенгинцы тремя эшелонами, по баталіонно, уже выступили налегкахъ, оставивъ все свое имущество и тяжелый обозъ въ г. Велижѣ, Витебской губерніи.

Путь былъ не изъ легкихъ. Вначалѣ движеніе затруднялось весенней распутицей въ средней полосѣ Россіи, а затѣмъ, когда эшелоны достигли маловодныхъ донскихъ степей, настали удушающія жары. 14-го августа полкъ, наконецъ, вступилъ въ Кавказскую область, въ крѣпость Донскую, на бывшей азовско-моздокской линіи, а еще черезъ двѣ недѣли былъ почти у цѣли похода. 29-го числа баталіоны подтянулись и 30-го подошли къ Георгіевску, у воротъ котораго были радушно встрѣчены новымъ начальникомъ 19-й пѣхотной дивизіи г.-м. Сталемъ 2-мъ, поздравившимъ людей съ прибытіемъ на Кавказъ и выразившимъ увѣренность, что они въ борьбѣ съ горскими народами съ такою же славою будутъ поддерживать честь своихъ знаменъ, какъ и въ достопамятные дни отечественной войны и кампаній 1813 и 1814 годовъ. Объѣхавъ фронтъ генералъ Сталь долго любовался мужественнымъ видомъ загорѣлыхъ солдатъ, большинство которыхъ было украшено георгіевскими крестами; у нѣкоторыхъ виднѣлись шрамы на лицѣ,—воспоминанія о Прейсишъ-Эйлау, Фридландѣ, Лейпцигѣ, Парижѣ *).

Полкъ временно былъ распредѣленъ въ Георгіевскѣ и окрестныхъ селеніяхъ по квартирамъ и немедленно было приступлено къ сліянію его съ Суздальскимъ полкомъ.

Еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ генералъ Ермоловъ предписалъ начальникамъ кавказскихъ дивизій произвесть инспекторскіе смотры въ полкахъ (Прил. I), съ цѣлью точно опредѣлить число неспособныхъ продолжать полевую службу; затѣмъ рекруты послѣдняго набора были распредѣлены по полкамъ и, такимъ образомъ, точно выяснилось, сколько людей необходимо было допол-

---

*) Изъ годовыхъ рапортовъ Тенгинскаго полка за 1819 г. видно, что большинство ранъ, полученныхъ нижними чинами въ помянутыхъ сраженіяхъ, относились къ разряду штыковыхъ и сабельныхъ.

нить по новому штату. Къ предписанію приложена была слѣдующая таблица о комплектованіи 19-й пѣхотной дивизіи *).

Изъ Тенгинскаго полка въ Суздальскій:

2-го баталіона. . . . . весь
3-го баталіона. . . . . 3 роты
1-го баталіона сколько нужно на дополненіе по новому комплекту. Остальные затѣмъ сего баталіона люди въ Казанскій полкъ.
1-я и 3-я гренадерскія роты въ Херсонскій гренадерскій полкъ.

} «Суздальскій полкъ комплектуется немедленно и принимаетъ именованіе Тенгинскаго полка».

И т. д. (Прил. II).

Тоже самое было сказано и относительно другихъ полковъ дивизіи.

По приходѣ полка распредѣленіе людей произведено было по слѣдующей таблицѣ:

		Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Унтеръ-офицеровъ.	Рядовыхъ.	Нестроевыхъ.
Изъ прибывшаго изъ Россіи Тенгинскаго полка, въ составѣ: 7 шт., 51 оберъ-офиц. и 1879 строевыхъ оставлено.		1	17	129	1348	Относительно нестроевыхъ свѣдѣній не имѣется.
Переведено въ Тенгинскій полкъ	изъ Суздальскаго. . .	7	48	171	2252	
	изъ другихъ полковъ.	1	2	—	—	
	Итого.	9	67	300	3600	
Переведено изъ Тенгинскаго полка	въ кадръ Суздальскаго полка.	5	25	14 фельдфельныхъ	дф. и рот-капитен.	Съ офицерами переведена и состоящая при нихъ казенная прислуга.
	въ другіе полки. . . .	1	9	34	344	
	Итого.	6	34	58	344	

Изъ этой таблицы видно, что во вновь укомплектованномъ Тенгинскомъ полку состояло: 72,5% офицеровъ Суздальскаго, 23,6% Тенгинскаго и 3,9% другихъ полковъ; строевыхъ нижнихъ чиновъ: Тенгинскаго 37,9%, Суздальскаго 62,19%.

Распоряженіемъ генерала Ермолова почти всѣ офицеры, пришедшіе въ общемъ составѣ полковъ, должны были возвратиться

---

*) Въ дѣлѣ № 6960 за 1819 годъ, архива управленія Владикавказской мѣстной бригады, имѣется собственноручное расписаніе Ермолова съ его помѣтками; архивъ Кавказскаго воен. округа. Исходящій секретный журналъ за 1819 годъ. Газетти «Хроника Кавказскихъ войскъ». Впослѣдствіи объ этомъ былъ отданъ приказъ по отдѣльному грузинскому корпусу отъ 4-го ноября 1819 года за № 37.

въ Россію съ кадрами. Сдѣлано было это, очевидно, въ томъ расчетѣ, чтобы кавказскія войска не потеряли офицеровъ уже знакомыхъ съ особенностями веденія горной войны и нравами противника. Генералъ Ермоловъ этимъ особенно дорожилъ. Тѣмъ не менѣе 18-ти кореннымъ офицерамъ выпало на долю остаться въ полку и, такимъ образомъ, передать въ потомствѣ основныя традиціи и боевыя преданія тенгинцевъ. Вотъ ихъ имена: маіоръ Принцъ, капитанъ Кашутинъ, штабсъ-капитанъ Алехинъ, поручики—Шликевичъ, Машоновъ, Сорневъ, Никшичъ, подпоручики—Купринъ, Нейманъ, Круль, Машевскій, Квятковскій, Карякинъ, Баукеевъ, прапорщики—Кирьяцкій, Акатьевъ, Сабунаевъ и Заіончковскій *). Командиръ пришедшаго на Кавказъ Тенгинскаго полка полковникъ Оранскій возвратился съ кадрами въ Россію, а вновь сформированный Тенгинскій полкъ принялъ полковникъ Максимовичъ, бывшій до того командиромъ Суздальскаго полка. Высочайшаго приказа о переводѣ офицеровъ обоихъ полковъ не было отдано, отчего и произошла невыразимая путаница.

Нижніе чины Суздальскаго полка долго не могли свыкнуться съ мыслью, что они теперь тенгинцы, да оно и понятно: полковой командиръ остался тотъ же, тѣ же должностныя лица сидѣли на своихъ мѣстахъ и по прежнему отправляли свои служебныя обязанности. Еще долго въ полку одни именовали себя суздальцами, другіе тенгинцами и только время могло постепенно сгладить эту рознь.

Какая судьба постигла все имущество тенгинцевъ, которое было оставлено въ гор. Велижѣ, выяснить не удалось; извѣстно только, что ротные образа и образныя суммы, согласно предписанію Ермолова отъ 9-го ноября 1819 года, переданы были полковнику Максимовичу «по уваженію тому, какъ говорилось въ предписаніи, что почти всѣ люди бывшаго Тенгинскаго полка поступили во ввѣренный вамъ полкъ» Но такъ какъ иконы украшались окладами изъ общихъ образныхъ суммъ, то возвратив-

*) О маіорѣ Принцѣ, капитанѣ Кашутинѣ, шт.-капитанѣ Алехинѣ, полковникѣ Максимовичѣ въ приказѣ по Суздальскому полку отъ 21-го октября 1819 года не упоминается, такъ какъ названные офицеры прибыли изъ командировокъ гораздо позже.

шимся людямъ обратно въ Россію выданы были деньги согласно стоимости образовъ.

Какъ не проста была сама по себѣ передача людей изъ одного полка въ другой, но она, начатая 4-го сентября, затянулась слишкомъ на два мѣсяца, вслѣдствіе пререканій, возникшихъ между двумя командирами по поводу выдачи другъ другу сдаточныхъ квитанцій. Полковникъ Максимовичъ предъявлялъ чрезмѣрныя требованія при пріемѣ оружія, патроновъ, амуниціи, накладывая на все браковку и безпрестанно намекая въ перепискѣ, что слѣдовало бы позаботиться о присылкѣ «ремонта». Но справедливо ли было требовать полной исправности отъ разнокалиберныхъ ружей, собранныхъ на полѣ сраженія, которыми былъ вооруженъ весь Тенгинскій полкъ, или взвѣшивать каждый боевой патронъ, когда послѣдніе не передѣлывались въ полку съ 1815 года и не по винѣ полкового командира? Не безъ того, конечно, чтобы къ этимъ недоразумѣніямъ не примѣшивалось и уязвленное самолюбіе полковника Оранскаго, которому обидно было, что ему, герою Баръ-Сюръ-Оба *), мечтавшему стяжать лавры и въ нѣдрахъ кавказскихъ горъ, приходилось теперь сдавать полкъ и самому съ кадромъ возвращаться обратно въ Россію **). Отношенія наконецъ до того обострились, что начальникъ дивизіи вынужденъ былъ вмѣшаться въ это дѣло и предписалъ Максимовичу выдать сдаточныя квитанціи, «не дѣлая перекоровъ, невмѣстныхъ по службѣ и не дѣлающихъ честь не только званію командира полка, но и всякому офицеру, который затѣялъ бы оное» ***).

Но къ 20-му октября изъ Суздальскаго полка былъ окон-

*) За это сраженіе онъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени.

**) «Увѣдомляю, писалъ въ одномъ изъ отношеній полковн. Оранскій, что я не есть столь подчиненъ, чтобы могъ быть тотчасъ готовъ на всѣ ваши (полковника Максимовича) прихоти; я тоже есть командиръ полка довольное время и былъ счастливъ всегда быть готовымъ на всѣ неожиданныя случайности. Я находился съ полкомъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ долженъ былъ почасту предстaвляться главнокомандующимъ и даже лицезрѣть самого Монарха и доказывать предъ высокими лицами не на бумагѣ, ни обѣщаніями, а на самомъ дѣлѣ мое усердіе». Полковникъ Оранскій въ 1826 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ командиромъ 3-й бригады 22-й пѣх. дивизіи; съ 1830 г. состоялъ комендантомъ Владикавказской крѣпости; въ 1834 году назначенъ начальникомъ Ахалцыхскаго пашалыка, въ каковой должности состоялъ до 1837 года, когда за болѣзнею и ранами былъ уволенъ отъ службы.

***) Полковой архивъ. Исходящій журналъ за 1819 г. дѣло № 4.

чательно выдѣленъ кадръ, пріемъ и сдача людей были, наконецъ, окончены и полки съ подобающимъ торжествомъ обмѣнялись знаменами. На слѣдующій день, по Суздальскому полку былъ отданъ слѣдующій приказъ *), закрѣпившій собою одинъ изъ важнѣйшихъ актовъ жизни полка.

Согласно предписаніямъ дивизіоннаго командира, господина генералъ-маіора и кавалера Сталя 2-го, послѣдовавшимъ ко мнѣ, вслѣдствіе таковаго-жъ къ нему корпуснаго командира, гослодина генерала-отъ-инфантеріи и кавалера Ермолова, основаннаго на высочайшей волѣ Государя Императора, назначенные къ переводу и принятые мною въ соединеніе со ввѣреннымъ мнѣ полкомъ изъ таковаго-жъ Тенгинскаго пѣхотнаго, господа оберъ-офицеры и нижніе чины, всего поручиковъ 5, подпоручиковъ 5, прапорщиковъ 5, подпрапорщиковъ 21, капенармусовъ 7, унтеръ-офицеровъ 129, флейтщикъ 1, барабанщиковъ 10 и рядовыхъ—1348 человѣкъ, по прилагаемому у сего списку, во означенныя по оному роты, первые, т. е. оберъ-офицеры, впредь до составленія о переводѣ ихъ Высочайшихъ приказовъ, прикомандировываются, а послѣдніе зачисляются уже въ списочное состояніе по настоящему, а какъ изъ числа послѣднихъ въ продолженіи пріема ихъ два унтеръ-офицера, 1 барабанщикъ и 28 рядовыхъ отъ болѣзни въ Георгіевскомъ военномъ госпиталѣ и въ полковомъ лазаретѣ разновременно померли, то оные, съ поименованіемъ въ особомъ спискѣ, безъ расписанія уже по ротамъ, симъ же изъ полка и выключаются. Сверхъ того, у сего-жъ прилагая списокъ 3-мъ оберъ-офицерамъ, 12-ти унтеръ-офицерамъ и 96-ти рядовымъ ввѣреннаго мнѣ полка, поступившимъ въ составъ кадра Суздальскаго полка, изъ коихъ оберъ-офицеры только назначены еще къ переводу въ оную, а нижніе чины, какъ уже совершенно сданы въ вѣдѣніе г. полковника Оранскаго, то предписываю первыхъв предь до составленія о переводѣ ихъ Высочайшихъ приказовъ показывать находящимися при той кадрѣ прикомандированными, а послѣднихъ изъ списочнаго состоянія выключить по настоящему.

Послѣ того, на основаніи вышеупомянутыхъ предписаній, полкъ мнѣ ввѣренный, какъ знамена его поступили въ Суздальскую кадру, а имъ принятыя таковыя изъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка, то съ тѣмъ вмѣстѣ принялъ уже и названіе вмѣсто Суздальскаго—Тенгинскій, о чемъ объявляя гг. штабъ и оберъ-офицерамъ и всѣмъ нижнимъ чинамъ, предписываю съ сего числа именоваться уже во всѣхъ отношеніяхъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка;

*) Приказы по Суздальскому полку за 1819 г. дѣло № 238. При изысканіи матеріаловъ для исторіи Тенгинскаго полка въ архивѣ Кубанскаго казачьяго войска—въ гор. Екатеринодарѣ, былъ найденъ остатокъ архива Суздальскаго полка съ 1788 по 1819 годъ въ количествѣ 253 дѣлъ; въ началѣ 1898 года этотъ архивъ былъ перевезенъ въ гор. Тифлисъ и теперь хранится въ Военно-Историческомъ отдѣлѣ при штабѣ Кавказскаго военнаго округа.

при чемъ въ дополненіе къ вышепрописанному даю знать, что полкъ мнѣ ввѣренный, вмѣстѣ съ переименованіемъ его, увеличивается и штатнымъ положеніемъ чиновъ, съ назначеніемъ имѣть въ составѣ своемъ (вмѣсто прежняго числа),—оберъ-офицеровъ 60, унтеръ-офицеровъ 300, а рядовыхъ 3600, почему и предписываю ротамъ полагать уже въ каждой изъ нихъ штатное число оберъ-офицеровъ 5, исключая должностныхъ, унтеръ-офицеровъ 25, а рядовыхъ 300 человѣкъ.

Людей, изъ числа вновь причисленныхъ, подъ которыми сдѣланы отмѣтки о мѣстахъ ихъ нахожденія, впредь до прибытія ихъ къ полку, показывать въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ они отмѣчены.

1-я же и 3-я гренадерскія роты, въ составѣ 6-ти оберъ, 34-хъ унтеръ-офицеровъ, 12-ти музыкантовъ и 344 рядовыхъ, напутствуемыя благословеніемъ священника и добрыми пожеланіями товарищей, 5-го сентября выступили по военно-грузинской дорогѣ въ городъ Тифлисъ на укомплектованіе Херсонскаго гренадерскаго полка.

—

Театромъ военныхъ дѣйствій, гдѣ предстояло подвизаться нашему полку, былъ правый флангъ кавказской линіи; оборонительная черта тянулась по теченію р. Кубани отъ каменнаго моста, переброшеннаго у ея верховья, до устья рѣки Лабы, откуда начиналась уже черноморская кордонная линія. Рѣка Кубань или Пшизъ, что означаетъ на языкѣ черкесовъ «князь рѣкъ», начинаясь небольшимъ источникомъ у подошвы горы Эльбрусъ, скоро обращается, отъ массы сливающихся здѣсь съ сосѣднихъ вершинъ ручьевъ, въ бурный потокъ, прорѣзывающій себѣ глубокое русло черезъ цѣпь Черныхъ горъ. До каменной башни рѣка, при ширинѣ не болѣе 20-ти саженъ и глубинѣ въ $4^1/_2$ фута, течетъ по дну весьма дикаго и угрюмаго ущелья, сплошь покрытаго дремучимъ сосновымъ лѣсомъ. Миновавъ немного Верхне-Николаевскую станицу, Кубань съ оглушительнымъ ревомъ вырывается на низменность черезъ скалистые утесы, которые здѣсь почти сходятся между собою, образуя весьма надежные каменные устои для моста, переброшеннаго въ этомъ мѣстѣ черезъ рѣку. Прорвавшись на плоскость, Кубань, какъ бы утомленная бѣшенной скачкой по скаламъ, мѣрно катитъ свои мутныя вол-

ны сперва съ юга на сѣверъ, потомъ, поворотивъ почти подъ прямымъ угломъ на западъ, направляется къ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, образуя при впаденіи обширную и болотистую дельту. Ширина рѣки отъ укрѣпленія Каменнаго-моста до устья колеблется между 60—100 саж., при весьма измѣнчивой глубинѣ. Кубань, по выходѣ на плоскость, начинаетъ отлагать песокъ, образуя множество острововъ, мелей и бродовъ, весьма удобныхъ для переправы; во время же полноводій, бывающихъ весною, лѣтомъ и осенью, сообщеніе съ противоположнымъ берегомъ становится возможнымъ лишь при помощи искуственныхъ средствъ. Изъ лѣвыхъ притоковъ Кубани наиболѣе замѣчательными были Большой и Малый Зеленчуки, Урупъ, Лаба и Бѣлая, названія которыхъ тѣсно связаны со всѣми набѣгами нашихъ войскъ въ землю непокорныхъ закубанскихъ народовъ.

На правомъ флангѣ кавказской линіи мы въ то время обладали слѣдующими средствами обороны противъ набѣговъ многочисленныхъ горскихъ племенъ, жившихъ по ту сторону Кубани. Прежде всего само мѣстное населеніе, состоящее изъ кубанскихъ и кавказскихъ казаковъ, привлечено было къ охраненію своихъ собственныхъ станицъ и земель. Но главную силу обороны линіи составляли дѣйствующія войска, соединявшіяся въ отряды, какъ для защиты разныхъ пунктовъ, такъ и для движенія въ земли враждебныхъ намъ племенъ. Помимо всего этого, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ построены были крѣпости и укрѣпленія, прикрывавшія болѣе важные склады боевыхъ и жизненныхъ припасовъ, служа въ тоже самое время опорными пунктами для нашихъ отрядовъ.

Станицы казаковъ, ближайшія къ Кубани, обнесены были валомъ съ колючками по гребню для болѣе надежнаго сопротивленія. По угламъ ихъ возвышались бастіоны, вооруженные двумя или тремя пушками. Чтобы тѣснымъ звеномъ связать между собою передовыя станицы, въ промежуткахъ между ними располагались, въ разстояніи 6—7 верстъ, посты на 5—50 человѣкъ каждый. Команда здѣсь помѣщалась въ саманной казармѣ

изъ двухъ комнатъ съ сѣнями, выстроенной посрединѣ двора, обнесеннаго кругомъ высокимъ заборомъ съ вышкою надъ воротами для часового. Близъ казармы находилась конюшня для казачьихъ лошадей, которыя почти цѣлыя сутки стояли осѣдланными. Посты раздѣлялись на кордонные и внутренніе; первые тянулись непосредственно по берегу Кубани и располагались въ мѣстахъ болѣе удобныхъ для переправы въ бродъ; послѣдніе же разбросаны были по самой землѣ казаковъ, составляя вторую оборонительную линію. Для лучшаго наблюденія за непріятелемъ и подаиія своевременно сигналовъ, между постами днемъ ставились пикеты изъ 2-хъ—3-хъ человѣкъ, на ночь же они замѣнялись выдвинутыми далеко впередъ въ малозамѣтныя мѣста секретами, которые и наблюдали за всѣми удобными для непріятеля проходами.

Весь кордонъ праваго фланга линіи, ради удобства обороны, раздѣлялся на двѣ части: первая, подъ управленіемъ г.-м. Дебу, шла отъ Изряднаго источника по Кубани до поста Бѣломечетскаго; вторая, подъ вѣдѣніемъ войска донского полковника Побѣднаго, шла отъ Бѣломечетскаго поста на Кубани до Бѣломечетскаго же поста на р. Малкѣ. Участокъ подраздѣлялся на 4 дистанціи, а эти послѣднія на 2—3 отдѣленія, подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ дистанціонныхъ и отдѣленныхъ начальниковъ. Всею кордонною линіею праваго фланга командовалъ начальникъ 19-й пѣхотной дивизіи г.-м. Сталь 2-й.

Передовую цѣпь обороны содержали донцы, такъ какъ поселенныхъ здѣсь двухъ линейныхъ казачьихъ полковъ—Кубанскаго и Кавказскаго—едва хватало для защиты ихъ же собственныхъ станицъ. Вторую линію охраны составляли регулярныя войска—пѣхотные полки Тенгинскій и Навагинскій.

Въ смыслѣ обороны крѣпость Константиногорская, гдѣ расположились 3-й баталіонъ и штабъ-квартира тенгинцевъ, почти ничѣмъ не отличалась отъ передовыхъ казачьихъ станицъ и также была обнесена земляным валомъ, съ глубокимъ рвомъ впереди и бастіонами по угламъ. Построенная еще въ 1780 году *), съ

*) Соч. Дебу. «О Кавказской линіи съ 1816—1826 гг.».

цѣлью наблюденія за горцами, жившими у подошвы горы Бештау, крѣпость эта къ 1819 году пришла въ полное разрушеніе и едва ли могла представлять серьезное препятствіе для непріятеля. Подъ помѣщеніе командира полка и офицеровъ имѣлось здѣсь четыре бревенчатыхъ дома, крытыхъ камышемъ, съ дощатыми поломъ и потолкомъ. Нижніе чины 2-хъ ротъ 3-го баталіона и мастеровые помѣщались въ семи казармахъ, каждая изъ двухъ большихъ комнатъ, раздѣленныхъ сѣнями *). Недалеко отъ дома командира полка находилась гауптвахта съ платформою, выстланною досками. Помѣщеніе для арестованныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ вырыто было въ землѣ и имѣло деревянныя стѣны и турлучный потолокъ, покрытый землею.

Посреди крѣпости стояло маленькое приземистое зданіе, ничѣмъ не отличавшееся отъ другихъ построекъ и только крестъ, водруженный надъ соломенною крышею, свидѣтельствовалъ, что здѣсь помѣщается полковая церковь. Внутренность ея не отличалась роскошью. Простой дубовый иконостасъ украшенъ былъ десятью иконами, писанными красками по полотну. На стѣнахъ висѣло семь образовъ, среди которыхъ обращалъ на себя вниманіе образъ св. священномученика Автонома, благословеніе генералиссимуса Суворова; на престолѣ красовалось пудовое серебряное Евангеліе, съ финифтьевыми евангелистами, усыпанное кругомъ камнями **). Вся церковная утварь не отличалась богатствомъ и въ большинствѣ случаевъ была мѣдная, посеребряная или позолоченная. Здѣсь, кстати, нужно замѣтить, что престольный праздникъ до 1819 года справлялся у насъ въ день св. Александра Невскаго 30-го августа; по соединеніи же тенгинцевъ съ суздальцами, храмовой праздникъ послѣднихъ перешелъ къ намъ и сталъ праздноваться 29-го іюня во имя святителей Петра и Павла. Подъ помѣщеніе канцеляріи и лазарета отведены были отдѣльныя зданія. Все же имущество полка и ротъ хранилось въ трехъ громадныхъ цейхгаузахъ. Унылый видъ представляла изъ себя штабъ-квартира тенгинцевъ съ ветхими, по-

*) Полковой архивъ, дѣло № 4 за 1820 г.
**) Полковой архивъ, бумаги по казначейской части за 1820 г., дѣло № 20.

косившимися постройками; отъ частыхъ и сильныхъ вѣтровъ камышевыя крыши мѣстами были раскрыты; потолки и полы, по донесенію командира полка, совершенно сгнили, печи требовали исправленія, стекла въ окнахъ всѣ почти были перебиты. Вѣтеръ свободно гулялъ по всѣмъ помѣщеніямъ, увеличивая число простудныхъ больныхъ. 1-й и 2-й баталіоны расположены были въ ставропольскомъ и георгіевскомъ уѣздахъ Кавказской губерніи. Чуть ли не лучшею стоянкою считалась здѣсь крѣпость св. Николая, гдѣ стояли штабъ 2-го баталіона и двѣ роты, но трудно было подыскать мѣсто болѣе нездоровое. Во время разлитія Кубани вода наполняла все укрѣпленіе и черезъ окна проникала въ жилища солдатъ. «Болѣзнь и смертность, пишетъ генералъ Ермоловъ въ своихъ запискахъ, превосходили вѣроятія» *).

Вообще не особенно привѣтливо встрѣчены были тенгинцы природой. Съ первыхъ же дней началась осенняя непогода, пошли дожди, наступили ранніе холода, что, конечно, отразилось на здоровьѣ людей и число больныхъ, напримѣръ, только въ трехъ ротахъ 3-го баталіона въ сентябрѣ быстро достигло 118-ти человѣкъ; по тѣснотѣ помѣщеній люди принуждены были большую часть дня и ночи проводить на дворѣ, не имѣя никакой подстилки, укрываясь изношенными, ветхими шинелями, не дававшими никакого тепла; временное отсутствіе въ ротахъ котловъ заставляло, кромѣ того, питаться однимъ хлѣбомъ или кашей, «по каковому случаю помянутые нижніе чины неизъяснимо должны быть подвержены скорби душевной и бремени болѣзней» **). Эта скорбь душевная, во времена безконечной долгой службы солдатъ, безъ какой бы то ни было надежды увидать когда нибудь родныя мѣста, принимала иногда тяжелыя формы психической болѣзни, извѣстной подъ именемъ «тоски по родинѣ». При маломальски безучастномъ отношеніи къ людямъ, болѣзнь эта разрѣшалась большею частью самоубійствомъ, преступленіемъ, побѣгомъ и т. п. Тенгинцамъ, пришедшимъ на чужбину и ставшимъ въ

*) Записки Ермолова, ч. II, стр. 42.

**) Рапортъ шт.-капитана Лыкова отъ 23-го сентября 1819 года. Полковой архивъ, исходящій журналъ за 1819 годъ, дѣло № 4.

совсѣмъ новыя и тяжелыя условія, пришлось, какъ увидимъ ниже, дать много жертвъ этой и другимъ болѣзнямъ.

При расквартированіи по станицамъ, казаки съ большою неохотою принимали солдатъ къ себѣ на постой, отводя имъ въ большинствѣ случаевъ какой либо сарай. Но нѣчто болѣе ужасное и гибельное для здоровья представляли изъ себя землянки, въ которыхъ жили нижніе чины на передовыхъ постахъ. Устройство ихъ было крайне незатѣйливое *). Въ землѣ вырывалась яма, длинною двѣнадцать, шириною въ $2^1/_3$ сажени и глубиною въ аршинъ; стѣны и потолки ея забирались плетнемъ; сверху все покрывалось камышемъ; свѣтъ въ это подземелье проникалъ черезъ 8 крошечныхъ оконъ. Внутри помѣщенія устроены были нары, въ углу же печь изъ дикаго камня, которая почти никогда не топилась, вслѣдствіе дороговизны дровъ и недостаточному количеству отпускаемыхъ отъ казны дровяныхъ денегъ. Испорченный воздухъ отъ присутствія большого количества людей и плохая вентиляція дѣлали пребываніе въ землянкѣ невыносимымъ. Особенно тяжело было во время ненастной погоды, когда все помѣщеніе наполнялось водою и липкою грязью, доходившими, по неимѣнію стока, почти до наръ. Широкая, открытая сверху канава, носившая громкое названіе «сѣней», соединяла землянку съ подобнаго же рода постройкою, гдѣ помѣщались кухня и маленькій цейхгаузъ. Офицеры наши на постахъ жили въ наружной «столбянкѣ» изъ турлука безъ пола, съ плетневымъ потолкомъ и покрытой сверху камышемъ по рѣшетнику.

Въ болѣе лучшихъ условіяхъ находились двѣ роты третьяго баталіона, расположенныя въ Кисловодскомъ укрѣпленіи. Нижніе чины размѣщались въ каменныхъ оборонительныхъ казармахъ; для офицеровъ имѣлись отдѣльные флигели. Укрѣпленіе это, построенное всего въ 1803 году, находилось какъ разъ въ узлѣ соединенія всѣхъ арбныхъ дорогъ, шедшихъ изъ Кабарды, и имѣло назначеніемъ прикрывать Кавказскія минеральныя воды отъ хищническихъ покушеній горцевъ. Пребываніе здѣсь во время курса лѣченія нѣкоторыхъ высокопоставлен-

*) Полковой архивъ, исходящій журналъ за 1820 годъ. Дѣло № 17.

ныхъ лицъ сдѣлало Кисловодское укрѣпленіе предметомъ особенныхъ заботъ кавказскаго начальства, которое прилагало всевозможныя старанія для приведенія всѣхъ построекъ въ укрѣпленіи въ надлежащій видъ, такъ какъ въ тѣ времена, за отсутствіемъ частныхъ построекъ, большинство больныхъ располагалось въ казармахъ и офицерскихъ флигеляхъ. Валъ укрѣпленія всегда находился въ исправности и охранялся со всѣхъ сторонъ часовыми.

Мѣстность въ раіонѣ расположенія нашего полка *) какъ нельзя лучше способствовала хищническимъ прорывамъ горцевъ. Хотя р. Кубань до Баталпашинска и течетъ весьма быстро и въ крутыхъ берегахъ, но незначительная ширина ея и крайне перссѣченная мѣстность лѣваго берега способствовали скрытному приближенію непріятеля къ нашимъ передовымъ постамъ. Отъ Баталпашинска до устья Урупа теченіе рѣки становится уже спокойнѣе, берега отложе, но правый командуетъ лѣвымъ и покрытъ большею частью или густымъ кустарникомъ, или же лѣсомъ. Этотъ участокъ кордона, вслѣдствіе обилія бродовъ, особенно часто былъ подверженъ нападенію горцевъ. Кромѣ того здѣсь, сзади линіи, тянутся передовые уступы сѣверныхъ отроговъ Эльбруса, образуя три совершенно отдѣльныя группы возвышенностей: Воровсколѣсскія, Круголѣсскія и Темнолѣсскія. Все пространство между ними и р. Кубанью покрыто холмами и изрѣзано множествомъ овраговъ, что давало возможность горцамъ малыми партіями свободно пробираться до Темнаго лѣса, недалеко отъ станицы того же имени, и производить отсюда опустошительные набѣги на линію.

Противъ расположенія нашего 3-го баталіона лежала Большая Кабарда, занимавшая великолѣпную равнину между рр. Терекомъ, Малкою и сѣверными отрогами Черныхъ горъ.

Кабардинцы, какъ жители повсюду доступной плоскости, были покорены нами раньше другихъ народовъ Кавказа, но покореніе далеко нельзя было назвать полнымъ. Въ исторіи нашихъ отношеній къ этому народу можно было насчитать съ ихъ сто-

*) Дубровинъ. «Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ», т. I, кн. I-я.

роны нѣсколько десятковъ торжественныхъ принятій покорности и столько же измѣнъ. Въ мусульманской этикѣ подобныя клятвопреступленія не считались зазорными по отношенію къ «гяурамъ», какими они считаютъ русскихъ. Для удержанія кабардинцевъ въ покорности нами была возведена въ чертѣ ихъ разселенія цѣлая система укрѣпленій и постовъ. Но эта мѣра не могла имѣть должнаго воздѣйствія на племя, которое искони считало себя самостоятельнымъ и лишь «въ союзѣ съ Россіей». Помимо этого сознанія, постоянныя волненія вызывались еще турецкими агентами, внушавшими ненависть къ Россіи и призывавшими на священную войну противъ христіанъ. Это былъ одинъ изъ основныхъ догматовъ ислама, догматъ, которымъ всегдашніе недоброжелатели наши на востокѣ, въ Турціи и Персіи, пользовались, чтобы объединять отъ времени до времени горцевъ и создавать намъ различнаго рода осложненія на Кавказѣ.

«Молодые люди знатнѣйшаго происхожденія, пишетъ Ермоловъ въ своихъ запискахъ *), вдались въ грабежи и разбои и между ними отличался тотъ, кто болѣе могъ наносить вреда русскимъ, нападая на безоруженныхъ поселянъ кавказской линіи и отгоняя стада и табуны».

По счастью, большихъ набѣговъ кабардинцы производить не могли, потому что свирѣпствовавшая нѣсколько лѣтъ тому назадъ чума, извѣстная подъ названіемъ «моровой язвы», обезлюдила страну; горцы предпринимали лишь мелкіе хищническіе набѣги и этимъ все время держали наши войска и обитателей кавказской линіи въ напряженномъ состояніи.

Населеніе Большой Кабарды не превышало 30-ти тысячъ дворовъ **). Она управлялась четырьмя княжескими фамиліями Атажукиныхъ, Мисостовыхъ, Бекъ-Мурзиныхъ и Кайтукиныхъ. Нѣсколько кабардинскихъ мелкихъ князей, тѣснимыхъ съ одной стороны этими деспотическими родами, съ другой—русскими войсками, переселились въ разное время со своими подвластными къ верховьямъ рѣкъ Большого и Малаго Зеленчуковъ, гдѣ и обра-

*) Записки Алексѣя Петровича Ермолова, ч. II.
**) Соч. Дебу. «О кавказской линіи».

зовали самую враждебную для Россіи партію, извѣстную подъ именемъ абрековъ или бѣглыхъ кабардинцевъ *).

Одну изъ высочайшихъ и неприступнѣйшихъ мѣстностей Кавказа, лежащую между рѣками Худесомъ, верховьемъ Кубани и Тибердою, занимали карачаевцы. Кавказскій хребетъ въ этомъ мѣстѣ чрезвычайно суровъ. Покатости его на 40 верстъ къ сѣверу представляютъ совершенно голыя скалы, которыя обрывисто спускаются къ долинамъ рѣкъ, образуя глубокія ущелья, сплошь покрытыя на днѣ дремучими сосновыми лѣсами. Воинственное населеніе Карачая, опираясь на свои природныя твердыни, всегда могло бы представлять изъ себя для насъ грозную силу, но недостатокъ удобныхъ мѣстъ для хлѣбопашества и отсутствіе удобныхъ пастбищъ заставляли ихъ вступать въ торговыя сношенія съ поселенными на кавказской линіи казаками.

Своимъ географическимъ положеніемъ, Карачай отдѣлялъ закубанскіе горскіе народы отъ кабардинцевъ и другихъ племенъ, жившихъ въ центрѣ кавказской линіи, не допуская ихъ подавать помощь другъ другу и дѣйствовать противъ насъ совокупными силами. Хотя карачаевцы и считались съ нѣкоторыхъ поръ покорными, но все же, для наблюденія за ними у насъ учреждено было нѣсколько передовыхъ постовъ на главныхъ выходахъ изъ ущелій горъ.

Противъ расположенія двухъ другихъ баталіоновъ нашего полка раскинулась обширная закубанская равнина, представляющая изъ себя громадный треугольникъ, основаніе котораго опирается на главный хребетъ горъ, теченіе же Кубани образуетъ остальныя двѣ стороны. Средняя часть этой равнины, пролегающая между рѣками Пшебсомъ и Лабою, богата лѣсомъ и хорошими пастбищами. За то пространство между Кубанью, Чамлыкомъ и Лабою совершенно безводно, безлѣсно и изборождено по всѣмъ направленіямъ балками, въ которыхъ воду встрѣтить можно только послѣ сильныхъ дождей. Весь лѣвый берегъ Кубани былъ заселенъ множествомъ горскихъ племенъ, извѣст-

*) Дубровинъ. «Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ», т. I, кн. I.

ныхъ у насъ подъ именемъ закубанцевъ или черкесовъ *). Долины по лѣвымъ притокамъ Урупа, Большой и Малый Гегени заняты были бесленеевцами; на сѣверо-западъ отъ нихъ, вдоль по теченію ручьевъ Чехураджъ, Белогіякъ и Шеде, жили махошевцы; между рѣкою Бѣлою и Пшишемъ—хатукайцы, на сѣверъ отъ которыхъ, между Кубанью, Лабою и Бѣлою,—темиргойцы. Весь сѣверный склонъ главнаго хребта и пространство между рѣкою Бѣлою и Супъ населяли абадзехи, которые раздѣлялись на нагорныхъ и равнинныхъ. На сѣверо-западъ отъ рѣки Супъ и до Шипса жили шапсуги, а восточнѣе ихъ, вплоть до рѣки Пшиша,—бжедухи. Наконецъ, все пространство между низовьемъ Кубани и Чернымъ моремъ, а такъ же и оба склона Кавказскаго хребта занято было натухайцами. Почти всѣ черкесскія племена раздѣлялись на четыре сословія: князей, дворянъ, крестьянъ и рабовъ **); первыя два изъ нихъ считались совершенно свободными, но княжескіе роды имѣли первенствующее значеніе. По отношенію къ Россіи всѣ пользовались свободою дѣйствій, но отдѣльныя племена, рѣдко соединялись вмѣстѣ для совокупныхъ предпріятій и это обстоятельство сильно ослабляло горцевъ, а съ другой стороны весьма затрудняло окончательное покореніе всего закубанья, такъ какъ приходилось намъ имѣть дѣло съ каждымъ родомъ въ отдѣльности.

Закубанскіе народы селились аулами, дворовъ въ двадцать каждый, по берегамъ рѣкъ, въ глуши лѣсовъ, на предварительно расчищенныхъ полянахъ. Поселенія отстояли другъ отъ друга очень близко и, нападая на одно, наши войска постоянно сталкивались съ жителями сосѣднихъ ауловъ, верстъ на десять въ окружности.

Будучи по природѣ народомъ воинственнымъ, черкесы владѣли оружіемъ въ совершенствѣ: кинжалъ, шашка, ружье и пистолетъ составляли достояніе каждаго и въ большинствѣ случаевъ дарились новорожденному мужского пола по прошествіи

---

*) Дубровинъ. «Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ», т. I, кн. I. Дебу «О Кавказской линіи».

**) Абадзехи, шапсуги и натухайцы не имѣли княжескаго сословія.

года. Съ семилѣтняго возраста уже начиналось систематическое обученіе въ разныхъ военныхъ упражненіяхъ и постепенно изъ чумазаго подростка вырабатывался лихой джигитъ и опытный хищникъ.

Равнины съ превосходными лугами и пастбищными мѣстами, на которыхъ жили кабардинцы, бесленеевцы и темиргойцы, способствовали развитію коневодства, что выработало изъ населенія хорошихъ наѣздниковъ, слава о которыхъ гремѣла по всему Кавказу. Нагорныя племена сражались исключительно пѣшими. «Шапсугъ рубака, говорили сами закубанскіе жители, абадзехъ стрѣлокъ, а чеченецъ за заваломъ крѣпокъ» *). Скалистыя ущелья горъ давали немного средствъ къ существованію и волей неволей заставляли обывателей ихъ искать пропитанія въ набѣгахъ; разбойничество, грабежъ стали насущною необходимостью, постепенно вошли въ обычай горскихъ народовъ и сдѣлались неотъемлемымъ достояніемъ горцевъ; желаніе стать предметомъ народной молвы, которая какъ эхо отозвалась бы въ самыхъ неприступныхъ ущельяхъ горъ, составляло цѣль жизни каждаго горца; тотъ, кто больше награбилъ русскаго добра и срѣзалъ русскихъ головъ, получалъ большее значеніе въ глазахъ толпы; его чтили, его слушали на собраніяхъ и ему охотно подчинялись во время набѣговъ.

Въ большинствѣ случаевъ набѣги закубанцевъ на кордонную линію не были проявленіемъ общей народной воли, а носили частный характеръ, и только нападеніе на наши станицы и укрѣпленія рѣшались на общихъ народныхъ собраніяхъ **). Обыкновенно какой нибудь джигитъ вызывалъ охотниковъ на лихое предпріятіе; быстро собиралась партія въ пять—десять человѣкъ пѣшихъ или 20—30—конныхъ, которая и отправлялась въ путь; по глубокимъ оврагамъ, чрезъ едва проходимыя чащи пробирались черкесы на хищничество; ночь проводили они на конѣ, днемъ отдыхали, искусно избѣгая встрѣчи съ нашими войсками; подкравшись скрытно къ берегу Кубани, черкесы на-

*) Дубровинъ. «Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ», т. I, кн. I, стр. 243.
**) Тамъ же, стр. 248.

чинали высматривать удобное мѣсто для переправы и зорко слѣдить за всѣми дѣйствіями кордонныхъ постовъ, стараясь точно опредѣлить мѣста залеганія нашихъ секретовъ. Выждавъ удобную минуту, партія переправлялась подъ покровомъ ночи вплавь черезъ Кубань. Малѣйшая оплошность, плескъ воды, фырканіе лошади открывали замыслы хищниковъ; немедленно подымалась тревога по всему кордону; вѣстовые казаки скакали по всѣмъ направленіямъ, разнося въ отдѣленныя и дистанціонныя квартиры извѣстіе о нападеніи хищниковъ. Зловѣщее пламя сигальнаго маяка *) указывало всѣмъ о мѣстѣ прорыва горцевъ, отовсюду съ ближайшихъ постовъ спѣшили сюда казаки, форспированнымъ маршемъ направлялась пѣхота **). Быстро валъ казачьихъ станицъ унизывался защитниками, начиналась пальба изъ ружей и орудій, набатъ церковнаго колокола призывалъ женщинъ и дѣтей укрыться за стѣнами храма. Тревога начиналась повсемѣстная, а въ это время партія хищниковъ, ограничившись угономъ нѣсколькихъ головъ скота, а въ счастливомъ случаѣ захватомъ кого нибудь въ плѣнъ, быстро переправлялась обратно. Чѣмъ темнѣе и ненастнѣе была ночь, чѣмъ завываніе вѣтра сильнѣе, тѣмъ скорѣе нужно было ожидать нападенія горцевъ. Вѣчно тревожное состояніе сильно изнуряло войска; ни днемъ, ни ночью не было никому отдыха; хищники рыскали по всѣмъ направленіямъ, подкарауливая жертву.

Вотъ какими красками свидѣтель событій тѣхъ временъ ***) рисуетъ положеніе дѣлъ тогдашней кавказской линіи: «Начиная отъ средняго Егорлыка, отдѣлявшаго землю донскихъ казаковъ отъ Кавказской области, путешественника встрѣчали и провожали на станціяхъ разсказами о свирѣпости черкесовъ и безпрестанныхъ грабежахъ и убійствахъ, производимыхъ ими по самымъ ближайшимъ окрестностямъ. Къ счастію, это были покамѣстъ одни сказки. Около ста верстъ онъ могъ еще проѣхать, не рискуя ни головой, ни чемоданомъ. Ближе къ Ставрополю дѣло принима-

---

*) Деревянный столбъ, обмотанный смоляной паклей.
**) Романовскій. «Кавказъ и Кавказская война» стр. 208.
***) Баронъ Торнау. «Воспоминаніе о Кавказѣ и Грузіи». Русскій Вѣстникъ 1869 г. № 1.

ло другой оборотъ; опасность, существовавшая до того въ одномъ напуганномъ воображеніи кавказскаго новичка, обращалась въ дѣйствительность, быстро возраставшую по мѣрѣ сближенія съ Кубанью, Малкою и Терекомъ, отдѣлявшими линію отъ непріятельскихъ земель. На ночь ѣзда по дорогамъ прекращалась для всѣхъ, кромѣ нарочныхъ, которымъ давали въ прикрытіе, сколько было нужно, казаковъ. Съ разсвѣтомъ выѣзжать со станціи было менѣе опасно. Хищники—офиціальный терминъ для обозначенія горцевъ, прорывавшихся въ наши предѣлы—рѣдко позволяли себѣ «шалить», т. е. убивать и грабить, въ утреннее время, когда рабочій народъ толпами выходилъ въ поле и когда по берегамъ пограничныхъ рѣкъ и по всѣмъ дорогамъ казачьи разъѣзды отыскивали слѣдъ—«сакму» разбойниковъ, успѣвшихъ прокрасться въ степь подъ защитой ночи. Многолюдство грозило немедленнымъ распространеніемъ тревоги, а долгій день способствовалъ казакамъ преслѣдовать ихъ. За то послѣдніе часы предъ закатомъ солнца слыли, не безъ основанія, самымъ опаснымъ временемъ дня. Шайки хищниковъ, скрытно дневавшія въ глубокихъ балкахъ, прорѣзывающихъ линейскія степи, или въ густыхъ лѣсахъ, покрывавшихъ берега Кубани и Терека, появлялись тамъ, гдѣ ихъ нисколько не ожидали, угоняли табуны и стада, убивали оборонявшихся, хватали въ плѣнъ беззащитныхъ и подъ покровомъ ночи ускользали отъ погони. Въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ они нападали на крестьянскія селенія или пытались врываться въ казачьи станицы. Вечерняя встрѣча въ полѣ съ конными людьми въ мохнатыхъ шапкахъ, когда, къ тому же, лица были укутаны башлыками, и у передового ружье вынуто изъ чехла, рѣдко предвѣщало добро. Сердце сжималось болѣзненно, когда въ степи нежданно появлялась шайка подобныхъ ѣздоковъ; рука судорожно ложилась на курокъ ружья или пистолета, и тоску отводило только въ счастливомъ случаѣ, если удавалось разглядѣть у нихъ болѣе сапоговъ, чѣмъ чевякъ: значитъ казаки, а не чеченцы или закубанцы. Послѣ этого понятно, почему для линейцевъ съ сумерками наступалъ не покой, а начиналось настоящее томительное

бдѣніе: изъ станичныхъ воротъ выѣзжали заставы и разъѣздные казаки, резервные съѣзжались на сборное мѣсто, на улицу. Казакъ не выходилъ иначе, какъ съ ружьемъ, вынутымъ изъ чехла, и въ свою конюшню не заглядывалъ безъ пистолета въ рукахъ. Черкесъ, случалось, прокрадется въ станицу, заползетъ на дворъ къ казаку, спрячется подъ плетнемъ и ждетъ, пока кто нибудь выйдетъ ночью подложить корму лошади или коровамъ. Ударъ кинжаломъ или пуля отплачиваютъ казаку за мусульманскую кровь, пролитую невѣдомо какимъ гяуромъ,—кто станетъ разбирать виновнаго? И черкесъ исчезалъ мгновенно, какъ будто онъ тутъ и не бывалъ».

Въ такомъ положеніи Тенгинскій полкъ засталъ дѣла на правомъ флангѣ линіи, въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія.

Новый командиръ полка, полковникъ Максимовичъ, по соединеніи полковъ и ухода кадра, объѣхалъ мѣста расположенія баталіоновъ съ цѣлью направить должнымъ образомъ весь порядокъ службы. Офицерамъ, находившимся съ командами въ казачьихъ станицахъ, роздана была особая инструкція, которою они должны были руководствоваться *).

Согласно ея, начальнику пѣхотной команды подчинялось все населеніе и, въ случаѣ набѣговъ непріятеля, оно должно было дѣйствовать совмѣстно съ нашими войсками. Строго предписывалось офицеру охранять всѣ въѣзды въ селеніе и ближайшія возвышенности сильными караулами и пикетами; на ночь же высылать патрули, на обязанности которыхъ лежало наблюдать, чтобы кто нибудь изъ казаковъ въ пьяномъ видѣ не устроилъ фальшивой тревоги. Офицеръ ни подъ какимъ видомъ не могъ разрѣшать жителямъ отлучаться въ ночное время изъ своихъ станицъ и обязанъ былъ слѣдить, чтобы скотъ поселянъ не распускался по степи и тѣмъ не привлекалъ вниманія хищнаго непріятеля, а собранъ былъ въ безопасномъ мѣстѣ при достаточномъ прикрытіи. Занимаемыя полкомъ укрѣпленія: Константиногорское, Кисловодское и Кумскій штерншанецъ, приказано было привести въ исправное состояніе т. е. исправить валъ и батареи, укрѣпить

*) Полковой архивъ. Исходящій журналъ за 1819 г., дѣло № 110.

ворота, задѣлать всѣ пролазы и другіе проходы. Полковникъ Максимовичъ напоминалъ офицерамъ, «что они тѣ изъ россійскаго Государя воины, которымъ опредѣлено охранять его предѣлы» и предлагалъ оправдать довѣріе высшаго начальства. Нижнимъ чинамъ внушалось, «чтобы они не пренебрегали хищниками и дрались храбро съ ними, не оказуя имъ уваженіе, ибо извѣстно, что подлые сіе разбойники не ищутъ славы, а только добычу». Отправлять нижнихъ чиновъ куда бы то ни было одиночнымъ порядкомъ строго воспрещалось; нужно ли было отнести пакетъ въ полковую канцелярію, кр. Константиногорскую, сейчасъ же наряжалась команда изъ 8-ми человѣкъ при унтеръ-офицерѣ; являлась ли необходимость отвезти больныхъ въ полковой и баталіонный лазареты, опять снаряжалась оказія, но уже изъ 25-ти человѣкъ при офицерѣ. Неисполненіе названныхъ приказаній строго каралось полковникомъ Максимовичемъ, который при этомъ не разъ подтверждалъ ротнымъ командирамъ «командовать ротою не такъ, чтобы было одно званіе ротнаго начальника, а такъ какъ требуетъ того служба отъ исправляющаго обязанность сію, и тѣмъ не подвергнуть себя строжайшей взыскательности» *).

Вообще полковникъ Максимовичъ, будучи врагомъ всевозможныхъ наказаній, рѣдко прибѣгалъ къ нимъ и старался болѣе нравственно вліять на своихъ подчиненныхъ, пробуждая въ нихъ сознаніе долга службы. «Порядкомъ текущихъ дѣлъ, говорилось не разъ въ приказахъ, держатся онаго устройства, и достоинство каждаго изъ служащихъ измѣряется его дѣлами и поступками».

Что же представляло изъ себя то общество офицеровъ, къ которому командиръ части принужденъ былъ обращаться съ подобными наставленіями? Въ большинствѣ случаевъ это были недоучки изъ дворянъ, «которые, кромѣ россейски читать и писать, никакихъ наукъ не знали», какъ гласили ихъ формулярные списки. Офицеры же, произведенные изъ грузинскихъ дворянъ, «не умѣли даже говорить по-русски, а писать и того ме-

*) Архивъ Суздальскаго полка. Приказъ за 1819 г., дѣло № 238.

нѣе» *). Поэтому генералъ Ермоловъ предписалъ командирамъ частей, подъ строгою отвѣтственностью, не представлять такихъ «чиновниковъ къ слѣдующимъ чинамъ, не испытавъ ихъ предварительно въ россійской грамотѣ». Но наши офицеры не были сильны въ наукахъ, за то сильны въ военномъ дѣлѣ. Большинство изъ нихъ имѣло за собою большую боевую опытность, принимая участіе не въ одной кампаніи. Служба составляла для нихъ все. Хорошо знакомые съ бытомъ солдата, потому что сами начали военное поприще въ этомъ званіи, они умѣли говорить съ ними и руководить ихъ дѣйствіями. Конечно, трудная служба на кордонныхъ постахъ и невозможныя условія жизни не могли привлечь въ полкъ молодежь изъ кадетскихъ корпусовъ и военно-сиротскихъ отдѣленій; контингентъ офицеровъ въ двадцатыхъ годахъ исключительно комплектовался произведенными въ это званіе за выслугу лѣтъ изъ нижнихъ чиновъ. Разбросанность полка, кромѣ того, небольшими командами вдоль по теченію Кубани, отсутствіе библіотеки и офицерскаго собранія не могли, конечно, сплотить общество офицеровъ въ одну тѣсную корпоративную семью и, случалось, многіе изъ нихъ долго не были даже знакомы другъ съ другомъ, не имѣя возможности гдѣ либо встрѣчаться вмѣстѣ. Большинство офицеровъ въ полку были холостые, что нужно объяснить матеріальною необезпеченностью.

«Господа офицеры—говорилось въ предписаніи Ермолова—при недостаточномъ своемъ состояніи женятся на бѣдныхъ, чрезъ что являются на службѣ неисправными», почему при вступленіи въ бракъ каждый офицеръ долженъ былъ представить матеріальное обезпеченіе, какъ нѣкоторую гарантію болѣе безбѣднаго существованія. Пристойность браковъ лежала всецѣло на отвѣтственности полковыхъ командировъ; женою офицера могла быть только дворянка и даже дочери своего полкового священника и врача, если не принадлежали къ этому сословію, не могли разсчитывать вступить въ полковую семью, такъ какъ

*) Арх. шт. кавк. воен. округа. Предписаніе ген. Ермолова ген. Сталю 2-му. Исходящій журналъ, 2-я половина за 1824 г., дѣло № 235, по дежурству 1-го отд.

по своему происхожденію «не соотвѣтствовали званію офицера», и тотъ, кто осмѣливался просить разрѣшенія на подобный неравный бракъ, «дѣлалъ уже тѣмъ большое неприличіе» *).

Положеніе офицеровъ и особенно семейныхъ было крайне незавидно; жизнь на постахъ въ тѣсныхъ и смрадныхъ столбянкахъ, по которымъ сквозной вѣтеръ гулялъ совершенно свободно, была очень тяжела. Убійственный климатъ многихъ мѣстъ кавказской линіи, частые случаи появленія чумы, ожиданія частыхъ тревогъ усугубляли нравственное удрученіе.

Не менѣе печально было и матеріальное положеніе офицеровъ. Согласно штата 1802 года, штабъ и оберъ-офицерамъ причиталось въ треть (за вычетомъ на медикаменты и госпиталя):

	Жалованья.	Стол. денегъ.
Полковнику	390 руб.	1000 руб.
Подполковнику	292 » 50 коп.	$333^1/_3$ »
Маіору	253 » 50 »	
Капитану	234 » 25 »	
Поручику	195 » —	
Подпоручику	165 » 75 »	
Прапорщику	146 » 25 »	

Въ этотъ окладъ входили и денщичьи порціоны—по 2 руб. $43^1/_4$ коп. въ треть на человѣка. При такомъ незначительномъ содержаніи и при необычайной дороговизнѣ на Кавказѣ всѣхъ предметовъ самой первой необходимости, жалованья, конечно, не хватало офицерамъ. Обмундированіе обходилось въ три раза дороже, чѣмъ въ остальныхъ мѣстностяхъ Россіи **). Цѣна на жизненные продукты стояла крайне высокая; приходилось платить: за фунтъ мяса 8—10 коп., за курицу рубль, за десятокъ яицъ 20—40 коп.; фунтъ простого мыла стоилъ 30 коп., сальныхъ свѣчей 26—36 коп.; фунтъ сахара дешевле 1 руб. 50 коп. нигдѣ нельзя было купить ***). И только «осьмуха» водки хлѣбной «полугарной», да краснаго вина продавались по 8—$7^1/_2$ коп. Не удивительно поэтому, что при дешевизнѣ спиртныхъ напит-

*) Полковой архивъ. Исход. журн. за 1821 г., дѣло № 54.
**) Соч. Дебу. «О кавказской линіи съ 1816—1826 годъ».
***) Полковой архивъ. Входящій журналъ за 1819 г., дѣло № 3.

ковъ, офицеры на постахъ «вмѣсто исправности занимались нетрезвостью», какъ выражено было въ одномъ изъ полковыхъ приказовъ.

Задолженность офицеровъ въ полковыя суммы и между собою, и даже нижнихъ чиновъ была необычайная; расчеты на содержаніе съ 1819 по 1825 годъ указываютъ, что половина офицеровъ не получала и четверти причитавшагося имъ третного жалованья, а нѣкоторые офицеры и совсѣмъ не видѣли его. Одинъ изъ офицеровъ такъ доносилъ командиру полка о своемъ бѣдственномъ положеніи: «Цѣлый годъ я не получалъ ни копейки жалованья и былъ такъ несчастливъ, что съ меня удерживали всегда все содержаніе. Я не заслужилъ такихъ жестокихъ вычетовъ, и крайность моя заставляетъ безпокоить васъ и просить оказать свое благодѣяніе и исходатайствовать мнѣ хотя половинную часть изъ сей заслуженной мною трети» *). И подобныя обращенія къ командиру части не были исключительными явленіями.

Монотонно и однообразно протекала жизнь офицеровъ; большинство изъ нихъ «лишено было даже возможности вести пріятную бесѣду, доставляющую отдыхъ послѣ трудныхъ упражненій по службѣ», какъ писалъ нашъ бригадный командиръ генералъ Дебу въ своихъ запискахъ. Отпуски разрѣшались очень рѣдко, да и то—если на офицерѣ не состояло «казеннаго или партикулярнаго одолженія». Объ удовольствіяхъ не было помину, и только офицеры роты 3-го баталіона находились въ этомъ отношеніи въ нѣсколько лучшихъ условіяхъ. Близость крѣпости Георгіевской, гдѣ сосредоточено было управленіе главнаго начальника кавказской линіи, давала возможность имъ посѣщать вечера въ дворянскомъ собраніи; но нерѣдко случалось, что среди вихря вальса, подъ звуки полковой музыки, офицера вызывали изъ зала и черезъ нѣсколько часовъ онъ былъ уже далеко за Малкою, мѣрно мѣся липкую грязь **). Полкового офицерскаго собранія не было у насъ, не было даже и дежурной комнаты, гдѣ-

*) Полковой архивъ. Входящія бумаги за 1822 г., дѣло № 63, рапортъ прап. Самуйлова.
**) Полковой архивъ. Исходящій журналъ за 1821 г., дѣло № 54.

бы хотя изрѣдка офицеры могли собираться вмѣстѣ. Дороговизна, съ какою сопряжено было пріобрѣтеніе разныхъ книгъ, отсутствіе отпуска денегъ отъ казны на этотъ предметъ, служили причиною тому, что и библіотека у насъ не была учреждена. Только въ 1823 году офицеры полка, пожертвовавъ добровольно 465 рублей, уполномочили полкового адъютанта поручика Рашевскаго выписать нѣкоторыя сочиненія и непремѣнно новѣйшія, ибо на Кавказѣ, какъ говорилось въ общемъ постановленіи, «за рѣдкость попадаются книги моложе семидесяти лѣтъ» *).

Приводимъ здѣсь интересный списокъ книгъ, положившихъ начало нынѣ существующей библіотеки офицерскаго собранія Тенгинскаго полка: Валентинъ, или беззаботная голова; Сестра Милосердія, или разрушеніе Лиссабона; Янклудскій журналъ; Варвикъ, или ужасная жертва честолюбія; Бонапартъ на островѣ св. Елены; сочиненія Карамзина; Тайное злодѣяніе Наполеона; Старикъ вездѣ и нигдѣ; Леди Елена и леди Анна; Вальтеръ, или дитя ратнаго поля; Марія Брабантская; Мои путешествія по пропасти злосчастной; Тайная причина французской революціи; Достопамятности въ мірѣ; Странствующіе музыканты; Критика; Луковинъ, комедія; Тайное наставленіе короля прусскаго офицерамъ; Исторія о низверженіи Наполеона съ похищеннаго имъ трона,—6 книгъ; Черный рыцарь; Любовь и тщеславіе.

Вышеприведенныя строки довольно полно рисуютъ картину быта офицеровъ полка въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Подобная обстановка много лѣтъ сохранялась почти безъ измѣненія и улучшилась лишь значительно позже, когда Тенгинскій полкъ основался во Владикавказѣ. Теперешнимъ тенгинцамъ, живущимъ въ неизмѣримо болѣе благопріятныхъ условіяхъ, будетъ, вѣроятно, интересно прочесть о томъ, что вынесли ихъ предшественники, безропотно терпѣвшіе всѣ невзгоды, и въ-то же время беззавѣтно отдававшіеся службѣ.

Со времени прибытія тенгинцевъ на Кавказъ и до 1827 года полкъ комплектовался нижними чинами изъ внутреннихъ гу-

*) Полковой архивъ. Исходящій журналъ за 1823 г., дѣла №№ 108 и 142.

берній Европейской Россіи: Воронежской, Полтавской, Курской и Рязанской. По прибытіи рекрутовъ ихъ распредѣляли по ротамъ и сейчасъ же приказывали «пробрить имъ лбы, дабы они не могли чинить побѣговъ» *). Процедура эта производилась крайне просто: новобранца сажали на барабанъ и ротный цирульникъ, вооружившись бритвою, оголялъ ему половину головы. Съ этого момента фактически считалось поступленіе рекрута въ ряды полка. Чуть ли не со слѣдующаго дня начинали уже новобранцевъ обучать «смѣлой и при томъ цѣльной стрѣльбѣ», чтобы, въ случаѣ надобности, можно было ихъ употребить въ дѣло противъ непріятеля. Но на этотъ предметъ отпускъ огнестрѣльныхъ припасовъ былъ невеликъ: на каждаго человѣка въ годъ полагалось по 5-ти боевыхъ и 30-ти холостыхъ патроновъ; въ 1823 году всего отпущено было въ полкъ по наличному числу 3359-ти человѣкъ—63 пуда пороху и 31 пудъ свинцу, при чемъ Георгіевскимъ паркомъ изъ этого числа удержано за укупорочный матеріалъ (бочки, циновки и веревки) 2 пуда, 5 фунтовъ и 48 золотниковъ пороху **). Не удивительно поэтому, что стрѣльба въ полку не могла быть доведена до степени совершенства и мѣткость была очень незначительна.

По разбросанному положенію полка и неимѣнію приспособленныхъ помѣщеній, ученія не велись систематически подобно тому, какъ это дѣлается теперь, и вполнѣ зависѣли отъ усмотрѣнія ротныхъ командировъ, хотя приказомъ по полку и предлагалось: «по наступленіи теплаго времени, учить нижнихъ чиновъ, какъ экзерциціи, такъ и прочимъ маневрамъ, употребляя на сіе, сколько буде возможно, времени и каждый день два раза» ***).

Осенью, въ первый же годъ прихода полка на Кавказъ, бригаднымъ командиромъ генераломъ Дебу былъ произведенъ строевой смотръ, результаты котораго были неособенно блестящи. Въ приказѣ было отдано: «нижніе чины несовершенно выправлены въ позитурѣ, ружейные пріемы невѣрны и вялы; при пальбѣ

---

*) Приказы по 1-му бат. за 1821 г. № 3. Дѣло № 98.

**) Полковой архивъ. Чернов. бум. по казнач. части за 1820—24 гг., дѣла №№ 12 и 924.

***) Арх. Суздальск. полка. Приказы за 1819 г., дѣло № 238; полк. арх., рот. бум., д. № 98.

люди медленно заряжаютъ съ порохомъ ружья. Въ построеніяхъ разныхъ эволюцій, какъ унтеръ-офицеры, такъ и рядовые крайне торопятся, мѣшаются и тѣмъ производятъ во фронтѣ безпорядокъ и самый разговоръ». Въ общемъ, инспектирующій находилъ, что «строевое ученіе и обученіе нижнихъ чиновъ къ цѣльной стрѣльбѣ, по частому движенію войскъ и употребленію значительнаго числа оныхъ на разныя казенныя работы, до совершеннаго познанія не доведены». Но за то служба въ полку отправлялась должнымъ порядкомъ, «субординація соблюдается безъ послабленія, воинскій артикулъ нижнимъ чинамъ читается и нравственность соблюдается хорошо». Такимъ образомъ, начальство неособенно строго относилось къ тенгинцамъ, находя всегда какое нибудь оправданіе неуспѣшной постановкѣ строевого обученія. Это наблюдалось не только у насъ въ полку, но и во всей кавказской арміи и вызывалось условіями боевой жизни. Самъ генералъ Ермоловъ строго запрещалъ изнурять нижнихъ чиновъ фронтовыми ученіями, что подало поводъ нѣкоторымъ современникамъ обвинять его въ либеральномъ образѣ мыслей, «явно, по ихъ мнѣнію, баловавшаго войска» *).

Для подготовки хорошихъ унтеръ-офицеровъ и правильной постановки строевого образованія при штабъ-квартирѣ полка существовала учебная команда, куда люди назначались «не вялые и съ надлежащею фигурою»; ротные же командиры въ обученіи нижнихъ чиновъ во всемъ обязаны были сообразоваться съ постановкою дѣла въ названной командѣ, «для единообразнаго упражненія, въ ружейныхъ пріемахъ, въ маршировкѣ и въ разныхъ построеніяхъ баталіона» **). При штабѣ же дивизіи въ гор. Георгіевскѣ, учрежденъ былъ учебный баталіонъ, пополняемый людьми 20-й пѣх. дивизіи ***).

Вооруженіе нижнихъ чиновъ до 1820 года состояло изъ ружей разныхъ калибровъ и разныхъ происхожденій; тутъ были ружья англійскія, французскія, австрійскія, собранныя на поляхъ

*) Соч. Пагодина, «Матеріалы для біографіи Ермолова».
**) Архивъ Суздальскаго полка. Приказы по полку за 1819 г., дѣло № 238.
***) Приказъ по войскамъ кавказской линіи 10-го октября 1819 г., дѣло № 51.

сраженій, и русскія $7^1/_2$ и 8-ми-линейныя тульскаго изготовленія. Въ 1820 году послѣдовало высочайшее повелѣніе вооружить полки одной дивизіи ружьями одного какого либо образца, вслѣдствіе чего тенгинцы были снабжены семилинейными гладкоствольными ружьями, со штыкомъ и кремневымъ замкомъ тульскаго завода «стараго положенія» *).

Форма одежды кавказской арміи сначала ничѣмъ не отличалась отъ таковой же въ Россіи и была, по словамъ Ермолова, «единообразна, какъ для знойной Грузіи, такъ и для Камчатки ледовитой» **), т. е. совершенно не приспособлена къ климатическимъ условіямъ края. Нижніе чины Тенгинскаго полка носили кивера, мундиры съ фалдами и бѣлыми погонами, шаровары на выпускъ при короткихъ сапогахъ. На просьбу генерала Ермолова о перемѣнѣ формы обмундированія не послѣдовало отвѣта, и онъ своею властью разрѣшилъ носить папахи, полушубки, длинные сапоги и сухарные мѣшки вмѣсто ранцевъ, чѣмъ еще болѣе умножилъ число своихъ враговъ. Чтобы установить одинъ покрой мундирной одежды во всей арміи, Государь Императоръ въ 1819 г. повелѣть соизволилъ сдѣлать въ коммисаріатскомъ депо для каждой дивизіи по одному образцовому пѣхотному и егерскому мундиру и прочей одежды и аммуниціи, съ личною Его Величества печатью на каждой вещи. Эти образцы препровождались поочереди въ полки, сообразно чему и производилась постройка всего обмундированія. На основаніи же этого повелѣнія, черезъ опредѣленные сроки изъ нашего полка командировался въ Петербургъ одинъ рядовой для обученія закройщичьему мастерству.

Въ маѣ 1820 года полковникъ Максимовичъ, переведенный по болѣзни въ Астраханскій гарнизонный баталіонъ, простился съ полкомъ. Новымъ командиромъ былъ назначенъ полковникъ Гихоцкій 2-й, пребываніе котораго въ полку было ознаменовано особою заботливостью объ улучшеніи солдатскаго быта, въ чемъ дѣйствительно чувствовалась крайняя нужда.

*) Входящія бумаги по полку за 1820 г., дѣла №№ 9 и 14.
**) Записки Ермолова ч. II, стр. 70.

Отдавая должное памяти полковника Максимовича, какъ образцовому командиру части, нельзя не поставить ему въ упрекъ того, что онъ не сумѣлъ спаять двухъ разнородныхъ элементовъ, изъ которыхъ составился вновь преобразованный Тенгинскій полкъ. Самъ суздалецъ, онъ вездѣ и во всемъ отдавалъ суздальцамъ преимущество передъ тенгинцами и тѣмъ еще болѣе разъединялъ ихъ между собою. То, что не могъ сдѣлать полковникъ Максимовичъ, легко сдѣлалъ его пріемникъ.

Акимъ Михайловичъ Тихоцкій 2-й, назначенный Высочайшимъ приказомъ отъ 31-го мая 1820 года изъ Грузинскаго гренадерскаго полка нашимъ командиромъ, происходилъ изъ дворянъ Слободско-украинской губерніи, и поступилъ на военную службу въ 1796 году чиномъ сержанта. Это былъ человѣкъ уже не молодой, съ большою служебною опытностью, проведшій почти всю свою службу на Кавказѣ и изучившій хорошо бытъ солдата. Сознавая, что каждая военная часть сильна только своимъ внутреннимъ единствомъ, онъ однимъ изъ первыхъ своихъ приказовъ строго запретилъ во внутренней перепискѣ употреблять выраженія: «офицеры бывшаго Суздальскаго, что нынѣ Тенгинскій», «нижніе чины расформированнаго Тенгинскаго полка» и т. п.—теперь всѣ тенгинцы и другого названія въ полку не должно быть. Печать суздальцевъ, которою продолжали припечатывать казенные конверты, приказано было замѣнить печатью Тенгинскаго полка. Желая установить порядокъ и поддерживая строгую дисциплину, Тихоцкій малѣйшіе проступки со стороны подчиненныхъ не оставлялъ безъ наказанія, рѣзко отличаясь этимъ отъ своего предшественника. Донесъ не во время кто-либо о случившемся происшествіи, отправилъ ли больныхъ не съ должнымъ числомъ конвойныхъ, не явился ему офицеръ по прибытіи въ штабъ-квартиру полка—все ставилось сейчасъ же на видъ, виновный подвергался аресту. Конечно, не особенно легко было привыкать къ новому режиму, но въ концѣ концовъ всѣ сознали благоразумность новыхъ требованій и порядокъ вездѣ и во всемъ установился образцовый, за что не разъ объявлялась благодарность полковнику Тихоцкому «въ

коемъ говорилъ Ермоловъ, я уважаю всегдашнее его усердіе къ службѣ».

Но предметомъ особеннаго вниманія и заботъ новаго полкового командира былъ солдатъ и его семья. Трудно приходилось тенгинцамъ первое время: непривычные ни къ климату, ни къ условіямъ жизни, они въ большинствѣ случаевъ гибли въ неравной борьбѣ съ природою. Прибавьте сюда частые форсированные переходы, продолжительное пребываніе на казенныхъ работахъ, свыше 8-ми часовъ въ сутки, плохое питаніе и не удивительнымъ станетъ, что лазареты постоянно были полны больными и синодикъ полковой церкви росъ неимовѣрно.

Въ годовыхъ рапортахъ съ 1820 по 1827 гг., т. е. за время пребыванія тенгинцевъ на кавказской линіи, до начала персидской войны, рельефно рисуется гигіеническое состояніе полка и интереснымъ является сопоставленіе числа убитыхъ нижнихъ чиновъ съ числомъ умершихъ.

	Убито въ перестрѣлкахъ съ горцами.	Умерло отъ болѣзней.
Въ 1820 году.	1	364
» 1821 »	7	403
» 1822 »	—	277
» 1823 »	1	91
» 1824 »	1	64
» 1825 »	неизвѣстно.	
» 1826 »	1	90.

Такимъ образомъ, въ столкновеніяхъ съ непріятелемъ гибло очень мало, но за то злокачественная лихорадка, цынга, горячка, воспаленіе легкихъ и чахотка уносили сотни жизней. Особенно много смертныхъ случаевъ было въ первые три года пребыванія нашего на Кавказѣ; затѣмъ цифра стала убывать, вслѣдствіе улучшенія санитарнаго состоянія полка, такъ какъ въ нѣкоторыхъ укрѣпленіяхъ люди стали размѣщаться уже во вновь выстроенныхъ саманныхъ казармахъ, многіе посты, отличавшіеся своимъ нездоровымъ климатомъ, перенесены были на новыя мѣста; кромѣ того значительно улучшено питаніе назначеніемъ

двухъ мясныхъ и двухъ винныхъ порцій въ недѣлю. Для пользованія отъ болѣзни нижнихъ чиновъ и ихъ семействъ учрежденъ былъ полковой и баталіонные лазареты—первый на 105, а послѣдній на 21 человѣкъ *). И при всемъ томъ число больныхъ почти всегда превышало въ 4 раза положенное количество мѣстъ; многимъ не хватало коекъ, почему они и располагались прямо на полу. Въ виду того, что въ лазаретѣ находилось по одной палатѣ, больные не только не изолировались по роду болѣзней, но даже женщины не отдѣлялись отъ мужчинъ, вслѣдствіе отсутствія отдѣльныхъ помѣщеній. На каждаго больного отпускалось отъ казны по 50-ти, а на женщину по 40-ка копѣекъ въ сутки; эти деньги выдавались на руки полковому командиру, который и расходовалъ ихъ по своему усмотрѣнію. Помимо этого за пребываніе въ лазаретѣ «на казенной порціи» удерживалось съ каждаго больного половинная часть причитавшагося ему жалованья:

	Получали въ треть.		Въ день.	Удерживалось въ лазаретн. суммы.
	Руб.	Коп.	Коп.	Коп.
Полковой писарь.	19	60	16,4	8,2
Фельдфеб. и батал. пис.	12	41,25	10,34	5,17
Младш. унтеръ-офиц.	4	57,25	3,8	1,9
Гренадеры.	3	30	2,75	1,37
Мушкетеры.	3	13,5	2,6	1,3
и т. д.				

Большая заболѣваемость и смертность среди нижнихъ чиновъ Тенгинскаго полка, вынудили начальника дивизіи г.-м. Сталя командировать въ началѣ 1821 года одного штабъ-лѣкаря, для выясненія причинъ этого явленія. Помимо неудовлетворительнаго состоянія полкового и баталіонныхъ лазаретовъ, обнаружено было, что нижніе чины присылались сюда только тогда, когда болѣзнь принимала уже острый характеръ; кромѣ того, недостатокъ врачебнаго персонала, заставляли нерѣдко поручать лазареты въ завѣдываніе младшимъ и старшимъ фельдше-

*) Полковой архивъ 1820 года, дѣла №№ 1, 13 и 20.

рамъ съ крайне ограниченными познаніями въ медицинѣ, отъ чего еще больше увеличивалось число смертныхъ случаевъ въ полку.

Полковнику Тихоцкому на первыхъ же порахъ пришлось столкнуться съ этимъ острымъ вопросомъ. Онъ неоднократно требовалъ, чтобы при ротахъ не задерживали больныхъ и своевременно отправляли въ лазареты. Однако строго винить за это ротныхъ командировъ было нельзя: согласно предписаній высшаго начальства, для сопровожденія больныхъ нужно было наряжать конвой отъ 8-ми до 25-ти человѣкъ, при большомъ ежедневномъ нарядѣ на посты и казенныя работы; негдѣ было взять такого количества людей; приходилось поджидать, когда наберется нѣсколько человѣкъ, чтобы сразу уже ихъ отправлять при достаточномъ конвоѣ. Да и сами нижніе чины, по врожденной боязни русскаго простолюдина къ докторамъ и лѣкарствамъ, съ большою неохотою шли въ лазареты, предпочитая лучше умереть при своей ротѣ.

Число побѣговъ со службы, какъ естественный результатъ неприглядной обстановки, въ началѣ было тоже очень велико, такъ:

Въ	1820 году бѣжало.	55	чел.
»	1821 » »	36	»
»	1822 » »	29	»
»	1823 » »	21	»
»	1824 »	не было.	
»	1825 »		

И это явленіе отчасти вызывалось, какъ видно изъ судныхъ дѣлъ того времени, непривычкою къ новой обстановкѣ и тоскою по родинѣ *). Величаво угрюмая природа Кавказа производила тяжелое гнетущее впечатлѣніе на новыхъ пришельцевъ изъ Россіи и они сильно тосковали по простору полей далекой родины. Особенно много въ бѣгахъ бывало въ ротахъ 3-го баталіона, команды котораго стояли по постамъ у выхода Кубани на плоскость. Глухой ревъ рѣки, дрожаніе окружающей почвы отъ стремительнаго натиска волнъ, голыя скалы вокругъ,—все

*) Полковой архивъ, военно-судныя дѣла за №№ 339, 606, 788, 1069 и 1136.

производило подавляющее впечатлѣніе, хотя съ другой стороны, частыя случаи побѣговъ можно еще объяснить тѣмъ, что въ кавказскія войска присылались на укомплектованіе «разнаго рода бродяги и уже нѣсколько разъ наказанные люди» *). Генералъ Ермоловъ неоднократно обращалъ на это вниманіе военнаго министра, прося довести до свѣдѣнія Государя. По всей вѣроятности полученъ былъ благопріятный отвѣтъ, такъ какъ въ приказѣ по корпусу отъ 6-го апрѣля 1817 года говорилось: «отнынѣ въ рядахъ храбрыхъ солдатъ грузинскаго корпуса не станутъ недостойные раздѣлять съ ними труды ихъ и славу». Но все же долго еще продолжали присылать штрафованныхъ нижнихъ чиновъ и только въ 1823 году вторично состоялось высочайшее повелѣніе не только не назначать порочныхъ людей въ полки кавказской арміи, но, наоборотъ, переводить даже въ 7-ю пѣхотную дивизію нижнихъ чиновъ, наказанныхъ за побѣги и другія преступленія—«кои ненадежны служить въ отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ» **).

Одною изъ мѣръ уменьшенія числа побѣговъ со службы, была плата черкесамъ по десяти рублей за каждаго предъявленнаго бѣглеца; эти деньги, равно какъ и стоимость снесенныхъ вещей удерживались изъ содержанія ротнаго командира; всѣ эти мѣры имѣли благія послѣдствія и число побѣговъ со службы значительно уменьшилось ***). За разные воинскіе проступки взыскивали очень строго: первый побѣгъ наказывался прогнаніемъ сквозь строй одинъ разъ черезъ 100 человѣкъ; второй—два раза, третій—три раза съ ссылкою въ рудники. За маловажные проступки: кратковременную отлучку со службы, пьянство, мелкое воровство и т. д., виновнаго приказывалось «бить передъ разводомъ палками», при чемъ менѣе двухсотъ ударовъ никому не назначалось.

Съ цѣлью заселенія края русскимъ элементомъ, Алексѣй Петровичъ Ермоловъ еще въ 1819 году просилъ Государя Им-

*) Соч. Дебу «О кавказской линіи».
**) Полковой архивъ, дѣло № 83. Входящія бумаги по командѣ за 1823 годъ.
***) Полковой архивъ, дѣло № 133, за 1825 г.; соч. Дебу «О кавказской линіи».

ператора о высылкѣ на казенный счетъ семействъ нижнихъ чиновъ; подобная мѣра еще вызывалась тѣмъ обстоятельствомъ, что, вслѣдствія отсутствія женскаго элемента, нижніе чины мало по малу «начали усваивать себѣ магометанскую безнравственность, обходящуюся безъ женщинъ» *). Когда прибыла первая партія солдатскихъ женъ, то обрадованные мужья и отцы открыли такую пальбу изъ пушекъ и ружей, что съ сосѣднихъ постовъ прискакали резервные казаки, предполагая прорывъ горцевъ черезъ цѣпь нашихъ постовъ **). Во все время пути, до мѣста расположенія полка, семействамъ нижнихъ чиновъ выдавались кормовыя и порціонныя деньги; съ прибытіемъ ихъ къ ротамъ казенная выдача прекращалась и они сами изыскивали способы пропитанія, что сразу ставило ихъ въ критическое положеніе и «вынуждало ихъ просить милостыню, претерпѣвая въ пищѣ крайнюю нужду», какъ доносилъ объ этомъ одинъ изъ ротныхъ командировъ. Для постройки землянокъ, загоновъ для скота и прочаго обзаведенія, женатымъ нижнимъ чинамъ разрѣшалось вырубать нужное количество лѣса за р. Кубанью, противъ Татарскаго поста. Размѣщались въ одной землянкѣ по нѣсколько семействъ и сообща покупали лошадь и корову. Но зима въ 1820 году была очень суровая, запасовъ и сѣна не было, приходилось питаться одною капустою и только болѣе зажиточныя къ этому въ состояніи были добавить еще и картофель. Полковникъ Тихоцкій, входя въ положеніе семейныхъ нижнихъ чиновъ, приказалъ имъ первое время выдавать экономическую муку изъ полка. Кромѣ того, строжайше подтвердилъ ротнымъ командирамъ, «сколь возможно стараться доставлять женатымъ рекрутамъ возможные способы къ работѣ». На основаніи этого, солдатскія жены, съ согласія мужей, отпускались на заработки въ казачьи станицы; при этомъ имъ выдавались билеты за подписью командира полка, казенною печатью, съ точнымъ прописаніемъ, въ какія селенія увольняются

---

*) Записки Бриммера—страница 84.

**) Полковой архивъ за 1820 г. Входящія бумаги № 10. Центральный архивъ при управленіи начальника владикавказской мѣстной бригады, по валовой описи дѣло № 12216.

и на какой срокъ *). При существовавшей тогда рабочей платѣ отъ 50-ти до 80-ти коп. въ день на хозяйскихъ харчахъ, обстоятельства женатыхъ рекрутъ скоро стали поправляться и благосостояніе ихъ возрастать, тѣмъ болѣе; что и само высшее начальство шло навстрѣчу ихъ нуждамъ, надѣляя семьи скотомъ и баранами, отбитыми у горцевъ. Каждый мѣсяцъ баталіонные командиры обязаны были доносить въ штабъ полка «не нуждаются ли семейные солдаты въ потребностяхъ жизни, имѣютъ ли жены ихъ какую нибудь промышленность и обзаводятся ли хозяйствомъ». Строго слѣдя за нравственностью, полковникъ Тихоцкій предписывалъ по выступленіи ротъ въ походъ «не оставлять женщинъ безъ надзора»; назначавшійся для этого унтеръ-офицеръ еженедѣльно рапортовалъ начальству «о благосостояніи, о здоровьи и о затѣяхъ солдатскихъ женъ» **). Но и при этой строгости, говоритъ современникъ, конечно, «примѣровъ цѣломудрія и супружеской вѣрности не надобно было искать въ полковыхъ штабъ-квартирахъ» ***). Не меньшая забота проявлялась и о вдовахъ нижнихъ чиновъ. Приказомъ по полку ротнымъ командирамъ предлагалось «пріискивать имъ женіховъ изъ рядовыхъ или рекрутъ, но не противъ воли, а имѣющаго къ тому желаніе». Жениться на казачкахъ, солдатскихъ дочеряхъ и вдовахъ другихъ полковъ строго воспрещалось, «ибо воля главнаго начальства была, какъ говорилось въ приказѣ, чтобы нижніе воинскіе чины, расположенные къ женитьбѣ, брали за себя изъ полка, въ коемъ служатъ, рекрутскихъ вдовъ» ****). На всѣхъ сиротъ обоего пола, до семилѣтняго возраста, требовалось отъ провіантскаго вѣдомства половинная дача провіанта и деньгами по одному рублю въ мѣсяцъ; съ 12-ти лѣтъ отпускалась уже полная дача и сиротское жалованіе въ размѣрѣ 3-хъ рублей въ треть *****). Сначала женатые солдаты распредѣлялись по всѣмъ ротамъ. Неудобства, отъ

*) Полковой архивъ. Исходящій журналъ за 1822 г., дѣло № 68.
**) Полковой архивъ. Входящія бумаги за 1822 г., дѣло № 63.
***) Записки Бриммера, стр. 86.
****) Полковой архивъ. Исходящій журналъ за 1822 годъ, дѣло № 63 и 68.
*****) Высочайше утвержденное распоряженіе государственнаго совѣта отъ 16-го января 1811 г.

этого проистекавшія, сказались очень скоро: при непрерывныхъ передвиженіяхъ ротъ съ одного мѣста на другое, семейные нижніе чины вынуждены были продавать за безцѣнокъ свои землянки, дома, прочее хозяйство и обзаводиться тѣмъ же на новыхъ мѣстахъ; это конечно подрывало благосостояніе ихъ, тѣмъ болѣе, что начальство не разрѣшало передавать имущество въ частныя руки. Только въ 1825 году, согласно приказа генерала Ермолова, всѣ женатые солдаты соединены были въ каждомъ баталіонѣ въ одну роту и поселены при баталіонныхъ штабахъ, здѣсь имъ отведены были участки земли и отпущены отъ казны средства на устройство хозяйства. Женатая рота нашего 3-го баталіона поселилась близъ Кисловодскаго укрѣпленія, гдѣ сразу возникъ поселокъ вокругъ «Кислаго источника».

Заботясь о благосостояніи минеральныхъ водъ, генералъ Ермоловъ составилъ строительную коммиссію; предсѣдателемъ ея назначилъ командира 3-го баталіона Тенгинскаго полка; членами—одного архитектора и трехъ нашихъ офицеровъ. Мѣста подъ постройки на «главномъ проспектѣ», разрѣшалось раздавать даромъ желающимъ изъ обывателей Кавказской губерніи, отдавая преимущество офицерамъ Тенгинскаго полка. Коммиссія строго должна была слѣдить, чтобы всѣ дома возводились на каменномъ фундаментѣ и подъ желѣзными, или изъ теса крышами, имѣя по наружному фасаду не менѣе пяти оконъ. Съ цѣлью доставить посѣтителямъ какое-либо увеселеніе, предписано было возможно поспѣшнѣе возвести временное строеніе для «ресторацiи, съ одною большою комнатою для танцованія» *). Всѣ работы, по постройкѣ ваннъ, казенныхъ гостинницъ, флигелей, ресторацій, производились исключительно руками нижнихъ чиновъ нашего 3-го баталіона, при участіи полковыхъ подъемныхъ и артельныхъ лошадей. За каждый день работъ выдавалось всѣмъ по 10-ти копѣекъ изъ суммъ на «возведеніе кордонныхъ укрѣпленій на кавказской линіи»; мастеровые нижніе чины получали отдѣльную плату, соотвѣтственно производимой ими работы.

*) Полковой архивъ. Входящія бумаги 3-го бат. за 1821 г., дѣло № 46. Акты кавказской археографической коммиссіи т. II, ч. 2-я, стр. 624.

Смотрителемъ «кислыхъ минеральныхъ водъ» до 1824 года состоялъ воинскій начальникъ кисловодскаго укрѣпленія, командиръ 3-го баталіона Тенгинскаго полка; онъ же официально числился почтмейстеромъ; принятая имъ денежная корреспонденція задѣлывалась въ тюки и на вьюкахъ отправлялась два раза въ недѣлю въ полковую канцелярію, а оттуда разсылалась уже на соотвѣтствующіе тракты. По наступленіи курса леченія на минеральныхъ водахъ, находившаяся здѣсь рота нашего полка укомплектовывалась почти вдвое. Отъ нея наряжались нижніе чины для исправленія полицейскихъ обязанностей, для наблюденія за гостинницею и чистотою ваннъ и т. п. Когда же больные переѣзжали изъ Кисловодска въ Желѣзноводскъ, то рота наша конвоировала ихъ въ пути и охраняла во время курса леченія. Тогда въ Желѣзноводскѣ, кромѣ одного казеннаго дома въ восемь комнатъ, никакихъ другихъ построекъ не было. Больные обыкновенно размѣщались по палаткамъ и нагайскимъ кибиткамъ; вокругъ разбивался лагерь роты тенгинцевъ, отъ которой и выставлялась цѣпь постовъ. Такимъ образомъ, тенгинцы были первыми піонерами въ дѣлѣ устройства нынѣшнихъ знаменитыхъ минеральныхъ водъ. Теперешніе посѣтители нашего курорта вѣроятно съ трудомъ могутъ представить себѣ, что было время, когда дѣлали моціонъ подъ охраной вооруженной стражи, а пріемъ цѣлительныхъ ваннъ могъ быть ежеминутно прерванъ тревогой и приходилось тогда выскакивать полуодѣтымъ и бѣжать подъ защиту конвоя.

И другіе баталіоны нашего полка, помимо военныхъ дѣйствій, принимали самое дѣятельное участіе въ производствѣ общественныхъ работъ. На Кавказѣ въ то время не было ни благоустроенныхъ городовъ, ни сносныхъ помѣщеній для офицеровъ и нижнихъ чиновъ, отсутствовали госпиталя, а пути сообщенія представляли изъ себя нѣчто ужасное. На все нужны были рабочія руки, а въ нихъ то и ощущался большой недостатокъ; приходилось по необходимости пользоваться услугами войскъ.

Тенгинцами, напримѣръ, возведенъ госпиталь въ городѣ Георгіевскѣ, сооружены казармы въ крѣпостяхъ Константи-

ногорской, Темнолѣсской и Кумскомъ интерпшаніѣ, разработана кабардинская дорога и т. д., не говоря уже о томъ, что надъ постройкой новыхъ укрѣпленій и постовъ въ раіонѣ расположенія полка, постоянно трудились наши солдаты. Заступъ, ломъ, топоръ и коса почти не выпускались изъ рукъ, а заряженное ружье всегда перекинуто было на ремнѣ черезъ плечо для скорѣйшаго отраженія хищнаго непріятеля. Работа кипѣла повсемѣстно: тамъ взрывали камни, тамъ подваливали чудовищныя деревья, тамъ косили траву, выжигали кирпичи, угли, и все это нерѣдко дѣлалось подъ свистъ горскихъ пуль. Рота въ сборѣ бывала исключительно только въ походѣ; въ остальное время ротный командиръ видѣлъ около себя однихъ должностныхъ нижнихъ чиновъ, такъ какъ всѣ люди разбросаны были по постамъ или же находились на казенныхъ работахъ, и даже въ Свѣтлый Праздникъ большинство солдатъ ожидало на постахъ прибытія полкового священника съ походною церковью, который сразу исповѣдывалъ, причащалъ и служилъ краткую заутреню, иногда спустя уже нѣсколько дней послѣ праздника. Кусокъ черстваго сухаря, немного мяса, да водка полугарная составляли все разговѣніе нижнихъ чиновъ и только офицерамъ съ большимъ трудомъ и за баснословную цѣну удавалось раздобыть нѣсколько десятковъ яицъ *).

Развлеченій не было никакихъ. Неудивительно по этому, что ярмарка въ Георгіевскѣ и Ставрополѣ, составляли событіе, о которомъ нижніе чины говорили задолго до открытія ихъ. Каждый съ нетерпѣніемъ ждалъ, отпустятъ ли его въ этомъ году потолкаться среди балагановъ съ заѣзжими петрушками или между рядами лавокъ съ красными товарами и всевозможными яствами. О ротныхъ библіотекахъ не было и помину, вѣроятно по причинѣ незначительной грамотности. Такъ, изъ прибывшихъ въ 1821 году 394 рекрутъ читать умѣло всего два человѣка **). Единственнымъ чтеніемъ въ ротахъ служили книги Новаго Завѣта, пожалованныя нашему полку въ 1820 году Государемъ Им-

*) Полковой архивъ. Исходящій журналъ за 1821 г., дѣло № 16.
**) Полковой архивъ, разныя бумаги о рекрутахъ за 1821 годъ, дѣло № 44.

нераторомъ Александромъ I, въ количествѣ тридцати экземпляровъ, по десяти на каждый баталіонъ.

Ротное хозяйство съ прибытіемъ полка на Кавказъ сразу значительно стало увеличиваться; вмѣсто одной артельной лошади появилось въ ротахъ нѣсколько запряженныхъ троекъ, пары двѣ, три рабочихъ воловъ и стада овецъ, овчина съ которыхъ шла на полушубки. И высшее начальство не только не запрещало, но даже поощряло развитіе хозяйства: условія, въ которыхъ находились кавказскіе полки, требовали, чтобы роты были вполнѣ самостоятельны въ своемъ хозяйствѣ. Гдѣ здѣсь ожидать было своевременнаго подвоза подрядчикомъ продовольственныхъ припасовъ, когда разстояніе отъ штаоъ-квартиры полка до стоянки ротъ нерѣдко достигало 200 и болѣе верстъ, когда разлитіе рѣкъ и глубокіе снѣга, заваливавшіе горныя тропинки зачастую совершенно прекращали сообщеніе съ окружающимъ міромъ. Нужно было всегда самимъ заботиться о своемъ продовольствіи, чтобы не стать въ безвыходное положеніе.

Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что тенгинцы попали на Кавказъ вначалѣ въ весьма суровыя условія, несравненно болѣе тягостныя чѣмъ тѣ, которыя приходилось испытывать до сихъ поръ. Но время, а главное примѣръ новыхъ однополчанъ, бывшихъ суздальцевъ, уже обтерпѣвшихся, скоро пріучили къ присущей кавказскимъ войскамъ выносливости и находчивости въ устраненіи разнаго рода невзгодъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, упорная война съ горцами, постоянные совмѣстные походы, бивачная жизнь постепенно выработали въ высшей степени своеобразныя отношенія между офицерами и нижними чинами нашего полка. «Власть не давила солдатъ и они ее не чувствовали. Отсюда—безграничное уваженіе къ ней, соперничество въ военныхъ доблестяхъ, сыновняя любовь къ начальству» *). Это тоже составляло особенно характерное явленіе, свойственное кавказскимъ войскамъ, и какъ драгоцѣнный завѣтъ традиціонно сохраняющееся до нашихъ дней.

---

*) Кавказскій Сборникъ, т. II, стр. 390.

Глава II.

Боевая дѣятельность полка на кавказской линіи. Первыя потери. Набѣги и экспедиціи. Ермоловская система просѣкъ. Набѣгъ въ Чечню. Очищеніе ханкальскаго ущелья. Маіоръ Курило. Набѣги въ Кабарду въ 1821 и 1822 годахъ. Дѣйствія 1-го и 2-го баталіоновъ. Прибытіе генерала Вельяминова. Знаменитый его приказъ. Движеніе къ верховьямъ Лабы. 1824 годъ. Спокойствіе на линіи. Эпизодъ во время сатовки въ Прочномъ-окопѣ. Дѣйствія въ 1825 г. противъ «бѣглыхъ кабардинцевъ». Постройка укрѣпленія на Бѣлой. Дѣйствія на рр. Шагуанъ, Кинджалъ, Хасаутъ. Обостреніе дѣлъ на линіи и съ Персіей. Причины войны. Кончина Александра I и воцареніе Николая I. 1826 годъ. Разрывъ съ Персіей. Общій очеркъ военныхъ дѣйствій. Подготовленіе полка къ походу. 1827 годъ. Смѣна Ермолова. Отзывъ Дибича о ермоловскихъ войскахъ. Выступленіе полка въ походъ. Сагиновъ. Претензія, заявленная офицерами. Коммуникаціонная линія. Тыловая дѣятельность полка. Смертность въ полку. Наступленіе за Аракс въ 1827 году. Сдача Ардебиля. Конецъ войны. Дѣятельность баталіоновъ во время турецкой войны. Полковникъ Лисаневичъ. Его заботы объ улучшеніи санитарной части. Обратное выступленіе полка на линію. 1830 годъ. Дѣятельность 3-го резервнаго баталіона за послѣдніе три года. Участіе баталіона въ карачаевской экспедиціи. Приходъ дѣйствующихъ баталіоновъ на линію. Смотръ генерала Фролова.

Боевая дѣятельность полка началась тотчасъ же по прибытіи на линію и вначалѣ тенгинцамъ не могла конечно не показаться страннымъ кавказская «боевая» обстановка. Непріятеля не было видно, казачье населеніе кругомъ занималось мирнымъ хлѣбопашествомъ, да и на «той сторонѣ», у «него», какъ говорили солдаты о землѣ враждебныхъ горцевъ, тоже повидимому ничего грознаго не происходило, тѣмъ не менѣе приходилось держать ухо востро и быть постоянно наготовѣ противъ невидимаго врага.

Но вотъ осенью 1819 года вода въ Кубани спала, броды обнаружились и отовсюду начали поступать донесенія объ угонѣ горцами скота, лошадей, о найденныхъ въ степи мертвыхъ тѣлахъ, о захватѣ въ плѣнъ поселянъ и т. п.

Въ ноябрѣ тенгинцы принесли свои первыя боевыя жертвы. 22-го числа ночью, когда неистово бушевала снѣжная буря рано наступившей зимы, небольшая партія горцевъ, человѣкъ въ шесть,

скрытно подползла къ посту, находившемуся въ 10-ти верстахъ отъ кабардинскаго укрѣпленія, и мигомъ напала на часового Аѳанасія Краснобая, рядового 9-й мушкетерской роты; нѣсколько ударовъ кинжалами уложили на мѣстѣ несчастнаго, неуспѣвшаго даже вскрикнуть. Смѣна, которая въ эту минуту подходила къ посту, видѣла происшедшее, но не могла преслѣдовать убійцъ, такъ какъ они, благодаря темнотѣ, исчезли. Болѣе обширные поиски тоже ни къ чему не привели: пока по тревогѣ поднялись люди поста, горцы были уже за нѣсколько верстъ.

Тенгинцы стали бдительнѣе и можетъ быть это спасло ихъ втеченіе зимы отъ другихъ внезапныхъ нападеній, но уже въ февралѣ слѣдующаго года горцы выискали благопріятный случай. Такъ, рядовой 2-й мушкетерской роты, Криницкій поѣхалъ съ женою на покосъ за сѣномъ; станица Сергіевская, возлѣ которой произошла драма, отстояла сравнительно далеко отъ Кубани и никому не приходила въ голову мысль объ опасности, такъ что жители свободно разъѣзжали, не принимая никакихъ особыхъ мѣръ предосторожности, тѣмъ болѣе никто не бралъ съ собою конвоя. Когда Криницкіе вдвоемъ подъѣхали къ стогу и стали наваливать возъ, вдругъ стогъ зашевелился и изъ-подъ сѣна выскочило нѣсколько горцевъ, бросившихся на Криницкаго и перерѣзавшихъ ему горло; жену его связали, заткнули ей ротъ, чтобы она не кричала, и вмѣстѣ съ лошадью погнали въ горы *).

Собственно въ дѣлахъ съ горцами тенгинцамъ пришлось участвовать не ранѣе весны 1820 года. Наступательныя наши дѣйствія того времени раздѣлялись на набѣги и экспедиціи. Первые предпринимались на короткое время и на близкое разстояніе, съ цѣлью разорить какой нибудь аулъ, отбить скотъ, уничтожить запасы хлѣба или сѣна, и вообще нанести какой нибудь существенный ущербъ горцамъ, въ отмѣстку за ихъ грабежи. Экспедиціи же предпринимались на продолжительное время съ болѣе широкою задачею; съ цѣлью, напримѣръ, покоренія какого нибудь горскаго общества, заложенія передового укрѣпленія, для

*) Полковой архивъ. Входящія бумаги за 1819 г. № 4.

рубки лѣса *) и т. п. Рубки лѣса въ подобныхъ экспедиціяхъ совершались не съ какими нибудь хозяйственными цѣлями, а съ стратегическими. Это была знаменитая система просѣкъ, впервые установленная Ермоловымъ. Прорубки, шириною въ нѣсколько сотъ саженъ, производились черезъ лѣса на много верстъ въ извѣстномъ направленіи къ какимъ нибудь важнымъ пунктамъ и представляли широкія дороги, по которымъ безопасно могли двигаться войска, проникая въ самыя отдаленныя дебри, укрывавшія горцевъ. Преемники генерала Ермолова не поняли или не хотѣли понять всей важности системы просѣкъ, она была забракована и только много лѣтъ спустя вновь примѣнена; она то въ концѣ концовъ и привела къ покоренію Кавказа.

Небольшія рубки лѣса, впрочемъ, производились иногда и во время набѣговъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ командиръ 43-го егерскаго полка полковникъ Грековъ получилъ предписаніе совершить набѣгъ въ чеченскіе лѣса, врѣзаться въ нихъ просѣками, обрекогносцировать мѣстность за р. Сунжею и разорить нѣсколько ауловъ, служивнихъ постояннымъ «твердымъ убѣжищемъ злодѣевъ чеченскихъ».

На разсвѣтѣ 6-го числа полковникъ Грековъ съ 10-ю ротами пѣхоты, въ томъ числѣ и двумя нашего полка, пятью стами линейскихъ казаковъ и тысячью преданныхъ намъ чеченцевъ, вооруженныхъ топорами и пилами, переправился за р. Сунжу и двинулся къ р. Аргуну. По пути движенія отряда лежалъ большой аулъ Топли, обреченный на разореніе. Утренній туманъ, покрывавшій долины, далъ возможность отряду подойти къ аулу незамѣтно; гребенскіе казаки, кружнымъ движеніемъ зашедшіе въ тылъ, и три роты пѣхоты съ фронта одновременно ринулись на аулъ, еще объятый сномъ. Съ ужасомъ пробудились горцы, большинство тутъ же легло на мѣстѣ и лишь небольшая часть, сознавъ тщетность борьбы, сдалась побѣдителямъ, вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми. Что было можно захватить изъ горскаго добра было взято, а все остальное предано огню и черезъ какой

*) Романовскій. «Кавказъ и Кавказская война».

нибудь часъ отъ аула осталась груда пепла. Въ тылу отряда между тѣмъ мирные чеченцы рубили просѣку и валили вѣковыя деревья въ костры, которые потомъ зажигались.

10-го числа отрядъ перешелъ къ знаменитому ущелью Ханъ-кале, служившему историческими воротами въ Чечню. Это было горно-лѣсное дефиле, въ которомъ горцы могли оказать сильное сопротивленіе, если бы они успѣли занять его, но полковникъ Грековъ быстрымъ движеніемъ прошелъ его и, выдвинувъ на ту сторону ущелья сильную передовую цѣпь охраны, приказалъ свободнымъ войскамъ начать рубку окрестныхъ лѣсовъ. Горцы только тогда сознали свою оплошность, но было поздно,—мы уже занимали выгоднѣйшее положеніе. Непріятель усиленнымъ огнемъ старался помѣшать работамъ и нѣсколько разъ переходилъ въ атаки, направленныя главнымъ образомъ на нашу передовую цѣпь, которую пришлось усилить двумя ротами тенгинцевъ, тотчасъ же окопавшимися и открывшими частый огонь, не прекращавшійся цѣлую ночь. Къ утру къ горцамъ подошли подкрѣпленія изъ дальнихъ ауловъ и среди нихъ замѣтно было сильное движеніе; очевидно, чеченцы готовились къ отчаянному нападенію. По приказанію начальника отряда, тенгинцы и одна рота егерскаго полка съ артиллеріей, выдвинулись еще болѣе впередъ и заняли позицію впереди ханкальскаго ущелья. Горцы въ изступленіи два раза бросались въ шашки и оба раза были опрокинуты съ большимъ урономъ. Болѣе трехъ часовъ продолжалась жаркая схватка, возобновившаяся и на слѣдующій день. Упорство нашихъ войскъ сломило, наконецъ, сопротивленіе непріятеля и къ 15-му марта вся прилегающая мѣстность къ ханкальскому ущелью была превращена въ обширную поляну, послѣ чего войска возвратились въ крѣпость Грозную.

Уронъ тенгинцевъ былъ очень незначителенъ—раненъ всего одинъ и контуженъ также одинъ. Въ награду за проявленное мужество обѣ роты получили по четыре Георгія, а изъ офицеровъ поручикъ Никшичъ и подпоручикъ Круль, находившіеся во все время боя впереди и мужествомъ своимъ поощрявшіе солдатъ, представлены къ Аннѣ 4-й степени.

Кордоннымъ начальникомъ 1-го участка линіи, въ расположеніи полка, былъ командиръ 3-го баталіона маіоръ Курило 1-й. Это былъ отважный партизанъ, чрезвычайно хорошо примѣнившійся къ способу веденія войны съ горцами. Врасплохъ застать его было нельзя, онъ былъ всегда наготовѣ встрѣтить непріятеля и, въ свою очередь, очень удачно и неожиданно для горцевъ съ небольшой командой проникалъ за Кубань, быстро и скрытно пробирался къ ауламъ и производилъ тамъ ужасъ наводящій погромъ. Дѣйствительно, именемъ Курило горцы пугали дѣтей, а солдаты, наблюдая съ постовъ за столбами дыма въ горахъ, играли словами: «Ну! нашъ Курило закурилъ!». Онъ особенно какъ-то умѣлъ изворачиваться въ трудныхъ обстоятельствахъ и предусмотрѣть неожиданности. Характернымъ его набѣгомъ является его движеніе въ Кабарду въ маѣ 1821 года. 5-го числа, съ отрядомъ изъ 2-й гренадерской роты (270 человѣкъ), 160-ти казаковъ и одного коннаго орудія, маіоръ Курило выступилъ въ Кабарду и шелъ цѣлую ночь напролетъ по направленію къ ауламъ Измаила Касаева и Тау-Султана Атажукова, расположеннымъ по обѣ стороны рѣки Малки. Для обезпеченія своего отступленія маіоръ Курило оставилъ со всею ротою въ тылу отважнаго и чрезвычайно распорядительнаго капитана Кашутина *), а самъ, съ казаками и конным орудіемъ, на рысяхъ двинулся далѣе и, какъ только что началъ брезжить свѣтъ, напалъ на коши—огороженное мѣсто, куда на ночь сгонялся скотъ. Нападеніе не на аулъ, а на коши нельзя не признать весьма благоразумнымъ со стороны маіора Курило. Отрядъ былъ слишкомъ малъ для болѣе значительной операціи, а между тѣмъ угонъ скота, составлявшаго главное, если не единственное, довольствіе горцевъ, наносилъ существенный ущербъ непріятелю. Захвативъ громадную добычу и 14 человѣкъ плѣнныхъ, отрядъ сталъ отходить обратно. Наступалъ серьезный моментъ. Горцы, захваченные врасплохъ, обыкновенно не выказывали сильнаго сопротивленія наступленію нашихъ войскъ въ ихъ земли, но при нашемъ отступленіи успѣвали собраться и

*) Впослѣдствіи Кашутинъ былъ командиромъ нашего полка.

нападали всѣми силами на колонны, забѣгали впередъ, съ фланговъ, пользовались всякимъ укрытіемъ и, въ общемъ, дѣлали обратное движеніе самою трудною операціей. Въ арьергардъ поэтому всегда назначались самые опытные и рѣшительные начальники. И на этотъ разъ горцы, вѣрные своей системѣ, старались окружить отрядъ, когда онъ, гоня передъ собою добычу, вошелъ въ лѣсное дефиле. Нѣсколько сотъ человѣкъ, по призывному крику тревоги, спѣшно заняли узкій проходъ у рѣчки Этокъ, гдѣ пролегалъ путь нашего отступленія. Маіоръ Курило, открывъ съ фронта сильный огонь, направилъ въ обходъ непріятельской позиціи капитана Кашутина съ полуротою и 70-ю спѣшенными казаками. Горцы, обойденные съ тыла, бросились на коней и принуждены были такимъ образомъ очистить путь, оставивъ нѣсколько десятковъ тѣлъ на мѣстѣ. Въ этомъ дѣлѣ во 2-й гренадерской ротѣ убито 6, ранено 5 человѣкъ.

Въ сентябрѣ 1821 года генералъ Ермоловъ, только что вернувшійся изъ Петербурга, рѣшилъ наказать кабардинцевъ за ихъ непрерывныя нападенія на линію и приказалъ генералъ-маіору Сталю вторгнуться въ Кабарду.

Отряды подполковника артиллеріи Кацарева и маіора Курило (двѣ роты Тенгинскаго полка, три сотни казаковъ и два орудія), подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Сталя, стояли въ полной готовности. 18-го числа приказано было выступить по направленію къ аулу Маргушева. Нѣсколько дней уже шелъ сильный дождь, и безъ того плохія дороги испортились окончательно; пришлось на пути оставить всѣ орудія и почти всѣ патронные ящики. Густой туманъ способствовалъ скрытному нашему движенію, но тѣмъ не менѣе оно было обнаружено случайно проѣзжавшими кабардинцами. Ужасъ объялъ горцевъ и уже за версту отъ деревни слышенъ былъ, какъ доносилъ генералъ-маіоръ Сталь, «ужасный вопль спасавшихся жителей». Казаки, карьеромъ опередивъ отрядъ, ворвались въ аулъ и начали крошить направо, налѣво; подоспѣвшая пѣхота довершила пораженіе. Отсюда маіоръ Курило съ одною ротою и двумя

сотнями казаковъ былъ направленъ къ верховьямъ рѣкъ Малки и Кулькужанъ. Двинувшись въ горы необычайно быстро, онъ испепелилъ нѣсколько кошей и захватилъ нѣсколько тысячъ головъ рогатаго скота и барановъ, которые были розданы жителямъ кавказской губерніи, почти разореннымъ горскими набѣгами.

Не успѣлъ отрядъ Курило отдохнуть отъ послѣдняго похода въ Кабарду, какъ въ ночь съ 14-го на 15-е декабря, въ самую сильную стужу, снова выступилъ туда же. Глубокіе снѣга, завалившіе ущелья горъ, дѣлали движеніе крайне утомительнымъ. Не безъ труда отрядъ достигъ абазинскихъ ауловъ, которые, послѣ упорнаго сопротивленія, были взяты съ бою и уничтожены до основанія. При обратномъ слѣдованіи одинъ изъ кабардинскихъ владѣтелей, Арсланъ-бекъ Біарслановъ, пытался задержать отрядъ, но былъ отброшенъ съ огромнымъ урономъ. Вся тяжесть боя легла на наши двѣ роты, у которыхъ изъ строя выбыло при этомъ убитыми 2, ранеными 12 человѣкъ. Въ рапортѣ своемъ маіоръ Курило съ особою похвалою отзывался о личной храбрости поручика Пржелинскаго, прапорщиковъ Дебу и Гриневича.

Въ началѣ 1822 года агенты турецкаго правительства, постоянно разъѣзжавшіе среди горскихъ племенъ, стали усиленно распускать слухъ о разрывѣ съ Россіею *). Горцы, считавшіе всегда турецкаго султана сильнѣйшимъ монархомъ въ свѣтѣ, заволновались, разсчитывая, что война поставитъ насъ въ критическое положеніе. Какъ и всегда, первыми на призывъ Турціи откликнулись кабардинцы, авторитетъ которыхъ былъ очень силенъ въ горахъ. Необходимы были рѣшительныя мѣры, чтобы въ началѣ же потушить искру пожара. Безъ замедленія отряды, подъ начальствомъ подполковника Кацарева и маіоровъ Тарановскаго и Курило, вторглись снова въ Кабарду. Маіоръ Тарановскій 1-го января перешелъ Баксанъ близъ скалы, на которой владѣлецъ ущелья князь Тау-Султанъ начерталъ горделивую надпись: «проходитъ только другъ» **). Истребивъ боль-

*) Платонъ Зубовъ. «Подвиги русскихъ воиновъ въ странахъ кавказскихъ», т. II, стр. 95.
**) Записки Бриммера, выпускъ 1-й, стр. 38.

шіе запасы сѣна и отбивъ значительное число головъ скота и лошадей, отрядъ возвратился на линію. Почти одновременно Курило, слѣдуя къ верховьямъ рѣки Малки, напалъ на коши, принадлежавшіе князьямъ Атажуковымъ и послѣ сильной перестрѣлки овладѣлъ ими безъ всякой для себя потери. Между тѣмъ, отрядъ Кацарева непрерывными переходами между верховьями рѣкъ Баксана и Терека сдерживалъ буйные порывы подвластныхъ жителей фамилій Бекъ-Мурзиныхъ и Кайтукиныхъ. Для наблюденія за остальными двумя владѣтелями Большой Кабарды, кн. Мисостовыми и Атажуковыми, направленъ былъ къ верховьямъ р. Малки маіоръ Курило со 2-й мушкетерской и 3-й гренадерской ротами, сотнею казаковъ при трехъ орудіяхъ. Не успѣлъ еще отрядъ Курило прибыть къ сборному пункту, какъ 500 закубанцевъ, переправившись черезъ Кубань у Каменнаго-моста, явились въ абазинскіе аулы, считавшіеся мирными, и переселили ихъ со всѣмъ имуществомъ въ свои предѣлы. Отрядъ маіора Курило былъ слишкомъ малъ, чтобы воспрепятствовать этому переселенію, вообще говоря нежелательному, такъ какъ абазинцы ускользали отъ наблюденія и увеличивали собою ряды непріятеля *).

Въ то время какъ 3-й баталіонъ въ составѣ различныхъ отрядовъ колесилъ по Большой Кабардѣ, придерживая ея населеніе на мѣстѣ, остальные два баталіона продолжали въ охранительной службѣ на линіи бороться съ мелкими шайками закубанцевъ. И эта борьба стоила другого кровопролитнаго дѣла. Съ наступленіемъ темныхъ ночей, черкесы какъ шакалы выползали на свой хищническій промыселъ и всю ночь рыскали около станицъ мирныхъ поселянъ. Каждаго камня, каждаго куста нужно было бояться. Малѣйшая оплошность могла угрожать смертью неосторожному. Такъ, 12-го марта дежурный по крѣпости Темнолѣсской, подпоручикъ Петровъ, обревизовавъ посты и секреты, послалъ около 12-ти часовъ ночи своего денщика къ часовымъ, содержавшимъ «претинъ», съ приказаніемъ чаще дѣлать сигналы; едва по-

*) Министерскія отношенія за январскую треть 1822 года. Шт. кавк. воен. округа, дѣло № 394. Потто. «Кавказ. война въ отдѣльныхъ очеркахъ», т. II, вып. 3.

сланный успѣлъ пройти шаговъ сто отъ квартиры, какъ упалъ подъ ударами шашекъ двухъ хищниковъ, скрывавшихся за плетнемъ *). Затѣмъ, партія черкесовъ, человѣкъ въ пятьдесятъ, скрытно проскользнувъ поодиночкѣ, черезъ кордонную цѣпь казаковъ, внезапно напала на жителей станицы Круглолѣсской, бывшихъ въ полѣ на хлѣбопашествѣ. По тревогѣ, изъ станицы прибѣжалъ резервъ отъ 6-й мушкетерской роты Тенгинскаго полка, съ поручикомъ Чубровскимъ во главѣ, но уже опоздалъ на выручку: 6 человѣкъ станичниковъ лежали изрубленные въ куски, часть же изъ нихъ увлечена была въ плѣнъ съ лошадьми. Поручикъ Чубровскій до того растерялся, что не сталъ даже преслѣдовать хищниковъ, съ которыми равнялся въ силахъ. За это онъ былъ преданъ суду **).

Четырехмѣсячное пребываніе въ Кабардѣ отряда Кацарева принесло желаемые результаты: боязнь за безопасность своихъ семействъ и цѣлость имущества заставила населеніе прекратить набѣги, и депутаціи отъ различныхъ обществъ стали являться въ ставку начальниковъ съ изъявленіемъ полной покорности. Но Ермолова нельзя было усыпить подобными обѣщаніями; изыскивая въ продолженіи пяти лѣтъ средства для обузданія этого своевольнаго народа, онъ пришелъ къ заключенію, что только рядъ укрѣпленій, воздвигнутыхъ противъ главныхъ выходовъ изъ ущелій горъ, способенъ былъ смирить населеніе. Поэтому, онъ приказалъ въ концѣ 1822 года, возвести въ самомъ центрѣ Кабарды, у подошвы Черныхъ горъ, крѣпости на рѣкахъ Урухъ, Нальчикъ и Баксанъ. Такимъ образомъ, новая кордонная линія, далеко вдавшись клиномъ въ Большую Кабарду, отрѣзала совершенно жителей плоскости отъ населенія горъ и прерывала всякую связь кабардинцевъ съ закубанцами ***), но многіе тогда же ушли въ горы.

Въ 1823 году главнѣйшія военныя дѣйствія происходили противъ закубанцевъ. Кабардинскіе князья, главные наши не-

*) Арх. шт. кав. воен. округа, дѣло № 8, по дежурству 1-го отдѣленія.
**) Арх. шт. кав. воен. округа, по дежурству 1-го отдѣленія за 1822 годъ, дѣло № 8.
***) Платонъ-Зубовъ—«Подвиги русскихъ воиновъ въ странахъ Кавказскихъ», т. II, часть 3-я.

други, продолжали агитировать противъ насъ и, сохраняя видимую покорность, разсылали въ тоже время ко всѣмъ племенамъ довѣренныхъ лицъ съ призывомъ къ военнымъ дѣйствіямъ. Закубанье какъ будто только этого и ждало. Быстро образовалось множество отдѣльныхъ вооруженныхъ шаекъ, съ нѣкоторыми представителями княжескихъ фамилій во главѣ. Турецкое правительство щедро расточало имъ золото, чтобы поддержать духъ мятежа и подстрекало ихъ на совершеніе набѣговъ на нашу границу. Едва слухи о намѣреніяхъ закубанцевъ достигли до линіи, какъ уже многочисленная партія горцевъ бросилась на темижбекскіе хутора и Круглолѣсскую станицу, предала ихъ пламени и полному разграбленію.

Эти происшествія вынудили Ермолова командировать туда начальника корпуснаго штаба генералъ-маіора Вельяминова 3-го съ обширными полномочіями. Объѣхавъ всю кордонную линію и ближе ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ, Вельяминовъ не могъ не усмотрѣть, что прорывы горцевъ въ большинствѣ случаевъ происходили отъ оплошности и нерадѣнія постовыхъ казаковъ. Смѣнивъ нѣкоторыхъ кордонныхъ начальниковъ и произведя экзекуцію, весьма характерную для того времени, генералъ Вельяминовъ достигъ того, что дѣйствительно сразу уменьшилъ число нападеній на поселенія казаковъ. Вотъ интересный приказъ объ этомъ по кубанскому кордону отъ 12-го ноября 1823 года за № 2 *).

«Безпрерывныя хищничества въ кордонѣ войска донского подполковника Милера, особливо въ такое время года и въ такую ненастную погоду, когда они почти никогда удаваться не могутъ, доказываютъ совершенное презрѣніе закубанцевъ къ подполковнику Милеру и совершенную ихъ увѣренность въ его оплошность. Казаки, полагаясь на его лѣнь и безпечность, не боятся увѣрить его, что нигдѣ не замѣчаютъ по кордону слѣдовъ хищниковъ, а господинъ подполковникъ Милеръ довольствуется повтореніемъ по командѣ сихъ нелѣпыхъ донесеній. Такое нерадивое отправленіе службы вынуждаетъ меня отказать ему отъ

*) Полковой архивъ, входящія бумаги за 1823 годъ, дѣло № 104.

начальства надъ кордономъ, который и поручается командиру Кубанскаго казачьяго полка маіору Степановскому. Какъ въ казакахъ донского Милера полка замѣтна всеобщая лѣнь и нерадѣніе, а сверхъ того видно, что стараются они скрывать слѣды хищниковъ, то предписываю наказать розгами, по сто ударовъ, всѣхъ казаковъ и пятидесятниковъ, находящихся по постамъ отъ Татарскаго до Бѣломечетскаго. Господинъ полковникъ Кацаревъ пошлетъ нарочнаго для сего офицера. Маіору Степановскому нахожусь поставить на видъ, что большая строгость необходима съ нерадивыми казаками донского Милера полка; за офицерами онаго нуженъ также строгій надзоръ и ни малѣйшія упущенія ихъ не должны быть безъ взысканія».

Таково было «доброе», старое время!

Генералъ Вельяминовъ произвелъ также нѣкоторую перемѣну въ расположеніи войскъ. Сильный разливъ Кубани въ этомъ году, уничтоживший всѣ броды, позволилъ стянуть къ Невинномысскому укрѣпленію большую часть войскъ, снять съ постовъ казаковъ и образовать изъ нихъ нѣсколько сильныхъ резервовъ. Многочисленные секреты наши приказывалось каждую ночь перебрасывать на ту сторону рѣки.

Но закубанцы, тѣмъ не менѣе, въ концѣ августа намѣревались пробраться на Малку и увлечь за собою мирныхъ кабардинцевъ. Лазутчики своевременно извѣстили насъ объ этомъ движеніи и генералъ Вельяминовъ, желая предупредить это вторженіе, выступилъ 30-го сентября къ верховью р. Лабы съ сильнымъ отрядомъ, въ который входила и 7-я мушкетерская рота нашего полка *). Дѣлая ночные форсированные марши, отъ 45-ти до 60-ти верстъ каждый, днемъ же скрываясь въ балкахъ, войска на разсвѣтѣ, 1-го октября, достигли устья рѣки Ходзь. Было около 7-ми часовъ утра, когда разъѣзды донесли, что въ верстахъ въ трехъ находятся нѣсколько ауловъ, изъ которыхъ пастухи выгоняютъ скотъ. Немедленно высланы были впередъ всѣ казаки, въ подкрѣпленіе имъ слѣдовали двѣ роты навагинцевъ и тенгин-

*) Подробный исходящій журналъ Вельяминова за 1823 годъ. Арх. шт. кавк. воен. окр., по дежурству 1-го отдѣленія, дѣло № 646.

цевъ; аулы были окружены, испуганные жители не успѣли спастись бѣгствомъ и много ихъ пало подъ ударами шашекъ и штыковъ нашихъ войскъ. Простоявъ у верховьевъ Лабы до 7-го октября, ведя все время перестрѣлку съ горцами, Вельяминовъ тронулся въ обратный путь. Нѣсколько тысячъ закубанцевъ провожало отрядъ, ведя непрерывный огонь съ арьергардомъ и цѣпью стрѣлковъ. Около часу дня поднялся сильный встрѣчный вѣтеръ; нѣсколько человѣкъ горцевъ, заскакавъ впередъ отряда, зажгли сухую траву на значительномъ пространствѣ, думая степнымъ пожаромъ произвести замѣшательство въ войскахъ. Громадный столбъ пламени, подгоняемый сильнымъ вѣтромъ, понесся на встрѣчу отряду, грозя ему гибелью. Тутъ генералъ Вельяминовъ явилъ примѣръ замѣчательнаго присутствія духа и находчивости. Пріостановивъ колонну, онъ приказалъ въ свою очередь зажечь траву въ арьергардѣ; пламя понеслось отъ насъ и въ нѣсколько минутъ очистилась значительная площадка, на которую и переведены были войска—встрѣчный пожаръ былъ уже не страшенъ и колонны были только обданы пепломъ, словно снѣгомъ. Поздно ночью отрядъ достигъ Кубани.

Генералъ Вельяминовъ весьма похвально отзывался о храбрости всѣхъ войскъ и раздалъ имъ много знаковъ отличія военнаго ордена, одинъ изъ которыхъ достался въ 7-ю мушкетерскую роту тенгинцевъ.

Рѣшительныя дѣйствія начальника корпуснаго штаба за Кубанью и чрезвычайныя мѣры охраны, принятыя имъ, водворили относительное спокойствіе къ концу года. Въ этомъ же году и штабъ-квартира тенгинцевъ была переведена въ кр. Темнолѣсскую. «Не знаю, пишетъ Ермоловъ въ своихъ запискахъ объ этой крѣпости *), какую она и прежде могла приносить пользу, будучи расположена въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ничего не защищала, куда не могъ пройти непріятель, по мѣстоположенію почти неприступному. Не могла даже вмѣщать такого числа войскъ, съ которымъ бы удобно было пуститься на самое легчайшее предпріятіе. Нельзя было расположить въ ней никакихъ запасовъ,

*) Часть II, стр. 42.

ибо нѣтъ къ ней дорогъ, кромѣ весьма трудныхъ». И дѣйствительно, новая штабъ-квартира представляла неудобства во всѣхъ отношеніяхъ, въ ней даже не было достаточнаго количества строеній для размѣщенія полка и тенгинцамъ поэтому разрѣшено было перевезти съ Невиннаго-мыса подъ офицерскіе флигели и казармы всѣ старыя драгунскія конюшни, «которыя тамъ безъ всякой пользы приходятъ въ гнилость», какъ сообщалъ бригадный командиръ. Лучшею иллюстраціею состоянія построекъ въ Темнолѣсской крѣпости можетъ служить слѣдующее предписаніе командира полка на имя одного изъ офицеровъ: «извольте при размѣщеніи по казармамъ людей соблюдать осторожность, дабы отъ нечаяннаго паденія ихъ не послѣдовало несчастія, за которое вы будете отвѣтствовать» *).

1824 годъ протекъ для тенгинцевъ сравнительно спокойно; 2-я и 3-я гренадерскія, 4-я, 7-я и 8-я мушкетерскія роты, въ составѣ различныхъ отрядовъ, принимали участіе въ набѣгахъ на закубанскіе аулы, не понеся никакой потери въ личномъ составѣ. Но зато, «отъ безпрерывныхъ движеній люди и лошади были изнурены до крайности; запасъ провіанта истощился, и солдаты кормились только просомъ, которое топтали и уничтожали у горцевъ. Смоловши его между каменьями, они варили себѣ кашу безъ соли и безъ сала; у офицеровъ не было ни чая, ни сахара, ни табака, и продукты маркитантовъ всѣ истощились» **). Набѣги, въ которыхъ участвовалъ Тенгинскій полкъ, были весьма однообразны—все тѣ же усиленные ночные переходы, переправы черезъ бурныя рѣки, внезапныя нападенія на аулы, вытаптыванія посѣвовъ и т. п.

Изъ событій этого года въ жизни нашего полка нужно отмѣтить происшествіе во время такъ называемой «сатовки». Слово это на языкѣ горцевъ означаетъ торговлю, обмѣнъ товаровъ.

Съ 1821 года, согласно Высочайше утвержденныхъ правилъ, на правомъ флангѣ линіи при прочно-окопской, усть-лабин-

*) Полковой архивъ, исходящій журналъ за 1823 годъ. Дѣло № 68.

**) Дубровинъ. «Алексѣй Петровичъ Ермоловъ на Кавказѣ». Воен. Сбор. 1886 года, книга 3, стр. 13.

ской и баталпашинской карантинныхъ заставахъ устроены были мѣновые дворы, куда въ опредѣленные дни собирались мирные горцы и казаки на «сатовку». Однимъ изъ главныхъ предметовъ, предлагавшихся горцамъ, была соль, въ которой ощущался у нихъ большой недостатокъ. Для предупрежденія могущихъ произойти между русскими и горцами столкновеній, поперекъ мѣнового двора поставлены были двѣ рѣшетки, въ разстояніи шага или двухъ одна отъ другой. Въ промежуткѣ между ними ходили вооруженные солдаты, какъ для наблюденія за порядкомъ, такъ и за тѣмъ, чтобы всѣ покупаемые у горцевъ товары представлялись въ карантинъ, въ видахъ предупрежденія занесенія заразныхъ болѣзней. Каждому горцу, желавшему переѣхать на нашу сторону, выдавался приставомъ билетъ, носившій названіе на туземномъ языкѣ «кагатъ». Подобный способъ отличія мирныхъ отъ немирныхъ черкесовъ не достигалъ, конечно, цѣли потому, что эти билеты передавались изъ рукъ въ руки и нерѣдко на нашу сторону переходили представители враждебныхъ намъ племенъ.

Въ одинъ изъ подобныхъ дней, 23-го сентября 1824 года, когда караулъ на прочно-окопскомъ мѣновомъ дворѣ занятъ былъ частью 2-ой гренадерской роты, собралось очень много горцевъ, среди которыхъ половина оказалась немирныхъ. Во время торговли завязалась ссора, скоро перешедшая въ общую свалку: часовой былъ смятъ, рѣшетки повалены, немирные горцы выхватили изъ-подъ бурокъ пистолеты и открыли пальбу. Не смотря на свою малочисленность, караулъ смѣло бросился въ толпу горцевъ. Произошла жаркая рукопашная схватка, во время которой ранены 9 человѣкъ и трое убиты. Горцы бросились на противуположный берегъ Кубани, но были настигнуты казачьимъ резервомъ и истреблены *).

Съ наступленіемъ весны 1825 года открыты были съ нашей стороны военныя дѣйствія противъ бѣглыхъ кабардинцевъ, живущихъ за Кубанью. Этотъ безпокойный элементъ вѣчно волно-

*) Дубровинъ. «Алексѣй Петровичъ на Кавказѣ». Воен. сборн. 1884 года № 1. Полковой арх., вход. бумаги за 1824 годъ, дѣло № 112. Воен. сборн. за 1861 годъ №№ 3 и 4.

валъ умы черкесовъ, подстрекая ихъ къ совершенію набѣговъ на кордонную линію или на Кабарду, съ цѣлью вырвать ее изъ подъ русскаго вліянія. Ермоловъ предписалъ командующему войсками на Кубани употребить всѣ мѣры къ водворенію возможнаго спокойствія на правомъ флангѣ.

1-го апрѣля, Вельяминовъ съ довольно сильнымъ отрядомъ, въ томъ числѣ и нашимъ первымъ баталіономъ, переправился черезъ Кубань въ 4-хъ верстахъ выше станицы Прочно-окопской. Разоривъ аулы Али-Кара-Мурзина, одного изъ богатѣйшихъ кабардинскихъ владѣтелей, при чемъ былъ убитъ самъ князь, отрядъ возвратился обратно на линію. Черезъ два мѣсяца снова предпринято было движеніе за Кубань съ цѣлью наказанія абадзеховъ. Сдѣлавъ переходъ въ 75 верстъ, отрядъ 23-го іюня раскинулъ лагерь на рѣкѣ Бѣлой, противъ горы Гагенекъ, гдѣ и приступлено было къ устройству укрѣпленія, долженствовавшаго служить опорнымъ пунктомъ въ предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Съ цѣлью понизить уровень рѣки и тѣмъ облегчить переправу черезъ р. Бѣлую, начато было устройство отводнаго канала «по методѣ Юлія Цезаря», какъ доносилъ Вельяминовъ, т. е. раздѣливъ рѣку на два рукава. Ежедневно изъ лагеря высылались колонны для уничтоженія посѣвовъ и ближайшихъ ауловъ; абадзехи находились въ большомъ сборѣ и безпрерывными перестрѣлками старались мѣшать нашимъ работамъ, по ночамъ же бомбардировали лагерь изъ двухъ пушекъ, не причиняя намъ, однако, особеннаго вреда.

Для обезпеченія отряда продовольствіемъ на болѣе продолжительное время, Вельяминовъ отправилъ 11-го іюля въ Усть-Лабинскую крѣпость за провіантомъ 600 арбъ и артельныхъ повозокъ; въ прикрытіе имъ, подъ общимъ начальствомъ князя Бековича-Черкасскаго, былъ назначенъ 1-й баталіонъ тенгинцевъ, полкъ кубанскихъ казаковъ, небольшая команда навагинцевъ и 6 орудій. 18-го числа при обратномъ слѣдованіи транспорта, онъ окруженъ былъ конною партіею абадзеховъ и кабардинцевъ, свыше тысячи человѣкъ. Едва отрядъ успѣлъ свернуться въ каре, какъ непріятель съ необыкновенною стреми-

тельностью бросился въ атаку. Артиллерія, сдѣлавъ всего одинъ выстрѣлъ изъ орудій гранатами, перешла на картечь и этимъ сдержала всѣ натиски горцевъ. Два часа продолжался упорный бой. Больше всѣхъ пострадали тенгинцы, у которыхъ изъ строя выбыли убитыми: прапорщикъ Лукьянчиковъ, 5 нижнихъ чиновъ; ранеными—штабсъ-капитанъ Сорневъ и 9 рядовыхъ. Потеря непріятеля была велика, хотя могла быть гораздо значительнѣе, если бы малочисленное прикрытіе не было исключительно занято охраною шестисотъ повозокъ, изъ которыхъ ни одна не досталась въ руки черкесовъ. Въ этомъ дѣлѣ маіоръ Тихоновъ, по донесенію Бековича-Черкасскаго, «распоряжался съ приличнымъ хладнокровіемъ и тѣмъ поддерживая порядокъ, способствовалъ къ отраженію непріятеля. Штабсъ-капитаны же Сорневъ, Чубровскій, поручики Петровъ и Есиповъ, командуя своими частями, встрѣчали съ твердостью стремительныя атаки непріятеля, которому мужественнымъ сопротивленіемъ нанесли чувствительный вредъ» *). 19-го іюля, въ четыре часа пополудни, колонна съ провіантомъ прибыла къ отряду. Похоронивъ убитыхъ съ подобающимъ торжествомъ и оказавъ первую помощь раненымъ, начальникъ отряда поздравилъ конвоировавшія войска съ успѣшнымъ выполненіемъ возложенной задачи и роздалъ нижнимъ чинамъ перваго баталіона нашего полка 12 знаковъ отличія военнаго ордена **).

По окончаніи постройки укрѣпленія, которое послужило впослѣдствіи началомъ Майкопа, ген. Вельяминовъ 15-го августа выступилъ за р. Шагуашъ. Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня движеніе нашихъ войскъ было открыто абадзехами, занявшими всѣ лѣсистыя балки на пути слѣдованія отряда. Авангардныя двѣ роты нашего полка впродолженіе двухъ дней не выходили изъ области огня и штыками прокладывали дорогу для всего отряда. 17-го числа отрядъ подошелъ къ бро-

*) Рапортъ ген. Вельяминову отъ 27-го іюля 1825 г. за № 607. Арх. шт. кав. воен. окр., дѣло № 3.

**) За это дѣло князь Бековичъ-Черкасскій получилъ орденъ св. Георгія 4 ст.; маіоръ Тихоновъ—Владимира 4-й ст., штабсъ-капитаны: Сорневъ, Чубровскій, поручики: Петровъ и Есиповъ—ордена св. Анны 4-й степени.

ду черезъ рѣку Шагуашъ, чтобы итти далѣе къ аулу Аджи-Глянъ, но былъ встрѣченъ съ лѣсистой крутой возвышенности противуположнаго берега сильнымъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ. Число собравшихся здѣсь абадзеховъ и кабардинцевъ было очень значительно. Немедленно выдвинута была съ нашей стороны батарея изъ 10-ти орудій, которая, по выраженію Ермолова, «растолковала непріятелю, что и сіе мѣсто сраженія еще недовольно для него выгодно». Подъ раскаты пушечныхъ выстрѣловъ первымъ бросился въ бродъ Тенгинскаго полка поручикъ Петровъ со своею ротою; за нимъ послѣдовала и рота штабсъ-капитана Сорнева. Лихо работая штыками и прикладами, тенгинцы быстро очистили лѣсъ до самой вершины горы и тѣмъ вполнѣ обезпечили переправу. Уничтоживъ кабардинскій аулъ на противуположной сторонѣ рѣки, ген. Вельяминовъ расположилъ отрядъ на отдыхъ, прикрывъ его стрѣлковыми цѣпями тенгинцевъ. Ночью горцы, пользуясь темнотою и лѣсистымъ мѣстомъ, скрытно подползли къ лагерю, смяли цѣпь и съ оглушительнымъ крикомъ бросились со всѣхъ сторонъ въ шашки. Поднялась тревога, завязался отчаянный, рукопашный бой, окончившійся полнымъ пораженіемъ горцевъ. Но и намъ тяжело досталась побѣда: одни тенгинцы не досчитали въ своихъ рядахъ 32-хъ человѣкъ ранеными.

Въ такихъ непрерывныхъ схваткахъ съ непріятелемъ протекло время до 1-го октября, когда войска, уничтоживъ нѣсколько непріятельскихъ ауловъ и вытоптавъ посѣвъ на значительномъ пространствѣ, возвратились въ Прочный-окопъ. «Во всѣхъ сихъ дѣлахъ, пишетъ въ своихъ запискахъ генералъ Дебу, дѣйствовали преимущественно роты Тенгинскаго полка, предводительствуемыя маіоромъ Тихоновымъ, оказавшимся, какъ и прежде, достойнымъ особеннаго довѣрія, на него начальствомъ возложеннаго» *).

Отрядъ еще находился за Кубанью, какъ многочисленная партія абадзеховъ, убыховъ и кабардинцевъ, слѣдуя отдаленными и скрытными путями къ верховьямъ рѣки Кубани, напала 29-го

*) Соч. Дебу. «О кавказской линіи съ 1816—1826 гг.».

сентября на село Солдатское, на Малкѣ, сожгла его, перебила часть жителей, остальныхъ же забрала въ плѣнъ и съ громадною добычею бросилась въ Чегемское ущелье. За ними послѣдовали нѣкоторые аулы кабардинскихъ князей; остальные еще колебались, но все уже приготовлено было къ побѣгу. Положеніе дѣлъ на линіи снова приняло нехорошій оборотъ. Носились даже слухи, что закубанцы послали просить помощь у чеченцевъ для совмѣстнаго нападенія на наши укрѣпленія. Чтобы пресѣчь путь отступленія хищнической партіи и воспрепятствовать побѣгу кабардинцевъ, командующій Кавказскою областью, занялъ двумя ротами 3-го баталіона Тенгинскаго полка горные проходы по Кинджалу, къ Хасауту же послалъ баталіонъ маіора Тихонова; самостоятельные отряды у верховьевъ Кубани и Зеленчука прикрывали линію. Въ то время, какъ нами были приняты эти мѣры обороны, непріятельская партія, совершивъ неимовѣрный переходъ черезъ снѣговой хребетъ горъ, близъ Урусбіевскаго аула, спустилась въ долину Лабы, избѣгнувъ должнаго наказанія.

Положеніе тенгинцевъ на Хасаутѣ и Кинджалѣ было весьма тяжелое *). Благодаря чрезвычайной высотѣ мѣста и позднему времени года, морозы стояли очень большіе, нерѣдко сопровождавшіе вьюгами. Отсутствіе шанцеваго инструмента и промерзлость почвы не позволяли вырыть землянокъ и люди ютились въ нѣсколькихъ палаткахъ. Недостатокъ въ бѣльѣ, обуви и теплой одеждѣ былъ полный; нижніе чины отмораживали себѣ руки и ноги, не имѣя возможности даже разложить костры, такъ какъ весь лѣсъ по близости былъ вырубленъ и дрова приходилось доставлять на себѣ за двѣ версты. Необыкновенная крутизна горъ устраняла всякую возможность подвозить провіантъ къ отряду на артельныхъ лошадяхъ, приходилось черезъ каждыя двое сутокъ посылать за нимъ команды, человѣкъ въ 80, за 15 верстъ. Горцы малыми партіями тревожили наши роты, нападая на транспорты или же скатывая съ горъ на головы подымавшихся съ провіантомъ людей громадные камни. Начальникъ дивизіи князь

*) Арх. шт. кав. воен. окр., дѣло № 9, по дежурству 1-го отдѣленія за 1825 годъ.

Горчаковъ два раза просилъ Ермолова о снятіи кинджальскаго и хасаутскаго отрядовъ. «Мѣру сію, доносилъ онъ, я почитаю столь необходимою, что, на случай отбытія вашего высокопревосходительства изъ Екатериноград, рѣшаюсь на нее даже безъ позволенія вашего». Но лишь въ концѣ декабря послѣдовало распоряженіе о возвращеніи отрядовъ по квартирамъ.

Общее положеніе дѣлъ на Кавказѣ къ наступающему 1826 году было тревожное. Подъ вліяніемъ вспыхнувшаго новаго религіознаго ученія *), о которомъ смутное представленіе имѣлъ еще и самъ Ермоловъ, Дагестанъ и Чечня волновались; во всѣхъ остальныхъ племенахъ Кавказа тоже замѣчалось сильное броженіе: многочисленныя партіи безпрестанно были въ сборѣ и явно угрожали нашимъ пограничнымъ станицамъ и кавказской линіи. Одновременно съ этимъ, Персія усиленно готовилась къ войнѣ; мусульманскія же провинціи, недавно присягнувшія Россіи, требовали усиленнаго наблюденія, и наши войска поэтому были разбросаны малыми частями по всему раіону и границамъ; сосредоточить ихъ въ одномъ изъ угрожаемыхъ пунктовъ не представлялось возможнымъ, такъ какъ вездѣ нужно было ихъ присутствіе,—однимъ словомъ, все предвѣщало важныя событія въ предстоящемъ году. О наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ, до прибытія подкрѣпленій изъ Россіи, нечего было и думать, а потому переходъ войскъ за Кубань былъ воспрещенъ. «Не легко, писалъ Ермоловъ начальнику праваго фланга линіи, защищать границы, на большое разстояніе растянутыя, но не всегда удобно переходить за оныя, и я имѣю особенную причину, чтобы экспедиціи за Кубань, безъ совершенно крайней надобности, предпринимаемы не были».

Такимъ образомъ, тенгинцы были прикованы къ мѣсту и должны были пассивно охранять участокъ кордонной линіи на Кубани. Только въ началѣ 1827 года два нашихъ баталіона были передвинуты въ Карабахъ и приняли участіе въ персидской войнѣ.

---

*) Дубровинъ. «Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ». Воен. сбор. за 1890 г. № 10, стр. 198.

Персія послѣ пораженій, нанесенныхъ ей Котляревскимъ, долго оправлялась и тринадцать лѣтъ готовилась отомстить Россіи. Ближайшимъ же поводомъ къ разрыву послужили пограничные споры.

Согласно мирнаго гюлистанскаго договора 12-го октября 1813 года, Россія между прочимъ пріобрѣла карабахскую провинцію, съ частью чаундурскаго и копанскаго магаловъ, которые расположены были въ углу сліянія рѣкъ Аракса съ Капанакчаемъ. Этотъ послѣдній участокъ, не смотря на то, что онъ фактически принадлежалъ уже намъ, Персія продолжала удерживать за собою, а русскіе, въ свою очередь, занимали своими постами сѣверо-западный берегъ озера Гокчи. Персія никакъ не могла свыкнуться съ мыслью, что карабахская провинція отторгнута навсегда отъ ея владѣній и путемъ восьмилѣтнихъ дипломатическихъ переговоровъ домогалась возвращенія обратно этихъ богатыхъ своею природою земель.

Наслѣдникъ персидскаго престола, Аббасъ-Мирза, въ высшей степени честолюбивый и самонадѣянный человѣкъ, давно уже не скрывалъ своихъ непріязненныхъ отношеній къ Россіи и усиленно готовился къ войнѣ, создавая при помощи европейскихъ инструкторовъ армію, могущую, по его мнѣнію, бороться съ Россіею. Въ то же время онъ не скупился на подкупы для поддержанія возмущенія среди враждебныхъ намъ горскихъ племенъ. Самъ шахъ, человѣкъ безхарактерный, поддавался внушеніямъ наслѣднаго принца и его льстецамъ, говорившимъ ему: «удостойте бросить взглядъ, на ваши войска: были ли они когда нибудь болѣе многочисленны и лучше обучены, чѣмъ теперь? Они только и ожидаютъ одного слова шахиншъ-шаха и потрясутъ землю».

При такомъ настроеніи тегеранскаго двора война конечно была неизбѣжна. Императоръ Александръ, слѣдуя своей миролюбивой политикѣ, неоднократно предлагалъ Ермолову употребить всѣ мѣры къ сохраненію мира.

«Происшествія на Кубани, говорилось въ рескриптѣ, и въ особенности случившіяся въ Чечнѣ непріятныя послѣдствія об-

шаго съ той стороны возмущенія, дѣлаютъ всякое наступательное движеніе противъ Персіи весьма неумѣстнымъ. Намъ нужно прежде возстановить въ собственныхъ нашихъ владѣніяхъ и окружающихъ оныя народахъ совершенное спокойствіе и порядокъ»...

Кончина Императора Александра, а вслѣдъ затѣмъ отреченіе отъ престола Константина Павловича и воцареніе Николая I, а также печальныя событія 14-го декабря 1825 года были приняты Персіею за начало междоусобной войны въ Россіи. Требованія ея о новомъ разграниченіи сдѣлались настойчивѣе; духовенство въ мечетяхъ разжигало фанатизмъ народа, призывало всѣхъ взяться за оружіе и скорѣе освободить правовѣрныхъ отъ ига гяуровъ. Толпа клялась бородою Магомета въ ненависти къ невѣрнымъ и въ доказательство своихъ словъ предлагала теперь же перерѣзать все христіанское населеніе Карабаха. Николай Павловичъ, по вступленіи своемъ на престолъ, писалъ Ермолову, что онъ находитъ необходимымъ сохранять съ Персіею миръ на основаніи гюлистанскаго договора, «доколѣ сія держава сама не нарушитъ онаго». Въ Тегеранъ посланъ былъ князь Меньшиковъ, который, подъ предлогомъ извѣщенія о вступленіи новаго Императора, въ сущности долженъ былъ упрочить наши дружественныя отношенія къ Персіи, съ уступкою даже южной части ханства талышинскаго, если бы обстоятельства того потребовали. Переговоры далеко не были еще окончены, какъ вдругъ, въ среднихъ числахъ іюля 1826 года, на границѣ нашей раздался первый непріязненный выстрѣлъ. Эриванскій ханъ, чисто по азіатски, безъ объявленія войны ворвался въ предѣлы шурагельской провинціи, вырѣзалъ небольшой постъ у урочища Мирака и сжегъ селеніе Малые Караклисы. Почти одновременно, самъ Аббасъ-Мирза, перейдя Аракъ, сталъ грабить Карабахъ. Всѣ мусульманскія провинціи возмутились и открыто стали на сторону персовъ. Малочисленныя наши войска вездѣ принуждены были отступить и непріятель появился близъ стѣнъ Елисаветполя.

Во всѣ горскія общества разосланы были шахомъ проклама-

ніи, гдѣ онъ называлъ себя повелителемъ Персіи, Грузіи и Дагестана и обѣщалъ скоро явиться съ войсками въ Тифлисъ, чтобы освободить ихъ отъ русскаго порабощенія; «а до того, говорилось въ прокламаціи, старайтесь, гдѣ можно, причинять русскимъ вредъ и собирайте запасы провіанта». Къ этому времени наши войска были расположены такъ: на кавказской линіи 13½ баталіоновъ, два полка пѣхоты охраняли Дагестанъ, цѣлая бригада стояла въ Имеретіи, Мингреліи и Абхазіи, въ виду натянутыхъ уже тогда нашихъ отношеній съ Турціею *). Такимъ образомъ, въ распоряженіи Ермолова находилось всего 12 сводныхъ баталіоновъ, которымъ и приходилось до прибытія подкрѣпленій вести неравную борьбу съ многочисленными полчищами персовъ. Разрывъ съ Персіей засталъ насъ совершенно неподготовленными. Наскоро были сформированы небольшіе отряды и одинъ изъ нихъ въ составѣ 3¼ баталіоновъ пѣхоты, 12-ти орудій и 2-хъ казачьихъ полковъ, подъ начальствомъ князя Мадатова, форсированнымъ маршемъ выступилъ 1-го сентября изъ казахской дистанціи и 3-го сентября рѣшительно атаковалъ 10-ти-тысячную авангардную персидскую армію близъ селенія Шамхоръ, на рѣкѣ того же имени. Пѣхота наша не тратила времени въ безцѣльной перестрѣлкѣ и, склонивъ штыки, бросилась впередъ, поддерживаемая огнемъ артиллеріи. Персіяне дрогнули и въ безпорядкѣ стали отступать. Наша кавалерія преслѣдовала бѣгущихъ слишкомъ 10 верстъ; главныя же силы отряда двигались безостановочно и 4-го сентября заняли безъ выстрѣла Елисаветполь **). Послѣдствіемъ нашей побѣды подъ Шамхоромъ было снятіе Аббасъ-Мирзою осады Шуши, гдѣ въ продолженіи 6-ти недѣль шесть ротъ 42-го егерскаго полка отбивали приступы сорокатысячной непріятельской арміи. Получивъ извѣстіе о готовности населенія Карабаха снова перейти на нашу сторону, лишь только тамъ появятся русскія войска, Ермоловъ предписалъ Паскевичу, прибывшему еще 29-го августа въ Тифлисъ въ распоря-

*) Дубровинъ. «Послѣдніе дни пребыванія Ермолова на Кавказѣ». Военный Сборникъ за 1888 г. № 2, стр. 11.

**) Наяръ, комендантъ Елисаветполя, за сдачу его былъ впослѣдствіи, по приказанію Аббасъ-Мирзы, удавленъ передъ всею персидскою арміею.

женіе генерала Ермолова, на самомъ же дѣлѣ для главнаго руководства военными дѣйствіями, спѣшить въ Карабахъ. 13-го сентября въ 7-ми верстахъ отъ Елисаветполя противныя стороны встрѣтились, разыгрался снова бой, окончившійся полнымъ пораженіемъ соединенныхъ войскъ Аббасъ-Мирзы и Алаяръ-хана, остатки которыхъ бѣжали за Араксъ.

Быстрое отступленіе персіянъ спасло ихъ отъ совершеннаго истребленія. 6-го октября наши войска выступили къ р. Черакенъ, перейдя которую, расположились лагеремъ въ 22-хъ верстахъ отъ Асландуза. Этимъ движеніемъ генералъ Паскевичъ прикрылъ дорогу въ Шушу и вполнѣ обезпечилъ продовольствіе войскъ. Аббасъ-Мирза, усилившись резервною арміею, снова приблизился къ Араксу и раскинулъ обширный лагерь въ 4-хъ верстахъ отъ Худоперина. Наступившее зимнее время и отсутствіе фуража заставило воюющія стороны отложить военныя дѣйствія до болѣе благопріятнаго времени. Отрядъ Паскевича, получивъ запрещеніе переходить за Араксъ, расположился на зимнія квартиры. Ермоловъ же занялся изгнаніемъ изъ нашихъ владѣній второстепенныхъ шаекъ непріятеля.

Въ такомъ положеніи находились наши дѣла съ Персіею, когда тенгинцамъ приказано было изготовиться къ походу. Дѣятельно закипѣла работа въ полковыхъ мастерскихъ: сухарныя фуры и аптечные ящики передѣлывались въ повозки, строили для ротъ новые патронные ящики, могущіе вмѣщать 13 тысячъ патроновъ, по числу 325-ти ружей. На всѣхъ нижнихъ чиновъ двухъ дѣйствующихъ баталіоновъ шилась новая мундирная одежда, исправлялась амуниція, выкраивались изъ старыхъ шинелей наплечники; офицерамъ приказано было озаботиться пріобрѣтеніемъ форменныхъ сѣделъ, чепраковъ, офицерскихъ знаковъ и т. п. Въ такихъ приготовленіяхъ провели тенгинцы весь 1826 годъ, который со стороны Закубанья протекъ для нихъ вполнѣ благополучно, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующій новогодній приказъ Сагинова, разосланный по постамъ:

«Благодареніе Богу и неисповѣдимымъ милостямъ Его, девятимѣсячное командованіе и служеніе мое съ чинами Высочай-

ше ввѣреннаго мнѣ полка протекло благополучно и сей новый годъ, предшествующій жизни нашей, наступилъ; встрѣчая его съ умиленіемъ сердца къ Вышнему Подателю благъ, поздравляю всѣхъ чиновъ, желаю, чтобы обратили искренность сердецъ къ Царю-царей, а Государю и отечеству—вѣрность исполненія должной обязанности каждаго» *).

Отдавая подобный приказъ, Сагиновъ и не предполагалъ, что такъ благопріятно начавшійся новый годъ окончится для него крайне печально.

Въ серединѣ марта мѣсяца прибыли на кавказскую линію баталіоны 20-й пѣхотной дивизіи, которые и расположились въ перемѣнку съ полками Тенгинскимъ и Навагинскимъ, т. е. съ тѣми войсками, которымъ кордонная служба была уже хорошо знакома. «Его Величество полагаетъ, сообщилъ военный министръ, что когда сіи баталіоны нѣсколько привыкнутъ къ тѣмъ мѣстамъ, тогда дѣйствующіе баталіоны полковъ первой бригады 22-й пѣхотной дивизіи должны быть отправлены въ Грузію».

Въ среднихъ числахъ апрѣля тенгинцы съ грустью прочли прощальный приказъ Ермолова о своемъ отозваніи и о назначеніи вмѣсто него генерала Паскевича. Любовь войскъ къ «дѣдушкѣ Ермолову», какъ называли его солдаты, была безпредѣльна. Онъ умѣлъ возвышать ихъ духъ и вливать «чудесную силу», при которой всѣ труды, всякія лишенія и пятидесятиверстные переходы по мѣстности едва доступной имъ были не въ тягость. Желѣзная дисциплина царила въ войскахъ и выручка въ бою товарища, даже совершенно другой части, была обычнымъ явленіемъ. Кавказская армія Ермолову много обязана своимъ могуществомъ и славными традиціями, и имя его всегда будетъ безсмертно въ ея рядахъ. Начальникъ главнаго штаба баронъ Дибичъ, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ въ 1827 году, такъ рисовалъ состояніе кавказскихъ войскъ ермоловскихъ временъ. «Положа руку на сердце, могу поистинѣ сказать, что не видѣлъ въ нашихъ войскахъ такого рвенія и мужества, какими были одушевлены кавказскіе солдаты. Слова «ребята, походъ!» возбуж-

*) Приказы по полку за 1827 годъ, дѣло № 149.

дали въ каждомъ какую-то ребяческую радость. Никогда наша конница не могла догнать пѣхоты, дѣлавшей по 50-ти верстъ въ сутки, въ особенности, когда ею предводительствовалъ самъ Ермоловъ. Ни заоблачныя выси, ни дикія ущелья, ничто не могло остановить ея гигантскихъ шаговъ» *). Нужно при этомъ замѣтить, что Либича, человѣка очень умнаго, нельзя было заподозрить въ особой любви къ Ермолову, слѣдовательно подобное мнѣніе высказано вполнѣ безпристрастно, и тѣмъ печальнѣе является увѣренность, что генералъ Ермоловъ незаслуженно сталъ жертвой интригъ.

Въ первыхъ числахъ мая всѣ приготовленія къ выступленію у насъ въ полку были окончены и два дѣйствующихъ баталіона укомплектованы людьми до полнаго штата изъ 3-го резервнаго баталіона, который оставался въ мѣстахъ прежняго своего расположенія. Изъ полка выдѣлены 270 рядовыхъ, менѣе способныхъ къ строевой службѣ, въ погонщики къ воловьему транспорту, учрежденному для подвоза провіанта и разныхъ припасовъ къ войскамъ главнаго отряда. Люди эти, при 2-хъ офицерахъ и 13-ти унтеръ-офицерахъ, выступили въ Грузію изъ крѣпости Темнолѣсской еще 23-го марта. Женатые нижніе чины всего полка переведены были въ 3-й резервный баталіонъ. Продавать полковые и ротные дворы, а равно и дома семейныхъ солдатъ строго воспрещалось и для присмотра за ними назначено нѣсколько нижнихъ чиновъ. Въ приказѣ по полку было объявлено, что весенній инспекторскій смотръ бригадный командиръ произведетъ на походѣ.

20-го мая, въ 8 часовъ утра, оба баталіона, послѣ напутственнаго молебна, выступили съ музыкою изъ крѣпости Темнолѣсской, въ составѣ: 36-ти офицеровъ, 157-ми унтеръ-офицеровъ, 58-ми музыкантовъ, 1784-хъ рядовыхъ и 72-хъ нестроевыхъ. Оглянувшись на семь лѣтъ пребыванія тенгинцевъ на правомъ флангѣ линіи, мы видимъ, что они не прошли для нихъ безслѣдно. Явившись на Кавказъ опытными въ войнѣ противъ регулярныхъ войскъ, тенгинцы совершенно не были знакомы съ

*) Погодинъ—«Матеріалы для біографіи Ермолова».

характеромъ войны съ горцами и съ содержаніемъ кордона на громадномъ протяженіи. Упорная борьба съ угрюмою природою и ея обитателями постепенно закалила тенгинцевъ и выработала въ нихъ необыкновенную стойкость при встрѣчѣ одинъ на одинъ со врагомъ и выносливость въ преодолѣніи всевозможныхъ препятствій. Сдерживая буйные порывы кабардинцевъ и закубанскихъ племенъ, тенгинцы все время грудью своею защищали скудное имущество поселянъ, не имѣя возможности принять непосредственнаго участія въ громкихъ дѣлахъ Чечни и Дагестана. Невидная, но почетная работа выпала на долю нашего полка и лучшею наградою для него была искренняя благодарность ста-ничниковъ, собравшихся въ крѣпость Темнолѣсскую проводить кунаковъ въ дальній путь *). Маршрутъ былъ данъ на Георгіевскъ, Моздокъ, кр. Внезапную, кр. Тарки, г. Дербентъ, Старую Кубу и Старую Шемаху. Предстояло пройти 933 версты въ продолженіи 55-ти дней. Дневки давались черезъ два и три дня пути, и самый большой переходъ былъ 40 верстъ. Съ колонною слѣдовалъ довольно большой обозъ: ящиковъ патронныхъ 8, палаточныхъ 8, аптечныхъ 2, для денежной казны 1; григъ лазаретныхъ 2, церковная палуба 1; полуфурокъ сухарныхъ 8, для лазаретнаго бѣлья 2, для канцеляріи 1 и при обозѣ 99 подъемныхъ лошадей.

По случаю наступленія жаркаго времени, для облегченія нижнихъ чиновъ, разрѣшено было не соблюдать всѣхъ установленныхъ правилъ походной и бивачной службы, т. е. не выставлять цѣпь вокругъ лагеря, а охранять его пикетами, по ночамъ же еще и секретами. У ставокъ начальниковъ почетный карауль отмѣнялся, но строго наблюдалось во время марша, чтобы люди не шли безпорядочною толпою и офицеры слѣдовали на своихъ мѣстахъ. Походная колонна на маршѣ охранялась авангардомъ и арьергардомъ, каждый силою въ одинъ взводъ, по бокамъ же слѣдовали патрули **).

*) Полковой архивъ, исходящій журналъ за 1827 годъ, дѣло № 327.

**) Приказъ по корпусу отъ 13-го мая 1827 года. Полковой архивъ, входящій журналъ за 1827 годъ, дѣло № 182.

22-го іюня полкъ прибылъ на дневку въ крѣпость Тарки, гдѣ на слѣдующій день состоялся смотръ бригаднаго командира генерала Ралля. Списочное состояніе людей было найдено вѣрнымъ, амуниція ихъ исправною. Обученіе же нижнихъ чиновъ строю по прежнему не доведено было «до совершенства, но нравственность имъ внушается». Нижніе чины претензіи не заявили и отозвались всѣмъ довольными; но за то штабъ и оберъ-офицеры единогласно принесли жалобу на полкового командира подполковника Сагинова за его въ высшей степени грубое обращеніе съ ними. Это было очень непріятнымъ эпизодомъ въ жизни полка.

Захаръ Павловичъ Сагиновъ происходилъ изъ бѣдныхъ грузинскихъ дворянъ и нѣкоторое время состоялъ приставомъ одного изъ горскихъ обществъ; съ этой должности онъ принялъ нашъ полкъ. Находясь долгое время внѣ строя, онъ совершенно не зналъ порядка службы и видимо только за тѣмъ и принялъ полкъ, чтобы, по обычаю того времени, почти узаконенному, поправить свои денежныя обстоятельства. Будучи крайне подозрительнымъ человѣкомъ, ему все мерещилось, что надъ нимъ смѣются «и поносятъ его бранными словами офицеры и нижніе чины, поэтому съ первыми онъ былъ грубъ до дерзости, съ послѣдними же жестокъ до звѣрства» *). Несомнѣнно, это былъ больной, ненормальный человѣкъ, и предположеніе это отчасти подтверждается его кондуитнымъ спискомъ, гдѣ значится, что онъ былъ «ума нездраваго».

Найдя заявленіе общества офицеровъ вполнѣ основательнымъ, начальникъ дивизіи, приказомъ отъ 23-го іюня 1827 года за № 20, отрѣшилъ отъ командованія полкомъ подполковника Сагинова «за грубое, дерзкое и непозволительное обращеніе съ господами штабъ и оберъ-офицерами, за незнаніе порядка службы и отдаваемыхъ по полку неприличныхъ приказахъ; а также за жестокое наказаніе нижнихъ чиновъ, только по подозрѣнію, якобы поносятъ они его бранными словами, и за дурное содер-

*) Приказъ по 22-й пѣхотной дивизіи отъ 23-го іюня 1827 года, № 20 и отъ 27-го сентября 1827 года. Полковой архивъ, дѣло № 570.

жаніе лазарета». До назначенія новаго полкового командира предписано было старшему въ чинѣ маіору барону Левендалю вступить въ командованіе полкомъ. Сагиновъ все время, до отчисленія по арміи, продолжалъ состоять налицо, и даже, какъ увидимъ дальше, принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ съ Персіею, командуя баталіономъ. Съ современной точки зрѣнія кажется страннымъ положеніе командира полка въ роли командующаго баталіономъ и находящагося въ подчиненіи младшему въ чинѣ; но въ то время это никого не удивляло: нерѣдко ротою командовалъ поручикъ, а у него субалтернъ-офицеромъ состоялъ капитанъ, бывшій командиръ этой роты.

Почти одновременно съ выступленіемъ тенгинцевъ въ Старую Шемаху, были возобновлены военныя дѣйствія съ Персіею, послѣ кратковременнаго перерыва. Весною 1827 года новый главнокомандующій кавказскимъ корпусомъ генералъ-адъютантъ графъ Паскевичъ сталъ сосредоточивать на границѣ войска. Согласно плана кампаніи, который разработанъ былъ еще Ермоловымъ, предстояло нѣсколькими самостоятельными отрядами перейти черезъ границу и, овладѣвъ крѣпостями Эриванью, Аббасъ-Абадомъ, Сардаръ-Абадомъ, Тавризомъ, подойти къ Тегерану и тамъ подписать миръ *).

Въ началѣ апрѣля авангардъ графа Бенкендорфа, преодолѣвъ неимовѣрныя препятствія при переходѣ черезъ горы Акзебіюкъ и Безобдалъ, спустился въ Эриванскую область. 15-го апрѣля отрядъ этотъ, оттѣснивъ непріятельскія войска, занялъ Эчміадзинъ, а 25-го числа подошелъ къ Эривани, къ обложенію которой и было немедленно приступлено. До прибытія осадной артиллеріи рѣшительныхъ дѣйствій здѣсь нельзя было начинать, поэтому Паскевичъ рѣшилъ взять крѣпость Аббасъ-Абадъ, которая прикрывала эриванское и нахичеванское ханства со стороны Адзербейджана; съ паденіемъ этой крѣпости запертый гарнизонъ Эривани лишался всякой помощи **).

20-го іюня у р. Гарначай сосредоточились всѣ части главна-

*) Янжулъ—«80 лѣтъ боевой и мирной жизни 20-й артиллерійской бригады».
**) Платонъ Зубовъ—«Подвиги русскихъ войскъ въ странахъ кавказскихъ», т. II.

го дѣйствующаго отряда и въ ночь съ 1-го на 2-е іюня открыты уже были осадныя работы. Аббасъ-Мирза не замедлилъ поспѣшить на выручку крѣпости и въ 5-ти верстахъ отъ берега Аракса, при Джеванъ-Булахѣ, разыгрался бой, гдѣ сорокатысячная персидская армія столкнулась съ восьмитысячнымъ отрядомъ Паскевича. Рѣшительный натискъ нашихъ пяти баталіоновъ въ центръ сбилъ противника съ позиціи и заставилъ его поспѣшно отступить. Самъ Аббасъ-Мирза едва спасся верхомъ отъ нашихъ драгунъ. Узнавъ о результатѣ сраженія, гарнизонъ крѣпости выкинулъ бѣлый флагъ и сдался безъ сопротивленія.

Такимъ образомъ, палъ главный оплотъ нахичеванской области Аббасъ-Абадъ. Теперь нужно было возможно скорѣе обезпечить наше прочное сообщеніе съ Карабахомъ, откуда должны были подвозиться всевозможные припасы въ войска дѣйствующаго отряда.

Въ Герюсахъ и Шушѣ имѣлись заготовленными довольно значительные запасы продовольствія, но этого конечно было далеко недостаточно, тѣмъ болѣе, что осада Эривани могла затянуться на неопредѣленное время. Неотлагательно нужно было теперь же позаботиться объ устройствѣ еще продовольственнаго пункта, изъ котораго наполнялись бы шушинскій и герюсинскій магазины. Новымъ складочнымъ мѣстомъ былъ избранъ замокъ Ахъ-Угланъ. Провіантъ доставлялся сюда изъ Астрахани моремъ въ Сальяны, здѣсь перегружался на киржимы и подымался вверхъ по Курѣ до Зардоба и отсюда уже на вьюкахъ и арбахъ слѣдовалъ въ Ахъ-Угланъ. Для обезпеченія этой части коммуникаціонной линіи, изъ Дагестана прибыли войска, которыя и заняли Сальяны, Божій Промыселъ, Джеватъ и Зардобъ, служа резервами для ширванской и кубинской конницъ, цѣпь постовъ которыхъ стояла по теченію Куры отъ Сальянъ и до Зардоба *). Со времени открытія приготовленій къ транспортировкѣ тяжестей по Курѣ, мѣстечко Сальяны сдѣлалось самымъ важнымъ пунктомъ на всемъ протяженіи рѣки: здѣсь производилась вы-

*) Потто—«Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ», т. III, вып. 3-й; арх. штаба кавказскаго военнаго округа, дѣло № 15, по генеральному штабу за 1827 годъ.

грузка и нагрузка провіанта. Аббасъ-Мирза не могъ конечно не оцѣнить значенія Сальянъ, какъ стратегическаго пункта на базѣ.

8-го іюня значительный отрядъ непріятельскихъ войскъ проникъ черезъ труднодоступную и маловодную муганскую степь и, сбивъ трусливую кубинскую милиціонную конницу, появился въ виду Сальянъ, гдѣ расположено было всего три роты Куринскаго полка, подъ начальствомъ полковника Кромина. Видя невозможность защищаться противъ многочисленнаго врага, начальникъ гарнизона отступилъ къ Божьему Промыслу; Сальяны были заняты персами. Происшествія въ Карабагѣ конечно встревожили Паскевича, такъ какъ главный дѣйствующій отрядъ могъ лишиться совершенно продовольствія, и весь первоначальный планъ кампаніи грозилъ разстроиться. Кромѣ того, среди населенія ширванской провинціи, а особенно города Старой Шемахи, стало замѣчаться сильное волненіе уже при первыхъ только слухахъ о появленіи непріятеля. Возможно поспѣшное прибытіе войскъ съ линіи могло только успокаивающе повліять на возбужденные умы *).

Немедленно послано было приказаніе Тенгинскому и Навагинскому полкамъ ускорить маршъ, чтобы общими силами съ дагестанскимъ отрядомъ Краббе овладѣть обратно Сальянами и прогнать непріятеля за Куру.

11-го іюля нашъ первый баталіонъ уже былъ въ Старой Шемахѣ, откуда на слѣдующій же день, взявъ въ проводники пять нукеровъ кошунскаго магала, выступилъ въ Сальяны. Здѣсь тенгинцы не застали уже непріятеля, который, узнавъ о скоромъ прибытіи свѣжихъ войскъ, поспѣшно отступилъ по ленкоранской дорогѣ. Сальяны представляли изъ себя одну груду развалинъ. Разграбивъ мѣстечко, персы удалились въ муганскую степь, гдѣ и расположились лагеремъ въ 70-ти верстахъ отъ устья Куры. Чтобы не подвергнуть опять тревогѣ нашу коммуникаціонную линію и имѣть возможность свободно сплавлять по Курѣ транспорты, полковникъ Кромин рѣшилъ преслѣдовать непрія-

*) Рапортъ Г. Краббе отъ 11-го іюля 1827 года, за № 327. Арх. шт. кавк. воен. округа, дѣло № 4, за 1827 годъ, по 2-му отдѣленію генеральнаго штаба.

теля. 20-го іюля сильный отрядъ, въ составѣ котораго находился и нашъ второй баталіонъ, переправился на противоположную сторону Куры.

Проблуждавъ по муганской степи до 23-го іюля и нигдѣ не встрѣтивъ персовъ, Кроминъ на слѣдующій день предпринялъ обратное движеніе. Едва отрядъ отошелъ три версты отъ урочища Тахтачай, какъ атакованъ былъ персидскою конницею, внезапно показавшеюся изъ ближайшаго лѣса. Завязалась ожесточенная пальба съ обѣихъ сторонъ, особенно въ нашемъ баталіонѣ, слѣдовавшемъ въ арьергардѣ. Часть непріятельской конницы бросилась къ авангарду, съ намѣреніемъ отбить скотъ, отогнанный нами у жителей ближайшихъ деревень; слѣдовавшій въ головѣ эскадронъ уланъ былъ опрокинутъ сильнымъ натискомъ непріятеля и, отступая, смялъ подкрѣплявшій его эскадронъ. Тогда подполковникъ Сагиновъ бросился впередъ съ третьею мушкетерскою ротою и однимъ орудіемъ и картечными выстрѣлами прогналъ непріятеля. Во время перестрѣлки были ранены нашего полка прапорщикъ Мякининъ и два рядовыхъ. На разстояніи почти двадцати верстъ еще преслѣдовали персіяне отрядъ, не причинивъ намъ, однако, значительнаго вреда *).

По прибытіи баталіоновъ въ Старую Шемаху, роты поставлены были въ лагерь у селенія Зардобъ. Дорого обошелся тенгинцамъ переходъ въ Закавказьѣ, да еще въ самое знойное время года. 310 человѣкъ оставлены были на пути въ разныхъ госпиталяхъ; обувь у нижнихъ чиновъ совершенно подбилась; колеса повозокъ пришли въ полную негодность, а лошади отъ безкормицы до того исхудали, что едва тащили патронные ящики. Изъ лагеря были высланы команды тенгинцевъ на сѣверо-восточный банкъ, близъ Сальянъ, въ Джеватъ и замокъ Ахъ-Уланъ на работы по выгрузкѣ и укладкѣ провіанта. Кромѣ того,

*) За эту экспедицію въ Талыши пожалованы были тенгинцамъ слѣдующія награды: св. Владиміра 4-й степени маіору Тихонову; св. Анны 3-й степени штабсъ-капитанамъ Сорневу и Чубровскому и поручикамъ Петрову и Есипову; св. Анны 4-й степени поручику Дебу, прапорщикамъ Венеровскому и Мякинину. Нижнимъ чинамъ пожаловано три знака отличія военнаго ордена. Арх. шт. кавк. воен. округа, по генеральному штабу, дѣла №№ 4 и 15, за 1827 годъ.

временами баталіоны поочереди посылались въ прикрытіе киржимовъ, поднимавшихся вверхъ по Курѣ, и для сопровожденія аробъ съ продовольствіемъ. «Всю весну, лѣто и начало осени, говоритъ одинъ изъ участниковъ похода, отрядъ лѣваго фланга стоялъ или бродилъ со своими транспортами между Ахъ-Угланомъ и Герюсами, двумя запасными магазинами для главнаго корпуса, дѣйствовавшаго тогда въ Арменіи. Мы не участвовали въ его походахъ, но тѣмъ не менѣе постъ нашъ былъ важенъ въ общей операціи корпуса,—мы были его кормильцами...» *). И потянулись днемъ и ночью нескончаемые обозы, конвоируемые теплицами. Неуклюжія арбы безпрестанно ломались въ дорогѣ, молодой и малоѣзженый рогатый скотъ, который шелъ подъ вьюками, по недостатку лошадей, то и дѣло ложился на дорогѣ или убѣгалъ въ стороны; все это сильно замедляло движеніе и утомляло людей. Усталость иногда доходила до того, что нижніе чины, конвоировавшіе транспортъ, бросались на землю и сейчасъ же забывались крѣпкимъ сномъ и никакими силами нельзя было ихъ разбудить. Въ порціонномъ и слѣдовавшемъ подъ арбами скотѣ скоро отъ безкормицы открылся падежъ; неубранная падаль обрамляла обѣ стороны пути, привлекая цѣлыя тучи мухъ, которыя никому не давали покоя. Чрезмѣрное утомленіе, недостаточное питаніе и невыносимая жара, доходившая въ тѣни до 40-ка градусовъ по Реомюру, сотнями стали класть въ госпитали нижнихъ чиновъ нашего полка. «Предлагаю, писалъ начальникъ дивизіи командующему полкомъ, приложить всѣ средства вашего усердія къ положенію несчастныхъ. Люди, изнуренные болѣзнями, въ глазахъ вашихъ томятся, а вы не принимаете мѣръ и хладнокровны къ ихъ положенію». Упреки начальства были неосновательны. Командующій полкомъ, маіоръ баронъ Левендаль, на улучшеніе пищи нижнимъ чинамъ и выдачу имъ винной порціи давно уже израсходовалъ не только полковыя и фуражныя суммы, но тронулъ даже и часть церковныхъ денегъ. Но и сами нижніе чины были виноваты въ повальной болѣзни: попавъ въ мѣстность, изо-

*) Потто—«Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ», т. III, вып. 3-й.

билующую фруктами, они съ жадностью начали уничтожать ихъ, запивая стоячею водою изъ арыковъ. Слѣдствіемъ этого явились брюшной тифъ и кровавый поносъ, косившіе людей съ страшной силой. Въ какихъ нибудь $5^1/_2$ мѣсяцевъ, со дня прибытія въ Старую Шемаху, у насъ умерло въ полку 448 человѣкъ *). Въ разныхъ же госпиталяхъ лежало больныхъ къ 1-му ноября 1827 года: 17 офицеровъ и 1018 человѣкъ нижнихъ чиновъ; здоровыхъ и могущихъ быть въ строю оставалось всего 7 офицеровъ и 346 рядовыхъ. Помѣщенія подъ полковой околодокъ нельзя было отыскать: всѣ лучшіе дома въ Шушѣ и Старой Шемахѣ заняты были подъ провіантъ, и больные зачастую по нѣсколько сутокъ оставались подъ открытымъ небомъ, не получая медицинскаго пособія, такъ какъ и лѣкаря всѣ свалились съ ногъ. На усиленную просьбу командира полка, наконецъ, былъ присланъ врачъ изъ Каспійскаго морского баталіона.

Помимо конвоированія транспортовъ, небольшому количеству оставшихся здоровыхъ людей почти безсмѣнно приходилось нести караульную службу въ Шушѣ, Старой Шемахѣ и исполнять обязанности лазаретныхъ служителей въ разныхъ госпитальныхъ отдѣленіяхъ. 120 человѣкъ нашего полка, находившіеся у склада провіанта въ замкѣ Ахъ-Угланъ, пришли, по донесенію ротнаго командира, «въ сильное изнуреніе отъ работъ и не имѣютъ даже свободнаго времени обмываться» **).

Положеніе офицеровъ было тоже незавидное. Приходилось съ бою брать квартиры, такъ какъ жители не хотѣли добровольно отводить помѣщеніе, а администрація была безсильна что либо сдѣлать въ этомъ отношеніи. Вслѣдствіе отсутствія населенныхъ пунктовъ, негдѣ было покупать съѣстныхъ припасовъ и офицеры довольствовались фунтомъ мяса въ день и солдатскимъ пайкомъ; на довольствіе выдавался въ большинствѣ случаевъ больной скотъ, и если не успѣвали его сейчасъ же зарѣзать, то на слѣдующій день онъ уже издыхалъ ***). Чай считался боль-

*) Полковой архивъ. Годовые рапорты за 1827 годъ. Входящія бумаги, дѣла №№ 120, 182 и 183; Кавказскій Сборникъ, т. I, стр. 5.

**) Полковой архивъ. Вход. бум. за 1827 годъ, дѣло № 145.

***) Полковой архивъ. Входящ. бум. за 1827 годъ, дѣло № 125. Кавк. Сбор., т. I, стр. 5.

шею роскошью. Цѣна на сахаръ доходила до ста рублей ассигнаціями за пудъ. «Офицеры, говоритъ современникъ, придумали спекуляцію слѣдующаго рода—играли въ карты на чай и сахаръ, выигравшій долженъ былъ угощать прочихъ» *).

Съ октября мѣсяца, когда заболѣваемость нѣсколько уменьшилась, тенгинцы начали наступательныя дѣйствія въ составѣ войскъ князя Вадбольскаго.

Занявшись осадою Эривани и Сардаръ-Абада, Паскевичъ поручилъ колонну князя Эристова, расположенной при селеніи Карабаба, произвести диверсію къ сторонѣ Маранды, чтобы тѣмъ отвлечь вниманіе непріятеля отъ нашего праваго фланга. Карабахскій отрядъ движеніемъ на Лори и Агаръ долженъ былъ содѣйствовать успѣху Эристова.

8-го октября князь Вадбольскій переправился, съ 10-ю ротами пѣхоты (двѣ нашего полка), 362-мя казаками при 10-ти орудіяхъ, на противоположную сторону Аракса и двинулся къ Дарауртскому ущелью. Не встрѣтивъ нигдѣ непріятеля, колонна эта возвратилась 18-го числа обратно. Цѣль экспедиціи была выполнена: жители Мишкина, побросавъ свои дома, скрылись въ горы. Мустафа, ханъ ширванскій, и Мамедъ-Мирза со своими войсками бѣжали за Агаръ **). Паденіе Эривани 1-го октября и вскорѣ затѣмъ занятіе отрядомъ Эристова Тавриза заставили, наконецъ, персидское правительство вступить въ мирные переговоры. 5-го ноября Паскевичъ прибылъ въ Дей-Карханъ, гдѣ открыто было засѣданіе конференціи въ присутствіи Аббасъ-Мирзы. Къ концу мѣсяца уже было состоялось предварительное соглашеніе о мирѣ, какъ вдругъ неожиданно тегеранскій дворъ, подстрекаемый Турціею, прекратилъ всякіе мирные переговоры и потребовалъ очищенія Адзербейджана отъ нашихъ войскъ. Не смотря на суровое зимнее время, предписано было немедленно возобновить военныя дѣйствія. Нѣсколько колоннъ одновременно двинуто было въ глубь Персіи. Теперь самая трудная часть

---

*) Андреевъ—«Воспоминаніе изъ кавказской старины». Кавк. Сбор., т. I.

**) Архивъ шт. кавказ. воен. округа. Дѣло № 87, по 1-му отд. генеральнаго штаба за 1827 годъ.

задачи, весьма богатая своими послѣдствіями, выпала на долю карабахскихъ войскъ, которыя выступили въ заграничный походъ 17-го ноября, подъ начальствомъ князя Вадбольскаго *). Въ виду большого некомплекта людей въ первомъ тенгинскомъ и двухъ навагинскихъ баталіонахъ, они, не теряя внутренняго своего устройства, соединены были въ одинъ тенгинско-навагинскій баталіонъ.

Для болѣе удобнаго слѣдованія движеніе производилось двумя отдѣльными колоннами, при чемъ тенгинцы вошли въ составъ второй, подъ начальствомъ начальника дивизіи Турчанинова.

Позднее время года и недостатокъ теплой одежды заставили войска сильно страдать отъ стужи. Особенно тяжело пришлось при переправѣ черезъ Араксъ 21-го ноября. Стоялъ значительный морозъ, люди переходили въ бродъ по отдѣленіямъ, держа другъ друга за руки; патронныя сумы перевозились конницею; на противоположномъ берегу рѣки разложены были костры, у которыхъ и обогрѣвались нижніе чины, не имѣя возможности даже замѣнить измокшую одежду сухою. При переправѣ обоза черезъ рѣку отъ сотрясенія по камнямъ и сильнаго напора воды сорвало чеку, а вслѣдъ затѣмъ и самое колесо у одной изъ арбъ, слѣдовавшей въ серединѣ; весь транспортъ остановился, изнуренные быки не въ состояніи были удержаться на быстринѣ и 22 арбы со всею клажею унесло сильнымъ теченіемъ рѣки и вмѣстѣ съ ними трехъ погонщиковъ Тенгинскаго полка, которые и нашли себѣ смерть въ бурныхъ водахъ Аракса **). 30-го ноября обѣ колонны соединились у Дедa-Бегли и затѣмъ продолжали движеніе къ Мишкину.

Въ среднихъ числахъ января прибылъ къ отряду генералъ-лейтенантъ графъ Сухтеленъ, принявшій общее начальство надъ войсками. Масса выпавшаго снѣга затрудняла движеніе, особен-

*) Составъ отряда былъ слѣдующій: два баталіона 41-го и 42-го егерскихъ полковъ, Тенгинскаго полка два баталіона, Навагинскаго полка два баталіона и 14 орудій, два донскихъ казачьихъ полка и 200 уланъ. Всего подъ ружьемъ находилось: пѣхоты 2656 и кавалеріи 913 человѣкъ. Арх. шт. кав. воен. округа. Дѣло № 11, по 2-му отдѣл. ген. шт. за 1827 годъ.

**) Архивъ шт. кавк. воен. округа. Дѣло № 11, по 2-му отдѣленію генеральнаго штаба за 1827 годъ.

по артиллерійскихъ орудій; приходилось расчищать дорогу треугольниками изъ бревенъ, которые тащились впереди колонны спеціально назначенными для этого лошадьми. Костровъ для людей не разводилось, не смотря на 22-хъ-градусный морозъ, такъ какъ только для варки пищи удавалось съ большимъ трудомъ собрать немного кизяку. Число больныхъ сильно умножилось и достигло въ одномъ Тенгинскомъ полку 153-хъ человѣкъ *). Всѣ трудности похода войска перенесли съ необыкновеннымъ терпѣніемъ и 24-го января 1828 года достигли Ардебиля. Видя подъ стѣнами крѣпости значительный отрядъ русскихъ войскъ, который началъ поспѣшно возводить осадныя батареи, принцъ Мамедъ-Мирза 25-го числа сдалъ крѣпость на капитуляцію **).

Дальнѣйшее сопротивленіе со стороны Персіи было немыслимо. Занятіе русскими войсками Урміи, Марага и Ардебиля, открыло намъ свободный путь къ Тегерану, столицѣ Персіи, которая, наконецъ, признала себя побѣжденною. 10-го февраля 1828 года въ с. Туркманчаѣ подписанъ былъ между воюющими сторонами трактатъ вѣчнаго мира, по которому Россія пріобрѣла Эриванскую и Нахичеванскую провинціи и получила контрибуцію въ 20 милліоновъ рублей. Окончаніе войны праздновалось съ особенною торжественностью въ Петербургѣ. Императоръ Николай I пожаловалъ всѣмъ офицерамъ, принимавшимъ участіе въ войнѣ, годовой окладъ жалованья, а нижнимъ чинамъ по 5-ти рублей ассигнаціями на каждаго. Въ воспоминаніе о персидской кампаніи отбита была серебряная медаль на соединенной лентѣ орденовъ св. Георгія и Владиміра.

«Да послужитъ знакъ сей—говорилось въ высочайшемъ приказѣ войскамъ,—памятникомъ мужества и кроткаго поведенія вашего. Да будетъ онъ новымъ залогомъ вѣрной службы русскаго войска и Моей къ вамъ признательности» ***). Чинамъ Тенгинскаго полка прислано было 250 медалей.

---

*) Полковой арх., входящія бумаги за 1827 г. Дѣло № 182.

**) Въ Ардебилѣ, въ мечети Шейхъ-Софи-Эдине, найдена была богатая библіотека изъ сочиненій знаменитыхъ писателей Востока. Всѣ книги тогда же препровождены были въ Петербургъ, гдѣ и хранятся теперь въ Императорской публичной библіотекѣ.

***) Потто—«Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ», т. III, вып. 4-й.

Въ начавшейся въ 1828 году войнѣ съ Турціею дѣйствующіе баталіоны наши не принимали участія, а расположены были въ ширванскомъ, шекинскомъ и талышинскомъ ханствахъ для наблюденія за спокойствіемъ магометанскаго населенія и охраненія нашей границы со стороны Персіи, которая въ каждую данную минуту могла объявить намъ снова войну. Для сбереженія здоровья людей, баталіоны, съ наступленіемъ теплаго времени года, раскидывали лагерь на горныхъ склонахъ, отличавшихся особенною чистотою воздуха, прекрасною родниковою водою и изобильнымъ фуражемъ для лошадей. Время отъ времени тенгинцы, вмѣстѣ съ баталіономъ 42-го егерскаго полка, маневрировали по разнымъ направленіямъ около границы, чтобы не допускать кочевыя племена производить грабежи въ нашихъ владѣніяхъ *).

На основаніи 4-й статьи туркманчайскаго трактата, для внутренняго управленія магометанскими провинціями учрежденъ былъ «диванъ» (временное правленіе), подъ предсѣдательствомъ маіора Каспійскаго морского баталіона Карцева и двухъ членовъ: капитановъ Тенгинскаго полка Савицкаго и Каспійскаго баталіона Качалова, при участіи почетныхъ бековъ. Обязанности дивана были довольно многосложны. На немъ лежало: принятіе надлежащихъ мѣръ для водворенія спокойствія и благосостоянія въ магометанскихъ провинціяхъ, приведеніе въ извѣстность всего ханскаго имущества, сборъ податей въ казну, принятіе мѣръ къ обезпеченію продовольствіемъ расположенныхъ войскъ, разсмотрѣніе и рѣшеніе споровъ между жителями по мѣстнымъ правиламъ и обычаямъ, наблюденіе за дѣйствіями старшинъ въ селеніяхъ и спокойствіемъ всего населенія. Мѣры для прекращенія безпорядковъ должны были быть приводимы немедленно въ исполненіе предсѣдателемъ дивана, «имѣвшимъ главное по исполнительной части начальство» **).

8-го мая прибылъ новый полковой командиръ подполков-

*) Архивъ шт. кавк. воен. округа. Дѣло № 50, по 2-му отдѣл. генеральнаго штаба 1829 г.

**) Архивъ при управл. главноначальствующаго гражданскою частью. Дѣло № 705, св. 50, за 1828 годъ.

никъ Тихонъ Тихоновичъ Лисаневичъ 2-й, переведенный къ намъ изъ Мингрельскаго полка. Это былъ еще сравнительно молодой человѣкъ (43 года), проведшій всю свою службу въ Закавказьѣ, поэтому хорошо ознакомленный съ мѣстностью въ раіонѣ теперешняго расположенія полка, гдѣ ему не разъ приходилось принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Раненый пулею на вылетъ въ колѣнный суставъ правой ноги, при десантной высадкѣ нашихъ войскъ въ 1824 году, близъ урочища Эйлау, въ Абхазіи, Лисаневичъ при походкѣ слегка опирался на палку; за это же дѣло онъ былъ награжденъ орденомъ Георгія 4-й степени *). Приступивъ къ пріему полка, новый полковой командиръ не могъ добиться отъ своего предмѣстника никакихъ свѣдѣній ни о полковыхъ суммахъ, ни о мундирныхъ и амуничныхъ вещахъ. Болѣзнь Сагинова за послѣднее время приняла настолько острый характеръ, что онъ ловилъ на улицахъ Старой Шемахи нижнихъ чиновъ и, подъ угрозою наказанія 500 ударовъ палками, требовалъ указать, кто поноситъ его бранными словами; нѣкоторыхъ же за неисполненіе этихъ приказаній заковывалъ «въ желѣзо» **). Въ концѣ концовъ онъ отправленъ былъ въ тифлисскій госпиталь. Ужъ изъ одного наружнаго осмотра Лисаневичъ могъ убѣдиться въ какомъ разстроенномъ состояніи принималъ онъ полкъ. Люди почти совершенно обнищали и нѣкоторые нижніе чины принуждены были покупать одежду на собственный счетъ потому, что посланный въ концѣ августа 1827 года за годовыми вещами въ ставропольское коммиссаріатское депо поручикъ Похвостневъ отсутствовалъ почти цѣлый годъ и возвратился обратно только въ среднихъ числахъ апрѣля 1828 года. Причиною этому была задержка транспорта въ горахъ и медленное веденіе дѣлъ въ коммиссіи ***). Большой запасъ имѣвшагося въ полку экономическаго сукна и полотна полковникъ Сагиновъ, при выступленіи въ Закавказьѣ, поспѣшилъ обратить въ деньги, но послѣднихъ при сдачѣ полка не оказалось

*) Полковой архивъ. Формулярный списокъ подполковника Лисаневича.

**) Полковой архивъ. Вход. журн. за 1828 г., д. № 267, рапорты поручика Дебу отъ 28-го іюля, за №№ 127 и 128.

***) Полковой архивъ. Исходящій журналъ за 1829 годъ, дѣло № 120.

налицо *). Въ строевомъ отношеніи тенгинцы находились не въ лучшемъ состояніи. Не смотря на укомплектованіе двухъ дѣйствующихъ баталіоновъ въ серединѣ 1829 года 971-мъ рекрутомъ, роты въ состояніи были выводить въ строй не болѣе 40—50-ти человѣкъ, всѣ остальные люди лежали въ госпиталяхъ и лазаретахъ. Убійственный климатъ долины Аракса, нестерпимый зной и гніеніе сальянскихъ болотъ сдѣлали свое дѣло. Большинство нижнихъ чиновъ, державшихся еще на ногахъ, жаловались на сильную боль застарѣлыхъ ранъ и лихорадку; съ послѣднею болѣзнью почти не принимали уже въ госпиталя по неимѣнію мѣстъ **).

Полковникъ Лисаневичъ дѣятельно принялся прежде всего за поддержаніе здоровья нижнихъ чиновъ; выписывающихся изъ лазаретовъ онъ освобождалъ, по возможности, отъ тяжелой службы и выдавалъ въ продолженіи двухъ недѣль винныя и усиленныя мясныя порціи, но это дѣлу нисколько не помогало и солдаты вторично ложились въ госпитали. Въ большинствѣ случаевъ они больше уже не возвращались въ часть.

Въ среднихъ числахъ марта 1830 года дѣйствующіе баталіоны нашего полка выступили черезъ Дагестанъ въ свою штабъ-квартиру, крѣпость Темирхѣсскую, укомплектовавъ людьми личнаго своего состава 42-й егерскій полкъ и Каспійскій морской баталіонъ. Въ предписаніи по этому поводу къ генералу Эмануелю корпусный командиръ писалъ: «На кавказской линіи Тенгинскій полкъ пополнится рекрутами въ мѣстахъ для нихъ здоровѣйшихъ; имѣя въ своемъ ближайшемъ распоряженіи всѣ хозяйственныя средства свои, можетъ лучше придти въ желаемую исправность, попеченіе о чемъ возлагаю въ особенности на ваше высокопревосходительство» ***). Памятниками своего трехлѣтняго пребыванія въ шекинскомъ, ширванскомъ и талышинскомъ ханствахъ и карабахской провинціи, тенгинцы оставили множество черныхъ крестовъ надъ могилами своихъ товарищей, погибшихъ

*) Полковой архивъ. Исходящій журналъ за 1827 годъ, дѣло № 120.
**) Полковой архивъ. Входящія бумаги за 1828 г., дѣло № 125, за 1829-й годъ, № 196.
***) Архивъ шт. кавк. воен. округа. Дѣло № 8, по 2-му отд. генер. шт. за 1829 годъ.

не на полѣ брани, а павшихъ жертвою всевозможныхъ болѣзней: съ 20-го мая 1827 по 25-е мая 1830 года, т. е. за трехлѣтіе, въ двухъ дѣйствующихъ баталіонахъ умерло 23 офицера и 1644 нижнихъ чиновъ, бѣжало 144 человѣка *). Оставшіеся въ живыхъ носили всѣ слѣды злокачественной ленкоранской лихорадки и многіе изъ нихъ, своими могилами обозначили путь обратнаго слѣдованія полка на кавказскую линію.

3-й резервный баталіонъ, остававшійся на мѣстѣ во время персидской войны не безлѣйствовалъ. Роты несли караульную службу въ укрѣпленіяхъ Баталпашинскомъ, Ахандуковскомъ, Боргустанскомъ и Кисловодскомъ. Команды нижнихъ чиновъ попрежнему разбросаны были по постамъ, оберегали имущество полка, оставленное въ крѣпости Темнолѣсской и изрѣдка принимали участіе въ экспедиціяхъ за Кубань. Такъ, въ ночь на 18-е октября 1828 года сто человѣкъ застрѣльщиковъ 3-го баталіона тенгинцевъ, составляя авангардъ отряда генерала Емануеля, выступили въ Карачай для наказанія населенія за принесенную ими присягу турецкому правительству и выдачу аманатовъ. Въ силу трактатовъ рѣка Кубань служила границею между Россіею и Турціею и такъ какъ карачаевцы жили на правомъ берегу рѣки, то считались подвластными Россіи, которой даже платили дань **).

Близъ урочища Эль-Журганъ-Сыртъ карачаевцы, пользуясь лѣсистыми оврагами, рѣшили задержать движеніе войскъ, но цѣпь стрѣлковъ скоро сбила ихъ съ занимаемой позиціи. Въ 10 часовъ утра отрядъ достигъ горы Хоцекъ, сплошь заросшей лѣсомъ. Горцы, расположившись за деревьями, камнями, скалами и завалами, молча ожидали приближенія войскъ на разстояніе ружейнаго выстрѣла. По прибытіи въ подкрѣпленіе одной роты Навагинскаго полка, авангардъ, забывъ усталость, бросился въ штыки, высаживая непріятеля изъ-за каждаго камня и куста. Послѣ полуторачасового жаркаго боя, непріятель съ чувствительнымъ урономъ очистилъ опушку лѣса и отступилъ за громад-

*) Полковой архивъ. Годовые рапорты за 1827—1829 гг.
**) Кавказск. Сборн. т. XV, стр. 411.

нѣйшій завалъ, устроенный на склонѣ горы. Перестрѣлка на время прекратилась—утомленныя войска прилегли отдохнуть; въ это время на гребень сосѣдней возвышенности взбиралась главная колонна и люди втаскивали на себѣ разобранное орудіе.

Замѣтивъ малочисленность авангарда, ослабленнаго довольно значительною потерею, генералъ Емануель бѣгомъ направилъ на лѣвый флангъ 200 спѣшенныхъ казаковъ и всю остальную пѣхоту. Когда подошла помощь, вся передовая линія съ могучимъ крикомъ бросилась на завалъ. Карачаевцы осыпали смѣльчаковъ свинцовымъ дождемъ, цѣлыя сотни громадныхъ камней покатились имъ навстрѣчу, но трудно было остановить грозную лавину. Стрѣлки Тенгинскаго, Кабардинскаго и Навагинскаго полковъ, разбросавъ руками завалъ, выбили карачаевцевъ изъ занимаемой ими крѣпкой позиціи и только темнота ночи положила конецъ кровопролитію. Послѣ пятичасового жаркаго боя войска раскинули лагерь на вершинѣ карачаевскаго хребта, именуемаго «Ослинное сѣдло». Тяжело, однако, досталась намъ побѣда: отрядъ лишился убитыми 3-хъ офицеровъ и 41-го нижнихъ чиновъ и ранеными 4-хъ офицеровъ, 116-ти человѣкъ рядовыхъ; у тенгинцевъ выбыло изъ строя 5 человѣкъ убитыми и 27 ранеными. Приведя къ присягѣ населеніе, отрядъ 24-го октября возвратился обратно на Кубань *).

Остальные набѣги за Кубань, въ которыхъ участвовали роты 3-го баталіона, представляются не особенно замѣчательными и въ общемъ походили одинъ на другой.

25-го мая 1830 года два дѣйствующихъ баталіона прибыли на кавказскую линію. Вступленіе въ штабъ-квартиру полка далеко было не такъ торжественно, какъ выступленіе въ Старую Шемаху. Не слышно было торжественныхъ звуковъ полкового марша; весь музыкальный инструментъ сложенъ былъ на повозки, такъ какъ большинство музыкантовъ, въ числѣ другихъ больныхъ, слѣдовали въ хвостѣ колонны на лазаретныхъ линейкахъ и наемныхъ арбахъ.

Въ концѣ года начальникъ дивизіи г.-м. Фроловъ произ-

*) Архивъ штаба кавк. воен. округа. Дѣло № 43, по генер. штабу.

велъ инспекторскій смотръ. Оказалось, что «нижніе чины въ полку крайне изнурены, слабы и не имѣютъ бодраго вида, которымъ русскій солдатъ долженъ всегда отличаться. Въ шагѣ тихомъ, скоромъ и учебномъ не существуетъ основательныхъ правилъ никакому шагу». Знаніе чиновъ полка строевой службы найдено слабымъ, а нѣкоторые офицеры и вовсе не были ознакомлены со своимъ дѣломъ, почему и предписывалось командиру полка заниматься съ ними восьмирядными ученіями. Большинство ротъ стрѣляло дурно, люди не умѣли даже прикладываться «Въ обмундированіи солдатъ, доносилъ Фроловъ, найдено неединообразіе: панталоны у нѣкоторыхъ такъ узки и коротки въ бантѣ, что видны рубашки; шиблеты разнообразные: есть длинные, короткіе, широкіе, не по ногѣ, разноцвѣтные, тогда какъ должны быть чернаго сукна. Много ружей съ мягкими пружинами не имѣли огнивъ, ложи были поколоты, штыки погнуты». Но при всемъ томъ «дисциплина и военный порядокъ сохранялись неупустительно» *). Объявляя въ приказѣ по полку о неисправностяхъ, найденныхъ на инспекторскомъ смотру, Лисаневичъ писалъ: «надѣюсь, что все указанное начальникомъ дивизіи на будущее время исправится».

Разумѣется, подобныя существенныя упущенія объяснялись только тѣми крайне неблагопріятными условіями, въ которыя болѣе двухъ съ половиной лѣтъ поставленъ былъ полкъ. Офицерамъ приходилось теперь нести боевую службу на кордонѣ и въ то же время усиленно заниматься строевымъ образованіемъ.

---

*) Полковой архивъ. Приказъ по полку отъ 7-го февраля 1831 г., дѣло № 578.

Глава III.

Возникновеніе мюридизма на Кавказѣ. Кадій Мулла-Магометъ. Газаватъ. Кази-Мулла. Сопротивленіе закубанцевъ постановленію адріанопольскаго трактата. Возвращеніе тенгинцевъ на линію. Полковникъ Лисаневичъ и его заботы о состояніи полка. Стрѣлковое дѣло. Холера. Замѣчательные приказы Лисаневича. Усиленіе войскъ кавказскаго корпуса. Экспедиція Паскевича противъ шапсугъ въ 1830 году. Дѣйствія на Убинѣ. Абинъ. Возвращеніе на линію. Осмотръ Лисаневичемъ полка. Положеніе семей женатыхъ солдатъ. Отношеніе къ казачьему населенію. Заботы генерала Емануеля о Кисловодскѣ. Журналъ «Темнолѣсскій Шмель». Генералъ Марлинн. Пріостановка изданія. Женатые офицеры и ихъ коммерческія наклонности. Волненіе въ Кабардѣ въ 1831 году. Нападеніе на линію. Дѣло капитана Чубровскаго въ Хасаутскомъ ущельѣ. Движеніе Лисаневича къ абазинскимъ ауламъ. Подвигъ рядового Медвѣдева. Истребленіе шайки дезертировъ. Бѣглые тенгинцы. Приказы Лисаневича. Польскіе ссыльные. Геройская смерть маіора Гарковенко. Подвигъ унтеръ-офицера Зимина и рядового Будниченко. Спокойствіе на линіи въ 1832 и 1833 годахъ. Строевыя занятія. Блестящее состояніе полка. Уходъ полковника Лисаневича. Оцѣнка его дѣятельности. Новый командиръ подполковникъ Шостенко. Переформированіе полка въ четырехбаталіонный составъ. Краткая хроника 1-го и 2-го баталіоновъ Крымскаго полка. Участіе ихъ въ войнахъ европейскихъ, а затѣмъ персидской и турецкой. Отличіе баталіоновъ въ дѣлѣ подъ Ушаганомъ 17-го августа 1827 года. Участіе 2-го баталіона Козловскаго полка въ различныхъ войнахъ. Мужественная защита Баязета въ 1829 году. Полковникъ Кашутинъ. Пріемъ полка. Численный составъ полка въ 1834 году. Новый планъ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ.

Адріанопольскій мирный трактатъ, заключенный съ Турціею 2-го сентября 1829 года, еще больше раздвинулъ границы нашего отечества. Крѣпости Анапа, Поти, Ахалкалаки, Ахалцыхъ и Ацхуръ упрочены были за Россіею; все восточное побережье Чернаго моря съ обширною Черкесіею, лежащею между Кубанью, берегомъ моря и границею Абхазіи, пріобщено къ нашимъ владѣніямъ.

Теперь явилась возможность снова заняться нашими дѣлами на кавказской линіи. До сихъ поръ генералъ Паскевичъ, получившій графское достоинство за Эривань и фельдмаршальскій жезлъ за турецкія побѣды, былъ озабоченъ внѣшними войнами и мало обращалъ вниманія на положеніе дѣлъ въ горахъ, гдѣ въ тиши зрѣло новое вѣроученіе, извѣстное подъ именемъ *мюридизма*. Ученію этому суждено было сыграть вы-

дающуюся роль во всемъ послѣдующемъ ходѣ военныхъ дѣлъ на Кавказѣ.

Основателемъ этой магометанской секты, зародившейся еще въ началѣ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія въ нагорномъ Дагестанѣ, былъ главный кюринскій кадій Мулла-Магометъ. Какъ истинный мусульманинъ, онъ давно уже съ прискорбіемъ замѣчалъ, что населеніе его родины имѣетъ весьма смутное и сбивчивое понятіе о религіи, магометане забыли шаріатъ и, по мѣрѣ сближенія съ русскими, постепенно начали усваивать всевозможные пороки: пьянство, воровство, развратъ; вездѣ воцарилась всеобщая лѣнь; магометанское духовенство давно уже утратило свое первенствующее значеніе; старшины и кадіи перестали имѣть какое-либо нравственное вліяніе на народъ, такъ какъ сами утопали въ морѣ пороковъ. Правовѣрныхъ нужно было возможно скорѣе направить на путь истины и на этотъ подвигъ вызвался Мулла-Магометъ; для полученія благословенія и болѣе точныхъ указаній по предпринимаемому великому дѣлу, онъ отправился въ сел. Кюрдамиръ, Ширванскаго уѣзда, къ одному изъ ученѣйшихъ духовныхъ лицъ на Кавказѣ Хаджи-Измаилу. Сюда созваны были многіе кюринскіе муллы и послѣ долгихъ совѣщаній и споровъ рѣшено было основать новую религіозную секту—мюридизмъ или поборничество за вѣру; Мулла-Магометъ провозглашенъ главнымъ мюридомъ (руководителемъ) или *имамомъ*, и ему поручено было устроить частную и общественную жизнь правовѣрныхъ, согласно указаній шаріата, т. е. той части корана, гдѣ излагались главныя правила магометанства, обязательныя для всѣхъ мусульманъ и, наконецъ, подготовить народъ къ поднятію священной войны или *газавата*.

Въ 1823 году, по возвращеніи своемъ въ сел. Ярагъ, новый проповѣдникъ ревностно приступилъ къ выполненію своей миссіи. «Народъ!—взывалъ онъ—мы не магометане, мы не христіане и не идолопоклонники. Истинный магометанскій законъ вотъ въ чемъ заключается: магометане не могутъ быть подъ властью невѣрныхъ; магометанинъ не можетъ быть ничьимъ рабомъ или подданнымъ и никому не долженъ платить, даже мусуль-

манину. Кто мусульманинъ, тотъ долженъ быть человѣкомъ свободнымъ и между всѣми мусульманами должно быть равенство. Кто считаетъ себя мусульманиномъ, для того первое дѣло газаватъ—священная война, война противъ невѣрныхъ, и потомъ исполненіе шаріата. Для мусульманина исполненіе шаріата безъ газавата не есть спасеніе. Кто истинно исполняетъ шаріатъ, тотъ долженъ вооружиться во что бы то ни стало: долженъ бросить семейство, домъ, землю и не щадить самой жизни. Кто послѣдуетъ моему совѣту, того Богъ въ будущей жизни съ излишками вознаградитъ и сдѣлаетъ святымъ... Клянитесь оставить свои прежніе пороки и впредь удаляться отъ грѣховъ. Дни и ночи проводите въ мечети, молитесь Богу съ усердіемъ, плачьте и просите Его, чтобы Онъ васъ помиловалъ. Когда же прійдетъ часъ вооружиться, объ этомъ я узнаю по вдохновенію отъ Бога и объявлю вамъ; но до тѣхъ поръ плачьте и молитесь» *).

Вѣсть о появленіи новаго пророка, его святой жизни и о произносимыхъ имъ рѣчахъ быстро распространилась среди населенія Дагестана. Число его послѣдователей или мюридовъ возрастало ежедневно. Всѣ мечети были переполнены молящимися, подготовлявшими себя къ священной войнѣ, сулившей въ этомъ мірѣ много добычи, а въ загробной жизни спасеніе души. Въ 1824 году волненіе охватило весь Дагестанъ, а затѣмъ и Чечню; во всѣхъ селеніяхъ только и раздавались обращенные къ сторонѣ Россіи воинственные крики: «газаватъ, газаватъ»! Въ Яратъ началось паломничество и резиденція имама представляла изъ себя обширный воинственный станъ, переполненный фанатиками, среди которыхъ находился и житель селенія Гимры Мулла-Магометъ 2-й, сдѣлавшійся потомъ извѣстнымъ подъ именемъ Кази-Муллы.

Послѣдствія возникновенія новой секты были велики; мюридизмъ сплотилъ во имя религіи горцевъ и внушилъ имъ идею политической независимости **), образовалъ изъ разобщенныхъ

*) Дубровинъ «Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ». Военный сборникъ 1890 г., № 10.

**) Дубровинъ—«Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ».

обществъ крѣпкій союзъ племенъ, рѣшившихъ дѣйствовать совокупными силами противъ русскихъ. Однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ адептовъ мюридизма явился Кази-Мулла, который въ своемъ ослѣпленіи мечталъ объ образованіи новаго калифата; онъ полагалъ возможнымъ изгнаніе русскихъ съ Кавказа, движеніе даже на Москву..., а «когда возьмемъ ее, говорилъ онъ, я пойду къ Стамбулу и если султанъ свято соблюдаетъ шаріатъ, мы его не тронемъ, въ противномъ случаѣ—горе ему: онъ будетъ въ цѣпяхъ и царство его сдѣлается достояніемъ истинныхъ мусульманъ» *)... Тревожные слухи о всеобщемъ волненіи въ горахъ не могли конечно не достигнуть слуха Ермолова; онъ хорошо сознавалъ, что народившаяся секта не безопасна для насъ, но вниманіе его скоро было отвлечено предстоявшею войною съ Персіею и рѣшительныя мѣры для подавленія возстанія не были имъ своевременно приняты. По той же причинѣ и преемникъ Ермолова, генералъ Паскевичъ, только по окончаніи внѣшнихъ войнъ, могъ свободно заняться дѣлами на кавказской линіи. Но корни новаго ученія были уже глубоко пущены, цѣль религіозной пропаганды Кази-Муллы вполнѣ обозначилась: онъ стремился къ образованію демократическаго правленія изъ разобщенныхъ племенъ Дагестана.

Но новое ученіе мало коснулось горскихъ племенъ Западнаго Кавказа. Оно охватило главнымъ образомъ тѣ раіоны, гдѣ велась активная пропаганда, закубанье же и побережье Чернаго моря были внѣ этого теченія, но, разумѣется, на нихъ не могло не отражаться общее увлеченіе ихъ сосѣдей. Въ это время они были озабочены другимъ обстоятельствомъ, существенно измѣнявшимъ ихъ политическое состояніе. Турція по адріанопольскому трактату уступала намъ всѣ горскія земли Западнаго Кавказа, т. е. отдавала то, чѣмъ въ сущности никогда не владѣла, и мы пріобрѣтали чисто фиктивное господство надъ полумилліонным свободолюбивымъ населеніемъ, никогда не признававшимъ надъ собою ничьей власти, кромѣ власти своей необузданной воли. Черкесы никогда не считали себя подданными

*) Романовскій—«Кавказъ и Кавказская война»—стр. 324 и 325.

Турціи и всегда устраняли всякое вмѣшательство ея въ ихъ внутреннія дѣла. Единственнымъ связующимъ звеномъ между ними была магометанская религія, главою которой черкесы считали султана, не признавая однако за нимъ никакихъ политическихъ правъ надъ собою.

Паскевичемъ была издана въ 1830 году прокламація, объявлявшая горцамъ ихъ переходъ въ новое подданство. На большомъ народномъ собраніи на рѣкѣ Адагумѣ, въ концѣ 1830 года, послѣ прочтенія прокламаціи Паскевича о присоединеніи закубанья къ Россіи, поднялся большой ропотъ. «Мы и наши предки, говорили черкесы, были совершенно независимы, никогда не принадлежали султану, ему никогда не служили и ничего не платили ему и никому другому не хотимъ принадлежать. Султанъ нами не владѣлъ и потому не могъ насъ уступить». Выходило явное недоразумѣніе. Россія въ своемъ стремленіи господствовать надъ всѣмъ закубаньемъ опиралась на право, котораго не хотѣли и, по справедливости говоря, не могли признавать горцы.

Такимъ образомъ, общая политическая картина въ началѣ тридцатыхъ годовъ представлялась въ слѣдующемъ видѣ. На Восточномъ Кавказѣ созрѣвало общее массовое движеніе фанатическаго характера, на Западномъ—народныя массы рѣшились отстаивать свою независимость. И тутъ и тамъ борьба готовилась не на жизнь, а на смерть, борьба дѣйствительно затянувшаяся на нѣсколько десятковъ лѣтъ и стоившая намъ большихъ усилій для ея подавленія.

Таково было положеніе дѣлъ на кавказской линіи ко времени возвращенія тенгинцевъ изъ Закавказья.

Внѣшняя дѣятельность полка въ отправленіи кордонной охранительной службы почти не измѣнилась,—тѣ же посты, тѣ же мелкіе набѣги и экспедиціи для наказанія горцевъ, но во внутреннемъ бытѣ произошли важныя перемѣны. Полковникъ Лисаневичъ, сознавая всѣ недочеты, такъ рѣзко высказавшіеся на смотру генералъ-маіора Фролова, энергично принялся за переустройство полка. Рекруты новыхъ наборовъ, присланные

въ числѣ 525-ти человѣкъ, быстро были обмундированы и немедленно приступлено было къ строевымъ занятіямъ.

Интересна была система обученія стрѣльбѣ того времени. Уставъ предписывалъ заниматься стрѣльбою три раза въ недѣлю: въ воскресенье, среду и субботу. Первоначально учили рекрутъ правиламъ заряжанія, при чемъ каждый изъ нихъ обязанъ былъ имѣть деревянный патронъ, «иначе, какъ говорилось въ приказѣ, при прибиваніи шомполами, если они (т. е. шомполы) выпадутъ изъ рукъ, разбиваются хвостовики». Затѣмъ шло обученіе «вспышкѣ», т. е. умѣнію отбивать кремень и вызывать искру; далѣе слѣдовала пальба въ цѣль самодѣльными глиняными пулями, въ которыя для прочности добавлялась шерсть. Упражненіе это производилось по доскѣ, поставленной въ разстояніи 25—100 саженей отъ обучающихся, при чемъ начинали съ одной пули и доходили до пяти въ день. На эти предварительныя упражненія не полагалось казеннаго отпуска пороха, и они производились изъ «полковой экономіи». Когда люди начинали болѣе или менѣе мѣтко стрѣлять, то переходили тогда на пальбу свинцовыми пулями съ разстоянія 40-ка, 80-ти и 120-ти саженей. Лисаневичъ строго требовалъ, чтобы въ дни стрѣльбы всѣ люди въ ротахъ были налицо. Ротные командиры обязаны были лично руководить стрѣлковымъ дѣломъ, «какъ главнымъ предметомъ военной службы», и ежемѣсячно представлять въ полковую канцелярію свѣдѣнія объ успѣхахъ стрѣльбы *). На стойку, маршировку и ружейные пріемы тоже было обращено должное вниманіе и производились они въ дни свободные отъ стрѣльбы. При обученіи образцовой команды, собранной при штабъ-квартирѣ полка, обязаны были присутствовать всѣ субалтернъ-офицеры, находившіеся въ крѣпости Темнолѣсской, «дабы по занятіи ихъ ученіемъ, говорилъ Лисаневичъ, могли обучать нижнихъ чиновъ, въ ротахъ состоящихъ».

Результаты правильно поставленнаго стрѣлковаго дѣла скоро сказались. Изъ свѣдѣній, доставленныхъ командиру полка, видно, что къ концу года роты стали уже давать прекрас-

*) Полковой архивъ, дѣла №№ 578, 585, 586.

ные результаты и полкъ высоко сталъ въ строевомъ отношеніи.

Но въ то же время какой то рокъ преслѣдовалъ тенгинцевъ. Едва они прибыли на кавказскую линію, какъ здѣсь открылась холера, которая, при условіи отвратительныхъ стоянокъ и ранѣе подорванныхъ организмовъ отъ чрезмѣрныхъ трудовъ и упорной ленкоранской лихорадки, вырывала жертвы десятками. Ротные командиры просили о возможно скорѣйшей присылкѣ лѣкарей, для поданія помощи больнымъ, такъ какъ «цырульники не имѣютъ никакихъ медикаментовъ, да и не знаютъ ровно ничего; употребляемый же ими деготь приноситъ мало облегченія и не прекращаетъ болѣзни живота, поноса и рвоты». Полковникъ Лисаневичъ поспѣшно обратился въ медицинскій департаментъ и просилъ о немедленной присылкѣ лѣкаря, но получилъ отвѣтъ, что «по неимѣнію въ настоящее время медицинскаго чиновника, коего можно было опредѣлить въ полкъ, департаментъ это требованіе удовлетворить не можетъ, но, впрочемъ, надобность сію будетъ имѣть въ виду». И подобный отвѣтъ былъ полученъ тогда, когда эпидемія на кавказской линіи стала развиваться съ ужасающею силою.

Внѣ крѣпости Темнолѣсской было разбито нѣсколько палатокъ для холерныхъ больныхъ нашего полка; этотъ временный лазаретъ оцѣпили со всѣхъ сторонъ часовыми, чтобы совершенно изолировать его отъ окружающаго міра. Заболѣвшимъ давали настойку изъ $^1/_2$ чайной ложки соды, столовой ложки лимоннаго сока или уксуса, разбавленныхъ въ водѣ; питье это нужно было употреблять черезъ каждыя пять минутъ, пока рвота, поносъ и судороги совершенно не прекратятся. Если температура у больного падала и пульсъ ослабѣвалъ, то немедленно дѣлались горячія ванны и все тѣло растиралось суконками и водкою съ уксусомъ; воспрещалось употребленіе сырыхъ фруктовъ и въ помѣщеніяхъ поддерживалась чистота и свѣжій воздухъ; никому изъ нижнихъ чиновъ не разрѣшалось съ утра выходить на работу на тощій желудокъ и при завтракѣ выдавали людямъ водку, настоенную на горькихъ травахъ *). Приказомъ по полку

*) Полковой архивъ, дѣло № 703 «О холерахъ».

предлагалось всѣмъ офицерамъ «успокаивать нижнихъ чиновъ, чтобы не боялись сей болѣзни, ибо страхъ болѣе дѣйствуетъ въ такомъ случаѣ къ заболѣванію».

Неизвѣстно общее количество умершихъ въ полку отъ холеры, но при всѣхъ принятыхъ энергичныхъ и, можно сказать, цѣлесообразныхъ мѣрахъ, въ полку все-таки заболѣло съ 1-го сентября по 1-е ноября 44 человѣка; умерло же 3 офицера и 24 нижнихъ чина. Полковнику Лисаневичу приходилось дѣйствительно вмѣшиваться во всѣ подробности, даже такихъ общеизвѣстныхъ отправленій, какъ погребеніе умершихъ. Въ своихъ приказахъ онъ обращалъ особенное вниманіе, чтобы умершихъ хоронили по своимъ обрядамъ церкви и съ должнымъ почетомъ. «Съ величайшимъ прискорбіемъ, говорилъ Лисаневичъ, съ самаго вступленія моего въ командованіе полкомъ смотрю, что нѣкоторыхъ умирающихъ нижнихъ чиновъ ввѣреннаго мнѣ полка погребаютъ въ хворостяныхъ гробахъ и по большей части въ рогожкахъ, и за всѣми моими подтвержденіями и даже просьбами, чтобы дѣлать имъ гробы изъ досокъ, я по сіе время не вижу никого, который бы обратилъ на сей достойный жалости предметъ свое вниманіе и внушилъ бы въ ротахъ нижнимъ воинскимъ чинамъ, что ничего не стоитъ дѣлать гробы изъ досокъ и хоронить товарищей своихъ по обряду христіанскому, и даже если бы чего и стоило, то человѣчество требуетъ отдать послѣдній долгъ умершему, особенно неимѣющему никого учинить оный, кромѣ его товарищей» *).

Какія простыя, сердечныя слова, дѣлающія честь христіанскому чувству нашего бывшаго командира! Ужъ одно это наставленіе, помимо всѣхъ прочихъ заслугъ Лисаневича, даетъ ему право на почетный памятникъ въ воспоминаніяхъ благодарныхъ тенгинцевъ!

Неутомимыми заботами Лисаневича полкъ весьма быстро оправился въ строевомъ, хозяйственномъ и санитарномъ отношеніяхъ, и уже къ концу года могъ принять участіе въ движеніи за Кубань. Сильная холера задержала наши наступательныя военныя

*) Полковой архивъ за 1832 г., дѣло № 578.

дѣйствія на Западномъ Кавказѣ; только 2-го августа 1830 года графъ Паскевичъ прибылъ въ Пятигорскъ съ цѣлью лично принять начальство надъ войсками во время предстоявшей экспедиціи. Собственно говоря, до сихъ поръ мы не вели настоящей войны противъ черкесовъ, а ограничивались одною пассивною обороною праваго берега Кубани; если и переходили на ту сторону рѣки, то единственно за тѣмъ, чтобы разореніемъ горскихъ ауловъ, отогнаніемъ скота и уничтоженіемъ посѣвовъ отплатить дерзкимъ закубанцамъ за ихъ хищническіе набѣги на наши поселенія. «Спускать безпорядковъ не надобно, писалъ Паскевичъ Емануелю, силою отъ насъ похищенное, мы силою воротить можемъ».

Только по окончаніи турецкой войны рѣшено было стремительнымъ движеніемъ по разнымъ направленіямъ въ горы заставить населеніе покориться русскому правительству. Для этихъ операцій даже оставлены были на кавказской линіи 14-я и 20-я пѣхотныя дивизіи.

Положеніе нашихъ дѣлъ на Западномъ Кавказѣ не внушало особеннаго опасенія; мюридизмъ не успѣлъ еще проникнуть въ закубанскій край, населеніе котораго исключительно было занято собственными дѣлами и главнымъ образомъ выясненіемъ своихъ отношеній къ Россіи. Здѣсь образовалось нѣсколько партій—одинъ безусловно хотѣли подчиниться требованіямъ нашего правительства, другія же рѣшились отстаивать свою независимость. Хотя мнѣніе послѣднихъ и восторжествовало, но единенія между черкесскими племенами не существовало—не было человѣка, который сумѣлъ бы сплотить ихъ воедино и направить всѣхъ къ одной цѣли. Попрежнему хищническія партіи продолжали вторгаться въ предѣлы кавказской области для грабежа, хотя далеко уже не съ такимъ успѣхомъ.

Наступательныя дѣйствія противъ шапсугъ открылись только 18-го октября. Войска тремя самостоятельными отрядами двинулись въ разныхъ направленіяхъ въ ихъ землю *).

*) Сила колоннъ была слѣдующая: первой—три пѣх. и два казач. полка, 300 конныхъ и столько же пѣшихъ казаковъ Черноморскаго войска, 18 орудій; второй: два полка и три ро-

Первыя двѣ колонны, слѣдуя по анапской дорогѣ и по отрогамъ горъ главнаго хребта, должны были уничтожать въ ущельяхъ всѣ поселенія горцевъ съ ихъ продовольственными запасами. На обязанности третьей лежало—частыми поисками въ долинѣ р. Пшиша отвлекать вниманіе горцевъ отъ главнаго дѣйствующаго отряда.

Въ ночь на 19-е октября лѣвая (первая) колонна генерала Емануеля выступила изъ лагеря при Пшебскомъ укрѣпленіи и уже съ разсвѣтомъ прибыла къ р. Афипсъ. Здѣсь отрядъ былъ раздѣленъ на двѣ части, которыя и занялись уничтоженіемъ непріятельскихъ ауловъ по долинамъ рѣчекъ Гомажъ и Бадзатль. Непріятель упорно защищалъ свое имущество, на каждомъ шагу задерживая дальнѣйшее движеніе войскъ. У насъ въ этотъ день убито 2 унтеръ-офицера, 2 рядовыхъ и ранено 11 человѣкъ. Всѣ запасы хлѣба и сѣна по пути нашего слѣдованія были уничтожены *).

20-го октября, выславъ впередъ достаточной силы авангардъ, Емануель продолжалъ движеніе въ томъ же порядкѣ по направленію р. Убинъ. Войскамъ безпрестанно приходилось переходить изъ одного тѣснаго ущелья въ другое, еще болѣе узкое, со склонами, покрытыми дремучимъ лѣсомъ. Непріятель, пользуясь всѣми выгодами мѣстности, наносилъ намъ чувствительныя потери. Только поздно вечеромъ колонна прибыла на ночлегъ къ р. Убинъ, сдѣлавъ переходъ въ этотъ день всего въ 13 верстъ и уничтоживъ 8 горскихъ ауловъ. Немедленно изъ лагеря посланы были двѣ роты тенгинцевъ съ частью конницы при одномъ орудіи для разоренія жилищъ шапсуговъ, обитавшихъ въ долинѣ Мывасцыбжъ (Абинъ), въ 4-хъ верстахъ отъ бивака. Этотъ небольшой отрядъ совершенно разсѣялъ непріятеля, уничтожилъ до основанія ихъ аулы съ значительными запасами продовольствія, отбилъ до 70-ти головъ рогатаго скота и захватилъ въ

ты 1-го баталіона Тенгинскаго полка, два казачьихъ полка и 300 чел. мусульманскаго ополченія, 14 орудій. Въ составъ третьей вошли: 3-я бригада 14 пѣх. дивизіи, части 5, 8, 9 и 10 конныхъ черноморскихъ полковъ и 10 орудій.

*) Архивъ шт. кавк. воен. окр., по 2-му отд. ген. шт. за 1830 г., дѣло № 88. Рапортъ ген. Емануеля отъ 21-го октября за № 388.

плѣнъ трехъ женщинъ и одного мальчика. Потеря этого дня состояла изъ двухъ убитыхъ нижнихъ чиновъ и раненыхъ: одного офицера и 17-ти рядовыхъ. «Войска, доносилъ Емануель, дѣйствовали вездѣ съ особенною неустрашимостью и храбростью; презирая всѣ опасности, они съ удовольствіемъ переносили тяжкіе труды похода». На слѣдующій день, 21-го октября, по пробитіи утренней зари, изъ лагеря выдвинутъ былъ авангардъ Васмунда изъ трехъ ротъ нашего полка, сотни линейцевъ съ двумя орудіями для занятія переправы черезъ р. Убинъ, у верхней анапской дороги. Самъ же Емануель съ остальными войсками сталъ уничтожать аулы, запасы хлѣба и сѣна по обѣимъ сторонамъ означенной рѣки; шапсуги упорно отстаивали свое имущество и не разъ бросались въ шашки на стрѣлковыя цѣпи и арьергардъ. У верхней анапской дороги колонна Емануеля соединилась съ авангардомъ Васмунда, который успѣлъ уже войти въ связь съ правою колонною Панкратьева, расположившейся у нижней анапской дороги, всего въ 10-ти верстахъ отъ отряда Емануеля.

24-го октября на р. Азипсѣ обѣ колонны соединились и здѣсь раскинули обширный лагерь. Утромъ слѣдующаго дня Емануель, оставивъ всѣ тяжести въ вагенбургѣ, двинулся въ Хабльское ущелье, предавая пламени всѣ попадавшіеся аулы. У аула Шеретлукъ-Хабль шапсуги оказали сильное сопротивленіе; съ большимъ трудомъ удалось ротѣ крымцевъ вытѣснить непріятеля. Едва гренадеры стали занимать ближайшую опушку лѣса, непосредственно примыкавшую къ аулу, какъ горцы съ оглушительнымъ гикомъ бросились впередъ, врѣзались въ цѣпь стрѣлковъ и опрокинули ее. Первая гренадерская рота тенгинцевъ, ударивъ во флангъ и тылъ расположенія шапсуговъ, оттѣснила ихъ и заставила отступить съ значительною потерею.

26-го и 27-го октября войска занимались фуражировкою подъ выстрѣлами непріятеля и только 28-го числа выступили къ р. Абину, имѣя въ боковомъ прикрытіи роты Тенгинскаго полка и мусульманское ополченіе. Шапсуги вездѣ сами стали поджигать сѣно, чтобы оно не досталось въ наши руки. Недоходя

семи верстъ до р. Абина, отъ главной колонны былъ отдѣленъ отрядъ Емануеля для разысканія черкесовъ и уничтоженія ихъ жилищъ. Пройдя ущельемъ верстъ девять отъ лагеря, колонна была остановлена сильною партіею горцевъ, засѣвшею въ аулѣ Абатъ-Ахметъ-оглы; аулъ этотъ расположенъ на возвышенности и представлялъ всѣ удобства для обороны, имѣя впереди фронта глубокіе овраги. Посланная въ атаку рота тенгинцевъ встрѣчена была сильнымъ ружейнымъ огнемъ и, не смотря на всѣ усилія, не могла проникнуть въ аулъ; попытки кончились неудачею. Тогда Емануель послалъ въ обходъ позиціи двѣ роты Севастопольскаго полка. Одновременная атака съ фронта и тыла заставила шапсуговъ очистить позицію и отступить съ значительнымъ урономъ. При этомъ мы потеряли убитыми двухъ и ранеными 11 человѣкъ. Въ 8 часовъ вечера колонна Емануеля вернулась въ лагерь. Графъ Паскевичъ пріостановилъ дальнѣйшее наступленіе нашихъ войскъ. Горцы въ достаточной степени были наказаны за свое нежеланіе принести покорность нашему правительству—третья часть ихъ страны была опустошена совершенно и они лишились громадныхъ запасовъ продовольствія на зиму, не говоря уже о томъ, что въ безпрерывныхъ сраженіяхъ съ нашими войсками шапсуги потеряли убитыми и ранеными многихъ представителей своихъ лучшихъ фамилій. Но и намъ недешево обошлась эта экспедиція; у насъ выбыло изъ строя убитыми 25 нижнихъ чиновъ и ранеными 5 офицеровъ и 123 рядовыхъ. Въ трехъ ротахъ тенгинцевъ убито 4 и ранено 32 человѣка *).

Походъ въ землю шапсуговъ далъ возможность Паскевичу лично обозрѣть этотъ обширный край и теперь же намѣтить пункты подъ будущія наши укрѣпленія, долженствовавшія держать въ повиновеніи все населеніе закубанья.

Погромъ, нанесенный шапсугамъ, былъ весьма чувствителенъ для нихъ. Они на многочисленныхъ собраніяхъ своихъ стали замышлять о повсемѣстномъ нападеніи на наши укрѣпленія. Муллы искусно пользовались возбужденнымъ состояніемъ умовъ

*) Полковой архивъ. Мѣсячные рапорты за 1830 года.

и стали распространять слухи о заступничествѣ Европы за ихъ права и о скоромъ срытіи всѣхъ нашихъ укрѣпленій за Кубанью *).

Въ видахъ большаго обезпеченія линіи отъ возможныхъ внезапныхъ набѣговъ, начальникъ центра **), гдѣ расположены были тенгинцы, предписалъ какъ можно болѣе усилить надзоръ по всему кордону и тщательнѣйшимъ образомъ нести караульную службу во всѣхъ укрѣпленіяхъ.

Лисаневичъ въ предписаніяхъ сообщилъ баталіоннымъ командирамъ о положеніи дѣлъ за Кубанью и предложилъ принять должныя мѣры осторожности. Ротнымъ командирамъ ставилось въ обязанность лично провѣрять возможно чаще цѣпь постовъ и наблюдать, чтобы въ секреты и караулы высылалась половинная часть старыхъ и опытныхъ солдатъ, другая же половина рекрутъ. Строго предписывалось осматривать заряжены ли ружья, не подмокъ ли порохъ и «пропорціонально ли количество его, черезъ что теряется вѣрность выстрѣла и можетъ дѣлать вредъ солдату». Предъ отправленіемъ въ караулы и секреты нижнимъ чинамъ напоминалось, что «мы расположены на границѣ, поэтому должны быть особенно осторожными и во всякое время готовыми къ отраженію непріятеля, ибо и отъ часового зависитъ жизнь нѣсколькихъ человѣкъ и чрезъ его оплошность подвергаются всѣ жестокой опасности». Въ столкновеніи съ сильнѣйшимъ непріятелемъ, говорилъ Лисаневичъ, не слѣдуетъ «робѣть, нужно соблюдать присутствіе духа, вѣрнѣе стрѣлять, быть расторопными, смѣлыми и учтивыми, оставивъ свое первобытное состояніе». Унтеръ-офицерамъ и старослужащимъ ставилось въ обязанность внушать молодымъ солдатамъ и рекрутамъ, «что возложенную начальствомъ порученность они должны исполнять съ величайшимъ удовольствіемъ, безъ ропота и тѣмъ заслуживать особенное вниманіе начальства и получать къ себѣ довѣренность» ***).

*) Кавказскій Сборн., т. XX, стр. 188.

**) Передъ выступленіемъ въ походъ графъ Паскевичъ раздѣлилъ кавказскую линію, ради удобства обороны, на четыре части: правый флангъ, центръ, лѣвый флангъ и управленіе владикавказскаго коменданта.

***) Полковой архивъ, приказъ по 2-му баталіону, № 42, 1830 года, дѣло № 648.

Не смотря на всѣ предупрежденія и самое тщательное отправленіе караульной службы, почти невозможно было уберечься отъ внезапныхъ нападеній мелкихъ партій закубанцевъ. Такъ, въ ночь на 24-е ноября 1830 года хищники подкрались къ рядовому 2-й гренадерской роты Харлампію Трофимову, стоявшему на батареѣ въ укр. Усть-Джегуты, схватили его и потащили къ рѣкѣ, гдѣ начали его топить. Съ трудомъ удалось Трофимову вырваться изъ ихъ рукъ, при чемъ онъ получилъ рану въ голову и лишился четырехъ пальцевъ на рукѣ. Черезъ восемь дней послѣ этого происшествія, на секретъ изъ двухъ рядовыхъ Тенгинскаго полка, стоявшихъ на Кубани, близъ Баталпашинска, напали три черкеса, которые изрубили рядового Ивана Истина и сами скрылись *). Въ такихъ мелкихъ нападеніяхъ прошла вся зима и серьезныхъ дѣйствій горцы не предпринимали.

Временное затишье на кубанской линіи дало возможность полковнику Лисаневичу воспользоваться рѣдкимъ случаемъ и осмотрѣть баталіоны въ сборѣ по штабъ-квартирамъ. Этотъ объѣздъ даетъ интересную картину современнаго полкового быта. Лисаневичъ, выѣхавъ въ первыхъ числахъ апрѣля 1831 года, подробнѣйшимъ образомъ осмотрѣлъ всю линію расположенія полка и провѣрилъ отправленіе службы на постахъ и ротное хозяйство. Вездѣ оказался отличный порядокъ и видна была заботливость ближайшихъ начальниковъ, хотя въ ротахъ первыхъ двухъ баталіоновъ, только что возвратившихся изъ дальняго похода, не все еще было устроено, но замѣтны были улучшенія. Книги артельной, обозной и экономической суммъ, въ большинствѣ случаевъ, велись правильно и приходо-расходныя статьи, въ которыхъ почти всегда путались ротные командиры, своевременно записывались. Нерозданное жалованье, амуничныя и другія деньги находились у артельщиковъ въ запертыхъ и запечатанныхъ ящикахъ, охраняемыхъ часовыми, отчетность представлялась на ревизію своевременно и т. д.

Лисаневичъ также осмотрѣлъ громадные поселки женатыхъ солдатъ. Къ 1-му апрѣля 1831 года у насъ по списку состоя-

*) Полковой архивъ; входящія бумаги 2-го баталіона за 1830 годъ, дѣло № 446.

ло 267 семейныхъ нижнихъ чиновъ съ 499-ью дѣтьми обоего пола. Вдовъ числилось всего 5, въ возрастѣ отъ 20-ти до 28-ми лѣтъ, но и онѣ скоро должны были вступить въ законный бракъ съ нижними чинами своего полка; возвращаться на родину имъ было воспрещено, такъ какъ, по волѣ высшаго начальства, онѣ могли быть увольняемы съ линіи на родину только за старостью лѣтъ и полной непригодности къ браку; здоровыхъ же и могущихъ выйти замужъ приказывалось оставлять въ баталіонахъ *). Матеріальное положеніе женатыхъ солдатъ было въ весьма хорошемъ состояніи: большинство имѣло по двѣ лошади и значительное число рогатаго скота; каждое семейство располагало обширнымъ огородомъ и зимнее продовольствіе вполнѣ было обезпечено. Только женатая рота 3-го резервнаго баталіона, поселенная близъ Кисловодскаго укрѣпленія, терпѣла нужду. Гористая мѣстность не позволяла имъ заниматься хлѣбопашествомъ и единственнымъ средствомъ существованія была отдача въ наемъ посѣтителямъ минеральныхъ водъ своихъ домовъ, продажа овощей, бѣлаго хлѣба, молока, масла и т. п. Значительную часть дохода имъ давала раньше продажа дровъ, вырубаемыхъ безплатно въ дальнихъ лѣсныхъ балкахъ, а такъ же и плата за подогрѣваніе минеральныхъ ваннъ для больныхъ; но впослѣдствіи эти двѣ статьи дохода перешли въ вѣдѣніе строительной коммиссіи и обращены на улучшеніе кисловодскихъ минеральныхъ водъ, вслѣдствіе чего женатые солдаты лишены были значительнаго своего заработка. Вообще бытъ нижнихъ чиновъ къ описываемому времени, значительно измѣнился къ лучшему; въ рѣдкихъ случаяхъ приходилось теперь жить въ землянкахъ: благодаря распоряженіямъ генерала Емануеля, вездѣ выстроены были бараки, казармы заново отремонтированы на счетъ инженернаго вѣдомства и жизнь солдата въ казачьихъ станицахъ не носила уже отпечатка скуки и однообразія, какъ это было до 1827 года. Отношенія съ казаками установились самыя дружественныя: горе и радость всѣми дѣлились пополамъ. Безпрерывная малая война съ горцами сгладила

*) Полковой архивъ. Входящія бумаги 3-го баталіона, дѣло № 258.

окончательно рознь, существовавшую между войсками и населеніемъ: солдаты куначились съ казаками, радушно принимались этими послѣдними въ свои хороводы, участвовали въ пляскахъ, въ катаніи на салазкахъ съ горъ, въ кулачныхъ бояхъ и другихъ шумныхъ забавахъ. Цѣлыми днями въ станицахъ не смолкали разудалыя пѣсни и звуки гармоники—особенно во время широкой масленицы. Офицерство тоже какъ будто бы воспрянуло духомъ. Молодежь, съѣзжаясь съ ближайшихъ постовъ, весело проводила время на хуторахъ у почетныхъ представителей казачьяго сословія. Богатые казаки изъ хозяйственныхъ соображеній селились отдѣльными хуторами; нерѣдко верстъ на пять тянулись эти поселки, утопавшіе въ зелени садовъ и оживлявшіе пустынную до тѣхъ поръ мѣстность; они то и служили приманкою для хищнаго непріятеля. Здѣсь жизнь шла иная, чѣмъ въ передовыхъ станицахъ. Не было той строгости въ соблюденіи правилъ сторожевой службы, каждый владѣлецъ хутора предоставленъ былъ самому себѣ и проводилъ время такъ, какъ ему заблагоразсудится. Офицерамъ не запрещалось отлучаться съ постовъ не только въ ближайшіе казачьи поселки, но даже и на минеральныя воды, гдѣ шумно шла жизнь во время съѣзда посѣтителей. Побѣды нашихъ войскъ въ періодъ съ 1819 по 1825 годъ, до нѣкоторой степени усмирили нѣкогда могущественную Кабарду; театръ военныхъ дѣйствій перенесенъ былъ далеко къ подножію Эльбруса и число нападеній на пріѣзжавшихъ больныхъ значительно уменьшилось. Къ этому времени слава о цѣлебныхъ свойствахъ кавказскихъ минеральныхъ водъ распространилась далеко за предѣлы кавказской губерніи, и сюда начало съѣзжаться множество посѣтителей со всѣхъ концовъ Россіи.

«Генералъ Емануель, командовавшій кавказскою областью, говоритъ одинъ современникъ, обращалъ особенное вниманіе на устройство пятигорскаго курорта; жилъ самъ каждое лѣто на водахъ и, можно сказать, все свободное время свое посвящалъ устройству и украшенію новаго города. Въ его управленіе областью построена или начата была большая часть существующихъ теперь ваннъ, обдѣланы источники для питья воды и разведены

около нихъ сады, начата постройка превосходнаго для того времени зданія гостиницы и дома для неимущихъ офицеровъ; построены новыя ванны въ Кисловодскѣ»... «Музыка, балы, собранія, гулянья по окрестностямъ, обѣды въ рощахъ Машука, пикники, всѣ удовольствія, passe temps и развлеченія, душою которыхъ былъ генералъ, дѣлали пребываніе на водахъ весьма пріятнымъ» *).

Не удивительно поэтому, что молодежь наша стремилась на минеральныя воды и канцелярія полка была завалена рапортами о переводѣ въ роты, расположенныя въ Кисловодскѣ и его окрестностяхъ.

Офицеры, впрочемъ, занимались и не одними пикниками и кутежами. Прапорщики 3-го баталіона, братья Смагины и Назаровъ, начали издавать въ Кисловодскѣ журналъ подъ названіемъ «Гемнолѣсскій шмель», весь сборъ съ котораго предназначался въ пользу бѣдныхъ; широковѣщательная программа издателей между прочимъ гласила, что редакторы будутъ знакомить читателей съ «заграничными новостями»; веденіе этого отдѣла брали на себя братья Смагины, у которыхъ по формулярамъ значилось, что они «россійской, французской и нѣмецкой грамотѣ читать и писать знаютъ». Подписка на новый журналъ имѣла громадный успѣхъ среди пріѣзжихъ на воды и изданіе вполнѣ было обезпечено. Но не долго просуществовалъ вновь народившійся и пожалуй въ то время единственный на Кавказѣ журналъ. Начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ Мерлини, какъ только попала ему въ руки подписка, тотчасъ же написалъ по этому поводу командиру 3-го баталіона подполковнику Принцу слѣдующее:

1) «На чемъ основали господа журналисты свое право въ публичное изданіе выдуманнаго ими журнала?

2) Съ чьего одобренія изданіе сего журнала признано полезнымъ и кѣмъ разрѣшено выпускать оный въ публику?

3) Новые журналисты сіи публикуютъ, что они труды свои посвящаютъ въ пользу бѣдныхъ. Въ пользу какихъ именно бѣд-

*) Газета «Кавказъ» за 1847 годъ, № 39.

ныхъ сборъ за журналъ сей денегъ опредѣляется? Одобренъ ли оный и разрѣшенъ правительствомъ?

4) Какіе способы журналисты имѣютъ выпускать безостановочно и своевременно ихъ изданія, т. е. въ отношеніи чистаго ихъ писанія? Ибо невѣроятно, чтобы они сами могли успѣвать въ перепискѣ ихъ не только въ свободное время отъ службы, но если бы и совершенно они были свободны?

5) Какое сношеніе журналисты имѣютъ на полученіе новостей заграничныхъ, которыя они обѣщаютъ помѣщать въ своемъ журналѣ?»

Далѣе генералъ Мерлини требовалъ на просмотръ одинъ экземпляръ журнала и предписывалъ немедленно доставить свѣдѣніе о количествѣ вышедшихъ номеровъ и числѣ подписчиковъ. Послѣ этого строгаго предписанія начальника дивизіи «Темнолѣсскій шмель» недолго существовалъ и благимъ начинаніямъ нашихъ офицеровъ былъ скоро положенъ предѣлъ. Подполковнику Принцу было поставлено на видъ—«почему онъ не вмѣнилъ себѣ въ обязанность и дозволилъ офицерамъ, служащимъ лично при немъ, свободу ихъ намѣренію», поэтому изданіе было пріостановлено. Къ сожалѣнію, въ дѣлахъ полка не сохранилось ни одного номера этого любопытнаго журнала *).

Въ то время, какъ молодежь нашего полка внѣ службы весело проводила время и даже отчасти занималась дѣлами благотворительности, старшіе офицеры, какъ болѣе положительные люди, думали о существенномъ и обзавелись обширнымъ хозяйствомъ; они начали обрабатывать огромныя пустоши вокругъ передовыхъ укрѣпленій, засѣвая ихъ просомъ, ячменемъ и пшеницею. Лисаневичъ лично противъ этого ничего не имѣлъ, но только строго воспретилъ брать для обработки полей нижнихъ чиновъ и предложилъ офицерамъ заниматься «своими дѣлами только въ свободные часы отъ службы»; тѣмъ же, которые при нѣкоторыхъ укрѣпленіяхъ открыли торговлю водкою, присвоивъ себѣ этотъ видъ монополіи, онъ объявилъ, что «за такое несоотвѣтствующее званію офицера занятіе онъ вынужденъ будетъ

*) Полковой архивъ. Входящія бумаги 3-го баталіона за 1831 годъ, дѣло № 366.

представлять виновныхъ высшему начальству для исключенія изъ службы, т. к. они служатъ плохимъ примѣромъ для нижнихъ чиновъ» *).

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля Лисаневичъ принужденъ былъ прекратить свой интересный объѣздъ и спѣшно возвратиться въ кр. Темнолѣсскую, откуда получены были свѣдѣнія, что горцы намѣрены предпринять что-то серьезное.

Двѣ многочисленныя партіи закубанцевъ, предводимыя Магометомъ Джембулатомъ и Атажукомъ Атажукинымъ успѣли прорваться черезъ цѣпь кордонныхъ постовъ и произвести нѣсколько грабежей. Лисаневичу предложено было принять неотложныя мѣры къ защитѣ укр. Хумара, близъ котораго, по слухамъ, намѣревалась переправиться на правую сторону Кубани еще шайка кабардинскаго князя Асламбека, тоже находившаяся въ большомъ сборѣ. По первымъ же тревожнымъ слухамъ образовано было нѣсколько подвижныхъ отрядовъ, которые получили предписаніе: «одновременно отъ станицы Казанской дѣлать вверхъ по Кубани по одному переходу и затѣмъ снова возвращаться обратно, повторяя эти движенія черезъ однѣ или двое сутокъ». Но эти прогулки тяжелыхъ отрядовъ были почти безполезны. Прорвавшіяся черезъ кордонъ шайки закубанцевъ были неуловимы; онѣ разбились на отдѣльныя мелкія партіи и производили нападенія по всему центру кордонной линіи. Нѣкоторыя изъ нихъ проникли даже въ самую крѣпость Темнолѣсскую, гдѣ среди бѣлаго дня угнали шесть лошадей, принадлежавшихъ полковому врачу, убили подвернувшагося солдата, гнавшаго воловъ на водопой, и произвели это такъ быстро, что казаки не успѣли броситься за ними въ погоню. Почти одновременно, другая болѣе значительная партія напала 2-го сентября на станицу Ессентукскую, гдѣ перерѣзала нѣсколькихъ человѣкъ и угнала табунъ лошадей и гуртъ рогатаго скота. Въ погоню за хищниками былъ посланъ капитанъ Чубровскій съ 3-ю гренадерскою ротою нашего полка и двадцатью казаками, тотъ самый Чубровскій, который былъ нѣкогда преданъ суду за то, что не проявилъ до-

*) Полковой архивъ. Дѣло № 368, за 1831 годъ.

статочно находчивости во время одного нападенія горцевъ, но теперь это не былъ неопытный юноша. Въ укр. Кисловодскомъ къ отряду присоединились еще 20 человѣкъ пѣхоты и двѣ мортиры. Бывшіе на водахъ офицеры Грузинскаго гренадерскаго полка капитанъ Скалонъ, С.-Петербургскаго уланскаго поручикъ Рудневъ и отставной уланскій поручикъ Крюковъ пожелали тоже принять участіе въ отрядѣ Чубровскаго, который форсированнымъ маршемъ выступилъ по хасаутскому ущелью въ погоню за непріятелемъ. Едва войска отошли десять верстъ, какъ увидали вдали горцевъ, поспѣшно гнавшихъ скотъ. Чубровскій, оставивъ пѣхоту, съ конницею бросился впередъ, но неожиданно былъ изъ бокового ущелья атакованъ во флангъ двумястами закубанцевъ. Казаки повалили, по своему обычаю, коней и изъ-за этихъ живыхъ прикрытій мужественно встрѣтили нѣсколько сильныхъ натисковъ непріятеля; бѣгомъ подоспѣвшая 3-я гренадерская рота опрокинула непріятеля и быстро построила каре; передній и правый фасы составили тенгинцы, а лѣвый и задній спѣшенные казаки, въ серединѣ расположены были лошади. Болѣе двухъ часовъ пришлось маленькому отряду выдерживать бѣшеныя атаки горцевъ, все болѣе и болѣе умножавшихся; но благоразумными распоряженіями Чубровскаго всѣ нападенія были отбиты и горцы понесли значительный уронъ, отдавъ въ наши руки значекъ. Уже стемнѣло, когда отрядъ началъ отступленіе, произведенное въ полномъ порядкѣ. Всѣ офицеры, доносилъ Чубровскій, «примѣрнымъ мужествомъ одушевляли храбрыхъ солдатъ и въ продолженіи всего дѣла сражались сами въ ихъ рядахъ» *). Особенно обращалъ на себя вниманіе своимъ самоотверженіемъ тенгинскаго полка унтеръ-офицеръ изъ дворянъ Мункъ, на котораго начальникъ отряда просилъ обратить «благосклонное вниманіе».

Общее волненіе закубанскихъ народовъ, безпрестанные многочисленные сборы ихъ противъ кордонной линіи отразились и на настроеніи жителей мирныхъ ауловъ, поселенныхъ близъ Кубани; постепенно и они стали измѣнять данной присягѣ и при-

*) Входящія бумаги по полку за 1831 годъ, дѣло № 368.

нимали прямое или косвенное участіе въ дѣйствіяхъ закубанцевъ; нужно было даже опасаться, что и преданные намъ ногайцы скоро примкнутъ къ черкесамъ. Начальникъ 22-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіоръ Фроловъ 1-й, на котораго возложено было охраненіе линіи со стороны Кубани, поспѣшилъ принять рѣшительныя мѣры и наказать тѣ племена, которыя «наиболѣе дѣлали злодѣяній», чтобы захватить горцевъ, внезапно разоривъ аулы, служившіе гнѣздомъ и пристанищемъ хищникамъ. Секретнымъ предписаніемъ войска были собраны къ 20-му ноября въ укрѣпленіе Усть-Джегуты, откуда и были направлены тремя самостоятельными отрядами на главные аулы горцевъ. Первой колоннѣ, полковника Лисаневича, изъ одной роты тенгинцевъ, 280-ти казаковъ при двухъ орудіяхъ, предписано было овладѣть аломъ абазинскаго князя Али-Мурзы Лоова, расположеннымъ у верховья рѣки Карданакъ. Въ ночь на 21-е число ноября, при десятиградусномъ морозѣ, колонна двинулась въ путь. Гористая мѣстность и довольно глубокій снѣгъ сильно затрудняли слѣдованіе; при спускѣ и подъемѣ на горы приходилось отъ пѣхоты назначать рабочихъ въ помощь артиллеріи. Всю ночь войска шли безъ привала и съ разсвѣтомъ атаковали главный абазинскій аулъ. Медленность движенія обнаружила наши намѣренія: жители, увѣдомленные объ угрожающей опасности, успѣли скрыться со своимъ имуществомъ въ ущельѣ рѣки Карданакъ. Оставивъ для уничтоженія аула 3-ью мушкетерскую роту, Лисаневичъ съ остальными войсками сталъ преслѣдовать непріятеля. Пройдя версту, отрядъ догналъ человѣкъ 40 вооруженныхъ жителей. Горцы поспѣшно заняли хребетъ горъ, составлявшій правую сторону ущелья Карданака, и открыли частый огонь; сбитые съ позиціи удачными выстрѣлами нашей артиллеріи, они отступили и присоединились къ другой партіи, засѣвшей въ недальнемъ разстояніи за камнями. Избѣгая атаки съ фронта, начальникъ отряда направилъ въ обходъ завала 2-ю гренадерскую роту, которая штыками и выбила непріятеля изъ занимаемой позиціи. Въ этомъ дѣлѣ захваченъ былъ въ плѣнъ братъ владѣтельнаго князя Мурзы Лоова со всѣмъ семействомъ.

Возвратившись къ первому аулу, Лисаневичъ засталъ здѣсь уже одну груду развалинъ и обгорѣвшихъ бревенъ. Командиръ 3-й мушкетерской роты доложилъ ему о подвигѣ рядового Медвѣдева, который, поджигая мечеть, наткнулся на черкеса, рѣшившаго лучше умереть, чѣмъ позволить гяуру предать пламени святыню. Едва Медвѣдевъ поднесъ пальникъ къ соломенной крышѣ, какъ фанатикъ съ обнаженною шашкою бросился на него; но ударъ былъ удачно отпарированъ, хотя горецъ все-таки успѣлъ нанести противнику жестокую рану въ лобъ и правую руку; истекая кровью, Медвѣдевъ снова бросился на горца, вырвалъ шашку и изрубилъ его въ куски.

За эту экспедицію Государь Императоръ пожаловалъ полковнику Лисаневичу, маіору Масловскому и прапорщику Назарову слѣдующіе чины; рядовому же Ивану Медвѣдеву знакъ отличія военнаго ордена, «какъ преимущественно отличившемуся въ сраженіи 21-го ноября, при истребленіи абазинскихъ ауловъ» *).

23-го ноября всѣ войска возвратились въ укр. Усть-Джегуты и затѣмъ разошлись по квартирамъ, но 5-я мушкетерская рота была немедленно командирована въ Темный лѣсъ для истребленія шайки бродягъ изъ бѣглыхъ.

Весьма часто случалось, что бѣглые представляли изъ себя несчастныхъ людей, уклонявшихся отъ тяжелой, долгой службы, боявшихся жестокаго наказанія, страдавшихъ тоскою по родинѣ и т. п. Такіе бѣглецы были безобидны, они бродили вокругъ селеній, питались подаяніемъ и большею частью возвращались изъ побѣга добровольно. Но иногда бѣглецами дѣлались дѣйствительно порочныя личности, которыя подбирали себѣ шайку и производили жестокіе грабежи. Опасаясь быть выданными или, еще того хуже, проданными въ рабство куда нибудь въ Турцію или Персію, они не переходили за Кубань, а скрывались въ лѣсахъ. Это были разбойники гораздо болѣе опасные, чѣмъ горцы. Они знали мѣстность, языкъ, имѣли иногда друзей и сторонниковъ по постамъ и селеніямъ и потому могли съ боль-

*) Архивъ шт. кав. воен. окр. за 1831 годъ, дѣло № 4, по 2-му отдѣленію генеральнаго штаба.

шимъ успѣхомъ разгуливать всюду, похищая то, что плохо лежало.

Военные законы жестоко карали за бѣгство, особенно за рецидивъ, но во мнѣніи простого народа это не было тяжкимъ преступленіемъ. Иной солдатъ вдругъ становился задумчивымъ, начиналъ уединяться, смотрѣть на «ту» сторону, вздыхать часто, копить сухари, раздобывалъ, наконецъ, ножъ, и всѣ знали, что человѣкъ задумалъ «податься въ горы», т. е. бѣжать, но начальству не говорили. Наконецъ солдатъ исчезалъ; не было его день, не было два, тогда докладывали ротному командиру; тотъ производилъ дознаніе, подавалъ рапортъ и солдатъ начиналъ «числиться въ бѣгахъ». Если онъ въ душѣ порядочный солдатъ, то уносилъ съ собою какъ можно меньше казеннаго имущества; если же это была какая нибудь дрянь, то обворовывалъ даже своихъ товарищей, и къ такимъ солдаты бывали безжалостны. Фельдфебель, докладывая объ исчезновеніи солдата, иногда говорилъ: «этотъ вернется, ваше благородіе»! Ротный командиръ пережидалъ нѣкоторое время, и дѣйствительно солдатъ возвращался, но истерзанный, голодный, исхудалый. Вздуютъ его хорошенько и дѣлу конецъ. Немедленно рапортовали о бѣглыхъ тогда, когда уходъ сопровождался преступленіемъ или кражей, при чемъ унесенное исчислялось до пуговицъ и бляхъ включительно, не говоря уже объ оружіи и боевыхъ патронахъ. Тяжела была жизнь въ бѣгахъ между двухъ огней; съ одной стороны грозили плѣнъ, вѣчное рабство, съ другой—судъ, шпицрутены, штрафованность. Недолго бѣглецы выдерживали скитальческую, безпріютную, голодную жизнь и, истомившись, возвращались обратно; тутъ-то и нуженъ былъ тактъ со стороны ротнаго командира, чтобы разглядѣть въ возвратившемся случайнаго, вынужденнаго бѣглеца или закоренѣлаго преступника. Что не всѣ «бѣглые» представляли изъ себя негодный элементъ, лучшимъ доказательствомъ служитъ одинъ изъ знаменитыхъ героевъ русской арміи Архипъ Осиповъ, который за побѣгъ былъ оштрафованъ, проходилъ сквозь строй и все же въ критическую минуту оказалъ почти безпримѣрный подвигъ.

Дезертирство вообще было больное мѣсто во всѣхъ арміяхъ съ рекрутской системой и долговременной службой; въ кавказскихъ же войскахъ, служившихъ издавна ссылочнымъ мѣстомъ, оно было еще чувствительнѣе. Въ одномъ нашемъ полку въ 1831 году числилось въ бѣгахъ 131 человѣкъ; на укомплектованіе же поступило изъ россійскихъ полковъ 99 штрафованныхъ солдатъ. Чтобы хоть нѣсколько уменьшить число побѣговъ, Лисаневичъ, со своимъ обычнымъ гуманнымъ взглядомъ, предлагалъ ротнымъ командирамъ «употреблять вмѣсто строгости кротость и благонравіе; доводить къ познанію порядка военной службы постепенно, но не вдругъ требовать отъ нихъ всего. Каждаго солдата нужно имѣть у себя на замѣчаніи, особенно изъ опредѣленныхъ вновь бродягъ, преступниковъ и рекрутъ, коимъ первоначально даже не должно давать свободы къ тайнымъ разговорамъ съ людьми, подвергшими себя неоднократнымъ наказаніямъ; они подговариваютъ и другихъ къ сдѣланнымъ ими порокамъ» *). Замѣчательно обращеніе Лисаневича къ самимъ нижнимъ чинамъ: «многіе изъ васъ, сдѣлавъ проступокъ по службѣ, отчаяваются получить прощеніе и пользоваться награжденіемъ начальства и увольненіемъ въ отставку, влекутъ за однимъ 2-й и 3-й проступокъ, не вникнувъ, что милость Государя Императора простирается даже на самыхъ закоренѣлыхъ злодѣевъ, и вы хорошимъ поведеніемъ и усердіемъ къ службѣ не можете лишиться права на вниманіе высшаго начальства» **). Подобное обращеніе къ солдатамъ несомнѣнно имѣло хорошія послѣдствія.

Конецъ года прошелъ безъ особыхъ происшествій и тенгинцы спокойно встрѣтили новый годъ въ мѣстахъ своего квартированія. Цѣлую зиму и до первыхъ чиселъ марта въ баталіонныхъ штабахъ усиленно шла постройка мундирной одежды на 95 человѣкъ польскихъ плѣнныхъ, присланныхъ недавно къ намъ въ полкъ. Многіе изъ нихъ продолжали еще носить обмундированіе бывшей польской арміи, иные же ходили въ крестьянскихъ

*) Полковой архивъ, дѣло №№ 263 и 578, за 1831 годъ.
**) Приказы по полку 1831 года, дѣло № 374.

кафтанахъ и другой одеждѣ «неприличной военному званію», какъ выразился начальникъ дивизіи.

Здѣсь, кстати нужно отмѣтить, что у насъ въ полку отношеніе къ сосланнымъ, благодаря личнымъ взглядамъ Лисаневича, было самое гуманное; онъ требовалъ, чтобы съ ними «было поступаемо со всякою осторожностью и ни отъ кого никакихъ упрековъ и насмѣшекъ по прежнимъ ихъ проступкамъ дѣлаемо не было, а къ исправленію ихъ нравственности и поведенія употребляемы были мѣры кротости и благоразумія, но не отступающія отъ дисциплины» *).

Съ наступленіемъ теплаго времени года опять начали въ полку получаться извѣстія о «шалостяхъ» закубанцевъ. Первый рапортъ объ этомъ поступилъ отъ командира 2-го баталіона маіора Гарковенко, который доносилъ, что въ ночь на 13-е марта партія горцевъ подползла скрытно къ Ямановскому посту съ намѣреніемъ похитить казачьихъ лошадей; не смотря на то, что хищники во время были открыты нашимъ часовымъ, они успѣли поджечь сарай и, пользуясь свѣтомъ пожара, съ упорствомъ стали наступать на постъ. Прапорщикъ нашего полка Станаевъ, видя себя атакованнымъ и опасаясь, чтобы команда его не погибла въ пламени, сдѣлалъ вылазку и смѣло бросился на горцевъ; около часу продолжалась рукопашная схватка, сопровождаемая неумолкаемою пальбою изъ ружей, пока хищники не были прогнаны обратно за Кубань. Это донесеніе маіора Гарковенко было послѣднимъ, поступившимъ отъ него; скоро онъ самъ сдѣлался жертвою тѣхъ же хищниковъ. Выѣхавъ 29-го марта по дѣламъ службы съ капитаномъ Тихоновымъ и тремя конвойными казаками изъ ст. Баталпашинской въ укр. Усть-Джегуты, онъ встрѣченъ былъ партіею горцевъ около Черноморскаго поста. Здѣсь разыгралась кровавая драма—погибли всѣ пятеро. Подробности, къ сожалѣнію, неизвѣстны, такъ какъ некому было разсказать о ней. Лишь нѣсколько дней спустя, на отмели Большого Зеленчука найденъ былъ трупъ маіора Гарковенко съ тяжелой раной въ колѣнѣ и, судя по кровоподтекамъ, можно было

*) Полковой архивъ, дѣло № 398.

заключить, что онъ былъ прикрученъ къ сѣдлу. Мучительная смерть видимо послѣдовала отъ сильнаго кровотеченія *).

Эта была тяжелая потеря для полка. Евстафій Григорьевичъ Гарковенко былъ переведенъ къ намъ изъ Владикавказскаго гарнизоннаго полка въ концѣ 1828 года. Не смотря на кратковременное пребываніе у насъ, онъ сумѣлъ сыскать всеобщую любовь среди офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Строго исполняя службу, Гарковенко все время проводилъ въ разъѣздахъ по своему кордонному участку, требуя отъ всѣхъ точнаго выполненія обязанностей. Это былъ одинъ изъ лучшихъ помощниковъ командира полка и чуть ли не единственный у насъ офицеръ, окончившій курсъ въ кадетскомъ корпусѣ, что считалось большою рѣдкостью въ тѣ отдаленныя времена.

Чтобы заключить описаніе этого года, сравнительно протекшаго спокойно для тенгинцевъ, если не считать печальнаго происшествія съ маіоромъ Гарковенко, слѣдуетъ еще отмѣтить геройскій подвигъ двухъ нижнихъ чиновъ нашего полка.

3-го іюля семь закубанцевъ захватили въ плѣнъ двухъ дѣвочекъ, поливавшихъ капусту на огородѣ близъ крѣпости Темнолѣсской. Получивъ донесеніе объ этомъ происшествіи, Лисаневичъ послалъ десять рядовыхъ при унтеръ-офицерѣ Зиминѣ, на перерѣзъ отступающимъ хищникамъ. Осмотрѣвъ мѣстность по направленію отъ Темнаго лѣса къ Темной рѣчкѣ, унтеръ-офицеръ Зиминъ выставилъ въ удобныхъ пунктахъ часовыхъ и сталъ поджидать хищниковъ. Черезъ нѣсколько времени рядовой Будниченко, лежавшій въ кустахъ, услыхалъ подозрительный шелестъ листьевъ, о чемъ черезъ подчаска далъ знать Зимину. Наткнувшись на секретъ, горцы съ плѣнными дѣвочками бросились бѣжать. Будниченко, нагнавъ одного изъ нихъ, ударомъ штыка въ шею сбилъ его съ ногъ, но и самъ, споткнувшись, упалъ и тѣмъ далъ возможность хищнику подняться и скрыться въ лѣсу. Тогда храбрый рядовой бросается на другого горца, наноситъ ему 4 раны въ голову, правую руку и бокъ, выбиваетъ у него шашку и ею же ранитъ горца въ лѣвое пле-

*) Архивъ шт. кав. воен. окр., дѣло № 8, по 2-му отд. генеральнаго штаба за 1832 г.

чо, сбиваетъ его съ лошади и самого захватываетъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ дѣвочкою. Въ тоже время унтеръ-офицеръ Зимнъ съ остальными 9-ю рядовыми освободили изъ плѣна и другую дѣвочку. Государь Императоръ, пожаловалъ за это дѣло унтеръ-офицеру Зимину сто рублей ассигнаціями, рядовому же Будниченко знакъ отличія военнаго ордена *).

Спокойствіе въ продолженіи цѣлаго года дало возможность баталіоннымъ командирамъ отдаться строевымъ занятіямъ и смотровые отчеты того времени уже не носятъ слѣдовъ прежнихъ порицаній. Были лишь нѣкоторыя замѣчанія по поводу баталіонныхъ ученій, не совсѣмъ отчетливо выполняемыхъ, но это, конечно, нужно объяснить тѣмъ, что роты стояли раздѣльно и для совокупнаго обученія требовалось бы отвлекать людей съ постовъ, чего нельзя было допустить по условіямъ службы на кордонѣ. Инспектирующій выразилъ благодарность полковнику Лисаневичу, баталіоннымъ и ротнымъ командирамъ «за сбереженіе нижнихъ чиновъ при всѣхъ трудностяхъ и развлеченіи людей по постамъ и секретамъ, на р. Кубани состоящимъ, каковые ими были занимаемы и при наступленіи зимы, въ сильные морозы» **).

1833 годъ, подобно предыдущему, тенгинцы не принимали участія въ движеніи за Кубань ***). Примѣчательныхъ происшествій внутри кордоннаго расположенія тоже никакихъ не случилось. Да и вообще, по донесенію командующаго войсками, «кавказская линія въ 1833 году, въ сравненіи съ многими предыдущими годами менѣе была тревожима набѣгами горцевъ, и если они покушались на какія либо важныя предпріятія, то замыслы ихъ всегда были открываемы и нужныя мѣры къ ограждению нашихъ предѣловъ принимались своевременно». Въ этомъ же году полковникъ Лисаневичъ подалъ прошеніе объ увольненіи въ отставку. Сильно разболѣвшаяся рана приковала

---

*) Приказъ по полку за 1833 годъ, дѣло № 578.

**) Тамъ же.

***) Въ 1833 году два нижнихъ чина нашего полка награждены знаками отличія военнаго ордена «за разбитіе хищническаго собранія горцевъ на р. Лабѣ 6-го октября и за истребленіе зула князя Копокова, 7-го ноября», но никакихъ свѣдѣній объ этихъ дѣлахъ не найдено въ дѣлахъ архива шт. кавк. воен. окр. за 1833 годъ.

его къ постели послѣднее время, почему еще до отставки вмѣсто него былъ назначенъ другой начальникъ. Управленіе полкомъ «по наружности» принялъ подполковникъ Принцъ, командиръ 3-го баталіона, внутренняя же часть осталась въ вѣдѣніи Лисаневича. 31-го іюля 1833 года состоялась его отставка и этимъ же приказомъ былъ назначенъ командиромъ Тенгинскаго полка подполковникъ Шостенко, который вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей въ среднихъ числахъ октября того же года. Вскорѣ послѣ сдачи полка Лисаневичъ выѣхалъ въ свое имѣніе слободу Сопрыной, Воронежской губерніи. Нуждаясь въ посторонней помощи и не имѣя около себя ни одного близкаго человѣка, такъ какъ былъ холостымъ, онъ рапортомъ испросилъ позволеніе у начальника дивизіи денщику сопровождать его до мѣста жительства.

Всего $4^1/_2$ года командовалъ нашимъ полкомъ Лисаневичъ, и за это непродолжительное время онъ успѣлъ исправить всѣ ошибки и упущенія своего предшественника. Матеріальная часть приведена въ порядокъ; обувь, одежда и оружіе исправлены домашними средствами; въ строевомъ отношеніи и особенно по стрѣльбѣ полкъ нашъ къ началу 1833 года сталъ очень высоко. Для этого Лисаневичъ, не стѣсняясь, расходовалъ экономическій порохъ и тратилъ значительную сумму изъ полковыхъ денегъ на выписку всевозможныхъ печатныхъ наставленій для боевой подготовки своей части, не обращая вниманія на замѣчанія начальника дивизіи, что онъ «въ хозяйствѣ расточителенъ». При немъ уже въ ротахъ появились маленькія библіотечки, гдѣ находились: уставъ Петра Великаго, воинскій уставъ линейнаго ученія съ планомъ, 1-я и 2-я части устава пѣхотной службы, съ приложеніемъ ротнаго ученія и рекрутской школы, три экземпляра россійской азбуки, пространный и краткій катехизисы и краткая Священная исторія. Послѣднія книги Лисаневичъ считалъ нужнымъ выписать потому, что къ намъ въ полкъ стали присылать разныхъ сектантовъ: молоканъ, духоборовъ, иконоборцевъ, іудействующихъ и др. на безсрочную службу, «если они не изъявятъ желанія снова обратиться въ право-

славіе»; вслѣдствіе этого командиръ полка полагалъ необходимымъ направить ихъ на путь истины путемъ знакомства ихъ съ догматами православнаго вѣроисповѣданія, изложенными въ катехизисѣ. Вліяніе Лисаневича на всѣхъ чиновъ полка было громадное и трудно представить себѣ болѣе обаятельную личность, которая, при неуклонномъ, педантичномъ исполненіи обязанностей службы, одновременно съ этимъ такъ высокогуманно относилась бы къ подчиненнымъ. Приказы Лисаневича представляютъ сводъ правилъ, которыми должны были руководствоваться баталіонные и ротные командиры по управленію своими частями; это былъ рядъ наставленій, гдѣ выяснялись отношенія между начальствующими и подчиненными *). Выше было приведено нѣсколько выписокъ изъ отданныхъ приказовъ и въ нихъ рисуется весь человѣкъ. То было дѣйствительно героическое время, но, нужно отдать справедливость, нравы были очень грубы, и тѣмъ отраднѣе встрѣтить въ прошломъ такую, по своимъ воззрѣніямъ, свѣтлую личность, какъ Лисаневичъ. Миръ его праху, миръ его душѣ!

Новый полковой командиръ подполковникъ Иванъ Даниловичъ Шостенко былъ переведенъ къ намъ изъ Херсонскаго гренадерскаго полка и происходилъ изъ дворянъ Слободско-украинской губерніи, гдѣ владѣлъ небольшимъ имѣніемъ. Онъ былъ раненъ пулею въ голову при блокадѣ въ 1807 году турецкой крѣпости Поти и за это дѣло удостоился Высочайшаго благоволенія.

Трудно что либо сказать о личности Шостенко, который командовалъ полкомъ всего восемь мѣсяцевъ, не успѣвъ, конечно, за этотъ короткій періодъ ничѣмъ проявить своей дѣятельности; но при немъ въ жизни полка произошло весьма важное событіе—переформированіе изъ 3-хъ въ 5-ти-баталіонный составъ, на основаніи Высочайшаго указа отъ 21-го марта 1834 года о преобразованіи войскъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса. 1-й и 2-й баталіоны остались прежніе, 3-й и 4-й—составились изъ 1-го и 2-го баталіоновъ Крымскаго и 5-й резервный изъ 2-го

*) Полковой архивъ. Приказы по полку за 1829—33 года.

баталіона Козловскаго пѣхотныхъ полковъ. Нашъ же 3-й баталіонъ отчисленъ былъ на составленіе Кавказскаго линейнаго № 3 баталіона *).

Поступившіе къ намъ баталіоны крымцевъ были сформированы въ 1803 году въ составѣ Крымскаго мушкетерскаго полка изъ ротъ, взятыхъ отъ одного гренадерскаго и десяти мушкетерскихъ полковъ **).

Первое боевое крещеніе крымцы получили 1-го ноября 1806 года при блокадѣ турецкой крѣпости Хотина. Съ этого времени полкъ этотъ почти безпрерывно участвовалъ въ походахъ и военныхъ дѣйствіяхъ. Въ 1807 году января 5-го, 16-го и 20-го крымцы, въ составѣ особаго отряда, дѣйствовали въ ночныхъ экспедиціяхъ противъ французовъ; 3-го и 4-го же февраля участвовали въ бою при деревнѣ Станиславовѣ на лѣвомъ берегу р. Наровы. Затѣмъ, присоединившись подъ Гельсбергомъ къ главной арміи союзниковъ, они по 1-е мая находились въ передовой линіи. Съ 23-го мая слѣдующаго года, переправясь черезъ р. Бугъ, полкъ вступилъ въ Австрійскую Галицію, гдѣ стоялъ до 19-го ноября, когда войска наши возвратились обратно въ Россію. 24-го марта 1810 года полкъ снова выступилъ въ Молдавію, прошелъ всю Валахію и, 14-го мая переправившись черезъ Дунай, направился въ Болгарію для дѣйствій противъ турокъ. Здѣсь съ 26-го по 30-е мая онъ участвовалъ въ бомбардированіи и взятіи крѣпости Силистріи; 11-го и 12-го іюня въ сраженіи при Шумлѣ. Отсюда крымцы черезъ Молдавію и Бессарабію возвратились къ Измаилу, въ которомъ стояли до 20-го апрѣля 1812 года. Въ этотъ день полкъ выступилъ съ мѣста и, слѣдуя почти безостановочно, прошелъ Валахію и Молдавію и только 20-го августа, по заключеніи мира съ турками, переправясь черезъ рѣку Днѣстръ, снова вступилъ въ россійскіе предѣлы.

---

*) Въ 1842 г. онъ названъ Кавказскимъ линейнымъ № 6; въ 1845 г. декабря 26-го—№ 7; 1845 г. декабря 16-го—№ 6; 1864 г.—№ 5; 1868 г.—№ 1 кавказскимъ линейнымъ; 1889 г. переформированъ въ 4-хъ-ротный резервный баталіонъ и названъ 9-мъ кавказскимъ резервнымъ пѣхотнымъ (кадровымъ); въ 1891 г.—Темирханшуринскимъ резервнымъ пѣхотнымъ (кадровымъ) баталіономъ. Газеты «Хроника Кавказскихъ войскъ».

**) Тамъ же.

4-го сентября 1812 года крымцы были уже на берегу р. Стыри, преслѣдуя французскія войска. Съ 25-го января 1813 года Крымскій полкъ принялъ участіе въ обложеніи Варшавы и съ 13-го по 23-е марта въ обложеніи и взятіи крѣпости Ченстохова. 5-го іюля полкъ вступилъ въ Силезію и отсюда снова начинаются непрерывные походы и сраженія: 9-го августа при г. Бунцлау; 14-го—на р. Кацбахъ, гдѣ былъ разбитъ цѣлый непріятельскій корпусъ. 19-го, 22-го и 28-го сентября крымцы участвовали уже въ многочисленныхъ стычкахъ съ непріятелемъ за р. Эльбой и, наконецъ, 7-го октября въ кровопролитномъ сраженіи подъ Лейпцигомъ, откуда, тѣсня наголову разбитаго непріятеля, крымцы, совмѣстно съ другими войсками, вступили въ предѣлы Франціи. Наконецъ, послѣ цѣлаго ряда одержанныхъ побѣдъ, русскіе торжественно вошли 1-го апрѣля въ Парижъ. Крымцы здѣсь находились вплоть до окончанія войны и только ко 2-му августа возвратились въ Россію. Не прошло и года, какъ крымцы снова двинулись 11-го апрѣля 1815 года въ Галицію, форсированнымъ маршемъ прошли Силезію, Моравію, Богемію и Баварію и, переправившись 17-го іюня черезъ Рейнъ, вступили во Францію, гдѣ и оставались до конца историческихъ «ста дней».

На Кавказъ Крымскій полкъ прибылъ, въ составѣ 20-й пѣхотной дивизіи, во второй половинѣ 1826 года на усиленіе войскъ кавказскаго корпуса, которыхъ было далеко недостаточно для успѣшнаго веденія одновременно войны съ Персіею и горскими народами.

21-го мая 1827 года крымцы, въ составѣ отряда ген. Красовскаго, выручили отъ осады обложенный персами Эчміадзинскій монастырь. 1-го августа 2-й баталіонъ, подъ командою маіора Джемшерна, съ 1-мъ орудіемъ, сопровождалъ транспортъ больныхъ изъ Эчміадзина къ отряду, расположенному при урочищѣ Джангулы, въ 35-ти верстахъ отъ монастыря. Едва колонна отошла 8 верстъ, какъ у с. Аштаракъ персы атаковали ее въ числѣ 2000 человѣкъ пѣхоты и 1000 всадниковъ, подъ предводительствомъ самого сардаря эриванскаго. Маіоръ Джемшеринъ, окруженный непріятельской кавалеріей и пѣхотою, отражалъ на раз-

стоянiи 10-ти верстъ всѣ покушенiя персiянъ и огнемъ стрѣлковъ и артиллерiи не только остановилъ атакй непрiятеля, но и нанесъ ему большой уронъ.

«Долгомъ поставляю засвидѣтельствовать, доносилъ Красовскiй, отличную храбрость и усердiе, оказанныя въ семъ случаѣ 2-мъ баталiономъ Крымскаго пѣхотнаго полка и въ особенности 2-ю гренадерскою ротою, подъ командою штабсъ-капитана Толмачева, бывшаго въ арьергардѣ, а такъ же благоразумное распоряженiе маiора Джемшерна, отразившаго сильное нападенiе непрiятеля въ превосходныхъ силахъ».

Но особенное отличiе дѣйствующiе баталiоны крымцевъ оказали въ сраженiи подъ Ушаганомъ 17-го августа 1827 года, за что пожалованъ имъ былъ «гренадерскiй бой»; отличiе это впослѣдствiи приказано было сохранить 3-му и 4-му баталiонамъ Тенгинскаго полка, составившимся изъ 1-го и 2-го баталiоновъ крымцевъ. Вотъ подробности этого славнаго дѣла.

По вступленiи своемъ въ командованiе отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, генералъ Паскевичъ открылъ рѣшительныя дѣйствiя противъ персiянъ и въ первыхъ же числахъ апрѣля 1827 года двинулъ для блокады крѣпости Эривани сильный отрядъ графа Бенкендорфа, который вскорѣ былъ смѣненъ войсками генерала Красовскаго, начальника 20-й пѣхотной дивизiи. Въ виду того, что при отрядѣ этомъ не было осадной артиллерiи, которая могла прибыть не раньше 15-го августа, генералъ Паскевичъ приказалъ снять осаду Эривани, въ окрестностяхъ которой войска страдали кромѣ того отъ зноя и сильныхъ вѣтровъ, и отойти въ болѣе здоровую горную мѣстность къ сел. Ушаганъ, гдѣ и ожидать прибытiя осадныхъ орудiй, прикрывая въ то же самое время сообщенiя главнаго отряда съ Грузiею. Самъ же Паскевичъ занялся осадою Аббасъ-Абада.

Узнавъ, что Аббасъ-Мирза съ значительными силами двинулся на выручку осажденной крѣпости, главнокомандующiй вышелъ ему навстрѣчу и при рѣчкѣ Джеванъ-Булахъ разбилъ наголову непрiятельскiя войска, результатомъ чего была добровольная сдача 7-го iюля крѣпости Аббасъ-Абадъ. Успѣхъ нашихъ

войскъ сильно встревожилъ наслѣднаго принца персидскаго престола и у него созрѣлъ планъ, при удачномъ выполненіи котораго мы могли бы лишиться всѣхъ плодовъ побѣдъ. Аббасъ-Мирза рѣшилъ одновременно напасть на отрядъ Красовскаго и Эчміадзинъ, гдѣ находился всего одинъ баталіонъ пѣхоты при двухъ орудіяхъ, и тѣмъ заставить Паскевича отойти назадъ.

15-го августа многочисленная непріятельская армія появилась у стѣнъ Эчміадзинскаго монастыря и заняла весьма выгодную позицію, фланги которой упирались въ отвѣсныя скалы, имѣя передъ фронтомъ глубокіе овраги. Положеніе осажденныхъ было самое критическое. Но на выручку имъ явился генералъ Красовскій со своимъ малочисленнымъ отрядомъ, съ которымъ рѣшилъ пробиться черезъ десятитысячную армію персовъ. Въ 5 часовъ вечера 16-го августа отрядъ Красовскаго, изъ 4-хъ баталіоновъ пѣхоты, въ числѣ ихъ 1-й баталіонъ Крымскаго полка, 500 казаковъ при 12-ти орудіяхъ, выстроился въ лагерѣ передъ своими палатками въ полной боевой готовности.

«Ребята, обратился Красовскій къ солдатамъ, я увѣренъ въ вашей храбрости, знаю готовность вашу бить непріятеля. Въ какихъ бы силахъ онъ съ нами ни встрѣтился,—мы не будемъ считать его. Мы сильны передъ нимъ единствомъ нашего чувства, любовью къ отечеству, вѣрностью присягѣ, исполненіемъ священной воли нашего Государя. Помните, что строгій порядокъ и устройство всегда приведутъ васъ къ побѣдѣ. Побѣжитъ непріятель—преслѣдуйте его быстро, рѣшительно, но не разстраивайте рядовъ вашихъ, не увлекайтесь запальчивостью. У персіянъ много конницы, потому стрѣлкамъ не отходить на большія дистанціи и, въ опасныхъ случаяхъ, быстро собираться въ кучки, за исполненіемъ чего въ точности прошу имѣть строгое наблюденіе гг. ротнымъ начальникамъ и офицерамъ. Я надѣюсь, что сіе желаніе мое со всею точностью исполнится и что порядокъ, тишина, устройство и точное повиновеніе составлять будутъ главнѣйшую обязанность каждаго» *).

Послѣ напутственнаго молебна, отрядъ, окропленный святою

*) Архивъ окр. шт., дѣло № 2, по 2-му отдѣленію генеральнаго штаба за 1827 годъ.

водою, выступилъ по эчміадзинской дорогѣ и въ 7 часовъ утра, 17-го августа, прибылъ на высоты между селами Аштаракъ и Ушаганъ. Предъ глазами войскъ открылась слѣдующая картина: главныя силы непріятеля занимали оба берега р. Абарани и командующее возвышеніе, гдѣ расположена была сильная батарея; пѣхота персовъ построилась въ три линіи, конница же заняла окружающія высоты. Дорога, по которой предстояло слѣдовать отряду, шла глубокимъ ущельемъ съ крутыми скатами; здѣсь-то Аббасъ-Мирза и замыслилъ истребить войска Красовскаго, подвергнувъ ихъ перекрестному огню съ окружающихъ высотъ. Отрядъ сталъ спускаться въ лощину. Громадный обозъ съ провіантомъ двигался по дорогѣ, прикрытіе съ артиллеріею слѣдовало по бокамъ. Грянулъ залпъ изъ 22-хъ непріятельскихъ орудій и гранаты запрыгали между рядами повозокъ.

Ежеминутно приходилось пріостанавливать движеніе, чтобы очистить дорогу отъ изломавшихся арбъ. Громадные камни, разсѣянные на пути, препятствовали свободному слѣдованію артиллеріи и люди на себѣ вывозили орудія. Съ каждою минутою потеря все увеличивалась, укрыться отъ выстрѣловъ не представилось возможнымъ—отвѣсныя скалы по сторонамъ служили тому препятствіемъ.

День 17-го августа выдался необыкновенно знойный, окружающія голыя скалы еще болѣе увеличивали жару. Пятичасовый упорный бой утомилъ солдатъ до того, что они въ изнеможеніи падали по дорогѣ, не имѣя возможности утолить сильную жажду за отсутствіемъ воды. Съ каждымъ шагомъ впередъ потеря все росла. Непріятельская пѣхота съ яростью насѣдала на арьергардъ, который пришлось усилить баталіономъ крымцевъ. Персіяне съ остервенѣніемъ набрасывались на нашихъ раненыхъ и павшихъ отъ изнеможенія солдатъ и безжалостно отрубали имъ головы. По выходѣ изъ ущелья на равнину, отрядъ былъ встрѣченъ всею арміею Аббасъ-Мирзы.

Такъ какъ артиллерійскіе снаряды были у насъ всѣ истрачены, патроны же у людей находились тоже на исходѣ, то оста-

валось штыками только прорѣзать себѣ путь среди густой массы непріятельскихъ войскъ. Тогда во главѣ колонны сталъ священникъ Крымскаго полка Ѳедотовъ съ крестомъ въ рукахъ и, со словами «ребята, за мною!», бросился впередъ. Грянуло мощное ура и отрядъ, имѣя впереди крымцевъ, врѣзался въ персидскую пѣхоту. Гарнизонъ Эчміадзина въ это время сдѣлалъ вылазку и ударилъ въ тылъ непріятелю, который вынужденъ былъ, наконецъ, отступить. Нашъ отрядъ понесъ страшный уронъ и только жалкіе остатки отъ $2^1/_2$ тысячъ прошли въ монастырь. Въ этотъ памятный день выбыло изъ строя 24 офицера и 1130 нижнихъ чиновъ. Крымцы потеряли убитыми двухъ офицеровъ, въ томъ числѣ и своего полкового командира подполковника Головина, 121 нижнихъ чиновъ; ранено 5 офицеровъ и 34 рядовыхъ, безъ вѣсти пропало 99 человѣкъ; налицо осталось: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 9 и 462 нижнихъ чиновъ.. «Я почитаю справедливымъ, доносилъ Красовскій, за оказанное усердіе, храбрость и мужество, кромѣ заслуженной награды, сдѣлать извѣстными имена офицеровъ Крымскаго пѣхотнаго полка: маіоръ Муликовскій, умершій отъ полученныхъ ранъ, маіоръ Велентій (раненъ), маіоръ Повало-Швейковскій, капитаны: Михайловскій, Жердевъ, Яковенко, Соболевскій (раненъ), поручикъ Дурожицкій (раненъ) и полковой адъютантъ прапорщикъ Корецкій *). Большинство этихъ офицеровъ поступило впослѣдствіе въ составъ нашего полка въ 1834 г.. Государь Императоръ, подробно ознакомившись съ дѣломъ 17-го августа, пожаловалъ Крымскому полку «гренадерскій бой за отличіе въ сраженіи съ персіянами между Ушаганомъ и Эчміадзиномъ 17-го августа 1827 года»; всѣхъ офицеровъ наградилъ слѣдующими чинами или орденами, нижнимъ чинамъ назначилъ 28 знаковъ отличія военнаго ордена.

Послужной списокъ крымцевъ обогатился еще участіемъ въ слѣдующихъ сраженіяхъ: 1-й баталіонъ находился при обложеніи и взятіи кр. Эривани съ 28-го сентября по 1-е октября и въ экспедиціяхъ за р. Араксомъ съ 10-го по 22-е октября; 2-й

*) Архивъ окр. шт., дѣло № 308, по 1-му отд. дежур. за 1828 годъ.

баталіонъ—при блокадѣ и взятіи кр. Сардаръ-Абада съ 15-го по 19-е сентября.

Въ турецкой войнѣ 1828 года полкъ конвоировалъ осадный паркъ 18-го іюля отъ сел. Гимры до кр. Карса, гдѣ и вошелъ въ составъ войскъ обложенія, участвуя 23-го іюня во взятіи штурмомъ этой крѣпости. Здѣсь крымцы были оставлены на нѣкоторое время въ гарнизонѣ; съ наступленіемъ же суроваго зимняго времени, когда военныя дѣйствія въ Азіатской Турціи были прекращены, полкъ передвинутъ въ Тифлисъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года крымцы, имѣя всего въ двухъ баталіонахъ 500 человѣкъ, были двинуты въ составѣ отряда генералъ-маіора Муравьева на выручку малочисленныхъ гарнизоновъ крѣпостей Ацхура и Ахалцыха. При одномъ только появленіи нашего авангарда турки бѣжали, оставивъ городъ Ахалцыхъ во власть русскимъ. Крымскій полкъ, дойдя до укр. Страшный-окопъ, 15-го марта повернулъ назадъ и возвратился въ Тифлисъ, а затѣмъ перешелъ въ Сурамъ для прикрытія Карталиніи. Пополнившись рекрутами, крымцы двинулись къ Ахалцыху и здѣсь съ 27-го іюня по 2-е іюля участвовали въ экспедиціи къ аджарскимъ владѣніямъ. Третьяго августа они выступили къ кр. Эрзерумъ на соединеніе съ главнымъ дѣйствующимъ корпусомъ, въ составѣ котораго находились до 6-го іюля 1830 г. и затѣмъ направились въ Черноморію. Съ 30-го сентября 1830 года полкъ все время принималъ участіе въ движеніяхъ за р. Кубань и въ многочисленныхъ стычкахъ съ черкесскими племенами. Экспедиціею 1834 года закончилась боевая дѣятельность крымцевъ; они были расформированы и два ихъ баталіона, въ составѣ 3-хъ штабъ и 35-ти оберъ-офицеровъ, 146-ти унтеръ-офицеровъ, 80-ти музыкантовъ, 1137-ми рядовыхъ и 82-хъ нестроевыхъ, прибыли въ крѣпость Темнолѣсскую 19-го мая и поступили къ намъ въ полкъ *). Вмѣ-

*) Вотъ фамиліи офицеровъ, переведенныхъ къ намъ изъ Крымскаго полка: подполковникъ Велентій, маіоры—Фоминъ и Пащенко; капитаны—Яковенко, Соболевскій 1-й, Дзвонкевичъ; штабсъ-капитаны—Свягинъ, Соболевскій 3-й, Сементовскій, Едлецкій, Волошиновъ; поручики—Наумовичъ, Драчевскій, Масловичъ, Корзунъ, Мавроганъ, Корецкій 1-й, Рыковъ 2-й, Карповичъ, Батковскій, Рыковъ 3-й, Гриневъ, Попандопуло; подпоручики—Найденовъ, Корецкій 2-й, Рыковъ 4-й, Бериловъ, Кузминскій 2-й, Толмачевъ, Цырюли, Протопоповъ; прапорщики—Кузьминскій, Соколиковъ, Неотаки, Тюпинъ, Кузминскій 3-й, Зміевъ и Лебеденко.

стѣ съ ними къ намъ поступилъ и знаменитый въ лѣтописяхъ Кавказской войны рядовой Архипъ Осиповъ, который впослѣдствіи покрылъ себѣ неувядаемой славой при оборонѣ въ 1840 году Михайловской крѣпости.

2-й баталіонъ расформированнаго Козловскаго полка, составившій 5-й резервный баталіонъ тенгинцевъ, прибылъ въ нашу полковую штабъ-квартиру 26-го октября 1834 года въ числѣ: 2-хъ штабъ и 14-ти оберъ-офицеровъ, 44-хъ унтеръ-офицеровъ, 27-ми музыкантовъ, 408-ми рядовыхъ и 49-ти нестроевыхъ *).

Баталіонъ этотъ, въ составѣ своего полка, былъ переформированъ въ 1763 году изъ пѣшаго полка украинскаго ландмиліціоннаго корпуса и названъ украинскаго корпуса Козловскимъ полкомъ.

Изъ имѣющихся отрывочныхъ историческихъ свѣдѣній о боевой дѣятельности козловцевъ извѣстно, что полкъ принималъ участіе въ слѣдующихъ сраженіяхъ: въ 1810 году 22-го мая при штурмѣ крѣпости Базарджика, съ 23-го мая по 17-е іюня въ обложеніи Варны, 23-го іюля въ разбитіи 30-ти-тысячнаго корпуса турокъ войсками графа Каменскаго, 26-го августа въ блистательномъ штурмѣ и взятіи турецкаго лагеря близъ деревни Батинъ. Въ 1811 году 12-го октября козловцы, совмѣстно съ другими войсками, мужественно взлетѣли на валы сильной крѣпости Силистріи и проникли во внутрь ея. Во время отечественной войны 1812 года Козловскій полкъ вошелъ въ составъ 3-й резервной обсерваціонной арміи генерала Тормасова, расположенной на Волыни, и участвовалъ въ дѣлахъ съ непріятелемъ: 29-го іюля у Пружанъ, 31-го іюля у Городечны, гдѣ козловцы, вмѣстѣ съ 6-ю драгунскими полками, находясь въ передовой линіи, удержали позицію, не смотря на огромное превосходство силъ непріятеля; 15-го сентября при Турчанахъ, 17-го при мѣстечкѣ Любомлѣ, 25-го подъ Брестъ-Литовскомъ. Послѣ переправы

*) Съ баталіономъ Козловцевъ прибыли: маіоры — Исаевъ, Голубицкій, Лебединскій; штабсъ-капитанъ Лазовицкій; поручики — Снаксаревъ, Уткинъ, Жуковскій, Горбъ, Гущинъ; подпоручики—Клименко, Калмыковъ, Карагодинъ; прапорщики—Центаловичъ, Бабьевъ, Барковъ, Владыкинъ, Уманскій. Полковой архивъ, исход. журн. за 1834 г., дѣло № 383.

французовъ черезъ рѣку Березину, козловцы въ числѣ прочихъ войскъ преслѣдовали непріятеля. 1813 годъ засталъ полкъ въ Германіи въ неутомимой боевой дѣятельности. Козловцы участвовали: съ 20-го марта по 7-е апрѣля въ осадѣ и взятіи Торна; 9-го мая—у Бауцена, гдѣ пришлось выдержать сильную атаку французовъ; 7-го августа—у Зибенъ-Эйхена; 14-го—въ генеральномъ сраженіи на р. Каубахъ, гдѣ были разбиты войска Макдональда; 6-го октября—въ упорномъ бою за обладаніе деревней Шёнфельдъ; 7-го—въ сраженіи подъ Лейпцигомъ. Въ 1814 году 17-го января козловцы, въ составѣ корпуса Олсуфьева, занимая Брієнъ-ле-Шаръ, въ продолженіе цѣлаго дня упорно отбивали войска Наполеона, пытавшагося овладѣть городомъ. Въ 1826 году козловцы одновременно съ крымцами прибыли на Кавказъ и 2-й баталіонъ поступилъ въ составъ отряда генералъ-лейтенанта князя Эристова, дѣйствовавшаго противъ лезгинъ, вторгнувшихся въ Кахетію. Въ 1827 году дѣйствующіе баталіоны полка, состоя въ карабахскомъ отрядѣ Мадатова, все время разработывали дороги и сопровождали транспорты съ боевыми и жизненными припасами. Въ началѣ сентября 2-й баталіонъ поступилъ въ отрядъ кн. Эристова, съ которымъ совершилъ походъ въ Персію отъ г. Нахичевани къ Чарсу. Съ 15-го по 22-е сентября козловцы участвовали въ преслѣдованіи войскъ Аббасъ-Мирзы; 13-го октября—во взятіи Тавриза и только къ 1-му мая 1828 года возвратились изъ Персіи и расположились въ нахичеванскомъ округѣ. Въ войнѣ съ Турціею въ 1829 году 2-й баталіонъ козловцевъ принималъ видное участіе, а двухдневною обороною крѣпости Баязета заслужилъ себѣ высшую награду—Георгіевское знамя. Подробности этого дѣла, отчасти повторившагося въ послѣдней турецкой войнѣ, весьма замѣчательны.

Въ то самое время, когда главный дѣйствующій корпусъ, одержавъ рядъ побѣдъ на вершинахъ Соганлуга, выступилъ въ Эрзерумъ, изъ Баязета прибылъ курьеръ съ донесеніемъ о нападеніи на этотъ городъ многочисленныхъ войскъ ванскаго паши и о мужественномъ отбитіи незначительнымъ нашимъ гарнизономъ двухдневнаго приступа турокъ на крѣпость. Толь-

ко мужество и стойкость русскихъ войскъ спасли Баязетъ, составлявшій главную опору нашего крайняго лѣваго фланга. Главнокомандующій понималъ опасность, угрожавшую баязетскому гарнизону и потому приказалъ укрѣпить Баязетъ возможно лучше, но подкрѣпить его войсками онъ не могъ. Здѣсь всего находилось: 2 баталіона Нашебургскаго полка, 2 баталіона Козловскаго, 4 сотни казаковъ и 10 орудій, всего 1480 человѣкъ, которымъ пришлось имѣть дѣло съ пятью тысячами конныхъ и двумя тысячами пѣшихъ турокъ. Помимо обороны укрѣпленія, этимъ малочисленнымъ войскамъ приходилось защищать еще обширную городскую черту, не менѣе пяти верстъ въ окружности. Начальникъ гарнизона генералъ-маіоръ Поповъ, по полученіи отъ лазутчиковъ первыхъ тревожныхъ слуховъ о намѣреніи ванскаго паши, раздѣлилъ всю линію обороны на участки и распредѣлилъ по нимъ защитниковъ, такъ: со стороны макинской дороги на батареѣ, называемой восточною,—4-ю и 5-ю мушкетерскія роты Козловскаго полка, три турецкихъ и одно полевое орудіе; на красной батареѣ—одну роту нашебургцевъ и два орудія. Со стороны эриванской дороги на батареѣ западной—одинъ баталіонъ Нашебургскаго полка и 4 полевыхъ орудія; въ прикрытіе эриванской батареи назначена была 3-я мушкетерская рота козловцевъ; на протяженіи южной черты города, въ небольшихъ каменныхъ завалахъ, между новою батареею и эриванскою дорогою, стали: одна рота Нашебургскаго полка и 500 человѣкъ армянской милиціи; на высотѣ, близъ стараго замка, 200 человѣкъ армянской милиціи и въ 70-ти шагахъ впереди восточной батареи, въ особомъ кронированномъ зданіи—50 челов. армянской милиціи; казачій полкъ, помѣщавшійся въ каравансараѣ, внутри города, составлялъ общій резервъ.

Наступленіе турокъ началось раннимъ утромъ 20-го іюня со стороны макинской дороги; малочисленные передовые наши посты были сбиты и отступили. Направленный сюда весь казачій полкъ Шамшева въ продолженіи пяти часовъ велъ жаркій бой, не подпуская турокъ къ восточной батареѣ, но, потерявъ много людей убитыми, принужденъ былъ уступить превосходству силъ

непріятеля. Видя отступленіе казаковъ, командиръ Козловскаго полка полковникъ Поярковъ выслалъ изъ крѣпости двѣ роты пѣхоты, подъ начальствомъ маіора Яниковскаго. Съ 11-ти часовъ утра и до 3-хъ часовъ пополудни козловцы отбрасывали штыками турокъ отъ батареи. Тогда ванскій паша, видя безуспѣшность своихъ нападеній, перевелъ значительную часть своихъ войскъ на эриванскую дорогу, думая этою демонстраціею отвлечь сюда всѣ наши силы. Одновременно онъ быстро выдвинулъ всю свою артиллерію противъ восточной батареи и скрытно оврагами направилъ сюда въ атаку до 2-хъ тыс. пѣхоты. Съ оглушительнымъ крикомъ бросились турки на валы укрѣпленія и мгновенно овладѣли кронированнымъ зданіемъ; жители мусульманской части города не замедлили перейти на ихъ сторону и открыли огонь въ тылъ нашихъ войскъ, расположенныхъ на восточной батареѣ. Полковникъ Поярковъ при этомъ былъ раненъ пулею на вылетъ въ обѣ ноги и сдалъ начальство надъ фасомъ старшему въ чинѣ маіору Яниковскому; но и этотъ послѣдній былъ раненъ пулею въ грудь и на носилкахъ отнесенъ на перевязочный пунктъ. Почти всѣ начальники были убиты или ранены и изъ 250-ти человѣкъ козловцевъ осталось только въ живыхъ 60 нижнихъ чиновъ. Пять разъ батарея переходила изъ рукъ въ руки и къ вечеру осталась за турками, которые овладѣли и 4-мя нашими орудіями. Въ остальныхъ частяхъ города тоже шла неравная борьба и большая часть важнѣйшихъ пунктовъ къ концу дня осталась за непріятелемъ. Наступившая темнота положила конецъ кровопролитію. Ночью генералъ-маіоръ Поповъ собралъ военный совѣтъ, на который явилось всего три штабъ-офицера—всѣ остальные были убиты или ранены. Рѣшено было не сдаваться и продолжать защиту города. Утромъ слѣдующаго дня вся наша артиллерія открыла сильную канонаду по восточной батареѣ и мусульманскому кварталу. Турки атаковали красную батарею и новый замокъ, но отъ дѣйствія нашихъ снарядовъ пришли въ большое замѣшательство, чѣмъ и воспользовался генералъ Поповъ. Быстро направилъ онъ на восточную батарею двѣ роты козловцевъ и стрѣлковъ Нашебургскаго полка.

Завязался здѣсь отчаянный рукопашный бой и послѣ неимовѣрных усилій непріятель, наконецъ, былъ выбитъ и вмѣстѣ съ батареею возвращены обратно потерянныя наши орудія. Къ часу дня турки отражены были на всѣхъ пунктахъ и, отойдя отъ города, расположились лагеремъ въ девяти верстахъ.

Но и послѣ того до 1-го іюля нѣсколько разъ непріятель подступалъ къ крѣпости, но былъ отраженъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи. Такъ окончилась кровавая и трудная двухдневная оборона Баязета, стоившая намъ убитыми и ранеными: одного генерала, 24-хъ офицеровъ и 450-ти нижнихъ чиновъ.

«Въ Козловскомъ полку, доносилъ Поповъ, офицеровъ весьма недостаточно: прапорщики командуютъ ротами и нѣтъ ни одного штабъ-офицера; полковой командиръ раненъ, маіоръ Яниковскій тоже, подполковникъ Тржесневскій сошелъ съ ума, Курскій ушибленъ лошадью, безъ надежды къ выздоровленію, и за полкомъ смотрѣть некому» *). Вотъ какою дорогою цѣною пріобрѣлъ 2-й баталіонъ козловцевъ свое Георгіевское знамя съ надписью: «за оборону крѣпости Баязета 20-го и 21-го іюля 1829 года», перешедшее впослѣдствіи въ 5-й баталіонъ нашего полка.

Только 7-го іюня 1830 года Козловскій полкъ возвратился въ Черноморію и съ этого времени непрерывно принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ за р. Кубанью, вплоть до расформированія, послѣдовавшаго въ 1834 году.

Изъ описаній главныхъ подвиговъ крымцевъ и козловцевъ видно, какихъ славныхъ, боевыхъ товарищей приняли тенгинцы въ свою военную семью. Отнынѣ имъ суждено было продолжать доблестную свою службу въ рядахъ нашего полка.

Командиромъ вновь преобразованнаго полка былъ назначенъ полковникъ Василій Алексѣевичъ Кашутинъ, бывшій командиръ крымцевъ. Дворянинъ Эстляндской губерніи, онъ получилъ образованіе въ кадетскомъ корпусѣ, откуда въ 1811 году восемнадцатилѣтнимъ юношею былъ выпущенъ къ намъ въ полкъ. Уже со второго года службы юному прапорщику при-

*) Потто—«Кавказская война» т. IV, вып. 3. Архивъ окр. шт., дѣло № 5, по 2-му отд. ген. шт. за 1829 годъ.

шлось принять участіе въ знаменитыхъ войнахъ 1812, 1813 и 1814 годовъ и за сраженіе подъ Лейпцигомъ получить рѣдкую для своего чина поручика награду орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. Быстро пошелъ въ чинахъ Кашутинъ: на 12-мъ году службы онъ уже маіоромъ былъ переведенъ въ Эриванскій карабинерный полкъ, съ которымъ и совершилъ персидскую и турецкую кампаніи, получивъ за штурмъ Карса 23-го іюня 1828 года золотую шпагу, а за разбитіе нашими войсками тридцатитысячной турецкой арміи подъ Ахалцыхомъ орденъ св. Георгія 4-й степени. Здѣсь Кашутинъ получилъ первую свою рану въ лѣвое плечо.

Лучшаго полкового командира для насъ трудно было подыскать. Это былъ старый тенгинецъ, живой свидѣтель и участникъ всѣхъ главнѣйшихъ сраженій, которыя составляютъ гордость исторіи нашего полка. Ему на долю выпала высокая обязанность сплотить разнородные элементы, изъ которыхъ составился вновь преобразованный полкъ и сохранить въ немъ основныя традиціи и боевыя преданія, носителемъ которыхъ являлся онъ самъ.

Еще до полученія Высочайшаго приказа Кашутину предписано было принять на законномъ основаніи отъ подполковника Шостенко Тенгинскій полкъ и лично привести въ исполненіе указъ Императора отъ 21-го марта 1834 года. Спѣшно закипѣла работа у тенгинцевъ по пріѣздѣ новаго командира. Заготовляли сдаточныя бумаги, принимали имущество только что прибывшихъ крымцевъ, выдѣляли хозяйство на уходящихъ людей съ 3-мъ баталіономъ; въ тоже самое время все имущество изъ крѣпости Темнолѣсской частями отправлялось въ новую штабъ-квартиру Кавказскую, ближайшую къ будущему раіону военныхъ дѣйствій.

Къ концу мая нашъ 3-й баталіонъ, переименованный въ Кавказскій линейный № 3 баталіонъ, былъ выдѣленъ окончательно и приказомъ по полку отъ 21-го числа выключено изъ спискочнаго состоянія: 2 штабъ и 19 оберъ-офицеровъ, 80 унтеръ-офицеровъ, 920 рядовыхъ и 34 нестроевыхъ *). Этимъ же прика-

*) Вмѣстѣ съ этимъ баталіономъ переведены были отъ насъ: подполковникъ Принцъ; маіоръ Лейвисъ; капитаны: Машоновъ, Вонецкій; штабсъ-капитаны: Нейманъ, Диковъ 1-й; поручики: Бѣлоновичъ, Чачинъ, Плотниковъ, Жеребцовъ, Подвельскій, Лукьяновъ; подпор-ки: Нейманъ 2-й, Путовъ, Васильевъ, Лукьянчиковъ; прап-ки: Григорьевъ, Лавковскій, Горбань, Турлаковскій и Зоринъ.

зомъ объявлялась слѣдующая вѣдомость о состояніи преобразованнаго Тенгинскаго полка, на основаніи положенія Высочайше утвержденнаго 21-го марта 1834 года *).

Штабъ-офицеровъ	11
Оберъ-офицеровъ.	91
Унтеръ-офицеровъ.	347
Музыкантовъ	185
Рядовыхъ	3480
Нестроевыхъ	175
Въ нестроевой ротѣ рядовыхъ	187
Въ инвалидной	89

При полку находился обозъ изъ:

Патронныхъ ящиковъ	20	лошадей	60
Палаточныхъ »	25	»	50
Для казны и полк. дѣлъ ящикъ	1	»	2
Аптечный ящикъ	1	»	4
Лазаретныхъ брикъ	5	»	20
Провіант. подфурокъ	40	»	120
Подъ инструм. подфура	1	»	3

Въ іюлѣ штабъ-квартира тенгинцевъ окончательно перешла въ кр. Кавказскую и уже въ концѣ мѣсяца полкъ выступилъ въ составъ отряда Вельяминова.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1834 году Высочайше одобренъ былъ «планъ общаго усмиренія кавказскихъ горскихъ племенъ въ закубанскомъ краѣ», по которому рѣшено было ежегодными экспедиціями постепенно отнимать отъ горцевъ удобныя мѣста для хлѣбопашества и устраивать тамъ казачьи станицы подъ охраною нашихъ укрѣпленій. Военныя дѣйствія предполагалось вести систематически и только тогда подвигаться далѣе въ глубь страны, когда занятое пространство будетъ вполнѣ уже упрочено за нами **). Въ выполненіи этого плана тенгинцы приняли видное участіе.

---

*) Исходящій жур. за 1834 годъ, дѣло № 383.

**) Короленко—«Закубанскій край». Военный Сборникъ 1893 года № 4, стр. 348.

Глава IV.

Сборъ у Ольгинскаго редута. Обмундированіе кавказскихъ солдатъ. Провсденіе геленджикской дороги. Переходъ отряда къ Геленджику. Возвращеніе въ Абинъ. Награды. Перемѣна дислокаціи Тенгинскаго полка. Трудное положеніе семейныхъ солдатъ и польскихъ плѣнныхъ. Жизнь въ штабъ-квартирахъ. Строевыя занятія. Занятія съ подпрапорщиками. Программа офицерскихъ экзаменовъ. 1835 годъ. Движеніе 1-го и 2-го баталіоновъ къ укрѣпленію Абинскому. Дѣйствія ген. Малиновскаго противъ шапсуговъ и абадзеховъ. Неудачная мартовская экспедиція. Движеніе ген. Вельяминова къ берегу Чернаго моря. Заложеніе укрѣпленія Николаевскаго. Возвращеніе на квартиры. Награды. Заготовленіе консервовъ. Строевыя занятія. Школа кантонистовъ. 1836 годъ. Движеніе отряда двумя колоннами. Дѣйствія въ долинѣ Нако и баканскомъ ущельѣ. Подвигъ унтеръ-офицера Величко. Переходъ отряда къ Цемесской бухтѣ и возвращеніе на Кубань. Дѣйствія 5-го резервнаго баталіона въ отрядѣ генерала Засса. Награды. 1837 годъ. Значеніе черноморской береговой линіи. Сборы отряда къ Ольгинскому укрѣпленію. Движеніе къ Геленджику. Дѣло 10-го мая въ Чумбайскомъ лѣсу. Заложеніе укрѣпленія Новотроицкаго. Десантъ тенгинцевъ въ устьѣ Шапсуго. Переходъ въ долину Вулана. Описаніе послѣдней. Заложеніе Михайловскаго укрѣпленія. Подробности устройства. Буря. Выступленіе отряда въ Геленджикъ на царскій смотръ. Пріѣздъ Николая Павловича. Les gens de fer. Смотръ. Возвращеніе по квартирамъ. Недѣльный пикникъ. Награды. Зимнія строевыя занятія. Смотровая стрѣльба. Смертность. Бѣглые. Полковая церковь. 1838 годъ. Формированія десантнаго отряда. Назначеніе генерала Раевскаго начальникомъ отряда. Высадка въ Туапсе. Отличіе тенгинцевъ. Полковая пѣснь. Заложеніе укрѣпленія Вельяминовскаго. Страшная буря 30-го мая. Гибель эскадры. Подвигъ рядового Полякова. Заложеніе укрѣпленій Тенгинскаго и Новороссійскаго. Возвращеніе на Кубань. Награды. Строевыя занятія. Учебная команда. Починка ружей. Учрежденіе пѣшей почты. Уходъ Кашутина. Новый командиръ подполковникъ Выласковъ. 1839 годъ. Движеніе отряда къ Абину. Посадка отряда на суда. Высадка у р. Субаши. Подполковники Хлюпинъ и Данзасъ. Заложеніе укрѣпленія Головинскаго. Высадка у р. Псезуапе. Заложеніе укрѣпленія Лазаревскаго. Окончаніе береговой линіи.

Въ общій планъ поступательнаго нашего движенія въ землю горскихъ народовъ входило, между прочимъ, проложеніе отъ Ольгинскаго редута къ Геленджику дороги, которая, прорѣзывая непріятельскую территорію, должна была соединить кубанскую линію съ береговой полосой Чернаго моря. Здѣсь, въ недалекомъ будущемъ, предполагалось возвести цѣлый рядъ приморскихъ укрѣпленій, имѣвшихъ назначеніе—изолировать горское населеніе Западнаго Кавказа отъ вреднаго турецкаго вліянія. Проложеніе этого стратегическаго пути возложено было на

особый отрядъ *), въ составъ котораго вошли три дѣйствующихъ баталіона Тенгинскаго полка.

26-го іюля войска собрались, подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Вельяминова, на сборный пунктъ—Ольгинскій редутъ и расположились на лѣвомъ берегу Кубани, тыломъ къ рѣкѣ. На правомъ флангѣ стали тенгинцы, на лѣвомъ кабардинцы, передній заняли навагинцы, въ серединѣ образовавшагося каре размѣстились казаки, милиція и громаднѣйшій обозъ.

Довольно пеструю по внѣшности картину представлялъ въ то время отрядъ кавказскимъ войскъ. Къ 1834 году была установлена особая форма обмундированія, совсѣмъ отличная отъ формы россійскихъ войскъ, во многомъ заимствованная отъ горцевъ и до нѣкоторой степени приноровленная къ климатическимъ условіямъ. Кивера были брошены, вмѣсто нихъ приняты барашковыя папахи и «фуражныя шапки» съ козырьками, т. е. просто фуражки, ставшія теперь общимъ достояніемъ русской арміи. На шинеляхъ и двубортныхъ мундирахъ съ каждой стороны груди были нашиты разноцвѣтные «газыри» изъ сукна, на образецъ горскихъ, для носки 10-ти—12-ти патроновъ, остальные 60 помѣщались въ двухъ кожаныхъ лакированныхъ сумахъ на замшевыхъ перевязяхъ, носимыхъ крестъ на крестъ. Вмѣсто ранцевъ, оставленныхъ въ штабъ-квартирахъ, люди имѣли холщевые мѣшки. Обувь состояла изъ обыкновенныхъ высокихъ сапогъ, но такъ какъ казенный отпускъ былъ очень недостаточенъ, то солдаты сапоги большею частью таскали на плечахъ, сберегая ихъ для торжественныхъ случаевъ, а ноги обували въ пасталы, горскіе кожаные лапти, и шерстяныя портянки, перевязанныя до колѣнъ ремнями; это была наиболѣе цѣлесообразная обувь по своей простотѣ, дешевизнѣ, легкости и способности быстро высушиваться; конечно, въ очень сырую погоду, въ большую грязь сапоги были лучше, но во всякое другое время и особенно при движеніи по горамъ пасталы были незамѣнимы. Регулярныя войска носили

*) Составъ отряда: 5 баталіоновъ и 3 роты пѣхоты, 2 роты саперъ, 20 полевыхъ и 6 конныхъ орудій, казаки и милиція.

ихъ негласно, казаки же *), пластуны, черноморскіе пѣшіе баталіоны, милиція другой обуви не имѣли. Офицеры также носили установленную форму лишь въ оффиціальныхъ случаяхъ, а готовясь въ походъ, пріобрѣтали себя непремѣнно азіатскую шашку, такъ какъ форменная совершенно не годилась ни для рубки, ни для колки, затѣмъ бурку, канаусовую рубаху, бешметъ, чикчиры—очень широкія брюки, стягивавшіяся шнуромъ, и ноговицы; длинношерстая папаха и длинополый сюртукъ, иногда на мѣху, безъ погонъ съ одними контрпогончиками, довершали походный костюмъ. Всѣ офицеры были верхами, имущество свое возили на вьюкахъ въ походныхъ сундукахъ, изъ которыхъ потомъ составлялась на рамахъ кровать, такъ что теперешніе вьючные сундуки напрасно выдаются за новое изобрѣтеніе. Такимъ образомъ, и кавказскіе офицеры и солдаты были одѣты крайне своеобразно. Всякаго свѣжаго человѣка, первый разъ встрѣчавшаго кавказскія войска, поражало это почти полное отсутствіе воинскаго вида и именно въ то время, когда высшія сферы признавали форму за сущность и малѣйшее отступленіе отъ образцовъ готовы были считать паденіемъ доблести. Генералъ Паскевичъ, пропитанный формализмомъ тогдашней гвардіи и только что пріѣхавшій на Кавказъ, видѣлъ ширванцевъ на походѣ; онъ отнесся крайне скептически къ части, обмундированной со столь большими отступленіями,—это шло не войско, а орда какая то, но съ этими же войсками разбилъ 40 тысячи персіянъ подъ Елисаветполемъ и одержалъ всѣ свои лучшія побѣды. Дибичъ не могъ нахвалиться этими же оборванцами, которыхъ называлъ *оборванцами*. Въ общемъ неказисты были съ внѣшней стороны кавказцы, не любили они также парадовъ, смотры ихъ были обыкновенно неудачны, но это не мѣшало имъ оказывать чудеса храбрости и выносливости.

Отдохнувъ нѣсколько дней, войска, собранныя у Ольгинскаго редута, начали заготавливать хворостъ, колья, фашины для устройства переправъ черезъ топкія мѣста, и наконецъ 4-го ав-

*) Казаки вмѣсто шерстяныхъ портянокъ или чулокъ носили кожаные чулки, называвшіеся ноговицы.

густа двинулись впередъ, пролагая путь черезъ аушевскія, тляхофишскія, пшецкія и кушинскія болота, извѣстныя подъ общимъ названіемъ кубанскихъ плавней, образовавшихся отъ разлива горныхъ рѣчекъ по обширной плоской глинистой равнинѣ.

Въ продолженіе четырехъ дней войска заваливали топкія мѣста камышемъ, хворостомъ, накладывали поверхъ фашины и затѣмъ засыпали щебнемъ, подвозимымъ съ Кубани. 8-го числа дорога была доведена такимъ образомъ до р. Абинъ, на лѣсистыхъ берегахъ которой отрядъ былъ встрѣченъ огнемъ шапсуговъ. Оттѣснивъ непріятеля, генералъ Вельяминовъ устроилъ вагенбургъ и утромъ 11-го августа выступилъ къ Великолагерному посту для изслѣдованія мѣстности и выбора болѣе удобнаго сообщенія съ Кубанью.

Войскамъ приходилось все время устраивать спуски и подъемы черезъ рѣчки, исправлять дороги и въ тоже время штыками отбрасывать горцевъ, всѣми силами мѣшавшихъ работамъ; дѣйствительно, имъ одинъ разъ удалось ворваться въ середину обоза и овладѣть воловьею фурою съ бочкою водки, которую они поспѣшили скрыть въ ближайшемъ лѣсу и, вѣроятно, распили во славу своихъ побѣдъ и нашей погибели.

Когда отрядъ приблизился къ р. Антхиръ, шапсуги, засѣвъ за обрывистыми берегами, въ недальнемъ разстояніи отъ аула, открыли сильный ружейный огонь. Высланный по руслу рѣки первый баталіонъ тенгинцевъ выбилъ горцевъ изъ занимаемой ими позиціи и предалъ пламени аулъ. Только поздно вечеромъ 14-го числа отрядъ прибылъ къ Великолагерному посту, гдѣ пришлось простоять четыре дня въ ожиданіи подвоза провіанта и боевыхъ припасовъ изъ Екатеринодара и Ольгинскаго укрѣпленія. Обратный путь слѣдованія былъ крайне затруднителенъ: отъ сильнаго дождя, шедшаго въ послѣдніе дни, дорога до того испортилась, что движеніе воловьяго транспорта сдѣлалось почти невозможнымъ. Искусно пользуясь мѣстностью, горцы часто изъ засадъ встрѣчали насъ мѣткими ружейными залпами или бросались съ шашками въ рукахъ на цѣпи стрѣлковъ, чѣмъ еще больше за-

трудняли движеніе. 21-го августа колонна Вельяминова возвратилась къ вагенбургу на р. Абинѣ.

За эти дни потеря у насъ была довольно значительна—мы лишились убитыми 2-хъ офицеровъ, 12-ти нижнихъ чиновъ и ранеными—1-го офицера и 49-ти рядовыхъ. Горцы въ свою очередь понесли значительный уронъ, особенно отъ дѣйствія нашей артиллеріи.

Съ 22-го числа приступлено было къ устройству укрѣпленія на р. Абинѣ, которое должно было служить промежуточнымъ пунктомъ на сообщеніи Ольгинскаго тетъ-де-пона съ Геленджикомъ, и въ тоже время отрѣзывать у шапсуговъ часть плодородной равнины, расположенной между Кавказскимъ хребтомъ и Кубанью.

Ежедневно поочереди назначались войска на фуражировки, заготовленіе лѣсныхъ матеріаловъ и насыпку валовъ укрѣпленія. Кромѣ того, время отъ времени посылались въ Ольгинское отдѣльныя колонны, силою до двухъ баталіоновъ пѣхоты съ достаточнымъ числомъ артиллеріи и казаковъ, для сопровожденія повозокъ съ боевыми и жизненными припасами. Эти движенія почти никогда не обходились безъ серьезныхъ стычекъ.

Такъ, 13-го сентября выступилъ транспортъ изъ 924-хъ воловьихъ подводъ, подъ прикрытіемъ казаковъ и 3-го баталіона Тенгинскаго полка. Близъ рѣчки Кушпсъ горцы, устроили въ лѣсу засаду и, по приближеніи колонны, бросились внезапно на стрѣлковую цѣпь, смяли ее и ворвались даже въ обозъ, но здѣсь, встрѣченные сильнымъ огнемъ 7-й мушкетерской роты, пришли въ замѣшательство и обратились въ бѣгство. Въ тоже время новая, болѣе сильная партія шапсуговъ ринулась на эту роту, но тенгинцы, совмѣстно съ подоспѣвшими двумя сотнями казаковъ и однимъ орудіемъ, отразили нападеніе картечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Въ этотъ день у насъ убито 8 нижнихъ чиновъ и ранено: одинъ офицеръ и 33 рядовыхъ. Горцы также понесли чувствительный уронъ. На слѣдующій день мимо лагеря прослѣдовала партія шапсуговъ, которая вела въ поводу много лошадей, съ перекинутыми черезъ сѣдла тѣлами убитыхъ.

Въ виду того, что шапсуги постоянно устраивали близъ Куниpса засады на встрѣчу возвращавшимся изъ Ольгинскаго укрѣпленія колоннамъ, 17-го сентября былъ высланъ туда для поддержки первый баталіонъ, который сталъ здѣсь укрѣпленнымъ лагеремъ; не смотря на эти мѣры предосторожности, черкесы все же отважились произвести нападеніе на колонну съ транспортомъ и вывели у насъ изъ строя убитыми одного офицера и 2-хъ рядовыхъ и ранеными 11 нижнихъ чиновъ.

Ежедневныя фуражировки, разоренія непріятельскихъ ауловъ вблизи новаго укрѣпленія обходились намъ довольно дорого и въ общемъ отрядъ потерялъ за это время 11 рядовыхъ убитыми и ранеными 5 офицеровъ и 40 нижнихъ чиновъ. Шапсуги хорошо сознавали, что съ возникновеніемъ Абинскаго укрѣпленія они лишались части плодоноснѣйшей равнины, гдѣ ежегодно производили свои посѣвы, поэтому-то они съ такимъ ожесточеніемъ вступали въ борьбу съ нашими войсками.

Къ 10-му октября главныя работы были закончены и генералъ Вельяминовъ выступилъ съ отрядомъ въ Геленджикъ, оставивъ въ новомъ укрѣпленіи гарнизонъ изъ перваго баталіона Тенгинскаго и пѣшаго Черноморскаго полковъ, 8-ми орудій и 4-хъ кегорновыхъ мортирокъ.

Нелегкій переходъ пришлось совершить войскамъ. Осенніе дожди, которые въ это время года льютъ здѣсь почти безпрерывно, сильно испортили дорогу; подъемныя лошади и волы пришли въ такое изнуреніе, что начальникъ отряда принужденъ былъ остановить колонну на ночлегъ у аула Шапсуго-Яко, успѣвъ сдѣлать всего девять верстъ. На слѣдующій день, какъ только авангардъ выступилъ съ мѣста ночлега, онъ былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ изъ оврага, непосредственно примыкавшаго къ дорогѣ; высланныя двѣ роты Тенгинскаго и Кабардинскаго полковъ штыками прогнали непріятеля и сожгли аулъ Бьанъ-Хабль. И въ этотъ день отрядъ сдѣлалъ до аула Туркау-Хабль также не болѣе девяти верстъ, стоившія намъ убитымъ одного офицера и ранеными 3-хъ офицеровъ и 24-хъ рядовыхъ. Подобное медленное движеніе нужно объяснить крайне плохими дорогами

и частыми нападеніями непріятеля на боковыя цѣпи, которыя принуждены были дѣлать кружные обходы по лѣсистымъ горамъ.

12-го октября отрядъ продолжалъ движеніе вверхъ по р. Атакуафъ. Дорога все время подымалась въ гору; боковыя цѣпи изнемогали отъ усталости, приходилось прокладывать путь среди ряда заваловъ, сильно занятыхъ непріятелемъ, не имѣя при этомъ возможности на пересѣченной мѣстности пользоваться услугами артиллеріи, которая служила всегда лучшимъ средствомъ для отраженія дерзкихъ натисковъ горцевъ. За 4 пройденныя версты въ этотъ день мы отдали 9 человѣкъ убитыми и 49 ранеными. Уже совершенно смеркло, когда утомленный отрядъ раскинулъ обширный лагерь у подошвы живописной горы Гуйберъ, сплошь опоясанной густымъ лѣсомъ.

Слѣдующій день выдался не изъ обыкновенныхъ. Когда колонна по извилистой дорогѣ начала подыматься на вершину хребта, со всѣхъ сторонъ грянули выстрѣлы, почти слившіеся въ залпы. Послышалось громкое ура и правая стрѣлковая цѣпь, вмѣстѣ съ резервомъ, бросилась въ атаку на аулъ, скрытый до сихъ поръ отъ взоровъ въ густой чащѣ лѣса. Завязалась рукопашная схватка. По распоряженію Вельяминова два орудія быстро заняли позицію на площадкѣ горы и удачными выстрѣлами содѣйствовали атакѣ пѣхоты. Непріятель понесъ до того значительную потерю, что на арбахъ цѣлыми грудами увозилъ тѣла убитыхъ; но и у насъ убито было 10 и ранено 96 нижнихъ чиновъ.

Два слѣдующихъ дня было употреблено на обозрѣніе окрестности по ущелью рѣчки Шедогопсъ для избранія лучшаго направленія подъ колесную дорогу.

Во время одной изъ рекогносцировокъ, 14-го октября, передовая стрѣлковая цѣпь тенгинцевъ была встрѣчена сильнымъ залповымъ огнемъ шапсуговъ изъ устроеннаго ими завала. Подпоручикъ Найденовъ съ крикомъ ура бросился со стрѣлками впередъ и, изрубивъ собственноручно одного горца, овладѣлъ препятствіемъ, за что былъ награжденъ впослѣдствіи орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Въ этотъ же день при-

соединился къ отряду и 5-й баталіонъ тенгинцевъ, прибывшій изъ Геленджика съ вьючнымъ транспортомъ.

Съ 16-го числа, въ продолженіе двухъ дней, войска устраивали дорогу и только 21-го двинулись черезъ хребетъ Маркотхъ *) къ Геленджику, куда и прибыли 23-го октября.

Урокъ, данный шапсугамъ, нѣсколько охладилъ ихъ пылъ и послѣдніе 9 дней они почти не тревожили отрядъ, ограничиваясь самою незначительною перестрѣлкою.

Оставивъ въ Геленджикѣ всѣхъ раненыхъ и запасшись достаточнымъ количествомъ провіанта, генералъ Вельяминовъ 27-го октября двинулся въ обратный путь черезъ гору Нако, которая высоко подымается надъ глубокимъ и дикимъ ущельемъ, на днѣ котораго съ шумомъ пѣнится рѣка. Отрядъ тянулся по узкой тропинкѣ, вьющейся надъ краемъ пропасти. Безпрестанно изъ подъ ногъ вырывались камни, которые съ шумомъ скатывались въ пропасть, увлекая на своемъ пути массу щебня. 1-го ноября у сліянія двухъ горныхъ рѣчекъ Сгабеди и Атакуафъ шапсуги въ значительномъ числѣ преградили путь слѣдованія отряда, но высланныя двѣ роты нашего пятаго резервнаго баталіона заставили обратиться непріятеля въ бѣгство. На слѣдующій день войска прибыли въ Абинское укрѣпленіе; оставивъ здѣсь въ гарнизонѣ на всю зиму 3-й баталіонъ Тенгинскаго полка, мастеровыхъ отъ саперной роты и команду черноморскихъ казаковъ, Вельяминовъ распустилъ остальныя войска на зимнія квартиры. На этомъ и окончилась экспедиція 1834 года **).

---

*) Маркотхъ—самая низкая часть главнаго Кавказскаго хребта, проходящая почти параллельно берегу Чернаго моря отъ Анапы до Кабардинки.

**) За экспедицію 1834 года къ Геленджику наши баталіоны получили 24 знака отличія военнаго ордена. Командиръ полка полковникъ Кашутинъ—орденъ св. Владиміра 3-й степени. Баталіонные командиры маіоры: Чаплыгинъ и Пащенко и подпоручикъ Найденовъ—св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Баталіонный командиръ подполковникъ Вилентій—св. Анны 2-й ст. Подпоручики: Мякининъ, Лукьянчиковъ, Назаровъ, Корецкій 2-й, Протопоповъ; прапорщикъ Кузьминскій и капитанъ Хлюпинъ—слѣдующіе чины. Капитаны: Врубель и Волынскій; штабсъ-капитаны: Беренгорштъ, Гриневичъ, Соболевскій 2-й, Волошиновъ, поручикъ Горбъ—ордена св. Анны 3-й ст. съ бантомъ. Поручикъ Корецкій 1-й—св. Станислава 4-й ст. Поручики: Рыковъ 3-й, Попандопуло—св. Анны 4-й ст. съ надписью за храбрость. Портупей-прапорщики: Лукьянчиковъ, Ѳедоровскій, Лабудзе, Росляковъ; подпрапорщики: Лазаренко, Бобровскій 1-й, Бобровскій 2-й, Напаръ, Карманаліевъ; унтеръ-офицеры: Вельяминовъ, Каракашевъ, Нефедьевъ, Кудрявцевъ, Пѣтуховъ, Росляковъ и Городенскій произведены въ прапорщики; трое рядовыхъ переименованы въ унтеръ-офицеры. Архивъ шг. кав. воен. окр., дѣло № 103, особ. отдѣл. за 1825 г. ч. I и II.

Въ виду того, что съ будущаго года тенгинцамъ предстояло постоянно входить въ составъ отряда, дѣйствовавшаго на восточномъ берегу Чернаго моря, штабъ-квартира полка была перенесена въ станицу Ивановскую; 1-й баталіонъ расположенъ былъ въ Темрюкѣ и станицахъ Титоровской и Стебліевской; 2-й—въ ст. Петровской и Старожилеевской; 4-й—въ ст. Ивановской и Полтавской; 5-й—въ крѣпости Кавказской; 3-й баталіонъ оставался по прежнему гарнизономъ Абинскаго укрѣпленія.

Новая штабъ-квартира тенгинцевъ ст. Ивановская, какъ и всѣ станицы на Кавказѣ, окружена была высокимъ плетнемъ съ небольшимъ рвомъ впереди. Противъ главныхъ воротъ стояла огромныхъ размѣровъ чугунная пушка, всегда заряженная. Каменныхъ построекъ почти не существовало, а офицеры и нижніе чины размѣщались по землянкамъ, которыя отчасти напоминали бывшія нѣкогда на кубанской линіи, только по размѣрамъ превосходили ихъ; весною и осенью по улицамъ стояла такая невылазная грязь, что сообщеніе совершенно прекращалось или же производилось не иначе, какъ на лодкахъ. «Даже верхомъ, говоритъ современникъ, опасно было ѣхать, не рискуя лишиться жизни или же потерять лошадь въ грязи. Вслѣдствіе постоянныхъ разливовъ рѣки Кубани, все Черноморіе окружено было обширными болотами, заросшими камышемъ, гдѣ ютились миріады комаровъ и мошекъ, служившихъ сущимъ наказаніемъ для всѣхъ обитателей» *).

Дорогъ въ то время почти не существовало; когда было сухо, ѣздили прямо цѣлиною, съ наступленіемъ же ненастной погоды всякое колесное движеніе прекращалось и роты, расположенныя внѣ ст. Ивановской, совершенно отрѣзывались отъ своей штабъ-квартиры.

Съ переходомъ полка въ Черноморію положеніе семейныхъ нижнихъ чиновъ значительно ухудшилось. За послѣдніе годы они поправили было свое хозяйство и зажили сносно, но передвиженіе полка привело ихъ въ полное разореніе: пришлось чуть ли не даромъ отдать свои дома и прочее недвижимое имущество,

*) Изъ записокъ декабриста Лорера. «Русскій архивъ» за 1874 г., кн. 2 и 9.

чтобы снова начать обзаводиться всѣмъ этимъ на новыхъ мѣстахъ. 44 семейства буквально обнищали и если не терпѣли голода, то только благодаря своевременной матеріальной помощи товарищей, которые рѣшили отчислить по 25 рублей изъ артельныхъ суммъ каждой роты въ пользу семейныхъ нижнихъ чиновъ. Офицеры тоже примкнули къ благому начинанію и вычетомъ изъ получаемаго содержанія собрали извѣстную сумму, въ общемъ составившую 455 рублей. Но этихъ денегъ хватило лишь на три мѣсяца; тогда солдаты постановили со дня выступленія ротъ въ походъ, когда отпускались мясная и винная порціи, отчислять ежемѣсячно извѣстное количество муки, пока не улучшится бѣдственное положеніе солдатокъ и ихъ дѣтей *).

Въ виду того, что полку предстояло принимать участіе въ зимнихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ горахъ, полковникъ Кашутинъ, по возвращеніи частей полка изъ экспедиціи, предписалъ ротнымъ командирамъ озаботиться пріобрѣтеніемъ полушубковъ и построить форменные наушники, которые кромѣ ушей прикрывали бы темя и затылокъ. Но этимъ приказаніемъ ротные командиры были поставлены въ затруднительное положеніе: свободныхъ средствъ въ ротахъ не имѣлось, пріобрѣсть же деньги на вольныхъ работахъ тоже не представлялось возможнымъ, такъ какъ въ Черноморіи не было спроса на рабочія руки.

Въ еще болѣе плачевномъ состояніи были нижніе чины изъ плѣнныхъ поляковъ и декабристовъ, которыхъ достаточно много было у насъ въ полку. Это были въ большинствѣ случаевъ люди очень бѣдные, безъ всякихъ постороннихъ средствъ. Послѣ первой же экспедиціи они возвратились совершенно безъ обуви съ ногами, обмотанными буркою и подвязанными лубками вмѣсто подошвъ **).

Чтобы нѣсколько помочь ротамъ, командиръ полка приказалъ выдать въ каждую изъ нихъ по сорока паръ сапогъ, въ счетъ отпуска будущаго года, и извѣстное количество полушубковъ,

*) Полковой архивъ. Входящія бумаги за 1834 годъ, дѣло №№ 466—680; исходящій журналъ, дѣло № 383.

**) Полковой архивъ. Входящія бумаги, дѣло № 681 за 1834 годъ.

разрѣшивъ въ тоже время, на случай зимняго похода, занимать недостающее количество полушубковъ въ тѣхъ ротахъ, которыя оставались на мѣстахъ.

Мѣра эта была весьма своевременна. Въ концѣ октября мѣсяца пришлось сборной ротѣ отъ Тенгинскаго полка, въ числѣ 164-хъ нижнихъ чиновъ, принять участіе въ набѣгѣ начальника кубанской линіи генерала Засса за Лабу къ аулу князя Айтека Канукова, гдѣ была уничтожена многочисленная партія шапсуговъ, намѣревавшаяся вторгнуться въ наши предѣлы. 6-го декабря та же сборная рота, въ составѣ небольшого отряда, снова выступила за рѣку Бѣлую къ аулу абадзехскаго старшины Али Харцызова. Это движеніе было открыто горцами и на защиту аула собралось много тысячъ шапсуговъ. Генералъ Зассъ, человѣкъ вообще замѣчательно храбрый, но благоразумно осторожный, рѣшилъ во избѣжаніе большихъ потерь отступить, ограничившись только угономъ 1500 барановъ и 100 головъ рогатаго скота. Въ перестрѣлкѣ съ горцами убито въ отрядѣ 5 и ранено 17 нижнихъ чиновъ.

Въ общемъ зима прошла для тенгинцевъ спокойно; происшествій никакихъ не случилось и только дуэль штабсъ-капитана Свягина съ маіоромъ Кабардинскаго полка Денисенко нѣсколько нарушила мирное теченіе жизни и нѣкоторое время служила темою пересудовъ. Ссора произошла во время кутежа и оба противника въ запальчивости нанесли саблями другъ другу довольно серьезныя раны. По конфирмаціи корпуснаго командира барона Розена «въ уваженіе отличной службы» этихъ офицеровъ приказано было посадить обоихъ на три мѣсяца на гауптвахту, занести штрафъ въ формулярные списки и производить въ слѣдующіе чины только за особыя отличія *).

Строевыхъ занятій въ 1834 и началѣ слѣдующаго года почти не производилось, по неимѣнію подходящаго для этого зданія. На просьбу Кашутина объ отводѣ особеннаго дома, «для обученія нижнихъ чиновъ и доведенія ихъ до совершеннаго познанія военной экзерциціи», наказный атаманъ черноморскаго вой-

*) Полковой архивъ; формулярные списки за 1835 годъ, дѣло № 693.

ска отвѣтилъ, «что невозможно отвести для сего обывательскіе дома безъ вытѣсненія хозяевъ, да у мѣстныхъ жителей ни у кого не было достаточно просторнаго дома», гдѣ бы можно было заняться ученіемъ. Поэтому въ ненастную погоду приходилось ограничиваться чтеніемъ нижнимъ чинамъ воинскихъ артикуловъ, собирая ихъ для этого по отдѣленіямъ въ землянкахъ, и только съ наступленіемъ сильныхъ морозовъ выводить ихъ на дворъ на строевыя занятія. Подъ полковую канцелярію съ трудомъ удалось найти турлучный домъ изъ 4-хъ небольшихъ комнатъ. Тѣснота здѣсь была необыкновенная и буквально повернуться было негдѣ; помимо должностныхъ лицъ и писарей, согласно предписанія начальника дивизіи, занимались здѣсь еще 15 человѣкъ подпрапорщиковъ, юнкеровъ и унтеръ-офицеровъ, выслужившихъ установленный срокъ на производство въ офицеры *).

Весьма интересна степень тогдашнихъ требованій отъ офицеровъ. Въ опредѣленное время самъ командиръ полка, составляя въ одномъ лицѣ всю экзаменаціонную коммиссію, производилъ испытаніе и представлялъ къ производству въ офицеры тѣхъ, «которые выслужили узаконенное число лѣтъ и дѣйствительно способны были исполнять офицерскія должности и теперь уже обращали на себя вниманіе своимъ безупречнымъ поведеніемъ и умѣніемъ ясно излагать на бумагѣ свои мысли».

При испытаніи знаній въ грамотѣ и фронтовой службы нижнихъ чиновъ, представляемыхъ къ производству въ офицеры, начальники отдѣльныхъ частей должны были руководиться слѣдующей программой:

Знаніе грамоты.

Чтеніе. Производящій испытаніе предлагаетъ экзаменующемуся печатную книгу и потомъ четкою рукою написанную рукопись, и если держащій испытаніе можетъ читать оную понятно и безъ замедленія, то почтется въ чтеніи твердымъ.

Чистописаніе. Экзаменующій приказываетъ держащему испытаніе въ присутствіи своемъ переписать около страницы изъ книги или рукописи, и если онъ напишетъ сіе четкимъ и твердымъ почеркомъ, то можетъ почесться въ чистописаніи достаточно искуснымъ.

*) Полковой архивъ; входящія бумаги, дѣло № 698.

Письмоводство. Для узнанія сего экзаменующій предлагаетъ держащему испытаніе нѣкоторыя мысли о какомъ либо происшествіи или какой потребности, войску встрѣтиться могущей, и приказываетъ составить изъ оныхъ рапортъ, отношеніе или другую дѣловую бумагу. Если экзаменующійся изложитъ свои мысли ясно и правильно, то можетъ почесться въ письмоводствѣ достаточно знающимъ.

При такихъ незначительныхъ требованіяхъ, конечно, уровень образованія офицеровъ былъ невысокъ. Не удивительно поэтому, что изъ кавказскаго корпуса въ 1834 году не явилось желающихъ поступить въ академію генеральнаго штаба. По этому поводу полковникъ Кашутинъ доносилъ начальнику дивизіи: «избрать офицера, который могъ бы поступить въ военную академію, выдержавъ испытаніе, я не могу, потому что изъ всѣхъ офицеровъ Тенгинскаго полка нѣтъ никакого знающаго настолько французскій языкъ, чтобы на экзаменѣ могъ представить сочиненіе на этомъ языкѣ. При чемъ присовокупляю, что хотя и есть офицеры, которые желаютъ посвятить себя изученію высшей военной науки, но по недостатку свѣдѣній, нужныхъ для экзамена, назначены быть не могутъ» *). Сравнить несложныя требованія тѣхъ временъ съ нынѣшними!

28-го января 1835 года 1-й и 2-й баталіоны нашего полка, въ составѣ отряда генералъ-лейтенанта Малиновскаго, выступили съ транспортомъ въ Абинское укрѣпленіе, гарнизонъ котораго сильно страдалъ отъ недостатка провіанта и особенно свѣжаго мяса, что вызвало даже появленіе цынги. Переправа черезъ аушецкія, тляхофишскія и пшецкія болота, хотя черезъ нихъ и были устроены гати, представила большія затрудненія: пѣхотѣ приходилось переходить въ бродъ по поясъ въ водѣ при 8° мороза. У рѣчки Кунипса г. Малиновскій принужденъ былъ пріостановить движеніе всего отряда и въ Абинское укрѣпленіе былъ посланъ только полковникъ Кашутинъ съ нашимъ первымъ баталіономъ, люди котораго были посажены на казачьихъ лошадей. Доставивъ съѣстные припасы въ укрѣпленіе и взявъ съ собою 19 человѣкъ больныхъ, Кашутинъ присоединился къ отря-

*) Полкой архивъ; исходящій журналъ за 1834 г., дѣло № 383.

ду, который вскорѣ возвратился на Кубань и былъ распущенъ по квартирамъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 2-й и 4-й баталіоны принимали участіе въ истребленіи шапсугскихъ и абадзехскихъ ауловъ вдоль по ущелью Дагой. Подстрекаемые турецкими агентами жители ихъ дали клятву въ непримиримой враждѣ къ русскимъ и рѣшили совокупными силами дѣйствовать противъ нашихъ войскъ. На многочисленномъ собраніи на р. Шебсъ рѣшено было послать старшинъ къ абадзехамъ и хамышейцамъ съ предложеніемъ примкнуть къ ихъ предпріятію.

Быстрымъ движеніемъ за Кубань генералъ Малиновскій внезапно появился передъ тремя непріятельскими аулами, расположенными въ ущельѣ р. Дагой. Высланные впередъ два баталіона тенгинцевъ со всею кавалеріею и двумя орудіями быстро овладѣли жилищами горцевъ и предали ихъ огню. Густой столбъ дыма и звуки выстрѣловъ указали горцамъ о мѣстонахожденіи отряда Малиновскаго и сюда со всѣхъ сторонъ начали стекаться конные и пѣшіе шапсуги. Началось трудное отступленіе по узкому дефиле, склоны котораго сплошь были заняты непріятелемъ. Послѣ пятичасового жаркаго боя войска наши только къ вечеру подошли къ Афибсскому укрѣпленію, потерявъ убитыми 10 человѣкъ нижнихъ чиновъ и ранеными 4-хъ офицеровъ и 53-хъ рядовыхъ. Самая большая потеря была въ тенгинскихъ баталіонахъ, въ которыхъ выбыло изъ строя 9 человѣкъ убитыми, ранеными два офицера и 44 нижнихъ чиновъ. Главнокомандующій баронъ Розенъ остался весьма недоволенъ этимъ безполезнымъ движеніемъ, стоившимъ столькихъ жертвъ, и обратилъ особенное вниманіе на большой расходъ патроновъ, которыхъ въ одномъ только баталіонѣ нашего полка въ 687 человѣкъ было выпущено 31 тысяча *).

Въ началѣ мая стали снова стягиваться войска къ Ольгинскому укрѣпленію. Въ 1835 году на правомъ флангѣ предстояло заняться дальнѣйшимъ устройствомъ геленджикской линіи, построй-

*) Архивъ шт. кавк. воен. окр., дѣло № 35, ч. I, по 2-му отдѣленію генеральнаго штаба за 1835 годъ.

кой ряда укрѣпленій на берегу Чернаго моря въ устьяхъ тѣхъ рѣчекъ, кула турецкія кочермы приставали для торговли съ горцами, улучшеніемъ сообщенія между Ольгинскимъ укрѣпленіемъ и Атакуафомъ и окончаніемъ Абинскаго укрѣпленія *).

Съ первыхъ чиселъ іюня изъ Ольгинскаго ежедневно высылались подъ прыкрытіемъ рабочіе для расширенія и поправки плотинъ, устроенныхъ еще въ прошломъ году. Въ теченіе 16-ти дней эти работы были закончены: проложены вездѣ проточныя трубы и вырубленъ лѣсъ по обѣ стороны дороги на разстояніе пушечнаго выстрѣла.

14-го іюля, послѣ напутственнаго молебствія, отрядъ Вельяминова, численностью въ 11357 человѣкъ пѣхоты и кавалеріи **), выступилъ со сборнаго пункта.

Во время слѣдованія войскъ въ пересѣченной мѣстности, какою представлялось все закубанское пространство, въ авангардъ обыкновенно назначался одинъ баталіонъ пѣхоты при двухъ орудіяхъ; за нимъ въ разстояніи ружейнаго выстрѣла двигалась главная колонна, имѣя въ серединѣ обозъ и остальную артиллерію; наконецъ, въ хвостѣ слѣдовалъ арьергардъ тоже изъ баталіона пѣхоты съ тѣмъ же числомъ орудій. Четыре густыя цѣпи стрѣлковъ—передняя, задняя и двѣ боковыхъ съ небольшими резервами—окружали со всѣхъ сторонъ отрядъ. Подобный способъ движенія солдаты весьма образно называли «водить колонну въ ящикѣ».

Шапсуги въ этомъ году видимо рѣшили оказать упорное сопротивленіе: повсюду были воздвигнуты завалы, а мѣстами на большомъ протяженіи выстроены деревянныя стѣны съ частыми бойницами.

Отрядъ подвигался впередъ крайне медленно; при колоннѣ слѣдовалъ громадный транспортъ въ три тысячи пароконныхъ фургоновъ, нагруженныхъ строительными матеріалами, и 50 верблюдовъ, навьюченныхъ кибитками и провизіею только для одно-

---

*) Архивъ шт. кавк. воен. окр., дѣло № 35, ч. I, по 2-му отдѣленію генер. шт. за 1835 годъ.

**) Въ 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ и 4-мъ баталіонахъ Тенгинскаго полка: 3 штабъ, 37 оберъ-офицеровъ и 2899 нижнихъ чиновъ.

го начальника отряда и его штаба. Для сокращенія длины походной колонны весь обозъ слѣдовалъ въ 32 повозки въ рядъ, при прохожденіи же черезъ плотины приходилось ихъ перестраивать по 4 повозки. То и дѣло раздавались сигналы «стой», и колонна выжидала, пока высланные въ сторону баталіоны пѣхоты не прогоняли непріятеля.

16-го іюля войска раскинули обширный лагерь около Абинскаго укрѣпленія. Цѣлый мѣсяцъ времени пришлось употребить на вырубку окружающихъ лѣсовъ, устройство помѣщеній для гарнизона и возвышеніе валовъ. Ближайшіе аулы были всѣ уничтожены. Непріятель пока ограничивался незначительною перестрѣлкою, и только 25-го іюля значительная конная партія произвела внезапное нападеніе на лагерь и уже прорвала было сторожевую цѣпь, но была вовремя опрокинута и отброшена съ большимъ урономъ ротою штабсъ-капитана Тенгинскаго полка Гриневича.

17-го августа отрядъ снялся съ бивака и вытянулся по направленію къ Геленджику. Когда войска вошли въ ущелье рѣки Атакуафъ, въ боковыхъ цѣпяхъ завязалась перестрѣлка; поддержкамъ безпрерывно приходилось бросаться въ штыки, чтобы не допустить горцевъ прорваться къ обозу. При прохожденіи мимо аула Научь-Хабль, колонна была встрѣчена настолько сильнымъ ружейнымъ огнемъ изъ лѣсистаго оврага, что пришлось выдвинуть на позицію два орудія и пустить въ атаку три роты тенгинцевъ; шапсуги не выдержали и отступили. Здѣсь у насъ былъ раненъ поручикъ Снаксаревъ и 6 нижнихъ чиновъ; убитъ одинъ рядовой.

21-го августа колонна достигла Атакуафа, гдѣ на слѣдующій день, при залпахъ изъ орудій, торжественно было заложено укрѣпленіе Николаевское. Закипѣла работа: вязали фашины, плели туры, заготовляли хворостъ, насыпали валы, отдѣльные отряды производили фуражировки, рубку лѣса и т. п.. Шапсуги были безсильны остановить эти работы и только мелкими нападеніями и безпрестанными перестрѣлками держали войска въ напряженномъ состояніи. Не проходило дня, чтобы рабочіе отряда

не возвращались съ однимъ или двумя убитыми и нѣсколькими ранеными. Особенно значительный уронъ наносили они колоннамъ, слѣдовавшимъ въ укр. Ольгинское и обратно съ продовольственными транспортами. Здѣсь нерѣдко происходили серьезныя схватки. 12-го октября, напримѣръ, два баталіона Тенгинскаго полка, съ 6-ю орудіями и частью полкового и артиллерійскаго обозовъ, выступили изъ Абина. Едва колонна отошла нѣсколько верстъ, какъ, по обыкновенію, окружена была со всѣхъ сторонъ горцами, число которыхъ съ каждою минутою все увеличивалось; перестрѣлка по мѣрѣ движенія впередъ все усиливалась и скоро слѣлалась общею. Ружейные и орудійные залпы встрѣчали толпы горцевъ, которые съ дикимъ гиканіемъ, отчаянно, словно въ безпамятствѣ, бросались въ рукопашную. Преодолѣвая препятствія на пути и отвоевывая каждый шагъ, колонна подвигалась медленно; когда же она пріостановилась для починки сломавшейся повозки, то непріятель ринулся всѣми силами на арьергардную цѣпь; тогда 6-я мушкетерская рота быстро повернулась на лѣво кругомъ, раздвинулась, чтобы дать возможность двумъ орудіямъ брызнуть въ непріятеля картечью, а затѣмъ взяла ружья на перевѣсъ и съ оглушительнымъ ура штыками встрѣтила атаку горцевъ. Непріятель былъ отбитъ съ громаднымъ урономъ, но все же продолжалъ свое назойливое преслѣдованіе до самаго лагеря. Въ этотъ день 6-я мушкетерская рота потеряла одного человѣка убитымъ и 23-хъ ранеными.

Все лѣто прошло въ работахъ. Наступила глубокая осень; полились нескончаемые дожди съ обычными холодами. Работы на время пришлось прекратить; горцы почти не тревожили лагерь и только по ночамъ пускали для своего развлеченія пули въ палатки офицеровъ, гдѣ свѣтился огонь и шла азартная картежная игра. Такъ какъ никакихъ улучшеній въ погодѣ не предвидѣлось, то пришлось прекратить военныя дѣйствія въ этомъ году и распустить войска по квартирамъ *).

*) За экспедицію 1835 года чинамъ нашего полка назначены были награды: въ 1-й, 2-й, 3-й и 4-й баталіоны розданы 32 георгіевскихъ креста, по два на роту. Кромѣ того два именныхъ—унтеръ-офицерамъ Митрофанову и Селиванову. Полковникъ Кашупинъ получилъ св. Станислава 2-й степени, подполковникъ Вилентій—золотую полусаблю съ надписью «за храбрость»;

По возвращеніи баталіоны начали готовиться къ экспедиціямъ будущаго года. Чинили обувь и одежду, исправляли ротный обозъ, набивали мѣшки сушеною рыбою, которую предварительно толкли въ громадныхъ каменныхъ ступкахъ. Въ приказѣ по полку предлагалось заготовить особаго рода консервъ изъ капусты и выражалось при этомъ слѣдующее мнѣніе: «капуста суть вѣрное средство для русскаго солдата. Къ счастью для человѣчества, узнали средство засушивать ее, что особенно выгодно при перевозкѣ оной, поэтому и надобно ею запасаться въ довольномъ количествѣ. Если кислую капусту приготовить съ сухимъ бульономъ и лукомъ, то получается настоящее солдатское кушанье, если же сюда прибавить немного перцу, то она будетъ составлять уже лакомство». Далѣе шло подробное наставленіе о способѣ сушки. Прежде всего нужно было выжать изъ капусты сокъ и, прибавивъ сюда пшеничной муки и соли, высыпать въ рѣшето и поставить все въ открытую и неслишкомъ жаркую печь; высушиваніе продолжалось три раза. Въ наставленіи предлагалось «наблюдать великую осторожность, чтобы капуста не пригорѣла и не сдѣлалась поташемъ, производящимъ боль въ животѣ» *). Къ сожалѣнію, осталось неизвѣстнымъ практичность этихъ заготовленій.

Строевыми занятіями по прежнему почти не занимались: не было времени и мѣста. «Къ цѣльной стрѣльбѣ—пишетъ въ своихъ запискахъ рядовой Федоровъ, одинъ изъ многихъ разжалованныхъ, бывшихъ въ нашемъ полку,—нижніе чины пріучались во время боевыхъ походовъ; въ остальныхъ военныхъ экзерциіяхъ не предстояло большой надобности, такъ какъ нашъ

маіоръ Шегановъ, штабсъ-капитаны Гриневичъ, Соболевскій и Корецкій—св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ; маіоръ Хлюпинъ—св. Станислава 3-й степени; поручики: Рыковъ, Бетаки, подпоручикъ Тютинъ, прапорщикъ Лукьянчиковъ—св. Станислава 4-й степени; капитанъ Дзвонкевичъ, поручики Масловичъ и Корзунъ—св. Анны 3-й степени съ бантомъ; прапорщики: Маньковскій и Садовскій—каждому по 600 руб. ассигнаціями; унтеръ-офицеру Бѣляеву—чинъ прапорщика; 7 рядовыхъ переименованы въ унтеръ-офицеры. Всѣмъ офицерамъ, находившимся въ походѣ за Кубань въ 1834—35 годахъ, Высочайше пожаловано было не въ зачетъ третное жалованье по внутренному положенію: штабъ-офицерамъ изъ оклада подполковниковъ, оберъ-офицерамъ изъ оклада поручиковъ. Нижнимъ чинамъ вмѣсто двухъ паръ сапогъ приказано было выдать каждому по 4 р. 90 коп. Полковой архивъ, дѣло № 687 за 1835 г.

*) Полковой архивъ за 1835 года, дѣло № 399.

непріятель не предпринималъ противу нашихъ войскъ никакихъ правильныхъ движеній, а дѣйствовалъ въ разсыпную изъ-за кустовъ, камышей, съ деревьевъ, овраговъ, ямъ и устраиваемыхъ имъ заваловъ—ночью, днемъ, во всякое время и почти всегда неожиданно» *).

При ротахъ, подъ наблюденіемъ ротныхъ командировъ и младшихъ офицеровъ собраны были школы, гдѣ обучали кантонистовъ «россійской грамотѣ»: сперва съ ними «вытверживали гражданскую азбуку, а потомъ уже переходили на часовникъ и заставляли списывать съ прописей» **). Ежемѣсячно ротные командиры при рапортѣ представляли въ полкъ образчики рукописей кантонистовъ «въ двойномъ числѣ» ***). Изъ солдатскихъ дѣтей образованъ былъ у насъ довольно большой хоръ пѣвчихъ, «съ которыми самъ полковникъ Кашутинъ завсегда упражняется, грубо голося», какъ выражался въ письмѣ къ своей невѣстѣ одинъ изъ нашихъ солдатиковъ ****). По достиженіи кантонистами совершеннолѣтняго возраста, если у родителей не было средствъ къ ихъ содержанію, они опредѣлялись на службу въ полкъ рядовыми.

Зимою тенгинцамъ не пришлось переходить за р. Кубань и всѣ части полка оставались въ мѣстахъ своего квартированія, только сборная рота 5-го резервнаго баталіона, въ составѣ одного офицера и 95-ти рядовыхъ, принимала участіе въ набѣгѣ генерала Засса на аулъ князя Дошкукова. 29-го октября аулъ былъ взятъ и уничтоженъ; въ добычу пѣхотѣ и казакамъ досталось все имущество. При обратномъ отступленіи штабсъ-капитанъ Тенгинскаго полка Венеровскій, исправлявшій должность главнаго пристава закубанскихъ народовъ, первый врубился со своими 200-ми покорныхъ закубанцевъ въ толпу непріятеля и стремительнымъ натискомъ произвелъ замѣшательство. Въ жаркой схваткѣ съ

*) Кавказскій Сборникъ, т. III.

**) Полковой архивъ. Рапортъ подпоручика Центоловича за № 179.

***) Вотъ образецъ прописи: «кто самаго себя хорошо познаетъ, тотъ самъ себѣ вѣрный судія, и не увеселяется людскими похвалами». «Аще кто хощетъ много знати, тому подобаетъ мало спати, по утру рано вставати, Бога на помощь призывати"... Полковой архивъ за 1835 г., дѣло № 698.

****) Письмо рядового Мировскаго къ своей невѣстѣ.

горцами онъ собственноручно ранилъ и взялъ въ плѣнъ извѣстнаго разбойника Саитова; не смотря на полученныя три тяжелыя раны пулями въ лѣвый бокъ, руку и правую ногу, Венеровскій продолжалъ удерживать позицію до окончанія боя; за это дѣло Венеровскій былъ награжденъ слѣдующимъ чиномъ.

Въ 1836 году военныя дѣйствія открылись сравнительно рано. Къ 14-му апрѣля всѣ войска, въ томъ числѣ и наши четыре баталіона, уже были собраны въ Ольгинскомъ укрѣпленіи. Предстояло докончить устройство геленджикской линіи, возвести на Дообѣ еще одно новое укрѣпленіе, улучшить дорогу между Анапою, Геленджикомъ, Абиномъ и Атакуафомъ, съ осени же приступить къ покоренію шапсуговъ и натухайцевъ. Но движеніе всего отряда за Кубань задержано было до 9-го мая, такъ какъ потребовалось около трехъ недѣль усиленнаго труда на устройство дорогъ и исправленіе плотинъ, покрытыхъ болѣе чѣмъ на аршинъ водою. Сильное таяніе снѣговъ въ этомъ году вызвало чрезмѣрное разлитіе рѣкъ, которыя съ окружающими болотами составили одно сплошное море.

9-го мая послѣ полуночи ударили «генералъ маршъ», черезъ часъ «по возамъ», служившій сигналомъ для запряжки обоза, и весь отрядъ въ извѣстномъ уже порядкѣ тронулся въ путь. 11-го числа, послѣ незначительной перестрѣлки, прибыли въ Абинъ. Здѣсь пришлось простоять нѣкоторое время, возвышая валы укрѣпленія, рубя строевой лѣсъ и исправляя дорогу между Абинскимъ и Николаевскимъ укрѣпленіями.

По прибытіи къ дѣйствующему отряду г.-л. Вельяминова, войска раздѣлены были на двѣ части. Одна поступила подъ начальство генералъ-маіора Штейбена и должна была окончить исправленіе Абинскаго укрѣпленія и разработку перевальной дороги черезъ хребетъ горъ; другая же, подъ личнымъ начальствомъ Вельяминова, 13-го іюня двинулась къ Суджукской бухтѣ. Въ составъ отряда генерала Штейбена вошли и четыре дѣйствующихъ баталіона нашего полка въ числѣ 6-ти штабъ-офицеровъ, 52-хъ оберъ-офицеровъ и 2720-ти нижнихъ чиновъ.

Работы у Абина и проложеніе дороги по богаевской доли-

нѣ закончились 30-го августа и отрядъ выступилъ къ ущелью Нако. За это время ничего примѣчательнаго не случилось: фуражировки, рубка лѣса, выемъ и насыпка земли, конвоированіе транспортовъ чередовались между собою и, по обыкновенію, сопровождались перестрѣлками, которыя выводили у насъ изъ строя отъ 2-хъ до 5-ти человѣкъ въ день.

Горцы пользовались каждою складкою мѣстности, чтобы устраивать засады, но мужество нашихъ войскъ всегда умѣряло ихъ пылъ. Съ особою похвалою начальникъ отряда отзывался о 2-мъ баталіонѣ тенгинцевъ, бывшемъ всегда въ авангардѣ, и о командирѣ его маіорѣ Хлюпинѣ, «отличавшимся примѣрнымъ мужествомъ и благоразумною распорядительностью».

По прибытіи въ ущелье Нако, войска немедленно приступили къ рубкѣ хвороста, заготовленію туровъ, фашинъ, кольевъ, необходимыхъ для отряда генерала Вельяминова, который занятъ былъ устройствомъ укрѣпленія на Дообѣ. Горцы сильно безпокоили войска и безпрестанно вступали въ рукопашную схватку, по ночамъ же стрѣляли по лагерю изъ фальконетовъ (большихъ ружей).

9-го сентября 2-му и 3-му баталіонамъ тенгинцевъ, подъ начальствомъ подполковника Быкова, пришлось выдержать жаркое дѣло, при слѣдованіи къ отряду Вельяминова съ транспортомъ строительныхъ матеріаловъ. Когда колонна поднялась на перевалъ хребта Нако и прошла укрытыя мѣста, партія горцевъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ, засѣвшая въ оврагѣ съ лѣвой стороны дороги, дала залпъ по арьергарду и затѣмъ бросилась въ шашки. Ударъ былъ настолько неожиданный, что горцамъ удалось срубить нѣсколько головъ и прорвать лѣвую цѣпь; резервъ и взводъ 7-й мушкетерской роты тенгинцевъ, подъ командою поручика Рыкова 2-го, быстро повернулись на лѣво кругомъ и залпами и штыками остановили успѣхъ непріятеля.

13-го сентября, по окончаніи Александрійскаго укрѣпленія, Вельяминовъ со всѣми войсками возвратился къ Ольгинскому. Послѣ кратковременнаго отдыха и пополненія запасовъ, отрядъ той же силы 24-го числа снова выступилъ для дѣйствія противъ

натухайцевъ. Въ первые два дня переходы дѣлались весьма незначительные; небольшія колонны въ одинъ или два баталіона, каждую ночь высылались для уничтоженія непріятельскихъ ауловъ. Благодаря внезапности появленія нашихъ войскъ и соблюдаемой ими величайшей тишины при движеніи, здѣсь дѣла обходились почти безъ перестрѣлокъ и горцы, занятые спасеніемъ своихъ семействъ и имуществъ, оказывали малое сопротивленіе; при вступленіи же отряда въ густо заселенную долину р. Адагума, дѣло приняло совершенно иной оборотъ. Жители вездѣ сами поджигали свое сѣно и на каждомъ шагу стремились задержать наступающіе отряды.

27-го сентября 2-му баталіону Тенгинскаго полка приказано было уничтожить аулъ, который лѣпился, подобно гнѣзду ласточекъ, почти на отвѣсной скалѣ. Съ трудомъ солдаты, осыпаемые градомъ пуль, вскарабкались, подсаживая другъ друга, на крутизну и съ громкимъ крикомъ ура разсыпались по саклямъ. Около часу продолжалась жаркая схватка, приходилось чуть ли не каждый плетень брать съ боя; но наконецъ аулъ былъ очищенъ отъ непріятеля и преданъ пламени. Особенное мужество въ этомъ дѣлѣ оказалъ унтеръ-офицеръ изъ вольноопредѣляющихся Демонтовичъ, который, не смотря на двѣ полученныя раны въ обѣ ноги, первый взошелъ на высоту.

На слѣдующій день, когда отрядъ вступилъ въ Баканское ущелье, непріятель усилилъ нападеніе и сталъ отчаянно бросаться не только на стрѣлковыя цѣпи, но и на резервы, къ которымъ отходили стрѣлки. Раскаты залповъ, гулъ выстрѣловъ артиллеріи и дикое гиканіе горцевъ не прекращались въ продолженіи цѣлаго дня; потери съ обѣихъ сторонъ были довольно значительны. Сильно пострадала лѣвая боковая цѣпь тенгинцевъ, которая при прохожденіи около горы Гашикъ, была обдана градомъ пуль съ вершины; прикомандированный къ нашему полку лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка подпоручикъ Батюшковъ палъ смертельно раненый въ грудь. Люди остановились, но въ эту минуту раздался громкій голосъ унтеръ-офицера нашего полка Величко: «ребята, слушать мою команду!—Ура!»—и мигомъ тенгинцы взле-

тѣли на вершину горы и жестоко расплатились за смерть своихъ товарищей. До самаго окончанія боя унтеръ-офицеръ Величко управлялъ стрѣлками, сохраняя между ними образцовый порядокъ *).

Отрядъ Вельяминова достигъ Анапы 4-го октября и, послѣ сдачи въ госпиталь всѣхъ больныхъ и раненыхъ, войска выступили къ Кубани черезъ Гастагай.

При обратномъ слѣдованіи, во время уничтоженія 7-го октября непріятельскихъ ауловъ въ ущельѣ р. Копессъ, былъ убитъ Тенгинскаго полка подпоручикъ Глинистовъ. Гробъ покойнаго, сколоченный изъ простыхъ досокъ и окрашенный въ черную краску, былъ поставленъ на соединенные ходы отъ двухъ патронныхъ ящиковъ и отправленъ съ 1-мъ баталіономъ въ Анапу, гдѣ и преданъ былъ землѣ на городскомъ кладбищѣ.

11-го октября войска перешли къ Цемесу или Суджукъ-Кале, уничтоживъ на пути аулы, запасы хлѣба и сѣна. Жители, подстрекаемые турецкими агентами, скитавшимися по селеніямъ, не изъявляли покорности и продолжали оказывать упорное сопротивленіе, напрягая послѣднія силы, въ надеждѣ на скорую помощь извнѣ. 26-го октября явилась даже депутація къ начальнику отряда съ просьбою пріостановить военныя дѣйствія, въ виду якобы полученныхъ писемъ отъ турецкаго султана «о производствѣ Натухая въ особое королевство». Въ такое заблужденіе вводили невѣжественное населеніе недоброжелатели Россіи **)!

Генералъ Вельяминовъ, чтобы сломить упорное сопротивленіе горцевъ, намѣревался окончательно разорить край, но тревожныя извѣстія о появленіи чумы среди натухайцевъ заставили его въ началѣ ноября поспѣшить возвращеніемъ на Кубань.

Въ донесеніи о только что оконченной экспедиціи генералъ Вельяминовъ говорилъ: «въ прошедшемъ году шапсуги и натухайцы слабо противились нашимъ дѣйствіямъ; напротивъ того, въ нынѣшнемъ они снова составляли скопища и дѣлали довольно значительныя нападенія на транспорты наши. Письма извѣст-

---

*) Архивъ окружнаго штаба, дѣло № 83, ч. I и II, по особому отдѣленію за 1837 годъ.
**) Зиссерманъ—исторія 80-го пѣх. Кабардинскаго полка, т. II, стр. 55.

наго Сеферъ-бея причиною этихъ новыхъ волненій; онъ увѣряетъ закубанцевъ, что египетскій паша, султанъ турецкій, англичане и французы пришлютъ имъ войска на помощь, чѣмъ и возбуждалъ сопротивленіе населенія». Отзываясь вообще съ похвалою о всѣхъ войскахъ, принимавшихъ участіе въ походахъ за Кубань, начальникъ отряда о тенгинцахъ выразился такъ: «хотя всѣ воинскіе чины соревновали между собою въ неустрашимости и усердіи, но долгомъ считаю засвидѣтельствовать предъ высшимъ начальствомъ объ отличной храбрости и примѣрной ревности командира Тенгинскаго полка и всѣхъ его подчиненныхъ» *).

Не бездѣйствовали и роты нашего 5-го резервнаго баталіона, расположенныя въ крѣпостяхъ Усть-Лабинской, Кавказской и станицѣ Темижбекской; онѣ тоже время отъ времени принимали участіе въ знаменитыхъ набѣгахъ Засса на закубанскіе аулы.

Имя этого легендарнаго генерала съ ужасомъ всегда произносилось въ горахъ. Онъ былъ грозою какъ непокорныхъ, такъ и мирныхъ черкесовъ и внушилъ имъ такой страхъ къ себѣ, что горцы считали его шайтаномъ, который зналъ заговоръ отъ пули. Мѣстопребываніе Засса, кр. Прочноокопская, повергало въ ужасъ не только закубанцевъ, но и всѣхъ проѣзжающихъ. Она окружена была высокимъ валомъ съ частоколомъ по гребню, на которомъ во многихъ мѣстахъ торчали головы черкесовъ. Ежедневно къ Зассу являлись какія-то таинственныя личности съ замотанными башлыкомъ головами; о чемъ онѣ бесѣдовали съ генераломъ, было покрыто мракомъ неизвѣстности. Часто во время шумной пирушки начальникъ кубанской линіи вставалъ изъ-за стола и черезъ полчаса былъ уже далеко за Кубанью **).

Обыкновенно генералъ Зассъ сажалъ пѣхоту въ одной боевой амуниціи на лошадей казаковъ и, образовавъ такимъ образомъ конную пѣхоту, быстро проходилъ громадныя простран-

*) Архивъ шт. кавк. воен. окр., дѣло № 44, по 2-му отдѣленію генеральнаго штаба за 1836 годъ.

**) Воспоминанія гвардейскаго офицера М. Ц-ръ, прикомандированнаго къ Тенгинскому полку. Русс. Вѣст. 1888 года т. IX.

ства и сжигалъ аулы, иногда отстоящіе на 60 верстъ. Такъ, 25-го января 1836 года Зассъ выступилъ для наказанія абадзеховъ за разграбленіе Боргустанской станицы; въ составъ отряда входила одна рота 5-го резервнаго баталіона въ числѣ 6-ти офицеровъ и 318-ти нижнихъ чиновъ. Не смотря на глубокіе снѣга, болота, крутые спуски и подъемы, сильно затруднявшіе движеніе, аулы были уничтожены, но большинство жителей успѣло заблаговременно спастись бѣгствомъ, хотя были приняты всѣ мѣры къ самому скрытному движенію. При обратномъ слѣдованіи отряда, ему пришлось выдержать въ продолженіи семи часовъ натискъ нѣсколькихъ тысячъ абадзеховъ, съ необычайной яростью бросавшихся на стрѣлковъ.

27-го февраля, та же рота, въ числѣ другихъ войскъ, выступила для наказанія бѣглыхъ кабардинцевъ. Вслѣдствіе сильнаго разлива рѣкъ пѣхотѣ приходилось нѣсколько разъ, при четырехградусномъ морозѣ, вплавь переправляться черезъ воду. Аулы были сожжены. При обратномъ движеніи отрядъ штыками прологалъ себѣ путь черезъ толпы озлобленныхъ горцевъ; особенно сильно они насѣдали, когда переправляли артиллерію черезъ горные ручьи *).

Въ 1837 году отряду, подъ начальствомъ Вельяминова, предназначено было соорудить два или три прибрежныхъ укрѣпленія къ югу отъ Геленджика и потомъ снова приступить къ дѣйствію противъ натухайцевъ.

Мысль объ учрежденіи береговыхъ укрѣпленій, связанныхъ между собою сухопутно, принадлежала Императору Николаю Павловичу. Этимъ путемъ предполагалось прекратить всякія сношенія горцевъ съ турками, отъ которыхъ получали они порохъ, свин-

*) Въ 1836 году пожалованы были полку слѣдующіе награды: полковникъ Кашутинъ—золотую табакерку съ изображеніемъ имени Государя и 3 т. руб.; подпол. Быковъ—орденъ св. Владимира 4-й степ. съ бантомъ; маіоръ Хлюпинъ—орденъ св. Анны 2-й степени; поручикъ Гриневичъ, подпор. Станаевъ и Баженовъ, прапорщики: Шуклинъ, Наумовъ, Чевелевъ, Голынскій—св. Анны 4-й ст. съ надписью «за храбрость». Шт.-кап.: Соболевскій и Гриневичъ—по 800 руб., а поручикамъ: Корзуну и Корецкому 1-му—по 700 руб. единовременно каждому; капитанамъ: Волынскому, Дзвонкевичу, шт.-кап. Роговскому, Курскому и Масловичу, поручик.: Рыкову 3-му, Весиовскому и подпоручику Праслову объявлено Монаршее благоволеніе; подпрапорщики: Борисовъ и Лазаренко, унтеръ-офицеры Носовъ и Бетаки произведены въ прапорщики; нижнимъ чинамъ роздано 39 георгіевскихъ крестовъ. Арх. кавк. воен. окр. Дѣло № 83, ч. I и II за 1837 г.

нецъ, соль и разныя мануфактурныя произведенія, взамѣнъ женщинъ и мальчиковъ, увлеченныхъ ими въ плѣнъ изъ Грузіи и при нападеніяхъ на станицы казаковъ. Для пресѣченія этой торговли невольниками еще въ 30-хъ годахъ учреждено было крейсерство судовъ по Черному морю и объявлена блокада всего черкесскаго берега. Но эта мѣра оказалась недостаточной. Въ черноморскомъ флотѣ не было тогда еще пароходовъ, наши же парусныя, килевыя суда всегда держались въ извѣстномъ разстояніи отъ берега, а во время сильнаго волненія и совсѣмъ уходили въ море, чтобы не подвергнуться печальной участи быть выброшенными на берегъ. Этимъ обстоятельствомъ пользовались турки и на своихъ плоскодонныхъ кочермахъ, слѣдуя вдоль берега, приставали въ любомъ мѣстѣ, входили даже въ русла и подымались вверхъ по рѣкамъ, впадавшимъ въ Черное море. Такимъ образомъ, блокада не достигала своей цѣли и рѣшено было поэтому занять весь берегъ рядомъ укрѣпленій и тѣмъ сразу отрѣзать всю черкесію отъ внѣшняго міра. Это былъ грандіозный планъ, но при выполненіи его было многое упущено и послѣдующія событія доказали, что этимъ способомъ мы тоже не достигли положительныхъ результатовъ: горцы продолжали сноситься съ нашими врагами и, нѣсколько лѣтъ спустя, пришлось даже упразднить самую черноморскую береговую линію.

19-го апрѣля 1837 года четыре дѣйствующихъ баталіона нашего полка *), прибыли на сборный пунктъ къ Ольгинскому укрѣпленію.

«Съ нетерпѣніемъ ждали мы похода за Кубань,—говоритъ одинъ изъ современниковъ,—21-го апрѣля, на третій день Пасхи, послѣ молебна, выступили въ путь. Я помню тѣ минуты благоговѣнія, когда священникъ благословлялъ насъ, окроплялъ святою водою; когда пѣніе святыхъ гимновъ разносилось торжественно по воздуху, и солнце такъ радостно сіяло и орлы такъ высоко вились надъ нами! Помню, какъ на черныхъ лицахъ кавказскихъ воиновъ, закаленныхъ и солнцемъ востока и огнемъ бивуаковъ, отражалось полное умиленіе христіанина и торже-

*) Въ строю находились 6 штабъ-офицеровъ, 53 оберъ-офицера и 4300 нижнихъ чиновъ.

ственное спокойствіе воина, идущаго на битву! Къ вечеру того же дня мы переправились черезъ Кубань по мосту изъ плашкоутовъ, обороняемому нашимъ Ольгинскимъ укрѣпленіемъ; тамъ, на другомъ берегу, расположились мы лагеремъ, куда скоро собрался и весь отрядъ, назначенный для экспедиціи. Этотъ отрядъ былъ невеликъ: три регулярныхъ полка пѣхоты и, помнится, полковъ шесть пѣшихъ черноморскихъ казаковъ, 16 орудій легкой артиллеріи, 8 горныхъ единороговъ и столько же малыхъ кегорновыхъ мортирокъ; такъ что весь отрядъ простирался тысячъ до девяти. Изъ кавалеріи только была сотня линейныхъ казаковъ, составлявшихъ охранную стражу начальника нашего генералъ-лейтенанта Вельяминова.

«До 9-го мая отрядъ стоялъ лагеремъ, занимаясь ученіями и изрѣдка конвоируя транспорты съѣстныхъ припасовъ, отправляемыхъ въ наши два укрѣпленія, Абинское и Николаевское, построенныя въ горахъ,—первое въ 25-ти, а второе верстахъ въ 40-ка отъ Кубани. Наконецъ 9-го мая, въ шесть часовъ утра, выступили въ экспедицію; множество семействъ провожало насъ: женщины и дѣти плакали, благословляли мужей своихъ, отцовъ, братьевъ; благословляли ихъ образами, святою водою, молитвами и горькими слезами! Конечно многіе изъ нихъ предчувствовали, что это было послѣднее прощаніе ихъ, послѣднія объятія!... Мы не имѣли съ собою повозокъ, кромѣ транспортныхъ, назначенныхъ остаться въ Геленджикѣ, мимо котораго должны были проходить; всѣ же наши припасы помѣщались на вьюкахъ, собраніе которыхъ представляло забавное зрѣлище: навьюченныя лошади съ привязанными на нихъ крикливыми курами и пѣтухами, огромные верблюды какъ будто съ цѣлыми домами на спинахъ, наконецъ, даже смирныя коровы съ вьюками, достояніемъ солдатъ и денщиковъ, потомъ стада разнаго скота для продовольствія отряда, и все это перемѣшивалось, шумѣло, мычало, разбѣгалось въ стороны, словомъ,—безпорядокъ былъ ужасный, пока все не устроилось по правиламъ военной дисциплины» *).

*) Н. М. «Воспоминаніе о Кавказѣ 1837 года». Библіотека для чтенія 1847 г. стр. 51.

О движеніи нашемъ за Кубань горцы знали уже, поэтому успѣли собраться въ значительномъ количествѣ. Первый день обошелся безъ перестрѣлокъ, но зато слѣдующій стоилъ намъ большихъ потерь. Когда войска изъ урочища Ошхатахъ вступили въ Чумбайскій лѣсъ, въ лѣвой цѣпи, гдѣ находился 4-й баталіонъ Тенгинскаго полка, началась сильная пальба. На усиленіе стрѣлковъ полковникъ Кашутинъ направилъ бѣглымъ шагомъ 4-ю и 5-ю мушкетерскія роты, а самъ, подскакавъ на лошади къ цѣпи, выхватилъ шашку и скомандовалъ: «стрѣлки, впередъ, за мной! васъ поддержатъ!», и съ этими словами врубился въ толпу горцевъ. Черезъ минуту храбрый полковникъ, пораженный пулею въ бокъ, свалился съ лошади, зажимая рукою рану. Шапсуги мгновенно бросились къ раненому съ намѣреніемъ захватить его въ плѣнъ, но 4-я мушкетерская рота, подъ командою поручика Рыкова, штыками отбросила горцевъ, старшій же горнистъ Коростинъ вынесъ въ это время на своихъ плечахъ дорогую ношу. Во время слѣдованія черезъ лѣсъ бой не умолкалъ ни на минуту и временами усиливался то въ лѣвой стрѣлковой цѣпи, то въ правой. Наибольшія потери понесла 4-я мушкетерская рота, лишившаяся 23-хъ человѣкъ ранеными. Кромѣ того, когда она приблизилась къ опушкѣ лѣса и уже готовилась занять ее, раздался среди общаго затишья одинокій выстрѣлъ, которымъ смертельно раненъ былъ въ грудь командиръ роты поручикъ Рыковъ. Черезъ нѣсколько времени онъ скончался на рукахъ своего роднаго брата.

Въ продолженіи девяти слѣдующихъ дней войска почти не выходили изъ огня; только 15-го мая прибыли въ Геленджикъ, потерявъ за это время убитыми и ранеными, въ общей сложности, девять офицеровъ и 99 нижнихъ чиновъ. Теперь предполагалось занять подъ укрѣпленіе новый пунктъ у устьевъ р. Пшадъ. Производя рекогносцировку дороги по направленію къ урочищу Вардовье, Вельяминовъ опредѣлилъ полную невозможность слѣдованія по песчаному берегу моря съ громаднымъ обозомъ и артиллеріею, поэтому всѣ повозки и орудія оставлены были въ Геленджикѣ для перевозки ихъ моремъ къ мѣсту, гдѣ

предполагалось поставить укрѣпленіе. Послѣ предварительной разработки дорогіи весь отрядъ 23-го числа выступилъ въ дальнѣйшій путь.

Горцы, равнодушные зрители вначалѣ, скоро стали тревожить войска внезапными нападеніями изъ засадъ. Произведя одинъ, два ружейныхъ залпа, они сомкнутою массою съ шашками наголо бросались на цѣпи стрѣлковъ, съ усиліемъ взбиравшихся на горы. Жестоко утомленные зноемъ и безпрерывными стычками, войска достигли наконецъ высокаго отрога Вардовье, гдѣ и заночевали.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня небольшой отрядъ полковника Бриммера выдвинутъ былъ впередъ для разработки дороги; остальныя войска только въ 8 час. утра тронулись въ путь. Горцы оказывали упорное сопротивленіе, защищая множество ауловъ, разсѣянныхъ по боковымъ долинамъ. Одна изъ самыхъ крутыхъ горъ Пшадскаго ущелья сильно была занята шапсугами, причинявшими намъ значительныя потери своимъ мѣткимъ огнемъ. Баталіонъ навагинцевъ, имѣя во главѣ своего храбраго командира полка полковника Полтинина, бросился смѣло на штурмъ и выбилъ горцевъ изъ занимаемой позиціи. Въ воспоминаніе объ этомъ лихомъ дѣлѣ гора была названа «Навагинскою».

Переваливъ черезъ хребетъ, войска въ 5 час. вечера спустились въ долину р. Пшады, гдѣ разбитъ былъ обширный лагерь въ нѣсколько стройныхъ рядовъ палатокъ. Чтобы предохранить себя отъ нападеній черкесовъ, окружающія горы были заняты небольшими отрядами. На слѣдующій день, 6-го іюня въ день св. Троицы, послѣ расчистки мѣстности и заготовленія необходимаго матеріала, было торжественно заложено укр. Новотроицкое.

Въ среднихъ числахъ іюня получено было извѣстіе, что къ устью рѣки Шапсухо пристало два контрабандныхъ турецкихъ судна, нагруженныхъ боевыми припасами. Для поимки ихъ тотчасъ же былъ посаженъ 3-й баталіонъ Тенгинскаго полка *) на пароходы «Язонъ» и «Меркурій». По прибытіи 14-го іюня

*) Составъ—3 штабъ-офицера, 12 оберъ-офицеровъ и 425 нижнихъ чиновъ.

къ устью р. Шапсухо, капитанъ перваго ранга Серебряковъ поставилъ суда въ «позиціи» и сталъ выжидать разсвѣта, чтобы начать высадку войскъ на берегъ. Горцы, угадавъ наше намѣреніе, сильно заняли опушку лѣса по обѣ стороны долины; часть же изъ нихъ стала налегкахъ подыматься вверхъ по теченію рѣки, гдѣ стояли турецкія суда. Въ $4^1/_2$ час. утра, едва только забрезжилъ свѣтъ, роты пересѣли на маленькія лодки и, перекрестившись, тронулись въ путь подъ громъ орудій морской артиллеріи. Губительный непріятельскій огонь не остановилъ смѣльчаковъ; съ крикомъ ура бросились наши роты въ штыки и послѣ ожесточеннаго рукопашнаго боя овладѣли опушкою лѣса. Сдѣлавъ осмотръ мѣстности, Серебряковъ направилъ по правому берегу рѣки маіора Львова съ 3-ю гренадерскою и 7-ю мушкетерскою ротами; по лѣвому же были двинуты 8-я и 9-я роты, подъ начальствомъ маіора Хлюпина. Лѣвый нашъ флангъ, слѣдуя по крутой возвышенности наткнулся на цѣлый рядъ засѣкъ, сильно занятыхъ горцами. Маіоръ Львовъ, выбивъ непріятеля изъ первой засады, принужденъ былъ за полученною раною передать начальство капитану Дзвонкевичу, которому въ свою очередь удалось вытѣснить непріятеля изъ двухъ слѣдующихъ засѣкъ, но затѣмъ тяжелая рана въ ногу заставила и его покинуть строй. Видя большія потери въ ротахъ, дѣйствовавшихъ на лѣвомъ флангѣ, начальникъ отряда направилъ сюда часть 8-й мушкетерской роты и поручилъ общее начальство капитану генеральнаго штаба князю Долгорукову. Тенгинцы, собравъ послѣднія силы, бросились еще на одинъ завалъ и послѣ получасовой отчаянной рукопашной схватки овладѣли имъ; при этомъ былъ раненъ капитанъ Долгорукій и убитъ лейбъ-гвардіи Конаго полка корнетъ князь Долгорукій. Въ тоже самое время войска, дѣйствовавшія на правомъ берегу рѣки, овладѣли контрабандными судами и предали ихъ огню, послѣ чего начали отступленіе, подъ сильнымъ давленіемъ непріятеля. Отрядъ уже достигъ моря, но стрѣлки, стоя по поясъ въ водѣ, продолжали отстрѣливаться, пока не подъѣхали десантныя лодки и не перевезли ихъ на пароходъ.

Генералъ Вельяминовъ, по возвращеніи бригады, встрѣтилъ 3-й баталіонъ и въ горячихъ выраженіяхъ благодарилъ за лихое дѣло. Въ тотъ же день онъ доносилъ барону Розену: «Въ этомъ сраженіи, продолжавшемся около шести часовъ, всѣ войска дѣйствовали съ отличнымъ мужествомъ, имѣя противъ себя непріятеля, несравненно превосходнаго въ силахъ. 3-я же гренадерская и 7-я мушкетерская роты, не смотря на то, что почти въ началѣ дѣла у нихъ ранены были всѣ старшіе офицеры, безъ малѣйшаго разстройства выбили непріятеля изъ четырехъ рядовъ засѣкъ и овладѣли горою. Особенно отличались баталіонные командиры маіоръ Хлюпинъ, маіоръ Львовъ, капитанъ Дзвонкевичъ и штабсъ-капитанъ Масловичъ» *). Потеря въ нашемъ баталіонѣ была велика: убито 6 нижнихъ чиновъ и ранено 5 офицеровъ и 38 рядовыхъ.

Тѣснымъ кругомъ сплотились тенгинцы вокругъ погибшихъ товарищей, чтобы сказать имъ послѣднее прости и поблагодарить за доблестную службу. У опушки рощи, подходившей къ самому морю, вырыта была братская могила, въ которую, при залпѣ изъ орудій и трескотнѣ ружей, опущены были тѣла убитыхъ **).

Работы по возведенію Новотроицкаго укрѣпленія успѣшно подвигались впередъ; почти черезъ день войска ходили за фуражемъ, такъ какъ привозимаго изъ Тамани прессованнаго сѣна далеко не хватало для продовольствія 2-хъ тысячъ лошадей, находившихся при отрядѣ. Горцы всегда знали о днѣ выступленія на фуражировки, поэтому ни одно движеніе не обходилось безъ упорной драки, стоившей намъ каждый разъ нѣсколькихъ человѣкъ убитыми и ранеными.

Къ 10-му іюня работы почти были закончены; оставалась

---

*) Архивъ шт. кавк. воен. окр., дѣло № 83, по 2-му отдѣленію генеральнаго штаба, за 1837 годъ.

**) За отличіе при десантѣ на р. Шапсухо въ 3-й баталіонъ пожалованы слѣдующія награды: маіору Хлюпину,—слѣдующій чинъ; маіору Львову, капитану Дзвонкевичу, штабсъ-капитану Масловичу—св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ; поручику Гриневичу и подпоручику Баженову—св. Станислава 4-й ст.; унтеръ-офицеры: Мальцевъ, Краумзгольдъ и Андреевъ произведены въ прапорщики. Нижнимъ чинамъ назначено 17 знаковъ отличія военнаго ордена. Арх. окр. шт. дѣло № 3, по особ. отд. за 1838 годъ.

только внутренняя отдѣлка и постройка казармъ. Въ виду того, что эта работа могла теперь производиться подъ прикрытіемъ валовъ укрѣпленія, генералъ Вельяминовъ, оставивъ здѣсь достаточный гарнизонъ и нужное число рабочихъ, съ остальными войсками 11-го іюля выступилъ въ долину р. Вулана.

Стоялъ нестерпимый зной; ущелье съ каждымъ шагомъ все съуживалось. Горы становились выше, боковымъ цѣпямъ то и дѣло приходилось подыматься на крутыя возвышенности, спускаться снова съ нихъ, пробираясь сквозь колючій кустарникъ держидерева. Все это замедляло походъ; чуть ли не черезъ нѣсколько шаговъ приходилось пріостанавливать движеніе, чтобы подтянуть колонну или же дать возможность разработать дорогу. На отдаленныхъ возвышенностяхъ не замедлили появиться конныя и пѣшія толпы горцевъ. Раздался надъ головами залпъ, другой, и градъ пуль посыпался на двигавшіяся войска. Скоро визгъ картечи нашихъ орудій, громъ выстрѣловъ, отвѣтное эхо слились въ одинъ общій гулъ. Густой дымъ горѣвшихъ ауловъ застлалъ долину. Такимъ образомъ отрядъ пробивался 14 верстъ и наконецъ былъ остановленъ на ночлегъ на замкнутой со всѣхъ сторонъ площадкѣ.

На слѣдующій день предстояло перевалить черезъ высокую гору Суэмчеватль. Здѣсь дороги совсѣмъ не существовало. Узкая, едва замѣтная тропинка зигзагами вилась на хребетъ, съ боку же ея зіяла бездонная пропасть. Три баталіона пѣхоты *) и двѣ роты саперъ, подъ начальствомъ полковника артиллеріи Бриммера, были высланы для разработки пути. Этотъ маленькій отрядъ былъ тотчасъ же почти со всѣхъ сторонъ окруженъ непріятелемъ, который мѣткимъ огнемъ чуть ли не на выборъ выводилъ изъ строя людей. Каждый шагъ пути покупался цѣною нѣсколькихъ жизней. Подъемъ представлялъ большія затрудненія: шесть лошадей и пятьдесятъ человѣкъ едва тащили легкое шестифунтовое орудіе, отдыхая черезъ каждыя десять саженей. Перевалъ Суэмчеватль былъ укрѣпленъ большимъ заваломъ, сильно занятымъ непріятелемъ. Обстрѣлявъ артиллерійскимъ

*) Въ составъ этой передовой колонны вошелъ 4-й баталіонъ Тенгинскаго полка.

огнемъ вершину, полковникъ Бриммеръ послалъ въ обходъ обоихъ фланговъ позиціи по двѣ роты тенгинцевъ, съ фронта же направлена была рота Навагинскаго полка. Большіе камни, множество пней, разсѣянныхъ по тропинкѣ, обрывы съ боковъ затрудняли движеніе; мѣстность была настолько крута, что два солдата, поддерживавшіе раненаго, оборвались съ кручи и разбились на смерть. Добравшись кое-какъ до вершины, 4-я гренадерская рота тенгинцевъ, предводимая штабсъ-капитаномъ Ярошевскимъ, бросилась въ штыки. Горцы были сбиты съ высоты и сброшены въ оврагъ. Въ этомъ дѣлѣ Ярошевскій былъ раненъ въ обѣ ноги.

Нѣкоторое время еще раздавались выстрѣлы въ лѣсу, подъ горою и въ ущельѣ, но наконецъ послѣднее усиліе горцевъ было сломлено, перестрѣлка стала стихать, и отрядъ спустился въ долину Вулана. Солдаты жадно бросились въ волны моря, чтобы освѣжить свои усталые члены послѣ столь утомительнаго похода, стоившаго намъ убитыми: 2-хъ офицеровъ, 21-го нижняго чина, ранеными 3-хъ офицеровъ и 90 рядовыхъ.

«Мѣстность на Вуланѣ, по описанію очевидца *), не очень живописна; здѣсь природа какъ-то угрюмѣе, чѣмъ въ сосѣднихъ долинахъ; ущелье, которое мы заняли, было не широко, обнесено высокими крутыми горами съ густымъ лѣсомъ дубовъ, вязовъ и кедровъ; посерединѣ долины небольшое возвышеніе командуетъ надъ ущельемъ; съ одного конца съ полверсты не доходитъ оно до берега моря, съ другой тянется далеко въ глубь ущелья и, понижаясь постепенно, наконецъ сливается съ долиной, замкнутой остроконечными высокими горами. Это возвышеніе было покрыто густымъ мелкимъ кустарникомъ, между которымъ виднѣлся каменный памятникъ съ деревяннымъ навѣсомъ; мы по необходимости уничтожили его вмѣстѣ съ кустарникомъ и лѣсомъ въ долинѣ, когда начали строить укрѣпленіе. По краямъ ущелья текутъ двѣ рѣчки; одна изъ нихъ, Вуланъ, довольно широка и глубока, другая—Тешепсъ. У Вулана, такъ же какъ и у Пшады, почти вовсе нѣтъ бухты; море едва только

*) Н. М.—«Воспоминаніе о Кавказѣ 1837 года». Библіотека для чтенія 1847 г., т. 80 и 81.

вдается въ берегъ, но какъ тамъ, такъ и здѣсь, устья рѣкъ, впадающихъ въ него, глубоки и удобны для приставанія купеческихъ судовъ».

14-го іюля, ген. Вельяминовъ приступилъ къ разбивкѣ укрѣпленія, истребивъ предварительно окружающіе лѣса на разстояніе пушечнаго выстрѣла. Мѣсто для укрѣпленія было выбрано саженяхъ въ 180-ти отъ моря. «Нужно было увѣриться,—говоритъ Филипсонъ въ своихъ запискахъ,—могутъ ли доставать съ ближайшей горы ружейные выстрѣлы до укрѣпленія. Въ конвойной командѣ былъ лихой офицеръ Сагандаковъ, храбрый, отличный наѣздникъ и значительно сильный. Вельяминовъ приказалъ ему ѣхать на гору и оттуда сдѣлать по дереву по три выстрѣла изъ своей винтовки и изъ солдатскаго ружья... Дерево, назначенное цѣлью было въ шагахъ 20-ти отъ насъ. Первые три выстрѣла были изъ винтовки; пули упали очень вѣрно, но не долетѣли до дерева; три остальныя пули направились тоже очень вѣрно, но не въ дерево, а въ насъ. Впрочемъ, онѣ перелетѣли черезъ насъ съ шумомъ и визгомъ очень высоко. Мѣсто, откуда стрѣлялъ Сагандаковъ, впослѣдствіи опредѣлено и оказалось въ 240-ка саженяхъ, но гораздо выше того, на которомъ мы были» *).

Матеріалы для построекъ: строевой лѣсъ, солома для кирпичей въ большинствѣ получались на мѣстѣ, доски же доставлялись моремъ изъ Одессы. Работы производились въ этотъ разъ особенно спѣшно, чтобы скорѣе окончить постройку укрѣпленія и вовремя поспѣть на царскій смотръ въ Геленджикъ, куда ожидалось прибытіе Императора Николая Павловича. 29-го іюля было совершено молебствіе съ водосвятіемъ подъ залпы орудійныхъ выстрѣловъ, возвѣстившихъ непріятелю о томъ, что въ устьяхъ рѣки Вулана заложено укрѣпленіе Михайловское, сдѣлавшееся впослѣдствіи столь памятнымъ горцамъ по 1840 году.

Однообразно потекли дни за днями. Крѣпостныя работы, фуражировки, стычки съ непріятелемъ поглощали почти все время; въ свободные часы войска занимались строевыми ученіями. Офицерство наше по вечерамъ развлекалось картежною игрою,

*) Воспоминанія Филипсона. Стр. 136.

купаньемъ въ морѣ, иногда пускались въ танцы подъ звуки полковой музыки, которая въ то время считалась лучшею въ дивизіи.

«Любо вспоминать,—говоритъ современникъ,—наши вечерніе пиры на Кавказѣ, послѣ дневныхъ трудовъ; наши мирныя бесѣды, въ прохладѣ очаровательныхъ ночей востока, когда мѣсяцъ чуднымъ своимъ свѣтомъ озаряетъ небо, морс, горы и небольшой нашъ станъ и небольшое наше общество, небрежно раскинувшееся на бивуакѣ, на берегу игриво зыблющагося моря. Пріятно вспоминать, какъ звуки нашихъ вечернихъ пѣсенъ, бывало, сливались съ лѣнивыми плесками спокойнаго моря, ласкавшаго берега свои и, разносясь по дали его, исчезали, погнавшись за далекимъ эхомъ. Много чувствъ веселило тогда душу: умъ искрился множествомъ мыслей и взаимная передача ихъ другъ другу разнообразила, веселила вечернія бесѣды наши» *).

Здѣсь нужно замѣтить, что экспедиціи 1834, 35, 36 и 37 годовъ имѣли громадное значеніе для тенгинцевъ. Совмѣстные походы четырехъ дѣйствующихъ баталіоновъ сблизили всѣхъ между собою и общество офицеровъ постепенно начало слагаться въ одну тѣсную семью, чего не замѣчалось во время службы на кордонѣ кубанской линіи. Немало этому конечно способствовала и обаятельная личность командира полка Василія Алексѣевича Кашутина. «Всѣ любили его,—говоритъ Филипсонъ въ своихъ запискахъ,—за доброту, беззавѣтную храбрость и радушное гостепріимство, выражавшееся часто большимъ количествомъ бутылокъ портеру. Онъ сумѣлъ сплотить вокругъ себя все общество офицеровъ и сгладить розни существовавшую первое время между офицерами Тенгинскаго и бывшаго Крымскаго и Козловскаго полковъ. Вообще какая-то добрая закваска держалась у тенгинцевъ, не смотря на быстрыя перемѣны и общества офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Между офицерами было немало кутилъ, но старшіе берегли молодежь и честь полка» **).

Къ началу сентября всѣ работы были уже окончены. Вновь возведенное Михайловское укрѣпленіе имѣло ширину около 60-ти,

*) Н. М. «Воспоминаніе о Кавказѣ». Библіотека для чтенія 1847 г., стр. 72.
**) Записки Филипсона.

длину 200 саженъ. Фигура его отчасти напоминала треугольникъ; на серединѣ фасовъ, обращенныхъ къ Тешепсу и къ кавказскимъ горамъ имѣлось по одному небольшому бастіону съ закругленіемъ; подобной же бастіонъ сдѣланъ и въ остромъ углѣ укрѣпленія со стороны моря. На западномъ фасѣ, къ рѣкѣ Вулану, устроенъ былъ бастіонный фронтъ съ куртиною, и тутъ же находились ворота. Окружающая мѣстность почти нигдѣ не командовала укрѣпленіемъ; профиль бруствера имѣла почти на всемъ протяженіи высоту отъ 7-ми до 8-ми футовъ и только валъ, обращенный къ горамъ, для предохраненія гарнизона отъ дѣйствія тыльныхъ выстрѣловъ, доходилъ до 16-ти футовъ. Впереди бруствера имѣлся сухой, повсюду фланкированный ровъ, глубиною въ 6 футовъ, при достаточной ширинѣ. Для совершеннаго прикрытія разсыпанныхъ по банкету людей отъ фронтальныхъ непріятельскихъ выстрѣловъ, во всю толщину вала, за неимѣніемъ туровъ, возведена была изъ сырцоваго кирпича стѣна высотою почти въ 4 фута, съ прорѣзанными въ ней бойницами, доходившими до самой кроны бруствера. Наибольшая высота вала съ этою бойничною стѣною достигала 20-ти футовъ. Оборона была организована такимъ образомъ, что въ любую точку въ ста саженяхъ отъ укрѣпленія направлено было не менѣе, какъ тридцать ружей. Артиллерійскія орудія стрѣляли въ поле черезъ банкъ, и только для тѣхъ, которыя фланкировали ровъ, имѣлись амбразуры. Грунтъ земли подъ укрѣпленіемъ былъ каменисто-глинистый, весьма твердый; со стороны р. Тешепса, при началѣ еще рытья рва, встрѣтился песчаный плитнякъ, которымъ, впослѣдствіи, обложена была внутренняя крутость бруствера. Въ сѣверной части укрѣпленія пробовали вырыть колодезь, но такъ какъ на 5-ти саженяхъ глубины воды въ немъ не нашли, то вывели подъ валомъ и далѣе зигзагообразный спускъ къ р. Тешепсъ въ 6 футовъ глубиною выходъ изъ котораго прикрывался люнетомъ, расположеннымъ на лѣвомъ берегу рѣки. Изъ вынутой земли рва спуска набросанъ былъ небольшой валъ къ сторонѣ непріятельскихъ выстрѣловъ. Всѣ постройки для размѣщенія гарнизона, храненія имуще-

ства и припасовъ сосредоточены были въ сѣверной, болѣе широкой части укрѣпленія. Здѣсь же устроенъ былъ и пороховой погребъ. Въ сторонѣ, обращенной къ морю, находились только офицерскіе флигели. Казармы и другія строенія возведены были изъ дерева или сырцоваго кирпича и покрыты сверху досками и соломою *).

Незамѣтно прошло время до перваго сентября, когда почти всѣ работы были закончены. «Во все это время погода совершенно благопріятствовала намъ,—говоритъ одинъ изъ современниковъ,—она была постоянно хороша, за исключеніемъ нѣсколькихъ дождливыхъ дней, необходимыхъ, впрочемъ, для растительности. Одинъ только разъ жестокая буря нанесла намъ сильный вредъ. Еще съ утра въ тотъ день набѣгали облака, изрѣдка гремѣлъ громъ и перепадалъ крупный дождь. Въ полдень небо задвинулось темными тучами съ какимъ-то мѣднымъ отливомъ; вѣтру еще не было, но море уже всколыхнулось и какъ будто какой-то глухой гулъ носился по воздуху. Скоро однако вѣтеръ взвылъ, море вспѣнилось, застонало, ударилъ громъ, хлынулъ дождь, блеснула молнія, ударъ удвоился, повторился, разнесся по ущельямъ и новые удары за ударами, нагоняя другъ друга, наполнили воздухъ трескомъ и молніями. Дождь усилился и, казалось, что вмѣстѣ съ крупнымъ градомъ онъ спѣшилъ залить пожары молній. Лѣсъ гнулся и трещалъ; палатки то летѣли въ воздухѣ, то увлекались рѣками воды, стремившейся съ окрестныхъ горъ. Весь лагерь былъ затопленъ, все плыло: и лошади, и палатки, и столы, и балаганы! Люди кричали, суетились, а вѣтеръ выл, море бушевало, грозно вздымая мутныя, черныя волны свои. Это была ужасная буря, какой здѣсь никто изъ старыхъ кавказцевъ и не припомнитъ! Небольшія рѣчки, которыя за полчаса еще такъ кротко бѣжали между зеленыхъ кустовъ, разлились теперь саженъ на пятнадцать и шипѣли какъ разъяренные змѣи. Лагерь казался архипелагомъ, гдѣ на возвышеніяхъ, какъ на малыхъ островкахъ, виднѣлись уцѣлѣвшія палат-

*) Центральный архивъ при управленіи начальника Владикавказской мѣстной бригады, дѣло № 9824 по спеціальной описи.

ки, полуразрушенные зеленые балаганы и собравшіеся въ пестрыя толпы люди, лошади, верблюды и стада. Буря продолжалась четверть часа и мгновенно затихла. Облака разошлись, солнце радостно засіяло; но море еще долго шумѣло, долго колыхалось, хотя ни одинъ листокъ на деревѣ уже не шелохнулся—такъ стало спокойно въ воздухѣ!» *).

2-го сентября, оставивъ въ укрѣпленіи роту саперъ и полкъ черноморскихъ казаковъ для окончанія работъ, отрядъ Вельяминова выступилъ въ Геленджикъ на царскій смотръ. Первыя три версты обошлись почти безъ выстрѣловъ, но, когда отрядъ свернулъ въ одно изъ боковыхъ ущелій и сталъ двигаться по откосу, круто обрывающемуся къ рѣкѣ, горцы уже поджидали насъ; приходилось брать завалъ за заваломъ. Одновременно шапсуги сильно насѣдали на арьергардъ, гдѣ слѣдовали кабардинцы—эти «черные шайтаны», которые каждый разъ принимали горцевъ на штыки. Первый день стоилъ намъ 9 человѣкъ убитыми и ранеными 4-хъ офицеровъ и 48-ми рядовыхъ. 3-го сентября достигли укрѣпленія Новотроицкаго, гдѣ и данъ былъ войскамъ двухдневный отдыхъ. Еще три дня марша, стоившіе 120 человѣкъ, и отрядъ разбилъ палатки въ 3-хъ верстахъ отъ Геленджика. До пріѣзда Государя оставалось около двухъ недѣль; этимъ временемъ воспользовались, чтобы приготовиться къ смотру: чистили ружья и амуницію, шили въ полку форменныя фуражныя шапки съ козырьками; въ штабѣ устраивалась великолѣпная палатка, подбитая бѣлымъ сукномъ съ золотыми украшеніями; артиллеристы готовили роскошный фейерверкъ.

Наканунѣ пріѣзда Государя задула бора. Сильный сѣверо-восточный вѣтеръ, сорвавшись съ вершинъ, поднялъ на воздухъ всѣ палатки въ лагерѣ и многія изъ нихъ унесъ въ море. На слѣдующій день, около девяти часовъ утра, едва на горизонтѣ показались пароходы, войска выстроились въ одну линію. Около часу дня съ большимъ трудомъ баркасъ подъ император-

*) Н. М. «Воспоминаніе о Кавказѣ въ 1837 г.», Библіотека для чтенія за 1847 годъ.

скимъ штандартомъ причалилъ къ пристани *). При несмолкаемыхъ залпахъ изъ орудій и радостныхъ крикахъ ура, Императоръ Николай I-й съ Наслѣдникомъ престола вступилъ на кавказскій берегъ. Послѣ кратковременнаго отдыха началось представленіе оффиціальныхъ лицъ. Когда Государь подошелъ къ командиру Тенгинскаго полка полковнику Кашутину и Вельяминовъ назвалъ его фамилію, то Императоръ спросилъ:

— Какъ же въ журналѣ было написано, что при слѣдованіи на р. Пшадъ полковникъ былъ тяжело раненъ въ грудь?

— Такъ и было, Ваше Величество!—отвѣчалъ Вельяминовъ.

— Куда вы ранены?

— Въ грудь!—отвѣчалъ Кашутинъ и указалъ на мѣсто раны.

— Зажила рана?

— Зажила, но болитъ еще.

— Это его пятая рана,—сказалъ генералъ Вельяминовъ.

— Шестая, ваше превосходительство!—поправилъ полковникъ.

— Куда же вы ранены?—спросилъ Государь.

— Шашкой въ голову, кинжаломъ въ руку, пулей два раза въ грудь, въ руку и въ ногу, Ваше Величество!—и указалъ на всѣ мѣста ранъ.

— Ce sont des gens de fer!—сказалъ Государь, обращаясь къ графу Орлову **).

По окончаніи представленія начальствующихъ лицъ, Императоръ посѣтилъ раненаго въ эту экспедицію генерала Штейбена, затѣмъ пошелъ обходить баталіонные и батарейные лазареты, привѣтливо разговаривая съ больными. Поровнявшись съ тяжело раненымъ рядовымъ Тенгинскаго полка Максимомъ Луценко, силившимся подняться, чтобы облобызать руку обожаемаго Монарха, Государь сѣлъ къ нему на койку, милостиво сталъ разговаривать о полученной ранѣ и тутъ же послѣ этого собственноручно положилъ ему на грудь георгіевскій крестъ за № 21942, носить который, однако, не суждено уже было бѣдному Луценко: онъ скоро умеръ!

*) См. картину Айвазовскаго.
**) Записки Бриммера, вып. III.

На слѣдующій день, въ 12 часовъ, состоялся парадъ войскамъ. Тенгинцы стояли на правомъ флангѣ со своею музыкою.

Государь Императоръ обошелъ линію, здороваясь съ баталіонами, держа все время руку подъ козырькомъ. Сильный вѣтеръ дулъ прямо въ лицо; «мы съ трудомъ,—говоритъ въ своихъ запискахъ Федоровъ,—стояли на ногахъ; держа ружье на караулъ лѣвою рукою, приходилось правою придерживать фуражки, чтобы не лишиться ихъ».

Обойдя фронтъ и распустивъ потомъ войска, Государь вошелъ въ палатку; черезъ полчаса Онъ вышелъ оттуда и, ставъ подъ ближайшимъ деревомъ, скомандовалъ: «Войска!... Дѣти!... Ко Мнѣ,... кто какъ есть, въ чемъ попало»!... *).

Быстро со всѣхъ концовъ собрались нижніе чины и тѣснымъ кругомъ расположились вокругъ царственнаго Гостя; многіе же влѣзли на деревья, чтобы лучше слышать слова Государя.

— А гдѣ у васъ Кононъ Забуга?—спросилъ Государь объ отличившемся въ послѣдней экспедиціи унтеръ-офицерѣ Кабардинскаго полка.

— Здѣсь, Ваше Императорское Величество!—и Забуга, въ одномъ бѣльѣ, кубаремъ скатился съ дерева, подъ которымъ стоялъ Государь.

Николай Павловичъ, поцѣловавъ его, сказалъ: «передай это всѣмъ твоимъ товарищамъ за ихъ доблестную службу» **). Громкое ура служило отвѣтомъ на милостивыя слова и не одна слеза радости скатилась украдкою по загорѣвшимъ лицамъ закаленныхъ въ бояхъ солдатъ.

Государь уѣхалъ. Военныя дѣйствія въ этомъ году приказано было закончить и войска 25-го сентября выступили на зимнія квартиры; пѣсни, звуки музыки и бубна не смолкали въ продолженіе всего обратнаго пути и почти никто не обращалъ вниманія на горцевъ, которые, лихо гарцуя вокругъ отряда, посылали вслѣдъ ему прощальныя пули.

---

*) Записки Федорова. Кавказскій Сборн. т. III.
**) Записки Филипсона.

30-го сентября войска перешли черезъ Кубань у Ольгинскаго укрѣпленія и разошлись по квартирамъ *).

Шумно справили тенгинцы возвращеніе домой. Общій любимецъ, Василій Алексѣевичъ Кашутинъ, приказалъ запречь полковые экипажи и ротныя повозки и, захвативъ изрядное количество бутылокъ портеру, со всѣми офицерами помчался въ гости къ старому своему кунаку Пшекуй-Маукорову, аулъ котораго расположенъ былъ по рукаву Кубани, верстахъ въ 30-ти отъ Азовскаго моря. Пріемъ хлѣбосольнымъ хозяиномъ былъ оказанъ самый радушный: конскія скачки, катанье по рѣкѣ, охота за кабанами чередовались между собою и конечно, по исконнему кавказскому обычаю, сопровождались обильными возліяніями. Не успѣли оглянуться, какъ пролетѣла недѣля, нужно было собираться въ обратный путь и приниматься за дѣло.

Съ ноября мѣсяца начальникомъ дивизіи предписано было заняться съ людьми одиночнымъ, ротнымъ и застрѣльничьимъ ученіями, а также и стрѣльбою въ цѣль, «не доводя, однако, нижнихъ чиновъ до изнуренія продолжительными занятіями»; роты сами должны были озаботиться постройкою одной земляной и двухъ подвижныхъ мишеней изъ досокъ. По первымъ изъ нихъ стрѣляли съ неопредѣленныхъ разстояній, по вторымъ же, изображавшимъ пѣшаго и коннаго человѣка, съ 300 и 400 шаговъ. Такъ какъ рекрутамъ предстояло черезъ нѣсколько мѣсяцевъ выступить съ полкомъ въ походъ, то съ ними усиленно

---

*) За экспедицію 1837 года полку пожалованы слѣдующія награды. Штабсъ-капитанамъ: Соболевскому и Корецкому 1-му—золотыя полусабли съ надписью «за храбрость». Шт.-капитанамъ: Ярошевскому и Корзуну—св. Владиміра 4-й степ. съ бантомъ. Шт.-кап. Масловичу, поручикамъ: Рыкову, Весновскому, Мякинину, Лукьяновичу и подпоручику Праслову—св. Анны 3-й степ. съ бантомъ. Поручику Титову и подпоручику Самойленко—св. Анны 4-й степ. съ надписью «за храбрость». Подпоручикамъ Шуклину, Миткевичу 3-му, Антипову, Голынскому, Баучину, Вознесенскому; прапорщикамъ: Лутковскому и Снесаревскому—св. Станислава 4-й степ. Подпрапорщики: Рацынскій, Федоровъ, Фененко, Мигринъ; унтеръ-офицеры: Демонтовичъ, Левандовскій, Романовскій, Геевскій—въ прапорщики. Денежныя награды получили: капитанъ Волынскій—900 руб. асс.; баталіонные лѣкаря: Кедринъ и Сморадскій—по 600 руб. асс.; священнику Романовскому пожалованъ орденъ св. Анны 3-й степени. Нижнимъ чинамъ 8 знаковъ отличія военнаго ордена. Кромѣ того, три рядовыхъ произведены въ унтеръ-офицеры и 4-мъ унтеръ-офицерамъ прощены штрафы. Всѣмъ офицерамъ Высочайше приказано было отпустить жалованье по грузинскому положенію со дня выступленія и по день окончанія экспедиціи; нижнимъ чинамъ за работу по возведенію укрѣпленія выданы деньги по расчету: унтеръ-офицеру по 20-ти, рядовымъ по 17-ти коп. въ сутки. Арх. окр. шт., дѣло № 35, по особому отд. за 1838 годъ.

стали заниматься цѣльною стрѣльбою и сигналами. Въ виду предстоявшаго инспекторскаго смотра замѣтно было особенное усердіе среди всѣхъ чиновъ полка. Погода стояла прекрасная, и до послѣднихъ чиселъ декабря роты занимались на дворѣ. Наступившій праздникъ и новый годъ тенгинцы встрѣтили весело. Конечно, о балахъ и маскарадахъ не могло быть и рѣчи, но вечеринки устраивались довольно часто, иногда даже съ музыкальнымъ отдѣленіемъ и, разумѣется, неизмѣннымъ штосомъ, который тогда былъ въ большомъ ходу на Кавказѣ и рѣдко кто не поддавался этой страсти. Случалось, что развеселившая молодежь, съ разрѣшенія командира полка, требовала музыкантовъ и пускалась въ танцы подъ звуки излюбленной французской кадрили изъ оперы «Пріокле» *). На всѣхъ этихъ вечеринкахъ обязательно присутствовали сосланные и разжалованные; съ ними всѣ обращались вѣжливо и чисто по товарищески, что велось еще со временъ Ермолова; онъ сумѣлъ внушить эти правила въ войскахъ кавказскаго корпуса **).

Въ концѣ марта мѣсяца состоялся инспекторскій смотръ командующаго дивизіею. Одиночная выправка, ружейные пріемы, ротное и баталіонное ученіе найдены хорошими. Для стрѣльбы въ цѣль вызвано было изъ каждой роты по 12-ти рядовыхъ при двухъ унтеръ-офицерахъ, а всего изъ полка 224 человѣка. Стрѣляли по одной пули въ щитъ; изъ нихъ:

на	120	шаговъ	попало	186	изъ нихъ	лучшихъ	68
»	150	»	»	112	»	»	54
»	180	»	»	105	»	»	32

Стрѣльба производилась изъ кремневыхъ семилинейнаго калибра ружей, которыя въ продолженіи трехъ выстрѣловъ «не дали ни одной осѣчки», какъ доносилъ въ видѣ особой похвалы

---

*) Записки Федорова. Кав. Сборн. т. III. Полк. арх. Входящ. бумаги, дѣло № 396, за 1838 г.

**) Записки Лорера, Русскій Архивъ 1874 г. кн. 2 и 9.

Въ 1837 году, у насъ служили рядовыми: изъ декабристовъ: Нарышкинъ—бывшій полковникъ, Лореръ—бывшій маіоръ, кн. Одоевскій—бывшій корнетъ:—всѣ трое по приговору Верховнаго уголовнаго суда сосланы были въ каторжныя работы на 15 лѣтъ, а потомъ зачислены рядовыми къ намъ въ полкъ. Бывшій поручикъ баронъ Черкасовъ и подпоручикъ Лихаревъ, впослѣдствіи прибыли къ намъ въ полкъ рядовыми послѣ 4-хъ-лѣтней каторги. Записки Федорова—Кавк. Сборн. т. III.

этимъ ружьямъ, инспектирующій. Размѣщеніе нижнихъ чиновъ по квартирамъ отъ хозяевъ найдено было вполнѣ удовлетворительнымъ; пища хорошая: ежедневно давались щи съ саломъ, во время же лагеря три раза въ недѣлю клалось въ котелъ и мясо; въ ротахъ всегда имѣлся квасъ для питья. Изъ отчетовъ инспектирующаго видно, что число больныхъ и умершихъ было у насъ по прежнему велико; за одинъ 1837 годъ умерло въ баталіонныхъ лазаретахъ 123 человѣка. На это обстоятельство командующій дивизіею обратилъ особенное вниманіе и самымъ строгимъ образомъ произвелъ ревизію баталіонныхъ лазаретовъ, которые однако найдены были въ полномъ порядкѣ, поэтому инспектирующій пришелъ къ заключенію, что болѣзненность и смертность въ Тенгинскомъ полку происходятъ «отъ сильныхъ жаровъ и утомленія во время экспедицій за Кубань».

Въ бѣгахъ у насъ числилось съ 1-го іюня 1835 года по день смотра 286 человѣкъ. По этому поводу командиръ полка 28-го марта доносилъ: «По точному разсмотрѣнію причинъ къ побѣгамъ, я болѣе никакой не нахожу, какъ только значительное число въ полку штрафованныхъ людей, бродягъ и рекрутъ». Съ 1-го января 1836 по мартъ 1837 года поступило: рекрутъ, въ числѣ коихъ и конскрипты—835 человѣкъ; изъ нихъ:

Бродягъ	4
Поляковъ (плѣнныхъ)	83
Штрафованныхъ	38
Зачисленныхъ по поимкѣ изъ бѣговъ . .	44

Сверхъ того состояло прежде въ полку наказанныхъ по службѣ за разныя преступленія 208 чел., отданныхъ на службу за преступленія 135 чел. Всего «ненадежныхъ» въ полку числилось 1348 человѣкъ *).

Смотръ вообще сошелъ очень хорошо: «во всемъ успѣхъ довольно замѣтенъ». Командиръ полка и всѣ офицеры получили благодарность.

Иконостасъ походной церкви нашего полка во имя Александра-Невскаго обратилъ особенное вниманіе инспектирующаго.

*) Полковой архивъ. Исходящій журналъ за 1837 г. дѣло № 207.

Онъ поражалъ не богатствомъ украшеній, а художественнымъ исполненіемъ образовъ, которые всѣ были работы извѣстнаго академика церковной живописи Федора Брюлова. Эта церковь перешла къ намъ вмѣстѣ со всѣмъ имуществомъ расформированнаго Крымскаго полка, два баталіона котораго влились къ намъ въ 1834 году, во время преобразованія войскъ кавказскаго корпуса. Въ виду того, что иконостасъ былъ очень старъ и изрядно испорченъ, Кашутинъ въ 1836 году выписалъ новый черезъ академію художествъ изъ Москвы за 13,900 руб. ассигнаціями. Александро-Невскую церковь предписано было постоянно брать съ собою въ походъ, Петро-Павловскую же оставить при 5-мъ резервномъ баталіонѣ въ кр. Кавказской, гдѣ другой церкви, кромѣ нашей, не было *).

Согласно общаго плана военныхъ дѣйствій въ теченіе 1838 года на Черноморской береговой линіи предполагалось возвести два новыхъ укрѣпленія у устьевъ рѣкъ Туапсе и Шапсухо. Десантный отрядъ **) долженъ былъ собраться въ Тамань и на судахъ черноморскаго флота отплыть къ устью означенныхъ рѣкъ. По случаю смерти генералъ-лейтенанта Вельяминова, начальство надъ войсками ввѣрялось генералъ-маіору Раевскому.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля тенгинцы выступили на сборный пунктъ. Первымъ тронулся съ квартиры 2-й баталіонъ, расположенный дальше всѣхъ; къ нему на пути постепенно присоединялись остальныя роты полка. 27-го апрѣля баталіоны прибыли въ Тамань, имѣя въ строю 3-хъ штабъ-офицеровъ, 49 оберъ-офицеровъ и 3,357 нижнихъ чиновъ.

Согласно Высочайшей воли дѣйствіе отряда исключительно должно было ограничиться устройствомъ однихъ укрѣпленій; по причинѣ большой потери въ людяхъ во время фуражировокъ, Раевскому предписывалось не производить ихъ, а путемъ мирныхъ торговыхъ сношеній пріобрѣтать у горцевъ сѣно за из-

*) Полков. арх., дѣла за №№ 396, 478, 640 и 737, за 1837—1838 гг.

**) 9½ бат. пѣхоты (4 Тенгинскаго полка), 4 полка пѣшихъ черноморскихъ казаковъ, 26 орудій и 14 кегорновыхъ мортирокъ.

вѣстную плату. Для избѣжанія затрудненій при доставленіи значительнаго количества скота, войскамъ разрѣшено было производить вмѣсто трехъ только двѣ мясныя порціи въ недѣлю, изъ которыхъ одна солониною; взамѣнъ этого усиливалась дача крупы съ такимъ разсчетомъ, чтобы нижніе чины могли получить по утрамъ жидкую, а вечеромъ крутую кашу. Такъ какъ устройство новаго госпиталя въ Геленджикѣ обошлось бы очень дорого, то и рѣшено было усилить средства полковыхъ лазаретовъ, отпуская по одному рублю на каждаго человѣка, находящагося въ походѣ; сверхъ этого за постороннаго больного разрѣшалось брать по 50-ти коп. въ сутки *).

Къ 1-му мая весь отрядъ былъ уже въ сборѣ, и на слѣдующій день въ ротахъ прочитанъ слѣдующій приказъ Раевскаго: «Господину корпусному командиру благоугодно было довѣрить мнѣ исполненіе Высочайшей воли, и мнѣ препоручено съ отрядомъ занять берега Туапсе для построенія тамъ крѣпости. Съ откровенностію и съ довѣріемъ къ отряду почитаю долгомъ объявить, что изъ всѣхъ долинъ восточнаго берега Чернаго моря Туапсе самая населенная, что ея жители прославляютъ свою храбрость и что они уже знаютъ и ожидаютъ нашего прибытія. Вотъ достаточныя причины, чтобы усилить рвеніе и храбрость усердныхъ слугъ Государя Императора».

Къ вечеру 7-го мая всѣ войска разсажены были на суда, и раннимъ утромъ слѣдующаго дня эскадра снялась съ якоря. Въ темную ночь съ 11-го на 12-е число суда подошли къ мѣсту высадки и расположились въ боевомъ порядкѣ въ 400-хъ саженяхъ отъ устья рѣки Туапсе. Весь берегъ и ближайшія горы унизаны были кострами, которые указывали на присутствіе здѣсь многочисленнаго скопища горцевъ. На разсвѣтѣ тихо спущены были на воду всѣ гребныя суда и началась посадка войскъ. Первыми должны были высадиться три баталіона Тенгинскаго и два Навагинскаго полковъ, подъ личнымъ начальствомъ Раевскаго. Въ половинѣ пятаго утра, едва только стало свѣтать, съ флагманскаго корабля «Силистрія» былъ поданъ сигналъ «начать бой».

*) Акты кавказ. археограф. коммис., т. VIII.

Грянулъ залпъ изъ 250-ти орудій большого калибра, и гребная флотилія отдѣлилась отъ судовъ. Обстрѣливаніе берега продолжалось около четверти часа. Дѣйствіе морской артиллеріи было ужасно: подкошенныя, будто серпомъ, вѣковыя деревья валились со стономъ и трескомъ. «Подобно резиновымъ шарамъ,—говоритъ очевидецъ,—прыгали ядра по разнымъ направленіямъ, бороздя почву и подымая на воздухъ цѣлые столбы черной земли. Дымъ застилалъ всю окрестность. Оглушенные выстрѣлами морской артиллеріи горцы хлынули назадъ и спѣшили скорѣе укрыться за устроенные завалы». Съ приближеніемъ войскъ къ берегу на половину ружейнаго выстрѣла, суда прекратили огонь; раздалось могучее ура по всей линіи, и тенгинцы съ навагинцами выскочили изъ лодокъ и по водѣ бросились къ берегу.

1-й баталіонъ, составлявшій авангардъ, подъ начальствомъ начальника штаба отряда подполковника Ольшевскаго, сталъ наступать по направленію къ ближайшимъ высотамъ, выславъ впередъ застрѣльщиковъ; сзади слѣдовалъ 2-й баталіонъ. Правый флангъ боевой линіи составляли навагинцы. Едва были разсыпаны застрѣльщики, какъ изъ овраговъ и лѣса непріятель открылъ сильный огонь. Это не остановило наступленія. Тогда горцы толпою бросились въ атаку, но лишь только они успѣли выхватить шашки изъ ноженъ, какъ были опрокинуты штыками 1-й гренадерской, 1-й и 2-й мушкетерскихъ ротъ. Во время рукопашнаго боя былъ тяжело раненъ шашкою начальникъ цѣпи застрѣльщиковъ поручикъ Драчевскій. Шапсуги съ яростью кинулись къ нему съ намѣреніемъ вымѣстить на немъ всю неудачу боя, но рядовой Збродько и унтеръ-офицеръ Сѣдашевъ, заслонивъ собою раненаго, штыками отразили всѣ покушенія непріятеля, до подхода помощи изъ резерва *). Горцы отступили въ ближайшій аулъ. Пройдя съ полъ версты отъ берега, стрѣлки наши вступили въ лѣсъ. Здѣсь вездѣ были видны ужасные слѣды дѣйствія морской артиллеріи: гигантскія деревья повалены, и отъ многихъ валялись однѣ щепки. «Спасибо матросскому генералу (Лазареву),—говорили наши солдаты,—онъ распорядил-

*) Архивъ окруж. шт., дѣло № 224, по особому отдѣленію за 1838 годъ.

ся безъ топоровъ и рабочихъ заготовить для насъ засѣки» *). Оставалось только овладѣть на лѣвомъ флангѣ лѣсистымъ хребтомъ, командовавшимъ возвышенностью, на которой утвердились наши баталіоны. Съ барабаннымъ боемъ, тенгинцы бросились въ атаку. Быстро перескочили они черезъ два ряда заваловъ, у третьяго завязали отчаянный рукопашный бой, продолжавшійся не болѣе четверти часа. Непріятель съ яростью покушался вернуть назадъ позицію, но вездѣ «встрѣчалъ, по словамъ ген. Раевскаго, хладнокровіе и мужество стрѣлковъ и резервовъ». Вершина горы была занята, и люди быстро окружили себя высокою засѣкою. Недешево, однако, дался намъ этотъ успѣхъ: въ 1-мъ баталіонѣ Тенгинскаго полка, кромѣ поручика Драчевскаго, раненъ былъ подпоручикъ Маньковскій, 2 унтеръ-офицера, вскорѣ умершіе, и 24 рядовыхъ.

«Устройство и порядокъ и быстрота нападенія,—писалъ Раевскій корпусному командиру генералъ-лейтенанту Головину,—увѣнчанные успѣхомъ, свидѣтельствуютъ о храбрости 1-го баталіона Тенгинскаго полка. Въ память сего мѣста битвы, гора эта названа мною «*Тенгинскою*»... Командующій симъ полкомъ, полковникъ фонъ-Брикъ, нѣсколько дней до сраженія былъ сильно разбитъ лошадьми; не смотря на это, онъ командовалъ авангардомъ, носимый все время подъ безпрестанными выстрѣлами на рукахъ своихъ гренадеръ. Онъ много способствовалъ къ общему успѣху всего дѣла» **).

Пока наши баталіоны молодецки дѣйствовали при занятіи крутой лѣсистой возвышенности, выгрузка тяжестей на берегъ продолжалась, и скоро былъ разбитъ обширный лагерь, окруженный засѣкою. Объѣзжая войска, Раевскій поздравлялъ ихъ съ благополучнымъ занятіемъ новаго пункта на берегу Чернаго моря.

Еще доносились звуки отдаленныхъ выстрѣловъ изъ авангарда, пишетъ современникъ, а въ лагерѣ гремѣла уже музыка, заливались лихіе пѣсенники; у ставки же начальника хлопали пробки шампанскаго ***).

*) Записки Федорова, Кавк. Сборн. т. III.

**) Архивъ окружнаго штаба, д. № 145, по 2-му отд. генеральнаго штаба за 1838 годъ.

***) Записки Лорера. Русскій архивъ за 1874 г., книга 2 и 9.

Къ вечеру нашъ полковой поэтъ, унтеръ-офицеръ изъ разжалованныхъ Федоровъ, написалъ на событіе дня пѣсню, которая и гремѣла по всему лагерю, распѣваемая на мотивъ: «за долами, за горами Бонапарте съ плясунами»... Вотъ она:

Какъ по морю, по волнамъ,
Да бурливыми водами
Корабли идутъ съ полками
Къ дикимъ берегамъ.

Къ Туапсе пришли они,
Чинно рядышкомъ всѣ стали;
Тамъ ихъ горцы ожидали,
Разложивъ огни.

Горцы ждутъ своихъ гостей,
А на нихъ-то наши пушки,
Черномазыя старушки,
Смотрятъ съ кораблей.

Скучно бабамъ мирно жить....
Вотъ онѣ забормотали
И гостинчики послали—
Горцевъ подарить.

Ихъ подарки ломятъ лѣсъ,
Скачутъ съ визгомъ, безъ порядку;
А знать, съ радости, въ присядку
Заплясалъ черкесъ.

Самъ матросскій генералъ,
Изъ палатъ морскихъ, чудесныхъ,
Грудой яблоковъ желѣзныхъ
Горцевъ угощалъ.

Бросилъ горцамъ ядеръ тьму...
Храбрый Лазаревъ учтиво
Ихъ употчивалъ на диво,—
Спасибо ему.

Принялъ насъ гребной нашъ флотъ,
Съ нами къ берегу пустился,
А черкесъ-то изумился
И разинулъ ротъ.

Наши—чу!—«ура» кричатъ;
Всѣ матросы вторятъ съ нами,
И на вантахъ пауками
Молодцы висятъ.

Нашъ Раевскій храбръ и смѣлъ:
Льва сомнетъ за Русь святую,
На скалу куда крутую
Соколомъ взлетѣлъ.

А за нимъ и мы сейчасъ...
Задрожали басурманы.
Генералъ занялъ курганы
И построилъ насъ.

Не кричи: «яманъ урусъ»!
Не дразни, черкесъ, колонну;
Зададимъ тебѣ трезвону,
Басурманскій трусъ!

Вотъ и двинулся отрядъ;
Въ барабанъ у насъ забили;
Съ тульскихъ ружей мы пустили
Русскій виноградъ.

Гдѣ на скалахъ лѣсъ густой—
Тамъ Ольшевскій съ молодцами;
Онъ съ тенгинскими стрѣлками
Пиръ даетъ горой.

Споритъ шашка, споритъ штыкъ;
Завязалъ бой рукопашный
Вельяминова отважный
Чудо—ученикъ.

А тамъ, рѣчка гдѣ течетъ,
На черкеса безъ пардону
Навагинскую колонну
Полтининъ ведетъ.

Онъ не слышитъ пулей свистъ,
Онъ привыкъ къ трудамъ и ранамъ,
Маршируетъ съ барабаномъ,
Храбръ и голосистъ.

Лишь сверкнулъ нашъ русскій штыкъ,
Чуть лишь пули засвистали—
Басурмане побѣжали,
Высуня языкъ.

И черкеса забралъ страхъ;
Онъ не радъ былъ этой дракѣ,
Растерялъ свои чевяки,
Потерялъ папахъ.

Съ нами нечего шутить;
Штыкъ, братъ, данъ не для потѣхи,
А свинцовые орѣхи
Спробуй раскусить.

Мѣсто-жъ то, извольте знать,
Гдѣ прошелъ нашъ полкъ грозою,
Вождь Тенгинскою горою
Приказалъ назвать.

Вождь, иди путемъ побѣдъ,
Вѣкъ служи, Раевскій, съ нами;
Мы съ тобой, отецъ, штыками
Опрокинемъ свѣтъ *).

13-го мая войска начали рубить дремучій лѣсъ на пушечный выстрѣлъ отъ лагеря и расчищать мѣсто подъ новое укрѣпленіе. Въ этотъ же день явились къ начальнику отряда двое горскихъ старшинъ и просили о выкупѣ тѣлъ. Раевскій объявилъ имъ, что не торгуетъ мертвыми тѣлами и предложилъ теперь же взять ихъ съ собою.

Горцы первое время сильно тревожили войско, особенно по ночамъ, подползая къ самой засѣкѣ, но скоро должны были прекратить нападеніе, убѣдившись въ безцѣльности ихъ.

22-го мая, въ день св. Троицы, послѣ панихиды по покойномъ генералъ-лейтенантѣ Вельяминовѣ, было освящено мѣсто подъ новое укрѣпленіе. Работы пошли обычнымъ порядкомъ. Однообразно потекли дни, и только событіе 30 го мая нарушила общее теченіе жизни и глубоко потрясло всѣхъ свидѣтелей этого печальнаго происшествія.

Спокойное съ утра море къ вечеру всколыхнулось; громадныя волны съ зловѣщимъ плескомъ одна за другою стали набѣгать на берегъ. Грянулъ громъ, сопровождавшійся страшнымъ ливнемъ, и вода буквально затопила весь лагерь; налетѣвшій же вихрь сорвалъ палатки и унесъ ихъ въ море. Люди засуетились и въ безпорядкѣ стали бѣгать по берегу. Рѣзко мелькнула молнія, и одинъ изъ часовыхъ, не успѣвъ вовремя опустить

*) Федоровъ - «Походныя записки», Кавк. Сборн. т. III.

штыкъ, замертво повалился на землю. Ночью буря усилилась; за ревомъ волнъ не слышно было человѣческихъ голосовъ, непроницаемая тьма окутывала весь лагерь, гдѣ все находилось въ какомъ-то паническомъ страхѣ. Вдругъ порывъ вѣтра донесъ съ моря пушечный выстрѣлъ и звонъ колоколовъ, а сильная молнія, прорѣзавшая на минуту ужасную тьму, освѣтила печальную картину: стоявшіе на рейдѣ у Туапсе пароходъ «Язонъ», тендера «Скорый» и «Лучъ», бригъ «Фемистоклъ», двухмачтовый военный транспортъ «Ланжеронъ» и 8 частныхъ судовъ, застигнутые ужаснымъ ураганомъ въ опасномъ рейдѣ, не успѣли выйти въ открытое море и начали дрейфовать къ берегу. Всѣ канаты якорей были порваны, и суда въ безпорядкѣ съ неимовѣрною быстротою носились по бухтѣ, съ трескомъ сталкиваясь другъ съ другомъ. Каждый порывъ вѣтра и набѣгавшая волна уносили въ море нѣсколько человѣческихъ жертвъ, которымъ неоткуда было подать помощь. Цѣлую ночь на берегу никто не смыкалъ глазъ, всѣ съ нетерпѣніемъ ждали, что покажетъ утро. Забрезжила заря; на рейдѣ не было видно ни одного судна, за исключеніемъ мачты затонувшаго парохода «Язонъ», съ низу и до верху унизанной людьми, которые простирали руки къ берегу съ мольбою о помощи. Несчастнымъ начали бросать канаты, бочки, доски, но море упорно все выкидывало обратно. «Погибавшіе,—доносилъ Раевскій,—въ знакъ своей твердости и благодарности за сочувствіе отряда, безсильнаго имъ помощь, крикнули послѣднее ура, вѣтеръ передалъ это надорванное, умирающее «ура», но не донесъ до парохода могучій отвѣтный кликъ, вырвавшійся единодушно изъ наблюдавшихъ съ тоскою тысячи грудей чиновъ десантнаго отряда» *). На мачтѣ остался только одинъ матросъ; слѣзая съ ванты, чтобы броситься въ море, онъ зацѣпился рубашкою за снасти и повисъ внизъ головою. Тогда кузнецъ Тенгинскаго полка Игнатій Поляковъ, обвязавъ себя веревкою кинулся въ разъяренное море. Три раза волны выбрасывали обратно на берегъ смѣльчака, и только на четвертый, послѣ неимовѣрныхъ усилій, добрался онъ до парохода. Укрѣпивъ ка-

*) Арх. окр. шт.; дѣло № 131, по 2-му отд. генер. штаба, за 1838 годъ.

натъ за мачту и освободивъ матроса, Поляковъ вмѣстѣ съ нимъ направился въ обратный путь. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили съ берега за отважнымъ пловцомъ; казалось, набѣгавшія волны вотъ-вотъ похоронятъ его, но Богъ хранилъ храбреца, и онъ благополучно достигъ суши, но матросъ уже былъ мертвый.

Другое военное судно, тендеръ «Скорый», выброшенное къ устью р. Гуапсе, безпомощно накренилось къ сторонѣ моря и судорожно билось на мели, захлестываемое волнами. Горцы, увидѣвъ критическое положеніе судна и зная, что мы не можемъ подать помощь экипажу черезъ рѣку, спустились съ горъ и начали стрѣлять по матросамъ. Незначительная въ обыкновенное время р. Туапсе ревѣла теперь съ ужасающею силою и стремительно несла въ море карчи и деревья. Не смотря на явную опасность, рота второго баталіона тенгинцевъ, по собственному побужденію, смѣло бросилась въ воду и, борясь съ сильнымъ теченіемъ рѣки, добралась до судна и спасла весь экипажъ. Особенное мужество и самоотверженіе выказали здѣсь рядовые нашего полка Михаилъ Серебряковъ и Войцехъ Моравскій, за что и награждены были медалями «за спасеніе погибавшихъ»; рядовой же изъ разжалованныхъ Руфимъ Дороховъ произведенъ въ унтеръ-офицеры.

Печальное событіе 30-го и 31-го мая, окончившееся гибелью части черноморскаго флота, замедлило окончаніе постройки Вельяминовскаго укрѣпленія, такъ какъ весь отрядъ занятъ былъ снятіемъ съ мелей военныхъ судовъ.

9-го іюля прибыла новая эскадра, войска посажены на суда и 12-го числа вновь высажены у устья р. Шапсуго. Вопреки ожиданіямъ, горцы почти не оказали никакого сопротивленія, и еще одинъ пунктъ на берегу Чернаго моря былъ занятъ съ весьма незначительными для насъ потерями. Находившійся при отрядѣ корпусный командиръ генералъ-лейтенантъ Головинъ въ тотъ же день отдалъ слѣдующій приказъ:

«Войска отряда, дѣйствующаго со стороны Геленджика! Съ помощью Божіею предназначенное занятіе новаго пункта на вос-

точномъ берегу Чернаго моря для укрѣпленія при р. Шапсуго совершилось съ малою потерею, при благопріятной погодѣ, съ помощью предварительныхъ благоразумныхъ распоряженій. Высадка войскъ сдѣлана въ должномъ порядкѣ, и менѣе чѣмъ въ 24 часа, послѣ оставленія вами прежняго лагеря, вы вновь расположились спокойно на берегу намъ непріязненномъ, заняв всѣ нужные для обезпеченія лагеря пункты. Вы исполнили все, чего отъ васъ ожидали: въ порядкѣ и устройствѣ вышли на берегъ и съ полною готовностью встрѣтить непріятеля, еслибъ онъ дерзнулъ вамъ противустать. Радуюсь, что оставляя васъ, имѣю случай еще васъ благодарить и свидѣтельствовать предъ лицемъ Государя Императора о вашей постоянно усердной и похвальной службѣ. Начальнику отряда, генералъ-лейтенанту Раевскому, считаю долгомъ отдать полную справедливость за распорядительность и устройство, съ которыми совершена сія вторая и послѣдняя въ нынѣшнемъ году высадка, чему я самъ былъ свидѣтелемъ».

Вновь заложенный фортъ у устья р. Шапсуго Государь Императоръ повелѣлъ назвать «*Тенгинскимъ*», въ награду за ревностно-усердную службу чиновъ нашего полка во все время продолженія военныхъ дѣйствій на берегу Чернаго моря.

По заложеніи въ этомъ году еще одного укрѣпленія у устья р. Цемеса, названнаго Новороссійскимъ, отрядъ Раевскаго 10-го ноября возвратился черезъ Анапу на Кубань. Проливные дожди, невозможное состояніе дорогъ и значительная болѣзненность въ войскахъ были причиною тому, что военныя дѣйствія въ этомъ году противъ натухайцевъ были отмѣнены и войска распущены на зимнія квартиры.

Дѣятельно закипѣла въ штабѣ Раевскаго работа по составленію наградныхъ списковъ *). Немало труда положилъ здѣсь

---

*) За отличіе въ десантномъ отрядѣ Раевскаго въ 1838 году офицеры полка получили: Маіоръ Голубицкій-Лебединскій—слѣдующій чинъ и орденъ св. Владиміра 4-й ст.; капитаны: Дзвонкевичъ, Соболевскій, прапорщикъ Мищенко—слѣдующіе чины.; подполков. Быковъ 2-й—св. Анны 2-й степ.; штабсъ-кап. Горбъ—св. Владиміра 4-й степ. съ бантомъ; шт.-капитаны: Гриневичъ, Корецкій 1-й—Станислава 3-й ст.; шт.-кап. Марченко, подпор. Самойленко, Мункъ, прапорщики Кравковъ, Лазаренко—св. Станислава 4-й степ.; подпор. Наумовъ, Шуклинъ, Чеве-

унтеръ-офицеръ нашего полка Платонъ Александровичъ Антоновичъ; это былъ человѣкъ съ хорошимъ образованіемъ и выдающимися умственными способностями. Будучи еще 18-ти-лѣтнимъ юношею и состоя слушателемъ московскаго университета, онъ былъ взятъ подъ стражу и съ жандармомъ отправленъ на Кавказъ за то, что, «зная существованіе тайнаго общества, не только не донесъ о томъ правительству, но допытывался у губернскаго секретаря Сумбулова: изъ кого состоитъ это общество и какая его цѣль?» Прослуживъ долгое время у насъ въ полку въ нижнемъ званіи, Антоновичъ былъ произведенъ въ 1839 году въ прапорщики. Впослѣдствіи за свои выдающіяся способности былъ сдѣланъ правителемъ канцеляріи черноморской береговой линіи и эту должность съ успѣхомъ занималъ до 1853 года, когда былъ назначенъ керченскимъ градоначальникомъ. Въ 1861 году его произвели въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ градоначальникомъ Одессы. Съ 1866 по 1880 гг. Антоновичъ занималъ должность попечителя кіевскаго учебнаго округа *).

По возвращеніи изъ похода послѣдовало распоряженіе командующаго дивизіею немедленно приступить къ строевымъ занятіямъ. Въ приказѣ по этому поводу говорилось: «съ прибытіемъ на зимовыя квартиры люди, послѣ продолжительнаго похода и понесенныхъ въ оныхъ трудовъ, оставаясь, какъ до сего было, безъ необходимо нужныхъ занятій, немедленно подвергались болѣзнямъ и многіе изъ нихъ отъ праздности портились даже въ нравственности и оттого впадали въ проступки; въ отвращеніе сихъ гибельныхъ послѣдствій вмѣняю въ обя-

---

левъ—св.. Анны 3-й степ. съ бантомъ; подпрапорщикъ Мерлинъ, унт.-офицеры: Дюбрюксъ, фонъ-Бонкардъ, Косенко—чинъ прапорщика; 11 рядовыхъ произведены въ унт.-офицеры; нижнимъ чинамъ выдано 38 знаковъ отличія военнаго ордена. Сверхъ всего этого, за всю экспедицію 1838 года назначено: маіору Кремеру, Волынскому, шт.-капитанамъ Рыкову, Мякинину, Лукьянчикову—св. Владиміра 4-й степ. съ бантомъ; подполков. Данзасу, шт.-капитанамъ Масловичу и Корзуну—св. Станислава 2-й степ.; 18-ти офицерамъ объявлено Монаршее благоволеніе; портуп.-прапорщикъ Марковичъ, подпрапорщикъ Сырневъ, унт.-офицеры Пршигодскій, Чачликовъ, Бойченковъ, Алексѣевъ, Фористонскій и Федоровъ—въ прапорщики; 24-мъ нижнимъ чинамъ выданы денежныя награды отъ 10—30 руб. ассиг. Архивъ окр. шт., дѣло № 224 по особому отдѣленію за 1838 г.

*) Воспоминанія Филипсона.

занность баталіонныхъ, ротныхъ командировъ и прочихъ частныхъ начальниковъ, не допуская людей залеживаться, непремѣнно занимать ихъ одиночнымъ ученіемъ, однако безъ изнуренія и въ хорошую погоду».

Для обученія нижнихъ чиновъ предлагалось въ ротахъ выбрать по два комплекта ефрейторовъ «хорошаго поведенія и нравственности, съ большимъ терпѣніемъ и хладнокровіемъ, ибо только съ сими достоинствами, можно надѣяться на скорый успѣхъ». Помимо этого, также подготовлялись въ ротахъ по два комплекта застрѣльщиковъ; каждый изъ одного унтеръ-офицера, 24-хъ рядовыхъ и двухъ «тѣлохранителей офицера»; эти люди должны были быть хорошо ознакомлены съ егерскими сигналами, «ибо здѣсь война горная и большая часть бываетъ въ разсыпномъ строю» *).

Полковникъ Кашутинъ, сознавая пользу этихъ распоряженій, ревностно принялся за дѣло. Согласно приказа по корпусу, сформирована была при штабъ-квартирѣ въ ст. Ивановской учебная команда, въ составъ которой вошло отъ каждой роты по 2 унтеръ-офицера и по 8-ми самыхъ лучшихъ по нравственности и фронту рядовыхъ. Ученія здѣсь производились утромъ и вечеромъ, исключая жаркихъ дней, и людямъ выдавалась улучшенная пища, «въ виду многочисленности ихъ занятій». Офицеры и нижніе чины сюда назначались всего на одинъ годъ, чтобы не лишить ихъ возможности принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ и не тормозить ихъ движенія по службѣ относительно товарищей. На завѣдывающаго учебною командою шт.-кап. Малинко возложено было еще и наблюденіе за образованіемъ рекрутъ, и онъ въ опредѣленное время доносилъ сколько среди нихъ «хорошо, посредственно и малообученныхъ». Въ виду предстоявшей скорой сдачи полка, Кашутинъ заботился привести въ порядокъ все казенное имущество. Произведенный имъ лично осмотръ ружей въ ротахъ обнаружилъ печальное ихъ состояніе. Замки почти у всѣхъ были истерты, ложи поколоты, штыки сточены и оттого очень укорочены; 3480 ружей, вслѣдствіе совер-

*) Полковой архивъ, входящія бумаги, дѣло № 1034 за 1838 годъ.

шенной негодности, подлежали замѣнѣ новыми. Въ такое ужасное состояніе пришло у насъ оружіе отъ безпрерывнаго участія полка въ военныхъ дѣйствіяхъ въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ. Баталіоннымъ командирамъ предложено было немедленно прислать въ штабъ-квартиру полка испорченныя ружья для исправленія въ мастерской, взамѣнъ же совершенно негодныхъ изъ нихъ получить изъ запаса новыя.

Здѣсь, кстати, нужно замѣтить, что въ передачѣ своихъ приказаній Кашутинъ встрѣчалъ большое затрудненіе. Обыкновенно въ ст. Ивановскую почту доставляли черезъ постовыхъ казаковъ, «если только они были свободны»; даже посылки и денежныя письма пересылались въ полкъ подобнымъ путемъ, бывшимъ причиною частой ихъ пропажи. Вслѣдствіе этого Кашутинъ учредилъ «пѣшую почту» для вѣрнѣйшаго сношенія и поспѣшнѣйшаго исполненія всѣхъ распоряженій. Отъ каждой роты выслано было по «четыре надежныхъ и съ крѣпкими ногами рядовыхъ» на заранѣе указанныя станціи по тракту отъ ст. Ивановской до г. Тамани и Екатеринодара. Строго подтверждалось людямъ—«во время сильныхъ морозовъ и мятели не отправляться съ бумагами со станцій, а пережидать тамъ, пока не наступитъ оттепель» *). Это было послѣднее распоряженіе Кашутина. Высочайшимъ приказомъ отъ 25-го ноября 1838 года онъ былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи съ производствомъ въ генералы; вмѣсто же него къ намъ переведенъ Алексопольскаго егерскаго полка подполковникъ Выласковъ.

Такимъ образомъ, полку пришлось разстаться съ кореннымъ своимъ тенгинцемъ, любившимъ беззавѣтно свой полкъ, своихъ помощниковъ—офицеровъ и своихъ младшихъ товарищей—солдатъ. Тою же любовью отвѣчали ему его подчиненные, пролившіе искренніе слезы при разлукѣ. По счастью, впослѣдствіи полку пришлось еще нѣсколько разъ участвовать во многихъ дѣлахъ подъ руководствомъ Кашутина, какъ начальника отряда.

*) Приказы по полку отъ 27-го ноября 1838 года.

Въ 1839 году передъ началомъ лѣтнихъ занятій на черноморскомъ берегу тенгинцамъ пришлось совершить весьма трудное движеніе. 19-го марта 3-й баталіонъ, 1-я и 2-я гренадерскія роты Тенгинскаго и 6 ротъ Навагинскаго полковъ при 5-ти орудіяхъ, подъ начальствомъ подполковника Хлюпина, выступили изъ Ольгинскаго тетъ-де-пона съ продовольственнымъ транспортомъ для гарнизоновъ Абинскаго и Николаевскаго укрѣпленій. Отрядъ выполнилъ съ полнымъ успѣхомъ это трудное предпріятіе, не смотря на всѣ препятствія, поставленныя непріятелемъ и природою. Слѣдуя съ большимъ транспортомъ по лѣсистымъ и гористымъ дефиле, по дорогамъ, сдѣлавшимся отъ безпрерывныхъ дождей и ненастья почти непроходимыми, войска въ теченіи 6-ти дней исправляли плотины и переправы черезъ рѣки. По свидѣтельству Хлюпина, «всѣ офицеры и до послѣдняго солдата исполняли свой долгъ съ примѣрнымъ усердіемъ и неустрашимостью». Государь Императоръ, принимая во вниманіе чрезвычайные труды, понесенные нижними чинами отряда Хлюпина, пожаловалъ, помимо обычныхъ наградъ, еще по два рубля на человѣка *).

Въ 1839 году на берегу Чернаго моря отряду Раевскаго, изъ 8-ми баталіоновъ Тенгинскаго и Навагинскаго полковъ, 2-хъ ротъ саперъ, 2-хъ полковъ пѣшихъ черноморскихъ казаковъ при 24-хъ орудіяхъ, предстояло построить три укрѣпленія при устьяхъ рр. Субаши и Псезуапе и промежуточное между Анапою и Новороссійскомъ.

Во второй половинѣ апрѣля десантъ сосредоточился на берегу Чернаго моря между Бургасомъ и Таманью. 28-го посадка войскъ на суда была окончена, и послѣ напутственнаго молебна эскадра, подъ начальствомъ контръ-адмирала Лазарева, вышла въ море. Предстояла высадка близъ устья р. Субаши въ землѣ убыховъ, самаго воинственнаго и враждебнаго намъ населенія на всемъ Западномъ Кавказѣ. Освѣдомленные заранѣе

*) Отряду были пожалованы слѣдующія награды: подполковнику Хлюпину, шт.-капитанамъ Маслову и Масловичу—слѣдующіе чины; подпоручику Вознесенскому—объявлено Монаршее благоволеніе; 6-ти нижн. чинамъ пожалованы знаки отличія военнаго ордена; унт.-офицеръ Янъ Романовскій произведенъ въ прапорщики. Арх. окр. шт., дѣло № 64, особаго отдѣл. за 1839 г.

о мѣстѣ десанта, горцы со всѣхъ сторонъ стали стекаться къ этому пункту; ночью на протяженіи трехъ верстъ всѣ окрестныя возвышенности долины Субаши унизаны были сторожевыми огнями.

3-го мая поднявшееся солнце освѣтило трогательную картину: нѣсколько сотъ человѣкъ убыховъ стояли на колѣняхъ, и передъ ними мулла въ бѣлой чалмѣ,—горцы молились, прося дать имъ силы на предстоящую борьбу. Огонь съ судовъ не прерывалъ ихъ молитвы нѣкоторое время, но наконецъ гребныя суда съ десантомъ стройно двинулись къ берегу *).

Первымъ рейсомъ высадился 2-й баталіонъ Тенгинскаго полка съ 2-мя горными орудіями, подъ начальствомъ своего бывшаго командира генералъ-маіора Кашутина; лѣвѣе его и немного сзади двигался нашъ 3-й баталіонъ; правое прикрытіе составляли два баталіона навагинцевъ; въ общій резервъ, подъ начальствомъ подполковника Выласкова, назначенъ былъ сводный баталіонъ отъ обоихъ полковъ.

Лишь только высадились войска, составлявшія передовое прикрытіе, какъ вся колѣнопреклоненная толпа поднялась на ноги и бѣглымъ шагомъ, безъ выстрѣла, съ обнаженными шашками, ринулась на центръ боевой линіи, состоявшій изъ нашего 2-го баталіона. Отъ стремительнаго натиска цѣпь стрѣлковъ нѣсколько подалась назадъ къ своему резерву. Увидѣвъ критическое положеніе тенгинцевъ, ген. Кашутинъ, перекрестившись, сталъ во главѣ ихъ и повелъ баталіоны въ штыки; завязался неравный, рукопашный бой—одному приходилось драться противъ трехъ. Силы тенгинцевъ быстро таяли, и перевѣсъ боя сталъ уже клониться на сторону горцевъ, но въ это время въ тылу ихъ раздалось побѣдоносное ура, и 3-й баталіонъ навагинцевъ, дебушировавшій изъ лѣсу, открылъ ружейный огонь во флангъ и тылъ непріятеля. Убыхи дрогнули и стали отступать, спѣша занять ближайшую вершину горы. Въ это время наша 6-я мушкетерская рота подкатила на рукахъ два легкихъ орудія (лошадей не успѣли еще выгрузить), и артиллеристы брызнули картечью въ тол-

*) Арх. окр. шт., дѣло № 112 по 2-му отд. ген. шт. за 1839 годъ.

пу. Теряя многихъ убитыми и ранеными, горцы начали отступать въ порядкѣ и мѣстами пробовали нѣсколько разъ переходить снова въ атаку, но безуспѣшно. Ефрейторъ 4-й мушкетерской роты Макаръ Лукьяновъ, видя, что нѣсколько человѣкъ убыховъ устремились къ тяжело раненому прапорщику Лутковскому, размахнулся ружьемъ съ намѣреніемъ вонзить штыкъ одному изъ нихъ, но самъ былъ раненъ кинжаломъ въ лѣвую руку; вслѣдъ затѣмъ убыхъ сильнымъ сабельнымъ ударомъ разсѣкъ ему грудь по діагонали. Потеря отряда была велика: убито 4 офицера, 17 нижнихъ чиновъ, ранено 5 офицеровъ (Тенгинскаго полка поручики Рыковъ и Мажировъ) и 112 рядовыхъ.

Нужно было видѣть съ какимъ хладнокровіевъ и неустрашимостью распоряжались во время сѣчи наши баталіонные командиры Хлюпинъ и Данзасъ. Данзасъ былъ другомъ и товарищемъ по лицею Пушкина, секундантомъ на его трагической дуэли и свидѣтелемъ послѣднихъ минутъ жизни великаго поэта. Данзасъ изъ-за какой-то ссоры съ начальникомъ былъ переведенъ къ намъ въ 1839 году изъ С.-Петербургской инженерной команды. Рѣдко можно было встрѣтить человѣка съ подобною храбростью и хладнокровіемъ, какими обладалъ онъ. Говорятъ, что, при осадѣ одной крѣпости во время персидской войны, генералъ Паскевичъ захотѣлъ узнать ширину передового рва; Данзасъ, состоя тогда еще поручикомъ саперная баталіона, спустился, не смотря на градъ пуль, въ ровъ, медленными шагами измѣрилъ его и доставилъ главнокомандующему нужныя свѣдѣнія. Во время десантной высадки на Субаши, въ 1839 году, Константинъ Карловичъ проявлялъ чудеса храбрости; съ подвязанною рукою впереди своего баталіона стоялъ онъ на возвышеніи. «Пули какъ шмели жужжатъ и прыгаютъ возлѣ него,—писалъ очевидецъ,—а онъ говоритъ остроты и сыплетъ каламбуры. Ему кто-то замѣтилъ, что напрасно стоять на самомъ опасномъ мѣстѣ, а онъ отвѣтилъ: я самъ это вижу, но лѣнь сойти». Открытый и прямодушный характеръ Данзаса привлекалъ къ нему всѣхъ; его офицеры любили и звали между собою maréchal de Soubise. Нижніе чины его баталіона тоже въ немъ души не чаяли. «От-

чего это нашего полковника зовутъ Данзасъ?»—спросилъ одинъ соллатикъ другого. «Вѣстимо отчего,—отвѣчалъ тотъ,—родился онъ на Дону и приходится съ родни генералу Зассу; ну, вотъ и вышло Донъ-Зассъ». Виновнику этой шутки, случайно слышавшему весь разговоръ, этотъ каламбуръ такъ понравился, что онъ тутъ же подарилъ серебряный рубль солдату-краснобаю. Къ сожалѣнію Данзасъ, не смотря на выдающіяся свои способности, не имѣлъ большого успѣха по службѣ, благодаря только своему ядовитому языку. Въ 1856 году онъ перевелся чиновникомъ въ петербургскую коммиссаріатскую коммиссію и тогда же вышелъ въ отставку въ чинѣ генералъ-маіора; онъ умеръ въ 1870 году въ такой бѣдности, что пришлось похоронить его на счетъ казны *).

Общими усиліями непріятель былъ оттиснутъ и десантъ расположился лагеремъ на берегу.

12-го мая было освящено мѣсто подъ новое укрѣпленіе, и на слѣдующій день начались крѣпостныя работы. По прежнему высылались самостоятельные отряды для рубки лѣса, вязанія туровъ, фашинъ и на фуражировку. Эти движенія, конечно, не обходились безъ перестрѣлокъ и довольно жаркихъ. Такъ, 27-го мая два баталіона Навагинскаго и сводный Тенгинскаго полковъ (двѣ роты 1-го и двѣ 4-го баталіона) съ 2-мя горными единорогами и 4-мя ручными мортирками, подъ командою генерала Кашутина, выступили изъ лагеря для прикрытія рубки лѣса на возвышенности противъ лѣваго фланга нашего расположенія. Взобравшись на гору, войска расположились за устроенными завалами. Толпа горцевъ, въ нѣсколько сотенъ, много разъ бросалась въ шашки на засѣку, но каждый разъ отступала съ урономъ. Поднять орудіе на значительную крутизну не представлялось пока никакой возможности, поэтому артиллеристы ограничивались бросаніемъ къ сторонѣ горцевъ 6-и-фунтовыхъ зажженныхъ гранатъ. Черкесы въ свою очередь перебрасывали за засѣку камни и куски деревьевъ. Неболь-

*) Записки П. Лорера. Рус. арх. за 1876 г., кн. 2 и 9. Энциклопедія Брокгауза. Т. 19. Со словъ Данзаса П. Амосовымъ была составлена извѣстная брошюра: «Послѣдніе часы жизни Пушкина».

шому отряду пришлось отразить 13 атакъ, пока, наконецъ, съ большими усиліями не были втащены на гору легкое орудіе и горный единорогъ. Картечный огонь нѣсколько охладилъ горцевъ и заставилъ ихъ прекратить нападенія и ограничиться только одною перестрѣлкою, во время которой раненъ былъ Тенгинскаго полка подпоручикъ Кузьминскій. Съ наступленіемъ темноты войска покинули засѣки и съ громкими пѣснями возвратились въ лагерь. Потеря этого дня была значительна: ранено два офицера и 35 нижнихъ чиновъ, убито 15 рядовыхъ. Съ особенною похвалою Раевскій отзывался «о храбрости и отличной распорядительности» Тенгинскаго полка подполковника Данзаса, подпоручика Голынскаго, фельдфебеля 10-й мушкетерской роты Михаила Игнатьева и унтеръ-офицера Феликса Ордынскаго (изъ государственныхъ преступниковъ).

Открытыхъ нападеній на лагерь горцы не осмѣливались производить и ограничивались только бросаніемъ ядеръ съ сосѣднихъ высотъ, не причиняя, однако, намъ никакого вреда. Выстрѣлы черкесы направляли въ зеленую палатку походной церкви Тенгинскаго полка, предполагая, что здѣсь живетъ самъ паша Раевскій. Больше всего доставалось священнику и дьячку, палатка которыхъ разбита была около церкви, и не разъ приходилось имъ искать спасенія въ болѣе безопасномъ мѣстѣ *). 5-го іюля всѣ работы были закончены и тогда же совершено освященіе новаго укрѣпленія, названнаго Головинскимъ.

На слѣдующій день началась посадка войскъ на суда; во время нагрузки къ начальнику отряда явилось нѣсколько человѣкъ горцевъ, спросившихъ генерала, гдѣ теперь высадятся наши войска. Раевскій по рыцарски открыто имъ объявилъ, что слѣдующая наша высадка будетъ у устья р. Псезуапе, и даже предложилъ теперь же осмотрѣть планъ крѣпости во всей подробности.

7-го іюля, въ 8 часовъ утра, эскадра бросила якорь у названнаго пункта. Обстоятельства, сопровождавшія высадку на берегъ и заложеніе форта Лазарева, были тождественны съ

*) Изъ записокъ Лорера. Рус. Архивъ за 1874 годъ, кн. 2 и 9.

предъидущими. Тенгинцы снова направлены были впереди всѣхъ и еще разъ блестяще оправдали довѣріе высшаго начальства. «Лагерная жизнь,—пишетъ Федоровъ,—шла обычнымъ порядкомъ: хорошо ѣли, пили, кутили, играли въ карты; вмѣсто газетъ и журналовъ читали приказы и приказанія». Работы успѣшно подвигались впередъ, и къ среднимъ числамъ августа валы почти были выведены. Оставалось теперь только обезлѣсить окружающія высоты, гдѣ всегда скрывались многочисленныя толпы горцевъ, и откуда они легко могли незамѣтно подкрадываться къ укрѣпленію.

30-го августа 1-й и 3-й баталіоны Тенгинскаго и 2-й Навагинскаго полковъ, подъ начальствомъ полковника Филипсона, выступили для занятія горъ на лѣвомъ флангѣ нашего расположенія. Горцы не ожидали этого внезапнаго наступленія и поэтому не оказали почти никакого сопротивленія. Вершина горы была быстро занята тенгинцами, которые и расположились за засѣкою, прикрывъ рабочихъ Навагинскаго полка, рубившихъ лѣсъ; но не прошло и часа, какъ къ этому мѣсту стали стекаться толпы непріятеля, съ которымъ у тенгинцевъ завязалась жаркая перестрѣлка. Пользуясь высокою травою, десятка два черкесовъ незамѣтно подползли почти къ самой цѣпи и тутъ были замѣчены; подпрапорщикъ Выргликовскій, сдѣлавъ выстрѣлъ, убилъ одного изъ нихъ, въ то же самое время рядовой Архипъ Осиповъ, съ крикомъ ура, бросился впередъ и своимъ примѣромъ увлекъ цѣпь; горцы почти всѣ были переколоты. Къ 7-ми часамъ вечера отрядъ благополучно возвратился въ лагерь.

Оставивъ въ гарнизонѣ укрѣпленія Лазарева 4-ю мушкетерскую роту Тенгинскаго полка и 100 казаковъ подъ начальствомъ капитана Марченко, г. Раевскій съ остальными войсками отплылъ на судахъ въ Анапу, откуда и выступилъ на р. Мескачи, для постройки промежуточнаго укрѣпленія между Анапою и Новороссійскомъ. 18-го октября было произведено освященіе форта, названнаго Раевскимъ. Гарнизономъ здѣсь оставлена 6-я мушкетерская рота нашего полка; остальныя же войска распущены по домамъ.

Экспедиція этого года была окончена, а вмѣстѣ съ нею довершено и устройство черноморской береговой линіи, которая получила своего отдѣльнаго начальника, въ лицѣ генералъ-маіора Раевскаго, произведеннаго за босвыя отличія въ генералъ-лейтенанты *).

*) За военныя дѣйствія 1839 года нашему полку пожалованы слѣдующія награды: подполковнику Выласкову—св. Анны 2-й степ. съ императорскою короною; полковнику Хлюпину, капитану Гриневичу, Масловичу, поручику Шуклину—золотая полусабля съ надписью «за храбрость»; шт.-капитанамъ Ярошевскому, Корецкому 1-му—слѣдующій чинъ; подполковникамъ Данзасу, Бардовскому, капитану Маслову, шт.-капитанамъ Корзуну, Горбу—св. Станислава 2-й степени съ императорскою короною; поручикамъ Титову, Станаеву—Станислава 3-й степ.; поручикамъ Центоровскому, Кузьминскому 2-му, Лебеденко, Миткевичу, подпоручикамъ Кравкову и Каншину—св. Анны 4-й степ. съ надписью «за храбрость»; поручикамъ Баженову, Антипову, Голынскому и Франку—св. Анны 3-й степ. съ бантомъ; подпрапорщики Ксархаки, Вѣтаровъ, Корецкій 3-й, Корецкій 4-й, Унтиловъ, унтеръ-офицеры Солдатовъ, Тадеушъ, Пенскій, Крекинъ, Муравскій, Журавлевъ, Кондратенко, Сальницкій и Члейскій—въ прапорщики; 25 нижнихъ чиновъ награждены знаками отличія военнаго ордена. Арх. окр. шт., дѣло № 15, ч. I и II, по особому отдѣленію, за 1840 годъ.

Глава V.

1840 годъ. Кавказская береговая линія. Прибрежные жители. Военная организація убыховъ. Общій подъемъ горцевъ. Плохое состояніе укрѣпленій. Бѣдствія ихъ гарнизоновъ. Смертность. Сторожевыя собаки. Блокада черкесскихъ береговъ. Вооруженія горцевъ. Фортъ Лазарева. Гарнизонъ его. Капитанъ Марченко. 7-е февраля 1840 года. Нападеніе горцевъ. Гибель гарнизона. Усиленіе войскъ береговой линіи. Тяжелый походъ тенгинцевъ. Дѣятельность 4-го баталіона. Нападеніе горцевъ на форты. Состояніе Михайловскаго укрѣпленія. Гарнизонъ его. Штабсъ-капитанъ Лико. Слухи о намѣреніяхъ горцевъ. Организація обороны. Рѣшимость взорвать крѣпость. Архипъ Осиповъ. Его біографія. Рѣшеніе Осипова пожертвовать собою. Приготовленіе гарнизона къ бою. 21-е марта 1840 года. Нападеніе горцевъ. Ходъ боя. Взрывъ. Приказы Государя. *Первый рядовой*. «Слезою искренней въ молитвѣ». Памятники Лико и Осипову. Пѣснь 20-й дивизіи. Награды семьямъ погибшихъ. Усиленіе береговой линіи. Нападеніе горцевъ на Абинъ. Наказанія горцевъ. Осенняя высадка тенгинцевъ въ Вельяминовскомъ. Походъ въ Абхазію. Дальская экспедиція. Награды.

Восточное побережье Чернаго моря, гдѣ послѣднія шесть лѣтъ сосредоточены были военныя дѣйствія отряда Вельяминова, затѣмъ Раевскаго, имѣетъ къ югу отъ Новороссійска видъ горной страны. Утесистые отроги главнаго хребта Кавказскихъ горъ падаютъ въ море почти отвѣсными обрывами; скаты ихъ покрыты вѣковыми лѣсами и почти нѣтъ воздѣланной земли. Природа здѣсь угрюма, величава и могуча своею силою; серебристый тополь, дубъ, букъ, кедръ, дикій виноградъ, масса фруктовыхъ деревьевъ, пальма, образуютъ, переплетаясь между собою, непроходимыя чащи. Климатъ этой мѣстности далеко не изъ здоровыхъ: гніющія растенія и обширныя болота въ устьяхъ рѣкъ служатъ источниками губительной маляріи или особаго вида лихорадки, протекающей чрезвычайно быстро и кончающейся почти всегда смертью. Дорогъ для колесной ѣзды здѣсь не было; войска обыкновенно двигались по узкимъ горнымъ тропинкамъ, имѣя орудія и тяжести на вьюкахъ. Правда, на всемъ протяженіи отъ Геленджика до Гагръ Черное море отмыло оконечности горныхъ кряжей, образовавъ узкую прибрежную полосу изъ песка, щебня и камня, шириною отъ 5—10 саженей, и при спо-

койномъ состояніи моря это былъ единственный болѣе или менѣе удобный путь по морскому берегу, но во время прибоя волны совершенно заливали эту природную дорогу и дѣлали движеніе по ней невозможнымъ.

Обитатели этой мѣстности принадлежали къ черкесскимъ племенамъ (адыге), изъ нихъ натухайцы населяли уголъ между Чернымъ моремъ и низовьемъ Кубани и оба склона главнаго хребта до небольшой рѣчки Боу, которая впадала въ море южнѣе Головинскаго форта. Шапсуги, сосѣдственные натухайцамъ, занимали на сѣверной покатости горъ пространство отъ р. Адагума до р. Супсъ, а на южной смѣшивались съ натухайцами между рр. Пшадой и Шахе. Къ юго-востоку отъ нихъ до рѣки Хоста жили убыхи; по происхожденію и языку они не принадлежали къ черкесамъ, но нравы, общественное устройство у нихъ были настолько сходны, что большинство историковъ причисляло убыховъ тоже къ народу адыге, тѣмъ болѣе, что наравнѣ съ природнымъ языкомъ у нихъ употреблялся и языкъ черкесовъ. Всѣ перечисленныя племена не составляли одного «политическаго тѣла». Связь между ними поддерживалась изрѣдка народными собраніями, носившими характеръ исключительно совѣщательный.

По словамъ одного изъ лучшихъ знатоковъ горскихъ народовъ Карлгофа, «сходбища эти не имѣли ни постояннаго мѣста, ни опредѣленнаго времени; для созванія ихъ не было никакихъ общественныхъ властей; они собирались по общему голосу народа, который, по большому практическому навыку въ политикѣ своего края, самъ чувствовалъ, въ какое время настаетъ надобность въ общихъ совѣщаніяхъ.... Единство происхожденія, языка, вѣры, нравовъ и обычаевъ, связывали эти племена въ одно цѣлое, а общая опасность извнѣ, отъ нашего оружія, отвращали внутренніе раздоры». Всякіе споры, недоразумѣнія и распри рѣшались у нихъ посредниками, избираемыми на каждый случай отдѣльно. Приговоръ произносился не произвольно, а на основаніи народныхъ постановленій, вѣками освѣщенныхъ и передаваемыхъ изустно отъ одного поколѣнія къ другому; собраніе

этихъ коренныхъ народныхъ постановленій носило названіе *адата*. Религіозныя вѣрованія шапсуговъ, натухайцевъ и убыховъ, особенно низшаго сословія, носили характеръ какой-то смѣси христіанства, язычества и магометанства; наряду съ почитаніемъ священныхъ рощъ и жертвоприношеніями, они поклонялись крестамъ и совершали обрядъ, напоминавшій причащеніе, при которомъ чаша съ виномъ замѣнялась деревяннымъ сосудомъ, наполненнымъ бузою (крѣпкою водкою), а просфора кускомъ вареная пшена—гоми. Истинныхъ мусульманъ среди населенія встрѣчалось очень мало; это исключительно были люди, которые имѣли торговыя сношенія съ турками или же вступившіе съ ними въ самыя тѣсныя узы семейнаго родства.

Промышленность въ народѣ совершенно не была развита и общество оставалось въ первобытномъ полудикомъ состояніи; выгодная и легкая торговля невольниками порождала всеобщую лѣнь, тунеядство и способствовала развитію хищничества, во время котораго добывались плѣнные.

До устройства черноморской береговой линіи у жителей не было въ обращеніи никакой монеты, и они вели исключительно мѣновую торговлю; цѣнность вещей опредѣлялась людьми различнаго пола и возраста, скотомъ и извѣстнымъ числомъ штукъ матеріи, все равно какого бы достоинства эта послѣдняя не была. Только послѣ прочнаго водворенія здѣсь русскихъ, среди населенія стала ходить наша монета, и серебряный рубль послужилъ единицею при опредѣленіи цѣнности предметовъ. Всѣ внутреннія торговыя сдѣлки совершались обыкновенно изустно, и только во внѣшнихъ сношеніяхъ употреблялся письменный турецкій языкъ, такъ какъ свой собственный, природный, не имѣлъ азбуки.

У обитателей восточнаго побережья Чернаго моря, какъ и у остальныхъ черкесскихъ племенъ, отсутствовала всякая военная организація, и каждый дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію; только убыхи во время своихъ нападеній руководились кое-какими правилами, дѣлавшими ихъ до нѣкоторой степени болѣе серьезными противниками, чѣмъ остальные. Такъ, общимъ собра-

ніемъ передъ выступленіемъ въ походъ выбирался у нихъ предводитель, извѣстный своею храбростью, распорядительностью и способностью легко переносить всевозможныя лишенія. Вновь избранный вождь облекался почти неограниченною властью: всѣ безпрекословно обязаны были повиноваться и исполнять безропотно его распоряженія.

Передъ началомъ похода предводи́тель обыкновенно приказывалъ собраться въ одно какое-нибудь наиболѣе укрытое и неприступное ущелье, ближайшее къ мѣсту дѣйствій. Здѣсь производился счетъ, и затѣмъ всѣ прибывшіе раздѣлялись на самостоятельныя партіи или, какъ выражались убыхи, на отдѣльные огни, изъ жителей одной какой-нибудь деревни. Каждая партія выбирала себѣ кашеваровъ, дровосѣковъ и старшину; черезъ послѣдняго получались приказанія относительно дѣйствій. Всѣ отправляющіеся въ походъ обязывались имѣть хорошее вооруженіе, необходимую одежду и мѣсячное продовольствіе. При движеніи въ походъ соблюдался извѣстный порядокъ, напоминавшій строй: впереди слѣдовалъ авангардъ, который отъ себя высылалъ впередъ дозорныхъ для осмотра мѣстности; въ полуверстѣ шла главная партія по два человѣка въ рядъ; походную колонну замыкалъ арьергардъ; покидать и перемѣнять разъ указанныя мѣста строго воспрещалось. Для ночлеговъ, приваловъ и вообще остановокъ заранѣе намѣчались пункты въ наиболѣе глухихъ, укрытыхъ мѣстахъ, изобилующихъ лѣсомъ и водою. По прибытіи на мѣсто, партія останавливалась, разбивала шалаши, заготовляла дрова, разводила огонь; пикеты отъ авангарда и арьергарда тотчасъ же занимали всѣ проходы, въ ожиданіи прибытія людей, назначенныхъ въ ночной караулъ, которыхъ обыкновенно на посты разводилъ самъ предводитель.

Самыя нападенія убыхи дѣлали ночью, за полчаса до разсвѣта, и дрались отчаянно, дѣйствуя общею массою. Сражались они обыкновенно пѣшими; съ коня только дѣйствовали одни панцырники. Эти послѣдніе имѣли на головѣ шишакъ съ забраломъ, а на груди стальную кольчугу, скрытую подъ чекменемъ. Въ схваткахъ убыхи и родственные имъ племена дѣйствовали

кинжаломъ и шашкою своего издѣлія, достигавшаго высокаго совершенства. Огнестрѣльнымъ оружіемъ они владѣли тоже прекрасно и пріобрѣтали его, иногда вымѣнивая у турокъ, но большею частью покупая его у горскихъ армянъ. Дорого цѣнились боевые припасы, и послѣ каждаго дѣла назначались спеціально люди для вырѣзыванія кинжалами изъ деревьевъ свинца, изъ котораго потомъ выливались ихъ малокалиберныя пульки.

Большинство племенъ побережья Чернаго моря, вслѣдствіе вліянія Турціи, состояло изъ заклятыхъ нашихъ враговъ; сближеніе съ русскими считалось чуть ли не преступленіемъ противъ вѣры и народной независимости. Съ заложеніемъ первыхъ нашихъ береговыхъ укрѣпленій на общихъ собраніяхъ шапсуговъ, натухайцевъ и убыховъ былъ поднятъ жгучій вопросъ—въ какое положеніе стать имъ относительно Россіи? Подобно закубанцамъ, они по адріанопольскому трактату переходили въ русское подданство, и подобно же закубанцамъ у прибрежныхъ племенъ образовалось двѣ партіи. Болѣе благоразумные доказывали, что сопротивленіе ни къ чему не приведетъ и вызоветъ только ненужное кровопролитіе, что русскіе никого не тронутъ, если горцы установятъ у себя порядокъ и прекратятъ хищничество. Эти сторонники примиренія говорили, что лучше добровольно отдать русскимъ подъ укрѣпленія и станицы извѣстное количество пахатной земли, луговъ, лѣса, сохранивъ за собою самостоятельность, и только народному собранію предоставить право поднимать оружіе, налагая въ тоже время тяжелую пеню на тѣхъ, которые осмѣлились бы произвести самовольно хотя бы одинъ непріязненный выстрѣлъ. Но мнѣніе этой благоразумной партіи не было принято собраніемъ. Большинство, подъ вліяніемъ фанатическаго духовенства и нѣкоторыхъ проповѣдниковъ газавата, проникшихъ сюда съ Восточнаго Кавказа, рѣшило всѣми силами бороться противъ нашего водворенія на берегу. Собраніе разошлось, постановивъ прекратить всякія сношенія съ русскими и упорно отстаивать свою независимость.

Рѣшеніе было принято, но слѣдить за точнымъ его выполненіемъ было некому. Въ союзѣ прибрежныхъ племенъ не су-

ществовало никакихъ правительственныхъ учрежденій и общественныхъ властей, которыя могли бы понудить приверженцевъ мирныхъ сношеній съ нами свято выполнять общее народное постановленіе. Нѣкоторые ближайшіе къ нашимъ укрѣпленіямъ аулы мало по малу завели съ нами мѣновую торговлю, и тогда воинствующая партія выставила въ эти аулы посты, но это тоже ни къ чему не привело: истощивъ свои продовольственные запасы и соскучившись за покинутыми семействами, караульщики скоро разбѣжались, и торговыя сношенія, прерванныя на время, снова возобновились *).

Дѣла на черноморской кордонной линіи начали было принимать мирное направленіе, но скоро среди горцевъ стали появляться неблагонамѣренныя лица, сулившія народу скорую помощь европейскихъ державъ. Одинъ изъ нихъ Бель, называвшій себя англійскимъ посланникомъ, подарилъ даже натухайцамъ и шапсугамъ знамя, «Санджакъ независимости», присланное будто бы англійскимъ королемъ. Этотъ проходимецъ Бель увѣрялъ черкесъ, что скоро къ нимъ «пріѣдетъ особый посланникъ для выясненія, кто изъ нихъ далъ слово быть вѣрнымъ Россіи и кто нѣтъ. Давшіе слово вѣрности русскому Государю, останутся за Россіей, а остальные, по прежнему, будутъ вольными кавказцами». Черкесы заволновались. Заманчивыя обѣщанія Беля, раздаваемыя имъ какія-то грамоты съ громадными печатями и газетные листы съ статьями противъ Россіи убѣждали ихъ во мнѣніи, что они дѣйствительно имѣютъ дѣло съ представителемъ Англіи, и ненависть ихъ къ Россіи росла съ каждымъ днемъ. Одновременно съ этимъ въ горахъ дѣйствовали и польскіе эмиссары; они уговаривали народъ поголовно вооружиться и совмѣстными усиліями овладѣть нашими укрѣпленіями. Бѣжавшій изъ Сибири бывшей польской арміи поручикъ Якубовичъ или Якубъ-ханъ, какъ его называли черкесы, устроилъ даже въ горахъ лабораторію, гдѣ приготовлялъ для горцевъ порохъ и другіе военные припасы.

Къ концу 1839 года волненіе охватило все населеніе побе-

*) Карлгофъ—«О политическомъ устройствѣ черкесскихъ племенъ».

режья Чернаго моря. Обольщенныя надеждами на внѣшнюю помощь, воинственныя черкесскія племена составили сильный союзъ, во главѣ котораго сталъ убыхъ Хаджи-Берзекъ. Отъ 35-ти до 40-ка тысячъ натухайцевъ, шапсуговъ и абадзеховъ собрались въ разныхъ мѣстахъ. Большому сбору помогъ сильный голодъ въ горахъ, и даже жители покорныхъ намъ ауловъ покинули дома и семейства и примкнули къ общему движенію, въ расчетѣ поживиться при дѣлежѣ богатыхъ запасовъ во время разгрома береговыхъ укрѣпленій, которыя они поклялись взять до единаго. Хаджи-Берзекъ постарался придать всему сборищу горцевъ извѣстную военную организацію: каждое племя съ особеннымъ значкомъ составило отдѣльную дружину, подраздѣленную по ауламъ на сотни, пятидесятки и десятки. Всѣ миролюбивыя предложенія нашего правительства черкесы отвергли съ дерзостью и въ кроткихъ нашихъ мѣрахъ видѣли несомнѣнные признаки нерѣшительности и безсилія *). «Не нова,—доносилъ ген. Граббе,—непримиримая вражда закубанскихъ племенъ къ русскимъ, ихъ дикое и буйное мужество, но новы эти впервые обнаруживающіеся признаки народности, единодушіе возстанія, порядокъ и устройство, являющіеся въ ихъ сходбищахъ, повиновеніе избраннымъ начальникамъ, новыя средства, придуманныя ими для борьбы съ русскими, и согласное стремленіе къ одной общей цѣли. Послѣднія событія начинаютъ для этого края новую эпоху, совершенно отличную отъ прежнихъ временъ—эпоху войны народной, а не дѣйствій противъ хищническихъ партій, увлекаемыхъ желаніемъ грабежа» **).

Такимъ образомъ, положеніе дѣлъ на черноморской береговой линіи дѣйствительно становилось серьезнымъ, и грозная туча надвигалась на наши многострадальныя укрѣпленія. Разбросанныя на громадномъ пространствѣ среди недоступныхъ горъ съ одной стороны и малооживленнаго моря съ другой, они казались какими-то крошечными муравьиными гнѣздами, среди непріязненнаго населенія. «Дивишься,—говоритъ современникъ,—

*) Короленко. «Закубанскій край». Воен. Сбор. 1893 г. № 6.
**) Рапортъ графу Чернышеву отъ 7-го апрѣля 1840 г. за № 568.

какъ бурныя волны не залили ихъ, какъ буйные вѣтры горъ не сбросили въ море» *). Построенныя на скорую руку изъ матеріала, который имѣлся подъ рукою, укрѣпленія береговой линіи отъ времени и дѣйствія безпрерывныхъ дождей скоро пришли въ полное разрушеніе: бойницы изъ сырцоваго кирпича обвалились, внутренняя крутость, облицованная мѣстнымъ камнемъ, отстала, банкеты и передовые рвы на половину заплыли. Не въ лучшемъ состояніи находилось и вооруженіе на валахъ: чугунныя орудія были разныхъ калибровъ и арсеналовъ, преимущественно изготовленія 1813 года; помимо ихъ въ укрѣпленіяхъ находилось много полупудовыхъ укороченныхъ, давно уже вездѣ выведенныхъ изъ употребленія, единороговъ, которые при каждомъ выстрѣлѣ опрокидывались назадъ; деревянные лафеты погнили и совершенно разсыпались при выстрѣлѣ.

При такомъ состояніи обороны, укрѣпленія конечно не могли служить твердымъ оплотомъ для гарнизоновъ, и вмѣсто того, чтобы быть грозою для окружающаго населенія, они скоро сами очутились въ блокадномъ состояніи. Выходить за валы укрѣпленія въ одиночку было опасно, такъ какъ горцы подстерегали въ ближайшихъ лѣсахъ и оврагахъ. Заготовленіе дровъ, сѣна, пастьба скота, воздѣлываніе огородовъ—все это не обходилось безъ потерь и подчасъ довольно значительныхъ. Даже нерѣдко могилы, писалъ корпусный командиръ Головинъ, приходилось «исторгать у варваровъ съ оружіемъ въ рукахъ и платить за нихъ жизнью товарищей усопшаго».

За отсутствіемъ всякаго сухопутнаго сообщенія, укрѣпленія сносились между собою и съ окружающимъ міромъ всего два раза въ годъ, когда доставлялся провіантъ; изрѣдка, да и то случайно, при благопріятномъ состояніи погоды, заглянетъ бывало сюда одинъ изъ нашихъ крейсеровъ, чтобы забрать больныхъ; съ наступленіемъ же зимнихъ мѣсяцевъ всякое сообщеніе прекращалось, такъ какъ страшная буря, срывающаяся съ вершинъ кавказскихъ горъ, грозила гибелью судамъ. Укрѣпленія тогда должны были расчитывать въ отношеніи обороны только на

*) Н. М. «Воспоминаніе о Кавказѣ».

собственныя силы, безъ всякой надежды на помощь извнѣ. Средства же борьбы были далеко не равны; врагъ въ числительномъ отношеніи превышалъ несчастные гарнизоны въ нѣсколько сотъ разъ и требовалъ для отраженія гораздо болѣе значительныхъ силъ, чѣмъ мы располагали на береговой линіи. Вмѣсто 25.980 человѣкъ, требовавшихся по общему протяженію линіи огня, мы располагали всего на всего 2776-ю рядовыми, и изъ этого числа только половина была на ногахъ, остальные лежали по госпиталямъ и лазаретамъ. Люди исключительно болѣли перемежающей лихорадкой, которая послѣ нѣсколькихъ приступовъ пароксизма оканчивалась спячкою, столонякомъ или ударомъ; если же болѣзнь затягивалась, то вызывала крайнее малокровіе и переходила въ цынгу или завершалась смертельнымъ кровавымъ поносомъ. Во врачахъ ощущался большой недостатокъ, фельдшера же и цирюльники плохо знали свое дѣло. Послѣдніе, визитируя больныхъ, обыкновенно разносили съ собою ведро изготовленной ими укрѣпительной микстуры—mixtura-roborans,—или «рубанецъ» на образномъ языкѣ солдатъ; это было универсальное и почти единственное средство отъ всевозможныхъ болѣзней. Хины отпускалось весьма незначительное количество, и врачи избѣгали щедро расходовать это дорогое и тогда еще новое средство изъ боязни получить замѣчаніе отъ старшаго медицинскаго начальства *). Питаніе нижнихъ чиновъ было самое незавидное: по цѣлымъ мѣсяцамъ пищу гарнизоновъ составляли солонина, хлѣбъ, крупа и картофель; свѣжее же мясо и овощи считались величайшею рѣдкостью. Люди имѣли вообще болѣзненный и апатичный видъ. Каждый хорошо сознавалъ, какая участь его ожидаетъ, и постояннымъ напоминаніемъ служила громадныхъ размѣровъ палатка, разбитая внутри укрѣпленія, куда складывались трупы убитыхъ и умершихъ, пока ихъ не предавали землѣ внѣ крѣпости. Но и костямъ часто не суждено было найти покоя—горцы безжалостно вырывали трупы и бросали ихъ на съѣденіе шакаламъ. Безъ покаянія и погребальныхъ обрядовъ сходили въ мо-

*) Записки Филипсона.

гилу несчастные защитники береговыхъ укрѣпленій, и это послѣднее утѣшеніе было отнято у солдата, такъ какъ нигдѣ не было храмовъ Божьихъ. Въ 1839 году смертность достигла 20%, но въ нѣкоторыхъ частяхъ, она доходила за нѣсколько мѣсяцевъ до 50-ти. Такъ, въ 4-й мушкетерской ротѣ тенгинцевъ, находившейся въ гарнизонѣ форта Лазарева, за девять мѣсяцевъ изъ 200 рядовыхъ, съ должнымъ числомъ унтеръ-офицеровъ, осталось въ живыхъ всего 108 человѣкъ; всѣ остальные умерли. Случалось, что девять десятыхъ числа солдатъ лежали больными и некому было занимать крѣпостные караулы.

Не смотря на ужасное свое положеніе, гарнизоны, со свойственною русскому солдату покорностью, не переставали исполнять тяжелую службу. Цѣлыми днями проводили они надъ работами по исправленію полуразрушившихся крѣпостныхъ сооруженій, ночью же стояли на валахъ въ полной готовности отразить нападеніе непріятеля. «Черкесы,—говоритъ въ своихъ запискахъ баронъ Торнау,—заставляли нѣсколько разъ ночью выбѣгать на брустверъ въ одной рубашкѣ и по цѣлымъ часамъ напрасно ожидать нападенія, которое обыкновенно они производили, измучивъ сперва гарнизонъ пустыми ночными тревогами, продолжавшимися иногда цѣлыми мѣсяцами» *). Подобное страшное напряженіе физическихъ и моральныхъ силъ подтачивало здоровье людей и еще больше подготовляло почву для всевозможныхъ заболѣваній. Кавказское начальство предполагало смѣнять черезъ каждыя двѣ недѣли гарнизоны береговыхъ укрѣпленій; но недостатокъ войскъ и затруднительная перевозка ихъ были причиною тому, что однѣ и тѣ же роты по нѣсколько лѣтъ оставались на тѣхъ же мѣстахъ. Обреченные на постоянное затворничество, люди впадали въ уныніе и мало по малу начинали предаваться пьянству. Не мало этому способствовало еще и отсутствіе въ укрѣпленіяхъ женщинъ, «которыя вообще скрашиваютъ жизнь даже при самой ужасной обстановкѣ». «Тяжело молодому рекруту,—доносилъ генералъ Раевскій,—въ цвѣтѣ лѣтъ не имѣть другой будущности, какъ только прослу-

*) Баронъ Торнау—«Воспоминанія кавказскаго офицера».

жить 25 лѣтъ въ тѣсной крѣпости, не видавъ женщинъ въ лучшіе годы своей жизни» *).

Сторожевая служба солдатъ въ береговыхъ укрѣпленіяхъ была бы несравненно тягостнѣе, если бы солдаты, по своей всегдашней привычкѣ приручать различныхъ животныхъ, не держали огромныхъ собакъ, чрезвычайно искусно выдрессированныхъ выслѣживать горцевъ, далеко чуять ихъ и караулить укрѣпленія по ночамъ. Собаки эти были вполнѣ узаконены, получали казенный провіантъ и находились въ большей части у солдатъ, которые никогда не покидали ихъ въ дѣлѣ; раненую собаку приносили нерѣдко въ укрѣпленіе на шинели и лѣчили въ лазаретѣ наравнѣ съ людьми. Собаки были до того пріучены къ своему дѣлу, что при первомъ звукѣ барабана, призывавшаго къ сбору, собирались передъ командой, и затѣмъ, разсыпавшись впереди стрѣлковъ, бѣжали все время впереди и своевременно открывали засѣвшаго въ лѣсу непріятеля. Во время дѣла нѣкоторыя собаки храбро нападали на черкесовъ. Послѣ вечерней зари собакъ выпускали за укрѣпленіе, вокругъ котораго онѣ рыскали цѣлую ночь и неистовымъ совершенно особымъ лаемъ давали знать, когда горцы подкрадывались къ валамъ. Много разъ онѣ предупреждали нападенія **). Теперешній проектъ, относительно заведенія въ частяхъ сторожевыхъ собакъ, есть только возвратъ къ старому, шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ практиковавшемуся пріему на Кавказѣ.

Вотъ въ общихъ чертахъ каковы были жизнь въ этихъ береговыхъ укрѣпленіяхъ и общее ихъ состояніе. По своей ничтожности и слабости гарнизоновъ они не могли выполнять своего назначенія; турецкія суда чуть ли не на глазахъ нашихъ войскъ приставали къ черкесскимъ берегамъ, снабжали населеніе военными припасами и увозили плѣнныхъ для продажи въ неволю. Крейсирующая эскадра, въ составъ которой входило всего семь судовъ, по состоянію моря часто не въ силахъ была угоняться за кочермами, быстро ходившими подъ парусами и

*) Короленко. «Закубанскій край», Воен. Сбор. 1893 г. № 6.

**) Баронъ Торнау—«Воспоминанія Кавказскаго офицера», Русск. Вѣсти., 1864 годъ, ноябрь.

ограничивалась только малодѣйствительными пушечными выстрѣлами по нимъ. Обыкновенно турецкія плоскодонки, на основаніи международнаго права, смѣло останавливались въ трехъ миляхъ отъ берега, объявленнаго въ блокадѣ, и спокойно выжидали удобной минуты, когда можно было на всѣхъ парусахъ помчаться къ берегу и, быстро выгрузившись, уйти снова въ море. По предложенію контръ-адмирала Лазарева, въ помощь блокирующей эскадрѣ при каждомъ изъ береговыхъ укрѣпленій заведено было по одному или по два «мальтійскихъ баркаса» съ фальконетомъ или каронадою въ носовой части; на обязанности этихъ судовъ лежало поддерживать связь между укрѣпленіями и внезапнымъ появленіемъ уничтожать контрабандныя суда, приставшія къ берегу.

Горцы скоро поняли ничтожность нашихъ фортовъ, не имѣвшихъ прочной связи между собою и съ линіею; гарнизоновъ же не только не боялись, но даже сами держали ихъ въ напряженномъ ожиданіи нападенія. По словамъ генерала Фадеева, черкесы не разъ говорили: «укрѣпленіе это камень, брошенный въ полѣ,—вѣтеръ и дождь снесутъ его» *). Горцы, подстрекаемые муллами, которые предвѣщали, что 40-й годъ долженъ быть годомъ торжества мусульманства надъ крестомъ, рѣшили воспользоваться нашею слабостью и овладѣть всѣми прибрежными фортами и, слѣдуетъ отдать справедливость, прекрасно подготовили почву для этого. Подъ предлогомъ торговли, они свободно проникали въ укрѣпленія и успѣли замѣтить слабѣйшіе пункты обороны и, главнымъ образомъ, бѣдственное положеніе гарнизоновъ, что конечно облегчало имъ успѣхъ. Помимо того, по словамъ лазутчиковъ, наши дезертиры изъ поляковъ всегда доставляли горцамъ точныя свѣдѣнія о положеніи фортовъ; они же научили ихъ во время штурма закидывать фашинами рвы укрѣпленій и влѣзать на валы и палисады при помощи длиннаго шеста съ крючкомъ на одномъ концѣ и косою на другомъ. Одежда, обувь и оружіе у горцевъ были какъ нельзя болѣе приноровлены къ тому способу войны, который они практиковали уже

*) Короленко. «Закубанскій край», Воен. Сборн. 1893 года, кн. 6.

много вѣковъ. Въ сѣрой своей черкескѣ, они незамѣтно и неслышно подползали къ непріятелю на самое близкое разстояніе, пользуясь при этомъ очень искусно всѣми складками пересѣченной мѣстности. Передъ атакой, по разсказамъ одного выходца изъ горъ, мулла вынималъ какую-то святыню, всѣ падали ницъ и клялись умереть, но не бросать святого дѣла—истребленія гяуровъ. Съ разсвѣтомъ, по условленному знаку, вся громадная толпа стремительно бросалась въ атаку, и весьма часто наши гарнизоны до рукопашной схватки едва успѣвали выпустить по одному залпу или картечному выстрѣлу *).

Первое укрѣпленіе, на которое обрушились горцы былъ фортъ Лазаревъ, расположенный между Головинскимъ и Вельяминовскимъ укрѣпленіями. Въ гарнизонѣ его находилась 4-я мушкетерская рота Тенгинскаго полка, въ составѣ 3-хъ офицеровъ, капитана Марченко, онъ же и воинскій начальникъ, прапорщиковъ братьевъ Федоровыхъ и 160-ти нижнихъ чиновъ. Помимо того, въ укрѣпленіи находился сапернаго баталіона прапорщикъ Бурачковъ съ небольшою командою мастеровыхъ и хорунжій Черкобаевъ съ 12-ю человѣками азовскихъ казаковъ, охранявшихъ блокгаузъ, расположенный на берегу моря, въ разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ форта. Укрѣпленіе вооружено было 8-ю морскими орудіями стараго типа, такъ какъ крѣпостныя своевременно не были доставлены. Валы были совершенно обрушены, и ровъ настолько засыпанъ, что нигдѣ не составлялъ преграду для движенія; это вынудило поставить рядъ рогатокъ по дну рва.

Капитанъ Марченко былъ переведенъ къ намъ въ 1838 году изъ Полтавскаго пѣхотнаго полка, расположеннаго въ Россіи. Это былъ человѣкъ малограмотный, едва умѣвшій читать и писать, но въ высшей степени самонадѣянный и упрямый. Всего одинъ разъ ему пришлось принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ за р. Кубанью, и это уже дало ему право съ пренебреженіемъ относиться къ противнику и къ совѣтамъ другихъ болѣе опытныхъ людей. На правахъ воинскаго начальника онъ безъ

*) Центральный архивъ при управленіи начальника владикавказской мѣстной бригады, дѣло № 10006 за 1840 годъ.

разбора принималъ всѣхъ горцевъ, пріѣзжавшихъ въ укрѣпленіе для покупки соли, куначился съ ними и показывалъ имъ во всѣхъ подробностяхъ устройство крѣпости, склады, казармы, вооруженія и пр. Не разъ, похваляясь своею удалью и ловкостью, онъ вмѣстѣ съ кунаками, спускался въ ровъ укрѣпленія и взбѣгалъ на гласисъ. Конечно, горцы пользовались случаемъ и высматривали всѣ слабыя мѣста обороны. Говорятъ, они настолько были увѣрены въ успѣхѣ своего предпріятія, что въ день штурма подъѣхали къ укрѣпленію на арбахъ съ женщинами и дѣтьми для поднятія добычи. Младшіе офицеры въ ротѣ, братья подпоручикъ Павелъ и прапорщикъ Владиміръ Федоровы, были, не смотря на молодость, боевыми офицерами и много разъ предупреждали своего ротнаго командира не слишкомъ довѣряться горцамъ и не показывать имъ устройство укрѣпленія; но Марченко, со свойственнымъ ему упрямствомъ, продолжалъ поступать по своему и еще болѣе выказывалъ черкесамъ знаки расположенія.

Съ ноября мѣсяца прошлаго года цынга и лихорадка начали усиливаться и въ мѣсяцъ умирало не менѣе 30-ти нижнихъ чиновъ. Находившійся въ укрѣпленіи штабъ-лѣкарь Федерлей настаивалъ на посылкѣ донесенія о скверномъ санитарномъ состояніи гарнизона и, совмѣстно съ остальными офицерами, предлагалъ войти съ ходатайствомъ къ начальнику черноморской береговой линіи о скорѣйшей присылкѣ подкрѣпленія. Марченко упорно отвергалъ ихъ предложеніе, ссылаясь на то, что высшее начальство, узнавъ о такой значительной смертности, отдастъ его подъ судъ подобно тому, какъ это будто бы дѣлается въ полкахъ, расположенныхъ въ Россіи. На ряду съ подобною робостью передъ высшимъ начальствомъ, капитанъ Марченко проявлялъ большую отвагу по отношенію къ непріятелю и нѣсколько самоувѣренно говорилъ, что съ горстью гарнизона всегда сумѣетъ отстоять укрѣпленіе отъ тысячи подобныхъ оборванцевъ. Къ сожалѣнію увѣренность эта не оправдалась на дѣлѣ.

Въ первыхъ числахъ февраля, однако, на усиленіе форта прибыли изъ Геленджика всего 30 человѣкъ, посланные контръ-

адмираломъ Серебряковымъ, который случайно узналъ о бѣдственномъ положеніи гарнизона. Разумѣется, подобное подкрѣпленіе было ничтожно и не могло увеличить оборонительную способность форта, но оно хоть нѣсколько облегчало гарнизонъ въ несеніи караульной службы.

Наступило роковое 7-е февраля. Только что начало свѣтать; весь гарнизонъ былъ еще объятъ сномъ, и только человѣкъ шестнадцать часовыхъ бодрствовали на валахъ. Въ это время до полуторы тысячъ натухайцевъ, шапсуговъ и убыховъ подползали со всѣхъ сторонъ къ укрѣпленію, соблюдая необычайную тишину, обманувшую часовыхъ.

Въ тотъ моментъ, когда дежурный барабанщикъ вышелъ изъ казармы и началъ бить утреннюю зарю, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ вала, словно по сигналу, выросли черкесы и, молча бросившись на часовыхъ, начали ихъ рубить. Раздалось нѣсколько тревожныхъ криковъ... одинъ, другой выстрѣлъ... барабанщикъ тотчасъ же перемѣнилъ темпъ и ударилъ тревогу. Гарнизонъ проснулся; всѣ офицеры и солдаты выбѣжали на площадку передъ гауптвахтой, не успѣвъ одѣться, но захвативъ ружья. Горцы тѣмъ временемъ уже овладѣли тремя фасами безъ потерь, но затѣмъ остановились, видя готовность гарнизона къ отпору, и расположились за турами на валу. Фасъ, обращенный къ морю, гдѣ находился выходъ изъ укрѣпленія, не былъ еще занятъ непріятелемъ; артиллеристы и часть тенгинцевъ бросились туда къ двумъ чугуннымъ и одному мѣдному орудіямъ, съ трудомъ повернули ихъ во внутрь укрѣпленія и успѣли пять разъ осыпать картечью скопище горцевъ. Между тѣмъ солдаты, выбѣгавшіе изъ казармъ, составили три группы, кто-то крикнулъ ура, и все устремилось на фасы, занятые горцами. Смѣлая атака эта была встрѣчена мѣткимъ залпомъ, скосившимъ большинство нападавшихъ; остатки смѣльчаковъ принуждены были отступить; черкесы, выскочивъ изъ-за туровъ, хлынули за ними и перешли въ рукопашную. Гарнизонъ, не смотря на свою малочисленность, дрался отчаянно, но, подавленный въ концѣ концовъ превосходствомъ непріятеля и потерявъ почти всѣхъ

офицеровъ, принужденъ былъ отступить къ 3-й батареѣ. Въ это время капитанъ Марченко, захвативъ на гауптвахтѣ человѣкъ 10, съ шашкой наголо бросился на горцевъ; горсть оставшихся солдатъ ринулась за нимъ и штыками и выстрѣлами сбросила непріятеля съ валовъ. Это былъ минутный успѣхъ. Новыя силы горцевъ снова появились на гребнѣ бруствера, перескочили черезъ него и опять ворвались внутрь укрѣпленія. Чтобы не быть окруженнымъ, капитанъ Марченко вынужденъ былъ отступить къ западному фасу, къ блокгаузу, но наткнулся здѣсь на новую толпу горцевъ и былъ изрубленъ въ куски.

Послѣ трехчасовой сѣчи фортъ окончательно перешелъ въ руки непріятеля. Оставалось только человѣкъ 15 рядовыхъ съ унтеръ-офицеромъ изъ вольноопредѣляющихся Рантономъ и прапорщикомъ Федоровымъ. Сознавая, что насталъ и ихъ чередъ пасть въ честномъ бою, они продолжали сопротивленіе, но наконецъ Федоровъ свалился отъ полученной раны въ бокъ, за нимъ палъ и Рантонъ отъ кинжальной раны и удара прикладомъ; тогда на остальныхъ набросились горцы и обезоружили ихъ. Непріятель сдѣлался полнымъ хозяиномъ дорогою цѣною купленнаго форта.

Торжествуя побѣду, горцы проникли въ казармы, изрубили всѣхъ больныхъ и забрали амуницію; другіе кинулись къ пороховому погребу и начали выносить боченки съ порохомъ и патроны; орудія были свалены въ ровъ и зарыты въ землю; сложивъ внѣ укрѣпленія добычу, горцы приступили къ дѣлежу всего награбленнаго, при чемъ порохъ и пули отмѣривали горстями. Около полудня черкесы вынесли тѣла своихъ убитыхъ изъ укрѣпленія и подожгли все то, чего не могли захватить съ собою. Затѣмъ они направились въ горы, увлекая съ собою немногихъ изъ оставшихся въ живыхъ славныхъ защитниковъ форта Лазарева.

Часть изъ нихъ впослѣдствіи выбѣжала изъ плѣна, въ томъ числѣ и рядовой Комаревскій, который первый сообщилъ всѣ подробности этого печальнаго событія *). Раненые же и потомъ

*) См. приложеніе VII.

выздоровѣвшіе прапорщикъ Федоровъ 2-й и унтеръ-офицеръ Рантонъ, послѣ 9-ти-мѣсячнаго жестокаго плѣна, испытавъ тягость цѣпей на ногахъ и шеѣ, претерпѣвъ ужасный голодъ, которымъ морили ихъ горцы, были выкуплены, наконецъ, однимъ армяниномъ, жившимъ въ горахъ. Государь Императоръ впослѣдствіи наградилъ Федорова орденомъ св. Анны 3-й степ. съ бантомъ, 260-ю руб. единовременно и жалованіемъ за все время нахожденія въ плѣну; Рантонъ былъ произведенъ въ прапорщики съ награжденіемъ 150-ю рублями.

Извѣстіе о гибели форта Лазарева было получено въ штабѣ начальника черноморской береговой линіи только 11-го февраля черезъ крейсеръ, который случайно былъ очевидцемъ этого событія; никто этому извѣстію не хотѣлъ вѣрить. На рапортѣ генерала Раевскаго, доносившаго о случившемся, начальникъ корпуснаго штаба генералъ Коцебу даже сдѣлалъ помѣтку: «не можетъ быть» *). Тѣмъ не менѣе печальный фактъ существовалъ и что еще печальнѣе—онъ былъ началомъ ряда другихъ успѣховъ горцевъ на черноморской береговой линіи.

Государь отмѣнилъ въ этомъ году постройку новыхъ укрѣпленій на Цемесѣ, Гастогаѣ и у Вареникovской пристани и приказалъ снарядить сильную десантную экспедицію для занятія устья р. Псезуапе и возстановленія форта Лазарева.

Эти распоряженія не были еще приведены въ исполненіе, какъ поступило донесеніе о взятіи горцами въ ночь съ 28-го на 29-е февраля укрѣпленія Вельяминовскаго. Теперь не было сомнѣнія, что непріятель этимъ не ограничится и попытается овладѣть также остальными нашими прибрежными пунктами; необходимо было возможно скорѣй ихъ усилить свѣжими войсками и привести въ болѣе надлежащій видъ. Но въ распоряженіи начальника береговой линіи находилось всего 9 баталіоновъ, на половину, если не больше, ослабленныхъ болѣзнями; съ этими незначительными войсками, конечно, нельзя было спасти уцѣлѣвшіе форты, а потому изъ Крыма была поспѣшно направлена вся 13-я дивизія съ ея артиллеріею; до прибытія же этихъ войскъ въ

*) Кавк. Сборн., т. X, стр. 229.

распоряженіе генерала Раевскаго двинуты были въ Анапу Тенгинскій и Навагинскій полки, и послѣдовало распоряженіе о сформированіи вновь четырехъ линейныхъ баталіоновъ № 13—16.

Тенгинцамъ было дано только 24 часа на сборы, и 28-го февраля 1-й и 3-й баталіоны и 2-я гренадерская рота выступили форсированнымъ маршемъ, имѣя на людяхъ десятидневный провіантъ.

Полковникъ Хлюпинъ, которому поручено было вести колонну, весьма картинно описываетъ этотъ трудный походъ. «Въ ночь, предшествовавшую выступленію баталіоновъ изъ селенія Полтавскаго, 27-го числа февраля, выпалъ большой снѣгъ, который при сильномъ вѣтрѣ продолжался почти до вечера, потомъ наступилъ значительный морозъ. Слѣдовъ дороги рѣшительно не было; люди и обозъ должны были пробиваться цѣлиною. Не смотря на такое затрудненіе, баталіоны, пройдя 24 версты, прибыли въ 7 часовъ вечера по назначенію въ Петровскій постъ, гдѣ соединились съ 11-ю и 12-ю мушкетерскими ротами. Люди размѣстились по конюшнямъ и сараямъ и только пятая или четвертая часть въ казармахъ; не смотря на это, больныхъ не было. На другой день, 28-го числа, въ 7 часовъ утра роты выступили далѣе. Пройдя отъ Петровскаго верстъ шесть, пошелъ сильный снѣгъ, на половинѣ же пути поднялась необыкновенная мятель, такъ что въ двадцать шаговъ не видно было предметовъ. Слѣдъ мгновенно заносило и люди должны были прокладывать дорогу въ снѣгу, болѣе чѣмъ въ полъ аршина глубиною. Если бы мятель, которая несла на встрѣчу тучи снѣга, продолжалась еще часъ времени, то не знаю, много ли бы дошло до ночлега людей. Часа въ три пополудни погода утихла, но морозъ усилился; роты кое-какъ дошли на мѣсто ночлега до поста Андреевскаго. Здѣсь должны были расположиться по конюшнямъ, во многихъ мѣстахъ открытыхъ, и только небольшая часть въ казармѣ и на почтовой станціи. Дровъ не было, огней разложить было не изъ чего; обогрѣвали и оттирали людей по частямъ только въ казармахъ. Не смотря на это, оказалось довольно больныхъ, большая часть грудью иознобив-

шихъ на ногахъ пальцы. 27 человѣкъ такихъ людей оставилъ я на Андреевскомъ посту. 29-го числа роты выступили далѣе и, съ трудомъ прокладывая дорогу по глубокому снѣгу, къ вечеру прибыли сюда. Люди очень устали; приварка не имѣется, хлѣбъ всего имѣлся на четыре дня и завтра кончается. Полковой обозъ и большая часть ротнаго отстали еще на Копылѣ, а остальной и офицерскія повозки разбросаны на пространствѣ отъ Петровскаго поста до Темрюка. Что дѣлается съ 4-ю гренадерскою и 11-й мушкетерской ротами, я ничего сказать не могу, потому что никакихъ свѣдѣній объ нихъ не имѣю. Въ такихъ обстоятельствахъ мнѣ оставалось изъ двухъ бѣдъ избрать меньшее: или сдѣлаться виновнымъ въ отступленіи отъ даннаго маршрута и прибыть въ Анапу днемъ позже, но по возможности сберечь людей; или же прибыть въ свое время, но можетъ быть только съ третьею частью здоровыхъ нижнихъ чиновъ, слѣдуя при томъ безъ продовольствія и безъ обоза. Я рѣшилъ избрать первое, по моему мнѣнію лучшее,—остановиться на день въ Темрюкѣ, собрать всѣхъ людей, обозы и дать всѣмъ необходимый отдыхъ въ той увѣренности, что начальство приметъ въ уваженіе то положеніе, въ какое неожиданно я былъ поставленъ» *).

4-го марта полковникъ Хлюпинъ, оставивъ въ Темрюкѣ 40 человѣкъ больныхъ, прибылъ на Бугасъ, имѣя въ строю: 2-хъ штабъ, 18 оберъ-офицеровъ, 33 унтеръ-офицера, 50 музыкантовъ и 1294 человѣка рядовыхъ. По прибытіи частей, назначенныхъ въ подвижной резервъ черноморской береговой линіи, медленно усилены были гарнизоны укрѣпленій Михайловскаго, Вельяминовскаго и Головинскаго, и приступлено къ исправленію всѣхъ поврежденій, на что экстренно ассигновано было 90 тысячъ рублей, помимо той суммы, которая отпущена была раньше на устройство трехъ новыхъ фортовъ. Генералу Раевскому разрѣшено было употреблять на работы прибывшіе баталіоны полковъ Тенгинскаго, Навагинскаго и 4-хъ пѣхотныхъ черноморскихъ.

*) Полков. архивъ. Рапортъ подполк. Хлюпина отъ 1-го марта 1840 года за № 33.

Вѣсть о взятіи горцами двухъ прибрежныхъ фортовъ съ быстротою молніи распространилась въ горахъ. Тамъ началось общее ликованіе, и много искателей легкой наживы начало стекаться къ шапсугамъ. Начальники гарнизоновъ Абинскаго, Николаевскаго укрѣпленій и Ольгинскаго тетъ-де-пона нѣсколько разъ доносили о появленіи многочисленнаго непріятеля и просили о возможно скорѣйшей помощи. Генералъ Завадовскій предписалъ тогда командиру Тенгинскаго полка назначить въ составъ отряда, посылаемаго къ Абинскому укрѣпленію, и нашъ 4-й баталіонъ *), оставшійся при штабъ-квартирѣ для несенія караульной службы.

22-го марта отрядъ, подъ начальствомъ подполковника Могукорова, переправился за р. Кубань. Трудно себѣ представить тѣ затрудненія, которыя пришлось войскамъ преодолѣть на пути: болѣе пяти верстъ пѣхота шла въ бродъ черезъ тляхофижскія болота по поясъ, мѣстами по грудь въ водѣ; погода стояла сырая, густой туманъ окутывалъ окрестности, моросилъ мелкій дождь; пронизывающій холодъ еще болѣе усиливалъ трудность похода. По прибытіи къ переправѣ черезъ р. Куніпсъ, начальникъ отряда къ ужасу увидѣлъ, что всѣ плотины были прорваны непріятелемъ или же размыты сильнымъ теченіемъ воды. Кое-какъ переправились черезъ семь рукавовъ, неся на головахъ оружіе, сумы и артиллерійскіе заряды; по приближеніи же къ главному руслу, движеніе было пріостановлено, такъ какъ рѣка ревѣла и съ страшною силою несла огромныя, заостренныя, дубовыя колоды, которыя горцы умышленно бросали въ воду, чтобы не дать возможность намъ переправить конницу и артиллерію. Но горцы конечно не ожидали, чтобы эти же бревна послужили къ спасенію отряда. Фейерверкеръ Михайловъ, урядникъ Щербаковъ и рядовой нашей 10-й мушкетерской роты Викторъ Зильвертъ, не смотря на быстроту теченія и холодъ воды, самоотверженно бросились въ пучину и стали ловить колоды. Примѣръ ихъ увлекъ и остальныхъ нижнихъ чиновъ отряда, и скоро весь необходимый мате-

*) Въ строю — 6 офицеровъ, 39 унтеръ-офицеровъ и 400 нижнихъ чиновъ.

ріалъ былъ собранъ въ достаточномъ количествѣ, колоды связаны между собою, поверхъ ихъ настланъ плетень съ черкесскихъ караулень, а также хворостъ, доставленный казаками, и получился, такимъ образомъ, настолько прочный помостъ, что по немъ перешли всѣ люди и даже переправлены были всѣ тяжести; лошади же пущены въ плавь, а орудія и опорожненные зарядные ящики перетащены на лямкахъ по дну. Черкесы, обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, скоро спохватились и открыли частый огонь по войскамъ. Для прикрытія переправы были выдвинуты впередъ двѣ роты нашего полка, подъ командой штабсъ-капитана Корзуна, при двухъ конныхъ орудіяхъ и частью конницы. Удачное дѣйствіе артиллеріи и бѣглый огонь стрѣлковой цѣпи скоро заставили непріятеля удалиться на почтительное разстояніе. «Считаю при этомъ пріятною для себя обязанностью, доносилъ начальникъ отряда, свидѣтельствовать объ отличномъ мужествѣ рядового Тенгинскаго полка Виктора Зильверта (тотъ самый, что подалъ починъ къ ловлѣ бревенъ), который, не смотря на полученную рану, все время находился въ цѣпи, служа для всѣхъ примѣромъ».

По окончаніи переправы, отрядъ бодро и весело двинулся впередъ,—поборовъ природу, теперь никакой непріятель не былъ для него страшенъ. Въ 7 часовъ вечера, къ неописанной радости изнуреннаго абинскаго гарнизона, войска вступили, наконецъ, въ крѣпость, которая дѣйствительно оказалась въ печальномъ состояніи: рвы требовали углубленія, эскарпъ и контръ-эскарпъ совершенно обрушились, валы настолько осѣли, что почти не прикрывали людей.

Произведя необходимыя исправленія и усиливъ гарнизонъ 10-ю мушкетерскою ротой Тенгинскаго полка *), начальникъ отряда съ остальными войсками выступилъ къ р. Кубани, куда и прибылъ 28-го числа, преодолѣвъ на пути тѣ же препятствія. Потеря наша за весь походъ состояла изъ 5-ти человѣкъ ранеными (изъ коихъ три Тенгинскаго полка) и 10-ти контуженыхъ. Подполковникъ Могукоровъ въ своемъ рапортѣ съ боль-

*) Составъ: одинъ офицеръ, 10 унтеръ-офицеровъ и 114 рядовыхъ.

шою похвалою отзывался о мужествѣ всего отряда, а изъ отдѣльныхъ лицъ объ отвагѣ и отличной распорядительности командовавшаго 4-мъ баталіономъ тенгинцевъ штабсъ-капитана Корзуна и баталіоннаго адъютанта прапорщика Воронина *).

Едва нашъ баталіонъ вернулся изъ похода, какъ получено было тревожное извѣстіе объ угрожающей опасности Ольгинскому тетъ-де-пону, этому важному опорному пункту, обезпечивавшему мостовую переправу черезъ Кубань. Подполковникъ Выласковъ поспѣшно двинулъ къ Ольгинскому команду въ 120 человѣкъ нижнихъ чиновъ отъ 4-й гренадерской, 11-й и 12-й мушкетерскихъ ротъ, подъ начальствомъ одного стараго унтеръ-офицера, такъ какъ всѣ офицеры были больны. Болѣе значительной помощи нельзя было дать, потому что большинство людей лежало въ лазаретахъ; небольшая же часть оставшихся здоровыми нужна была для охраны имущества въ штабъ-квартирахъ.

Болѣзность людей 4-го баталіона главнымъ образомъ проистекала отъ изнуренія. По окончаніи экспедиціи прошлаго года, 4-й баталіонъ сдѣлалъ уже четыре похода за Кубань къ Абинскому укрѣпленію и одинъ форсированнымъ маршемъ къ Анапѣ. Всѣ эти передвиженія происходили въ самое ненастное время года, по глубокимъ снѣгамъ, во время сильныхъ вѣтровъ, вьюгъ и мятелей, что естественно привело людей въ изнуреніе и на половину уложило въ лазареты. Командиръ полка убѣдительно просилъ хотя теперь дать отдыхъ 4-му баталіону, но генералъ Завадовскій отвѣтилъ, что «по нынѣшнимъ обстоятельствамъ онъ никакъ не можетъ сдѣлать этого».

Въ то время, когда 4-й баталіонъ изнемогалъ отъ безпрерывныхъ передвиженій, поспѣвая всюду къ угрожающимъ пунктамъ, остальныя роты полка, расположенныя по укрѣпленіямъ береговой линіи, вели кровавую и далеко неравную борьбу съ черкесами. Сравнительно легкій успѣхъ, которымъ сопровождалось взятіе форта Лазарева, какъ и нужно было ожидать, произвелъ сильное впечатлѣніе на умы горцевъ; онъ возбудилъ все-

*) Арх. окр. шт., дѣло № 31, по 2 отд. генер. шт. за 1840 годъ.

общій энтузіазмъ и рѣшимость продолжать такъ хорошо начатое наступленіе.

10-го марта горцы въ значительныхъ силахъ подступили къ форту Головинскому. Воинскій начальникъ успѣлъ дать знать о грозящей опасности и просилъ объ усиленіи гарнизона. Немедленно на пароходъ «Могучій» посажена была 7-я мушкетерская рота тенгинцевъ, силою въ 113 штыковъ, и къ вечеру 13-го марта высажена при устьѣ р. Шахе.

Не смотря на прибытіе подкрѣпленія, убыхи предложили начальнику гарнизона сдаться добровольно, напоминая объ участи, постигшей фортъ Лазарева, но получили категорическій отвѣтъ, что слѣдующіе посланцы будутъ повѣшены, а фортъ будетъ защищаться до послѣдняго. Цѣлую ночь гарнизонъ провелъ на валахъ, исправляя поврежденія и ставя по дну рва палисады. Въ 11 часовъ вечера горцы пытались было скрытно подползти къ укрѣпленію, но, вовремя открытые сторожевыми собаками, прогнаны картечными выстрѣлами артиллеріи. Въ 2 часа ночи они уже открыто произвели нападеніе на восточный фасъ и бастіонъ № 3, гдѣ расположены были тенгинцы; послѣ часовой ожесточенной схватки, непріятель отступилъ съ значительнымъ урономъ. Немало успѣху дѣла способствовалъ поручикъ нашего полка Кушелевъ своими благоразумными распоряженіями и проявленіемъ личной храбрости *). Потерпѣвъ у форта Головинскаго неудачу, горцы всею массою обрушились тогда на укр. Михайловское **).

Всего прошло какихъ нибудь два года со времени постройки укрѣпленія, а оно находилось въ самомъ худшемъ состояніи изо всѣхъ прибрежныхъ фортовъ: брустверъ получилъ большія поврежденія; ружейныя бойницы изъ сырцоваго кирпича совсѣмъ разрушились; внутренняя крутость, одѣтая на глинѣ дурнымъ камнемъ мѣстной породы, отстала во многихъ мѣстахъ;

---

*) Поручикъ Кушелевъ—получилъ орденъ св. Анны 4-й ст. съ надписью «за храбрость»; унтеръ-офицеръ Василій Флоринскій произведенъ въ прапорщики.

**) Въ офицерскомъ собраніи нашего полка виситъ прекрасная копія съ плана окрестности Михайловскаго укрѣпленія, въ масштабѣ 100 саж. въ дюймѣ, работы поручика Васильева (Ивана).

банкетовъ почти не существовало; внутренность укрѣпленія, не будучи нивелирована и усыпана щебнемъ, задерживала воду, отчего тамъ стояла постоянная грязь. Гарнизонъ, обезсиленный болѣзнями, не могъ исправлять даже главнѣйшихъ поврежденій. Смертность среди нижнихъ чиновъ была необычайная: случалось, что въ день умирало по 7-ми человѣкъ *).

Въ виду неудовлетворительнаго состоянія укрѣпленія, гарнизонъ сюда былъ назначенъ нѣсколько сильнѣе и состоялъ изъ 6-й роты навагинцевъ, 2-й и 3-й ротъ Черноморскаго линейнаго № 5-й баталіона, 9-й мушкетерской роты Тенгинскаго полка, подъ командою подпоручика Краумзгольда, при субалтернъ-офицерахъ прапорщикѣ Гаевскомъ, подпрапорщикѣ Корецкомъ и фельдфебелѣ Комлевѣ. Тенгинцы прибыли въ укрѣпленіе только 14-го марта. Воинскимъ начальникомъ здѣсь состоялъ Черноморскаго линейнаго № 5-й баталіона штабсъ-капитанъ Лико 2-й. Грекъ по происхожденію, средняго роста, съ черными усами и бакенбардами **), имѣя всего отъ роду 37 лѣтъ, Николай Константиновичъ Лико съ чина прапорщика служилъ въ кавказскихъ войскахъ. Энергичный, съ непреклонною волею, онъ умѣлъ внушать довѣріе къ себѣ и пользовался всеобщею любовью. Когда распространилась вѣсть объ участи, постигшей фортъ Лазарева, Лико собралъ военный совѣтъ, на который пригласилъ, кромѣ всѣхъ офицеровъ, еще и нижнихъ чиновъ, прослужившихъ свыше 20-ти лѣтъ и имѣвшихъ знаки отличія военнаго ордена или же св. Анны. Напомнивъ всѣмъ о долгѣ воинской присяги, Лико сообщилъ о принятомъ рѣшеніи не сдаваться и биться до послѣдней капли крови, въ случаѣ же неустойки взорвать пороховой погребъ и погибнуть всѣмъ вмѣстѣ съ непріятелемъ. Единодушное ура служило доказательствомъ, на сколько эта рѣчь совпала съ общимъ настроеніемъ. Получивъ полную увѣренность въ своихъ подчиненныхъ, штабсъ-капитанъ Лико организовалъ оборону. Въ виду несоразмѣрности линіи огня съ силами гарнизо-

*) Центр. арх. при управленіи начальника владикав. мѣстной бригады, дѣло № 9892.

**) Письмо отъ 9-го марта 1879 года Гуртового, одного изъ славныхъ защитниковъ укрѣпленія. Прилож. IX.

на рѣшено было теперь же перегородить укрѣпленіе въ узкомъ мѣстѣ, ниже гауптвахты, заваломъ изъ бочекъ, бревенъ, досокъ, и тѣмъ отдѣлить ближайшую къ морю часть укрѣпленія, гдѣ только находилось два офицерскихъ флигеля и которую рѣшено было бросить, заклепавъ орудія. Въ устроенномъ завалѣ сдѣлана была амбразура для орудія, снятаго съ одного изъ покинутыхъ бастіоновъ; наскоро были исправлены осыпавшіяся части бруствера, рвы расчищены и въ болѣе доступныхъ мѣстахъ положены доски съ набитыми гвоздями *).

15-го марта одинъ лазутчикъ далъ знать, что около 11-ти тысячъ черкесовъ намѣреваются обрушиться на укрѣпленіе; сообщая это извѣстіе, онъ обѣщалъ заранѣе предупредить о днѣ нападенія; если же ему не удастся проникнуть въ фортъ, то онъ собирался разложить въ ночь штурма въ нѣсколькихъ мѣстахъ условные сигнальные огни **).

Не довѣряя готовности лазутчика предупредить о времени нападенія, Лико ежедневно послѣ заката солнца самъ производилъ расчетъ всему гарнизону, указывая каждому мѣста и объясняя порядокъ обороны. Послѣ этого на валахъ оставались только часовые, остальные ложились спать въ боевой амуниціи. Рѣдко кто могъ сомкнуть глаза въ эти тревожныя ночи; каждый ежеминутно прислушивался къ малѣйшему шороху. По показаніямъ очевидцевъ, болѣе всѣхъ былъ задумчивъ рядовой роты подпоручика Краумзгольда Архипъ Осиповъ. Это былъ бравый солдатъ 38-ми лѣтъ, высокаго роста, съ продолговатымъ лицомъ, обрамленнымъ темнорусыми волосами, и съ сѣрыми глазами; онъ происходилъ изъ крестьянъ Кіевской губерніи, Липецкаго уѣзда, села Каменки. Въ военную службу былъ принятъ рекрутомъ въ 1820 году и зачисленъ рядовымъ въ Крымскій пѣхотный полкъ. На второмъ году службы онъ совершилъ побѣгъ, за что и былъ наказанъ по суду шпицрутенами черезъ 1000 человѣкъ одинъ разъ. Послѣдующею службою Осиповъ успѣлъ загладить проступокъ молодыхъ

*) Арх. окр. шт., дѣло № 12, по 2-му отд. генер. шт., за 1840 годъ.
**) Приложеніе IX.

лѣтъ и въ описываемое время имѣлъ уже нашивку на рукавѣ и медали за турецкую и персидскую войны; къ намъ въ полкъ онъ поступилъ въ 1834 году вмѣстѣ съ 1-мъ баталіономъ крымцевъ. Съ момента прибытія въ укр. Михайловское, подъ вліяніемъ переживаемыхъ всѣми тяжелыхъ минутъ, Архипъ Осиповъ былъ все время сосредоточенъ; въ день же 15-го марта, когда стало положительно извѣстно о намѣреніи горцевъ напасть на укрѣпленіе, онъ, по показанію очевидцевъ, съ заложенными руками за спину, долго шагалъ по казармѣ, видимо что-то обдумывая. Вѣроятно, подъ вліяніемъ воспоминаній о прежнихъ примѣрахъ самоотверженія нѣкоторыхъ героевъ изъ русскихъ солдатъ, у него самого скоро созрѣла мысль, которую твердо рѣшилъ привести въ исполненіе *). Вдругъ, остановившись по серединѣ казармы, онъ произнесъ: «я хочу сдѣлать память Россіи и въ минуту неустойки нашихъ подожгу пороховой погребъ» **). Всѣ были поражены этою рѣшимостью, но никто не сомнѣвался, что онъ сдержитъ свое слово, такъ какъ знали его за человѣка серьезнаго, набожнаго и исправнаго солдата. Это было доложено штабсъ-капитану Лико, который съ радостью принялъ это рѣшеніе, такъ отвѣчавшее его личному намѣренію.

Въ ожиданіи нападенія ежедневно въ полночь, гарнизонъ, подкрѣпивъ себя молитвою и пищею, выходилъ изъ казармы и расходился по назначеннымъ мѣстамъ.

Такъ прошло нѣсколько дней; горцы ничего рѣшительнаго не предпринимали и даже не появлялись совсѣмъ. Наконецъ, въ ночь на 22-е марта, въ четвергъ на четвертой недѣлѣ Великаго

---

*) Федоровъ въ своихъ запискахъ (Кавк. Сбор., т. III) говоритъ, что, при перевозкѣ десанта къ устью р. Туапсе въ 1838 году, матросы во время плаванія разсказывали нашимъ солдатамъ слѣдующій эпизодъ изъ русско-турецкой войны 1829 года. 18-ти пушечный бригъ «Меркурій» у Константинопольскаго пролива былъ атакованъ двумя турецкими кораблями. На военномъ совѣтѣ единогласно было принято предложеніе корпуса штурмановъ поручика Прокофьева: «не сдаваться а, сцѣпившись съ непріятельскими кораблями, взорвать бригъ на воздухъ». Тогда же, говоритъ Федоровъ, въ кружкахъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ на возникшій вопросъ, что дѣлать въ крайности, если непріятель ворвется въ укрѣпленіе, всѣ энергично и положительно высказали—«взорвать пороховой погребъ и погибнуть вмѣстѣ съ ними».

**) Приложеніе IX и разсказъ Мирославскаго, Кавк. Сбор., т. IV.

поста, часовые на валахъ замѣтили сигнальные огни, разложенные въ трехъ мѣстахъ. Это былъ условный сигналъ, извѣщавшій о готовящемся нападеніи. У многихъ защемило сердце, и всѣ почувствовали, что наступаетъ торжественный моментъ. Молча, осѣняя себѣ крестомъ, солдаты выходили изъ казармъ и занимали заранѣе назначенныя мѣста: на фасѣ, обращенномъ къ р. Пшадѣ и Джубскому ущелью, стала 3-я рота Черноморскаго линейнаго баталіона; напротивъ, на фасѣ къ р. Вулану—2-я рота того же баталіона; гребень бруствера сѣверной части заняли тенгинцы и навагинцы; первые примыкали флангомъ къ богатырской, а послѣдніе къ джубской батареямъ; резервъ въ 40 человѣкъ отъ роты Навагинскаго полка расположился между гауптвахтою, пороховымъ погребомъ и цейхгаузомъ; въ послѣднемъ, по недостатку мѣста въ пороховомъ погребѣ, были сложены гранаты и патроны *).

Лико, всѣ офицеры и многіе изъ нижнихъ чиновъ, рѣшивъ встрѣтить смерть по христіанскому обычаю, одѣли чистое бѣлье, офицеры же еще принарядились въ лучшіе мундиры.

Ночь выдалась особенно темная, ни зги не было видно вокругъ; море бушевало **), вѣтеръ доносилъ отдаленный лай собакъ, выгнанныхъ за укрѣпленіе; сомнѣнія не было, что горцы близко. Въ орудія приказано было заложить картечь. Лико еще разъ напомнилъ всѣмъ о святости присяги и принятомъ рѣшеніи. Едва стало разсвѣтать, какъ вдали обозначилась темныя тол-

*) Къ сожалѣнію неизвѣстно какое точное количество огнестрѣльныхъ припасовъ находилось въ Михайловскомъ укрѣпленіи въ моментъ его взрыва. Но изъ рапорта начальника артиллерійскихъ гарнизоновъ, генерала Ладыженскаго, отъ 28-го іюля 1886 года за № 1629 можно приблизительно знать о количествѣ пороха и артиллерійскихъ снарядовъ, имѣвшихся въ распоряженіи Лико. «Вслѣдствіе предписанія вашего превосходительства, для укрѣпленій, предполагаемыхъ по восточному берегу Чернаго моря, въ томъ числѣ и для строющагося на Дообѣ (Александрійскаго) предписано отправить: гранатъ полупудовыхъ «нарядныхъ» 400, ядеръ 6-ти фунтовыхъ 540, картечи $^1/_2$ пуд. единорожной, дальней дистанціи 80, тоже ближней дистанціи 40, пороху пушечнаго 36 пуд., пороху мушкетнаго 55 пуд., патроновъ боевыхъ ружейныхъ 22.600, зарядовъ ядрами 6-ти фунтовыхъ 460, зарядовъ картечныхъ дальней дистанціи 60 и зарядовъ картечныхъ ближней дистанціи 30. Это количество было отпущено, полагая на каждое орудіе боевыхъ зарядовъ съ гранатами по 80-ти, съ ядрами по 90 и съ картечью по 30». Изъ показаній Гуртового видно, что въ Михайловскомъ укрѣпленіи былъ полный комплектъ огнестрѣльныхъ припасовъ (см. Приложеніе IX). Центральн. арх. при управл. начальн. Влад. мѣстной бригады, дѣло № 8972.

**) Въ запискахъ Филипсона есть указаніе, что погода все время стояла бурная.

пы горцевъ, тысячъ до 11-ти, и вся эта масса стала надвигаться къ укрѣпленію. Когда передовыя части непріятеля подошли, наконецъ, на пушечный выстрѣлъ, съ Джубскаго бастіона грянуло орудіе; вслѣдъ за тѣмъ раздался неистовый гикъ и непріятель, имѣя въ рукахъ лѣстницы и двигаясь стройною массою съ развѣвающимися значками, бросился на штурмъ. Съ бастіона успѣли сдѣлать вдоль рва укрѣпленія еще одинъ выстрѣлъ картечью, наполнившій ровъ множествомъ труповъ. Это не остановило горцевъ: взбираясь по лѣстницамъ и цѣпляясь крючьями за туры и углы бойницъ, они полѣзли на гребень бруствера. Здѣсь завязался отчаянный рукопашный бой. Нѣсколько разъ рота линейнаго баталіона съ подоспѣвшими взводами тенгинцевъ и навагинцевъ штыками опрокидывала черкесовъ, сталкивала ихъ лѣстницы, но они, «какъ саранча», шагая черезъ трупы своихъ товарищей, снова появлялись на валу и снова опрокидывались. Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ неудачъ пѣшіе горцы обратились въ бѣгство, но расположенная сзади нихъ конница безъ милосердія стала рубить шашками малодушныхъ и вернула ихъ обратно. Тогда вторично раздался ужасный гикъ, и громадная толпа, подобно волнѣ, снова хлынула на укрѣпленіе и смыла послѣдніе остатки 3-й роты линейнаго баталіона. Подпоручикъ Краумзгольдъ, видя, что джубская батарея уже занята непріятелемъ, со словами «не робѣть» бросился туда съ намѣреніемъ возвратить обратно потерянный пунктъ, но, будучи раненъ и споткнувшись, упалъ и былъ увлеченъ горцами въ плѣнъ.

Подавляя своего численностью, непріятель успѣлъ раздѣлить гарнизонъ на двѣ части: 9-я рота тенгинцевъ отступила на кавалеръ-батарею; 6-я же навагинцевъ и 2-я рота линейнаго баталіона притиснуты были панцырниками къ пороховому погребу и гауптвахтѣ, гдѣ и завязалась главная схватка. Здѣсь руководилъ боемъ самъ Лико. Отъ полученной раны въ лѣвую бровь кровь заливала ему глаза; кость правой ноги, выше ступни, была раздроблена, но доблестный начальникъ продолжалъ отдавать приказанія, опираясь на шашку, въ лѣвой рукѣ сжимая кинжалъ. Въ это время изъ толпы непріятеля выдѣлился горецъ тотъ

самый, который былъ нашимъ лазутчикомъ и предупредилъ о готовящемся нападеніи. Выйдя впередъ, онъ обратился къ начальнику гарнизона и предложилъ добровольно сдаться, на это Лико крикнулъ: «Ребята, убейте его! русскіе не сдаются» *). Приказаніе въ точности было исполнено. Тогда озлобленные горцы съ еще большею яростью накинулись на горсть храбрецовъ; силы наши начали быстро таять. Три часа уже длилось сраженіе, всѣ офицеры были перебиты, начальство перешло въ руки юнкеровъ и нижнихъ чиновъ изъ дворянъ. Ружья до того накалились, что невозможно было ихъ держать въ рукахъ. Въ одномъ мѣстѣ укрѣпленія шла неравная борьба. Рядовой Тенгинскаго полка, Александръ Федоровъ, прижавшись спиною въ уголъ бруствера, лихо работая штыкомъ и прикладомъ, отбивался отъ нѣсколькихъ десятковъ горцевъ. Пораженные мужествомъ Федорова и предполагая, что это самъ комендантъ, переодѣтый въ солдатское платье, черкесы щадили жизнь храбреца и старались захватить его въ плѣнъ живымъ. Только выбившись окончательно изъ силъ, Федоровъ въ изнеможеніи опустилъ ружье и былъ взятъ.

Укрѣпленіе уже пылало; больница раньше всѣхъ была подожжена горцами, и въ пламени пожара погибло до ста человѣкъ тяжело больныхъ. На всѣхъ бастіонахъ уже развѣвались красные значки горцевъ, знаменуя ихъ побѣду. Послѣдняя горсть тенгинцевъ, отступившая къ кавалеръ-батареѣ, оборотила 4 орудія во внутрь укрѣпленія и, совмѣстно съ оставшимися въ живыхъ артиллеристами, обдавала картечью толпы горцевъ, которые рыскали съ окровавленными кинжалами и шашками по укрѣпленію въ поискахъ добычи. Архипъ Осиповъ все время находился здѣсь и подносилъ заряды къ орудіямъ; онъ два раза уже успѣлъ сбѣгать къ пороховому погребу и каждый разъ по возвращеніи сообщалъ, что тамъ толпится несмѣтное количество горцевъ. Дѣйствительно, черкесы густою толпою окружили пороховой погребъ, рубили двери, разрывали крышу, разбивали стѣны. Видя, что насталъ моментъ выполнить данную клятву,

*) Приложеніе IX.

Осиповъ, со словами: «пойду, сдѣлаю память», съ пылающимъ фитилемъ устремился въ промежутокъ между казармою и цейхгаузомъ. Тенгинцы, въ числѣ сорока человѣкъ, имѣя во главѣ рядового Іосифа Мирославскаго, бросились вслѣдъ за нимъ, штыками пролагая дорогу къ морской батареѣ съ намѣреніемъ присоединиться къ навагинцамъ и совмѣстными усиліями выбросить непріятеля за валы. Едва тенгинцы достигли цейхгауза, потерявъ на пути 20 человѣкъ убитыми, Архипъ Осиповъ крикнулъ: «Пора, братцы! Кто останется живъ, помни мое дѣло!». И съ этими словами, побѣжалъ къ пороховому погребу. Вслѣдъ затѣмъ раздался страшный трескъ, все содрогнулось, и цѣлый столбъ дыма съ пламенемъ, съ человѣческими трупами, съ камнями, взвился на воздухъ!...

«Все смолкло и солнце, не дойдя еще до полудня, освѣтило только кровавую картину смерти и разрушенія».

Въ первый моментъ у защитниковъ и нападающихъ невольно опустились руки, и всѣ застыли на своихъ мѣстахъ. Очнувшись, горцы въ ужасѣ торопливо стали убѣгать, и только черезъ нѣсколько времени, видя, что ударъ не повторяется, пришли въ себя и по одному возвратились обратно; тогда они взяли въ плѣнъ двухъ офицеровъ, въ томъ числѣ и Лико *), и до 80-ти человѣкъ израненныхъ нижнихъ чиновъ **).

*) Лико умеръ въ плѣну отъ гангрены ногъ; фамилія другого офицера неизвѣстна.

**) Рядовой нашего полка Федоръ Кузьминскій нѣсколько иначе разсказываетъ объ этомъ событіи: Архипъ Осиповъ, говоритъ онъ, оставляя насъ, сказалъ: «я пойду сдѣлаю штуку» и побѣжалъ прямо въ кухню, схватилъ головню съ огнемъ и бросился съ нею между казармами и цейхгаузами къ пороховому погребу. Далѣе уже Кузьминскій передаетъ со словъ Толчѣева, что Осиповъ, увидѣвъ, что горцы, выкативъ бочки съ порохомъ, разбили ихъ и горстями дѣлили между собою порохъ, бросилъ въ это мѣсто полѣно съ огнемъ, отчего и произошелъ страшный взрывъ.

Одинъ изъ уцѣлѣвшихъ въ живыхъ славныхъ защитниковъ Михайловскаго укрѣпленія, Іосифъ Мирославскій, спустя много лѣтъ послѣ описываемаго событія, помѣстилъ на страницахъ 4-го тома Кавказскаго Сборника статью, подъ заглавіемъ: «Взрывъ Михайловскаго укрѣпленія въ 1840 году», гдѣ между прочимъ говоритъ, что съ 19-го марта Архипа Осипова ежедневно съ 12-ти часовъ ночи, съ ружьемъ, фитилемъ и водою со спиртомъ для подкрѣпленія силъ, запирали въ пороховой погребъ, и въ день 22-го марта, когда горцы начали отбивать замки, Осиповъ произвелъ взрывъ и подъ грудами похоронилъ множество своихъ и горцевъ. Трудно повѣрить, чтобы начальникъ гарнизона рискнулъ въ продолженіе трехъ дней запирать кого либо съ зажженнымъ фитилемъ въ погребъ, гдѣ хранился полный комплектъ пороха и боевыхъ патроновъ. И ни одно другое показаніе не подтверждаетъ разсказа Мирославскаго, да и онъ самъ ничего не упоминалъ объ этомъ, когда показывалъ непосредственно по возвращеніи изъ плѣна; въ письмѣ же къ командиру полка, написанномъ конечно подъ живымъ впечатлѣніемъ, онъ прямо противорѣчилъ своему позднѣйшему разсказу. Приложеніе IX и Кав. Сбор. т. IV.

Непріятель понесъ потерю до 3-хъ тысячъ человѣкъ; взрывъ былъ настолько силенъ, что черкесы не могли даже отыскать множество тѣлъ и оружіе погибшихъ. Горцы прозвали это мѣсто «проклятымъ» и впослѣдствіи говорили, что никогда не ожидали столь упорнаго сопротивленія и не запомнятъ такихъ большихъ потерь. Они, впрочемъ, съ неохотою разсказывали объ этомъ событіи, но всегда съ большимъ уваженіемъ отзывались о самомъ Лико и о храбрости всего гарнизона.

Такъ погибло въ сороковомъ году укрѣпленіе Михайловское, вмѣстѣ съ героемъ тенгинцемъ, который палъ гдѣ-то тамъ, въ безвѣстномъ уголкѣ міра, вѣрный высокому чувству долга. Пройдутъ вѣка, забудутся многіе герои, но память объ этомъ простомъ солдатѣ не исчезнетъ. Такой подвигъ, его величіе и простота всегда будутъ считаться идеаломъ военной доблести! *).

Когда въ Петербургѣ было получено первое краткое извѣстіе о геройской оборонѣ и гибели Михайловскаго укрѣпленія, то Государь Императоръ Николай Павловичъ собственноручно написалъ слѣдующій проектъ приказа по военному вѣдомству: «Въ лѣтописяхъ подвиговъ Россійской арміи много громкихъ славныхъ дѣлъ, много личныхъ подвиговъ, сохранившихся въ памяти потомства. Кавказскій корпусъ по назначенію своему чаще другихъ имѣетъ случай стяжать новые лавры. Но доселѣ не было примѣра, подобно въ недавнее время совершившемуся. На черноморскомъ берегу, населенномъ черкесами, постепенно нами занимаемомъ, воздвигнуты были полевыя укрѣпленія для возможнаго обезпеченія гарнизоновъ отъ внезапныхъ нападеній горцевъ. Укрѣпленія сіи, построенныя наскоро и изъ мѣст-

*). Нынѣ около разрушенныхъ валовъ бывшаго Михайловскаго укрѣпленія широко раскинулось большое русское селеніе Архипосиповка, своимъ именемъ напоминающее подвигъ нашего рядового. Предсѣдатель Кавказской археографической коммиссіи, войсковой старшина Е. Фелицынъ, посѣтилъ эти мѣста въ сентября 1898 года и произвелъ подробное измѣреніе всѣхъ частей развалинъ укрѣпленія и сдѣлалъ фотографическія снимки всѣхъ батарей, мѣста редюита, мѣста бывшаго порохового погреба, виды долины Тешебса и т. п. Ему посчастливилось пріобрѣсти отъ мѣстныхъ жителей нѣсколько ядеръ, гранатъ и картечей, выкопанныхъ въ валахъ укрѣпленія. Всѣ эти предметы, а равно и мѣдная пуговица съ № 78 нашего полка и мѣдный складень, найденной при раскопкахъ на мѣстѣ порохового погреба, весьма возможно принадлежавшій Архипу Осипову, хранятся нынѣ въ Военно-историческомъ отдѣлѣ штаба кавказскаго военнаго округа и современемъ поступятъ въ Кавказскій военный музей.

ныхъ матеріаловъ, часто весьма непрочныхъ, не представляли покуда сильнаго прикрытія. Зимняя погода и сильные дожди разрушили еще болѣе иныя изъ оныхъ, въ томъ числѣ и укрѣпленіе Михайловское, въ которомъ помѣщены были постояннымъ гарнизономъ двѣ роты Черноморскаго линейнаго баталіона № 5-й. Болѣзненное состояніе сего баталіона вынудило усилить оный на время ротою Тенгинскаго и Навагинскаго полковъ. Другой помощи дать укрѣпленію не было никакой возможности, ибо время года не дозволяло сего. Между тѣмъ, всегда враждебные намъ горцы, замѣтивъ слабое состояніе укрѣпленія, рѣшились собраться со всѣхъ племенъ въ значительныхъ силахъ и овладѣть онымъ.

«Начальнику укрѣпленія, линейнаго баталіона штабсъ-капитану Лико, намѣреніе сіе было извѣстно; извѣстна была и невозможность получить помощь извнѣ. Тогда, собравъ всѣхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, онъ имъ объявилъ о рѣшимости защищаться до послѣдней крайности, а въ случаѣ одолѣнія превосходствомъ непріятеля—о твердомъ намѣреніи поднять себя на воздухъ взрывомъ порохового погреба. Весь гарнизонъ съ восторгомъ принялъ сіе предложеніе; вскорѣ за симъ горцы, въ числѣ 10-ти или 11-ти тысячъ, сдѣлали всеобщее нападеніе и, не смотря на отчаянное сопротивленіе и значительную потерю, ворвались въ укрѣпленіе. Гарнизонъ предалъ пламени всѣ запасы, сложенные внутри укрѣпленія, и отступилъ за завалъ, наскоро набросанный въ одной сторонѣ; но, видя невозможность выгнать столь превосходнаго числомъ непріятеля, геройски исполнилъ свою рѣшительность и поднялъ себя на воздухъ, погибши весь и истребивъ значительную часть ворвавшихся горцевъ.

Сколь не прискорбна потеря столькихъ храбрыхъ, но подвигъ ихъ останется безсмертнымъ въ бытописаніяхъ россійской арміи въ примѣръ другимъ.

Государь Императоръ повелѣть соизволилъ: вдовамъ, матерямъ или дѣтямъ славно погибшихъ, обратить въ пенсіонъ содержаніе умершихъ мужей, сыновей или отцовъ; дѣтей же ихъ принять на казенное содержаніе въ учебныя заведенія.

Имена гг. офицеровъ, участвовавшихъ въ семъ безпримѣрномъ дѣлѣ, суть слѣдующія:

Черноморскаго линейнаго № 5 баталіона: Воинскій начальникъ штабсъ-капитанъ Лико, поручикъ Безносовъ и лѣкарь Самовичъ.

11-й гарнизонной артиллерійской бригады прапорщикъ Ермоловъ.

Тенгинскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Краумзгольдъ.

Навагинскаго пѣхотнаго полка: поручикъ Тимченко, прапорщики Симборскій и Смирновъ».

Желая особеннымъ образомъ почтить память героя, Государь Императоръ приказалъ самымъ строгимъ образомъ произвести разслѣдованіе объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ взятіе горцами укрѣпленія.

Для удостовѣренія справедливости показаній нижнихъ чиновъ, бывшихъ въ составѣ гарнизона и оставшихся въ живыхъ, поручено было черезъ лазутчика узнать отъ находившагося въ плѣну штабсъ-капитана Лико—дѣйствительно ли пороховой погребъ взорванъ рядовымъ Тенгинскаго полка Осиповымъ? Лазутчикъ засталъ уже Лико въ предсмертной агоніи, и онъ умеръ на его глазахъ отъ гангрены обѣихъ ногъ. «Казалось,—говоритъ начальникъ штаба Филипсонъ,—самая сущность событія не давала никакой надежды на полное раскрытіе истины съ юридическою точностью; но тутъ помогли неожиданныя обстоятельства. Со времени взятія Михайловскаго укрѣпленія прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Въ продолженіи этого времени вышло отъ горцевъ около 50-ти нижнихъ чиновъ, избѣгшихъ участи своихъ несчастныхъ товарищей. Подъ священническимъ увѣщаніемъ съ нихъ были сняты показанія, которыя въ подлинникѣ и представлены военному министру». Государь былъ сильно тронутъ ихъ чтеніемъ и, приказомъ по арміи отъ 8-го ноября 1840 года за № 79, слѣдующими словами объявилъ о подвигѣ рядового Тенгинскаго полка Архипа Осипова.

«Устроенныя на восточномъ берегу Чернаго моря укрѣпленія, основанныя для прекращенія грабежей, производимыхъ обитающими на томъ берегу черкесами, и въ особенности для уни-

чтоженія гнуснаго ихъ промысла—торга невольниками, въ продолженіе весны нынѣшняго года подверглись непрерывнымъ, со стороны ихъ, нападеніямъ. Выбравъ это время, въ которое береговыя укрѣпленія, по чрезвычайной трудности сообщеній, ни отколь никакой помощи получить не могли, горцы устремились на оныя со всѣми своими силами, но въ ожесточенной борьбѣ съ горстью русскихъ воиновъ они встрѣчали повсюду самое мужественное сопротивленіе и геройскую рѣшительность пасть до послѣдняго человѣка въ оборонѣ ввѣренныхъ имъ постовъ. Гарнизоны всѣхъ этихъ укрѣпленій покрыли себя незабвенною славою, и изъ нихъ въ особенности гарнизонъ укрѣпленія Михайловскаго явилъ примѣръ рѣдкой неустрашимости, непоколебимаго мужества и самоотверженія. Состоя изъ 500 только человѣкъ подъ ружьемъ, онъ въ продолженіе двухъ часовъ, выдерживалъ самое отчаянное нападеніе свыше 11,000 горцевъ, внезапно окружившихъ укрѣпленіе, нѣсколько разъ сбивалъ ихъ съ вала и принудилъ къ отступленію; но когда, наконецъ, потерявъ въ жестокомъ бою большую часть людей, гарнизонъ не видѣлъ уже возможности противустоять непріятелю въ двадцать разъ сильнѣйшему, то рѣшилъ взорвать пороховой погребъ и погибнуть вмѣстѣ съ овладѣвшими укрѣпленіями горцами.

«На подвигъ этотъ, по собственному побужденію, вызвался рядовой Тенгинскаго пѣхотнаго полка Архипъ Осиповъ и мужественно привелъ его въ исполненіе. Обрекая себя на столь славную смерть, онъ просилъ только товарищей помнить его дѣло, если кто либо изъ нихъ останется въ живыхъ. Это желаніе Осипова исполнилось: нѣсколько человѣкъ его храбрыхъ товарищей, уцѣлѣвшихъ среди общаго разрушенія и гибели, сохранили его завѣтъ и вѣрно его передали.

«Государь Императоръ почтилъ заслуги доблестныхъ защитниковъ Михайловскаго укрѣпленія въ оставленныхъ ими семействахъ. Для увѣковѣченія же памяти о достохвальномъ подвигѣ рядового Архипа Осипова, который семейства не имѣлъ, Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ: сохранить навсегда имя его въ спискахъ 1-й гренадерской роты

Тенгинскаго пѣхотнаго полка, считая его «первымъ рядовымъ» и на всѣхъ перекличкахъ, при спросѣ этого имени, первому за нимъ рядовому отвѣчать: ***погибъ во славу русскаго оружія въ Михайловскомъ укрѣпленіи!*** *)»

И съ тѣхъ поръ память объ Архипѣ Осиповѣ не изсякла среди тенгинцевъ; мы въ точности выполняемъ приказъ Императора, и ежегодно заупокойною панихидою, въ день 22-го марта,

Слезою искренней въ молитвѣ
Мы поминаемъ удальцовъ,
Сознаньемъ долга въ грозной битвѣ
Примѣромъ ставшихъ для сыновъ.

И въ этотъ день, на этой тризнѣ
Невольно каждому изъ насъ
Приходитъ мысль, что духъ въ отчизнѣ
Геройскій, русскій, не угасъ!

Нѣтъ, этотъ духъ въ родной Россіи,
Мы свято вѣримъ, не погибъ,
Пока въ ней есть сыны такіе,
Какъ славный Осиповъ Архипъ!

Не вождь, не знатнаго онъ рода,
Къ Отчизнѣ полнъ любви святой,
Онъ сынъ великаго народа,
Онъ просто русскій Рядовой!

Да! только наша Русь родная,
Мы можемъ съ гордостью сказать,
На диво міру, славу края
Такихъ какъ онъ могла создать.

Да помнитъ подвигъ ихъ великій
Родная наша сторона!
Архипа Осипова, Лико
Да будутъ святы имена!

А чтобы вѣдали потомки,
Что мы дѣла героевъ чтимъ—
За подвигъ ихъ безсмертный, громкій,
Воздвигли памятникъ мы имъ.

Нынѣ на мѣстѣ взорваннаго Михайловскаго укрѣпленія высится чугунный ажурной работы крестъ, высотою въ 15 и шириною въ 1 аршинъ, установленный на правильно обтесанномъ пьедесталѣ изъ мѣстнаго камня. На металлической доскѣ этого памятника имѣется слѣдующая надпись:

«77 пѣхотнаго Тенгинскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича полка рядовому Архипу Осипову, погибшему во славу русскаго оружія 22-го марта

*) На Осипова, какъ на живого, отпускается все довольствіе, которое и выдается бѣднѣйшему солдату 1-й роты. Послѣ смерти героя въ вещахъ его, оставленныхъ въ цейхгаузѣ въ ст. Ивановской, найдена была принадлежавшая ему серебряная медаль за персидскую войну, которая теперь виситъ въ полевой церкви на образѣ св. Автонома, сооруженномъ, какъ свидѣтельствуетъ надпись, Александромъ Суворовымъ въ благодарность за одержанную имъ побѣду надъ литовскимъ гетманомъ Огинскимъ 12-го сентября 1771 года подъ Столовичами.

1840 года въ укрѣпленіи Михайловскомъ, на мѣстѣ котораго сооруженъ сей памятникъ».

Этотъ скромный, но величавый по мысли крестъ возникъ въ 1876 году по желанію бывшаго главнокомандующаго кавказской арміей Великаго Князя Михаила Николаевича, который повелѣлъ поставить его такихъ размѣровъ и на такомъ мѣстѣ, чтобы виденъ онъ былъ съ судовъ, проходящихъ возлѣ берега *).

Есть еще другой памятникъ, воздвигнутый въ назиданіе грядущимъ поколѣніямъ въ гор. Владикавказѣ, по мысли извѣстнаго кавказскаго генерала Геймана. На постаментѣ изъ краснаго гранита поставлена сѣро-синяя мраморная тумба, шириною въ два и вышиною въ полтора аршина. На ней утверждена того же цвѣта мраморная усѣченная четырехугольная пирамида, съ бронзовымъ вызолоченнымъ орломъ наверху, держащимъ въ клювѣ лавровый вѣнокъ. На сторонѣ памятника, обращенной къ бульвару, въ углубленіе вставленъ въ вызолоченномъ окладѣ образъ св. Николая, покровителя роты, въ которой находился Осиповъ, и подъ нимъ надпись: «сооруженъ въ царствованіе Императора Александра III въ 1881 году»; на другой грани пирамиды имѣется бронзовая доска съ приказомъ, содержащимъ описаніе подвига; на третьей сторонѣ помѣщена надпись на бѣломъ мраморѣ: «Штабсъ-капитану Лико и рядовому Архипу Осипову»; наконецъ на четвертой на такой же бѣлой мраморной доскѣ значится: «Погибшимъ во славу русскаго оружія въ Михайловскомъ укрѣпленіи 22-го марта 1840 года». Вокругъ памятника къ столбамъ прикрѣплены цѣпи изъ ручныхъ гранатъ **).

*) См. фотографическіе снимки, произведенные войсковымъ старшиною г. Фелицынымъ. Крестъ чугунный, вѣсомъ въ 120 пудовъ, состоитъ изъ 10-ти частей, свинчивающихся между собою четырьмя желѣзными винтами; онъ былъ вылитъ на заводѣ Фронштейна въ Ростовѣ на Дону, откуда доставленъ на мѣсто моремъ и обошелся инженерному вѣдомству въ 500 руб. (безъ пьедестала); вся же стоимость памятника исчисляется въ 2000 руб. Дѣло № 3, управленія Кубанской инженерной дистанціи, по строительной части за 1874 г.

**) Первоначальный проектъ памятника былъ составленъ Феликсомъ Игнатьевичемъ Ходоровичемъ, ученикомъ нашего извѣстнаго скульптора, уже покойнаго, Николая Александровича Ромазанова. Герой былъ представленъ съ пылающимъ фитилемъ въ правой рукѣ, а лѣвою поддерживающимъ умирающаго Лико; на 4-хъ барельефахъ, окружающихъ пьедесталъ, изображались сцены изъ жизни Осипова: отецъ благословляетъ сына на службу; Архипъ Осиповъ вызывается взорвать пороховой погребъ; штурмъ самого укрѣпленія горцами и наконецъ—послѣдній моментъ передъ взрывомъ. Памятникъ имѣлось въ виду воздвигнуть на пьедесталѣ изъ сѣ-

Такимъ образомъ, желаніе Архипа Осипова исполнилось, и признательное потомство не забыло его великаго дѣла, которое составляетъ одну изъ блестящихъ страницъ въ лѣтописи кавказской войны. Подвигъ его изъ поколѣнія въ поколѣніе передается въ словахъ слѣдующей пѣсни, сложенной нашимъ полковымъ поэтомъ маіоромъ Бѣлевичемъ *):

Съ шумомъ грохотомъ стремится
Въ море Черное Вуланъ;
За волной волна вслѣдъ мчится,
Съ горъ несетъ Кавказа дань.

—Ты видала, рѣчка, диво,
Какъ нашъ Осиповъ, Архипъ,
Сдѣлалъ взрывъ и самъ во взрывѣ
Съ непріятелемъ погибъ.

Разскажи же, чтобъ всѣ знали
Про судьбу богатыря,—
Разскажи, какъ умирали
За Россію, за Царя!

И подробно разсказала
Быстра рѣченька о томъ,
Какъ Михайловское пало
Въ прахъ въ году сороковомъ!

Подъ начальствомъ главнымъ Лико,
Гарнизонъ въ пятьсотъ штыковъ,
Окруженъ толпою дикой,
Сталъ считать—не счелъ враговъ.

Но начальникъ тотъ бывалый
Не смутившись говорилъ:
«Вы ефрейторы, капралы,
«Не считайте вражьихъ силъ!

«За Аргуномъ, за Лабою,
«Въ Дагестанѣ, за хребтомъ,
«Тамъ ихъ силу больше вдвое
«Разбивали мы, какъ громъ!

На защиту укрѣпленья
Убѣждалъ такъ, ободрялъ
И не видя онъ спасенья,
«Погребемъ врага!» сказалъ.

И той волюшкой удалой
Гарнизонъ сталъ бодръ, силенъ,
И три раза отбивалъ онъ
Штурмъ на главный бастіонъ.

И ту волю въ исполненье
Храбрый Осиповъ привелъ:
Взрывъ разрушилъ укрѣпленье,
На валы лишь врагъ взошелъ.

Онъ свой подвигъ славный смѣло
И умѣючи совершилъ,
И его лишь помнить дѣло
Онъ товарищей просилъ,

И завѣтъ его удали
Чрезъ оставшихся въ живыхъ,
И приказъ о немъ отдали
Для частей всѣхъ строевыхъ.

раго гранита, фигуры же отлиты изъ бронзы, употребивъ на это орудія, хранящіяся въ Тифлисскомъ арсеналѣ. Чудный рисунокъ съ этой модели художника Брожа, награвированный въ Ниццѣ извѣстнымъ академикомъ Сѣряковымъ, былъ своевременно помѣщенъ во многихъ нашихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ. Къ сожалѣнію, этотъ памятникъ, Высочайше утвержденный 8-го ноября 1874 года, не былъ выполненъ, а вмѣсто него сооружена вышеописанная мраморная пирамида.

*) Пѣсня эта слыветъ подъ именемъ «Тенгинской», и въ ротахъ 20-й дивизіи поютъ ее въ общемъ строю.

И въ приказѣ разсказали,
Какъ при штурмѣ полегли
Рядовые и капралы,
Офицеры какъ легли.

Краумзгольдъ тамъ, подпоручикъ,
Бравый ротный командиръ,
Первый легъ у царскихъ пушекъ,
Въ новенькій одѣтъ мундиръ.

И легли, въ рукахъ съ булатомъ,
Вѣрно долгъ исполнивъ свой,
И начальникъ храбрый съ братомъ
И Гаевскій молодой.

Защищаясь молодецки,
Вслѣдъ легли тамъ у валовъ
И подпрапорщикъ Корецкій
И фельдфебель съ нимъ Камлевъ.

И тѣла ихъ всѣхъ остались
На разрушенныхъ валахъ,
Звѣрю, коршуну достались,—
Разнесло ихъ вѣтромъ въ прахъ.

Такъ погибъ по Божьей волѣ
Гарнизонъ нашъ изъ четырехъ ротъ.
Въ двадцать разъ силъ вражьихъ болѣ
Тамъ напало на пятьсотъ.

И погибло укрѣпленье,
Такъ врагамъ Руси на страхъ,
И великое смятенье
Было въ горскихъ племенахъ.

Но, погибнувъ, сохранился
Въ сердцѣ русскомъ тотъ оплотъ,
Чтобъ во вѣки имъ гордился
Православный весь народъ.

Чтобъ тенгинцы молодые,
Время ихъ когда прійдетъ,
Вспомнивъ подвиги былые,
Воскресили храбрый родъ.

Щедро осыпаны были милостями Монарха оставшіеся въ живыхъ и выкупленные или выбѣжавшіе изъ плѣна нижніе чины; многихъ изъ нихъ произвели въ унтеръ-офицеры и наградили георгіевскими крестами. Рядовой Александръ Федоровъ, на котораго съ дальнихъ ауловъ пріѣзжали смотрѣть горцы, какъ на необыкновенно храбраго человѣка, былъ произведенъ генераломъ Граббе въ унтеръ-офицеры; Государь же пожаловалъ ему знакъ отличія военнаго ордена подъ № 74923, фельдфебельскій окладъ жалованья и перевелъ въ Свою роту лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка.

Не были забыты и осиротѣвшія семейства павшихъ героевъ: матери штабсъ-капитана Лико пожаловано единовременно 1000 рублей и 170 руб. 60 коп. пенсіи изъ инвалиднаго капитала; отцу подпоручика Краумзгольда 230 руб.; семействамъ нижнихъ чиновъ выдано пособіе отъ 25-ти до 50-ти руб. каждому *). Рядовой

*) Арх. шт. кав. воен. окр., д. № 487 по 3 отд. деп. за 1890 г.

Іосифъ Мирославскій, сообщившій подробности о геройской смерти Архипа Осипова, тоже получилъ унтеръ-офицерскіе галуны и георгіевскій крестъ подъ № 74883. Въ воздаяніе же отлично-усердной службы чиновъ Тенгинскаго полка и особенныхъ трудовъ, съ примѣрною твердостью и постоянствомъ переносимыхъ ими въ войнѣ съ горцами, Государь повелѣлъ штабъ и оберъ-офицерамъ убавить одинъ годъ къ выслугѣ ордена св. Георгія за 25 лѣтъ, всѣмъ же нижнимъ чинамъ уменьшить годъ службы *).

Послѣ взятія Михайловскаго укрѣпленія и безуспѣшныхъ покушеній на другіе форты, черкесы обратились на сообщеніе береговой линіи съ Кубанью и 2-го апрѣля овладѣли укрѣпленіемъ Николаевскимъ. Поощренные этимъ новымъ успѣхомъ абадзехи, шапсуги и убыхи вознамѣрились сокрушить и Абинское укрѣпленіе. Оно тоже находилось въ весьма плохомъ состояніи. Не будучи исправляемо въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ, оно разрушилось и въ валахъ его отъ дождей и наводненій рѣки, образовались промоины такихъ размѣровъ, что даже конные черкесы могли проникать черезъ нихъ въ укрѣпленіе. Обезсиленному гарнизону не подъ силу, конечно, было производить необходимую работу. Требовалась скорѣйшая помощь, такъ какъ горцы находились въ угрожающемъ положеніи на р. Кунипсѣ, въ урочищѣ Перу, всего въ нѣсколькихъ часахъ пути отъ Абина, да и припасовъ въ укрѣпленіи оставалось всего на четыре дня.

19-го апрѣля отрядъ, въ составъ котораго вошелъ опять нашъ 4-й баталіонъ и полковая учебная команда, подъ начальствомъ командира Навагинскаго полка, полковника Полтинина, выступилъ изъ Ольгинскаго къ Абину. Болѣе шести верстъ отрядъ брелъ почти по грудь въ водѣ, переправляясь черезъ аушевскія, тляхофижскія болота; орудія пришлось людямъ тащить на себѣ; лошади отъ изнеможенія и подводныхъ кочекъ на каждомъ шагу падали, и многія изъ нихъ даже утонули; изъ ящиковъ заряды были вынуты и нижними чинами перенесены въ рукахъ. Послѣ четырнадцатичасового купанья при холодной,

*) Эта милость не распространялось на 5-й резервный баталіонъ нашего полка.

вѣтреной погодѣ весь отрядъ, измокшій и въ грязи, выбрался, наконецъ, на сухое мѣсто за рѣкою Куницомъ, гдѣ и остановился на ночлегъ. Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, выстроивъ каре и имѣя на флангахъ по два орудія, войска въ полномъ порядкѣ тронулись въ путь. Горцы не замедлили появиться и завязали перестрѣлку съ арьергардомъ. Отрядъ, посылая время отъ времени картечные выстрѣлы, съ барабаннымъ боемъ и пѣснями продолжалъ путь; черкесы, видя стройное движеніе, не осмѣлились производить серьезныхъ нападеній. Въ 11 часовъ дня, при крикахъ ура обрадованнаго гарнизона, колонна вступила въ ворота укрѣпленія. Въ продолженіи двухъ дней 1500 человѣкъ рабочихъ трудились надъ исправленіемъ поврежденій и приведеніемъ укрѣпленія въ надлежащій видъ. Усиливъ гарнизонъ двумя ротами Навагинскаго полка, полковникъ Полтининъ съ остальными войсками, преодолѣвъ вторично тѣ же препятствія, вернулся на Кубань *).

Помощь прибыла весьма своевременно. 26-го мая, въ два часа по полуночи, 12 тысячъ горцевъ обложили укрѣпленіе со всѣхъ сторонъ и съ крикомъ бросились на штурмъ. Градъ пуль, ручныхъ гранатъ и картечи не остановилъ ихъ натиска. Съ явнымъ пренебреженіемъ къ смерти горцы спустились въ ровъ и, цѣпляясь крючьями за туры, влѣзли на брустверъ; но, встрѣченные здѣсь штыками мужественнаго гарнизона, сильнаго общимъ одушевленіемъ, были сброшены съ валовъ. Стоявшіе близъ барбета № 1 тенгинцы, у которыхъ въ распоряженіи находился цѣлый ящикъ съ ручными гранатами, быстро и мѣтко выбрасывали зажженные снаряды, которые производили губительное дѣйствіе среди непріятеля. Этимъ дѣломъ распоряжался унтеръ-офицеръ изъ государственныхъ преступниковъ Феликсъ Ордынскій **), личнымъ мужествомъ ободрявшій все время нижнихъ

*) Такимъ образомъ, гарнизонъ Абина теперь состоялъ изъ 2-хъ ротъ Черноморскаго линейнаго № 1 баталіона, 10-й мушкетерской роты Тенгинскаго полка, 3-хъ ротъ навагинцевъ, всего въ день штурма находилось: 1 штабъ, 15 оберъ, 73 унтеръ-офицеровъ, 30 музыкантовъ; 675 рядовыхъ, 11 нестроевыхъ и 40 артиллеристовъ.

**) Феликсъ Ордынскій, бывшій профессоръ университета, за принадлежность къ тайному обществу былъ лишенъ дворянства и сосланъ въ Сибирь на крѣпостныя работы на 5 лѣтъ, по прошествіи которыхъ оставленъ тамъ на поселеніи; впослѣдствіи, чтобы окончательно загладить

чиновъ. Послѣ минутнаго перерыва боя многочисленная толпа горцевъ съ двумя развивающимися значками, имѣя впереди себя панцырниковъ, вновь обрушилась на первый бастіонъ и послѣ кровопролитной схватки сломила сопротивленіе храбрыхъ защитниковъ. Укрѣпленіе быстро наполнилось горцами. Воинскій начальникъ, отставной полковникъ Веселовскій, не теряя присутствія духа, съ послѣднимъ резервомъ изъ сорока человѣкъ смѣло ударилъ въ штыки и послѣ неимовѣрныхъ трудовъ очистилъ укрѣпленіе отъ непріятеля, успѣвъ отбить оба значка *). Потеря горцевъ была весьма значительна: въ укрѣпленіи, во рву и на гласисѣ подобрано было 685 тѣлъ и столько же, вѣроятно, унесено непріятелемъ съ собою. Съ нашей стороны убито девять нижнихъ чиновъ и ранено 18. Тотчасъ по окончаніи дѣла отслужено было благодарственное молебствіе, послѣ котораго полковникъ Веселовскій въ прочувствованныхъ словахъ благодарилъ гарнизонъ за оказанное мужество. Щедро награждены были всѣ славные защитники укрѣпленія Абина. Подпоручики нашего полка Франкъ и Юсуповъ получили слѣдующіе чины, ордена св. Анны 3-й степени съ бантомъ и каждый годовой окладъ жалованья, въ размѣрѣ 238-ми рублей $87^5/_7$ копеекъ. Унтеръ-офицеръ Феликсъ Ордынскій былъ произведенъ въ прапорщики; нижнимъ чинамъ 10-й мушкетерской роты тенгинцевъ роздано было 20 знаковъ отличія военнаго ордена, и всѣ находившіеся въ строю въ день штурма получили не въ зачетъ годовой окладъ жалованья **).

Хотя мужественный отпоръ, данный горцамъ защитниками Абина, нѣсколько охладилъ ихъ воинственный пылъ; тѣмъ не менѣе Государь Императоръ приказалъ произвести рядъ экспедицій за р. Кубань со всѣми ужасами войны, не оказывая никакой пощады виновнымъ ауламъ горцевъ; всѣ посѣвы, жатвы

вину, былъ присланъ рядовымъ въ Тенгинскій полкъ, съ которымъ и принималъ участіе въ экспедиціяхъ за Кубань.

*) Въ статьѣ Юрова «1840 года на Кавказѣ» (Кавк. Сборн. т. X) говорится, что горцы еще и третій разъ атаковали укрѣпленіе, но объ этомъ въ рапортѣ командующаго войсками военному министру отъ 22-го іюня 1840 года за № 486, ничего не упоминается.

**) Арх. шт. кавк. воен. окр., дѣло № 121, особаго отд. за 1840 годъ.

и разные припасы должны были быть уничтожены и селенія горцевъ, эти гнѣзда разбойниковъ, преданы огню. На грудѣ развалинъ Государь приказалъ ставить столбы съ надписью на мѣстномъ нарѣчіи, въ которой излагать преступленіе жителей и кару, постигшую ихъ *). На основаніи этихъ распоряженій наказный атаманъ черноморскаго казачьяго войска генералъ Завадовскій началъ громить черкесовъ со стороны Кубани; генералъ же Раевскій долженъ былъ возстановить вновь разрушенныя горцами укрѣпленія и во время самыхъ работъ дѣлать экспедиціи въ землю убыховъ и другихъ воинственныхъ племенъ. Для этого въ его распоряженіе было прислано не два, а пять полковъ 5-го корпуса, 3-й и 5-й Черноморскіе казачьи полки и рота сапернаго баталіона. Кромѣ того въ его распоряженіе былъ отданъ весь черноморскій флотъ и эскадра изъ 4-хъ пароходовъ, 6-ти военныхъ транспортовъ и 40-а азовскихъ баркасовъ.

Войскамъ 1-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи, Тенгинскаго и Навагинскаго полкамъ, до крайности разстроеннымъ походами и гарнизонною службою, рѣшено было дать хотя нѣкоторый отдыхъ. Физическія и нравственныя силы ихъ рѣшительно были ослаблены; большинство ротъ имѣло въ строю не болѣе 30—40 человѣкъ, вмѣсто 260-ти, положенныхъ по штату. У насъ въ полку убыль умершими, убитыми и бѣжавшими простиралась до 740-а человѣкъ, въ госпиталяхъ лежало 817 нижнихъ чиновъ и 31 офицеръ. Погибшія роты въ фортѣ Лазарева и укрѣпленіи Михайловскомъ не были еще сформированы и общій не комплектъ достигалъ 2500 человѣкъ. При такомъ составѣ тенгинцы очевидно не могли принять участія въ военныхъ дѣйствіяхъ и поэтому употреблены были лишь на работы по исправленію укрѣпленій. 1-й баталіонъ ставилъ палисады вокругъ отдѣльныхъ фортовъ въ Новороссійскѣ, устраивалъ тамъ себѣ постоянныя помѣщенія и исправлялъ укрѣпленіе Кабардинское, расположенное въ той же бухтѣ; 2-й баталіонъ, входя въ составъ сухопутнаго резерва береговой линіи, расположенъ былъ въ Анапѣ; на обязанности его лежала защита окрестныхъ станицъ

*) Короленко. Закубанскій край, Воен. Сборн. № 6.

и поддержка сообщеній съ фортомъ Раевскимъ; роты третьяго баталіона составляли гарнизоны укр. Геленджика и возобновленнаго Лазаревскаго. При штабъ-квартирѣ полка находился всего одинъ 4-й баталіонъ, на долю котораго выпала трудная обязанность охраненія полкового имущества, поданіе помощи и конвоированіе транспортовъ въ укрѣпленіе Абинское.

Къ концу іюля мѣсяца въ станицу Ивановскую прибыли маршевые баталіоны 6-го пѣхотнаго корпуса на укомплектованіе нашего полка. Подполковникъ Выласковъ прежде всего распорядился сформировать вновь 4-ю и 9-ю мушкетерскія роты *), а потомъ вмѣстѣ съ остальными людьми, всею полковой штабъ-квартирой и 4-мъ баталіономъ выступилъ въ кр. Анапу. Охрана всего имущества была поручена небольшой командѣ изъ нижнихъ чиновъ, преимущественно изъ выслужившихъ срокъ и представленныхъ къ увольненію въ отставку. Переводъ штаба полка на новое мѣсто былъ вызванъ желаніемъ хотя немного сблизить между собою баталіоны и облегчить тѣмъ полковому командиру управленіе своею частью. По прибытіи укомплектованій въ Тамань, люди были посажены 24-го августа на суда и перевезены въ мѣста расположенія баталіоновъ.

5-го сентября 4-й баталіонъ тенгинцевъ въ усиленномъ составѣ былъ высаженъ къ устью р. Туапсе для окончанія работы по устройству Вельяминовскаго укрѣпленія. Сильная жара, доходившая до 40—45° R., изнурила до невозможности непривыкшихъ къ климату людей 5-го корпуса и породила среди нихъ большую болѣзненность; рѣшено было три полка 15-й дивизіи, работавшихъ въ Туапсе и Псезуапе, отправить обратно въ Крымъ и замѣнить ихъ однимъ баталіономъ нашего полка. «Когда передъ сумерками (5-го сентября),—говоритъ генералъ Филипсонъ въ своихъ запискахъ,—тенгинцы стали выходить на берегъ, всѣ солдаты и офицеры 15-й дивизіи сбѣгались смотрѣть

*) Въ 4-ю мушкетерскую роту поступило: 14 человѣкъ изъ выбѣжавшихъ и выкупленныхъ изъ плѣна нижнихъ чиновъ; изъ полковъ Владимірскаго, Суздальскаго и Московскаго: 1 фельдфебель, 9 унтеръ-офицеровъ, 172 рядовыхъ, 3 барабанщика, 2 горниста и 1 цирульникъ; въ 9-ю мушкетерскую роту поступило изъ названныхъ трехъ полковъ: 2 подпрапорщика, 1 фельдфебель, 9 унтеръ-офицеровъ, 179 рядовыхъ, 1 барабанщикъ и 1 горнистъ.

на новыхъ пришельцевъ. Контрастъ свѣжихъ, бодрыхъ и расторопныхъ тенгинцевъ съ апатичными и болѣзненными солдатами 15-й дивизіи поневолѣ бросался въ глаза. Командующій баталіономъ, капитанъ Иванъ Павловичъ Корзунъ, распоряжался безъ суеты, толково и съ достоинствомъ. Это былъ старый кавказецъ, лѣтъ за 40, высокаго роста, съ рѣзкими чертами смуглаго лица, много разъ раненый и между прочимъ въ шею, отчего выговоръ его былъ глухой и не совсѣмъ понятный. На шеѣ у него были ордена Анны и Станислава, въ петлицѣ—Владиміра 4-й степени съ бантомъ, и золотая шпага «за храбрость». Баталіонъ кончилъ высадку, когда уже совсѣмъ смеркалось. Тутъ же на берегу откуда-то явились артельные котлы съ водкой; ротные писаря стали перекликать нижнихъ чиновъ по списку, и пошелъ самочерпъ подъ громкія пѣсни и при бѣшеной пляскѣ плясуновъ. Эхъ!... доброе это было войско, вѣчная ему память!»

По окончаніи работы въ укр. Вельяминовскомъ, 4-й баталіонъ тенгинцевъ въ концѣ ноября былъ на судахъ перевезенъ въ Сухумъ-кале и поставленъ резервомъ въ Абхазіи для охраненія ея отъ враждебныхъ дѣйствій горцевъ со стороны Даля и Цебельды, князья которыхъ, Шабатъ, Эсшау и Батабей, не только не исполнили всѣхъ требованій нашего пристава, но находились въ тайныхъ сношеніяхъ съ враждебными намъ племенами и подстрекали ихъ совмѣстно поднять оружіе противъ Россіи *).

Въ послѣднихъ числахъ декабря партія дальцевъ въ 200 человѣкъ напала на абхазское селеніе Мерхули и предала его пламени, забравъ имущество жителей. Это обстоятельство вынудило корпуснаго командира жестоко наказать непокорныхъ дальцевъ и цебельдинцевъ. 24-го декабря, наканунѣ праздника Рождества Христова, отрядъ полковника Муравьева, изъ 6-ти ротъ пѣхоты, въ томъ числѣ три 4-го баталіона тенгинцевъ, при двухъ горныхъ орудіяхъ и двухъ мортиркахъ, выступилъ изъ Сухумъ-кале. Предстоялъ крайне трудный походъ, да еще въ самое суровое зимнее время.

Цебельдинская нагорная плоскость, отдѣляющая собою сѣ-

*) Арх. шт. кавк. воен. окр., дѣло № 93, по 2-му отд. ген. штаба за 1840 годъ.

верную часть Абхазіи отъ южной, окружена высокими горами и состоитъ изъ двухъ террасъ: верхней и нижней *); по этой послѣдней протекаетъ р. Кодоръ, питающаяся многими горными потоками съ сосѣднихъ горныхъ кряжей. За нижней Цебельдой, по верховьямъ рр. Кодора и Адзгары, лежитъ дикое, горное ущелье Даль, со всѣхъ сторонъ, кромѣ южной, окруженное снѣговыми горами. Едва замѣтная тропинка, идущая въ Даль, вьется по берегу р. Амткаля и выходитъ въ долину р. Кодоръ. Скалы обоихъ береговъ сходятся въ этомъ мѣстѣ такъ близко, что переброшенныя черезъ рѣку нѣсколько бревенъ составляютъ мостъ, висящій надъ бездною въ 80 саженъ глубиною. Горцы переводятъ по немъ своихъ лошадей въ поводу, но не безъ риска. Это дикое ущелье, носящее названіе Богады, настолько неприступно, что небольшая горсть храбрецовъ можетъ остановить движеніе чуть ли не цѣлой арміи.

Преодолѣвъ всѣ трудности похода по горнымъ тропинкамъ, заваленнымъ снѣгами, войска къ вечеру 25-го декабря прибыли къ нашему укрѣпленію на Марамбѣ, и здѣсь къ нимъ присоединились пять сотенъ самурзаканскихъ милиціонеровъ. Выславъ впередъ, подъ прикрытіемъ роты тенгинцевъ, два полевыхъ орудія для обстрѣливанія лѣваго берега р. Кодора, противъ с. Амзыры, гдѣ отрядъ долженъ былъ совершить переправу, Муравьевъ съ остальными войсками на разсвѣтѣ 27-го числа началъ спускаться по различнымъ направленіямъ съ крутыхъ и отвѣсныхъ скалъ къ руслу р. Кодора, и въ 9 часовъ утра передъ изумленнымъ непріятелемъ уже заблистали грозные штыки. Гренадерская рота Тенгинскаго полка, слѣдовавшая въ авангардѣ колонны, предводимая храбрымъ своимъ начальникомъ штабсъ-капитаномъ Корзуномъ, недоходя Богады, бросилась въ атаку на крутыя скалы, сплошь унизанныя непріятелемъ. Осыпаемые градомъ пуль и грудою камней, скатываемыхъ съ окружающихъ скалъ, тенгинцы кое-какъ добрались до вершины возвышенности и, послѣ ожесточенной схватки, сбросили штыками непріятеля въ крутизну, потерявъ сами ранеными трехъ человѣкъ. Овладѣвъ этою вы-

*) Дубровинъ, т. I стр. 45.

сотою, главная колонна двинулась далѣе и заняла сосѣднюю гору; дальцы, опасаясь за свой тылъ, почти не оказали здѣсь никакого сопротивленія и спѣшили сосредоточиться къ Богадѣ.

По полуразрушенному мосту, состоявшему всего изъ нѣсколькихъ обледенѣлыхъ бревенъ, переброшенныхъ надъ ужасною бездною р. Кодора, наши войска бросились въ атаку и послѣ упорнаго боя заняли Богаду, при содѣйствіи выстрѣловъ нашихъ орудій, подвезенныхъ къ этому времени на рукахъ.

30-го декабря отрядъ продолжалъ движеніе вверхъ по Кодору, тѣсня передъ собою непріятеля. Скоро къ Муравьеву явилась депутація съ изъявленіемъ полной покорности. Жителямъ предписано было выселиться изъ дальскаго ущелья, и дома ихъ были разрушены до основанія. Усмиривъ населеніе, Муравьевъ съ отрядомъ возвратился въ Сухумъ-кале *). Въ полку у насъ за это время никакихъ особенныхъ событій не произошло, и только нужно отмѣтить, что въ октябрѣ мѣсяцѣ изъ нашего полка были выдѣлены 3-я, 6-я, 9-я и 12-я мушкетерскія роты **) на укомплектованіе №№ 1-го, 3-го, 4-го и 6-го Черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ ***).

10-го ноября въ командованіе Тенгинскимъ полкомъ вступилъ нашъ же штабъ-офицеръ полковникъ Семенъ Ильичъ Хлюпинъ, назначенный на этотъ постъ Высочайшимъ приказомъ отъ 2-го октября 1840 года. Подполковникъ же Выласковъ за болѣзнью былъ уволенъ отъ службы и отчисленъ по арміи съ занесеніемъ въ кандидатскій списокъ на полученіе должности коменданта внутри Россіи.

---

*) Слѣдующія награды были пожалованы тремъ ротамъ 4-го баталіона тенгинцевъ за отличіе въ дѣлахъ съ дальцами въ 1840 году: капитану Гриневичу, штабсъ-капитану Корзуну, поручику Центаловичу, прапорщику Воронину—слѣдующіе чины; нижнимъ чинамъ роздано 14 знаковъ отличія военнаго ордена. Помимо этого тенгинцамъ Всемилостивѣйше пожалованы награды въ 1840 году: полковнику Хлюпину—орденъ св. Станислава 2-й степ., Императорской короной украшенный, за отличіе при занятіи форговъ Вельяминовскаго и Лазарева 10-го и 22-го мая; подполковнику Бардовскому—орденъ св. Анны 2-й степени; капитану Маслову—слѣдующій чинъ; поручику Титову и Наумову—св. Владиміра 4-й степени; поручику Бетаки, прапорщикамъ Мерлину и Романовскому—св. Станислава 3-й степени. Дѣло № 74, особаго отдѣленія дежурства, за 1840 годъ; арх. окружн. штаба.

**) Въ составѣ 22-хъ унтеръ-офицеровъ, 260-ти рядовыхъ и 4-хъ музыкантовъ каждая: Вмѣстѣ съ этими ротами были переведены отъ насъ: поручики Мункъ, Ассѣевъ, подпоручики Андреевъ, Богушевичъ и прапорщики Алексѣевъ и Кратче.

***) Приказы по полку отъ 20-го, 24-го, 28-го и 31-го октября 1840 года.

Въ первыхъ числахъ декабря получена была печальная вѣсть о смерти командира 1-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи, бывшаго нашего командира Василія Алексѣевича Кашутина. Съ производствомъ его въ генералы, связь съ полкомъ не утратилась. Сколько разъ онъ ходилъ съ нашими баталіонами по горамъ и съ шашкою наголо водилъ насъ въ бой. Смерть его была большой утратой для всѣхъ. Онъ отошелъ въ вѣчность спокойно на своей постели, въ своемъ помѣстьи, въ 12-ти верстахъ отъ Керчи. Офицеры ближайшихъ баталіоновъ съѣхались на похороны и, послѣ панихиды въ домѣ, понесли своего отца-командира на бѣдное сельское кладбище, на вѣчный покой *).

---

*) Записки Лорера, Рус. арх. за 1874 годъ.

Глава VI.

Назначеніе М. Ю. Лермонтова въ Тенгинскій полкъ. Краткая его біографія до прибытія на Кавказъ. Назначеніе Лермонтова въ отрядъ генерала Галафѣева. Бой на Валерикѣ. Выдержка изъ журнала военныхъ дѣйствій ген. Галафѣева. Боевыя отличія Лермонтова. Отрывокъ изъ стихотворенія «Валерикъ». Движеніе въ Чечню. Аттестаціи храбрости Лермонтова, сдѣланныя генераломъ Галафѣевымъ и кн. Голицынымъ. Пребываніе Лермонтова въ Тенгинскомъ полку. Отъѣздъ его въ отпускъ. Возвращеніе на Кавказъ. Смерть Лермонтова. Похороны его и открытіе памятника. 1841 годъ. Расположеніе полка на береговой линіи. Бѣдствіе полка въ хозяйственномъ отношеніи. Вооруженія убыховъ. Дѣйствія отряда полковника Муравьева въ Цебельдѣ. Постройка Гагринскаго укрѣпленія. Союзъ нашъ съ джигетами. Враждебныя дѣйствія убыховъ противъ джигетовъ. Движеніе нашего отряда на ихъ защиту. Покорность убыховъ. Нарушеніе ими присяги и блокада Навагинскаго укрѣпленія. Движеніе на выручку. Сосредоточеніе отряда у св. Духа. Бой 22-го іюля. Снятіе осады Навагинскаго укрѣпленія. Прибытіе милицій. Движеніе отряда Муравьева въ землю убыховъ. Трехдневный бой 8—10 октября. Награды полку. Постройка сочинскаго блокгауза. Возвращеніе полка на Кубань. Состояніе полка. Убыль. Отдыхъ полка. Строгій смотръ полковника Назимова. Дѣятельность 5-го резервнаго баталіона за Кубанью. Образованіе резервной дивизіи. 6-й резервный баталіонъ Тенгинскаго полка.

Описывая послѣднія бурныя событія, въ которыхъ на долю тенгинцевъ выпала столь видная роль, нельзя обойти молчаніемъ боевую дѣятельность Михаила Юрьевича Лермонтова, котораго Тенгинскій полкъ съ гордостью считаетъ въ своихъ рядахъ.

Высочайшимъ приказомъ отъ 13-го февраля 1840 года онъ былъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ изъ поручиковъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка «за произведенную, по собственному сознанію, дуэль и за не донесеніе объ этомъ тотчасъ своему начальству»; такъ гласитъ его формулярный списокъ *).

Біографія М. Ю. Лермонтова слишкомъ извѣстна, чтобы долго останавливаться на ней, но считаемъ не лишнимъ напомнить главнѣйшіе моменты его короткой, но полной несчастныхъ превратностей жизни.

Родился Михаилъ Юрьевичъ 2-го октября 1814 года и про-

*) См. Приложеніе X. Формулярный списокъ поручика Лермонтова.

исходилъ по отцу отъ древняго шотландскаго рода, переселившагося въ Россію въ началѣ XVII столѣтія; съ материнской стороны онъ принадлежалъ къ старинной боярской фамиліи Арсеньевыхъ и Столыпиныхъ, весьма гордившихся знатностью своего происхожденія. Это послѣднее обстоятельство было причиной нѣкотораго разлада между материнской родней и отцомъ поэта, разлада, положившаго грустную тѣнь на всѣ его молодые годы.

Рано потерявъ мать, онъ воспитывался въ домѣ бабушки своей Елизаветы Михайловны Арсеньевой, перенесшей на внука всю свою любовь и сильно баловавшей его. 11-ти лѣтъ онъ побывалъ на Кавказѣ, который произвелъ на чуткую душу мальчика глубокое, неизгладимое впечатлѣніе.

Лелѣя своего внука, умная Е. М. Арсеньева постаралась ему дать возможно лучшее воспитаніе и, не смотря на то, что въ ея средѣ штатская служба не считалась тогда особенно почетною, готовила его въ университетъ, при чемъ особенное вниманіе было обращено на знаніе языковъ, и М. Ю. былъ въ дѣтствѣ окруженъ иностранцами. Изъ нихъ бонна-нѣмка Х. Ремеръ своимъ честнымъ и добрымъ характеромъ имѣла прекрасное вліяніе на мальчика; изъ французовъ же—полковникъ старой гвардіи Жандро, плѣнникъ двѣнадцатаго года, воспламенилъ душу ребенка и, своими пылкими разсказами о пережитой героической эпохѣ, вселилъ своему воспитаннику особенную любовь къ могучей личности Наполеона; это чувство впослѣдствіи вылилось въ чудныхъ строфахъ «Межъ тѣмъ какъ Франція, среди рукоплесканій...» Весьма возможно, что тѣ же разсказы Жандро положили начало симпатіи Лермонтова къ военной карьерѣ.

Въ 1828 году онъ поступилъ въ московскій «Благородный университетскій пансіонъ», а въ 1830 г. перешелъ въ самый университетъ, но пробылъ тамъ всего 2 года и вышелъ оттуда «по прошенію», но въ сущности изъ-за столкновенія съ однимъ изъ профессоровъ (Маловымъ). Переѣхавъ въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы поступить снова въ университетъ, онъ вмѣсто того поступилъ въ «Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ», нынѣшнее Николаевское кавалерійское учи-

лище, гдѣ кончилъ курсъ и въ концѣ 1834 года былъ выпущенъ корнетомъ въ л.-гв. Гусарскій полкъ. Университетскіе годы для Лермонтова были годами самосознанія. Въ это время онъ очень много читалъ и написалъ огромное число произведеній, въ которыхъ выражены его главнѣйшія идеи, впослѣдствіи имъ лишь болѣе обработанныя. Годы юнкерства были годами чисто внѣшней жизни, и хотя онъ увлекался блескомъ обстановки и разгуломъ, но втайнѣ считалъ эти годы «deux années terribles» И лира, достойная его генія, замолкла на это время; если онъ и писалъ что, то это не прибавило ничего къ его литературной славѣ, но зато дала ему популярность среди кутящей золотой молодежи.

Въ 1834 году явилось на страницахъ «Библіотеки для чтенія» первое его печатное произведеніе, Хаджи Абрекъ, подписанное полнымъ именемъ, и съ той поры опредѣляется литературная карьера молодого человѣка. Правда, по внѣшности онъ все еще ведетъ жизнь «Маёшки», но въ тоже время въ душѣ его теплится нѣчто лучшее, и онъ восклицаетъ:

Гляжу на будущность съ боязнью,
Гляжу на прошлое съ тоской,...
И, какъ преступникъ передъ казнью,
Ищу кругомъ души родной...

Мысль его работаетъ независимо отъ обстановки, и онъ создаетъ въ это время неподражаемыя свои Еврейскія мелодіи, Умирающаго гладіатора, Вѣтку Палестины и др.

Но вдругъ угаснулъ «свѣточъ, дивный геній» Пушкинъ, и въ порывѣ благороднаго негодованія за эту безвинную смерть у Лермонтова вырвалось знаменитое—«Погибъ поэтъ-невольникъ чести...», а черезъ нѣсколько дней, когда выяснилось отношеніе многихъ изъ высшаго свѣта къ смерти Пушкина, появились добавочныя строфы—«А вы, надменные потомки...». Стихи эти конечно не могли быть тогда же напечатаны, но они съ необычайною быстротою облетѣли весь Петербургъ, а затѣмъ и всю Россію. Они дали громкую извѣстность Лермонтову, многіе уже тогда въ авторѣ этихъ желѣзныхъ стиховъ пророчески увидѣли

прямого преемника только что угасшаго генія; другіе же были обижены и именно второй половиной стихотворенія. Вслѣдствіе сильнаго ходатайства послѣднихъ, Лермонтовъ былъ арестованъ и 28-го февраля 1837 года переведенъ прапорщикомъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ; но къ полку онъ не доѣхалъ и провелъ лѣто и осень въ путешествіяхъ по Кавказу и на водахъ. Въ октябрѣ же мѣсяцѣ хлопотами бабушки былъ снова переведенъ въ гвардію, сначала въ Гродненскій гусарскій, а затѣмъ обратно въ лейбъ-Гусарскій. Въ 1840 году за дуэль съ Барантомъ, сыномъ французскаго посланника, Лермонтовъ былъ переведенъ поручикомъ къ намъ въ полкъ. Таковы въ общихъ чертахъ событія въ жизни М. Ю. Лермонтова, предшествовавшія его третьему и на этотъ разъ послѣднему прибытію на Кавказъ.

10-го іюня 1840 года Лермонтовъ пріѣхалъ въ Ставрополь, главную квартиру командующаго кавказской линіею. Здѣсь онъ встрѣтился со многими петербургскими знакомыми или знавшими его по наслышкѣ, преимущественно гвардейскими офицерами, пріѣхавшими сюда для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ и въ ожиданіи послѣднихъ весело проводившими время *). Лермонтовъ, конечно, сейчасъ же окунулся въ эту жизнь и участвовалъ въ ежедневныхъ шумныхъ обѣдахъ и ужинахъ, устраиваемыхъ въ роскошной по тому времени гостинницѣ Найтаки. Сборища обыкновенно заканчивались кутежемъ, послѣ котораго расходились съ музыкой.

Ставрополь былъ перепутьемъ, откуда всѣ командированные на Кавказъ разъѣзжались въ разныя стороны. Одни продолжали путешествіе свое въ Грузію, другіе ѣхали на правый или лѣвый фланги. Старшій адъютантъ штаба обыкновенно спрашивалъ, куда кто желаетъ быть отправленнымъ и сообразно этому производилось назначеніе **).

Лермонтову предстояло ѣхать на черноморскую береговую

*) При отрядномъ штабѣ въ то время числились: Уланскаго полка штабъ-ротмистръ Шейнъ и поручикъ баронъ Фридериксъ; лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка кн. Долгоруковъ 2-й, Кавалергардскаго Его Величества гр. Ламбертъ и др. Центр. арх. управл. нач. владик. мѣстной бригады, дѣло № 13357.

**) Русскій Вѣстникъ. 1888 г., т. IX. Воспоминанія М. Ц—ръ.

линію, и конечно перспектива попасть въ гарнизонъ одного изъ укрѣпленій, неособенно улыбалась пылкому молодому человѣку, жаждавшему испытать новыхъ, боевыхъ впечатлѣній. Поэтому онъ постарался выхлопотать себѣ командированіе на лѣвый флангъ, гдѣ въ это время начиналось общее возстаніе горцевъ, уже нѣсколько лѣтъ подготовляемое мюридизмомъ. Имя Шамиля начинало становиться грознымъ; онъ уже докончилъ административное устройство края, достаточно сплотилъ разнородныя племена Дагестана и Чечни и готовъ былъ начать свою многолѣтнюю борьбу съ Россіей. На его призывъ уже стеклись ичкеринцы, качкалыковцы, галашевцы, карабулаки и чеченцы. Для усмиренія послѣднихъ, бывшихъ ближайшими нашими сосѣдями, въ іюлѣ 1840 года былъ сформированъ въ крѣпости Грозной отрядъ *) генерала Галафѣева.

Къ этому чеченскому отряду и былъ прикомандированъ поручикъ Лермонтовъ въ числѣ нѣсколькихъ другихъ гвардейскихъ офицеровъ.

6-го іюля войска выступили изъ Грозной по направленію къ аулу Большой Чечень и 10-го числа прибыли въ Гехи. Непріятель пока ничего рѣшительнаго не предпринималъ и ограничивался пустою перестрѣлкою, но удаленіе жителей изъ встрѣчаемыхъ по пути ауловъ говорило, что нужно было ожидать серьезныхъ дѣйствій съ ихъ стороны. Съ разсвѣтомъ 11-го числа отрядъ продолжалъ движеніе; въ авангардѣ, подъ начальствомъ полковника Фрейтага, слѣдовали: три баталіона куринцевъ, 2 роты саперъ и нѣсколько сотенъ донскихъ и линейныхъ казаковъ, при 4-хъ полевыхъ и двухъ конныхъ орудіяхъ; весь обозъ двигался въ центрѣ подъ прикрытіемъ баталіона мингрельцевъ; арьергардъ состоялъ изъ двухъ баталіоновъ князя Варшавскаго полка, 4-хъ орудій и сотни донскихъ казаковъ, подъ общею командою полковника барона Врангеля. Отрядъ продолжалъ двигаться безпрепятственно и наконецъ вступилъ въ гехинскій лѣсъ, вытянувшись узкой колонной по лѣсной дорогѣ. Вдругъ раздался выстрѣлъ, за нимъ другой и пули начали

*) Составъ: $6^1/_2$ баталіоновъ пѣхоты, 1500 казаковъ, 14 орудій.

свистать по разнымъ направленіямъ. Авангардъ, подкрѣпленный еще однимъ баталіономъ, бросился въ штыки. Непріятель былъ прогнанъ. На первой же встрѣчной полянѣ генералъ Галафѣевъ перестроилъ отрядъ въ боевой порядокъ и безостановочно продолжалъ движеніе.

«Впереди,—говорится въ журналѣ военныхъ дѣйствій,—виднѣлся лѣсъ, двумя клиньями исходившій съ обѣихъ сторонъ дороги. Рѣчка Валерикъ, протекая по самой опушкѣ лѣса, въ глубокихъ, совершенно отвѣсныхъ берегахъ, пересѣкала дорогу въ перпендикулярномъ направленіи, дѣлая входящій уголъ къ сторонѣ Ачхоя. Правый берегъ былъ болѣе открытъ, по лѣвому же тянулся лѣсъ, который былъ около дороги прорубленъ на небольшой ружейный выстрѣлъ, такъ что вся эта мѣстность представляла нѣчто въ видѣ бастіоннаго фронта, съ глубокимъ водянымъ рвомъ. Подойдя къ этому мѣсту на картечный выстрѣлъ, артиллерія открыла огонь. Ни одного выстрѣла не сдѣлано съ непріятельской стороны, ни малѣйшаго движенія не было видно.

«Мѣстность казалась совершенно ровной, не было видно и малѣйшаго слѣда оврага и казалось, что дорога пресѣкалась. Уже сдѣлано было распоряженіе двинуть въ каждую сторону по одному баталіону съ тѣмъ, чтобы, по занятіи лѣса, люди остановились тамъ, пока не подтянется весь обозъ. Дабы обезпечить пѣхотѣ занятіе лѣса, весь отрядъ продвинулся еще впередъ; Артиллерія подошла уже на ближайшій ружейный выстрѣлъ. Цѣпь, выдвинутая впередъ, находилась отъ лѣса на половину пистолетнаго выстрѣла. Но съ непріятельской стороны сохранено то же молчаніе. Едва орудія стали сниматься съ передковъ, какъ чеченцы со всѣхъ сторонъ открыли убійственный огонь противъ пѣхоты и артиллеріи. Въ одно мгновеніе войска двинулись впередъ съ обѣихъ сторонъ дороги. Храбрый и распорядительный командиръ Куринскаго полка, полковникъ Фрейтагъ, самъ впереди велъ на кровавый бой своихъ куринцевъ; съ быстротою обскакалъ онъ ряды ихъ, вездѣ слышенъ былъ ободряющій голосъ его, и въ виду цѣлаго отряда онъ съ неимовѣрнымъ хладнокровіемъ распоряжался атакою.

«Добѣжавъ до лѣса, войска неожиданно остановлены отвѣснымъ берегомъ р. Валерика и срубами изъ бревенъ, за трое сутокъ впередъ приготовленными непріятелемъ, откуда онъ производилъ смертоносный ружейный огонь. Тутъ достойно примѣчанія, что саперы, слѣдуя въ авангардѣ за третьимъ баталіономъ Куринскаго полка и видя, что войска остановлены мѣстнымъ препятствіемъ, безъ всякаго приказанія бросились къ нимъ на помощь, но она не была уже нужна храбрымъ егерямъ. Помогая другъ другу, тѣ переправились черезъ оврагъ по обрывамъ, по грудь въ водѣ, и вскочили въ лѣсъ въ одно время съ обѣихъ сторонъ дороги. Въ лѣсу они сошлись съ чеченцами лицомъ къ лицу; огонь умолкъ на время, губительное холодное оружіе заступило его. Бой продолжался недолго, и шашки уступили штыку. Фанатическое изступленіе отчаянныхъ мюридовъ не устояло противъ хладнокровной храбрости русскаго солдата; числительная сила разбросанной толпы должна была уступить нравственной силѣ стройныхъ войскъ, и чеченцы выбѣжали на поляну, на лѣвый берегъ р. Валерика, откуда картечь изъ 2-хъ конныхъ и 2-хъ пѣшихъ орудій, состоявшихъ подъ командою гвардейской конной артиллеріи поручика Евреинова и 20-й бригады прапорщика Ямпнскаго, снова вогнали ихъ въ лѣсъ *). Въ лѣсу снова начали раздаваться весьма частые ружейные выстрѣлы. Но это не былъ уже бой, а походило болѣе на травлю дикихъ звѣрей. Избѣгая смерти съ одной стороны и пробираясь между кустами, чеченецъ встрѣчалъ ее неожиданно съ другой стороны.

«Между тѣмъ, когда войска стали вдаваться въ лѣсъ, лежавшая направо часть чеченцевъ, которымъ отступленіе было совершенно отрѣзано, бросилась къ опушкѣ лѣса и начала бить въ обозъ. Противъ нихъ тотчасъ былъ двинутъ полубаталіонъ пѣхо-

*) При атакѣ лѣса, между прочими отличившимися начальникъ отряда указывалъ на прикомандированнаго къ Куринскому полку унтеръ-офицера Тенгинскаго полка Казиміра Малиновскаго. «Онъ, говорилось въ донесеніи, 11-го іюля съ необыкновенною храбростью дрался въ рукопашной схваткѣ съ непріятелемъ при штурмѣ завалова, гдѣ былъ изъ числа первыхъ, ворвавшихся въ оные, и во все время сраженія отличался своею неустрашимостью, ободрявшею солдатъ». Малиновскій былъ награжденъ чиномъ прапорщика.

ты, который и отрѣзалъ непріятеля. Другая партія, также оттѣсненная къ опушкѣ, вышла на равнину впереди позиціи и бросилась на обозъ съ праваго фланга; замѣтивъ это, начальникъ отряда приказалъ поставить противъ нихъ 2 конныхъ орудія и двинулъ казаковъ впередъ. Чеченцы, пораженные картечнымъ огнемъ и видя приближающуюся кавалерію, стремительно бросились опять въ лѣсъ, гдѣ весьма немногимъ изъ нихъ удалось спастись отъ пораженія нашей пѣхоты. Показавшаяся еще третья менѣе значительная, но болѣе дерзновенная партія была тоже отражена съ успѣхомъ. Въ то же время на лѣвомъ флангѣ первый баталіонъ Мингрельскаго полка, вдаваясь далѣе въ лѣсъ, нашелъ на сильный завалъ чеченцевъ; убійственный огонь поражалъ ихъ, и слабыя двѣ роты съ трудомъ могли держаться противъ многочисленнаго непріятеля, и въ помощь имъ были высланы еще двѣ роты изъ арьергарда. Мало по малу бой началъ стихать; въ лѣсу остались одни только мертвые, и войска начали вытягиваться съ другой стороны поляны, чтобы обезпечить переправу, которую разрабатывали саперы, съ трудомъ отозванные изъ лѣса, гдѣ они нашли пищу для своей необыкновенной храбрости» *).

Объ этомъ боѣ генералъ Галафѣевъ доносилъ: «Успѣху сего дѣла, я обязанъ распорядительности и мужеству полковыхъ командировъ, офицерамъ генеральнаго штаба, а также Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручику Лермонтову, съ коими они переносили всѣ мои приказанія войскамъ въ самомъ пылу сраженія, въ лѣсистомъ мѣстѣ, а потому заслуживаютъ особеннаго вниманія, ибо каждый кустъ, каждое дерево грозило всякому внезапною смертью!» **).

---

*) Черновой журналъ военныхъ дѣйствій отряда генерала Галафѣева за 1840 годъ. Есть основаніе полагать, что этотъ бой изложенъ самимъ Лермонтовымъ; по крайней мѣрѣ почеркъ, какимъ составленъ черновикъ, напоминаетъ почеркъ поэта. Наконецъ самый слогъ, сохраненный вполнѣ въ приводимой выдержкѣ, не смотря на нѣкоторыя шероховатости, отличается крайнею образностью и силою, чего нельзя сказать о другихъ современныхъ реляціяхъ, составленныхъ вообще витьевато. Дѣло это нынѣ хранится въ Военно-историческомъ отдѣлѣ при шт. кавк. воен. округа.

**) Здѣсь нужно замѣтить, что въ сраженіи на Валерикѣ 11-го іюля поручикъ Лермонтовъ не командовалъ еще дороховскою командою охотниковъ, какъ объ этотъ разсказываетъ профессоръ Висковатый на страницахъ Русской Старины за 1884 годъ. Эту команду Лермонтовъ полу-

Приводимъ здѣсь, какъ дополненіе, отрывокъ изъ стихотворенія, въ которомъ Лермонтовъ даетъ безподобныя картины бивачной обстановки и самого боя на Валерикѣ.

. . . . . .
Кругомъ бѣлѣются палатки;
Казачьи тощія лошадки
Стоятъ рядкомъ, повѣся носъ;
У мѣдныхъ пушекъ спитъ прислуга,
Едва дымятся фитили;
Попарно цѣпь стоитъ вдали;
Штыки горятъ подъ солнцемъ юга.
Вотъ, разговоръ о старинѣ
Въ палаткѣ ближней слышенъ мнѣ:
Какъ при Ермоловѣ ходили
Въ Чечню, въ Аварію къ горамъ,
Какъ тамъ дрались, какъ мы *ихъ* били,
Какъ доставалося и намъ.
И вижу я, неподалеку
У рѣчки, слѣдуя Пророку,
Мирной татаринъ свой намазъ
Творитъ, не подымая глазъ;
И вотъ кружкомъ сидятъ другіе.
Люблю я цвѣтъ ихъ желтыхъ лицъ,
Подобный цвѣту наговицъ;
Ихъ шапки, рукава худые;
Ихъ томный и лукавый взоръ
И ихъ гортанный разговоръ.
Чу!—дальній выстрѣлъ... прожужжала
Шальная пуля... Славный звукъ!...
Вотъ крикъ—и снова все вокругъ
Затихло... Но жара ужъ спала;
Ведутъ коней на водопой,
Зашевелилася пѣхота;
Вотъ проскакалъ одинъ, другой!
Шумъ, говоръ... «Гдѣ вторая рота?»
«Что? вьючить?—«Что-же капитанъ?»—
«Повозки выдвигайте живо!»—
«Савельичъ!..» — Ой-ли! — «Дай огниво!»—
Подъемъ ударилъ барабанъ,
Гудитъ музыка полковая;
Между колоннами въѣзжая,
Звенятъ орудія; генералъ
Впередъ со свитой поскакалъ...
Разсыпались въ широкомъ полѣ,
Какъ пчелы, съ гикомъ казаки;
Ужъ показалися значки
Тамъ, на опушкѣ,—два и болѣ;
А вотъ въ чалмѣ одинъ мюридъ
Въ черкескѣ красной ѣздитъ важно,
Конь свѣтло-сѣрый весь кипитъ;
Онъ машетъ, кличетъ... Гдѣ отважный?
Кто выйдетъ съ нимъ на смертный бой?
Сейчасъ... Смотрите: въ шапкѣ черной
Казакъ пустился гребенской,
Винтовку выхватилъ проворно,
Ужъ близко... выстрѣлъ... легкій дымъ...
«Эй вы, станичники, за нимъ!..
«Что?—раненъ?—Ничего! бездѣлка!..»
И завязалась перестрѣлка...
. . . . . .
Разъ—это было подъ Гехами—
Мы проходили темный лѣсъ.

чилъ только 10-го октября, когда Дороховъ былъ раненъ; въ этомъ же сраженіи Лермонтовъ только передавалъ приказанія высшаго начальства, о чемъ и свидѣтельствуетъ журналъ военныхъ дѣйствій и донесеніе ген. Галафѣева.

Огнемъ дыша, пылалъ надъ нами
Лазурно-яркій сводъ небесъ.
Намъ былъ обѣщанъ бой жестокой:
Изъ горъ Ичкеріи далекой
Уже въ Чечню на бранный зовъ
Толпы стекались удальцовъ;
Надъ допотопными лѣсами
Мелькали маяки кругомъ,—
И дымъ ихъ то вился столбомъ,
То разстилался облаками;
И оживилися лѣса:
Скликались дико голоса
Подъ ихъ зелеными шатрами.
Едва лишь выбрался обозъ
Въ поляну, дѣло началось.
Чу! въ арьергардъ орудье просятъ;
Вотъ ружья изъ кустовъ выносятъ;
Вотъ тащутъ за ноги людей,
И кличутъ громко лекарей...
И вотъ изъ лѣса, изъ опушки,
Вдругъ съ гикомъ кинулись на
пушки,—
И градомъ пуль съ вершинъ деревъ
Отрядъ осыпанъ... Впереди же
Все тихо... Тамъ между кустовъ
Бѣжалъ потокъ; подходимъ ближе.
Пустили нѣсколько гранатъ;
Еще подвинулись,—молчатъ...
Но вотъ, надъ бревнами завала
Ружье какъ-будто заблистало,
Потомъ мелькнуло шапки двѣ,—
И вновь все спряталось въ травѣ...
То было грозное молчанье...
Недолго длилося оно,
Но въ этомъ страшномъ ожиданьѣ
Забилось сердце не одно.
Вдругъ залпъ... глядимъ: лежатъ
рядами.
Что нужды?—Здѣшніе полки
Народъ испытанный... «Въ штыки,
Дружнѣе!»—раздалось за нами.
Кровь загорѣлася въ груди!
Всѣ офицеры впереди...
Верхомъ помчался на завалы,
Кто не успѣлъ спрыгнуть съ коня...
«Ура!»—и смолкло.—Вонъ кинжалы!
Въ приклады!.. И пошла рѣзня.
И два часа въ струяхъ потока
Бой длился; рѣзались жестоко,
Какъ звѣри, молча, съ грудью грудь;
Ручей тѣлами запрудили.
Хотѣлъ воды я зачерпнуть,—
И зной, и битва утомили
Меня,—но мутная волна
Была тепла, была красна...
На берегу, подъ тѣнью дуба,
Пройдя заваловъ первый рядъ,
Стоялъ кружокъ. Одинъ солдатъ
Былъ на колѣняхъ; мрачно, грубо
Казалось выраженье лицъ,
Но слезы капали съ рѣсницъ,
Покрытыхъ пылью. На шинели,
Спиною къ дереву, лежалъ
Ихъ капитанъ. Онъ умиралъ;
Въ груди его едва чернѣли
Двѣ ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась; но высоко грудь
И трудно подымалась; взоры
Бродили страшно. Онъ шепталъ:
«Спасите, братцы! тащутъ въ горы..
Постойте! гдѣ же генералъ?..
Не слышу...» Долго онъ стоналъ,
Но все слабѣй, и понемногу
Затихъ—и душу отдалъ Богу.
На ружья опершись, кругомъ
Стояли усачи сѣдые
И тихо плакали... Потомъ
Его останки боевые
Накрыли бережно плащемъ
И понесли... Тоской томимый

Имъ вслѣдъ смотрѣлъ я, недвижимый.
Между тѣмъ товарищей, друзей
Со вздохомъ возлѣ называли;
Но не нашелъ въ душѣ моей
Я сожалѣнья—ни печали.
Уже затихло все; тѣла
Стащили въ кучу. Кровь текла
Струею дымной по каменьямъ,—
Ея тяжелымъ испареньемъ
Былъ полонъ воздухъ. Генералъ
Сидѣлъ въ тѣни на барабанѣ
И донесенья принималъ.
Окрестный лѣсъ, какъ бы въ туманѣ,
Синѣлъ въ дыму пороховомъ,
А тамъ, вдали,—грядой нестройной,
Но вѣчно гордой и спокойной,
Въ своемъ нарядѣ снѣговомъ,
Тянулись горы,—и Казбекъ
Сверкалъ главой остроконечной.
И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ; жалкій человѣкъ...
Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,—
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?
Галубъ прервалъ мое мечтанье,
Ударивъ по плечу,—онъ былъ
Кунакъ мой. Я его спросилъ,
Какъ мѣсту этому названье?
Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Валерикъ,—
А перевесть на вашъ языкъ,
Такъ будетъ—рѣчка смерти: вѣрно
Дано старинными людьми!»
—А сколько ихъ дралось примѣрно
Сегодня?—«Тысячъ до семи.»
—А много горцы потеряли?—
«Какъ знать?—зачѣмъ вы не считали?»
—Да, будетъ,—кто-то тутъ сказалъ,—
Имъ въ память этотъ день кровавый!—
Чеченецъ посмотрѣлъ лукаво,
И головою покачалъ...

Начальникъ отряда въ донесеніи своемъ къ генералъ-адъютанту Граббе отъ 8-го октября 1840 года такъ отзывался объ участіи Лермонтова въ кровавомъ бою подъ Валерикомъ:

«Генгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Лермонтовъ, во время штурма непріятельскихъ заваловъ на рѣкѣ Валерикъ, имѣлъ порученіе наблюдать за дѣйствіями передовой штурмовой колонны и увѣдомлять начальника отряда объ ея успѣхахъ, что было сопряжено съ величайшею для него опасностью отъ непріятеля, скрывавшагося въ лѣсу за деревьями и кустами. Но офицеръ этотъ, не смотря ни на какія опасности, исполнялъ возложенное на него порученіе съ отмѣннымъ мужествомъ и хладнокровіемъ и съ первыми рядами храбрѣйшихъ ворвался въ непріятельскіе завалы».

За дѣло подъ Валерикомъ генералъ Галафѣевъ представилъ Лермонтова къ Владиміру 4-й степени съ бантомъ, но корпус-

ный командиръ замѣнилъ эту награду орденомъ св. Станислава 3-й степени въ виду того, что «поручикъ орденовъ не имѣетъ».

Послѣ сраженія подъ Валерикомъ отрядъ Галафѣева 14-го числа вернулся обратно въ крѣпость Грозную, но уже 17-го іюля снова выступилъ къ Міатлинской переправѣ, а потомъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, откуда войска направились къ Герзель-аулу, для окончанія постройки этого укрѣпленія. Во время работы предпринимаемы были поиски по разнымъ направленіямъ между Внезапною, Умаханъ-юртомъ и Герзель-ауломъ противъ незначительныхъ чеченскихъ партій, намѣревавшихся прорваться на Сунжу черезъ Кумыкскую плоскость. Окончивъ постройку укрѣпленія, генералъ Галафѣевъ перешелъ въ Грозную, откуда 26-го сентября выступилъ съ отрядомъ черезъ Ханкальское ущелье къ Аргуну для наказанія наибовъ Шамиля, Шуанбъ-моллы и Ахверды-Магомы, за разграбленіе Моздока и увлеченіе въ плѣнъ жителей. Истребивъ значительные запасы сѣна и овладѣвъ аулами Белгатой, Шали и Герменчукъ, войска здѣсь занялись устройствомъ вагенбурга. 4-го октября къ Шали прибылъ съ большою партіею самъ Шамиль; Галафѣевъ атаковалъ аулъ и взялъ его съ бою. При обратномъ слѣдованіи къ вагенбургу нашимъ войскамъ пришлось сдерживать все время бѣшеныя атаки чеченцевъ; до 15-го октября отрядъ занятъ былъ уничтоженіемъ непріятельскихъ ауловъ и затѣмъ вернулся обратно въ Грозную. Въ глубь Чечни Галафѣевъ не рѣшался предпринять движеніе по недостатку боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ и позднему времени года. Поручикъ Лермонтовъ во все время похода состоялъ въ прикомандированіи къ кавалеріи дѣйствующаго отряда и 10-го октября, когда выбылъ раненымъ изъ строя Малороссійскаго казачьяго № 1 полка юнкеръ Руфимъ Дороховъ, три раза разжалованный въ рядовые «за шалости» служившій одно время у насъ полку, Лермонтовъ принялъ отъ него начальство надъ охотниками, выбранными въ числѣ сорока человѣкъ изъ всей кавалеріи. Эта команда головорѣзовъ, именовавшаяся «лермонтовскимъ отрядомъ», рыская впереди главной колонны войскъ, открывала присутствіе непріятеля, какъ

снѣгъ на голову сваливалась на аулы чеченцевъ и, дѣйствуя исключительно холоднымъ оружіемъ, не давала никому пощады. Лихо заломивъ бѣлую холщевую шапку, въ вѣчно растегнутомъ и безъ погонъ сюртукѣ, изъ-подъ котораго выглядывала красная канаусовая рубаха, Лермонтовъ на бѣломъ конѣ не разъ бросался въ атаку на завалы. Минуты отдыха онъ проводилъ среди своихъ головорѣзовъ и ѣлъ съ ними изъ одного котла, отвергалъ излишнюю роскошь, служа этимъ для своихъ подчиненныхъ лучшимъ примѣромъ воздержанія. Современникъ говоритъ, что Лермонтовъ въ походѣ не обращалъ вниманія на существовавшую тогда форму—отпустилъ баки и бороду и носилъ длинные волосы, не зачесывая ихъ на вискахъ. Начальникъ отряда весьма былъ доволенъ всѣми дѣйствіями партизанской команды и вотъ въ какихъ выраженіяхъ доносилъ высшему начальству о неудержимой удали поэта: «Въ дѣлахъ 29-го сентября и 3-го октября онъ обратилъ на себя особенное вниманіе мое расторопностью, вѣрностью взгляда и пылкимъ мужествомъ, почему 10-го октября, когда раненый юнкеръ Дороховъ былъ вынесенъ изъ фронта, я поручилъ его начальству команду, изъ охотниковъ состоявшую. Невозможно было сдѣлать выбора удачнѣе: всюду поручикъ Лермонтовъ первый подвергался выстрѣламъ хищниковъ и во главѣ отряда оказывалъ самоотверженіе выше всякой похвалы. 12-го октября на фуражировкѣ за Шали, этотъ отличный офицеръ, пользуясь плоскостью мѣстоположенія, бросился съ горстью людей на превосходнаго числомъ непріятеля, отбивалъ его отъ цѣпи нашихъ стрѣлковъ и поражалъ неоднократно собственною рукою хищниковъ. 15-го октября онъ съ командою первый прошелъ черезъ шалинскій лѣсъ, обращая на себя всѣ усилія хищниковъ, покушавшихся препятствовать нашему движенію, и занялъ позицію въ разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ опушки. При переправѣ черезъ Аргунъ онъ дѣйствовалъ отлично противъ хищниковъ и, пользуясь выстрѣлами нашихъ орудій, внезапно кинулся на партію непріятеля, которая тотчасъ же ускакала въ ближайшій лѣсъ, оставивъ въ рукахъ нашихъ два тѣла». Далѣе начальникъ отряда испрашивалъ,

въ видѣ награды Лермонтову, переводъ его въ гвардію тѣмъ же чиномъ и со старшинствомъ.

Между тѣмъ положеніе дѣла въ Чечнѣ стало принимать серьезный оборотъ; всѣ ея племена примкнули къ Шамилю и на столько увеличили его силы, что средства борьбы оказались уже далеко неравными. Это обстоятельство вынудило командующаго войсками на линіи и въ Черноморіи генерала Граббе самому прибыть къ концу октября въ Грозный и, вопреки его личному взгляду на Шамиля, какъ на простого оборванца, принять начальство надъ отрядомъ Галафѣева. 27-го числа онъ вступилъ въ Малую Чечню и, пройдя черезъ гойтинскіе и гехинскіе лѣса, истребилъ аулы, уцѣлѣвшіе во время экспедиціи Галафѣева. Въ первыхъ числахъ ноября такимъ же образомъ наказаны были селенія Маюртупъ и Аку-юртъ въ Большой Чечнѣ. Наступившее позднее время заставило генерала Граббе распустить отрядъ.

Лермонтовъ, какъ и прежде, съ отрядомъ своего имени проявлялъ чудеса храбрости. «Во всю экспедицію въ Малой Чечнѣ съ 27-го октября по 6-е ноября,—доносилъ начальникъ кавалеріи кн. Голицынъ,—поручикъ Лермонтовъ командовалъ охотниками, выбранными изъ всей кавалеріи и командовалъ отлично во всѣхъ отношеніяхъ; всегда первый на конѣ и послѣдній на отдыхѣ, этотъ храбрый и расторопный офицеръ неоднократно заслуживалъ одобреніе высшаго начальства. 27-го октября онъ первый открылъ отступленіе хищниковъ изъ аула Алды и, при отбитіи у нихъ скота, принималъ дѣятельное участіе, врываясь съ командою въ чащу лѣса и отличаясь въ рукопашномъ бою съ защищавшими уже болѣе себя, нежели свою собственность чеченцами; 28-го октября, при переходѣ черезъ гойтинскій лѣсъ, онъ открылъ первый завалы, которыми укрѣпился непріятель, и перейдя тинистую рѣчку, вправо отъ помянутаго завала, онъ выбилъ изъ лѣса значительное скопище, покушавшееся противиться слѣдованію нашего отряда, и гналъ его въ открытомъ мѣстѣ и уничтожилъ большую часть хищниковъ, не допуская ихъ собрать своихъ убитыхъ; по миновапіи дефиле поручикъ Лермонтовъ съ командою отряженъ былъ къ отряду господина генералъ-лейте-

нанта Галафѣева, съ которымъ слѣдовалъ и 29-го числа, дѣйствуя всюду съ отличною храбростью и знаніемъ военнаго дѣла; 30-го октября при рѣчкѣ Валерикъ, поручикъ Лермонтовъ явилъ новый опытъ хладнокровнаго мужества, отрѣзавъ дорогу отъ лѣса сильной партіи непріятельской, изъ которой малая часть только обязана спасеніемъ быстротѣ лошадей, а остальная уничтожена. Отличная служба поручика Лермонтова и распорядительность во всѣхъ случаяхъ достойны особеннаго вниманія и доставили ему честь быть принятымъ господиномъ командующимъ войсками въ число офицеровъ, при его превосходительствѣ находившихся, во все время второй экспедиціи въ Большой Чечнѣ съ 9-го по 20-е число ноября».

За означенную экспедицію кн. Голицынъ въ своемъ представленіи просилъ о награжденіи поэта, золотою саблею съ надписью «за храбрость».

По окончаніи военныхъ дѣйствій въ этомъ году Лермонтовъ нѣкоторое время провелъ въ Пятигорскѣ, откуда и отправился къ мѣсту своего служенія въ ст. Ивановскую. Еще за долго до прибытія въ полкъ, какъ только тамъ полученъ былъ приказъ о переводѣ поручика Лермонтова, полковникъ Данзасъ выхлопоталъ его назначеніе въ одну изъ ротъ своего баталіона. Тогда же онъ былъ зачисленъ въ 12-ю мушкетерскую роту и вотъ только 31-го декабря 1840 г. приказомъ по полку за № 365 былъ зачисленъ налицо.

О пребываніи М. Ю. Лермонтова у насъ имѣются весьма скудныя свѣдѣнія. Наравнѣ со всѣми офицерами онъ дежурилъ по штабъ-квартирѣ полка, производилъ дознанія, о чемъ свидѣтельствуетъ его собственноручный рапортъ, которымъ онъ доноситъ: «что порученное ему слѣдственное дѣло, окончивъ, представляетъ» *). Среди тенгинцевъ въ ходу было его юмористическое стихотвореніе, написанное въ защиту офицеровъ, на которыхъ жаловалось станичное правленіе за то, что «они, ходя другъ къ другу въ гости, въ обходъ грязи перелѣзаютъ черезъ плетни огородовъ». На сослуживцевъ поэтъ произвелъ, повиди-

*) См. Приложеніе X.

мому, непріятное впечатлѣніе своею холодностью, желчностью, раздражительностью и ненавистничествомъ ко всему человѣческому роду. Слишкомъ много говорилъ онъ о своей храбрости, хотя на Кавказѣ этимъ нельзя было никого удивить *). Какъ извѣстно, не многіе могли понять возвышенную натуру Лермонтова, для котораго казаться не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, было какою-то потребностью натуры. Онъ самъ сознавался, что «лучше я, чѣмъ для людей кажусь». Вѣроятно, на своемъ новоселье въ полку онъ не сдѣлалъ исключенія изъ своихъ правилъ и потому не могъ пріобрѣсти здѣсь себѣ друзей. Кромѣ того онъ налицо у насъ числился всего двѣ недѣли и уже 14-го января **) уѣхалъ въ Петербургъ въ отпускъ, который ему выхлопотала бабушка, подавъ прошеніе на Высочайшее имя. Государь разрѣшилъ ему двухмѣсячный отпускъ, «если онъ по службѣ усерденъ и въ нравственности одобрителенъ». Но Лермонтовъ пробылъ тамъ не два, а три мѣсяца, т. е. до 13-го апрѣля, и 9-го мая былъ уже снова въ Ставрополѣ. По личной просьбѣ его снова прикомандировали къ штабу войскъ, дѣйствовавшихъ на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи. Отправляясь къ отряду генерала Граббе, онъ по дорогѣ заболѣлъ лихорадкой и, по совѣту докторовъ и съ разрѣшенія коменданта, остался въ Пятигорскѣ ***). Здѣсь медиками найдено было, что онъ «одержимъ золотухою, цынготнымъ худосочіемъ, сопровождаемыми припухлостью языка и ломотою ногъ». Не смотря на двадцать горячихъ ваннъ, принятыхъ Лермонтовымъ, онъ не получилъ облегченія и въ виду того, что «пріостановка лѣченія и неблагопріятныя условія бивачной жизни могли повлечь пагубныя послѣдствія для здоровья», было возбуждено ходатайство о продленіи ему срока пребыванія на минеральныхъ водахъ въ теченіе цѣлаго лѣта 1841 года, на что и послѣдовало согласіе начальника штаба.

Въ Пятигорскѣ Лермонтовъ весело проводилъ время въ об-

---

*) Записки маіора Тенгинскаго полка Бѣлевича и Лорера.
**) Приказъ по полку отъ 1-го февраля 1841 года за № 32.
***) Приложеніе X. Рапортъ Лермонтова командиру полка отъ 13-го іюня 1841 года за № 20.

ществѣ гвардейскихъ офицеровъ, принимая участіе въ постоянныхъ пикникахъ, кавалькадахъ и прогулкахъ въ горы верхами.

Наступило роковое 15-го іюня, и вдругъ разнесся слухъ, что Лермонтовъ убитъ на дуэли отставнымъ гвардейскимъ маіоромъ Мартыновымъ.

Грустная исторія! Причины ея до сихъ поръ еще не выяснены, а о самой обстановкѣ дуэли и теперь еще говорятъ разно. Какъ бы то ни было, но преждевременно угасъ другой «дивный геній», сраженный, какъ и первый, изъ-за «позора мелочныхъ обидъ». Не странна ли эта аналогія? Но на этотъ разъ не было брошено вызова виновнымъ; вмѣсто него появилось оффиціальное извѣщеніе, гласившее: «*15-го іюня, около 5-ти часовъ вечера, разразилась ужасная буря съ громомъ и молніей; въ это самое время между горами Машукомъ и Бештау скончался лѣчившійся въ Пятигорскѣ М. Ю. Лермонтовъ*».

На слѣдующій день при стеченіи многочисленной публики состоялись похороны. На водахъ случайно оказались представители всѣхъ полковъ, въ которыхъ Лермонтовъ волею и неволею служилъ въ продолженіи своей короткой жизни. На похороны по этому явились почтить послѣднею почестью товарища полковникъ Безобразовъ—отъ Нижегородскаго драгунскаго полка, прапорщикъ Лореръ—отъ Генгинскаго, Тиранъ—отъ лейбъ-Гусарскаго и А. Арнольди—отъ Гродненскаго гусарскаго. «На плечахъ нашихъ,—говоритъ Лореръ,—вынесли мы гробъ изъ дому и донесли до уединенной могилы кладбища, на покатости Машука, куда и опустили прахъ поэта въ мундирѣ Генгинскаго полка» *).

Черезъ двѣ недѣли послѣ этой горестной утраты, 30-го іюня было получено увѣдомленіе, что Государь Императоръ не согласился на награжденіе Лермонтова орденомъ св. Станислава 3-й степени за отличіе, оказанное имъ въ экспедиціи противъ горцевъ въ 1840 году. При этомъ Его Величество замѣтилъ, что офицеръ этотъ при своемъ полку не находился, но былъ употребленъ въ экспедиціи съ особо порученною ему казачьею

*) Рус. арх. за 1874 г. Записки Лорера.

командою, поэтому повелѣть соизволилъ, чтобы поручикъ Лермонтовъ непремѣнно бы состоялъ налицо во фронтѣ, и чтобы начальство отнюдь не осмѣливалось ни подъ какимъ предлогомъ удалять его отъ службы въ своемъ полку.

Е. А. Арсеньева, всегда трепетавшая за участь своего внука, теперь начала послѣднія свои хлопоты о немъ. Ей разрѣшено было перевезти тѣло его въ Пензенскую губернію и похоронить рядомъ съ могилою матери.

Въ 1889 году поэту, по всероссійской подпискѣ, былъ воздвигнутъ памятникъ въ Пятигорскѣ; на открытіе его прибыла депутація отъ Тенгинскаго полка, въ лицѣ командира полка полковника Щелкачева, капитана Синявскаго и поручика Войниловича, которые и возложили на памятникъ своему однополчанину роскошный серебряный вѣнокъ.

Въ 1841 году роты нашего полка по прежнему разбросаны были по укрѣпленіямъ восточнаго берега Чернаго моря и въ продолженіе цѣлой зимы усиленно трудились надъ приведеніемъ ихъ въ оборонительное положеніе, чтобы по возможности предотвратить повтореніе печальныхъ событій предыдущаго года. Неприглядно протекала жизнь тенгинцевъ за тѣсными стѣнами укрѣпленій—этихъ болѣе или менѣе обширныхъ тюрьмъ, разсѣянныхъ на громадномъ протяженіи черноморскаго побережья и бдительно наблюдаемыхъ предпріимчивымъ непріятелемъ. Удобныхъ помѣщеній для жилья не было. Новороссійскъ, гдѣ помѣщался штабъ перваго баталіона, болѣе походилъ на деревню, нежели на строющійся новый городъ; на каждомъ шагу встрѣчались дома подъ соломенною крышею и съ печью, но безъ стѣнъ, за недостаткомъ хвороста и глины; нѣкоторыя же строенія вмѣсто камыша или соломы были крыты рогожами. Чуть ли не лучшими постройками считались казармы Тенгинскаго полка, у которыхъ стѣны были забраны плетнемъ и обмазаны смѣсью глины и навоза, послѣ высыханія во многихъ мѣстахъ совершенно отстававшею. Не лучшій видъ имѣла и кр. Геленджикъ, мѣсто стоянки 3-й гренадерской роты. Только Анапа, полковая наша

штабъ-квартира, производила впечатлѣніе города съ довольно удобными домиками *).

Быстрое прошлогоднее передвиженіе поставило многія роты въ крайнее положеніе; не предполагая, что такъ долго не придется возвращаться обратно въ Черноморію, онѣ выступили форсированнымъ маршемъ изъ ст. Ивановки, и почти никто изъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ не захватилъ съ собою запасныхъ вещей; взято былъ лишь самое необходимое. Высшее же начальство со дня на день обнадеживало скорымъ возвращеніемъ на старыя квартиры, и полковой командиръ, вслѣдствіе этого, задерживалъ отправленіе по укрѣпленіямъ мундирныхъ, амуничныхъ, годовыхъ вещей и даже жалованья. Много пришлось вынести нижнимъ чинамъ зимою, когда наступили дожди и холода. Если что и было отправлено, то вслѣдствіе крайне плохихъ сообщеній доходило по назначенію слишкомъ поздно. Наконецъ, самъ командиръ полка даже не зналъ, гдѣ именно находится въ данную минуту та или другая рота, такъ какъ многія изъ нихъ безпрестанно передвигались съ мѣста на мѣсто. Эта разбросанность была также причиною того, что въ полку уже полтора года не производилось правильной постройки мундирныхъ вещей; держать же въ каждомъ укрѣпленіи отдѣльныхъ закройщиковъ, конечно, не было возможности. Вообще положеніе полкового командира было весьма затруднительно: состоя въ полномъ распоряженіи ген. Раевскаго, онъ не могъ безъ его приказанія перемѣщать людей и вообще былъ крайне стѣсненъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ по управленію ввѣренной ему части.

«Всѣ мои распоряженія,—доносилъ Хлюпинъ,—основываются на одной только перепискѣ, которая такъ медленна въ настоящее время, что на мои приказанія, по частямъ полка отдаваемыя, я получаю отвѣтъ мѣсяца черезъ два и болѣе». Пребываніе полкового штаба въ Анапѣ, какъ оказалось, нисколько не облегчило сношеній съ баталіонами: бумаги и всѣ распоряженія отправлялись изъ канцеляріи черезъ Тамань въ Керчь, въ дежурство черноморской береговой линіи, а оттуда, при случаѣ, который

*) Федоровъ. Кавк. Сбор. т. III.

бывалъ оченѣ рѣдко, разсылались уже по укрѣпленіямъ; въ зимнее же время, до открытія навигаціи, сношенія частей полка между собою совершенно прекращались.

Числительное состояніе баталіоновъ было весьма слабо. Въ 1840 году изъ полка было выдѣлено 1498 человѣкъ нижнихъ чиновъ на сформированіе новыхъ частей, и вслѣдствіе этого всѣ баталіоны находились до сихъ поръ еще въ 3-хъ-ротномъ состояніи. Большая же часть людей, прибывшихъ на укомплектованіе изъ 3-го пѣхотнаго корпуса, заплативъ обильную дань болѣзнямъ, перешла въ госпиталя; раздробленность баталіоновъ по береговой линіи лишала возможность дѣлать правильную повѣрку людей, повѣрку болѣе чѣмъ когда-либо теперь необходимую. Озабоченный состояніемъ полка и совершенно лишенный всякой свободы въ дѣйствіяхъ, полковникъ Хлюпинъ много разъ просилъ вернуть полкъ обратно въ Черноморію, чтобы дать необходимый отдыхъ людямъ и возможность привести въ порядокъ разстроенное хозяйство. Начальникъ же черноморской береговой линіи на это отвѣчалъ: «при всемъ желаніи моемъ доставить Тенгинскому полку средства къ устройству и отдохновенію послѣ долгихъ трудовъ его на береговой линіи, я не предвижу возможности отправить его въ Черноморію ранѣе, какъ къ ноябрю мѣсяцу настоящаго года. Обозрѣніе береговой линіи убѣдило меня въ горькой истинѣ, что по крайней мѣрѣ въ настоящее время четыре баталіона Тенгинскаго полка, не смотря на числительную слабость свою, составляютъ единственную силу въ этомъ краѣ. Это войско, достойное лучшей участи, столько же необходимо здѣсь въ отношеніи военномъ, какъ и для того, чтобы дать примѣръ линейнымъ баталіонамъ и поднять духъ войскъ, составляющихъ постоянные гарнизоны укрѣпленій. Остается желать, чтобы резервные линейные баталіоны были сколько нибудь похожи на тенгинцевъ; но къ сожалѣнію на это нельзя надѣяться, особливо для № 13-го и 14-го, сформированныхъ изъ рекрутъ и нижнихъ чиновъ разныхъ гарнизонныхъ баталіоновъ, расположенныхъ внутри Имперіи. Эти люди неопытные въ военномъ дѣлѣ, подъ началь-

ствомъ офицеровъ, столь чуждыхъ здѣшнему образу войны, не скоро могутъ прійти въ такое положеніе, чтобы соотвѣтствовать своему назначенію» *).

Получивъ увѣдомленіе, что полкъ къ ноябрю мѣсяцу будетъ возвращенъ въ Черноморію, Хлюпинъ просилъ теперь же вернуться съ полковымъ штабомъ обратно изъ Анапы въ станицу Ивановскую, гдѣ оставлены были нестроевая и инвалидная роты, часть полковыхъ подъемныхъ лошадей, обозъ и цейхгаузы.

Въ силу необходимости приходилось въ Анапѣ имѣть значительную часть полковыхъ лошадей для заготовленія дровъ на отопленіе лазарета, канцеляріи, музыкантской команды и на доставку изъ цейхгаузовъ наиболѣе необходимыхъ вещей. Содержаніе этихъ лошадей требовало большихъ издержекъ, принимая во вниманіе, что въ Анапѣ сѣно стоило очень дорого и значительную часть его приходилось доставлять изъ станицы Ивановской, слишкомъ за 200 верстъ по отвратительному пути.

Конечно трудно было не согласиться съ доводами Хлюпина, и начальникъ черноморской береговой линіи въ концѣ коищовъ разрѣшилъ перевести въ первыхъ числахъ марта штабъ полка обратно въ станицу Ивановскую. Это было послѣднее распоряженіе, поступившее къ намъ отъ генерала Раевскаго. Черезъ нѣсколько дней состоялся Высочайшій приказъ о его увольненіи и о назначеніи на его мѣсто генералъ-маіора Анрепа.

Между тѣмъ тревожныя извѣстія одно за другимъ стали поступать съ береговой линіи. Если горцы и не собирались теперь въ значительныхъ силахъ для совокупныхъ дѣйствій, подобно предыдущему году, когда на это побудилъ ихъ сильный голодъ, то и менѣе значительныя партіи ихъ причиняли много заботъ. У черкесовъ вошло даже въ обычай вести безпрестанную перестрѣлку съ гарнизономъ, устраивать засады и подкарауливать команды, высылаемыя изъ укрѣпленій для заготовленія дровъ и пастьбы скота.

*) Рапортъ г.-м. Анрепа ген. Граббе отъ 4-го апр. 1841 года за № 108. Арх. окр. шт. Дѣло № 88, по 2 отд. ген. шт. за 1841 годъ.

Душею всѣхъ этихъ предпріятій по прежнему былъ убыхскій старшина, восьмидесятилѣтній старикъ Хаджи-Берзекъ. Взятіе нѣсколькихъ фортовъ въ прошломъ году давало ему право надѣяться и въ этомъ году дѣйствовать съ такимъ же успѣхомъ, тѣмъ болѣе, что онъ теперь имѣлъ возможность подготовлять свои атаки огнемъ артиллеріи изъ орудій, взятыхъ въ нашихъ крѣпостяхъ. Въ порохѣ и снарядахъ у горцевъ не было недостатка, и они съ такимъ искусствомъ маскировали свои батареи, что наша артиллерія не могла имъ причинить вреда. Тенгинское, Навагинское и Головинское укрѣпленія все время были въ осадѣ, и гарнизоны ихъ день и ночь проводили на валахъ. Въ началѣ года Хаджи-Берзекъ, собравъ партію въ 2000 человѣкъ, подступилъ къ Вельяминовскому укрѣпленію, но подъ стѣнами его 5-го и 8-го января потерпѣлъ большую неудачу. Тогда неутомимый старикъ, усиливъ свою партію до 3000 человѣкъ, направилъ часть этихъ войскъ, подъ начальствомъ своего родственника Герендука-Берзека, грабить селенія въ Абхазіи, а самъ осадилъ 9-го февраля фортъ Лазарева, въ гарнизонѣ котораго находились двѣ роты Черноморскаго линейнаго № 5 баталіона и 3-я гренадерская рота Тенгинскаго полка. 12-го и 13-го числа горцы произвели стремительныя атаки и уже достигли было гласиса, но мужествомъ гарнизона были отбиты съ громаднымъ урономъ.

Одновременно съ этимъ начались безпорядки и въ Цебельдѣ. Князья Шабатъ и Баталбей Маршани, собравъ значительную шайку, начали грабить селенія преданныхъ намъ жителей. По первымъ тревожнымъ слухамъ о намѣреніяхъ непокорныхъ горцевъ, начальникъ 3-го отдѣла черноморской береговой линіи полковникъ Муравьевъ отдалъ приказаніе цебельдинцамъ наблюдать сильными караулами всѣ горныя тропинки, по которымъ непріятель могъ спуститься въ этотъ округъ; милиція же абжывскаго округа должна была занять Богаду, служившую входомъ въ Дальское ущелье со стороны Цебельды и Абхазіи. Не полагаясь вполнѣ на эту охрану, Муравьевъ тогда же выдвинулъ въ Пицунду 4-й баталіонъ Тенгинскаго полка, находившійся въ Абхазіи для охраненія предстоявшихъ работъ въ укрѣпленіи Га-

гры. Если бы извѣстія о намѣреніяхъ непріятеля подтвердились, и горцы спустились бы прямо въ Дальское ущелье, то на обязанности этого баталіона лежало вытѣснить оттуда хищниковъ.

10-го апрѣля непріятельская партія въ числѣ трехсотъ человѣкъ подошла къ Чхалтѣ. Немедленно Муравьевъ съ баталіономъ тенгинцевъ и милиціею выступилъ въ Марамбу, гдѣ пѣхота была поставлена лагеремъ; конница же послана черезъ хребетъ цебельдинскихъ горъ въ Азгарское ущелье, чтобы скорѣе пресѣчь обратный путь непріятелю; абживской же милиціи предписано было двинуться отъ Богады вверхъ по Дальскому ущелью. 14-го числа непріятельское скопище приняло направленіе отъ Чхалты къ Богадѣ, поэтому для поддержанія милиціи сюда былъ форсированнымъ маршемъ направленъ баталіонъ Тенгинскаго полка, съ цѣлью не дать возможность хищникамъ прорваться черезъ Цебельду. Въ ту же ночь горцы приблизились къ этому мѣсту на разстояніе пяти верстъ, но узнавъ, что они уже предупреждены зтѣсь нашимъ отрядомъ, поспѣшили возвратиться обратно вверхъ по р. Кодору. Произведя поиски по боковымъ ущельямъ этой рѣки и нигдѣ не встрѣтивъ непріятеля, Муравьевъ распустилъ милицію; 4-й же баталіонъ возвратился въ укрѣпленіе Сухумъ-кале, откуда онъ въ ночь на 21-е апрѣля былъ перевезенъ по береговой дорогѣ на казачьихъ лошадяхъ въ укрѣпленіе Гагры *).

Это движеніе въ Цебельду заставило потерять много лишняго времени и теперь приходилось торопиться постройкой Гагринскаго укрѣпленія. 28-го апрѣля весь 4-й баталіонъ посланъ былъ для заготовленія строительнаго матеріала; для рубки же дровъ по ущелью р. Жоадзехъ выступила команда изъ 48-ми нижнихъ чиновъ, подъ начальствомъ поручика № 8 Черноморскаго баталіона Байкова. Этому, во всѣхъ отношеніяхъ отличному офицеру, было предписано не углубляться далеко въ ущелье и охранять себя наблюдательными пикетами, выставленными на ближайшихъ возвышенностяхъ. Неизвѣстно, по

*) Арх. шт. кавк. воен. окр., дѣло № 28, по 2-му отд. генер, шт. за 1841 годъ. Н. В. «1841 годъ на Кавказѣ». Кавк. Сбор. т. XIII.

какимъ причинамъ Байковъ нарушилъ приказаніе и съ командою прошелъ дальше указаннаго мѣста, не принявъ всѣхъ мѣръ предосторожности. Горцы, давно наблюдавшіе за движеніемъ команды, улучили минуту и въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ бросились безъ выстрѣла, съ шашками наголо, на команду. Послѣдняя, повернувъ налѣво кругомъ, встрѣтила непріятеля штыками; завязался отчаянный, рукопашный бой, всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ укрѣпленія, гарнизонъ котораго и не предполагалъ о критическомъ положеніи Байкова. Вдругъ долетѣло нѣсколько выстрѣловъ со стороны ущелья; немедленно одна рота тенгинцевъ и другая изъ гарнизона разобрали ружья и бѣглымъ шагомъ направились вдоль по теченію рѣки Жоадзехъ. Встрѣченные съ двухъ сторонъ огнемъ, горцы бросились въ горы, унося съ собою убитыхъ; часть же ихъ пробилась вверхъ по ущелью. Поручикъ Байковъ заплатилъ жизнью за свою оплошность, а изъ его команды выбыло убитыми 9, ранеными 12 и безъ вѣсти пропавшими тоже 12 человѣкъ.

Работы по исправленію укрѣпленія Гагры подвигались впередъ довольно успѣшно: возвышались валы, вырубался окрестный лѣсъ, сооружался мостъ черезъ р. Жоадзехъ и прокладывалась дорога на Пицунду. Дѣло пошло еще быстрѣе съ прибытіемъ двухъ казачьихъ полковъ, команды саперъ и 2-го баталіона Тенгинскаго полка; послѣдній былъ доставленъ сюда на судахъ 14-го мая.

Тревогъ за это время никакихъ не произошло и главнымъ образомъ потому, что полковникъ Муравьевъ сумѣлъ заручиться дружбою джигетскихъ князей и расположилъ къ себѣ всѣхъ ихъ подданныхъ; только горные джигеты не желали примкнуть къ этому мирному соглашенію. Отъ преданныхъ намъ джигетовъ Муравьевъ всегда зналъ о замыслахъ воинственныхъ убыховъ и тѣмъ или другимъ способомъ своевременно разрушалъ всѣ ихъ планы.

Это обстоятельство, конечно, не могло укрыться отъ прозорливаго Хаджи-Берзека, который рѣшилъ тогда поголовно поднять всѣхъ убыховъ и обрушиться на вѣроломныхъ джигетовъ.

Послѣдніе обратились къ намъ за помощью. Полковникъ Муравьевъ немедленно, 22-го же мая, выступилъ изъ Гагръ по направленію къ укрѣпленію св. Духа съ двумя баталіонами тенгинцевъ, двумя ротами линейнаго баталіона, командою саперъ и полусотней пластуновъ. При движеніи черезъ землю джигетовъ населеніе встрѣчало отрядъ весьма радушно и оказывало ему всевозможныя услуги. «Покорность джигетовъ,—доносилъ Муравьевъ,—есть событіе неожиданное, которымъ мы обязаны стеченіемъ весьма многихъ счастливыхъ обстоятельствъ; между прочимъ и тому, что въ Гаграхъ мы имѣли два баталіона хорошаго войска (Тенгинскаго полка), съ которымъ можно было итти на защиту покорившихся» *). Внезапное появленіе нашего отряда на границѣ убыхской земли произвело громадное впечатлѣніе, и убыхи принесли покорность нашему правительству, закрѣпивъ ее присягою и обѣщаніемъ ничего не предпринимать противъ джигетовъ. 5-го іюня войска возвратились въ Гагры.

Хотя убыхи и преклонились передъ нашими требованіями, но никто не сомнѣвался, что они не замедлятъ при первомъ же случаѣ снова поднять оружіе. Генералъ Анрепъ, изложивъ подробно свои соображенія по этому поводу, испрашивалъ разрѣшенія съ наступленіемъ осени произвести грозную экспедицію въ ихъ землю, чтобы сразу разрушить обаяніе, которымъ это племя пользовалось среди всего населенія восточнаго побережья Чернаго моря. Высочайшее соизволеніе не замедлило и для этой экспедиціи кромѣ войскъ, находившихся на береговой линіи, назначены были еще 4 баталіона 13-й пѣхотной дивизіи. Анрепъ просилъ еще о присылкѣ въ составъ отряда всего Тенгинскаго полка, «который,—доносилъ онъ,—пріобыкшій къ дѣйствіямъ противъ горцевъ, будетъ служить примѣромъ для войскъ 5-го корпуса, неопытныхъ въ тамошней войнѣ и въ первый разъ вступающихъ въ дѣло съ самымъ ожесточеннымъ непріятелемъ» **).

Командиру Тенгинскаго полка, по Высочайшему повелѣнію,

---

*) Арх. окр. шт. дѣло № 91 по 2-му отд. генер. шт. за 1841 годъ.
**) Дѣло № 88 по 2-му отд. генер. шт. за 1841 годъ. Арх. окр. шт.

предписано было немедленно со штабомъ и укомплектованіемъ для 4-хъ дѣйствующихъ баталіоновъ выступить въ Тамань. При штабъ-квартирѣ полка были оставлены, кромѣ нестроевой и инвалидной ротъ, еще учебная и сборная команды; послѣдняя составилась изъ нижнихъ чиновъ, отчисленныхъ по 4 человѣка отъ каждой роты для присмотра за цейхгаузами, ротными дворами и прочими хозяйственными заведеніями.

Полковникъ Хлюпинъ, запасшись десятидневнымъ провіантомъ, выступилъ 22-го іюля изъ станицы Ивановской и прибылъ въ Тамань 30-го числа, имѣя въ строю 3-хъ штабъ, 15 оберъ-офицеровъ и 1181-го нижнихъ чина. На другой день тенгинцы были посажены на суда и 6-го августа высажены при укрѣпленіи св. Духа. Здѣсь въ сборѣ уже находились всѣ дѣйствующіе баталіоны нашего полка *).

Вѣрные своей клятвѣ, убыхи ничего не предпринимали до сихъ поръ противъ джигетовъ, но по отношенію къ намъ рѣшили нарушить ее и отомстить за наше вмѣшательство въ ихъ споръ съ сосѣдями. Для этого они намѣтили укрѣпленіе Навагинское, которое намѣревались, для облегченія атаки, предварительно бомбардировать изъ имѣвшихся 6-ти орудій. Приготовленія и сборы начались у нихъ еще съ іюня мѣсяца, въ половинѣ же іюля черкесы собрались вблизи укр. Навагинскаго, и почти въ виду гарнизона начали снаряжать свою артиллерію, дѣлать лафеты и устраивать на горѣ противъ форта амбразуры. Самое укрѣпленіе они окружили такимъ бдительнымъ наблюденіемъ, что лазутчики никакими способами не могли туда проникнуть. Сборища черкесовъ въ долинѣ р. Сочи все увеличивалось и, по полученнымъ Муравьевымъ свѣдѣніямъ, Хаджи-Берзекъ въ случаѣ неудачи подъ укр. Навагинскимъ намѣревался напасть на гагринскій отрядъ, слабость котораго ему хорошо была извѣстна.

Чтобы отвлечь вниманіе убыховъ отъ крѣпости, Муравьевъ рѣшилъ произвести угрозу на сообщенія убыховъ и береговой дорогой прибылъ изъ Гагры къ укрѣпленію св. Духа со 2-мъ и 4-мъ

*) Кавк. сбор. т. XIII. Арх. окр. шт. за 1841 годъ, дѣло № 91 по 2-му отд. ген. шт.

баталіонами Тенгинскаго полка, въ числѣ 700 человѣкъ; 22-го же іюля къ нимъ присоединились и остальные два баталіона, прибывшіе изъ Новороссійска и имѣвшіе въ строю 600 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Такъ какъ, по полученнымъ вѣрнымъ свѣдѣніямъ отъ джигетовъ, приготовленія непріятеля должны были окончиться къ 25-му числу и тогда же начаться бомбардированіе укрѣпленія, Муравьевъ выступилъ 23-го іюля съ отрядомъ далѣе, вдоль по берегу моря, и раскинулъ палатки въ 4-хъ верстахъ впереди укрѣпленія св. Духа, занявъ такимъ образомъ угрожающее по отношенію къ непріятелю положеніе.

Но убійственный климатъ этой низменной береговой полосы вызвалъ въ одну ночь такое число больныхъ, что отрядъ вынужденъ былъ тотчасъ же возвратиться обратно въ долину р. Мзымты. Энергичный полковникъ Муравьевъ распорядился тогда собрать возможно большое число азовскихъ баркасовъ и кромѣ того послалъ въ Сухумъ за всѣми военными судами, находившимися тамъ на рейдѣ для перевозки, въ случаѣ крайности, войскъ моремъ въ укр. Навагинское; сухимъ же путемъ подать помощь осажденнымъ не представлялось возможнымъ, не рискуя понести значительныхъ потерь.

Утромъ 29-го іюля со стороны Навагинскаго укрѣпленія послышалась сильная канонада; Муравьевъ, не теряя времени въ ожиданіи прибытія затребованныхъ судовъ, посадилъ на имѣвшій пароходъ одну роту и вмѣстѣ съ нею отправился на помощь осажденнымъ. Какъ только показался въ сочинскомъ заливѣ пароходъ, Хаджи-Берзекъ направилъ всѣ орудійные выстрѣлы на гребныя суда, принявшія на себя войска десанта; но къ счастью ни одинъ выстрѣлъ не причинилъ вреда, и тенгинцы съ пѣснями и барабаннымъ боемъ, при радостныхъ крикахъ осажденнаго гарнизона, вступили въ ворота укрѣпленія. Помощь подоспѣла весьма своевременно, черкесы собрались уже въ громадномъ числѣ и ждали только результата артиллерійской подготовки, которая велась до такой степени удачно, что фортъ понесъ значительныя поврежденія; малочисленному гарнизону было уже не подъ силу дѣлать исправленія. Съ каждой минутой непріятель

приноравливался все лучше и лучше; видимо, у него были очень искусные артиллеристы. Въ концѣ концовъ ихъ гранаты стали угрожать даже пороховому погребу. Наконецъ верхъ передового блокгауза взлетѣлъ на воздухъ отъ гранаты, попавшей въ зарядныхъ ящикахъ; вслѣдъ затѣмъ отъ другой гранаты загорѣлись покрытые рогожами мучные склады. Радостные крики непріятеля огласили окрестности.

Нашимъ войскамъ большого усилія стоило потушить этотъ двойной пожаръ. Обрадованные успѣхомъ горцы участили огонь; ядра ихъ пробивали зданія насквозь; въ лазаретѣ даже былъ раненъ одинъ больной и контуженъ штабъ-лѣкарь Потоцкій. Но и наша артиллерія не оставалась въ долгу: къ полудню щеки непріятельскихъ амбразуръ настолько были повреждены, что Хаджи-Берзекъ принужденъ былъ совершенно прекратить огонь. Въ этотъ день мы потеряли убитыми 5 и ранеными 18 нижнихъ чиновъ.

Приступа ожидали ночью, и гарнизонъ готовился достойно встрѣтить непріятеля. Къ вечеру еще прибыли войска изъ св. Духа. Въ ожиданіи нападенія никто не смыкалъ глазъ, но на разсвѣтѣ всѣ съ радостью увидѣли, что скопища горцевъ разошлись и всѣ ихъ орудія увезены. Извѣстіе это скоро подтвердили и явившіеся лазутчики.

Полковникъ Муравьевъ донесъ: «Такъ, съ Божіею помощію, окончились благополучно для насъ всѣ, можно сказать, грозныя и конечно послѣднія усилія убыховъ противъ форта Навагинскаго и джигетовъ. Всѣ защитники въ теченіе пятнадцатидневной тѣсной блокады и трехдневнаго бомбардированія достойны особеннаго вниманія. Исключительныхъ отличій не было, но всѣ одинаково отличались хладнокровіемъ, мужествомъ и полнымъ самоотверженіемъ».

Въ своемъ представленіи къ наградамъ начальникъ отряда свидѣтельствовалъ о мужествѣ офицеровъ и нижнихъ чиновъ 2-хъ ротъ Тенгинскаго полка, прибывшихъ въ самое трудное и опасное время на защиту укрѣпленія. «Извѣстнаго своею храбростью и хладнокровіемъ полковника Тенгинскаго полка Дан-

заса,—какъ доносилъ Муравьевъ,—я взялъ съ собою въ фортъ для того, чтобы замѣнить меня въ особомъ какомъ либо случаѣ, и убѣдился во все время бомбардированія, что выборъ былъ не ошибоченъ».

Въ защитѣ форта принимали участіе, кромѣ Данзаса, офицеры нашего полка: капитанъ Масловичъ, штабсъ-капитаны Корзунъ и Головинъ, поручикъ Центаловичъ, прапорщики: Малиновскій, Улейскій и лѣкарь Германъ. Во время бомбардированія убитъ былъ рядовой Абрамъ Андрейченко *).

Съ снятіемъ осады Навагинскаго укрѣпленія общее тревожное положеніе дѣлъ на черноморской береговой линіи не прекратилось: всѣ племена находились въ волненіи; натухайцы и шапсуги производили незначительныя на укрѣпленія нападенія и видимо выжидали, чѣмъ кончится дѣло съ убыхами; послѣдніе же, будучи увѣрены, что русскіе не проникнутъ въ ихъ землю, возбуждали другъ друга, волновали прочія племена и стращали джигетовъ, которымъ объявили, что ихъ аулы подвергнутся полному разоренію, если только они присоединятся къ русскимъ. Хаджи-Берзекъ передъ многочисленнымъ собраніемъ поклялся, что сбрѣетъ бороду и надѣнетъ женское платье, если хотя одного гяура пропуститъ въ свою землю.

Въ такомъ положеніи нельзя было колебаться; отложить экспедицію до будущаго года значило увѣрить горцевъ въ нашемъ безсиліи противъ грозныхъ убыховъ и тѣмъ поднять всѣ племена по восточному берегу Чернаго моря **). Однако сборы наши были сильно задержаны волненіями въ Гуріи, почему и милиція до сихъ поръ не могла присоединиться къ отряду.

Въ ожиданіи экспедиціи въ войскахъ, собранныхъ при укрѣпленіи св. Духа, производились ученія, смотры и незначительныя работы. Жара стояла все время тропическая; за іюль и августъ не выпало ни капли дождя. Дневной зной смѣнялся весьма холодными ночами; окрестныя болота гнили и заражали воз-

---

*) За защиту укрѣпленія Навагинскаго нижнимъ чинамъ двухъ нашихъ ротъ роздано было 6 знаковъ отличія военнаго ордена; дѣло № 28 2-го отд. генер. шт. за 1841 годъ. Арх. окр. шт.

**) Рапортъ ген. Апрена военному министру отъ 16-го октября 1841 года.

духъ. Никакія санитарныя мѣры конечно не могли предотвратить развитіе перемежающейся лихорадки, и число больныхъ въ отрядѣ достигало трехъ тысячъ человѣкъ. Особенно болѣзнь ослабила баталіоны Тенгинскаго полка, на которые генералъ Анрепъ возлагалъ большія надежды. За отправленіемъ въ феодосійскій и фанагорійскій госпитали 155-ти больныхъ, къ первымъ числамъ сентября у тенгинцевъ лежало въ полковомъ лазаретѣ 358 человѣкъ и, за неимѣніемъ мѣстъ, въ ротахъ числилось 787 слабыхъ; такимъ образомъ въ строю насчитывалось всего около 1200 штыковъ. Офицеры болѣли не менѣе и близъ укрѣпленія св. Духа тенгинцы похоронили двухъ товарищей и лѣкаря Германа. Хины, по приказанію Муравьева, не жалѣли, но она только на нѣсколько дней прекращала болѣзнь. Въ большомъ употребленіи былъ тогда препаратъ изъ хины, подъ названіемъ «столбуха», содержавшій въ себѣ не менѣе 20-ти гранъ хины, разведенной въ 20-ти каплякъ сѣрнаго эфира и 24-хъ унціяхъ воды. Смѣсь эта употреблялась послѣ пароксизма и дѣйствовала очень хорошо *).

Къ концу сентября наши дѣла въ Гуріи были улажены и къ войскамъ, расположеннымъ возлѣ укрѣпленія св. Духа, наконецъ, прибыли давно ожидаемыя гурійская, мингрельская и имеретинская милиціи. Для усиленія отряда изъ Гагръ были взяты еще 2-й казачій Черноморскій полкъ и двѣ роты отъ №№ 8-го и 9-го Черноморскихъ баталіоновъ.

5-го октября всѣ сборы были окончены. Отъ устья р. Мзымты къ устью р. Сочи, гдѣ находилось укрѣпленіе Навагинское и гдѣ предстояло отряду выстроить въ этомъ году башню, вело два пути: одинъ шелъ по самому берегу моря узкой полосой и былъ отмытъ прибоемъ волнъ отъ оконечностей горныхъ кряжей; другой путь, представлявшій изъ себя трудную горную тропу, пролегалъ черезъ середину земель убыховъ и, удаляясь отъ берега

---

*) До чего были сильны приступы лихорадки, видно изъ слѣдующихъ словъ Филипсона: «Я пошелъ однажды навѣстить Ивана Павловича Корзуна (кап. Тенгин. пол.); больного я нашелъ въ сильномъ жару. Въ полубреду онъ мнѣ сказалъ своей невнятной скороговоркой: «я ничего; я бы совсѣмъ былъ здоровъ, да вотъ проклятая меня мучитъ. Какъ погляжу на нее, такъ и меня начинаетъ трепать». Онъ указалъ на дверь своего шалаша. Тамъ я увидѣлъ курицу, которая, опустивъ крылья и открывъ клювъ, тряслась въ лихорадкѣ».

моря верстъ на 35, раза въ три былъ длиннѣе перваго; онъ сперва подымался верстъ 20 по берегу р. Мзымты, потомъ шелъ по одному изъ ея притоковъ и, переваливъ черезъ хребетъ горъ, по притоку р. Сочи подходилъ къ самому аулу Хаджи-Берзека, нашего непримиримаго врага. Край, черезъ который проходила эта вьючная дорога, носилъ характеръ горной страны, сплошь поросшей дремучими лѣсами, въ которыхъ ютились многочисленные аулы горцевъ. Движеніе отряда по этому направленію, конечно, какъ нельзя лучше соотвѣтствовало бы цѣли экспедиціи—наказанію убыховъ, и ген. Анрепъ до послѣдней минуты сохранялъ рѣшимость избрать его для слѣдованія, но рискованность этого предпріятія была очевидна. Въ продолженіе семи дней марша отрядъ не выходилъ бы изъ области огня и конечно понесъ бы значительныя потери; перевозка же больныхъ и раненыхъ, при отсутствіи достаточнаго количества вьючныхъ лошадей, могла поставить отрядъ въ критическое положеніе. Рѣшено было поэтому двигаться по прибрежной дорогѣ, пересѣченной множествомъ поперечныхъ обрывистыхъ и глубокихъ овраговъ и сплошь заросшей лѣсомъ, перевитымъ колючими растеніями; убыхскіе стратеги, какъ бы заранѣе предугадавъ, какое направленіе приметъ отрядъ, перегородили дорогу множествомъ прочныхъ заваловъ, высотою въ ростъ человѣка, изъ срубленныхъ съ вѣтвями деревьевъ, колючихъ кустарниковъ, громадныхъ камней и земли. Но изъ всѣхъ естественныхъ и искусственныхъ препятствій одно было неодолимо для войскъ—это прибой, который, въ случаѣ малѣйшаго волненія на морѣ, могъ смыть весь отрядъ съ его обозомъ и артиллеріею. Но зато прибрежный путь представлялъ для насъ неоцѣненные выгоды, предоставляя возможность пользоваться содѣйствіемъ эскадры и отправлять больныхъ и раненыхъ на суда, гдѣ имъ конечно была бы подана своевременная помощь. Къ счастью нашему, вѣтра не было, море представляло зеркальную поверхность, и начальникъ эскадры, контръ-адмиралъ Станюковичъ, одинъ изъ опытнѣйшихъ моряковъ нашего флота, ручался за трое сутокъ хорошей погоды.

8-го октября, въ два часа ночи, отрядъ выстроился въ походный порядокъ, прослушалъ краткую молитву и тихо тронулся въ путь *). 1-й и 2-й баталіоны тенгинцевъ слѣдовали въ авангардѣ и арьергардѣ; 3-й же и 4-й—въ правомъ прикрытіи. Вся эскадра, состоявшая изъ корабля «Трехъ Іерарховъ», фрегата «Геледосъ», буксируемыхъ пароходами «Могучій» и «Боецъ», и лодокъ азовскихъ казаковъ, снялась съ якоря и поплыла параллельно дорогѣ, держась на картечный выстрѣлъ.

Первый переходъ въ 13 верстъ до р. Хамышъ сдѣланъ былъ почти безъ выстрѣла; правая цѣпь по узкости пути шла подъ самыми прибрежными скалами, все время мѣшаясь съ войсками колонны. За рѣкою Хоста на горахъ встрѣчены были первые завалы. Морская артиллерія не замедлила по нимъ открыть огонь ядрами и гранатами; 4-й же баталіонъ тенгинцевъ, подъ командою капитана Корзуна, былъ посланъ въ тылъ позиціи. Взобравшись на неимовѣрную крутизну и все время продираясь сквозь чащу густого лѣса и колючихъ кустовъ, тенгинцы вышли въ тылъ заваловъ и съ крикомъ ура бросились въ атаку; горцы не смутились отъ неожиданности и вступили въ ожесточенный, рукопашный бой; чуть ли не изъ-за каждаго дерева и куста приходилось штыками выбивать непріятеля. Трудный переходъ и продолжительный бой до того ослабили тенгинцевъ, что въ помощь имъ направлены были брестцы.

Между тѣмъ, главная колонна подъ сильнымъ огнемъ непріятеля продолжала путь, преодолѣвая естественныя и мѣстами раскинутыя искусственныя препятствія. Авангарду, какъ и правому прикрытію, то и дѣло приходилось брать завалъ за завалъ, при содѣйствіи выстрѣловъ съ судовъ эскадры. Обыкно-

---

*) Порядокъ слѣдованія былъ слѣдующій: авангардъ, подъ начальствомъ Г. М. Муравьева, 1-го бат. Тенгинскаго полка сводно-линейнаго баталіона, ста пластуновъ, команды саперъ, двухъ горныхъ единороговъ, двухъ ручныхъ мортирокъ и пѣшихъ гурійской и мингрельской милицій. Арьергардъ, подъ начальствомъ подполковника Данзаса,—изъ 2-го баталіона Тенгинскаго, 2-го баталіона Бѣлостокскаго полковъ, двухъ горныхъ единороговъ и пѣшей абхазской милиціи; главныя силы, подъ начальствомъ подпол. Леонтьева,—изъ 4-го Тенгинскаго, 2-го Брестскаго и 2-го Виленскаго полковъ, 8-ми горныхъ единороговъ, 2-хъ ручныхъ мортирокъ, двухъ пѣшихъ казачьихъ полковъ и всей конной милиціи; въ правомъ прикрытіи, подъ начальствомъ командира Тенгинскаго полка полков. Хлюпина—изъ 3-го баталіона Тенгинскаго, 2-го баталіона Литовскаго, сотни пластуновъ и пѣшей имеретинской милиціи.

венно горцы, какъ только открывался огонь съ нашихъ кораблей, покидали завалы и прятались въ ближайшіе овраги, ожидая нашего ура, которое служило также для нихъ сигналомъ: они производили залпъ изъ ружей и съ отвѣтными криками Алла! бросались съ шашками въ атаку.

При выходѣ въ долину рѣки Агура, отряду пришлось съ бою овладѣть правымъ берегомъ, сильно занятымъ непріятелемъ; послѣ горячей и довольно продолжительной перестрѣлки горцы были сбиты съ позиціи 1-мъ баталіономъ тенгинцевъ и нашею милиціею.

Во время происшедшей отъ этого остановки, пока въ авангардѣ шелъ ожесточенный бой, 4-й баталіонъ нашего полка съ абхазской милиціею поспѣшно заняли въ арьергардѣ гору, чтобы не дать возможность непріятелю дѣйствовать намъ въ тылъ. Это было очень предусмотрительно потому, что убыхи не замедлили открыть здѣсь огонь, отъ дѣйствія котораго милиція отступила, оставивъ на позиціи слабый баталіонъ, силою всего въ 200 штыковъ. Когда поданъ былъ сигналъ присоединенія къ хвосту главной колонны, убыхи, выхвативъ шашки, устремились на 10-ю мушкетерскую роту тенгинцевъ; храбрый начальникъ ея, поручикъ Эшапаръ, съ резервомъ врѣзался въ толпу горцевъ и былъ изрубленъ въ куски *). Находившійся здѣсь подпрапорщикъ Мищенко съ горстью стрѣлковъ долгое время не позволялъ горцамъ овладѣть трупомъ погибшаго начальника, но получивъ самъ 14 ранъ, свалился истекая кровью, а вмѣстѣ съ нимъ палъ убитымъ и бывшій профессоръ Виленскаго университета Феликсъ Ордынскій. Потеря этого дня у насъ заключалась убитыми: 2 офицера и 24 рядовыхъ; ранеными 3 офицера (Тенгинскаго полка штабсъ-капитанъ Мякининъ) и 58 нижнихъ чиновъ.

Съ заходомъ солнца отрядъ остановился на ночлегъ на небольшой, около 60-ти квадратныхъ саженей, площадкѣ. «Тѣснота,—

*) «Эшапаръ,—говоритъ Федоровъ въ своихъ запискахъ,—по физіономіи принадлежалъ къ племени индійцевъ; и дѣйствительно, по его словамъ, отецъ его былъ испанецъ, а мать индіянка. Его вывезъ въ Россію адмиралъ Литке, возвращаясь изъ кругосвѣтнаго путешествія».

говоритъ одинъ изъ участниковъ этого похода,—была необыкновенная; не только негдѣ было развести огня, но даже не было мѣста прилечь солдатамъ. Вьючныя лошади, котлы, козлы ружей, солдатскія трубочки, все это было перемѣшано, какъ будто эти войска послѣ сильнаго пораженія столпились въ кустарникѣ и ищутъ случая скрытно уйти отъ непріятеля. Жара была невыносимая, она еще болѣе усиливалась отъ близости раскаленныхъ скалъ. У насъ въ этотъ день упало отъ изнеможенія до 800 человѣкъ, которые на слѣдующее утро уже стали опять въ строй. Утолить жажду было нечѣмъ: вода въ ручьяхъ оказалась горькосоленою, съ кораблей же доставили ее въ такомъ незначительномъ количествѣ, что на каждую роту пришлось едва по двѣ манерки» *).

Значительный переходъ, непрерывный бой и невыносимая духота настолько утомили войска, что на слѣдующій день отрядъ могъ выступить только около часу по полудни.

Въ авангардѣ у тенгинцевъ и двухъ ротъ сводnаго линейнаго баталіона тотчасъ закипѣла перестрѣлка. Въ подкрѣпленіе имъ былъ посланъ баталіонъ Бѣлостокскаго полка и имеретинская, гурійская и мингрельская милиціи. Совмѣстными усиліями непріятель былъ сбитъ съ высотъ праваго берега рѣки Адура. Бѣлостокцы остались здѣсь до прихода всего отряда; 3-й же и 4-й баталіоны Тенгинскаго и 2-й Виленскаго полковъ продвинулись дальше и заняли вершину горы, составивъ правое прикрытіе отряда; движеніе главныхъ силъ по прежнему прикрывалось съ моря эскадрой.

Не доходя на ружейный выстрѣлъ до рѣки Мызы, замѣчены были снова завалы, изъ-за которыхъ грозно выглядывали непріятельскія ружья. Грянулъ залпъ изъ орудій морской артиллеріи, и отъ сваленныхъ деревьевъ полетѣли щепки; ошеломленные горцы поспѣшили укрыться за ближайшія складки мѣстности. А когда замолкли орудія эскадры, гвардіи капитанъ Лауницъ со сводnымъ баталіономъ бросился въ атаку на завалы и окончательно выбилъ оттуда непріятеля. Но бой продолжалъ

*) Записки Федорова, Кав. Сб. т. III.

кипѣть по всей линіи; громъ барабановъ, стоны умирающихъ, побѣдные клики нашихъ войскъ и гикъ горцевъ сливались въ общій гулъ, покрываемый изрѣдка ревомъ морской артиллеріи. Рукопашная свалка шла на горѣ и подъ горою. Густой пороховой дымъ стоялъ между деревьями. Труднѣе всего приходилось тенгинцамъ, слѣдовавшимъ въ правомъ прикрытіи; здѣсь имъ приходилось атакой безпрестанно брать завалъ за заваломъ, которые въ видѣ искусственнаго препятствія прикрыты были, въ добавокъ ко всему, колючими кустами держидерева.

Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ скалы подходили почти къ самому морю, горцы срубили два гигантскихъ дерева и загородили ими совершенно дорогу; когда къ нимъ подошелъ авангардъ, былъ данъ сигналъ «стой», и саперы въ продолженіи трехъ часовъ времени, подъ сильнымъ огнемъ непріятеля, расчищали путь.

Солнце уже клонилось къ горизонту; утомленныя зноемъ и боемъ войска требовали отдыха, поэтому дальнѣйшее движеніе было пріостановлено. Запылали бивачные огни и нижніе чины сняли съ себя амуницію, но изъ авангарда продолжали доноситься раскаты ружейныхъ залповъ. Оказалось, что по крутому скату горы горцы устроили завалъ, для овладѣнія которымъ были посланы двѣ роты сводnаго баталіона; правое же прикрытіе обошло непріятеля съ тыла и сильнымъ огнемъ заставило его очистить позицію. Здѣсь шелъ бой до полной темноты, пользуясь которой 3-й и 4-й баталіоны тенгинцевъ спустились съ крутизны, перешли оврагъ и, взобравшись на противуположную сторону, заняли оставленные горцами завалы; положеніе было очень рискованное, такъ какъ занятая позиція была совершенно отрѣзана отъ остальныхъ войскъ.

Пятичасовой бой этого дня стоилъ намъ очень дорого: мы лишились убитыми двухъ офицеровъ и 37 нижнихъ чиновъ; ранеными 3-хъ офицеровъ, 76 рядовыхъ и 56 милиціонеровъ. Тишина ночи не была нарушена ни единымъ выстрѣломъ; истомленныя войска отдыхали въ полномъ боевомъ порядкѣ на отбитой позиціи. Много работы въ ту ночь было на перевязочномъ пунктѣ.

Между тѣмъ непріятель, подъ покровомъ ночи, скрытно сосредоточивался противъ 3-го и 4-го баталіона тенгинцевъ, занимавшихъ, какъ сказано выше, изолированную высоту, на противуположной сторонѣ оврага. Едва показался разсвѣтъ утра 10-го октября, какъ открылся уже огонь противъ нашего 4-го баталіона. Хотя онъ былъ и въ слабомъ численномъ составѣ, но имъ командовалъ старый кавказскій служака, маіоръ Хромовъ, за котораго вполнѣ можно было поручиться, что онъ со своими молодцами «отгрызется», по любимому выраженію покойнаго Вельяминова. На всякій случай въ подкрѣпленіе ему былъ посланъ 6-й пѣшій казачій полкъ съ приказаніемъ удерживать во что бы то ни стало позицію, пока остальныя войска праваго прикрытія не вытянутся черезъ оврагъ.

Вся тактическая выгода была на сторонѣ горцевъ: они занимали командующую высоту, съ нѣсколькими рядами заваловъ по склону, и имѣли передъ фронтомъ своего расположенія глубокія и узкія промоины; но маіоръ Хромовъ удачно воспользовался минутой затишья и, не дожидая прибытія подкрѣпленій, приказалъ барабанщику ударить атаку; горцы не успѣли выхватить шашекъ изъ ноженъ, какъ первый рядъ заваловъ былъ уже въ нашихъ рукахъ. Послѣ минутной передышки тенгинцы двинулись снова впередъ и, лихо работая штыками и прикладами, перескочили еще черезъ четыре ряда такихъ же препятствій; скоро на вершинѣ горы заблистали штыки побѣдителей. На все это было употреблено, по словамъ начальника штаба, какихъ нибудь полчаса времени. Одновременно съ этимъ, на противуположной сторонѣ балки у виленцевъ и бѣлостокцевъ шелъ также оживленный бой. Горцы, собравшись здѣсь въ огромномъ числѣ, открыли ужасную пальбу. Генералъ Анрепъ потомъ доносилъ: «Вѣроятно, немногимъ на Кавказѣ удалось слышать такой батальный огонь убыховъ, какой они открыли по всей линіи, прежде чѣмъ броситься въ шашки». Это была ихъ тактика и слѣдуетъ отдать ей справедливость, весьма разумная. Осыпавъ градомъ пуль баталіоны Виленскаго и Бѣлостокскаго полковъ, непріятель ринулся въ атаку, но тутъ наткнулся на

грозные штыки. Черезъ нѣсколько минутъ кровопролитной схватки, перевѣсъ склонился на нашу сторону: непріятель дрогнулъ и въ безпорядкѣ сталъ отступать, устилая путь трупами. Въ эту критическую для нихъ минуту изъ лѣса ближайшей горы дебушировалъ самъ Хаджи-Берзекъ съ 5-ю тысячами свѣжихъ силъ. Бѣгущіе остановились, и затѣмъ вся масса молча, безъ выстрѣла, ринулась снова въ атаку на молодые баталіоны Виленскаго и Бѣлостокскаго полковъ. «Нѣтъ сомнѣнія,—говоритъ въ своихъ запискахъ Филипсонъ,—что они опрокинули бы ихъ въ море, но судьба и тенгинцы, спасли дѣло».

3-й и 4-й баталіоны нашего полка, взявшіе завалы, выдвинулись настолько впередъ, что очутились въ тылу всѣхъ силъ Хаджи-Берзека. Маіоръ Хромовъ, замѣтивъ критическое положеніе лѣваго фланга, поспѣшно занялъ правый берегъ узкой балки и открылъ во флангъ и тылъ главныхъ силъ непріятеля убійственный, батальный огонь. Поражаемые съ трехъ сторонъ и не имѣя возможности черезъ глубокій оврагъ броситься на тенгинцевъ, убыхи смѣшались и показали тылъ. Виленцы и бѣлостокцы, воспользовавшись этимъ мгновеніемъ, перешли въ наступленіе и преслѣдовали непріятеля съ полъ-версты пока не вышли на одну высоту съ тенгинцами. Впослѣдствіи говорили, что Хаджи-Берзекъ еще разъ хотѣлъ повести въ атаку убыховъ, но никто ему уже не повиновался. Старый воинъ, опытный въ бояхъ и насчитывавшій нѣсколько удачъ, увидѣлъ свое дѣло проиграннымъ; онъ покинулъ собраніе и сказалъ: «теперь держись, кто хочетъ, а я ѣду домой». Отъѣздъ Берзека послужилъ сигналомъ для разброда всей партіи.

Такимъ образомъ, усилія многотысячнаго скопища горцевъ, шедшихъ съ твердою увѣренностью достигнуть успѣха, разбились собственно о четыре слабыхъ баталіона, которые при этомъ не могли быть даже поддержаны артиллеріей.

«Новыя войска,—доносилъ генералъ Анрепъ,—дрались какъ старыя; старыя рвались, чтобы ихъ перещеголять; милиціи, особенно имеретинская, гурійская и мингрельская, были вездѣ, гдѣ происходила упорная драка. Вообще войска покрыли себя сла-

вою въ этомъ достопамятномъ, трехдневномъ бою; всѣ они одушевлены самымъ лучшимъ духомъ... Невозможно исчислить множества частныхъ подвиговъ; назвать достойныхъ вниманія значило бы перечислять весь отрядъ по одиночкѣ».

Въ послѣдній день боя, наиболѣе кровопролитный, у насъ выбыло изъ строя убитыми: два офицера и 62 человѣка нижнихъ чиновъ, ранеными: 9 офицеровъ и 221 человѣкъ рядовыхъ (въ ихъ числѣ и милиціонеры). Болѣе значительную потерю въ процентномъ отношеніи понесли тенгинцы, у которыхъ въ продолженіи трехдневнаго боя 8-го, 9-го и 10-го октября убито: два офицера: поручики Эшапаръ и Титовъ и 41 нижнихъ чина; ранено три офицера: штабсъ-капитанъ Мякининъ, подпоручики: Росляковъ и Даниловъ и 68 рядовыхъ *).

При дальнѣйшемъ движеніи отряда, непріятель хотя и оказывалъ сопротивленіе, но настолько неупорное, что слѣдованіе продолжалось почти безостановочно, и къ 7-ми часамъ вечера войска вышли въ Сочинское ущелье къ укр. Навагинскому, около котораго и разбили обширный лагерь.

28-ми-верстный переходъ по укрѣпленному береговому дефиле считали невозможнымъ; но событія показали, что для побѣдоносныхъ русскихъ войскъ и этотъ оплотъ одолимъ, хотя имъ и пришлось имѣть дѣло съ однимъ изъ храбрѣйшихъ племенъ Кавказа—убыхами, усиленными толпами горныхъ джигетовъ. На слѣдующій день всѣ убитые и умершіе отъ ранъ, при погребальныхъ звукахъ похороннаго марша музыки Тенгинскаго полка, были съ надлежащими почестями преданы землѣ.

Въ своемъ представленіи къ наградамъ, составленнымъ немедленно послѣ боя, генералъ Анрепъ съ чрезвычайною похвалою отзывался о мужествѣ и распорядительности Тенгинскаго полка маіора Хромова, штабсъ-капитана Мякинина и поручика Рослякова. Послѣдніе двое были ранены и не покинули строя, продолжая распоряжаться ротами **).

*) Арх. окр. шт. дѣло № 119, по 2-му отд. ген. шт. за 1841 годъ.

**) За экспедицію въ землю убыховъ получили награды: подполковникъ Голубицкій-Лебединскій—св. Анны 2-й степ.; подполковникъ Вардовскій—св. Станислава 2-й степ. съ Императорскою короною; маіоръ Хромовъ—св. Владиміра 4-й степ. съ бантомъ; капитанъ Корзунъ и

12-го октября послѣ кратковременнаго отдыха приступлено было къ предварительнымъ работамъ по сооруженію башни въ недальнемъ разстояніи отъ форта, чтобы въ будущемъ лишить убыховъ средствъ наносить вредъ укрѣпленію пушечными выстрѣлами съ ближайшей высоты. Но постройка каменной башни, по позднему времени года, была отмѣнена и ее замѣнили блокгаузомъ, перенесеннымъ изъ укрѣпленія, гдѣ онъ совершенно былъ излишенъ. Башню предположено было обнести каменною стѣною съ бойницами, высотою въ двѣ сажени, и соединить траншею съ передовымъ рвомъ укрѣпленія.

14-го октября всѣ необходимые матеріалы были собраны и послѣ молебствія состоялась закладка постройки. На работы назначались нижніе чины черноморскихъ пѣхотныхъ казачьихъ полковъ и часть отъ регулярныхъ войскъ; милиція ходила только на фуражировки. Сущимъ наказаніемъ было для всѣхъ перенесеніе необходимаго строительнаго матеріала на высокую гору, для чего требовалась масса рабочихъ рукъ. Наконецъ, къ общей радости всего отряда, къ 5-му ноября блокгаузъ былъ оконченъ, вооруженъ и послѣ освященія занятъ сильнымъ гарнизономъ. Этой работой была закончена убыхская экспедиція, одна изъ кровопролитнѣйшихъ на Кавказѣ; солдаты, забывая перенесенныя трудности, въ насмѣшку ее назвали «нашествіемъ двунадесяти языковъ» на землю убыховъ, вслѣдствіе участія мингрельской, гурійской, абхазской, имеретинской и самурзаканской милицій.

О серьезныхъ предпріятіяхъ противъ убыховъ въ этомъ го-

штабсъ-капитанъ Сѣдачевъ—золотыя сабли съ надписью «за храбрость»; штабсъ-капитаны Эманъ и Центаловичъ, поручикъ Кушелевъ—св. Анны 3-й степ. съ бантомъ; штабсъ-капитанъ Горбъ—слѣдующій чинъ; штабсъ-капитанъ Головкинъ—св. Станислава 3-й степ.; штабсъ-капитанъ Мякининъ—св. Станислава 2-й степени. Монаршее благоволеніе было объявлено: командиру полка полковнику Хлюпину; поручикамъ: Кемферту, Баженову, Наумову, Рослякову 2-му, подпоручикамъ: Вознесенскому, Лазуренко, Свѣшникову, Данилову, Воронину, Климашевскому, Романовскому 1-му, Мерлину, графу Толстому, прапорщикамъ: Сырневу, Романовскому 2-му, Ксархаки, Второву, Унтилову, Крекину, Улейскому, Малиновскому, Федорову и Васильеву. Нижнимъ чинамъ командиръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса назначилъ 8 знаковъ отличія военнаго ордена. Государь Императоръ, прочитавъ журналъ военныхъ дѣйствій объ экспедиціи въ землю убыховъ и найдя, что «вся тяжесть боя почти исключительно легла на баталіоны Тенгинскаго полка, еще отъ Себя пожаловалъ нижнимъ чинамъ 29 георгіевскихъ крестовъ. Арх. окр. шт., дѣло № 119, по 2-му отд. генер. шт. и № 27 по наградному отдѣленію за 1842 годъ.

ду нечего было и думать: стояла уже глубокая осень и время проливныхъ дождей приближалось съ неизбѣжными спутниками ихъ—кровавыми поносами и разнаго рода другими болѣзнями. Нужно было торопиться возвращеніемъ на зимнія квартиры, такъ какъ и безъ того санитарное положеніе отряда было весьма неудовлетворительное. Не смотря на прекрасное устройство лазаретовъ, обильную и питательную пищу, получаемую нижними чинами, число больныхъ при отрядѣ достигало трехъ тысячъ. «Литовцы и виленцы,—говоритъ Филипсонъ,—хотя и прибыли въ отрядъ гораздо позже тенгинцевъ и казаковъ, но имѣли не менѣе больныхъ, по непривычкѣ къ климату, неумѣнію себя держать и, должно признаться, отъ малой заботливости своихъ офицеровъ. Тенгинцы болѣли, но не падали духомъ. До самой полуночи въ ихъ лагерѣ слышны были пѣсни и веселый говоръ».

Въ ночь на 8-е ноября палатки въ лагерѣ были сняты, засѣка подожжена и войска посажены на суда эскадры, которая на утро снялась съ якоря. 14-го числа тенгинцы высадились близъ Тамани, на мѣстѣ называемомъ «Тузла», и баталіоны, послѣ восемнадцатимѣсячнаго пребыванія на восточномъ берегу Чернаго моря, разошлись въ мѣста прежняго своего квартированія. Вотъ какую печальную картину состоянія полка по возвращеніи въ Черноморію рисовалъ Хлюпинъ въ своемъ рапортѣ начальнику дивизіи *). «Обязанностью считаю донести вашему превосходительству о состояніи ввѣреннаго мнѣ полка, въ коемъ онъ, по пробытіи на восточномъ берегу Чернаго моря восемнадцать мѣсяцевъ, возвращается нынѣ на квартиры въ Черноморію. Умалчиваю о тѣхъ невыгодахъ и утратахъ полка, которыя испыталъ онъ съ марта мѣсяца 1840 года, т. е. съ поступленія на черноморскую береговую линію по августъ мѣсяцъ, до сбора 4-хъ баталіоновъ при укрѣпленіи св. Духа, потому, что объ этомъ извѣстно уже вашему превосходительству. Изъ представляемой при семъ подробной вѣдомости о прибыли и убыли людей изволите усмотрѣть, что изъ 3520-ти всѣхъ воинскихъ чи-

*) Полк. архивъ. Рапортъ отъ 14-го ноября 1841 года за № 6365.

новъ, собранныхъ въ августѣ мѣсяцѣ для военныхъ дѣйствій, налицо къ 8-му числу ноября только 1415 человѣкъ. Изъ оставшихся людей трудно найти 200 человѣкъ совершенно здоровыхъ, не бывшихъ въ госпиталяхъ или въ полковомъ лазаретѣ; однимъ словомъ такихъ, которые бы не болѣли. Болѣзни, преимущественно лихорадки, до того жестоки и упорны, что возвращались и возвращаются по нѣсколько разъ, не уступая самымъ сильнымъ медицинскимъ средствамъ. Въ Тамани нашелъ я выписавшихся изъ госпиталей, большею частью изъ феодосійскаго, до 200 человѣкъ, но въ числѣ ихъ мало видѣлъ совершенно здоровыхъ; нѣкоторые поступили уже въ госпиталь, а многіе должны скоро будутъ поступить. Вообще же люди въ полку слабые и имѣютъ болѣзненный видъ и, судя по медленному выздоровленію, не скоро могутъ поправиться. Доказательствомъ тому можетъ служить то, что по прибытіи въ Тамань, я былъ въ необходимости отправить до 90 человѣкъ больныхъ въ фанагорійскій госпиталь, ограничиваясь этимъ числомъ потому только, что въ госпиталѣ больше не было мѣста. По полученнымъ мною свѣдѣніямъ извѣстно, что изъ числа отправленныхъ въ госпиталь умерло уже болѣе 130-ти человѣкъ. Болѣзни не только ослабили полкъ въ числительномъ состояніи, но лишили большую часть лучшихъ унтеръ-офицеровъ, музыкантовъ, горнистовъ и барабанщиковъ и вообще разстроили до того, что въ нѣкоторыхъ ротахъ осталось налицо по 2—3 унтеръ-офицера и отъ 30-ти до 40-ка человѣкъ рядовыхъ, а горнистовъ и барабанщиковъ изъ 4-хъ баталіоновъ нельзя набрать и для двухъ, не говоря уже о томъ, что писаря по необходимости замѣнены взятыми съ ротъ подпрапорщиками и вольноопредѣляющимися. Ко всему этому нужно прибавить и то еще, что изъ шестнадцати ротныхъ командировъ убыло восемь, поэтому я по необходимости долженъ былъ поручить роты молодымъ и неопытнымъ еще офицерамъ. Представляя откровенно настоящее состояніе ввѣреннаго мнѣ полка, котораго по обстоятельствамъ избѣгнуть было нельзя, беру смѣлость убѣдительно просить исходатайствовать полку отдыхъ, дабы дать время и воз-

можность собраться людямъ изъ госпиталей, заняться обмундированіемъ и приготовить полкъ въ тотъ видъ, въ какомъ долженъ онъ быть». Къ рапорту полковника Хлюпина былъ приложенъ отчетъ изъ котораго видно, что

По прибытіи всѣхъ баталіоновъ на сборный пунктъ къ укр. св. Духа къ 6-му августа въ строю находилось:		Осталось по возвращеніи полка въ Тамань къ 14-му октября:
Штабъ-офицеровъ.	5	4
Оберъ-офицеровъ	66	35
Унтеръ-офицеровъ.	361	140
Музыкантовъ.	155	51
Рядовыхъ.	2807	1064

Конечно, рапортъ Хлюпина произвелъ сильное впечатлѣніе; приведенныя цифры краснорѣчиво говорили о разстроенномъ положеніи полка, почему было велѣно въ продолженіи зимы не трогать съ мѣста ни одной роты тенгинцевъ, чтобы дать возможность командиру полка привести полкъ въ порядокъ съ хозяйственной и санитарной стороны.

Въ частномъ письмѣ полковника Хлюпина очень картинно рисуется состояніе полка и затруднительное положеніе самого командира. «Но съ чего начать? Два года уже мундирная одежда не строилась; обувь совершенно износилась, штыки погнуты и переломаны, ложа всѣ въ трещинахъ. До сихъ поръ не могу сформировать швальню по недостатку закройщиковъ. Музыка, по случаю значительной убыли лучшихъ игроковъ въ отставку и по нахожденію въ госпиталѣ, до того разстроена, что далеко не похожа на ту, которая была назадъ три-четыре года. Къ тому же музыкальный инструментъ въ такомъ дурномъ состояніи, что и лучшіе музыканты могутъ сдѣлаться съ нимъ худшими. Озабоченный настоящимъ положеніемъ полка, лишенный совершенной возможности дѣйствовать въ распоряженіяхъ моихъ съ такою пользою, какъ бы желалъ и, наконецъ, отвѣтственность, которая лежитъ на мнѣ по званію полкового командира, и которую предотвратить не зависитъ отъ моей воли, ни отъ усердія къ исполненію обязанностей моихъ, я прошу наставленій какъ дѣйствовать въ отношеніи обмундированія полка, такъ и

по другимъ предметамъ. Люди пріуныли, ходятъ какъ тѣни и совсѣмъ не имѣютъ вида *Тенишскаго*» *).

Но такой командиръ какъ Семенъ Ильичъ Хлюпинъ, конечно, не нуждался въ чьихъ либо указаніяхъ и если приведенное выше письмо и было имъ написано, то не иначе, какъ подъ минутнымъ впечатлѣніемъ. Быстро онъ осмотрѣлся и энергично приступилъ къ «устройству» полка. Приказалъ—и мастеровые явились; не прошло мѣсяца со дня окончанія экспедиціи, а уже въ мастерскихъ кипѣла работа: чинили амуницію, дѣлали новыя ложа, шили обмундированіе. Вездѣ Хлюпинъ заглядывалъ самъ, гдѣ нужно подбадривалъ ласковыми словами, а гдѣ прибѣгалъ и къ понудительнымъ мѣрамъ.

Живая, кипучая дѣятельность отразилась даже на общемъ состояніи духа нижнихъ чиновъ: всѣ пріободрились, повсюду слышались пѣсни, а съ ними и болѣзненность начала уменьшаться. Хлюпинъ вполнѣ понималъ гигіеническое значеніе душевнаго состоянія людей и потому всѣми силами хотѣлъ заставить солдатъ забыть недавно пережитое. Въ станицѣ Ивановской былъ устроенъ солдатскій театръ; директоромъ его состоялъ нашъ полковой поэтъ, прапорщикъ Федоровъ, который набралъ актеровъ и актрисъ изъ юнкеровъ, кантонистовъ и писарей; иногда же въ болѣе отвѣтственныхъ роляхъ выступали и молодые офицеры. Репертуаръ, конечно, состоялъ изъ пьесъ, доступныхъ пониманію солдатъ, а такъ какъ въ тѣ отдаленныя времена трудно ихъ было пріобрѣтать, то самъ директоръ театра писалъ комедіи и водевили. Особеннымъ успѣхомъ пользовалась его трехъ-актная мелодрама «Русскій солдатъ», не сходившая со сцены.

Занятій строевыхъ въ полку не производилось до января мѣсяца, и люди распущены были на вольныя работы, чтобы хотя немного дать имъ возможность заработать денегъ на свое обзаведеніе **).

Въ концѣ года по Высочайшему повелѣнію флигель-адъю-

*) Полк. арх., дѣло № 840 за 1841 годъ.
**) Записки Федорова. Кавк. Сборн. т. III.

тантъ полковникъ Назимовъ, произвелъ инспекторскій смотръ войскамъ 20-й пѣхотной дивизіи, въ томъ числѣ и Тенгинскому полку. Много, очень много недочетовъ обнаружилось при этомъ. Оказалось, что вездѣ стрѣльба не доведена была до надлежащаго совершенства, нижніе чины выпускали безцѣльно патроны, внѣ ружейной дистанціи. Въ полкахъ почти не обращено было вниманія на строевое, лагерное, гарнизонное и егерское ученія. Унтеръ-офицеры и ефрейторы по своимъ познаніямъ почти ничѣмъ не отличались отъ рядовыхъ; нѣкоторые же изъ нихъ по строю стояли даже ниже рекрутъ. Господа офицеры по словамъ инспектирующаго, вовсе не знали своего дѣла, включая въ ихъ число и нѣкоторыхъ ротныхъ командировъ.

Относительно нашего 5-го резервнаго баталіона полковникъ Назимовъ доносилъ военному министру, что «нижніе чины въ маршировкѣ и ружейныхъ пріемахъ слабы; ротное и баталіонное ученіе весьма въ ономъ не твердо, а стрѣлковымъ почти не занимаются; унтеръ-офицеры и ефрейторы въ дѣлѣ своемъ очень несвѣдущи; офицеры во всѣхъ частяхъ службы весьма не тверды».... «Рубахи и сапоги во всемъ полку износились; мундиры всѣ въ заплатахъ и не предвидится скорая постройка новыхъ; люди ходятъ въ лохмотьяхъ» *).

Эти замѣчанія, конечно, были справедливы и никто ихъ не отрицалъ, начиная съ полкового командира, много разъ писавшаго объ этомъ. Но, казалось бы, можно было нѣсколько мягче взглянуть на тѣхъ, которые только что измѣрили своими ногами сотни верстъ по морскимъ пескамъ, по колючимъ кустарникамъ и каменистымъ горамъ. Съ точки зрѣнія утонченной шагистики мы разумѣется тогда были очень слабы, но стоило вспомнить, какъ товарищи этихъ «неучей» умирали отъ истощенія, погибали съ оружіемъ въ рукахъ на валахъ укрѣпленій, добровольно взрывали себя на воздухъ, дабы не сдаться живыми непріятелю... и всякій упрекъ долженъ тогда замереть на устахъ...

Нашъ 5-й баталіонъ, хотя не былъ въ числѣ войскъ бе-

*) Приказъ по полку отъ 10-го февраля 1842 г. о результатахъ смотра.

реговой линіи, но онъ тоже не бездѣйствовалъ. Достаточно сказать, что онъ былъ расположенъ въ крѣпостяхъ Кавказской и Усть-Лабинской и находился все время въ распоряженіи начальника праваго фланга кавказской линіи генерала Засса, принимая участіе въ лихихъ его набѣгахъ на закубанскія племена. Военныя дѣйствія здѣсь въ 1841 году должны были носить характеръ сильныхъ наступательныхъ движеній къ рѣкѣ Бѣлой и «даже за оную, вдаваясь сколь можно далѣе въ горы», какъ сообщалъ военный министръ волю Императора.

Въ началѣ января командиръ Кавказскаго казачьяго полка, полковникъ Васмундъ, съ отрядомъ изъ 6-ти ротъ пѣхоты, шести орудій и тысячи казаковъ, ходилъ за Лабу и къ 9-му числу вырубилъ просѣку шириною въ 400 саженъ, чѣмъ безъ сомнѣнія облегчилъ въ будущемъ путь слѣдованія нашимъ отрядамъ. Въ концѣ января генералъ-лейтенантъ Зассъ, воспользовавшись мелководіемъ рѣки Бѣлой и образовавшимися на ней бродами, собралъ отрядъ въ станицѣ Воронежской, силою въ 800 штыковъ пѣхоты (въ числѣ ихъ 307 человѣкъ отъ 5-го баталіона нашего полка), 1300 казаковъ и 6 орудій, и выступилъ съ ними въ ночь съ 25-го на 26-е число къ лѣвому берегу р. Бѣлой, гдѣ и разорилъ три абадзехскихъ аула. Горцы заранѣе отправили свои семейства и имущество за топкую рѣчку Пшизъ, и только способные носить оружіе остались для защиты своихъ домовъ.

При обратномъ движеніи отряда абадзехи, собравшись въ значительномъ числѣ, завязали упорную перестрѣлку и нѣсколько разъ порывались врубиться въ средину колонны, но были отбиты съ чувствительнымъ урономъ и даже не успѣли подобрать 18 тѣлъ лучшихъ своихъ наѣздниковъ. Наша потеря ограничилась двумя ранеными рядовыми Тенгинскаго полка и двумя контуженными *).

Февраль мѣсяцъ для 5-го баталіона прошелъ спокойно и о про-

*) Командиръ 5-й гренадерской роты нашего полка поручикъ Диковъ 1-й, за отличіе въ этомъ дѣлѣ произведенъ въ слѣдующій чинъ; унтеръ-офицеръ Тимофей Мироновъ получилъ знакъ отличія воен. орд. за № 75591. Дѣло № 42 2-го отд. генер. шт. за 1841 годъ. Арх. окр. штаба.

исшествіяхъ не поступало донесеній; но съ наступленіемъ оттепели, послѣ суровой зимы, вездѣ заговорили о сборѣ у верховьевъ р. Бѣлой 10-ти-тысячнаго скопища абадзеховъ, шапсуговъ и нѣкоторой части убыховъ, намѣревавшихся увести въ горы мирныхъ бесленеевцевъ, егерукаевцевъ и темиргоевцевъ, жившихъ по теченію рѣки Лабы. Немедленно при Темиргоевскомъ укрѣпленіи былъ собранъ отрядъ, въ составъ котораго вошла и 14-я мушкетерская рота тенгинцевъ. На утро 20-го марта генералъ Зассъ двумя самостоятельными колоннами двинулся на непріятеля. Не доходя двухъ верстъ до впаденія Фарса въ рѣку Лабу, абадзехи густыми толпами, съ распущенными значками, стремительно бросились на первую колонну и нѣсколько разъ порывались врубиться въ передовую цѣпь; но перекрестный огонь 4-хъ орудій, поставленныхъ по угламъ карре, и мѣткіе выстрѣлы застрѣльщиковъ заставили непріятеля отойти на почтительное разстояніе. Въ это самое время изъ лѣса, съ правой стороны дороги, внезапно выскочила новая толпа конныхъ абадзеховъ. Наши казаки, поддержанные огнемъ артиллеріи, врѣзались въ самую середину толпы и, послѣ кровопролитной, хотя и непродолжительной сѣчи, принудили ее отступить въ безпорядкѣ. Во второй колоннѣ, слѣдовавшей нѣсколько позади, шелъ упорный бой въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, но и здѣсь горцы не имѣли успѣха. Пріостановивъ движеніе передовыхъ войскъ, начальникъ отряда далъ возможность второй колоннѣ соединиться съ первою. Непріятельскія силы тоже увеличились и теперь въ четыре раза превышали наши.

«Тогда кругомъ меня,—доносилъ генералъ Зассъ,—на всѣхъ рѣшительно пунктахъ завязался жаркій бой, съ равнымъ съ обѣихъ сторонъ ожесточеніемъ, продолжавшійся сряду шесть часовъ. Наконецъ непріятель, отраженный вездѣ, чувствуя свое безсиліе нанести намъ вредъ разобщенными силами, рѣшился совокупною толпою пѣшихъ и конныхъ своихъ людей ударить въ арьергардъ (гдѣ находилась рота тенгинцевъ). Съ бѣшенствомъ и крикомъ ринувшись на оный, онъ былъ принятъ пѣхотою на штыки и принужденъ отступить, потерявъ тутъ почти

всѣхъ своихъ предводителей и лучшихъ наѣздниковъ, многіе изъ которыхъ въ прошломъ году участвовали въ уничтоженіи нашихъ черноморскихъ крѣпостей. Утрата сихъ людей и значительная потеря вообще, въ тотъ день понесенная этимъ собраніемъ, до того ослабила мужество и буйную дерзость горцевъ, что въ короткое время на мѣстѣ происходившаго шестичасового упорнаго сраженія ни одного изъ нихъ уже не осталось» *).

Къ сожалѣнію, ген. Зассъ не могъ начать преслѣдованіе, чтобы довершить окончательно пораженіе горцевъ, такъ какъ у казаковъ всѣ почти патроны были разстрѣляны, при орудіяхъ же оставалось не болѣе какъ по одному выстрѣлу. Потеря непріятеля была велика, но и наша тоже значительна: мы лишились убитыми одного офицера и 17 нижнихъ чиновъ и ранеными 2-хъ офицеровъ и 106 рядовыхъ.

Фарсская битва, одна изъ кровопролитнѣйшихъ на Кавказѣ, хотя кончилась полнымъ пораженіемъ абадзеховъ **), но другой ихъ партіи все же удалось увести въ горы два темиргоевскихъ и шесть егерукаевскихъ ауловъ.

Данный урокъ закубанцамъ скоро было, однако, ими забытъ, и абадзехи снова начали волновать умы жителей покорныхъ намъ ауловъ. Чтобы увеличить свои силы, они пригласили шапсуговъ и убыховъ принять участіе въ новомъ набѣгѣ на мирные аулы и въ послѣднихъ числахъ марта собрались въ громадномъ числѣ у верховьевъ р. Бѣлой. Они рѣшили раздѣлиться на три самостоятельныхъ отряда, изъ которыхъ первый долженъ былъ отвлекать вниманіе нашихъ войскъ отъ остальныхъ двухъ, на обязанности которыхъ лежало уничтожить наши укрѣпленія по р. Лабѣ и увлечь въ горы всѣ мирные аулы между этою послѣднею и р. Бѣлою.

Планы эти стали тотчасъ же извѣстны генералу Зассу, имѣвшему многочисленныхъ друзей въ горахъ; чтобы не дать возможность горцамъ привести свое намѣреніе въ исполненіе, онъ скрытно сосредоточилъ къ Прочному-Окопу сильный отрядъ,

*) Арх. окр. шт. д. № 42, по 2-му отд. генер. шт. 1841 г.

**) Въ 14-ю мушкет. роту тенгинцевъ было выдано два знака отличія военнаго ордена.

назначивъ туда и двѣ роты тенгинцевъ, и въ сумерки 4-го апрѣля форсированнымъ маршемъ выступилъ за рѣку Кубань. На слѣдующій день наши войска были уже въ ущельѣ рѣки Малой Лабы, сдѣлавъ этотъ чисто кавказскій переходъ совершенно «весело» и не имѣя отсталыхъ. Помня недавнее свое пораженіе, горцы не вступали въ бой и съ такою поспѣшностью разбѣжались, что не представилось даже возможности ихъ преслѣдовать. Переправившись черезъ Большую Лабу, Зассъ быстрымъ движеніемъ достигъ шалаховскихъ ауловъ и здѣсь расположился лагеремъ, прикрывъ переселеніе бесленеевцевъ за р. Тегень, которая и была имъ назначена постоянною границею. Благодаря внезапному появленію грознаго отряда въ виду шалаховскихъ ауловъ, намѣренія непокорныхъ горцевъ не были приведены въ исполненіе *). Это былъ послѣдній походъ 5-го баталіона въ закубанье въ 1841 году.

Постоянное отвлеченіе резервныхъ баталіоновъ отъ ихъ прямыхъ обязанностей подготовки рекрутъ, было причиною тому, что еще въ началѣ этого года былъ поднятъ вопросъ объ ихъ упраздненіи, «какъ не достигающихъ цѣли въ настоящемъ своемъ положеніи». Имѣлось въ виду, для предварительнаго подготовленія рекрутъ, сформировать особую резервную дивизію отдѣльнаго кавказскаго корпуса. Генералъ Головинъ высказался противъ упраздненія резервныхъ баталіоновъ, такъ какъ на нихъ, кромѣ подготовки рекрутъ, лежали и всѣ хозяйственныя занятія, не говоря уже о томъ, что роты ихъ постоянно употреблялись на государственныя работы и для военныхъ дѣйствій. Съ приведеніемъ снова въ 4-хъ-баталіонный составъ, полки не въ состояніи были бы выступать въ походъ въ полномъ своемъ составѣ, вслѣдствіе необходимости оставлять въ штабъ-квартирахъ людей для караула, заготовленія сѣна, возведенія новыхъ и исправленія старыхъ помѣщеній и т. п.; на это одной нестроевой роты, конечно, было недостаточно. Находя доводы командира кавказскаго корпуса вполнѣ основательными, Государь Императоръ приказалъ «оставить до времени при полкахъ 19-й и 20-й

*) Дѣло № 42, 2-го отд. ген. шт. за 1841 г. Арх. окр. шт.

пѣхотной дивизіи 5-е резервные баталіоны; для подготовленія же рекрутъ сформировать новые, которымъ присвоить наименованіе 6-хъ резервныхъ баталіоновъ, введя ихъ въ составъ резервной дивизіи отдѣльнаго кавказскаго корпуса, и расположивъ въ Таганрогѣ и его окрестностяхъ».

Такимъ образомъ, въ 1841 году составъ Тенгинскаго полка увеличился на одинъ баталіонъ.

Глава VII.

Расположеніе полка въ 1842 году. Мюридизмъ. Шамиль. Его возвышеніе и дѣятельность до сороковыхъ годовъ. Мюридизмъ на Западномъ Кавказѣ. Причины его неуспѣха. Хаджи-Магометъ. Сулейманъ-эфенди. Нападенія горцевъ на Васюринскую, Ивановскую и Полтавскую станицы. Дѣятельность Хлюпина въ полку. Его мысли объ обмундированіи и снаряженіи кавказскихъ солдатъ. Музыкантскій хоръ. Строевое образованіе. Укомплектованіе полка. Смотръ полковника Катенина. Замѣчаніе Хлюпина офицерамъ. Оставленіе полка на лѣто въ Черноморіи. Проѣздъ военнаго министра. Смотръ полка. Нападеніе горцевъ на Екатеринодаръ. Движеніе Завадовскаго на р. Псекупсъ. Улучшеніе довольствія солдатъ. Экспедиція за р. Афибсъ. Выступленіе двухъ баталіоновъ на правый флангъ. Прибытіе баталіоновъ 13-й пѣхотной дивизіи. 1843 годъ. Переводъ полковника Левковича въ Тенгинскій полкъ. Лабинская линія. Семейные нижніе чины. Кантонисты.

Съ ноября мѣсяца 1841 года Тенгинскій полкъ располагался на своихъ старыхъ зимнихъ квартирахъ въ Черноморіи, которыя онъ на цѣлые восемнадцать мѣсяцевъ покидалъ для участія въ экспедиціяхъ на восточномъ берегу Чернаго моря. Штабъ-квартира полка по прежнему была въ сел Ивановскомъ; здѣсь же располагались: инвалидная и нестроевая роты, полковая учебная команда, музыкантская, пѣвческая и еще другія сборныя команды нижнихъ чиновъ, составлявшіяся изъ увольняемыхъ въ отставку, прибывшихъ изъ отпуска, изъ госпиталей, и изъ солдатъ, состоящихъ при ротныхъ хозяйствахъ. Баталіоны занимали своими штабами слѣдующія станицы, или, какъ ихъ называли старымъ черноморскимъ словомъ, курени: 1-й баталіонъ въ ст. Петровской, 2-й—въ Полтавской, 3-й—въ Новотиторовской, 4-й—въ Старовеличковской, 5-й—въ крѣпостяхъ Кавказской и Усть-Лабинской *).

Роты размѣщались: одна съ баталіоннымъ штабомъ, а остальныя—въ ближайшихъ къ нему станицахъ. Но это расположеніе ротъ не было особенно прочнымъ, такъ какъ, по распоряженію начальства, роты часто переводились изъ одного селенія въ дру-

*) Дѣло полкового архива № 318.

гое въ видахъ обороны береговъ Кубани отъ прорыва враждебныхъ племенъ.

Генгинскія роты старались воспользоваться отдыхомъ и исправить все то, что разстроилось за послѣднюю экспедицію въ ихъ артельномъ хозяйствѣ. Командиръ полка, полковникъ Хлюпинъ, энергично и послѣдовательно производилъ различныя реформы въ полковомъ хозяйствѣ, также расшатанномъ за послѣдніе два-три года. Но это спокойствіе тянулось не долго. Оно вскорѣ было нарушено новыми повсемѣстными возстаніями среди закубанскихъ горцевъ. Въ это время къ нимъ прибылъ, посланный Шамилемъ, мулла Хаджи-Магометъ, который сумѣлъ объединить въ своихъ рукахъ власть надъ нѣкоторыми отдѣльными, до этихъ поръ разрозненными племенами и энергично увлечь ихъ въ общую борьбу съ русскими. Такимъ образомъ, теперь и племена закубанскаго края приняли участіе въ великой религіозной борьбѣ съ врагами ислама, которую давно уже вели, подъ знаменемъ мюридизма, горцы Восточнаго Кавказа.

До 1840 года мы имѣли на Западномъ Кавказѣ дѣло съ непріятелемъ, дѣйствовавшимъ отдѣльными группами, которыя скорѣе можно было назвать разбойничьими шайками. Если и трудно было бороться съ этимъ непріятелемъ, то только потому, что онъ былъ неутомимъ и назойливъ. Вытѣсняемый русскими войсками изъ родныхъ земель, онъ мстилъ постоянными набѣгами; но въ его дѣйствіяхъ не было никакой системы. Съ начала 1840 года въ дѣйствіяхъ закубанцевъ начало обнаруживаться замѣтное единство.

Командующій въ то время войсками кавказской линіи и Черноморіи генералъ-адъютантъ Граббе въ своихъ рапортахъ *) доносилъ военному министру, графу Чернышеву, объ этихъ въ высшей степени опасныхъ симптомахъ въ настроеніи горцевъ и единственную причину этого подъема духа и объединенія находилъ въ появленіи среди горцевъ Западнаго Кавказа агентовъ Шамиля въ лицѣ муллъ, проповѣдывавшихъ фанатическую ненависть къ русскимъ. Насколько серьезна была борьба съ эти-

*) Отъ 30-го марта 1840 г. № 427 и отъ 7-го апрѣля 1840 г. № 568.

ми возстаніями въ 1840 и 1841 годахъ, мы видѣли изъ предыдущихъ двухъ главъ.

Съ началомъ 1842 года борьба эта стала еще серьезнѣе, такъ какъ среди закубанскихъ племенъ появился Хаджи-Магометъ, опытный и энергичный руководитель общаго возстанія.

Значеніе мюридизма, составлявшаго главную причину могущества и упорства въ борьбѣ кавказскихъ племенъ, настолько серьезно, что при описаніи военныхъ дѣйствій необходимо постоянно имѣть его въ виду. Основателемъ мюридизма на Кавказѣ считается Кази-Мулла, который еще въ 1824 году поставилъ цѣлью своей фанатической проповѣди отторженіе всѣхъ дагестанскихъ племенъ отъ всякаго вліянія Россіи и соединеніе ихъ въ одно цѣлое, подъ демократическимъ управленіемъ *). Подчинивъ своей власти Дагестанъ и Чечню, онъ отправилъ эмиссаровъ къ закубанцамъ, которые отозвались на его призывъ и стали вооружаться **). Это было въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Тогда же за Кубанью начались возстанія, вызвавшія съ нашей стороны новыя экспедиціи для ихъ подавленія. Но прошло нѣсколько лѣтъ и броженіе среди закубанцевъ улеглось; проповѣдь мюридизма не получила среди нихъ такого же широкаго распространенія, какъ на востокѣ, и спокойствіе почти не нарушалось вплоть до 1840 года.

Въ 1832 году Кази-Мулла былъ убитъ при взятіи русскими аула Гимры. Здѣсь съ нимъ былъ и другъ его, Шамиль, который весь израненный спасся какимъ-то чудомъ. Преемникомъ Кази-Муллы сдѣлался Гамзатъ-бекъ; но онъ не обладалъ такими же способностями и фанатизмомъ, какъ его предшественникъ, поэтому дѣло мюридизма на время пріостановилось, и только идея священной войны противъ русскихъ не умирала въ народѣ. Въ 1834 году Гамзатъ-бекъ былъ также убитъ, и Шамиль, поддержанный двумястами преданныхъ ему мюридовъ, захватилъ казну убитаго имама и объявилъ себя его преемникомъ.

«Мюридизмъ,—говоритъ Романовскій,—ожидалъ только гла-

*) См. выше главу III, стр. 85.
**) Романовскій. «Кавказъ и кавказская война».

вы, чтобы воскреснуть съ новой силой. Этой главой явился Шамиль, соединявшій въ себѣ рѣдкія дарованія воина и администратора. Главнымъ предметомъ удивленія въ немъ всегда будетъ составлять его умѣнье подчинить вольныя, въ продолженіе вѣковъ, общества горцевъ своей неограниченной власти. Въ теченіе 25-ти лѣтъ онъ обращалъ на себя вниманіе не только Россіи, но и всей Европы» *).

Шамиль родился въ 1799 году въ Гимрахъ, тамъ же гдѣ и Кази-Мулла; онъ былъ моложе послѣдняго только на четыре года и былъ связанъ съ нимъ узами дружбы. Оба они съ самыхъ юныхъ лѣтъ изучали арабскій языкъ и коранъ, а впослѣдствіи, для усовершенствованія своихъ знаній, предприняли путешествіе по Кавказу; побывали въ Кизлярѣ и учились у тамошнихъ муллъ.

Такимъ образомъ, Шамиль имѣлъ право считать себя настоящимъ и законнымъ преемникомъ Кази-Муллы и продолжителемъ его грандіозныхъ замысловъ. Однако, первые его шаги въ Дагестанѣ были полны неудачъ; когда же въ 1839 году онъ потерялъ Ахульго, то отъ него отложился весь Дагестанъ. Бездомный и нищій онъ скитался изъ одного аула въ другой, пока, наконецъ, чеченцы не предложили ему бразды правленія. Онъ согласился принять власть, но тогда, когда они дали ему присягу въ полномъ и безпрекословномъ повиновеніи. И вотъ, въ 1840 году, т. е. менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ паденія Ахульго, Шамиль уже является могущественнымъ властителемъ народа, многочисленнаго, воинственнаго и имѣвшаго всѣ средства къ упорному сопротивленію русскимъ. Съ этого года удачи начинаютъ сопутствовать всѣмъ его военнымъ дѣйствіямъ. Въ 1842 году несчастная для насъ экспедиція къ Дарго неимовѣрно усиливаетъ престижъ Шамиля и поселяетъ въ горцахъ безпредѣльную увѣренность къ его уму и счастью. Въ концѣ 1843 года всѣ наиболѣе доступныя части Восточнаго Кавказа подчинились ему.

Средствомъ для достиженія власти послужилъ Шамилю ре-

*) Романовскій. «Кавказъ и кавказская война».

лигіозный фанатизмъ, нашедшій благодатную почву въ этомъ невѣжественномъ народѣ, воспитанномъ на догматахъ ислама. Вообще исламизмъ въ нашей борьбѣ съ горцами явился самымъ сильнымъ врагомъ русскаго вліянія. Идеи этой религіи вполнѣ подходили къ характеру кавказскаго народа, проникая во всѣ стороны его обыденной жизни.

Сущность мюридизма тѣсно связана съ мусульманской религіей и имѣетъ своимъ основаніемъ древнее ученіе Сунни, которое признаетъ возможнымъ исполненіе мусульманской религіи въ трехъ степеняхъ. Первую степень составляетъ исполненіе *шаріата*, т. е. свода правилъ, которымъ каждый правовѣрный обязательно долженъ руководствоваться въ своей частной и общественной жизни. Вторую, высшую—слѣдованіе *тарикату*, составляющему возможно близкое подражаніе жизни пророка. Наконецъ третью—*хакикять*, которымъ достигается высшая степень духовнаго совершенства, дающая возможность зрѣть религіозныя видѣнія Магомета. Такъ какъ посвященіе себя исключительно Богу устраняло всякую разницу въ сословіяхъ и степеняхъ мірскихъ, то послѣдователи этого чисто демократическаго ученія признавали надъ собой власть только тѣхъ, кого считали выше въ религіозномъ совершенствованіи, и это давало послѣднимъ почти безграничную власть надъ прочими сторонниками секты. Поэтому, на Востокѣ весьма часто религія служила средствомъ достиженія тѣхъ или другихъ цѣлей. Такъ, въ XIV столѣтіи въ Персіи появились религіозныя секты, имѣвшія исключительно политическое значеніе; руководители этихъ сектъ назывались мюршидами, а послѣдователи ихъ—мюридами. Отсюда получилъ свое названіе кавказскій *мюридизмъ*, составляющій по своей сущности воинствующее братство, подъ духовною и свѣтскою властью имама.

Шамиль широко воспользовался всѣми данными народнаго характера горцевъ, чтобы достигнуть неограниченной власти. Съ самаго начала своего водворенія среди чеченцевъ онъ сталъ формировать себѣ ополченіе мюридовъ. Онъ вербовалъ къ себѣ лучшихъ чеченскихъ юношей, родители которыхъ не видѣли въ

этомъ ничего, кромѣ вниманія къ нимъ ихъ новаго властителя. Но они не знали того, что Шамиль бралъ съ своихъ мюридовъ страшную клятву, заставлявшую ихъ забыть узы родства, слѣпо и свято исполнять всѣ приказанія своего властителя и истреблять всѣхъ его враговъ. Онъ заставлялъ, подъ какимъ-либо предлогомъ молодого, воспламененнаго фанатизмомъ мюрида совершать убійство, и тотъ, пріобрѣтя кровныхъ враговъ, единственное свое спасеніе видѣлъ въ покровительствѣ и защитѣ Шамиля.

На своемъ духовномъ значеніи Шамиль основалъ и свою свѣтскую власть. Такъ какъ каждое положеніе шаріата имѣетъ множество противорѣчивыхъ толкованій, то онъ объяснялъ его статьи по своему усмотрѣнію, измѣняя многое сообразно личнымъ своимъ интересамъ. Гдѣ ему выгодно было придерживаться корана, онъ являлся строгимъ его послѣдователемъ; въ противномъ случаѣ онъ вводилъ собственныя постановленія, не опасаясь цензуры грубаго и невѣжественнаго народа. Такъ напримѣръ, онъ ввелъ смертную казнь, которая по ученію мюридизма строго была воспрещена, и часто казнилъ по одному лишь подозрѣнію; за бѣгство чеченцевъ къ русскимъ или за изъявленіе ими покорности онъ наказывалъ родственниковъ и близкихъ людей смертью и разореніемъ жилищъ, хотя въ коранѣ сказано, что «никто не отвѣчаетъ за вину другого». Въ общемъ это былъ въ полномъ смыслѣ деспотическій правитель, страшно могущественный среди своего народа. Благодаря удивительнымъ административнымъ способностямъ, онъ такъ умѣлъ связать всѣхъ, что каждое его приказаніе исполнялось немедленно и безпрекословно. Что же касается до военной системы, то онъ не достигъ въ ней вполнѣ правильной организаціи. Ему удалось вызвать народъ только къ всеобщему ополченію; это достигалось легко, такъ какъ поголовное вооруженіе всего народа считалось у чеченцевъ дѣломъ богоугоднымъ и совершенно сообразнымъ съ духомъ магометанской религіи; съ подчиненностью же и правильной дисциплиной регулярнаго войска свободолюбивые горцы никогда бы не свыклись.

На Западномъ Кавказѣ, въ закубанскомъ краѣ, судьба мюридизма, какъ указано выше *), была иная. Первымъ проповѣдникомъ мюридизма среди черкесовъ былъ Хаджи-Магометъ. Онъ появился у нихъ въ 1842 году и вначалѣ имѣлъ большой успѣхъ; но когда, излагая основы своего демократическаго ученія, онъ коснулся вопроса объ освобожденіи подвластныхъ рабовъ, то встрѣтилъ сильное сопротивленіе въ среднемъ и высшемъ классахъ черкесскаго народа. Въ концѣ 1844 года Хаджи-Магометъ умеръ, и тогда Шамиль прислалъ вмѣсто него Сулейманъ-эфенди. Но послѣдній не имѣлъ успѣха и въ 1846 году оставилъ край **).

Причину неуспѣха мюридизма въ горахъ Западнаго Кавказа надо искать въ полномъ несогласіи гражданскаго быта черкесскаго народа съ основами мусульманской секты. Черкесы были народомъ аристократическаго, республиканскаго строя; ихъ гражданскій бытъ былъ основанъ на осѣдлости и личномъ и имущественномъ обезпеченіи; не имѣя надъ собой главы, народъ держалъ въ своихъ рукахъ законодательную и распорядительную власть, а въ семейной и общественной жизни своей руководствовался древними обычаями, которые изустно передавались изъ рода въ родъ. Совокупность этихъ обычаевъ назывался *адатомъ*. Адатъ черкесы предпочитали шаріату, во первыхъ потому, что совсѣмъ не довѣряли своимъ полуграмотнымъ муллямъ, которые толковали коранъ слишкомъ произвольно, а во вторыхъ потому, что сами черкесы были плохими мусульманами. Мюридизмъ, проникнувъ къ черкесамъ, стремился къ утвержденію у нихъ владычества шаріата и къ устройству общества на подобіе того, какъ устроилъ Шамиль въ Дагестанѣ; но шаріатъ не могъ одновременно существовать съ адатомъ, а черкесы не могли пожертвовать своими народными установленіями ***).

Однако, какова бы ни была впослѣдствіи судьба Хаджи-Магомета, съ самаго начала 1842 года въ закубанскомъ краѣ на-

*) См. глава III.

**) Н. Карлгофъ. «О политическомъ устройствѣ черкесскихъ племенъ». Н. Дубровинъ. «Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ». т. I.

***) Н. Карлгофъ. «О политическомъ устройствѣ черкесскихъ племенъ».

чались повсемѣстныя общія возстанія горцевъ. Въ продолженіе декабря и января мѣсяцевъ закубанцы находились въ безпрерывномъ волненіи и собирались большими скопищами.

Стояла необыкновенно суровая зима. Кубань и всѣ другія рѣки были скованы морозомъ и потому не представляли никакого препятствія для движенія горцевъ. Первыми поднялись шапсуги. Они разослали повсемѣстно своихъ пословъ съ приглашеніемъ на собраніе для совѣщанія о нападеніи на Марьинскую и Елизаветинскую станицы. Абадзехи собрались на рѣкѣ Супсъ и предполагали переправиться черезъ Кубань на нашу сторону близъ устья рѣки Кунипсъ, чтобы напасть на конурскіе хутора. Ежедневно въ ставкахъ русскихъ начальниковъ получались свѣдѣнія объ умноженіи и постоянномъ передвиженіи съ мѣста на мѣсто огромныхъ скопищъ абадзеховъ, натухайцевъ и непріязненныхъ шапсуговъ и убыховъ.

Укрѣпленія Георгіе-Афипсское и Мостовое-Алексѣевское, селенія Васюринское, Корсунское, Пашковское, Мышастовское, Полтавское, Петровское и даже Екатеринодаръ—постоянно находились въ тревожномъ ожиданіи нападенія горцевъ. Въ виду этого, постепенно были придвинуты къ Кубани всѣ черноморскіе казачьи полки, а въ Марьинскую и Елизаветинскую станицы, въ подкрѣпленіе стоявшихъ тамъ войскъ, были придвинуты изъ станицы Новомышастовской еще 8-я и 9-я мушкетерскія роты Тенгинскаго полка, а на мѣсто ихъ поставлены 2-я гренадерская и 6-я мушкетерская роты изъ селенія Стеблеевскаго. Жителямъ пограничныхъ станицъ роздано было оружіе и патроны и на помощь имъ изъ внутреннихъ станицъ, не угрожаемыхъ нападеніемъ, были высланы всѣ способные владѣть оружіемъ *). Солдатамъ строжайше было воспрещено ходить, куда бы то ни было изъ станицъ въ одиночку и безъ оружія; ротнымъ командирамъ предписывалось всегда посылать людей съ ружьями и патронташами только днемъ и не меньше двухъ человѣкъ вмѣстѣ **).

Наконецъ, 23-го января, на разсвѣтѣ, горцы въ огромныхъ

*) Арх. шт. кавк. воен. окр. Дѣло № 3, 2-го отд. ген. шт. за 1842 г. Дѣло полкового архива № 1287 г. Предписаніе командира Тенгинскаго полка отъ 5-го января 1842 г.

**) Приказъ по полку отъ 5-го января 1842 г. Дѣло полк. арх.

силахъ напали на станицу Васюринскую. Они выбрали время чрезвычайно удобное для нападенія, такъ какъ 20-го января второй баталіонъ и двѣ роты 3-го баталіона Тенгинскаго полка (всего 550 человѣкъ нижнихъ чиновъ) выступили къ Ольгинскому тетъде-пону, въ составѣ отряда полковника Пшекуя Могукорова, для сопровожденія транспорта продовольственныхъ и другихъ припасовъ въ укрѣпленіе Абинское. Роты эти не должны были скоро вернуться на свои квартиры, такъ какъ взяли сухарей на восемь дней; дома онѣ оставили лишь по два человѣка отъ роты для присмотра за цейхгаузами *). Такимъ образомъ, участокъ нашей кордонной линіи отъ Полтавской до Васюринской станицъ былъ на время ослабленъ, и горцы ловко воспользовались этимъ моментомъ.

23-го января, на разсвѣтѣ, болѣе шести тысячъ пѣшихъ и конныхъ закубанцевъ, подъ предводительствомъ бѣглыхъ офицеровъ, поручика Шеретлуко и прапорщика Темиргоя, и извѣстнаго убыхскаго дворянина Берзека переправились черезъ Кубань близъ Изряднаго поста и двинулись къ Васюринской станицѣ.

Въ стройномъ порядкѣ, съ распущенными значками, подбадривая себя воинственными криками, они съ трехъ сторонъ повели стремительную атаку. Съ сѣвера и востока ударила конница, а съ юго-востока двинулись пѣшіе горцы. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ въ разныхъ концахъ станицы запылали дома казаковъ.

Поднялась страшная суматоха. Прапорщикъ артиллеріи Коноплянскій и вся прислуга при трехъ орудіяхъ, стоявшихъ съ восточной стороны селенія, были мгновенно изрублены, не смотря на залпы картечи, которыми они осыпали горцевъ. Хищники ворвались уже въ селеніе и стали грабить дома казаковъ; они убивали и захватывали въ плѣнъ женщинъ и дѣтей; но въ это время подоспѣлъ съ казаками командиръ 9-го Черноморскаго пѣшаго полка, войсковой старшина Ярошенко. Лихо отбросилъ онъ горцевъ изъ середины станицы и отнялъ у нихъ за-

*) Полковой архивъ, исход. журн. за 1842 г., отношеніе командира полка къ полковнику Могукорову.

хваченное орудіе. Вдали показались другія команды, скакавшія съ дальнихъ постовъ на помощь. Тогда Ярошенко съ послѣднимъ своимъ резервомъ изъ сорока казаковъ ударилъ на толпу горцевъ и выбилъ ихъ изъ селенія.

На сѣверной сторонѣ станицы дѣйствовали два орудія, подкрѣпленныя мѣстными жителями, и горцы ничего не могли здѣсь подѣлать. Нѣсколько отчаянныхъ смѣльчаковъ ворвались въ селеніе съ этой стороны, но были перебиты. Тутъ же былъ убитъ одинъ непріятельскій знаменщикъ, другой вмѣстѣ со значкомъ сгорѣлъ въ пламени; третій же значекъ отнялъ войсковой старшина Ярошенко.

Вся станица пылала. Страшные стоны раненыхъ людей, сгоравшихъ на пожарищѣ, вопли дѣтей и женщинъ, съ оружіемъ въ рукахъ также пытавшихся защитить свою жизнь и свободу, оглашали воздухъ; со всѣхъ сторонъ раздавались трескъ выстрѣловъ и гиканье горцевъ. Толпа непріятеля, прижатая къ горѣвшимъ домамъ, была перебита и раненые всѣ сгорѣли въ пламени.

На юго-восточной сторонѣ распоряжался начальникъ кордоновъ между станицами Васюринской и Корсунской полковникъ Зенченко. Стоявшее тамъ орудіе конной № 10 батареи скоро замолчало, подавленное многочисленнымъ непріятелемъ; уже нѣсколько десятковъ горцевъ ворвались въ селеніе и стали выгонять скотъ изъ загоновъ, какъ вдругъ вдали показались 4-я гренадерская и 10-я мушкетерская роты Тенгинскаго полка, которыя, подъ командой маіора Маслова, спѣшили на помощь казакамъ. Полковникъ Зенченко сдѣлалъ отчаянное усиліе: самъ бросился въ самый пылъ боя, убилъ трехъ горцевъ и своимъ мужествомъ ободрилъ измученную боемъ команду. Одновременно тенгинцы дружно ударили въ штыки и окончательно вырвали побѣду изъ рукъ непріятеля. Съ этой минуты перевѣсъ былъ на нашей сторонѣ.

Горцы были выбиты, но не хотѣли еще признать себя побѣжденными и окружали полуразрушенную и пылающую станицу. Они нѣсколько разъ снова пытались сломить оборону; но защитники, число которыхъ не превышало семисотъ человѣкъ, успѣ-

ли отбить эти атаки. Наконецъ одинъ за другимъ стали прибывать съ дальнихъ кордоновъ отряды, поднятые тревогой по линіи. Первымъ послѣ тенгинцевъ явился съ 150-ю казаками войсковой старшина Шпилевой. Онъ ударилъ съ тыла на конныхъ горцевъ и отбросилъ ихъ отъ восточной части станицы. Тогда перешли въ наступленіе сами осажденные и стали гнать за Кубань оторопѣвшаго непріятеля. Горцы отстрѣливались и, подбирая раненыхъ и убитыхъ, спѣшили укрыться въ лѣсу.

Только къ развязкѣ дѣла подоспѣлъ генералъ Зассъ, прискакавшій на выстрѣлы изъ Усть-Лабинской крѣпости. Вмѣстѣ съ полковникомъ Зенченко онъ преслѣдовалъ непріятеля далеко за Кубань, вплоть до аула корнета Пшемафо Дезкозіоко и, не найдя тамъ жителей, приказалъ сжечь аулъ.

Въ этомъ сраженіи мы потеряли убитыми: одного офицера и 31-го нижняго чина (въ томъ числѣ убитъ Тенгинскаго полка одинъ унтеръ-офицеръ и два рядовыхъ) и ранеными: одного офицера и 48 нижнихъ чиновъ (Тенгинскаго полка ранено 5 человѣкъ). Кромѣ того, убито изъ васюринскихъ жителей 11 мужчинъ и 13 женщинъ, ранено 9 мужчинъ и 4 женщины, и 30 женщинъ и дѣтей попали въ плѣнъ. Горцы потеряли болѣе 500 человѣкъ.

Генералъ-лейтенантъ Завадовскій съ чрезвычайною похвалою отзывался о мужествѣ и распорядительности полковника Зенченко, войсковыхъ старшинъ Ярошенко и Шпилевого, маіора Тенгинскаго полка Маслова и поручика Скачевскаго *).

Неудача, которую горцы потерпѣли при нападеніи на сел. Васюринское, не охладила ихъ предпріимчивости. Удобство переправы черезъ обледенѣвшую Кубань, а также отсутствіе на Кара-Кубанской почтовой станціи и въ центрѣ, между Ольгинскимъ кордономъ и селеніями Полтавскимъ, Стеблеевскимъ и Ивановскимъ, наблюдательныхъ пикетовъ **), съ вышекъ кото-

*) За это дѣло получили: Масловъ—орденъ св. Станислава 2-й степ., украшенный короной, а Скачевскій—св. Анны 4-й степ. съ надписью «за храбрость». Нижнимъ чинамъ дано по 2 знака военнаго ордена на роту. Дѣло № 3, по 2-му отд. ген. шт. за 1842 г. Арх. шт. кавк. воен. окр.; Акты кавк. арх. ком. т. 9, ст. 369.

**) О необходимости этихъ наблюдательныхъ пикетовъ полковникъ Хлюпинъ писалъ только послѣ того, какъ горцы произвели дерзкое нападеніе на курень Ивановскій утромъ 24-го января. Исход. журн. Тенгинскаго полка за 1842 г.

рыхъ казаки могли бы заблаговременно замѣтить движеніе непріятеля, соблазняли горцевъ на новыя нападенія. Они мѣтили не только на укрѣпленія первой линіи, но даже и на селенія, расположенныя значительно далѣе.

Въ то время, какъ партія горцевъ, совершившая набѣгъ 23-го января, уже удалилась и съ наступленіемъ ночи тревога на линіи умолкла, другая партія, численностью до двухъ тысячъ человѣкъ, въ ту же ночь, съ 23-го на 24-е января, переправилась черезъ Кубань и проникла въ Красный лѣсъ, находящійся между Ольгинскимъ укрѣпленіемъ и сел. Ивановскимъ. Отсюда по оврагу, идущему параллельно большой дорогѣ, она скрытно приблизилась къ селенію Ивановскому, гдѣ расположенъ былъ штабъ Тенгинскаго полка. Ночью горцы не рѣшались напасть на станицу, такъ какъ знали, что не застанутъ врасплохъ гарнизонъ. Дѣйствительно, полковникъ Хлюпинъ заблаговременно принялъ всѣ мѣры, необходимыя для охраненія полкового штаба. Онъ вооружилъ, кромѣ строевыхъ ротъ, всѣхъ нижнихъ чиновъ нестроевой, инвалидной командъ и даже музыкантовъ и на случай тревоги, назначилъ всѣмъ пункты для сбора днемъ и дома для совокупнаго размѣщенія на ночь. Жители, имѣвшіе оружіе, также были привлечены къ оборонѣ; улицы забаррикадированы возами и бревнами. Такимъ образомъ, Хлюпинъ могъ дать отпоръ какому угодно непріятелю и даже преслѣдовать его съ отрядомъ человѣкъ въ триста, не обнажая своего тыла. «Только два мѣстныя легкія полевыя орудія,—писалъ полковникъ Хлюпинъ,—находятся въ крайне разстроенномъ состояніи: прислуга при нихъ не совсѣмъ свѣдуща; колеса и лафеты при движеніи угрожаютъ разрушеніемъ; снаряды негодны и ихъ мало» *). Но просьба о присылкѣ новыхъ полевыхъ орудій запоздала.

Въ девятомъ часу утра, жители станицы уже выгнали скотъ на пастьбу; караулы, выставленные въ разныхъ мѣстахъ наночь, разошлись по своимъ казармамъ. Этимъ воспользовались горцы, и вся двухтысячная толпа стремительно бросилась изъ оврага къ

*) Рапортъ Хлюпина генералъ-лейтенанту Завадовскому отъ 30-го января 1842 г. № 378. Исхох. журн. Тенгинскаго полка за 1842 г.

селенію; горцы захватили скотъ, нѣсколькихъ человѣкъ, бывшихъ при немъ, и старались проникнуть въ улицы, чтобы ограбить дома жителей; но въ этотъ моментъ раздались выстрѣлы караульныхъ солдатъ, барабанъ ударилъ тревогу, и всѣ команды Тенгинскаго полка, вмѣстѣ съ вооруженными жителями, бросились на назначенныя имъ заранѣе мѣста. Нѣсколько выстрѣловъ картечью изъ двухъ орудій и дружный отпоръ тенгинцевъ сразу охладили непріятеля, и онъ началъ быстро отступать къ Кубани съ захваченною добычею. Полковникъ Хлюпинъ взялъ 160 человѣкъ тенгинцевъ, 35 казаковъ съ двумя орудіями и выступилъ по пятамъ уходившаго непріятеля. Онъ надѣялся, что на кордонной линіи уже извѣстно о переправѣ горцевъ и что въ тылу у нихъ соберется отрядъ нашихъ войскъ.

Горцы спѣшили къ переправѣ, стараясь пройти между Ольгинскимъ и Черноѣрскимъ кордонами; путь ихъ былъ усѣянъ павшей отъ спѣшнаго бѣгства скотиной. Но ожиданія помощи со стороны кордонной линіи были тщетны; самъ же Хлюпинъ со своею горстью не рѣшился напасть на двухтысячную толпу. Горцы потянулись къ переправѣ, прикрывъ себя арьергардомъ, который очень искусно перешелъ въ наступленіе и тѣмъ далъ возможность главнымъ своимъ силамъ, со всею добычею, уйти благополучно. Непріятель совсѣмъ скрылся изъ вида, тогда только показался отрядъ казаковъ, подъ командою войскового старшины Завадовскаго, который сообщилъ, что число горцевъ значительно увеличилось, и они уже заняли переправу. Хлюпину ничего не оставалось дѣлать, какъ возвратиться обратно. Набѣгъ горцевъ былъ удаченъ; они захватили трехъ рядовыхъ Тенгинскаго полка, десять малолѣтнихъ пастуховъ, три пары ротныхъ артельныхъ воловъ, до 250-ти головъ рогатаго скота и до 350-ти овецъ *).

Подобный успѣхъ, конечно, долженъ былъ ободрить горцевъ. Каждый день лазутчики стали приносить извѣстія, что на Кубани собираются значительныя силы непріятеля; поэтому весь черноморскій округъ находился въ напряженномъ состояніи, каж-

*) Дѣло № 3, ч. I, по 2-му отд. ген. шт. за 1842 г., Арх. шт. кав. воен. окр. Рапортъ полковника Хлюпина отъ 25-го января. Дѣло полк. архива.

лый часъ ожидая нападенія. По свѣдѣніямъ, непріятель намѣревался одновременно разгромить селенія Петровское и Полтавское, которыя были заняты ротами 2-го баталіона Тенгинскаго полка. Полковникъ Хлюпинъ еще 31-го января извѣстилъ командира этого баталіона, подполковника Голубицкаго-Лебединскаго, о готовящемся нападеніи горцевъ и приказалъ привести обѣ станицы въ оборонительное положеніе и возможно чаще высылать конные разъѣзды для развѣдыванія *).

Такое тревожное ожиданіе длилось цѣлую недѣлю до 6-го февраля. Въ этотъ день лазутчикъ далъ знать командующему черноморской линіей генералъ-лейтенанту Завадовскому, что огромное сборище шапсуговъ и натухайцевъ двинулось къ Кубани. Генералъ Завадовскій немедленно приказалъ принять слѣдующія мѣры обороны:

«1) Командиру 2-го баталіона Тенгинскаго пѣхотнаго полка, подполковнику Голубицкому-Лебединскому, квартирующему въ селеніи Полтавскомъ, съ двумя ротами мужественно держаться противъ непріятеля до прибытія командъ нашихъ.

2) Стеблеевскому куренному атаману выслать къ Полтавскому селенію конныхъ жителей, которымъ стараться развлекать непріятеля.

3) Командиру 5-го коннаго полка, по первому выстрѣлу на Кубани, двинуться кратчайшимъ путемъ изъ Копыльскаго поста къ сел. Полтавскому съ 4-мя орудіями и 400-ми казаковъ и стараться внезапно ударить на горцевъ изъ камышей.

4) Командиру 8-го коннаго полка войсковому старшинѣ Завадовскому съ 600-ми казаковъ и двумя взводами конной артиллеріи выйти изъ укр. Ольгинскаго и стать на сообщеніяхъ непріятеля, напирая на него по пятамъ, если оный пойдетъ къ Полтавскому.

5) Командиру 11-го коннаго полка, полковнику Пшекую Могукорову, изъ Марьинскаго селенія поспѣшить на путь движенія непріятеля съ 260-ю тенгинцевъ, 450-ю казаковъ, 3-мя орудіями и быть резервомъ войсковому старшинѣ Завадовскому.

*) Предписаніе подполк. Голубицкому-Лебединскому отъ 31-го января 1842 г. № 383 и отъ 6-го февраля № 506. Полковой архивъ. Исход. журн. 1842 года.

6) Командиру Тенгинскаго пѣхотнаго полка, полковнику Хлюпину, обезпечивъ Ивановское селеніе, выступить съ 350-ю человѣкъ при двухъ 3-хъ-фунтовыхъ орудіяхъ до Каракубанской почтовой станціи, откуда двигаться по мѣрѣ надобности.

Вообще же всѣ команды, при отступленіи непріятеля, обязаны быстро и дѣятельно преслѣдовать его, сохраняя сколь возможно между собою взаимную связь» *).

Лазутчики не обманули. Передъ разсвѣтомъ 7-го февраля горцы перешли по льду черезъ Кубань между Ольгинскимъ и Славянскимъ постами, оставивъ сильный пѣхотный отрядъ на переправѣ и нѣсколько конныхъ партій на пути отступленія; остальная конница, въ числѣ не менѣе шести тысячъ человѣкъ, быстро двинулась къ Полтавской станицѣ и напала на нее съ двухъ сторонъ.

Тенгинцы уже ждали враговъ и потому удачно отразили ихъ первый ожесточенный натискъ. Тогда горцы, не обращая вниманіе на залпы 4-хъ орудій, стали постепенно окружать селеніе, чтобы выбрать удобнѣйшій пунктъ для новаго нападенія. Въ это время съ одной стороны показались конные жители селенія Стеблеевскаго, а съ другой—изъ камышей появился подполковникъ Павленко, который лихо развернулся и открылъ противъ резерва закубанцевъ огонь изъ 3-хъ орудій; въ то же время далеко въ тылу послышались выстрѣлы войскового старшины Завадовскаго и полковника Хлюпина.

Непріятель смѣшался и бросился отступать во всѣ стороны, заботясь только о томъ, чтобы какъ нибудь спастись, но спасенія не было. Подполковникъ Голубицкій-Лебединскій выступилъ съ ротами изъ селенія и поражалъ горцевъ мѣткими залпами. Въ это время подоспѣлъ Завадовскій, и его конница бросилась въ рукопашную. Горцы поняли, что попали въ ловушку; обезумѣвъ отъ ужаса, теряя множество убитыми и ранеными, они бросились обратно къ переправѣ, но тутъ ихъ поджидалъ, съ тремя ротами 3-го баталіона Тенгинскаго полка и казаками, Могукоровъ, который довершилъ полное пораженіе непріятеля.

*) Дѣло № 3, ч. I, 2-го отд. генер. шт. за 1842 г. Арх. шт. кавк. воен. окр.

Одинъ полковникъ Хлюпинъ не успѣлъ принять участія въ наказаніи закубанцевъ. Когда поднялась тревога, онъ прошелъ бѣглымъ шагомъ безъ отдыха двѣнадцать верстъ по лѣвой сторонѣ почтовой дороги, спѣша къ Каракубанской почтовой станціи, гдѣ надѣялся перерѣзать дорогу горцамъ, но не успѣлъ въ этомъ, и его дѣло довершилъ полковникъ Пшекуй Могукоровъ

Погромъ горцевъ былъ ужасный. Кромѣ увезенныхъ, утонувшихъ и раненыхъ, на мѣстѣ осталось 56 непріятельскихъ тѣлъ, въ камышахъ найдено 53, и нами захвачено 113 лошадей, 86 ружей, 49 пистолетовъ, 92 шашки, 41 кинжалъ и 1 значекъ *).

Между тѣмъ партія горцевъ, разгромившая 23-го января Васюринскую станицу, сосредоточилась за р. Бѣлой; она еще болѣе усилилась и готовилась къ новымъ набѣгамъ. Для наказанія и разсѣянія этихъ хищниковъ генералъ-лейтенантъ Зассъ, съ отрядомъ изъ $3^1/_2$ баталіоновъ пѣхоты (въ число которыхъ входило двѣ роты 5-го баталіона Тенгинскаго полка), 10-ти орудій и двухъ тысячъ казаковъ, выступилъ 3-го февраля изъ ст. Ладожской и, пройдя въ одну ночь около 70-ти верстъ, переправился черезъ Лабу по льду, а черезъ Бѣлую въ бродъ и разорилъ нѣсколько ауловъ, захвативъ множество лошадей, рогатаго скота и баранты. Послѣ этого, генералъ Зассъ расположилъ свой отрядъ, утомленный труднымъ походомъ, лагеремъ на р. Денъ-Жу **).

Давно не испытывали закубанцы подобныхъ пораженій и на два мѣсяца перестали тревожить своими нападеніями линію. По тогдашнимъ временамъ это былъ слишкомъ продолжительный срокъ для отдыха, и русское населеніе понемногу стало оправляться отъ безпрестанныхъ тревогъ, испытанныхъ передъ этимъ.

Жизнь тенгинцевъ также начала принимать болѣе правильное теченіе, и полковникъ Хлюпинъ могъ заняться устройствомъ своего полка. Но тутъ ему встрѣтилось тѣ же препятствія что

---

*) За отличіе оказанное офицерами Тенгинскаго полка въ этомъ дѣлѣ, пожаловано полковн. Хлюпину—св. Анны 2-й ст., подпол. Голубицкому-Лебединскому—св. Станислава 2-й ст., маіору Саско—св. Владиміра 3-й ст., капитану Новицкому и шт.-кап. Стошѣ—св. Станислава 3-й ст., шт.-кап. Хлюпину—св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ.

**) Дѣло № 3, ч. I, 2-е отд. генер. шт. за 1842 годъ. Арх. шт. кавк. воен. окр.

и раньше—это разбросанность баталіоновъ. Роты перваго баталіона были расположены въ селеніяхъ Гаманскаго полуострова, пятый же баталіонъ въ ст. Усть-Лабинской и Кавказской. Только къ 20-му апрѣля 1842 года Хлюпину удалось получить разрѣшеніе перевести двѣ роты 1-го баталіона на квартиры въ сел. Полтавское, оттуда же двѣ роты 2-го баталіона съ баталіоннымъ штабомъ—въ сел. Старовеличковское, а квартиру 3-го баталіона—въ сел. Мышастовское *).

Не обращая вниманія на эти препятствія, Хлюпинъ энергично принялся за повѣрку ротнаго хозяйства. Онъ старался упорядочить отчетность и улучшить довольствіе солдатъ. Еще въ концѣ 1841 года ему удалось истребовать отъ казны недоданныя въ роты порціонныя деньги на добавочное мясо за время стоянки въ укрѣпленіяхъ черноморскаго побережья **). Затѣмъ онъ открылъ, что въ нѣкоторыхъ ротахъ собрались большія артельныя суммы, сберегавшіяся въ денежныхъ ящикахъ; онъ потребовалъ тогда, чтобы ротные командиры оставили у себя только отъ 250-ти до 300 рублей серебромъ, а остальныя деньги немедленно сдали въ государственный банкъ или въ ломбардъ для приращенія процентами съ тѣмъ, чтобы въ началѣ каждаго года получать эти проценты и раздавать нижнимъ чинамъ непремѣнно на руки прежде вывода войскъ въ экспедиціи ***). Провѣряя въ ротахъ приходъ и расходъ денежныхъ суммъ, Хлюпинъ нашелъ много несообразностей. Такъ напримѣръ, деньги не были переведены на серебро и весь счетъ дѣлался на ассигнаціи; книги велись не по одинаковой формѣ; расходы дѣлались непозволительные, такъ что въ одномъ изъ своихъ приказовъ онъ писалъ: «вообще видно, что въ ротахъ мало извѣстны, какъ цѣль учрежденія солдатскихъ суммъ, такъ и порядокъ ихъ составленія и расходованія» ****). И дѣйствительно, ему пришлось наталкиваться на такія записи въ книгахъ, которыя гласили, что въ такой-то ротѣ для празднованія ротнаго праздника куплено муки пшенич-

*) Полковой архивъ. Исход. журн. 1842 г.
**) Приказъ по Тенгинскому полку отъ 14-го августа 1841 года.
***) Приказъ по полку отъ 6-го января 1842 года.
****) Приказъ по полку отъ 17-го января 1842 года.

ной, рому, донского вина и проч., что было, конечно, пріобрѣтено не для нижнихъ чиновъ. Подобные расходы подвергались строгому порицанію со стороны командира полка, и онъ не разъ убѣждалъ ротныхъ командировъ расходовать артельныя суммы исключительно на нужды нижнихъ чиновъ, а остатки обращать въ экономію. Для того же, чтобы улучшить пищу нижнихъ чиновъ, онъ старался распространить въ ротахъ разведеніе огородовъ, выхлопотавъ у наказнаго атамана Черноморскаго казачьяго войска цѣлыя угодья земель по близости ротныхъ стоянокъ, и тамъ разводились капуста, картофель, бураки, лукъ, чеснокъ и др.; при этомъ строго запрещалось увлекаться въ другую сторону сельскаго хозяйства, т. е. засѣваніемъ овса и другихъ хлѣбовъ, которые приносили мнимую пользу, требовали людей для ихъ воздѣлыванія и лишали роты полезныхъ овощей *).

Вслѣдъ затѣмъ Хлюпинъ обратилъ свое вниманіе на санитарное состояніе полка, которое продолжало быть неудовлетворительнымъ. Люди, изстрадавшіеся и измученные за четыре предшествовавшіе года безпрерывными экспедиціями и сидѣніями въ гарнизонахъ черноморскихъ укрѣпленій, никакъ не могли оправиться отъ лихорадокъ, брюшныхъ заваловъ, цынги, ревматизма, водянки, захваченныхъ тамъ и не излѣченныхъ въ госпиталяхъ. Полковой лазаретъ помѣщался въ тѣсномъ, низкомъ, ветхомъ и сыромъ зданіи; врачей было всего два; другіе два находились въ командировкахъ; въ случаѣ ихъ болѣзни полкъ, разбросанный на огромномъ пространствѣ, оставался вполнѣ безпомощнымъ; полковой лазаретъ пришлось бы закрыть, такъ какъ и въ фельдшерахъ ощущался страшный недостатокъ **). Своими просьбами о пополненіи недостающихъ врачей и фельдшеровъ въ полку, Хлюпинъ буквально осаждалъ начальство и въ то же время съ началомъ весны готовился приступить къ постройкѣ новаго лазарета, для чего испросилъ разрѣшеніе у Завадовскаго произвести вырубку необходимаго количества лѣса на лѣвой сто-

*) Предписаніе Хлюпина баталіоннымъ командирамъ отъ 2-го апрѣля 1842 г. № 1598. Полковой архивъ.

**) Полковой архивъ. Исход. журн. 1842 года. Отношеніе Хлюпина къ старшему доктору войскъ кавк. линіи, 16-го февраля 1842 г. № 667.

ронѣ Кубани, а также вымѣнять у горцевъ на Великолагерномъ мѣновомъ дворѣ разнаго сорта строевого лѣса за 250 пудовъ экономической соли.

Также серьезно и заботливо относился Хлюпинъ къ обмундированію и снаряженію солдатъ. Онъ, какъ старый опытный кавказецъ, зналъ, что въ походѣ для солдата самое главное, это удобная и теплая одежда и легкое снаряженіе, поэтому всѣ его распоряженія всегда бывали наполнены наставленіями, главнымъ образомъ, о хорошемъ обмундированіи солдатъ. Въ полковомъ архивѣ сохранился документъ, въ которомъ высказаны его взгляды по вопросу обмундированія и снаряженія, не лишенные и теперь интереса.

Въ 1842 году начальникамъ отдѣльныхъ частей было предписано изложить свои мнѣнія о томъ, какая форма одежды и какое снаряженіе и вооруженіе наиболѣе удобны для солдатъ кавказской арміи. Полковникъ Хлюпинъ также представилъ свой проектъ *):

«Въ продолженіе многократныхъ экспедицій за Кубанью противъ горцевъ я опытомъ убѣдился, что настоящее обмундированіе, т. е. мундиръ съ панталонами и шинель, самые удобные и полезные для солдата; нужно только, чтобы одежда эта была сшита полно и свободно, безъ обтяжки. Во время походовъ лѣтомъ нижніе чины обыкновенно всегда почти идутъ въ мундирахъ, потому что свободно и легко. Осенью и зимою сверхъ мундировъ надѣваютъ шинели, подвязывая ихъ полы для легкости кверху. Такъ какъ экспедиціи на Кавказѣ начинаются раннею весною и продолжаются до глубокой осени, часто-же бываютъ и зимой,—такъ что солдаты большую часть времени проводятъ на бивуакахъ, часто подъ дождемъ, не имѣя времени перемыться, обсушиться; при постройкѣ укрѣпленій лѣтомъ, по случаю жары, въ одной рубашкѣ носятъ на плечахъ землю, строительный лѣсъ, провіантъ, дрова и пр.; а въ горныхъ экспедиціяхъ на одномъ переходѣ разъ по шести или семи переходятъ въ бродъ рѣчки и, нерѣдко ради поспѣшности, подъ огнемъ непріятеля переходятъ прямо въ сапогахъ,—поэтому я нахожу необходимымъ: выдавать солдатамъ короткіе полушубки, которые можно надѣвать подъ шинель; отпускать имъ третью рубашку натурою, такъ какъ на 78 копеекъ, выдаваемыхъ солдатамъ, теперь невозможно имѣть три рубашки и, наконецъ, прибавить къ двумъ парамъ казенныхъ сапогъ еще третью, съ длинными голени-

*) Полковой архивъ. Рапортъ Хлюпина отъ 19-го іюля 1842 годъ.

щами, которыя могли бы застегиваться ремешкомъ выше колѣнъ. Великая необходимость этихъ предметовъ видна изъ того, что всѣ нижніе чины пріобрѣтаютъ ихъ на собственныя деньги. Затѣмъ я полагаю, и это мнѣніе основываю на данныхъ, пріобрѣтенныхъ опытомъ, что положенный нынѣ овчинный папахъ ничѣмъ лучшимъ незамѣнимъ для войскъ кавказскаго корпуса.

Шапка эта, хорошо выстеганная, никогда не ломается, можетъ быть удобно свернута и положена куда угодно. Никакая суконная фуражка, по мнѣнію моему, не превзойдетъ удобствъ и тѣхъ выгодъ, какія доставляетъ папахъ, потому что фуражка скоро промокаетъ, рыжѣетъ, теряетъ видъ, сужи-вается и не находитъ на голову, а мокрая не сохраняетъ и тепла *).

Говоря о боевой амуниціи, я нахожу, что портупея и тесакъ вещи совершенно лишнія для кавказскаго солдата, въ походѣ никогда не употребляемыя; даже штыковыя ножны можно бы не имѣть, потому что здѣсь солдатъ, находясь всегда на военномъ положеніи, готовый для нападенія на непріятеля или для отраженія его, не долженъ отмыкать штыка, не исключая и пребыванія на квартирахъ. Ранецъ или, говоря другими словами, мѣшокъ кожаный необходимъ солдату для носки вещей и сохраненія ихъ. Сума съ патронами, конечно, тѣмъ болѣе необходима, и увеличеніе числа патроновъ на солдатѣ принесло бы большую пользу въ здѣшней войнѣ. Я полагаю достаточно прибавить къ 60-ти патронамъ еще 15, и помѣстить ихъ въ патронташѣ, сдѣланномъ изъ черной кожи. Ранецъ долженъ быть непремѣнно изъ телячьей кожи, потому что никакой другой матеріалъ не выдержитъ назначенія своего: изъ холста—скоро порвется, промокнетъ, и, наконецъ, лишитъ солдата его воинственнаго вида; черная юхтовая кожа не выдержитъ перемѣнъ погоды, скоро поломается и не прослужитъ даже четырехлѣтняго срока въ экспедиціяхъ. Манерка, солдату вещь необходимая, ибо нерѣдко случается сутки и болѣе идти безъ воды и, полагаю, оставить ее въ настоящемъ видѣ, разрѣшая солдату въ походѣ снимать манерку съ ранца и пристегивать ее на боку.

Опытомъ доказано, что самое лучшее оружіе для пѣхотнаго солдата—ружье со штыкомъ, въ особенности, если онъ умѣетъ хорошо имъ владѣть, и потому всякое другое при этомъ оружіе было бы лишнее.

Въ заключеніе я осмѣливаюсь добавить мнѣніе мое тѣмъ, что по роду здѣшней войны полезно было бы бѣлую лосинную амуницію замѣнить черною, по образцу егерей».

Изъ этого проекта Хлюпина мы можемъ получить представленіе о томъ положеніи, въ какомъ находилось обмундированіе тенгинскихъ солдатъ, со всѣми его достоинствами и недостатками

*) Въ 1842 году командиръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса приказалъ почему-то пріостановить постройку папахъ и воспретилъ носить ихъ нижнимъ чинамъ и офицерамъ, замѣнивъ ихъ фуражками.

Что же касается до снаряженія, то оно было далеко неудовлетворительно. Такъ, въ одномъ изъ другихъ своихъ рапортовъ Хлюпинъ говоритъ, что ранцы и тесаки въ горныхъ экспедиціяхъ служатъ для солдатъ однимъ лишь обремененіемъ. Обыкновенно, въ экспедиціяхъ солдаты не носили на себѣ ранцевъ; всѣ ихъ вещи, кромѣ патроновъ и небольшого количества сухарей, возились въ обозѣ, конечно, съ цѣлью облегчить солдатамъ трудные переходы по горамъ и лѣсамъ; ранцы же оставлялись въ штабъ-квартирахъ.

Впослѣдствіи, въ 1844 году *), начальникамъ частей было предложено представить въ корпусный штабъ образцы ранца или мѣшка, удобнаго для солдата. Въ Тенгинскомъ полку тогда былъ сшитъ кожаный мѣшокъ съ плечевыми ремнями, выдѣланными по черкесскому способу; въ мѣшкѣ этомъ помѣщались всѣ необходимыя для солдата въ походѣ вещи и на четыре дня сухарей. Пригонка его дѣлалась по образцу, существовавшему въ войскахъ до 1826 года, т. е. шинель, скатанная довольно плотно, длиною въ $2^1/_2$ аршина, связывалась концами вмѣстѣ плащевыми ремнями и надѣвалась черезъ лѣвое плечо, для чего лѣвый плечевой ремень, поддерживавшій мѣшокъ, проходя черезъ плечо, могъ прибавляться и убавляться, по мѣрѣ надобности, посредствомъ пряжекъ. Такой способъ пригонки ранцевого мѣшка давалъ солдату возможность во время марша, въ сильную жару освободивъ ремни, растегнуть воротникъ и нѣсколько пуговицъ мундира или шинели, а также надѣвать и снимать мѣшокъ удобно, скоро и безъ посторонней помощи **).

Образецъ этотъ и пригонка, выработанная въ Тенгинскомъ полку въ 1844 году, сильно напоминаютъ послѣдній способъ носки вещевого мѣшка, бывшій въ нашей арміи передъ замѣной ранца теперешними мѣшками.

Чтобы не лишить характеристику дѣятельности полковника Хлюпина возможной полноты, необходимо еще добавить нѣсколь-

---

*) Предписаніе отъ 5-го іюня 1844 г. № 464. Полк. арх.

**) Полковой архивъ. Исход. журн. Рапортъ Левковича ген.-лейт Гурко отъ 14-го августа 1844 г. № 2525.

ко свѣдѣній о состояніи въ то время полковой музыки и пѣвческаго хора.

Какъ только Хлюпинъ принялъ полкъ, тотчасъ же онъ постарался привести въ извѣстность, что̀ представляетъ изъ себя хоръ полковой музыки. Оказалось, что музыканты уже два года, т. е. 1840-й и 1841-й, совсѣмъ не занимались своимъ дѣломъ, и даже, вѣрнѣе, хора не существовало потому, что часть старыхъ музыкантовъ ушла въ отставку, часть была взята въ Ставрополь въ сборный хоръ, а часть остальныхъ была разсѣяна по госпиталямъ и лазаретамъ, и только немногіе оставались при штабѣ полка; но полковой капельмейстеръ Лавровъ, который еще съ 1830 года служилъ въ полку и о которомъ Хлюпинъ отзывался, что «хотя онъ не имѣетъ отличныхъ музыкальныхъ способностей, но достаточно понимаетъ свое дѣло и при усердіи весьма полезенъ», теперь былъ боленъ и лежалъ въ госпиталѣ, а безъ него заниматься было некому. Инструменты же находились въ такомъ состояніи, что «играя на нихъ, хорошіе музыканты могли окончательно разучиться». Между тѣмъ незадолго передъ этимъ, по волѣ Государя, сборный хоръ музыки 20-й пѣхотной дивизіи, игравшій до сего времени зимою въ Ставрополѣ, а лѣтомъ на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ, былъ расформированъ и разосланъ по полкамъ, а вмѣсто него должны были по очереди посылаться на воды полковые хоры **). Такимъ образомъ, въ полку нужно было образовать во что бы то ни стало музыкантскую команду, для чего полковникъ Хлюпинъ приказалъ полковому адъютанту поручику Кемферту принять полковую музыку въ свое непосредственное вѣдѣніе, оставивъ капельмейстеру только обученіе музыкантовъ. Затѣмъ были предприняты хлопоты о наймѣ хорошаго капельмейстера для двухъ полковъ Тенгинскаго и Навагинскаго, съ платой отъ обоихъ полковъ по 4000 руб. ассигнаціями въ годъ ***). Когда прибылъ новый капельмейстеръ—неизвѣстно, но новый полный хоръ инструментовъ былъ привезенъ изъ Москвы полковымъ казначеемъ

*) Рапортъ Хлюпина отъ 15-го марта 1841 г. Полковой арх.
**) Предписаніе командующаго войсками отъ 7-го марта 1841 года.
***) Полковой Архивъ. Приказъ по полку отъ 21 мая 1841 г.

поручикомъ Баженовымъ только въ февралѣ 1844 года. Въ это время хоръ тенгинской музыки состоялъ болѣе чѣмъ изъ 60-ти человѣкъ.

Что же касается до полковой «пѣвческой» команды, то Хлюпинъ въ концѣ 1841 года выписалъ ее изъ крѣпости Кавказской, помѣстилъ при штабѣ полка и самъ дѣятельно наблюдалъ за успѣшностью обученія. Въ то время она состояла изъ 3-хъ унтеръ-офицеровъ, 10-ти рядовыхъ и 20-ти кантонистовъ *); съ годами же увеличивалась, пополняясь мальчиками изъ полковой школы кантонистовъ, и совершенствовалась въ своемъ искусствѣ, доставляя немало наслажденія слушателямъ.

Образованіе нижнихъ чиновъ привлекало на себя наибольшую заботливость Хлюпина. Въ началѣ 1841 года онъ предписалъ ротнымъ командирамъ пользоваться каждымъ теплымъ днемъ для занятій съ солдатами одиночнымъ фронтовымъ ученьемъ и «цѣльною стрѣльбою», для которой «безъ всякой задержки» выдавались боевые припасы. Хлюпинъ очень серьезное значеніе придавалъ разсыпному строю. Онъ разослалъ всѣмъ баталіоннымъ командирамъ предписанія **), въ которыхъ настаивалъ, чтобы роты непремѣнно обучались разсыпному строю послѣ фронтового ученья, выправки, ружейныхъ пріемовъ, маршировки и пр. При этомъ онъ приводилъ точную выписку предметовъ, на которые должны были обратить вниманіе ротные командиры при обученіи солдатъ, а именно: «вызовъ застрѣльщиковъ, разсыпаніе, стрѣльба на мѣстѣ, движеніе всей цѣпи впередъ, вызовъ фланговыхъ цѣпей, стрѣльба въ цѣпи, отступленіе застрѣльщиковъ, соединеніе застрѣльщиковъ къ ротѣ, ротныя колонны, построеніе кучекъ въ цѣпи и въ такомъ случаѣ карре ротной колонны, стрѣльба въ цѣль и твердое знаніе сигналовъ».

Баталіонныхъ командировъ онъ *просилъ* ***) чаще повѣрять роты и ихъ занятія и требовать отъ каждаго подчиненнаго точнаго исполненія обязанностей, въ особенности отъ молодыхъ офи-

*) Воен.-Истор. отд., дѣло № 845.

**) Полк. Арх. Исх. журн. 1842 г. Предписанія Хлюпина за № 1619 отъ 2-го апрѣля 1842 г.

***) Приказъ по полку отъ 7-го января 1842 года.

церовъ,—«изъ которыхъ, къ сожалѣнію, многіе, говоря откровенно, рѣшительно не знаютъ обязанностей своихъ въ отношеніи фронтовой службы, тогда какъ это есть первое и необходимое для каждаго офицера условіе».

Но ни обстановка жизни по отдѣльнымъ штабъ-квартирамъ, ни родъ самой служебной дѣятельности не позволяютъ винить офицеровъ и солдатъ въ незнаніи строевой службы. Самъ Хлюпинъ, уже на третій годъ командованія Тенгинскимъ полкомъ, писалъ командующему войсками на кавказской линіи, что, не смотря на всевозможныя мѣры, какія предпринимались имъ къ усовершенствованію офицеровъ и нижнихъ чиновъ въ познаніи своего дѣла, онъ не достигъ благопріятныхъ результатовъ. Какія же могли быть занятія, когда баталіоны ежегодно съ марта мѣсяца выступали въ экспедицію, во время которыхъ некогда было думать о какихъ бы то ни было занятіяхъ; а по возвращеніи на зимнія квартиры въ глубокую осень, къ декабрю мѣсяцу, въ Черноморіи начиналась такая страшная распутица, что не было никакой возможности собирать части для общихъ фронтовыхъ занятій; кромѣ этого, баталіоны, находившіеся на кордонной линіи, зависѣли вполнѣ отъ начальника этой линіи, и командиръ полка не имѣлъ права располагать ими по своему усмотрѣнію, и весьма часто случалось, что рота ради военныхъ соображеній раздѣлялась на двѣ части и располагалась въ пограничныхъ станицахъ.

Въ то время не было еще выработано упрощенныхъ методовъ обученія, военная педагогія была разработана мало, и офицеры не занимались лично съ солдатами, поручая это дѣло «дядькамъ» и «опытнымъ» унтеръ-офицерамъ. Эти же, въ большинствѣ случаевъ малограмотные инструкторы, пріобрѣтали свои знанія долговременной службой и, считая «военную науку» верхомъ мудрости, затрудняли ея передачу личными измышленіями *).

*) Стоитъ вспомнить извѣстное толкованіе фейерверкера о ватерпасѣ (Л. Толстой—Рубка лѣса). Вообще чѣмъ замысловатѣе было объясненіе, тѣмъ оно считалось цѣлесообразнѣе. Напримѣръ, вопр.—Какъ долженъ стоять солдатъ во фронтѣ? Отв.—Солдатъ долженъ стоять во фронтѣ, подаваясь всѣмъ средствіемъ впередъ, отнюдь не опираясь на оное.

Вообще трудна была школа солдата. Не даромъ пѣлось въ старину.

А на службѣ ничего,
Только очень тяжело.
На ученіе ведутъ,
Сзади палокъ возъ везутъ...

Названіе «рекрутъ» сохранялось за молодымъ солдатомъ, пока онъ не «превосходилъ всю словесность» и ружейные пріемы, которые были очень сложны. Нерѣдко проходилъ годъ и болѣе, пока солдатъ переставалъ считаться молодымъ. Напримѣръ къ 1-му января 1841 года въ полку состояло 1352 человѣка рекрутъ, подлежащихъ обученію; послѣ девятимѣсячнаго обученія къ послѣдней сентябрьской трети того же года осталось 662 человѣка «малообученныхъ», 107 «посредственно» обученныхъ и только 583 хорошо обученныхъ рекрута *). Легко видѣть отсюда, какъ туго подвигалось это годичное «образованіе» рекрутъ.

Такое положеніе дѣла было не въ одномъ только Тенгинскомъ полку. Такъ какъ военныя дѣйствія шли безпрерывно по всей кавказской линіи, то и другіе кавказскіе полки находились въ этомъ отношеніи при одинаковыхъ условіяхъ. Это-то и вызвало необходимость учрежденія особой «резервной дивизіи» для войскъ кавказскаго отдѣльнаго корпуса и особыхъ 6-хъ резервныхъ баталіоновъ для Тенгинскаго, Навагинскаго и др. полковъ, о чемъ было уже сказано въ концѣ предыдущей главы.

По Высочайшему повелѣнію въ этихъ баталіонахъ и резервной дивизіи рекрутъ прежде всего обучали цѣльной стрѣльбѣ, оставляя пока одиночную выправку, и когда они пріучались владѣть оружьемъ, ихъ разсылали по полкамъ.

Для сформированія 6-го резервнаго баталіона Тенгинскаго полка назначены былъ изъ разныхъ полковъ, находящихся въ Россіи, 8 офицеровъ и 414 человѣкъ нижнихъ чиновъ (строевыхъ и нестроевыхъ), и командованіе этимъ баталіонамъ приказано было принять прибывшему къ резервной дивизіи изъ образцоваго полка, переведенному въ Тенгинскій полкъ, маіору Лапину **).

*) Полковой архивъ. Приказъ по полку отъ 10-го февраля 1842. Дѣло пол. арх. № 862, за 1841 годъ.

**) Приказъ по резервной дивизіи отъ 12-го января 1842 года. Дѣло № 20443. Центр. арх. при управл. начальн. владикавк. мѣст. бригады.

Между тѣмъ, въ виду предполагаемой въ 1842 году экспедиціи на черноморскомъ берегу, подъ начальствомъ генерала Анрепа, необходимо было немедленно пополнить ослабленные ряды кавказскихъ полковъ. Для Тенгинскаго полка, наиболѣе пострадавшаго въ экспедиціяхъ послѣднихъ двухъ лѣтъ, вслѣдствіе этого назначены были вторые баталіоны Брестскаго и Бѣлостокскаго полковъ, 13-й пѣхотной дивизіи. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1842 года оба эти баталіона, въ составѣ около 2000 человѣкъ, въ полномъ обмундированіи, снаряженіи и вооруженіи высадились въ городѣ Тамани.

Укомплектованный этими людьми, Тенгинскій полкъ имѣлъ бы тогда въ каждой изъ своихъ 20-ти ротъ по 250 человѣкъ. Но для того, чтобы принять эти баталіоны, встрѣтилось много препятствій. Самое главное состояло въ томъ, что командиръ Тенгинскаго полка ни въ какомъ случаѣ не могъ командировать въ Тамань достаточнаго числа офицеровъ для принятія прибывшихъ людей и командованія ими вплоть до того времени, когда Тенгинскій полкъ самъ выступитъ въ экспедицію на черноморское побережье. Отправить же теперь эти баталіоны изъ Тамани прямо въ Тенгинскій полкъ было невозможно, вслѣдствіе бездорожья и отдаленности штабъ-квартиры отъ Тамани.

Положеніе было, дѣйствительно, крайнее. Для командованія двумя баталіонами, или вѣрнѣе двумя тысячами человѣкъ, необходимо было по меньшей мѣрѣ два штабъ-офицера и 26 оберъ-офицеровъ, въ томъ числѣ 8 человѣкъ хорошихъ ротныхъ командировъ; между тѣмъ въ полку въ то время состояло налицо только пять штабъ-офицеровъ и 73 оберъ-офицера, изъ которыхъ двѣ трети было молодыхъ, безъ всякой еще опытности въ службѣ. Изъ наличныхъ офицеровъ, 18 находилось при 5-мъ баталіонѣ, откуда взять было нельзя, вслѣдствіе раздробленія баталіона и частыхъ командировокъ; сверхъ того, въ числѣ наличныхъ офицеровъ состояло 7 человѣкъ, со дня на день ожидающихъ увольненія въ отставку, два были въ отпуску и семь въ переводѣ въ другія команды. Такимъ образомъ, при первыхъ четырехъ баталіонахъ оставалось налицо: штабъ-офицеровъ 4,

оберъ-офицеровъ 40 (въ томъ числѣ семь должностныхъ); слѣдовательно, за откомандированіемъ половины этого числа для командованія двумя сводными баталіонами, остальные четыре баталіона оставались бы почти безъ офицеровъ.

Доводы эти были настолько серьезны, что генералъ Граббе испросилъ черезъ военнаго министра *) повелѣніе: оставить баталіоны Брестскаго и Бѣлостокскаго пѣхотныхъ полковъ въ дѣйствующемъ отрядѣ на черноморскомъ побережьи съ временныхъ ихъ наименованіемъ—вторыми сводными баталіонами Тенгинскаго полка **).

Въ началѣ февраля прибылъ въ Черноморію флигель-адъютантъ полковникъ Катенинъ, командированный сюда по Высочайшему повелѣнію, чтобы произвести «подробнѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ» смотръ Тенгинскому полку съ цѣлью удостовѣриться, можно ли отправить этотъ полкъ на черноморскую береговую линію для усиленія дѣйствующаго отряда, и опредѣлить по совѣщанію съ полковымъ командиромъ, полковникомъ Хлюпинымъ, къ какому времени и въ какомъ составѣ Тенгинскій полкъ можетъ быть присоединенъ къ этому отряду ***).

Полковникъ Катенинъ началъ осматривать тенгинскія роты въ ихъ квартирахъ съ 8-го апрѣля и окончилъ 13-го. Вездѣ онъ нашелъ, что «нижніе чины одѣты опрятно, всѣ вещи имѣютъ сполна, но въ фронтовыхъ упражненіяхъ и въ разсыпномъ строю не совсѣмъ тверды» ****).

Относительно же готовности полка къ походу, полковникъ Катенинъ писалъ военному министру въ своемъ донесеніи (которое онъ передъ отправленіемъ прочиталъ Хлюпину), что «не смотря на то, что люди имѣютъ бодрый и веселый видъ и замѣтно начинаютъ поправляться здоровьемъ, но слѣды продолжительныхъ болѣзней, перенесенныхъ на береговой линіи въ теченіи прошлаго 1841 года, еще не изгладились и много есть еще

*) Арх. шт. кавк. воен. окр. Дѣло № 58.
**) Полковой архивъ. Исход. журн. 1842 г.
***) Отношеніе воен. мин. къ ком. отдѣльнымъ кавк. корпусомъ отъ 7-го марта 1842 г. № 1753. Дѣло № 69. Арх. шт. кавк. воен. окр.
****) Рапортъ Хлюпина начальнику 20-й пѣхотной дивизіи отъ 17-го апрѣля 1842 г. № 1936. Полк. арх. Исход. журн. 1842 г.

людей слабыхъ ногами, съ опухолью, съ брюшными завалами, съ началомъ водянки и пр.»; почему инспектирующій полагалъ необходимымъ дать полку отдыхъ, во первыхъ для того, чтобы люди успѣли укрѣпиться, собраться изъ госпиталей и поправиться здоровьемъ, во вторыхъ—для обмундированія, которое по недостатку въ полку портныхъ, далеко еще не окончено. И если бы, не смотря на изложенныя причины, обстоятельства потребовали двинуть полкъ въ отрядъ генералъ-маіора Анрепа, то это можно было сдѣлать не прежде, какъ въ концѣ іюня или въ началѣ іюля мѣсяца, но въ составѣ только четырехъ баталіоновъ, каждый съ 56-ю унтеръ-офицерами и 400-ми рядовыхъ *).

Вообще этотъ смотръ опять показалъ, что въ Тенгинскомъ полку есть еще много недостатковъ, которые придется исправлять. Главнымъ же образомъ при этомъ смотрѣ обнаружилось полнѣйшее незнаніе службы офицерами. Черезъ два дня послѣ отъѣзда полковника Катенина, Хлюпинъ отдалъ приказъ по полку, въ которомъ не поскупился на замѣчанія: «Полковникъ Катенинъ объ осмотрѣ полка сдѣлалъ вообще замѣчаніе, что въ фронтовомъ образованіи роты еще слабы и требуютъ большого упражненія; въ особенности упущено стрѣлковое ученье, которое здѣсь, по роду войны, должны твердо знать всѣ солдаты;—что многіе гг. офицеры, не исключая даже ротныхъ командировъ, не знаютъ своего дѣла, а двое изъ нихъ (слѣдуютъ фамиліи)—меньше, чѣмъ ничего. Также во многихъ ротахъ унтеръ-офицеры, въ особенности изъ дворянъ и вольноопредѣляющихся, не тверды въ познаніяхъ.... Не могу умолчать еще о томъ, что нѣкоторые гг. офицеры—не хочу назвать ихъ поимянно—по неимѣнію форменныхъ офицерскихъ вещей, а другіе, быть можетъ, по совершенному незнанію фронтовой службы, уклонились отъ смотра полковника Катенина подъ предлогомъ болѣзни. Я обязываюсь предупредить ихъ, что они мало выиграютъ по службѣ, если будутъ вести себя такъ».

Со времени смотра полковника Назимова прошелъ годъ, но

*) Рапортъ Хлюпина начальнику 20-й пѣхотной дивизіи отъ 17-го апрѣля 1842 г. за № 1935. Полковой архивъ. Исходящій журналъ за 1842 годъ.

**) Приказъ по Тенгинскому полку отъ 16-го апрѣля 1842 г. Полковой архивъ.

суровая обстановка полкового быта не измѣнилась, не измѣнились и результаты, вызванные неблагопріятными условіями и опять ярко обнаружившіеся на смотру Катенина. Поэтому-то полковникъ Хлюпинъ, хотя онъ и являлся отвѣтчикомъ за всякій недочетъ въ полку, въ приказахъ своихъ отнесся къ виновнымъ скорѣе съ отеческимъ упрекомъ, чѣмъ съ начальническимъ строгимъ внушеніемъ.

Между тѣмъ откровенный и справедливый докладъ полковника Катенина возъимѣлъ свое дѣйствіе, и военный министръ уже 15-го мая писалъ *) командующему отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, что Государь Императоръ разрѣшилъ Тенгинскій полкъ оставить для отдохновенія и устройства въ Черноморіи на цѣлое лѣто, предоставивъ генералъ-лейтенанту Завадовскому употреблять этотъ полкъ въ помощь черноморскимъ казакамъ для подкрѣпленія линіи лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, и только къ 1-му августа въ 4-хъ-баталіонномъ составѣ отправить въ отрядъ генерала Анрепа. Такимъ образомъ, на это лѣто относительное спокойствіе и отдыхъ тенгинцевъ были обезпечены.

Въ концѣ мая въ полку вдругъ было получено извѣстіе, что военный министръ, по возвращеніи изъ Закавказья, послѣ 20-го іюня будетъ осматривать новую лабинскую линію, а оттуда можетъ заѣхать въ крѣпости Кавказскую и Усть-Лабинскую, гдѣ стоялъ 5-й баталіонъ Тенгинскаго полка. Необходимо было приготовиться къ новому смотру. Для почетнаго караула военному министру Хлюпинъ приказалъ приготовить отъ 5-го баталіона сводную роту со знаменемъ, въ составѣ 3-хъ офицеровъ, 10-ти унтеръ-офицеровъ и 120-ти рядовыхъ, и постараться въ составъ этой роты выбрать лучшихъ людей, подобравъ ихъ по возможности «подъ лицо» **).

Черезъ нѣсколько времени бригадный командиръ, г.-м. Плешеевъ, произвелъ въ Кавказской крѣпости смотръ этой сводной ротѣ и нашелъ слѣдующее: «ранцы у солдатъ ветхіе, рем-

*) Арх. кавк. воен. округа, дѣло № 59, по 2-му отд. генер. штаба. Отношеніе военнаго министра командующему отд. кавказ. корпусомъ отъ 15-го мая 1842 года № 3475.

**) Полковой архивъ. Исх. журн. 1842 года, предписаніе командиру 5-го бат. отъ 31-го мая 1842 г. № 2487.

ни и крышки разнообразные, погонныя пряжки невычищенныя, амуниція порвана, съ распоранными лопастями, плацевые ремни дурно выбѣлены, многіе мундиры старые, даже на ординарцахъ и вѣстовыхъ папахи не пригнаны къ головамъ; много лѣтнихъ панталонъ сшиты узко и коротко; тесаки заржавлены и ножны поломаны»... *). Картина была крайне неутѣшительная для командира полка, особенно наканунѣ пріѣзда военнаго министра, тѣмъ болѣе, что не предвидѣлось даже возможности исправить всѣ погрѣшности, такъ какъ люди ежедневно требовались то въ караулы, то въ распоряженіе коменданта крѣпости, то для конвоированія транспортовъ, и свободныхъ рукъ почти не оставалось. Хлюпинъ прибѣгъ тогда къ извинительной уловкѣ и выслалъ изъ штаба въ Кавказскую крѣпость для явки ординарцами двухъ офицеровъ и четырехъ хорошо одѣтыхъ нижнихъ чиновъ.

Почетные караулы были приготовлены на всякій случай еще въ трехъ мѣстахъ: въ гор. Екатеринодарѣ—3-я гренадерская рота со знаменемъ 3-го баталіона и полковой музыкой; въ штабѣ полка, станицѣ Ивановской—2-я гренадерская рота и на посту Петровскомъ—1-я гренадерская рота. Конечно для этой цѣли были выбраны самыя отличныя во всѣхъ отношеніяхъ роты, а такими въ Тенгинскомъ полку считались гренадерскія. Наконецъ, 22-го іюля военный министръ, проѣзжая черезъ крѣпости Кавказскую и Усть-Лабинскую, осмотрѣлъ двѣ сводныя роты, приготовленныя тамъ для почетнаго караула отъ 5-го баталіона Тенгинскаго полка и, вопреки всѣмъ мрачнымъ предсказаніямъ, эти роты оказались «во всѣхъ частяхъ и, въ особенности, въ отношеніи одежды весьма въ хорошемъ состояніи», такъ что военный министръ графъ Чернышевъ изъявилъ командиру полка свою полную благодарность **).

Военныя дѣйствія за Кубанью, между тѣмъ, шли своимъ чередомъ, но тенгинцы были такъ привычны къ постояннымъ схваткамъ съ горцами, что для нихъ только что миновавшіе неожиданные смотры инспектирующаго по Высочайшему повелѣ-

*) Исход. жур. за 1842 г. Полковой архивъ.
**) Полковой архивъ. Приказъ по полку отъ 31-го іюля 1842 года.

нію и военнаго министра были несравненно страшнѣе, чѣмъ любое внезапное нападеніе цѣлаго скопища шапсуговъ и абадзеховъ.

Съ начала апрѣля мѣсяца горцы начали собираться на верховьяхъ рѣки Джебіи съ цѣлью разграбить аулы хамышейскихъ князей, покорившихся русскимъ. Противъ ихъ четырехтысячнаго скопища былъ посланъ отрядъ изъ 250-ти казаковъ, учебной команды Навагинскаго полка, взвода артиллеріи и двухъ мушкетерскихъ ротъ Тенгинскаго полка: 12-й изъ Екатеринодара и 11-й изъ станицы Корсунской, подъ командою подполковника Борзика. Непріятель ускользнулъ отъ столкновенія съ этимъ отрядомъ, но вдругъ внезапно появился 6-го апрѣля, въ 8 часовъ утра, подъ самымъ гор. Екатеринодаромъ.

Генералъ-лейтенанту Завадовскому пришлось принять энергичныя мѣры: онъ прискакалъ на Байдачный постъ, приказалъ открыть по горцамъ огонь изъ полупудового единорога и быстро вызвалъ къ Екатеринодару съ ближайшихъ постовъ команды казаковъ съ полевыми орудіями. Отряду же подполковника Борзика, въ которомъ были двѣ тенгинскія роты, онъ послалъ приказаніе форсированнымъ маршемъ спѣшить на перерѣзъ пути отступленія непріятеля.

Окруженные со всѣхъ сторонъ и осыпаемые пушечными и ружейными снарядами, горцы оставили Екатеринодаръ и бросились на мирный аулъ прапорщика Науруза Шаманукова; разграбивъ его, они отступили. Подполковникъ Борзикъ съ тенгинцами и казаками, не смотря на пересѣченную мѣстность, прошелъ безъ отдыха въ четыре часа 25 верстъ и успѣлъ перерѣзать дорогу непріятелю. Скрывая свой отрядъ до послѣдней минуты въ камышахъ, онъ подпустилъ горцевъ на самое близкое разстояніе и бросился на нихъ; тенгинцы и навагинцы ударили въ штыки, казаки атаковали съ трехъ сторонъ, артиллерія открыла огонь картечью, и непріятель, бросивъ всю добычу, скрылся въ камышахъ, которые спасли его отъ окончательнаго разгрома *).

*) Архивъ штаба кавказ. воен. округа. Дѣло № 3, ч. I, 2-го отд. генер. шт. за 1842 годъ. За это дѣло штабсъ-капитанъ Мякининъ произведенъ въ капитаны. Получили знаки отличія

Шапсуги и абадзехи были раздражены этою неудачею. Они порѣшили на своихъ сходкахъ держать мирные закубанскіе аулы въ безпрерывной тревогѣ. Своими внезапными наѣздами и захватомъ въ плѣнъ мирныхъ жителей этихъ ауловъ они мѣшали имъ заниматься хлѣбопашествомъ. Это заставило генерала Завадовскаго собрать, подъ личнымъ своимъ начальствомъ, отрядъ войскъ и выступить съ нимъ на р. Псекупсъ. Здѣсь онъ предполагалъ простоять нѣкоторое время лагеремъ, прикрывая, такимъ образомъ, мирные аулы отъ набѣговъ горцевъ и предоставляя въ то же время возможность отряду отдохнуть и поправить здоровье людей въ этой прекрасной мѣстности на берегу Псекупса, съ чистымъ здоровымъ климатомъ и здоровой водой.

Тенгинскій полкъ по приказанію Завадовскаго долженъ былъ въ составѣ 4-хъ дѣйствующихъ баталіоновъ выступить изъ своихъ квартиръ 17-го іюня и 18-го къ вечеру прибыть въ Мостовое-Алексѣевское укрѣпленіе *).

18-го іюня отрядъ **), состоявшій изъ четырехъ баталіоновъ Тенгинскаго полка, 780-ти черноморскихъ и 700 донскихъ казаковъ и 14-ти орудій артиллеріи, подъ личнымъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Завадовскаго, переправился на лѣвый берегъ Кубани при Мостовомъ-Алексѣевскомъ укрѣпленіи, а 19-го, послѣ торжественнаго молебствія, двинулся черезъ земли мирныхъ хамышейцевъ къ рѣкѣ Псекупсу. Авангардомъ и всей кавалеріей командовалъ полковникъ Пшекуй Могукоровъ; главной колонной—полковникъ Хлюпинъ; арьергардомъ—подполковникъ Тенгинскаго полка Бардовскій; правымъ прикрытіемъ—войсковой старшина Косолапъ; лѣвымъ—подполковникъ Тенгинскаго полка Голубицкій-Лебединскій.

военнаго ордена: каптенармусъ Василій Федюшкинъ за № 77101, унтеръ-офицеръ Юлій Негри за № 77102 и рядовой Петръ Вегрилевичъ за № 77103. Унтеръ-офицеръ Иванъ Трофимовъ—единовременно 10 руб. серебромъ. Эти нижніе чины первыми бросились въ толпы горцевъ и увлекли своимъ примѣромъ всѣхъ остальныхъ солдатъ.

*) Составъ Тенгинскаго полка въ его 4-хъ дѣйствующихъ баталіонахъ: штабъ-офицеровъ—5, оберъ-офицеровъ—41, унтеръ-офицеровъ—213, музыкантовъ—104 и рядовыхъ—1617. Пятый баталіонъ находился по прежнему въ Усть-Лабинской и Кавказской крѣпостяхъ; при полковомъ же штабѣ на время экспедиціи оставалось около 800 челов. разныхъ командъ и ротъ: нестроевой, инвалидной, полковой учебной команды и др.

**) Журналъ командующаго черноморскою линіею съ 16-го по 30-е іюня 1842 г., дѣло №№ 3 и 80 по 2-му отд. генер. штаба за 1842 г. Арх. шт. кавк. воен. округа.

Возставшіе горцы знали уже о нашемъ движеніи и приняли, конечно, всѣ мѣры, чтобы затруднить его: они портили переправы, заваливали тропинки бревнами и изъ каждаго оврага и перелѣска встрѣчали отрядъ выстрѣлами; но тенгинцы и казаки выбивали ихъ изъ самыхъ крѣпкихъ мѣстъ.

Отрядъ двигался вверхъ по р. Псекупсу и 21-го іюня достигъ переправы Хусанохъ. Здѣсь Завадовскій рѣшилъ перейти на лѣвую сторону, но горцы стерегли эту переправу. Они заняли своей пѣхотой на правомъ берегу Псекупса лѣсъ и оврагъ, идущій къ рѣкѣ; а кавалеріей тревожили нашъ правый флангъ. Завадовскій приказалъ артиллеріи открыть огонь и направилъ въ атаку первую гренадерскую роту Тенгинскаго полка и первую сотню 8-го пѣшаго Пластунскаго полка. Обѣ роты смѣло пошли въ атаку, но были отбиты многочисленнымъ непріятелемъ; пришлось выслать еще двѣ роты тенгинцевъ и одну сотню казаковъ. Этой второй стремительной атакой горцы были выбиты изъ оврага и отброшены въ лѣсъ. Первый баталіонъ Тенгинскаго полка и двѣ сотни 8-го пѣшаго Черноморскаго полка немедленно заняли переправу; наши стрѣлки и пластуны перешли черезъ рѣку и разсыпались цѣпью на противуположной сторонѣ, а обозъ, тянувшійся въ одну повозку, сталъ постепенно переходить на лѣвый берегъ. Все это время горцы не прекращали огня и отъ времени до времени бросались въ шашки, но, конечно, ничего не могли сдѣлать *).

Поднявшись вверхъ по рѣкѣ еще версты три, отрядъ расположился лагеремъ при другой переправѣ, въ урочищѣ Челипъ. Въ то же время толпы пѣшихъ и конныхъ абадзеховъ съ распущенными значками двинулись дальше вверхъ по рѣкѣ, но русскихъ не тревожили, и отрядъ могъ отдохнуть послѣ трехдневнаго перехода.

Такимъ образомъ, цѣль движенія отряда отчасти достиглась —горцы были отвлечены вверхъ по Псекупсу, мирные же аулы хамышейцевъ могли теперь свободно заняться уборкой хлѣба на своихъ поляхъ.

*) Въ этомъ дѣлѣ тенгинцы потеряли убитыми 3-хъ человѣкъ и ранеными 19.

До 25-го іюня горцы не безпоконли насъ; ихъ толпы двигались на виду лагеря, но не подходили близко. По показаніямъ лазутчиковъ здѣсь собралось до 74-хъ значковъ, т. е. до 10-ти т. человѣкъ абадзеховъ, шапсуговъ и убыховъ; среди нихъ находился посланецъ Шамиля мулла, который увѣрялъ, что можетъ однимъ своимъ словомъ остановить выстрѣлы русскихъ пушекъ и потому совѣтовалъ горцамъ смѣло напасть на нашъ отрядъ и «разобрать» его по рукамъ. Завадовскій не сталъ дожидаться нападенія и рѣшилъ наказать горцевъ. Такимъ образомъ предстояло серьезное сраженіе.

25-го іюня утромъ въ лагерѣ былъ отслуженъ торжественный молебенъ о здравіи Государя Императора и послѣ парада отрядъ изъ 3-хъ баталіоновъ, $7^1/_2$ сотенъ казаковъ и 8-ми орудій выступилъ противъ непріятеля. Не пройдя и полуторы версты по разстилавшейся впереди равнинѣ, онъ встрѣтилъ уже передовые непріятельскіе отряды, которыми предводительствовалъ самъ князь Шеретлуко. Горцы смѣло бросились въ атаку, но тотчасъ же разсѣялись отъ огня нашей артиллеріи; отрядъ преслѣдовалъ ихъ вплоть до лѣса и, не углубляясь въ него, сталъ отходить назадъ къ лагерю. Оказалось, это была тактическая уловка горцевъ. Не успѣли мы отойти назадъ и двухъ верстъ, какъ цѣлыя тучи непріятеля совершенно окружили насъ на открытомъ мѣстѣ и атаковали со всѣхъ сторонъ. Полковникъ Хлюпинъ съ полнымъ присутствіемъ духа выдержалъ первый стремительный натискъ непріятеля и опрокинулъ его. Подчиненные были достойны своего начальника: поручикъ Кушелевъ съ 7-й мушкетерской ротой отразилъ самую бурную атаку; многіе офицеры, будучи ранены, не оставили своихъ мѣстъ, подавая этимъ примѣръ нижнимъ чинамъ. Солдаты, довольные тѣмъ, что пришлось имъ наконецъ помѣряться силами съ непріятелемъ въ открытомъ бою, дрались съ замѣчательнымъ мужествомъ. «Не помню случая,—говоритъ въ донесеніи объ этомъ дѣлѣ генералъ Завадовскій *),—чтобы горцы когда либо были такъ предпріимчивы и смѣлы, и такъ дерзки и отчаянны на открытой равнинѣ,

*) Рапортъ Завадовскаго отъ 7-го іюля 1842 г. № 202.

какъ въ это время. Послушные значкамъ своимъ, они съ дикимъ фанатизмомъ врывались въ наши цѣпи, бросались на баталіонныя колонны и, въ безразсудномъ обуяніи своемъ разобрать насъ по рукамъ, гибли во множествѣ». Цѣлый часъ отрядъ не могъ двинуться съ мѣста. Груды непріятельскихъ тѣлъ лежали со всѣхъ сторонъ, но страшныя потери не останавливали горцевъ. Наконецъ, отрядъ сталъ постепенно отходить къ лагерю, но непріятель все время шагъ за шагомъ, неотступно преслѣдовалъ его.

Общія наши потери въ этомъ бою были весьма значительны: убито нижнихъ чиновъ—10 чел., ранено и контужено: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 8, нижнихъ чиновъ 123 чел.; лошадей убито и ранено 51. Въ Тенгинскомъ полку убито: 4 нижнихъ чина; ранено и контужено: штабъ-офицеръ 1 (прикомандированный маіоръ Рыковъ), оберъ-офицеровъ 4 и нижнихъ чиновъ 60 челов. Генералъ Завадовскій ходатайствовалъ о пожалованіи на весь отрядъ, въ воздаяніе отличной храбрости нижнихъ чиновъ, 54-хъ знаковъ отличія военнаго ордена (въ томъ числѣ на четыре баталіона Тенгинскаго полка 16 знаковъ *).

Оставаться далѣе на р. Псекупсѣ было невозможно, такъ какъ пятнадцатидневный провіантъ отряда кончался 2-го іюля; артиллерійскій паркъ также оскудѣлъ, вслѣдствіе частыхъ перестрѣлокъ; вмѣстѣ съ тѣмъ горцы окружили отрядъ такимъ тѣснымъ кольцомъ, что не давали возможности отдѣлить прикрытія съ обозомъ для доставки сюда необходимыхъ припасовъ. Поэтому 30-го іюня отрядъ генерала Завадовскаго оставилъ лагерь при р. Псекупсѣ и выступилъ къ Кубани. Караулы непріятельскіе крикомъ и выстрѣлами дали знать объ этомъ по всѣмъ окрестностямъ, но горцы такъ были поражены 25-го іюня, что не рѣшались болѣе вступать въ дѣло.

1-го іюля отрядъ прибылъ къ Кубани и остановился противъ Малолагернаго поста на два дня, чтобы дать возможность

---

*) Кромѣ этихъ 16-ти знаковъ военный министръ препроводилъ еще 6 знаковъ Всемилостивѣйше пожалованныхъ нижнимъ чинамъ Тенгинскаго полка. Офицеры получили Монаршее благоволеніе и нѣкоторые ордена. Арх. шт. кавк. воен. округа. Д. № 15, 1842 г.

этимъ временемъ мирнымъ жителямъ керкенеевскихъ ауловъ переправить на нашу сторону женъ, дѣтей и имущество. 2-го іюля отрядъ переправился въ Черноморію, и войска были распущены по квартирамъ.

Здѣсь ихъ ожидала очень пріятная новость: съ 1-го іюля 1842 года Государь повелѣлъ выдавать строевымъ нижнимъ чинамъ всѣхъ войскъ на довольствіе по одному фунту мяса въ недѣлю, въ теченіи 37-ми недѣль въ году. Такимъ образомъ, продовольствіе нашихъ солдатъ значительно улучшилось и это могло повліять на подкрѣпленіе ихъ здоровья.

Между тѣмъ дѣла за Кубанью, съ появленіемъ среди горцевъ новыхъ посланниковъ отъ Шамиля, принимали все болѣе неблагопріятный для насъ оборотъ. Эта экспедиція Завадовскаго, отъ 21-го до 30-го іюня, на р. Псекупсъ не дала никакихъ рѣшительныхъ результатовъ; она лишь показала, что для усмиренія горцевъ и защиты мирныхъ ауловъ необходимо составлять гораздо болѣе сильные отряды; поэтому Завадовскій вошелъ съ ходатайствомъ къ корпусному командиру объ оставленіи Тенгинскаго полка еще на нѣкоторое время въ Черноморіи для охраны пограничныхъ линій отъ внезапнаго нападенія.

Въ это самое время генералъ-лейтенантъ Зассъ возводилъ укрѣпленія на лабинской линіи. Для отвлеченія отъ нея той массы горцевъ, съ которой только что было дѣло на р. Псекупсѣ, необходимо было быстро предпринять за Кубань новую экспедицію съ значительнымъ отрядомъ.

7-го августа командиръ Тенгинскаго полка получилъ приказаніе двинуть всѣ четыре баталіона опять къ Мостовому-Алексѣевскому укрѣпленію, куда слѣдовало прибыть къ 20-му числу. Людей приказано было взять всѣхъ безъ изъятія, оставивши при ротныхъ дворахъ лишь самое ограниченное число *).

Всѣ портные, за исключеніемъ зачисленныхъ въ швальню,

---

*) Для присмотра за ротнымъ имуществомъ оставили въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ квартировали двѣ роты, по 2 рядовыхъ и по 1-му унтеръ-офицеру отъ роты, а гдѣ одна рота – по 1-му унтеръ-офицеру и 3 рядовыхъ,—преимущественно изъ старыхъ, менѣе способныхъ къ фронту солдатъ; всего же оставлено было 535 строевыхъ и 200 нестроевыхъ. Полковой архивъ. Исходящій журналъ за 1842 г., №№ 1277 и 3587.

а также люди, находившіеся на полковомъ сѣнокосѣ были немедленно возвращены къ ротамъ. Продовольствія было взято: въ сухаряхъ на 13 дней, а мясной и винной порціи и проч.—на двѣ недѣли. Повозокъ разрѣшено было взять по три на двѣ роты. Въ виду краткости предстоящаго похода, начальникъ 20-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Галафѣевъ разрѣшилъ не брать съ собой баталіонныхъ знаменъ и денежнаго ящика *).

20-го августа весь отрядъ, состоявшій изъ 4-хъ баталіоновъ Тенгинскаго полка **), 15-ти конныхъ казачьихъ сотенъ, 320-ти пластуновъ пѣшихъ и 8-ми взводовъ артиллеріи отъ разныхъ частей—всего 4500 человѣкъ, собрался у Мостового-Алексѣевскаго укрѣпленія. 21-го здѣсь была окончена переправа черезъ Кубань, а 22-го въ 9 час. утра отрядъ выступилъ въ походъ.

На этотъ разъ нашему отряду пришлось имѣть дѣло съ скопищами абадзеховъ, собравшихся подъ начальствомъ муллы Хаджи-Магомета, перваго изъ приходившихъ въ Закубанскій край сподвижниковъ Шамиля, которому удалось поднять общее возстаніе среди закубанскихъ горцевъ подъ знаменемъ мюридизма. Для разгрома многочисленнаго непріятеля отрядъ нашъ былъ слишкомъ малъ, почему Завадовскій рѣшилъ дѣйствовать другимъ способомъ—уничтожать хлѣбные посѣвы, жечь запасы сѣна и разрушать до тла встрѣчные непокорные аулы.

Вся эта экспедиція состояла изъ непрерывныхъ движеній по непріятельскимъ землямъ. Сначала отрядъ достигъ р. Афипсъ, и, переправившись черезъ нее, вступилъ во владѣнія абадзеховъ; здѣсь за рѣчкой Сватаутако отряду пришлось пройти обширную долину, всю засѣянную хлѣбомъ, вплоть до р. Супсъ, за которой отрядъ 24-го августа расположился лагеремъ на высотѣ Даурба. 25-го онъ перешелъ къ урочищу Сунтукъ. Все это движеніе сопровождалось непрерывными перестрѣлками съ непріятелемъ, постоянно окружавшимъ отрядъ; были также и серьезныя стычки, въ особенности при переправахъ черезъ рѣч-

*) Предписаніе Хлюпина баталіоннымъ командирамъ отъ 8-го августа 1842 года № 3447. Исходящій журналъ 1842 г. Полковой архивъ.

**) Въ Тенгинскомъ полку было: 4 штабъ-офицера, 40 оберъ-офицеровъ, 2062 нижнихъ чиновъ, 46 офицерскихъ лошадей, 81 повозка обоза и 230 подъемныхъ лошадей.

ки. Цѣль экспедиціи въ землю абадзеховъ была достигнута, такъ какъ скопища, собравшіяся къ Хаджи-Магомету, къ 28-му августа стали покидать его и возвращаться на защиту своихъ жилищъ, которыхъ они не смогли, однако, отстоять. По увѣренію лазутчиковъ, потеря непріятеля была значительна убитыми и ранеными; кромѣ того у нихъ сожжено было 200 тысячъ стоговъ сѣна и вытоптанъ хлѣбъ на пространствѣ 25-ти верстъ.

Что же касается до войскъ отряда, то они, по донесенію Завадовскаго, во все время похода имѣли бодрый духъ, а «Тенгинскій полкъ по справедливости можетъ считать себя въ числѣ храбрѣйшихъ воиновъ и въ случаяхъ опаснѣйшихъ являлъ себя первымъ; ему во всемъ соревновали остальныя войска. Командиръ Тенгинскаго полка, полковникъ Хлюпинъ своею распорядительностью былъ лучшимъ моимъ помощникомъ» *).

Въ 8 часовъ утра, 29-го августа, отрядъ выступилъ обратно къ Кубани, преслѣдуемый горцами, которые безпрестанно бросались въ шашки, но безъ всякаго успѣха. 31-го наши войска перешли Кубань и разошлись по своимъ штабамъ.

Не прошло и двухъ недѣль послѣ возвращенія тенгинцевъ изъ экспедиціи, какъ вдругъ 12-го сентября полковникъ Хлюпинъ получилъ отъ командующаго войсками кавказской линіи и Черноморіи генералъ-адъютанта Граббе предписаніе экстренно выступить съ двумя баталіонами на правый флангъ кавказской линіи, на р. Лабу.

Со всевозможной поспѣшностью, запасшись продовольствіемъ только на 10 дней и не взявъ даже необходимой для людей теплой одежды, выступилъ Хлюпинъ со 2-мъ и 3-мъ баталіонами утромъ 14-го сентября и на четвертый день прибылъ въ назначенныя имъ квартиры **). Оставленныя этими баталіонами въ Черноморіи станицы Новомышастовская, Марьинская и Елизаветинская были заняты ротами 1-го баталіона. Такимъ образомъ полкъ нашъ былъ раздѣленъ на двѣ части: 2-й и 3-й

*) Арх, шт. кавк. воен. окр. Дѣло 1842 г. № 3, ч. 2-я. За эту экспедицію въ Тенгинскій полкъ было пожаловано 11 знаковъ отличія военнаго ордена.

**) Исходящій журналъ 1842 года. Составъ: 2 штабъ, 27 оберъ-офицеровъ, 1268 нижнихъ чиновъ, нестроевыхъ 80 чел., подъемныхъ лошадей 98.

баталіоны, подъ начальствомъ самого Хлюпина, оказались на правомъ флангѣ, а 1-й и 4-й баталіоны остались въ Черноморіи, подъ командой подполковника Бардовскаго.

Причиной этого неожиданнаго передвиженія послужило извѣстіе о сосредоточеніи огромныхъ скопищъ горцевъ противъ праваго фланга линіи. Необходимо было возможно поспѣшнѣе усилить здѣсь войска. Такимъ образомъ, 2-й и 3-й баталіоны тенгинцевъ вмѣстѣ съ сотней казаковъ и двумя орудіями 7-й легкой батареи 20-й артиллерійской бригады, должны были служить во первыхъ—резервомъ дѣйствующему на Лабѣ отряду, а во вторыхъ—обезпечивать кордонную линію отъ прорыва хищническихъ партій *).

Для достиженія этихъ двухъ цѣлей, отрядъ полковника Хлюпина расположился: двѣ роты—въ ст. Воронежской, пять ротъ и два орудія—въ ст. Усть-Лабинской и одна рота—по станицамъ Ладожской и Тифлисской. Начальникъ отряда могъ, имѣя значительную массу войскъ въ Усть-Лабинской станицѣ, производить различнаго рода движенія вверхъ по рѣкѣ Лабѣ, по ея правому и лѣвому берегу.

Нелегко было полковнику Хлюпину справиться съ данной ему задачей. Правый флангъ былъ ему совершенно незнакомъ; онъ не зналъ ни положенія здѣшнихъ дѣлъ, ни отношенія къ русскимъ окрестнаго хатукаевскаго племени, за которымъ ему было поручено наблюдать. Самое же главное—онъ не имѣлъ испытанныхъ и вѣрныхъ лазутчиковъ, на которыхъ могъ бы совершенно положиться. Кромѣ того, его заботили хозяйственныя нужды полка, особенно въ виду приближающаго времени инспекторскаго смотра, за исходъ котораго онъ сильно безпокоился. Вотъ почему онъ просилъ разрѣшенія у начальника праваго фланга, генералъ-маіора де-Войнича, вернуться въ Черноморію, передавъ свой отрядъ начальнику сосѣдняго участка кордонной линіи полковнику Васмунду. Въ серединѣ октября это разрѣшеніе было получено.

Наши баталіоны недолго оставались на мѣстѣ. 25-го сентя-

*) Арх. шт. кавк. воен. окр. Дѣло № 60, 2-го отд. ген. шт. 1842 года.

бря они двинулись по правому берегу Лабы къ Темиргоевскому укрѣпленію, куда прибыли въ полдень 28-го сентября. Отдохнувъ здѣсь немного, они направились дальше и 30-го сентября были уже въ укр. Махошевскомъ и присоединились къ главному отряду, расположенному здѣсь лагеремъ. Такимъ образомъ въ центрѣ всей лабинской линіи, у Махошевскаго укрѣпленія, были собраны, подъ начальствомъ г.-м. Безобразова, главнѣйшія силы лабинскаго отряда (до 3-хъ тысячъ пѣхоты, 16 орудій, 1200 казаковъ), готовыя устремиться туда, куда направлены будутъ дѣйствія непріятельскихъ сборищъ *).

До конца октября непріятель не сдѣлалъ ни одного серьезнаго нападенія на нашъ отрядъ. Войска все это время занимались устройствомъ и исправленіемъ оборонительныхъ постовъ по лабинской линіи. Только изрѣдка небольшія хищническія партіи, благодаря слабости, а отчасти и безпечности нашихъ кордоновъ, прорывались сквозь границу, угоняли табуны, брали плѣнныхъ и тою же дорогой возвращались обратно; вслѣдствіе этого, для усиленія правофланговаго отряда полковника Васмунда, 2-й баталіонъ тенгинцевъ былъ переведенъ въ Усть-Лабинскій участокъ и занялъ тамъ линію станицъ: Казанской, Тифлисской, Ладожской и Усть-Лабинской; 3-й же баталіонъ остался въ главномъ лабинскомъ отрядѣ, при укр. Ново-Донскомъ.

Въ началѣ ноября лазутчики сообщили, что сильное скопище, состоявшее изъ абадзеховъ, махошевцевъ, темиргоевцевъ, бжедуховъ и бесленеевцевъ, сосредоточилось близъ урочища Длинный-лѣсъ и собирается предпринять движеніе, но неизвѣстно куда. Наши главныя силы, въ виду этого извѣстія, стянулись къ Ново-Донскому укрѣпленію, а затѣмъ цѣлыя двѣ недѣли, до 16-го ноября, безполезно преслѣдовали постоянно ускользавшаго непріятеля. Послѣ этого 2-й и 3-й баталіоны Тенгинскаго полка были отпущены на свои зимнія квартиры въ Черноморію **).

1-й и 4-й баталіоны, оставшіеся въ Черноморіи, пользова-

*) Дѣло № 60, 2-го отд. ген. шт. Арх. шт. кавк. воен. округа.
**) Арх. шт. кав. воен. окр. Дѣло № 3, ч. 2, 1842 года.

лись все это время почти полнымъ спокойствіемъ. Только съ 14-го по 22-е октября мѣсяца они совершили походъ въ отрядѣ генерала Завадовскаго для сопровожденія въ укр. Абинское транспорта продовольственныхъ запасовъ. Завадовскій воспользовался этой экспедиціей, чтобы провѣрить настроеніе горцевъ. Движеніе отряда туда и обратно было произведено безъ выстрѣла; жители въ виду отряда спокойно занимались уборкою хлѣба и сѣна; старшины ихъ заявили, что всѣ желаютъ наслаждаться спокойствіемъ, исполняя требованія русскаго правительства, но что прибывшій отъ Шамиля мулла Хаджи-Магометъ своими воззваніями склоняетъ народъ къ войнѣ противъ русскихъ.

Возвратясь домой, тенгинцы застали здѣсь только что прибывшіе (21-го октября) два баталіона Брестскаго и Бѣлостокскаго пѣхотныхъ полковъ, которые находились съ іюля мѣсяца на восточномъ берегу Чернаго моря въ отрядѣ генерала Анрепа, называясь тамъ сводными баталіонами Тенгинскаго полка. Послѣ долгой и тяжкой экспедиціи, люди этихъ баталіоновъ, предназначенныхъ для укомплектованія Тенгинскаго полка, были очень неудовлетворительны по фронту и очень слабы здоровьемъ. Хлюпинъ расположилъ ихъ по ближайшимъ къ штабу полка селеніямъ, въ ожиданіи приказа о пріемѣ ихъ въ полкъ и распредѣленія по ротамъ.

Такъ закончился 1842 годъ, данный тенгинцамъ для отдыха отъ прежнихъ трудныхъ экспедицій, устройства ихъ хозяйства и прочей матеріальной части, но на самомъ дѣлѣ проведенный ими въ безпрестанныхъ походахъ и стычкахъ.

Въ началѣ новаго 1843 года въ Тенгинскій полкъ былъ переведенъ изъ Черноморскаго линейнаго № 3 баталіона полковникъ Левковичъ, который черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого принялъ въ свое командованіе и самый полкъ. Теперь же онъ былъ назначенъ командиромъ 4-го баталіона, расположеннаго въ Черноморіи.

По послѣдней дислокаціи войскъ кавказской линіи, данной военнымъ министромъ зимою 1842 года, Тенгинскій полкъ, за

исключеніемъ двухъ ротъ, занимающихъ Усть-Лабинское укрѣпленіе, долженъ былъ оставаться въ Черноморіи и составлять резервъ для войскъ, дѣйствующихъ за Кубанью и на новой лабинской линіи, но будущее не оправдало эти планы.

Главное вниманіе кавказскаго начальства теперь было обращено на окончательное устройство лабинской линіи, постройку на ней новыхъ укрѣпленій и заселеніе казачьихъ станицъ. Предполагалось, что упроченіе за русскими пространства земель между Кубанью и Лабой будетъ рѣшительнымъ шагомъ впередъ на пути къ покоренію враждебнаго намъ края. Идея устройства лабинской линіи возникла еще въ 1837 году и всецѣло принадлежала командующему кубанской линіей генералъ-маіору барону Засcу *).

Рѣка Лаба представляетъ хорду дуги, образуемой теченіемъ р. Кубани; на пространствѣ отъ верховьевъ обѣихъ рѣкъ до устья Лабы, Кубань имѣетъ протяженіе до 350-ти верстъ; Лаба же—всего 194 версты, т. е. на 160 верстъ менѣе; слѣдовательно, занятіе линіи по Лабѣ должно было потребовать менѣе войскъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечивало за нами плодороднѣйшія земли, расположенныя между обѣими рѣками и заселенныя мирными горцами.

Равнина, растилающаяся между Кубанью и рр. Лабою и Чамлыкомъ безлѣсна, перерѣзана во многихъ мѣстахъ и по разнымъ направленіямъ сухими балками, въ которыхъ только иногда, при сильныхъ дождяхъ, показывается вода. Все народонаселеніе тѣснится здѣсь по рѣкамъ. По мѣрѣ же удаленія отъ Кубани къ горамъ, край становится богаче и производительность почвы возрастаетъ. Область кавказскихъ горъ, прилегающая къ этому мѣсту, безлѣсна и обитаема почти до переваловъ. Все мѣсто сплошь покрыто мощною растительностью, и самыя небольшія пространства земли могутъ питать значительныя населенія. Тучныя пастбища, способныя прокормить огромныя стада скота и табуны лошадей, встрѣчаются на каждомъ шагу. Обильные яркими цвѣтами луга и лѣса способствуютъ развитію пчеловодства **).

*) Рапортъ генералъ-маіора Засса барону Розену отъ 7-го августа 1836 года. № 37. Акты кавк. археогр. ком., т. VII.

**) Н. Дубровинъ. «Описаніе Кавказа» т. I.

Эти земли впослѣдствіи можно было заселить русскими поселенцами; что же касается до спокойствія и безопасности, то «присутствуя лично при устройствѣ укрѣпленій,—писалъ въ своемъ рапортѣ генералъ-маіоръ Зассъ,—когда на это будетъ воля начальства, я готовъ совершенно перейти для жительства въ одно изъ нихъ, и тогда ручаюсь, что ни одно сборище хищниковъ не будетъ пропущено въ границы наши».

Генералъ-маіоръ Зассъ, будучи замѣчательнымъ партизаномъ и въ полномъ смыслѣ кавказскимъ героемъ, наводившимъ ужасъ на враговъ, въ то же самое время обладалъ замѣчательными административными способностями. За 15 лѣтъ службы на Кавказѣ онъ изучилъ горцевъ и понялъ ихъ характеръ. Чтобы привязать ихъ къ себѣ и убѣдить, что всякій, склонившійся подъ власть русскихъ, найдетъ себѣ покровительство и защиту, онъ самъ входилъ въ разсмотрѣніе ихъ жалобъ, разбиралъ ихъ дѣла и строго наблюдалъ, чтобы пристава и другіе чиновники не позволяли себѣ никакихъ несправедливостей. Благодаря этому, число мирныхъ постепенно увеличивалось и для управленія ими онъ учредилъ словесный судъ, основанный на шаріатѣ и адатѣ, вполнѣ соотвѣтствовавшихъ духу горцевъ *).

Командиръ кавказскаго корпуса, баронъ Розенъ, былъ согласенъ во всѣхъ отношеніяхъ съ идеей барона Засса. Командующій же въ 1837 г. кавказской линіей, генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ, былъ согласенъ въ принципѣ съ идеей перенесенія кордоновъ съ Кубани на Лабу, но ставилъ при этомъ условіе, чтобы въ верхней части Кубани и на кисловодской линіи были сохранены всѣ существующія средства обороны. Такимъ образомъ, генералъ Вельяминовъ считалъ необходимымъ еще усилить войска на правомъ флангѣ и двигаться постепенно въ глубь земли враждебныхъ намъ горцевъ, въ то же время нисколько не ослабляя оборону занятыхъ ранѣе линій. Причину этому слѣдуетъ искать въ его вполнѣ естественномъ недовѣріи къ горцамъ, уже изъявившимъ покорность русской власти **).

---

*). Тамъ же.

**) Акты кавк. археогр. ком., т. VII.

Вопросъ о перенесеніи линіи на Лабу былъ еще въ 1837 году рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ; но къ исполненію этого предпріятія приступили только съ 1840 года, такъ какъ устройство черноморской береговой линіи на нѣкоторое время отвлекло вниманіе отъ праваго фланга.

Первое звено лабинской линіи, укр. Зассовское, было окончено еще въ 1839 году. Къ 1-му ноября 1840 года были возведены: укрѣпленіе Св. Георгія на р. Урупѣ и укр. Ново-Донское на р. Чамлыкѣ, устроены три промежуточныхъ укрѣпленныхъ поста на Урупѣ, Санюхѣ и Коксу, между укрѣпленіями Прочнымъ-Окопомъ, Ново-Георгіевскимъ, Ново-Донскимъ и Зассовскимъ, и возведены для обезпеченія сообщенія новой линіи съ Кубанью два укрѣпленія на Лабѣ—Гемиргоевское и Махошевское. Въ 1841 году были заселены четыре станицы и окончена постройка трехъ постовъ и одного укрѣпленія, и генералъ Зассъ ввелъ въ нихъ гарнизонъ. Новые пункты получили названіе: станицы—Урупская, Чамлыкская, Лабинская и Вознесенская; посты—Житомірскій, Подольскій и Шолоховскій и укрѣпленіе Ахметовское.

Въ 1842 году работы по устройству лабинской линіи продолжались въ томъ же направленіи и въ нихъ, какъ мы видѣли, съ половины сентября мѣсяца принимали участіе и два баталіона Тенгинскаго полка, которые только въ концѣ ноября двинулись въ Черноморію.

Къ тому же времени въ полку была получена дислокація на зиму 1842—43 гг., согласно которой Тенгинскій полкъ долженъ былъ оставаться въ Черноморіи, составляя резервъ войскъ, занимающихъ лабинскую линію. Но въ виду того, что между верхними частями кубанской и лабинской линій не было почти никакой связи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все еще ощущалась слабость русскаго населенія на пространствѣ между этими линіями, командующій войсками на кавказской линіи, генералъ-лейтенантъ Гурко, рѣшилъ, пользуясь Высочайше предоставленнымъ ему правомъ распоряжаться войсками на линіи по своему усмотрѣнію, приступить съ началомъ 1843 года къ заселенію новыхъ станицъ на низовьяхъ Лабы, а также къ возведенію новыхъ

укрѣпленій между верховьями рѣкъ Лабы и Кубани; для усиленія же лабинскаго отряда опять назначилъ два баталіона Тенгинскаго полка, возложивъ на эти баталіоны задачу помогать переселенцамъ въ ихъ работахъ, оберегать ихъ во время этихъ работъ и вообще охранять нижнюю часть лабинскаго участка отъ нападенія горцевъ *).

Съ тою же цѣлью усилить лабинскую линію штабъ 5-го баталіона Тенгинскаго полка былъ передвинутъ изъ кр. Кавказской въ кр. Усть-Лабинскую. Переходъ этотъ былъ совершенъ въ исходѣ января 1843 года.

Переселеніе это труднѣе всего сказалось на семейныхъ нижнихъ чинахъ полка, но имъ еще въ октябрѣ 1842 года было предложено распродать свое имущество. Баталіонный лазаретъ былъ закрытъ; зданіе его передано Подольскому егерскому полку, больные же перевезены въ усть-лабинскій госпиталь. Полковая церковь и другія строенія, принадлежавшія полку, были проданы; лѣсъ и все нужное для полка имущество перевезены въ Усть-Лабу. Нестроевая и инвалидная роты выступили тогда же изъ Кавказской въ станицу Ивановскую; а 15-я мушкетерская (женатая) рота осталась въ кр. Кавказской, такъ какъ она, вмѣстѣ съ 13-й мушкетерской (тоже женатой) ротой, находившейся въ Усть-Лабѣ, была предназначена къ обращенію въ казачье сословіе.

По проекту о военныхъ дѣйствіяхъ въ 1843 году на кавказской линіи, между прочимъ рѣшено было дополнить лабинскую линію поселеніемъ трехъ станицъ на пространствѣ отъ Гемиргоевскаго укрѣпленія до Усть-Лабинской крѣпости. Но чтобы не ослабить линейнаго казачьяго войска, предполагалось обратить въ эти станицы женатыхъ нижнихъ чиновъ пятыхъ баталіоновъ Тенгинскаго и Навагинскаго пѣхотныхъ полковъ, назначивъ въ каждую станицу по сто казачьихъ и двѣсти солдатскихъ семействъ **). Эти семейства предполагалось зачислить

*) Арх. шт. кавк. воен. окр. Дѣло № 128, ч. II, 2-го отд. ген. шт. за 1842 годъ.

**) По вѣдомости отъ 8-го октября 1842 года въ составѣ 5-го баталіона Тенгинскаго полка было женатыхъ 443 человѣка и 660 холостыхъ, недоставало по списку 85 человѣкъ. Арх. шт. кавк. воен. окр. Дѣло № 128, ч. I, 2-го отд. ген. шт. за 1842 годъ.

со всѣми ихъ дѣтьми въ казачье сословіе, давши имъ четырехлѣтнюю льготу отъ всякой службы, кромѣ мѣстной обороны, для которой выдать имъ достаточное количество ружей стараго образца, пистолетовъ, шашекъ и боевыхъ патроновъ. Продовольствіе переселяемыхъ на Лабу нижнихъ чиновъ, правительство принимало на свой счетъ: со дня прибытія ихъ къ сборнымъ пунктамъ въ прололженіе трехъ лѣтъ каждый нижній чинъ и ребенокъ мужского пола, старше семи лѣтъ, должны были получать полную дачу провіанта и порціонныя деньги по второй категоріи, опредѣленной въ 1842 году для довольствія войскъ кавказскаго корпуса *). Казачьи офицеры, переселявшіеся въ эти же станицы, должны были получать въ продолженіе трехъ лѣтъ, со дня перехода ихъ черезъ Кубань, полный окладъ армейскаго кавалерійскаго жалованья. При устройствѣ жилищъ для казаковъ въ новыхъ станицахъ возводились церкви, а для служенія въ нихъ и исполненія требъ были назначены священники изъ кубанскихъ и лабинскихъ казачьихъ полковъ **).

Въ 1837 году, т. е. въ то время, когда впервые рѣшено было приступить къ устройству новой лабинской линіи, Государь Николай Павловичъ разрѣшилъ семейнымъ нижнимъ чинамъ, которые выслужили 15-ти-лѣтній срокъ и болѣе и семейства которыхъ находились въ Россіи, выписывать на казенный счетъ семейства эти къ себѣ и оставлять при войскахъ до того времени, когда наступитъ надобность къ обращенію ихъ въ поселеніе ***); при этомъ нижніе чины, назначались въ поселеніе изъ совершенно «годныхъ», т. е. дѣйствительно здоровыхъ и хорошаго поведенія; выборъ ихъ ложился на отвѣтственность батальонныхъ и ротныхъ командировъ ****).

---

*) Переселяющіеся казаки получали довольствіе въ продолженіе только двухъ лѣтъ. Впослѣдствіи, въ 1844 году, всѣмъ было Высочайше опредѣлено вспомоществованіе въ 250 руб. ассигнац. на первоначальное обзаведеніе, которые они впослѣдствіи должны были выплатить правительству.

**) Предписаніе командира отдѣльнаго кавказскаго корпуса командующему войсками на кавказской линіи и въ Черноморіи отъ 28-го апрѣля 1843 года № 528. Полковой архивъ.

***) Мысль выписывать семейства нижнихъ чиновъ принадлежитъ генералу Ермолову, который выхлопоталъ въ 1819 году разрѣшеніе Государя образовать женатыя роты при полковыхъ штабъ-квартирахъ (см. гл. I, стр. 35).

****) Дѣло № 799. Полк. архивъ

Конечно, всѣхъ этихъ поселенцевъ не сразу стали отправлять на Лабу. До 1841 года, т. е. до устройства по Лабѣ линіи укрѣпленій, семейные нижніе чины селились на Кубани или на лѣвомъ флангѣ вдоль военно-грузинской дороги и только съ 1843 года стали заселять новыя станицы по лабинской линіи.

Правительство вообще прилагало большія заботы объ этихъ выписываемыхъ изъ Россіи семьяхъ. По прибытіи ихъ на Кавказъ, до прочнаго водворенія на мѣстѣ, имъ отпускался казенный провіантъ: женамъ и дѣтямъ свыше 7-ми лѣтъ—полную дачу, а дѣтямъ моложе этого возраста—половинную дачу. Жены солдатскія, которыя, по прибытіи изъ внутренней Россіи на Кавказъ, не заставали своихъ мужей живыми, получали отъ казны средства на обратный путь, если онѣ не изъявляли желанія остаться здѣсь. Если же нижніе чины, выписавшіе къ себѣ женъ своихъ и дѣтей, еще до ихъ прибытія совершали побѣгъ къ горскимъ народамъ, то прибывшимъ ихъ семействамъ отводилось казенное помѣщеніе, выдавалось по одной рубахѣ и по парѣ сапогъ на душу и въ продолженіе цѣлаго года отпускалась обыкновенная дача провіанта. Но если по истеченіи года солдатъ не возвращался изъ побѣга, то семейство его отправлялось на родину тѣмъ же порядкомъ, какъ было вытребовано *). Вдовы же солдатскія отправлялись съ Кавказа на родину, согласно ихъ желанію, только въ томъ случаѣ, если по освидѣтельствованіи ихъ врачемъ онѣ оказывались неспособными къ замужеству **). Обыкновенно молодыя и здоровыя вдовы охотно разбирались холостыми солдатами въ замужество, такъ какъ вообще въ женщинахъ ощущался сильный недостатокъ. Въ Тенгинскомъ полку очень заботливо относились къ солдатскимъ бракамъ и строго слѣдили, чтобы нижніе чины не женились на дѣвицахъ и вдовахъ, принадлежащихъ черноморскому войску, о которыхъ ходила въ старину нелестная репутація. Весьма часто подобный «неравный» бракъ приводилъ хорошаго честнаго солдата къ порокамъ, и ротные командиры, согласно инструкціямъ, отдаве-

*) Приказы по Тенгинскому полку отъ 11-го января, 19-го февраля и 18-го іюня 1841 года.

**) Дѣло полкового архива № 492.

мымъ въ приказахъ по полку, должны были предварительно удостовѣряться въ поведеніи невѣсты; неисполненіе этого ложилось на ихъ личную отвѣтственность *).

Всѣ женатые нижніе чины Тенгинскаго полка были собраны въ двухъ ротахъ 5-го баталіона: 13-й и 15-й мушкетерскихъ, расположенныхъ въ крѣпостяхъ Кавказской и Усть-Лабинской. Здѣсь они постепенно обстраивались, заводили хозяйство, лежавшее, конечно, главнымъ образомъ на женахъ и семьяхъ, такъ какъ взрослая мужская половина почти постоянно была отвлекаема или караулами или экспедиціями. Въ свободное отъ занятій время нѣкоторые солдаты занимались дома ремеслами, продавая на сторонѣ свои произведенія; это, конечно, очень поощрялось начальствомъ. Но бывали и такіе случаи, что солдатъ подъ шумокъ у себя на дому или на ротномъ дворѣ заводилъ торговлю виномъ и солью,—запрещенными предметами хорошо расходившимися среди обывателей слободы. Въ особенности этимъ промысломъ любили заниматься бойкія солдатки, открывавшія у себя дома цѣлыя «корчемства». Разумѣется, такая торговля подвергалась строгому преслѣдованію; виновные предавались военному суду; да и непосредственное ихъ начальство за недосмотръ подвергалось строгой отвѣтственности. Въ другихъ ротахъ хотя и были женатые нижніе чины, но ихъ семьи, за очень рѣдкими исключеніями, всѣ оставались на родинѣ въ Россіи **).

Дѣти семейныхъ нижнихъ чиновъ Тенгинскаго полка, назывались «военными кантонистами»; имъ велся въ полковой канцеляріи точный списокъ, въ который заносили каждаго, вновь родившагося ребенка, конечно только мужского пола. Часть этихъ дѣтей, въ возрастѣ отъ 7-ми лѣтъ до 21-го года, принималась въ полковую школу кантонистовъ, гдѣ они обучались грамотѣ и ремесламъ; остальныя находились у родителей своихъ. По окончаніи обученія, достигшіе совершеннолѣтія поступали, съ разрѣшенія корпуснаго командира, въ полкъ рядовыми, и за-

*) Приказъ по Тенгинскому полку отъ 17-го мая 1840 года.

**) Приказъ по полку отъ 17-го мая 1840 г. Дѣло полкового архива № 847. Исходящій журналъ 1842 г.

тѣмъ всѣ они распредѣлялись по разнаго рода полковымъ командамъ: музыкантской, пѣвческой, писарской и мастерскимъ; нѣкоторые посылались въ Тифлисъ въ фельдшерскую школу или опредѣлялись въ разные штабы писарями.

Къ началу 1842 года всѣхъ кантонистовъ, въ возрастѣ отъ 5-ти мѣсяцевъ до 21-го года, состояло въ Тенгинскомъ полку 230 душъ; изъ нихъ 104 человѣка обучались въ двухъ полковыхъ школахъ кантонистовъ—въ с. Ивановскомъ и въ кр. Усть-Лабинской. По возрастамъ они распредѣлялись такъ: до 9-ти лѣтъ было 27, до 11-ти—18; до 13-ти—13; до 15-ти—15; до 17-ти—22; до 19-ти—9 и до 21-го—1. Къ концу 1841 года шестеро самыхъ старшихъ были зачислены въ полкъ рядовыми. Въ этихъ школахъ обучались также и дѣти горцевъ, изъ аманатовъ, человѣкъ по пятнадцати въ каждой школѣ *).

Въ 1843 году всѣ семейные нижніе чины 13-й и 15-й мушкетерскихъ ротъ со всѣми ихъ дѣтьми были исключены изъ состава полка и поселены въ новыхъ станицахъ Лабинской линіи. Между прочимъ, тогда же одна станица, существующая и теперь, была названа по имени нашего полка Тенгинскою. Устройство и охраненіе новыхъ станицъ было возложено, какъ мы видѣли, кромѣ другихъ войскъ и на баталіоны Тенгинскаго полка.

Такимъ образомъ, для дѣятельности войскъ, квартировавшихъ на правомъ флангѣ кавказской линіи и Черноморіи въ 1842—43 годахъ, явились двѣ задачи. Первая заключалась въ охраненіи границъ Черноморіи отъ хищническихъ набѣговъ горцевъ, а также въ сопровожденіи транспортовъ въ Абинское укрѣпленіе; вторая—въ устройствѣ и охраненіи новой лабинской линіи, составлявшей правый флангъ кавказской линіи. Это была совершенно новая, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень серьезная задача, привлекавшая теперь на себя главное вниманіе правительства.

---

*) Дѣло полк. арх. за 1842 г. Предписаніе военнаго министра отъ 21-го марта 1836 г. Вход. журн. № 483.

Глава VIII.

Мнѣніе князя Чернышева о кавказской горной войнѣ. Усиленіе Шамиля. Усиленіе войскъ кавказскаго корпуса. Дислокація полка въ мартѣ 1843 года. Довольствіе войскъ. Поискъ за Лабу 16-го мая 1843 года. Заселеніе станицъ по Лабѣ. Дѣйствія въ верховьяхъ Зеленчука. Движеніе 1-го баталіона на зиму въ станицу Горячеводскъ. Дѣйствія 4-го баталіона въ 1843 году. Полученіе лентъ и скобъ на знамена. Составленіе полковникомъ Хлюпинымъ хроники Тенгинскаго полка. Начало полковой Исторіи. Зимовка на Лабѣ 2-го и 3-го баталіоновъ. 1844 годъ. Приготовленіе къ экспедиціямъ, вьючный обозъ. Разореніе аула Тлабугой 24-го марта 1844 года. Окончаніе укрѣпленія на Кяфирѣ. Смѣна 2-го баталіона на Лабѣ 4-мъ. Нападеніе на Тенгинскую станицу. Мужество унт.-офиц. Грабовскаго. Набѣгъ на темиргоевцевъ за р. Фарсъ. Дѣйствія въ Черноморіи въ 1844 году. Приказъ объ Архипѣ Осиповѣ. Пожаръ въ ст. Ивановской. Возвращеніе 4-го баталіона на лабинскую линію. Экспедиціи за Кубань. Смерть Хаджи-Магомета. Смотръ генерала Анненкова. 1845 годъ. Назначеніе графа Воронцова. Поступленіе Тенгинскаго полка въ составъ 19-й пѣхотной дивизіи. Набѣгъ за р. Бѣлую на аулъ Пхеней. Появленіе Сулейманъ-эфенди. Похищеніе дѣвочки изъ Усть-Лабы. Дѣйствія въ Черноморіи въ 1845 году. Нападеніе на станицу Марьинскую. Экспедиція къ р. Иль. Трудный походъ въ Абинъ. Неудачи Сулейманъ-эфенди. Дислокація на зиму 1845—1846 годахъ. Слухи о переходѣ полка на лѣвый флангъ. Итоги командованія полковникомъ Хлюпинымъ.

Начиная съ послѣднихъ мѣсяцевъ 1842 года, большая часть Тенгинскаго полка дѣйствовала на правомъ флангѣ, гдѣ отразилось движеніе, поднятое Шамилемъ на Восточномъ Кавказѣ. Несомнѣнно, горское возстаніе много обязано геніальнымъ способностямъ этого выдающагося народнаго дѣятеля, но нельзя отрицать и того, что мы также содѣйствовали этому успѣху.

Военный министръ князь Чернышевъ, послѣ своей поѣздки по Кавказу, совершенной лѣтомъ 1842 года, рѣшилъ, что горная война не приноситъ ничего, кромѣ потери времени и людей; вслѣдствіе этого онъ приказалъ остановить всюду военныя дѣйствія. Но это было крайне непредусмотрительно. Шамиль, воспользовавшись затишьемъ, успѣлъ распространить свое вліяніе и подчинить себѣ окончательно всѣ тѣ горскія племена, въ которыхъ онъ еще встрѣчалъ противодѣйствіе. Въ 1843 году онъ, наконецъ, призналъ себя на столько сильнымъ, что перешелъ въ наступленіе и отнялъ у насъ многое изъ того, что съ дав-

нихъ поръ было занято нами. Кавказскія войска были тогда подкрѣплены 5-мъ пѣхотнымъ корпусомъ. Единственнымъ нашимъ успѣхомъ въ это время слѣдуетъ считать устройство и заселеніе лабинской линіи и всего пространства между Кубанью и Лабой *).

Но Хаджи-Магометъ не хотѣлъ даромъ уступать русскимъ этихъ земель.

Въ первыхъ числахъ марта 1843 года начальникъ праваго фланга кавказской линіи получилъ черезъ лазутчиковъ свѣдѣніе о необыкновенномъ сборѣ горцевъ, подъ начальствомъ Хаджи-Магомета. Правому флангу и въ особенности лабинской линіи угрожала большая опасность. Въ виду этого, къ ст. Урупской былъ заблаговременно стянутъ отрядъ войскъ, въ составъ котораго вошли 1-й и 2-й баталіоны Тенгинскаго полка. Этотъ отрядъ къ 20-му апрѣля былъ расположенъ приблизительно слѣдующимъ образомъ:

1) Главныя силы въ ст. Урупской—$2^1/_2$ баталіона пѣхоты, $1^1/_2$ тысячи казаковъ и 10 орудій.

2) Для защиты Лабинской линіи, кромѣ гарнизоновъ въ укрѣпленіяхъ, въ распоряженіе полковника Рихтера было дано: два баталіона пѣхоты (1-й баталіонъ Тенгинскаго полка), одна рота линейнаго № 3 баталіона и соотвѣтственное количество артиллеріи.

3) Въ Усть-Лабинскомъ участкѣ, въ распоряженіе подполковника Васмунда: 2-й баталіонъ и двѣ роты 5-го баталіона Тенгинскаго полка и два орудія. Войска эти расположились въ станицахъ: Воронежской, Усть-Лабинской, Ладожской, Тифлисской, Казанской и Кавказской.

4) У бывшаго Эриванскаго укрѣпленія, на р. Большомъ Зеленчукѣ, былъ собранъ отрядъ изъ одного баталіона пѣхоты, 500 человѣкъ конницы и 2-хъ орудій.

5) Въ Баталпашинскомъ участкѣ—весь Хоперскій полкъ и двѣ роты пѣхоты.

---

*) Р. А. Фадѣевъ. «Письма съ Кавказа». Т. I.

6) Въ ст. Невинномысской—двѣ роты пѣхоты *).

Продовольственные запасы для всѣхъ этихъ войскъ заготовлялись на восемь мѣсяцевъ и сосредоточивались для отряда, дѣйствовавшаго на низовьяхъ Лабы, въ укр. Темиргоевскомъ и кр. Усть-Лабинской, по числу 2200 человѣкъ **). Всѣмъ офицерамъ отряда, со дня сбора, выдавались порціонныя деньги по 15-ти коп. въ сутки; нижнимъ чинамъ производилось добавочное жалованье по усиленнымъ окладамъ ***); кромѣ того, для улучшенія ихъ продовольствія, полковникъ Хлюпинъ приказалъ, сверхъ всего опредѣленнаго отъ казны, выдавать на каждаго строевого человѣка еще по двѣ полуфунтовыхъ мясныхъ порціи въ недѣлю ****). Для этой цѣли въ каждый баталіонъ было отправлено по тридцати восьми штукъ порціоннаго скота, который долженъ былъ находиться въ вѣдѣніи особаго офицера, обязаннаго приводить въ извѣстность вѣсъ мяса и сала и распредѣлять ихъ по ротамъ, ведя точный учетъ людямъ. Такимъ образомъ, во время этого похода солдаты имѣли шесть мясныхъ и двѣ винныхъ порціи каждую недѣлю.

До конца апрѣля о намѣреніяхъ непріятеля ничего не было извѣстно. Наконецъ, 26-го апрѣля 1000 человѣкъ горцевъ переправились черезъ Лабу противъ Подольскаго поста; другая же партія въ 2000 человѣкъ переправилась у Шолоховскаго поста, и затѣмъ обѣ партіи, соединившись вмѣстѣ, потянулись къ верховьямъ Тегеня. 2-го мая горцы перешли на Кубань и атаковали станицу Бекешевскую, но были отбиты съ большими для себя потерями. Послѣ этого горцы, видя повсюду отряды нашихъ войскъ, готовые встрѣтить ихъ, вернулись въ свои предѣлы.

---

*) Журналъ воен. дѣйствій на правомъ флангѣ кавказской линіи за 1843 годъ. Дѣло № 12, ч. I, 2-го отд. ген. шт. Арх. шт. кавк. воен. округа.

**) Рапортъ командующаго войсками на кавк. линіи отъ 9-го февраля 1843 г. № 209.

***) Предписаніе командира отдѣльнаго кавказскаго корпуса отъ 28-го апрѣля 1843 г. № 528. Дѣло полк. арх. № 1194.

****) Предписаніе Хлюпина баталіоннымъ командирамъ отъ 28-го мая 1843 г. № 229. Дѣло № 1194. Полковой архивъ. Мясное и винное довольствіе распредѣлялось особыми категоріями. Войскамъ, отнесеннымъ ко 2-й категоріи, опредѣленъ отпускъ денегъ: за 1 пудъ мяса—по 1-му рублю и 1 ведро вина—по 2 руб. 15 коп. сер. По количеству опредѣленной суммы, на каждаго человѣка въ годъ по 5-ти рублей, войска эти (въ томъ числѣ и Тенгинскій полкъ) должны получать по 4 мясныхъ и двѣ винныхъ порціи въ недѣлю на человѣка. Приказъ по полку отъ 20-го января 1843 года.

Узнавъ о пораженіи горцевъ подъ станицею Бекешевскою, генералъ-маіоръ Безобразовъ рѣшилъ сдѣлать поискъ за Лабу.

6-го мая въ укр. Махошевскомъ былъ собранъ отрядъ, подъ начальствомъ начальника лабинской линіи полковника Рихтера, состоявшій изъ 1-го баталіона Тенгинскаго полка, 6-ти сотенъ казаковъ и двухъ орудій. Дойдя 7-го мая до рѣки Фарсъ и оставивъ тамъ пѣхоту, Рихтеръ съ казаками двинулся дальше къ р. Серали. Здѣсь онъ захватилъ рогатый скотъ и баранту и затѣмъ вернулся къ Фарсу, до котораго непріятель по своему обыкновенію преслѣдовалъ насъ. Этотъ поискъ стоилъ горцамъ многихъ убитыхъ и раненыхъ; съ нашей стороны было убито 3 и ранено 5 казаковъ *).

Къ 19-му мая 1-й баталіонъ тенгинцевъ долженъ былъ двинуться въ новую экспедицію къ верховьямъ Большого Зеленчука, гдѣ возводилось укрѣпленіе. Для этой цѣли назначенъ былъ отрядъ изъ $6^1/_2$ баталіоновъ пѣхоты, съ артиллеріей и кавалеріей, собиравшійся у станицы Невинномысской. Къ этому же времени на лабинскую линію изъ Черноморіи долженъ былъ прибыть полковникъ Тенгинскаго полка Левковичъ, который былъ назначенъ командиромъ 2-го баталіона и вмѣстѣ съ тѣмъ въ его завѣдываніе на время предстоявшей экспедиціи поручался 1-й и 3-й баталіоны.

Александръ Ивановичъ Левковичъ только 12-го марта 1843 года былъ переведенъ въ нашъ полкъ и всего два мѣсяца какъ прибылъ въ Черноморію. Это былъ сорокалѣтній, энергичный полковникъ, имѣвшій орденъ св. Георгія 4-й ст. и еще множество другихъ орденовъ за боевыя отличія. Большую часть службы онъ провелъ въ кавалеріи, въ Нижегородскомъ полку, съ которымъ совершилъ много походовъ; потомъ поручикомъ за боевыя отличія въ 1827 году былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ; отсюда въ 1833 году въ чинѣ подполковника перевелся опять въ Нижегородскій драгунскій полкъ, а въ 1836 получилъ въ командованіе Черноморскій № 3 баталіонъ. Здѣсь, вѣроятно, служба ему не понравилась, и онъ на время

*) Дѣло № 12, ч. 1, 2-го отд. ген. шт. 1843 года. Арх. шт. кавк. воен. окр.

вышелъ въ отставку. Наконецъ, въ 1842 году 27-го ноября былъ зачисленъ въ Тенгинскій полкъ, куда прибылъ 12-го марта 1843 года.

Онъ былъ хорошо образованъ, зналъ прекрасно иностранные языки, но главнымъ образомъ былъ извѣстенъ своею храбростью и предпріимчивостью. Попавъ въ Тенгинскій полкъ, онъ сразу былъ увлеченъ экспедиціями, что было ему вполнѣ по душѣ. Здѣсь же, на Лабѣ, офицеры трехъ баталіоновъ имѣли возможность хорошо ознакомиться съ нимъ, еще не подозрѣвая, что видятъ среди себя будущаго командира полка.

3-й баталіонъ, на основаніи распоряженія командующаго войсками, выступалъ изъ Черноморіи на правый флангъ не позже 20-го мая. Такимъ образомъ, на правомъ флангѣ теперь были сосредоточены четыре баталіона Тенгинскаго полка.

2-й и 3-й баталіоны предназначались въ распоряженіе г.-м. Безобразова для прикрытія работъ въ трехъ вновь возводимыхъ на низовьяхъ Лабы станицахъ. Здѣсь, между прочимъ, по приказанію начальства, 3-я гренадерская рота была предназначена для испытанія удобства ношенія ранцевъ и тесаковъ съ перевязями, чтобы окончательно рѣшить, удобны ли предметы снаряженія или неудобны въ горныхъ походахъ. Всѣ же остальныя роты Тенгинскаго полка во время похода имѣли на себѣ старыя сумы съ патронташами.

Такъ какъ въ это лѣто ожидался пріѣздъ на лабинскую линію корпуснаго командира, то 3-я гренадерская рота, какъ имѣвшая форменную амуницію, предназначалась и для почетныхъ карауловъ, для чего, противъ обыкновенія, для нижнихъ чиновъ были взяты на всякій случай новые мундиры и шинели. Хлюпинъ, конечно, заботясь объ исходѣ смотра корпуснаго командира, просилъ офицеровъ, чтобъ и они сами всегда соблюдали форму въ одеждѣ и были бы одѣты чисто и однообразно; напоминалъ онъ и о заботливости по отношенію къ продовольствію нижнихъ чиновъ,—чтобъ имъ всегда приготовлялась здоровая и вкусная пища и отпускалось должное количество винной порціи, преимущественно въ холодную и сырую погоду. При-

казано было открыть полковой лазаретъ, чтобъ въ немъ для каждаго баталіона имѣлось бы по 35-ти мѣстъ. Роты передъ выступленіемъ въ походъ получили по 200 руб. серебр. порціонныхъ денегъ; на расходы по лазарету и продовольствіе полковыхъ лошадей каждому командиру баталіона было отпущено по 500 руб. сер. Изъ этихъ же денегъ баталіонный командиръ могъ помогать ротамъ въ случаѣ нужды, а также и офицерамъ, «если они будутъ имѣть дѣйствительную надобность въ деньгахъ и при томъ—согласно списка о долгахъ ихъ въ полковую сумму» *).

19-го мая была окончена постройка моста черезъ Кубань возлѣ Усть-Лабы, и только къ 3-му іюня окончилась переправа на лѣвый берегъ Кубани сначала войскъ, потомъ обозовъ и, наконецъ, переселенцевъ, назначенныхъ для водворенія въ трехъ новыхъ станицахъ на Лабѣ. Войска, раздѣлившись на отряды, постепенно отводили переселенцевъ на указанные для поселенія пункты. Начальникамъ этихъ охранительныхъ отрядовъ приказано было, какъ только районъ новой станицы будетъ окруженъ валомъ и рвомъ, тотчасъ приступить къ постройкѣ батарей и платформъ для орудій, при участіи назначенныхъ для этой цѣли саперныхъ офицеровъ. По окончаніи этой работы къ каждому орудію должны были назначаться по 4 человѣка поселянъ для обученія дѣйствіямъ при орудіяхъ вмѣстѣ съ артиллеристами; люди эти на случай тревоги должны были непремѣнно находиться при своихъ орудіяхъ. Тенгинскимъ ротамъ предписано было устраивать на углахъ возлѣ батарей свои землянки для житья зимою, для чего необходимо было обмазывать ихъ глиной и дѣлать внутри печи. Въ каждой новой станицѣ на зиму оставлено было по двѣ роты. Всю охранительную и конвойную службу несли тенгинцы. Жители тѣмъ временемъ спѣшили запастись сѣномъ и закончить свои жилища; войска по мѣрѣ силъ помогали имъ устраиваться поудобнѣй. Эти работы продолжались до 23-го октября, послѣ чего тенгинскія роты 2-го и 3-го баталіона стали въ свою очередь готовиться къ зимовкѣ на но-

*) Дѣло о выступленіи 3-го баталіона на Лабу 18-го мая 1843 года. Арх. воен.-ист. отд. № 1198.

выхъ мѣстахъ. Солдаты размѣщались въ своихъ казармахъ-землянкахъ, на половину врытыхъ въ землю; а офицеры—на квартирахъ въ казачьихъ обывательскихъ домахъ, устроенныхъ наскоро и потому мало чѣмъ отличавшихся по удобствамъ отъ солдатскихъ казармъ.

Между тѣмъ, отрядъ *), назначенный для дѣйствій на верховьяхъ Зеленчука, для постройки тамъ укрѣпленія, переправился за Кубань 21-го мая близъ ст. Невинномысской. Немедленно было приступлено къ устройству здѣсь мостового укрѣпленія, которое было окончено 24-го мая. Въ тотъ же день начальникъ отряда, генералъ-лейтенантъ Гурко, произвелъ смотръ всему отряду. Онъ нашелъ войска въ отличномъ состояніи, не смотря на труды, перенесенные въ началѣ весны. Люди имѣли свѣжій, бодрый и веселый видъ; только между солдатами 1-го баталіона Тенгинскаго полка было нѣсколько лицъ болѣзненнаго вида; это можно было приписать долгой стоянкѣ ихъ въ Черноморіи и на восточномъ берегу Чернаго моря.

Отрядъ выступилъ 25-го мая по дорогѣ, идущей надъ лѣвымъ берегомъ Кубани, мимо мансуровыхъ ауловъ, къ верховьямъ Большого Зеленчука. Пройдя немного по равнинѣ, отрядъ скоро втянулся въ область лѣсистыхъ горъ, шедшихъ правымъ берегомъ Большого Зеленчука. Обремененный огромнымъ обозомъ (изъ 713-ти повозокъ) и воловьимъ транспортомъ, отрядъ двигался очень медленно. 28-го мая онъ прибылъ къ такъ называемому «Каменному мосту»; здѣсь съ обоихъ береговъ рѣки двѣ огромныхъ скалы сближались на $6^1/_2$ саженъ; мостъ можно было устроить, перекинувши черезъ нихъ нѣсколько длинныхъ бревенъ. Непріятель все время не показывался и перестрѣлокъ не заводилъ. Вдали, на высотахъ по лѣвую сторону Зеленчука видны были его пикеты, выставленные отъ непокорныхъ башильбаевцевъ и кабардинцевъ.

Недостатокъ въ лѣсу длинныхъ брусьевъ, ковка желѣзныхъ обоймъ и болтовъ и вырубка гнѣздъ для лежней въ твердыхъ кремнистыхъ скалахъ, образующихъ «Каменный мостъ», задержа-

*) Всего $6^1/_2$ батал. пѣхоты съ кавалеріей и артиллеріей.

ли отрядъ на четыре дня. Только 2-го іюня былъ оконченъ мостъ, и отрядъ двинулся дальше. Оставивъ 1-й баталіонъ Тенгинскаго полка для окончательной постройки здѣсь временнаго мостового укрѣпленія, генералъ-лейтенантъ Гурко двинулся дальше и 4-го іюня достигъ р. Кяфиръ. Вода здѣсь поднялась до такой степени, что приходилось строить мостъ. Въ этотъ день были отправлены въ Невинномыскъ за провіантомъ всѣ сухарные полуфурки и конно-подвижный транспортъ; въ прикрытіе къ нимъ были назначены три роты пѣхоты, три орудія и сто казаковъ; имъ было приказано, по прибытіи къ Каменному мосту, оставить тамъ одну роту Житомирскаго пѣхотнаго полка, а 1-му баталіону Тенгинскаго полка передать приказаніе присоединиться къ отряду на Кяфирѣ

Съ 9-го іюня горцы начали своей перестрѣлкой мѣшать работамъ отряда. Передъ вечеромъ благополучно прибылъ въ отрядъ 1-й баталіонъ Тенгинскаго полка. Съ 10-го до 14-го іюня войска заготовляли для новаго укрѣпленія лѣсъ, ломали известковый камень и копали глину. Часть отряда ежедневно высылались на фуражировку.

Въ это время получено было извѣстіе, что у верховьевъ Урупа собралось до 500 человѣкъ горцевъ съ цѣлью безпокоить отрядъ и мѣшать работамъ. Генералъ Гурко рѣшилъ немедленно выступить и по возможности неожиданно обрушиться на это сборище. Онъ взялъ два баталіона пѣхоты (въ томъ числѣ 1-й баталіонъ Тенгинскаго полка), роту саперъ, 5 орудій и 250 казаковъ, съ которыми къ вечеру безпрепятственно дошелъ до верховьевъ Урупа. Но непріятель открылъ наше движеніе. Не успѣлъ отрядъ расположиться лагеремъ, какъ со всѣхъ сторонъ появились шайки горцевъ, которыя напали на наши пикеты; высланная противъ нихъ конная милиція зарвалась впередъ и была окружена; ее пришлось поддержать казаками и ротой тенгинцевъ. Непріятель разсѣялся, оставивъ нѣсколько убитыхъ и раненыхъ. На утро генералъ Гурко двинулся обратно уже по другой дорогѣ, идущей черезъ хребетъ горы, и такой трудной, что приходилось на рукахъ подымать и спускать съ горъ орудія и

обозъ. Все время движенія шла перестрѣлка, съ каждымъ часомъ все болѣе разгоравшаяся. Наконецъ, когда отрядъ дошелъ до р. Яксыка, 1-я гренадерская рота Тенгинскаго полка и двѣ житомирскихъ роты съ барабаннымъ боемъ бросились на гору и жестоко наказали непріятеля за его назойливость *). Къ вечеру отрядъ прибылъ въ лагерь.

Послѣ этого работы въ укрѣпленіи продолжались непрерывно. Нижніе чины высылались на крѣпостныя работы ежедневно партіями въ пятьсотъ человѣкъ, такъ что каждому солдату приходилось быть въ нарядѣ черезъ три дня въ четвертый. Въ резервъ назначался тотъ баталіонъ, который наканунѣ былъ въ нарядѣ, и съ нимъ производилось фронтовое ученье. Работы были очень трудны, въ особенности возведеніе каменныхъ верковъ, благодаря трудности отдѣлки камня. По счастью, верстахъ въ 20-ти отъ лагеря нашли развалины древней крѣпости и, конечно, перевезли съ нея весь камень въ новое укрѣпленіе. 1-й баталіонъ Тенгинскаго полка принималъ со всѣми одинаковое участіе въ работахъ; но начальникъ отряда, какъ мы видѣли, всегда отличалъ его, назначая преимущественно въ передовые дѣйствующіе отряды, какъ напримѣръ, для устройства мостового укрѣпленія у Каменнаго моста, для охраны фуражировокъ и рабочихъ—очевидно онъ былъ доволенъ тенгинцами.

Въ серединѣ сентября командиръ 1-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіоръ Лабынцовъ, произвелъ инспекторскій смотръ всему Тенгинскому полку **), объѣхавъ всѣ баталіоны, находившіе въ экспедиціи. Нечего было и разсчитывать, чтобы онъ нашелъ полкъ въ исправности: «фронтовая выправка людей никуда не годится; держать ружей во фронтѣ не умѣютъ; построеній фронта не знаютъ; маршируютъ посредственно; стрѣляютъ необыкновенно дурно; фуражныя шапки у многихъ совершенно въ

*) За это дѣло чины 1-го батал. Тенгинскаго полка получили слѣдующія награды: командиръ 1-го бат. подполковникъ Бардовскій—св. Анны 2-й ст. съ Императорскою короною; командиръ 1-й гренадерской роты капитанъ Горбъ—слѣдующій чинъ; капитанъ Преображенскій—св. Владиміра 4-й степени; прапорщикъ Фарсовъ—слѣдующій чинъ. Двумъ фельдфебелямъ и семи рядовымъ были пожалованы знаки отличія военнаго ордена. Дѣло № 75, 1843 г. Арх. штаба кавк. воен. окр.

**) Приказъ по Тенгинскому полку отъ 30-го сентября 1843 года.

лоскутьяхъ; мундиры имѣютъ жалкій видъ, и у нѣкоторыхъ солдатъ вмѣсто мѣдныхъ пуговицъ пришиты кожаныя». Было бы странно, еслибъ Тенгинскій полкъ, послѣ пяти мѣсяцевъ трудной экспедиціи, представился въ отличномъ видѣ!

18-го сентября 1-й баталіонъ Тенгинскаго полка съ 2-мя орудіями и 150-ю казаками снова выступилъ съ Кяфира съ транспортомъ въ ст. Невинномысскую; по дорогѣ онъ оставилъ двѣ роты, 100 казаковъ и одно орудіе для постройки промежуточнаго поста; другія двѣ роты къ 31-му октября вернулись изъ Невинномысской обратно въ укрѣпленіе на Кяфирѣ.

Къ 15-му ноября вновь сооруженное укрѣпленіе приказано было привести въ оборонительное состояніе и затѣмъ выступить съ отрядомъ на зимнія квартиры. Передъ роспускомъ отряда генералъ Гурко произвелъ смотръ войскамъ и нашелъ, что нижніе чины имѣютъ бодрый видъ и здоровье ихъ, не смотря на пятимѣсячныя работы, вполнѣ удовлетворительно. 11-го ноября укрѣпленіе было совершенно окончено и въ гарнизонѣ его были оставлены 1-й баталіонъ Житомирскаго полка, 2 сотни казаковъ и 2 орудія.

13-го ноября отрядъ, возвращавшійся на свои зимнія квартиры, имѣлъ ночлегъ на Зеленчукскомъ промежуточномъ посту, гдѣ работали двѣ роты 1-го баталіона Тенгинскаго полка. Постъ этотъ, начатый 24-го сентября, не совсѣмъ еще былъ оконченъ и поэтому здѣсь былъ оставленъ весь 1-й баталіонъ Тенгинцевъ, 2 орудія и 120 казаковъ. Только къ 22-му ноября, когда уже начались суровые холода, нашъ 1-й баталіонъ вернулся въ ст. Невинномысскую. Но здѣсь онъ успѣлъ только переночевать и на другой день, 23-го ноября экстренно, форсированнымъ маршемъ былъ двинутъ въ ст. Екатериноградскую, въ центрѣ кавказской линіи, куда прибылъ только 30-го ноября *).

Изъ Екатериноградской онъ вскорѣ былъ переведенъ въ Горячеводскую и окрестныя станицы. Здѣсь въ концѣ декабря

---

*) Журналъ военныхъ дѣйствій отряда на верховьяхъ Зеленчука съ 21-го мая. Рапортъ подполковника Голубицкаго-Лебединскаго. Дѣло № 13, ч. 1-я по 2-му отд. ген. шт. за 1843 г. Арх. шт. кав. воен. окр.

мѣсяца, черезъ нѣсколько дней по прибытіи, командиръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса произвелъ ему смотръ и остался страшно недоволенъ, какъ отсутствіемъ внутренняго порядка въ ротахъ, такъ и незнаніемъ службы офицерами и солдатами. Это былъ новый и совсѣмъ неожиданный ударъ для полковника Хлюпина. Въ своемъ приказѣ по полку изъ с. Ивановской онъ сдѣлалъ новые «упреки» по адресу виновныхъ въ томъ, что «гг. штабъ и оберъ-офицеры мало заботятся о должномъ устройствѣ ввѣренныхъ имъ частей, не обращаютъ вниманія на распоряженія и подтвержденія, дѣлаемыя по полку о доведеніи воинскихъ чиновъ до совершеннаго познанія ими своего дѣла и, въ довершеніе всего, сами не стараются изучить обязанностей службы, въ которую поступили по собственному произволу и носятъ почтенное званіе, ею представленное».

Главную же причину всему злу Хлюпинъ видѣлъ въ томъ, что у офицеровъ не имѣется уставовъ, и потому онъ предупреждалъ ихъ въ томъ же приказѣ, что онъ сдѣлалъ распоряженіе о выпискѣ изъ типографіи Инспекторскаго департамента для каждой роты по одному экземпляру 1-й, 2-й и 3-й части воинскаго устава послѣдняго изданія, со всѣми дополненіями и что «употребленныя на это деньги по разсчету будутъ удержаны при раздачѣ офицерамъ за текущую треть жалованья, но, при этомъ, уставы эти будутъ принадлежностью не офицеровъ, а ротъ, въ которыя будутъ присланы» *). Это было единственное наказаніе, которое могъ придумать Хлюпинъ для офицеровъ за незнаніе ими фронтовой службы.

4-й баталіонъ Тенгинскаго полка, оставшійся весь этотъ годъ въ Черноморіи, въ свою очередь совершилъ нѣсколько экспедицій за Кубань. Впослѣдствіи онъ былъ усиленъ еще 14-й и 15-й мушкетерскими ротами, которыя всюду сопутствовали ему.

Съ 23-го апрѣля по 2-е мая отрядъ, состоявшій изъ 4-го баталіона Тенгинскаго полка, 320-ти черноморскихъ казаковъ и 3-го взвода конной батареи, подъ командой полковника Левковича, только мѣсяцъ прибывшаго въ полкъ, производилъ рубку лѣса

*) Приказъ по Тенгинскому полку отъ 21-го января 1844 г. Полковой архивъ.

за Кубанью. Какъ и всегда, эта работа сопровождалась частыми нападеніями горцевъ, незамѣтно подползавшихъ къ нашей охранительной стрѣлковой цѣпи и бросавшихся на нее въ шашки; эти нападенія, конечно, были всегда отражаемы, но все же стоили намъ пятнадцати убитыхъ нижнихъ чиновъ и пяти тяжело раненыхъ *). Послѣ этой рубки лѣса полковникъ Левковичъ уѣхалъ на Лабу для командованія 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ баталіонами Тенгинскаго полка.

18-го мая для смѣны абинскаго гарнизона былъ собранъ отрядъ изъ 2500 человѣкъ пѣхоты (въ томъ числѣ 4-й баталіонъ Тенгинскаго полка), 700 конныхъ казаковъ и 6-ти орудій, подъ начальствомъ самого генералъ-лейтенанта Завадовскаго. Это движеніе имѣло значеніе демонстративное, съ цѣлью произвести на горцевъ впечатлѣніе силою отряда. Въ теченіе всего похода только разъ показались 50 человѣкъ горцевъ, но они тотчасъ же разсѣялись, когда конная артиллерія наша открыла противъ нихъ огонь. 22-го отрядъ благополучно вернулся обратно на свои квартиры.

Тоже самое демонстративное значеніе имѣли слѣдующія три экспедиціи, въ которыхъ участвовалъ нашъ 4-й баталіонъ и 14-я и 15-я мушкетерскія роты. Какъ только до генерала Завадовскаго доходили слухи, что Хаджи-Магометъ собираетъ горцевъ для нападенія на покорные русскимъ аулы, онъ тотчасъ же собиралъ сильный отрядъ и двигался въ указанное мѣсто сборища горцевъ. Такъ, отъ 25-го по 30-е августа было совершено движеніе къ рѣкѣ Афипсу; отъ 7-го сентября по 15-е—къ рѣкѣ Псекупсу, и отъ 19-го сентября по 25-е—въ Абинское укрѣпленіе. Движенія къ Афипсу и Псекупсу, совершенныя почти безъ выстрѣла, имѣли, однако, чрезвычайно важныя послѣдствія, такъ какъ они принудили разойтись два непріятельскихъ сборища, показавъ имъ всегдашнюю готовность русскихъ войскъ поддержать тѣхъ горцевъ, которые преданы русскому правительству. Вмѣстѣ съ тѣмъ, горцы постепенно стали

*) Журналъ командующаго черноморскою кордонною линіею; дѣло № 12, ч. 1-я по 2-му отд. генер. штаба за 1843 годъ.

разубѣждаться въ увѣреніяхъ Хаджи-Магомета, который внушалъ имъ, что русскіе не посмѣютъ теперь явиться на лѣвомъ берегу Кубани для наказанія непокорныхъ *). Этими экспедиціями закончилась боевая дѣятельность нашего полка за 1843 годъ. Наступали холода, пора уже было готовиться къ зимѣ.

11-го октября 1843 года начальникъ штаба войскъ кавказской линіи, полковникъ Нордештамъ, препроводилъ къ командиру Тенгинскаго полка двѣ орденскія Александровскія ленты для знаменъ 1-го и 2-го баталіоновъ и пять скобъ на всѣ баталіонныя знамена,—каждому баталіону по одной. Въ это время всѣ баталіоны, кромѣ 4-го, были въ экспедиціи, и потому Хлюпинъ отложилъ торжество прибивки лентъ и скобъ до времени возвращенія на зимнія квартиры.

Эти ленты и скобы были пожалованы Высочайшимъ указомъ еще 25-го іюня 1838 года нѣкоторымъ изъ полковъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса и только въ 1843 году получены въ этихъ полкахъ.

Въ указѣ о пожалованіи лентъ и скобъ говорилось слѣдующее:

«Желая сохранить въ побѣдоносной нашей арміи память незабвеннаго ея Основателя и въ каждомъ полку передать позднѣйшему потомству достохвальные ихъ подвиги и тѣмъ возбудить и въ новыхъ поколѣніяхъ храбрыхъ Россійскихъ войскъ соревнованіе къ столь же славнымъ на полѣ брани заслугамъ, установляемъ при знаменахъ и штандартахъ еще особые знаки отличія. Отличія эти присваиваются на слѣдующихъ правилахъ.

1. Въ тѣхъ полкахъ и отдѣльныхъ частяхъ, кои со времени своего первоначальнаго учрежденія хотя и измѣнились въ наименованіи, но въ продолженіе 100 лѣтъ и болѣе не были расформированы—имѣть въ пѣхотѣ на знаменахъ и въ кавалеріи на штандартахъ особыя орденскія ленты съ бахромой по утвержденному образцу.

2. Лентамъ этимъ быть въ гвардіи Андреевскимъ, а въ арміи и гарнизонѣ—Александровскимъ.

3. На лентахъ имѣть шитыя золотомъ или серебромъ, сообразно цвѣту пуговицъ полка, надписи, означающія: на лицевой сторонѣ—годъ основанія и первоначальнаго наименованія полка; на внутренней сторонѣ—въ войскахъ,

---

*) Дѣло № 12, ч. 2-я по 2-му отд. ген. шт. за 1845 г. Арх. шт. кав. воен. окр.

имѣющихъ знамена и штандарты съ разными надписями за отличія или подвиги: годъ пожалованія оныхъ и самыя отличія.

4. Внизу лентъ, подъ бахромой быть кованнымъ изображеніямъ: подъ означеніемъ года основанія полка—вензелевое изображеніе имени Основателя полка; подъ означеніемъ года пожалованія отличія на знамя—вензелевое изображеніе имени Государя, пожаловавшаго эти отличія; на противоположномъ концѣ внутренней стороны—изображеніе двухглаваго Россійскаго орла.

5. На верху, на бантѣ, у перегиба ленты имѣть особую вышитую надпись, означающую годъ пожалованія ленты.

6. Ленты привязывать къ знаменамъ и штандартамъ у верхней части древка, подъ орломъ или копьемъ особымъ шнуромъ, пробитымъ сквозь кольцо, у перегиба ленты подъ бантомъ.

7. Отличія эти считать принадлежностью знаменъ, но употреблять ихъ только во время полковыхъ праздниковъ, при водоосвященіяхъ, на Высочайшихъ смотрахъ, въ почетныхъ караулахъ, назначаемыхъ къ Особамъ Императорской фамиліи, къ коронованнымъ особамъ, къ генералъ-фельдмаршаламъ и къ шефамъ своимъ, а также на инспекторскихъ смотрахъ.

8. Внѣ этихъ случаевъ хранить ленты въ полковыхъ казенныхъ ящикахъ, за ключемъ и печатью полкового командира.

9. Всѣмъ полкамъ или частямъ или баталіонамъ, имѣющимъ знамена, но сто лѣтъ сряду не существующимъ, имѣть на древкѣ круглую позолоченную скобу, продѣтую снизу черезъ подтокъ и прикрѣпленную наглухо подъ полотномъ знамени.

10. На этой скобѣ изображать: имя Основателя полка, годъ основанія, первое названіе полка, тѣ отличія, которыя даны полку въ надпись на знамя или штандартъ, годъ пожалованія этого отличія и наименованіе полка, которому знамя принадлежитъ.

11. Скобы эти имѣть и въ тѣхъ войскахъ, которымъ жалуются установленныя этимъ указомъ ленты.

12. При исчисленіи времени основанія полковъ, тѣмъ полкамъ, которые изъ разныхъ частей сформированы, считать старшинство по сильнѣйшей, въ составъ его поступившей, если часть эта не менѣе полубаталіона; если же полкъ составленъ изъ другихъ полковъ въ меньшемъ составѣ частей, то старшинство или сформированіе полка полагать со дня послѣдовавшаго о томъ указа» *).

Александровскія ленты, данныя 1-му и 2-му баталіонамъ Тенгинскаго полка, имѣли слѣдующіе вензеля и надписи: на одной сторонѣ: вензель Императора Петра I; *1700 годъ—Пѣхот-*

*) Высочайшій указъ 25-го іюня 1838 года.

ный Ивана Бернера и 1711 годъ—Гарнизонные Фразера, Колтовскаго и Бухгольца полки; на другой сторонѣ: *Тенгинскаго пѣхотнаго полка,* и на бантѣ—*1838 годъ.*

На скобахъ 1-го и 2-го баталіона была та же надпись, что и на лентахъ. На скобахъ третьяго и четвертаго баталіоновъ: вензель Императора Александра I; *1803—Крымскій мушкетерскій полкъ; 1838—Тенгинскаго пѣхотнаго полка.* На скобѣ 5-го баталіона: вензель Императрицы Екатерины II; *1763—Украинскаго корпуса Козловскій полкъ—1829—За оборону крѣпости Баязета 20-го и 21-го іюня 1829 года; 1838—Тенгинскаго пѣхотнаго полка 5-го баталіона.*

Запасному баталіону Тенгинскаго полка была дана лента и скоба съ тѣми же надписями, что и на знаменахъ 1-го и 2-го баталіона *).

Въ слѣдующемъ 1844 году Хлюпинъ получилъ отъ начальника 20-й пѣхотной дивизіи одинъ экземпляръ Высочайше утвержденнаго расписанія тѣхъ полковъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, которымъ были пожалованы на знамена и штандарты орденскія ленты и скобы, съ подробнымъ указаніемъ, какія знамена и другія отличія имѣетъ каждый полкъ, въ томъ числѣ и Тенгинскій. Очевидно, это расписаніе знаковъ отличій и знаменъ, а также надписей на лентахъ и скобахъ, присланное въ нашъ полкъ, навели Хлюпина на мысль провѣрить до сихъ поръ совершенно неизвѣстные ему важные факты: когда и за какое отличіе получены знамена 1-го и 2-го баталіоновъ, составлявшія принадлежность собственно Тенгинскаго полка; и вообще—точно узнать, имѣютъ ли баталіоны его полка какія-либо грамоты на свои знамена или нѣтъ? Тотчасъ же онъ запросилъ объ этомъ баталіонныхъ командировъ **), и оказалось, что только на знамена 3-го и 4-го баталіоновъ, полученныя въ

---

*) Рапортъ полков. Хлюпина начальнику 20-й пѣхотной дивизіи отъ 28-го іюня 1845 г. № 2079. Дѣло полкового архива. Приказъ по Тенгинскому пѣхотному полку отъ 28-го октября 1843 г. № 312.

**) Предписаніе отъ 25-го января 1844 года за № 139. Отношеніе командиру Суздальскаго полка отъ 25-го января 1844 г. № 147. Отношеніе командиру Кавк. линейнаго № 5 баталіона подполковнику Манаенкѣ отъ 25-го января 1844 г. № 258.

1834 году отъ 1-го и 2-го баталіоновъ Крымскаго полка, имѣлись грамоты, хранившіяся въ дѣлахъ этихъ баталіоновъ; для остальныхъ же знаменъ грамотъ не было. Немедленно Хлюпинъ приступилъ къ разысканію ихъ.

Въ мартѣ 1844 года полученъ былъ отъ командира Суздальскаго полка отвѣтъ *), что «въ дѣлахъ бывшаго Тенгинскаго, а нынѣ ввѣреннаго ему Суздальскаго полка не оказалось никакихъ грамотъ на пожалованныя знамена, а также и свѣдѣній, когда и за что таковыя даны бывшему Тенгинскому полку, но должно полагать, что если и были на нихъ грамоты, то переданы тогда же съ знаменами въ означенный полкъ».

Послѣ этого Хлюпинъ обратился къ начальнику 20-й пѣхотной дивизіи съ просьбой исходатайствовать изъ главнаго штаба или грамоты на знамена 1-го и 2-го баталіоновъ Тенгинскаго полка или точныя свѣдѣнія, когда и за что эти знамена даны **).

Только въ сентябрѣ 1844 года получена была отъ дежурнаго генерала главнаго штаба копія съ имѣвшихся свѣдѣній въ «Хроникѣ войскамъ Россійской арміи» ***). Эту въ высшей степени интересную справку мы приводимъ полностью:

«1-е. Въ 1819 году на усиленіе Грузинскаго (что нынѣ Кавказскій) корпуса были назначены изъ находящихся внутри Россіи слѣдующіе полки: Апшеронскій, Тенгинскій, Навагинскій, Ширванскій, Куринскій и Мингрельскій пѣхотные и 41-й, 42-й, 43-й и 45-й егерскіе. Изъ сихъ полковъ большая часть Тенгинскаго, вмѣстѣ съ его знаменами, поступила на укомплектованіе Суздальскаго пѣх. полка, который по сему уваженію, по приказу командира вышеозначеннаго корпуса отъ 4-го ноября того же 1819 года, принялъ названіе Тенгинскаго, а остатокъ Тенгинскаго, съ присоединеніемъ къ нему небольшимъ числомъ людей Суздальскаго и съ знаменами сего послѣдняго, былъ возвращенъ въ Россію, подъ названіемъ Суздальскаго пѣхотнаго полка. Такимъ образомъ, по приказу командира Грузинскаго корпуса, полки обмѣнялись названіями, т. е. Суздальскій принялъ наименованіе Тенгинскаго, а Тенгинскій—Суздальскаго. Но въ 1825 году (Полн. собр. законовъ Рос.

---

*) Отношеніе командира Суздальскаго полка отъ 7-го марта 1844 г. № 772.

**) Рапортъ Хлюпина начальнику 20-й пѣхотной дивизіи отъ 25-го апрѣля 1844 г. № 1297.

***) Рапортъ дежурнаго генерала главнаго штаба командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса отъ 12-го іюля 1844 г. № 6000. Дѣло полкового архива.

Имперіи, т. XII, № 30359) послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы переименованіе сего не считать дѣйствительнымъ и чтобы оба полка сохранили старшинство, которое они имѣли до 1819 года: Суздальскій—съ 1707, а Тенгинскій—съ 1796 года.

2-е. Такъ какъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 21-го марта 1834 года положенія о переформированіи войскъ Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, 1-й и 2-й баталіоны нынѣшняго Тенгинскаго пѣхотнаго полка составились изъ 1-го и 2-го баталіоновъ этого же полка, то знамена въ нихъ должны находиться тѣ самыя, о которыхъ сказано выше, т. е.—принадлежавшія Тенгинскому полку до поступленія его въ число войскъ Кавказскаго корпуса, и именно этому полку пожалованныя, а не Суздальскому.

3-е. Первыя знамена Тенгинскимъ полкомъ были получены черезъ годъ по его учрежденіи, 18-го декабря 1797 года, когда онъ квартировалъ въ С.-Петербургѣ, и какъ оныя были пожалованы Императоромъ Павломъ I-мъ лично, то по этому случаю и грамоты на нихъ дано не было. Грамоты въ то время препровождались въ войска только при тѣхъ знаменахъ, которыя жалованы Императоромъ не своеручно, а черезъ пересылку. Впослѣдствіи, 28-го февраля 1818 года, эти знамена были перемѣнены отъ Коммиссаріатскаго Департамента Военнаго Министерства на новыя, нынѣ въ 1-мъ и 2-мъ баталіонахъ Тенгинскаго полка состоящія, но особыхъ грамотъ на оныя, какъ и въ прочіе полки, гдѣ были перемѣнены знамена, не доставлено.

4-е. Суздальскому пѣхотному полку знамена были пожалованы при Высочайшей грамотѣ 21-го января 1799 года, когда оный именовался мушкетерскимъ генералъ-маіора Глазова 2-го, и 7-го октября 1822 года замѣненъ (безъ грамоты) новыми, нынѣ въ 1-мъ и 2-мъ баталіонахъ сего полка состоящими».

Такимъ образомъ полковникъ Хлюпинъ узналъ, что Тенгинскій полкъ «учрежденъ» былъ въ 1796 году, а на слѣдующій 1797 годъ отъ Императора Павла I въ Петербургѣ получилъ свои знамена, которыя въ 1818 году были замѣнены новыми.

Грамота на георгіевское знамя 5-го баталіона, принятое отъ 2-го баталіона Козловскаго пѣхотнаго полка въ 1834 году, находилась въ Кавказскомъ линейномъ № 5 баталіонѣ, въ кр. Георгіевскѣ, куда поступилъ 1-й баталіонъ Козловскаго полка со всѣми архивами; поэтому Хлюпинъ истребовалъ ея копію, засвидѣтельствованную командиромъ линейнаго № 5 баталіона, подполковникомъ Манаенко *).

*) Отношеніе полковника Хлюпина отъ 12-го апрѣля 1844 г. за № 1188. Полк. архивъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же 1844 года Хлюпинъ получилъ изъ штаба кавказскаго отдѣльнаго корпуса предписаніе, какъ можно поспѣшнѣе собрать всѣ свѣдѣнія, какія имѣются въ полку относительно походовъ, сраженій, осадъ и оборонъ крѣпостей, въ которыхъ Тенгинскій пѣхотный полкъ когда-либо участвовалъ. Эти свѣдѣнія приказано было доставить генералъ-лейтенанту Михайловскому-Данилевскому, которому Императоръ Николай I поручилъ «немедленно приступить къ начертанію исторіи всѣхъ полковъ Россійской арміи» *).

Требованіе это причинило много хлопотъ Хлюпину, такъ какъ въ полку не имѣлось никакихъ точныхъ свѣдѣній о походахъ и дѣлахъ ни Тенгинскаго, ни Суздальскаго, ни Крымскаго, ни Козловскаго полковъ, которые въ разные годы поступили въ составъ Тенгинскаго. Пришлось поработать надъ извлеченіемъ всѣхъ отрывочныхъ свѣдѣній, разсѣянныхъ по архивамъ и послужнымъ спискамъ за старые годы **). За эту работу взялся самъ Хлюпинъ и его полковой адъютантъ штабсъ-капитанъ Найденовъ. Дѣлъ Козловскаго полка найти не могли и потому свѣдѣній совсѣмъ не составили; дѣла Тенгинскаго и Крымскаго полковъ имѣлись при полковомъ штабѣ, а дѣла и послужные списки Суздальскаго полка, отъ 1788 до 1810 года, были на время потребованы и перевезены въ Ивановское изъ Екатеринодара, такъ какъ они хранились тамъ въ войсковомъ правленіи черноморскаго войска. Для Крымскаго полка составили хронику съ 1806 г. (сформированъ въ 1803 г.); для Суздальскаго только съ 1757 г. (хотя онъ сформированъ былъ въ 1707 г.); для Тенгинскаго же—съ 1806 года по 1843 годъ. Надъ составленіемъ этихъ хроникъ провозились цѣлый годъ и только къ іюню мѣсяцу 1845 года онѣ были готовы ***). Копія съ этихъ хроникъ за подписью самого полковника Хлюпина сохранилась у

---

*) Предписаніе штаба отдѣльнаго кавказскаго корпуса отъ 21-го апрѣдя 1844 г. № 560. Полковой архивъ.

**) Рапортъ Хлюпина начальнику штаба кавказ. корпуса отъ 3-го іюня 1844 г. № 1829 Полковой архивъ.

***) Рапортъ Хлюпина въ генеральный штабъ главнокомандующаго отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ отъ 20-го мая 1845 г. № 1997. Полковой архивъ.

насъ и послужила основаніемъ дальнѣйшей хроники военныхъ дѣйствій полка, доведенной до 1863 г. включительно.

Въ 1845 году, по случаю составленія, по повелѣнію Императора Николая I, при департаментѣ военныхъ поселеній особыхъ таблицъ, заключающихъ въ себѣ рисунки мундировъ, штандартовъ и другихъ отличій, имѣющихся въ частяхъ россійскихъ войскъ, съ показаніемъ, когда учреждена каждая часть и за что именно и когда пожалованы ей знаки отличія,—были разосланы во всѣ полки предписанія о доставленіи этихъ свѣдѣній съ точнымъ описаніемъ наружнаго вида и цвѣта знаменъ и ихъ древокъ *) Свѣдѣнія, конечно, были немедленно же составлены и отосланы куда нужно. При этомъ Хлюпинъ назвалъ 1796 годъ —годомъ учрежденія Тенгинскаго полка, а относительно цвѣта знаменъ четырехъ дѣйствующихъ баталіоновъ своего полка сказалъ, что «по совершенной ветхости ихъ опредѣлить никакъ невозможно» **).

Такимъ образомъ, изъ этого краткаго очерка мы видимъ, какъ скудны были въ то время въ полку нашемъ историческія свѣдѣнія о его прошломъ.

Старшинство полка съ 1700 года оффиціально не было утверждено, какъ оно считается въ настоящее время; слѣдовательно, никому не было никакого дѣла до того, гдѣ находились и что дѣлали въ эпоху отъ 1700 года по 1796 годъ тѣ гарнизонные полки (потомъ отдѣльные баталіоны), которые въ 1796 году были соединены въ одинъ трехбаталіонный полкъ, названный *Мушкетерскимъ генералъ-отъ-инфантеріи Архарова 1-го* полкомъ, и только въ 1801 году принявшій наименованіе *Тенгинскій.*

Между тѣмъ жизнь нашего полка на зиму 1843—44 годовъ измѣнила свое обычное теченіе, сравнительно съ прежними годами, въ томъ отношеніи, что не всѣ баталіоны вернулись зимовать въ Черноморію. 2-й и 3-й баталіоны остались охранять новыя станицы лабинской линіи; 1-й баталіонъ ушелъ

---

*) Предписаніе штаба кавк. отдѣл. корпуса отъ 24-го іюня 1845 г. № 680. Полк. арх.

**) Рапортъ Хлюпина начальнику 20-й пѣх. див. отъ 28 Іюня 1845 г. № 2079 Полк. арх.

далеко отъ полка, въ станицу Горячеводскую и только 4-й и 5-й баталіоны занимали свои прежнія квартиры.

Самая трудная доля выпала на 2-й и 3-й баталіоны. Новыя станицы, выстроенныя наскоро и заброшенныя среди горъ и дремучихъ лѣсовъ, никакъ нельзя было назвать пріятнымъ мѣстопребываніемъ, въ особенности въ суровую зиму, когда вѣтеръ гудитъ по ущельямъ, снѣгъ засыпаетъ все и прерываетъ сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ. Конечно, при такихъ обстоятельствахъ самое пріятное было бы запереться въ теплую землянку и сидѣть тамъ, но вѣдь на тенгинскія роты возложено было охраненіе занимаемыхъ ими станицъ. Ко всѣмъ станичнымъ воротамъ, которыхъ бывало отъ 3-хъ до 5-ти, смотря по протяженію вала, окружавшаго кругомъ станицу, къ водопою, къ батареямъ и казармамъ ставились караулы, усиливаемые на ночь чуть ли не въ два раза; а по веснѣ, когда начиналъ стаивать снѣгъ, понадобилась охрана (каждый день человѣкъ по сорока) пастбищъ станичнаго скота, прикрытіе еженедѣльныхъ фуражировокъ и рубокъ лѣса; стали высылать за станицу ночные секреты, человѣкъ по двадцати, для наблюденія за окрестностями и, кромѣ всего этого, регулярно каждую недѣлю посылались оказіи, величиною не менѣе взвода, подъ командой офицера, въ Усть-Лабу и на промежуточные между станицами посты для смѣны карауловъ. Общій расходъ роты долженъ былъ доходить въ иные дни до двухсотъ человѣкъ, а въ ротахъ нашихъ было всего въ среднемъ по 170-ти человѣкъ. Если принять во вниманіе еще раненыхъ и больныхъ, дежурныхъ по станицѣ унтеръ-офицеровъ, портныхъ, сапожниковъ, рабочихъ, передѣлывающихъ боевые патроны, и другихъ нижнихъ чиновъ, занятыхъ по ротному хозяйству, то въ результатѣ оказывалось, что только 140 человѣкъ оставалось для несенія той службы, на которую была поставлена рота въ станицу,—и въ общемъ смѣны рабочимъ и карауламъ совсѣмъ не было *). А весною, нѣтъ-нѣтъ, да появлялись близъ станицы горцы. Тотчасъ же кордонный началь-

*) Вѣдомости о расходѣ людей въ ротахъ 2-го баталіона, представленныя 24-го апрѣля и 7-го іюня 1844 года.

никъ экстренно составлялъ отрядъ и двигался дня на два въ горы; да еще при этомъ требовалъ, чтобы роты выходили въ полномъ составѣ, человѣкъ 160—170 въ каждой. Дѣлать было нечего, приходилось безропотно нести на себѣ всю тягость службы, такъ какъ помощи ждать было неоткуда.

Съ первыхъ чиселъ февраля 1844 года начались дѣятельныя распоряженія о приготовленіи къ новымъ экспедиціямъ въ горы. Появились слухи, что Хаджи-Магометъ, находившійся все время среди абадзеховъ, распространилъ свое вліяніе на племена праваго фланга, и потому въ этомъ году надо было ожидать гораздо большаго сопротивленія движенію нашихъ войскъ, нежели въ прошломъ.

По Высочайше утвержденному предположенію о военныхъ дѣйствіяхъ въ 1844 году, на правомъ флангѣ кавказской линіи должно было выполнить слѣдующія работы: 1) окончить укрѣпленіе на р. Кяфирѣ; 2) устроить еще двѣ новыхъ станицы; 3) исправить прежнія укрѣпленія на Лабѣ, и 4) построить еще нѣсколько казачьихъ постовъ. Для этой цѣли назначено было девять баталіоновъ пѣхоты, въ число которыхъ входили 1-й, 2-й и 3-й баталіоны Тенгинскаго полка *).

Нашъ 1-й баталіонъ предназначался на р. Кяфиръ для довершенія начатаго въ прошедшемъ году укрѣпленія, затѣмъ, для охраненія верховьевъ Кубани и для занятія пути сообщенія съ линіею отъ новаго укрѣпленія на Кяфирѣ до Невинномысскаго тетъ-де-пона. 2-й баталіонъ—для обезпеченія трехъ новыхъ станицъ на низовьяхъ Лабы и для охраненія усть-лабинскаго участка и низовьевъ Лабы. 3-й баталіонъ, въ составѣ летучаго отряда на средней части лабинской линіи, назначался въ видѣ общаго резерва для самыхъ необходимыхъ работъ по исправленію постовъ и укрѣпленій на всей лабинской линіи **).

20-го февраля 1-й баталіонъ выступилъ изъ своихъ зимнихъ квартиръ въ станицѣ Горячеводской и 1-го марта при-

*) Дѣло № 12, дополненіе ко 2-й части 2-го отд. ген. шт. за 1843 г. Арх. шт. кавк. воен. окр.

**) Рапортъ командующаго войсками отъ 8-го февраля 1844 г. № 309. Тамъ же, № 12.

былъ къ сліянію рѣкъ Кяфира и Бешгона, въ новое укрѣпленіе, гдѣ смѣнилъ зимовавшихъ здѣсь житомирцевъ. 2-й, 3-й и 5-й баталіоны занимали пока свои станицы по лабинской линіи, а 4-й баталіонъ, подъ командой полковника Левковича, оставался въ Черноморіи въ распоряженіи генералъ-лейтенанта Завадовскаго.

26-го февраля въ станицу Ивановскую прибылъ маршевой баталіонъ Московскаго пѣхотнаго полка, назначенный на укомплектованіе Тенгинскаго полка. Въ виду тѣсноты помѣщеній въ Ивановскомъ, онъ расположился въ 10-ти верстахъ оттуда, въ станицѣ Старонижестебліевской. Всего пришло: 51 унтеръ-офицеръ, 24 музыканта и 718 рядовыхъ *).

Изъ всѣхъ этихъ людей было выбрано въ гренадерскую бригаду 72 человѣка, остальные должны были быть раздѣлены по ротамъ Тенгинскаго полка; такимъ образомъ, каждая рота получила по тридцати пяти совершенно обученныхъ и хорошо вооруженныхъ солдатъ. Это пополненіе было въ высшей степени своевременно, такъ какъ роты наши давно уже страдали отъ недостатка людей.

Въ это время правый флангъ составляли только три пѣхотныхъ полка: Тенгинскій, Брестскій и Бѣлостокскій. Необычайные успѣхи Шамиля въ 1842 и 1843 годахъ заставили стянуть большую часть войскъ къ лѣвому флангу линіи. Навагинскій пѣхотный полкъ уже второй годъ какъ ушелъ на лѣвый флангъ и занималъ Владикавказскій округъ; Кабардинскій и Куринскій полки давно уже были въ Дагестанѣ и частью на лѣвомъ флангѣ.

Еще зимою 1843 года войска праваго и лѣваго фланговъ одновременно получили приказаніе готовиться къ экспедиціямъ весною. Такъ какъ предполагались частыя движенія налегкѣ вглубь горъ, то приказано было завести вьючныя сѣдла для возки на нихъ патронныхъ ящиковъ, палатокъ, артельныхъ котловъ, крупы, сала и соли, а также солдатскаго сухарнаго запаса **).

---

*) Рапортъ Хлюпина командующему войсками отъ 29-го февраля 1844 г. № 665. Полковой архивъ.

**) Предписаніе Хлюпина баталіоннымъ командирамъ отъ 19-го января 1844 г. № 188.

Такихъ вьючныхъ сѣделъ каждая рота должна была имѣть по одиннадцати и постройку ихъ окончить непремѣнно къ 15-му іюня. Такимъ образомъ, въ этой экспедиціи войска должны были имѣть исключительно вьючный обозъ, а артельныя конныя и воловьи повозки могли быть взяты только до сборныхъ пунктовъ отрядовъ *). Что же касается до солдатскаго снаряженія, то въ немъ не сдѣлали никакого облегченія, а напротивъ категорически было приказано, чтобы всѣ нижніе чины имѣли на себѣ ранцы и только для легкости безъ боковыхъ дощечекъ, а гренадеры, кромѣ ранцевъ, еще портупеи съ тесаками и патронныя сумы съ гранатами о трехъ огняхъ. Это приказаніе поставило Хлюпина въ большое затрудненіе, такъ какъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, люди имѣли на себѣ только перевязи съ патронными сумами, а ранцы всѣхъ баталіоновъ оставались въ штабѣ полка, въ Черноморіи, и теперь ихъ приходилось доставлять на Лабу на полковыхъ лошадяхъ къ дѣйствующимъ баталіонамъ, отстоявшимъ отъ штаба на пятьсотъ верстъ (напр., 1-й баталіонъ на Кяфирѣ) и нѣсколько ближе (2-й и 3-й баталіоны на лабинской линіи). Какъ ни старался Хлюпинъ, находившій, что «ранцы въ здѣшнихъ дѣйствіяхъ служатъ однимъ обремененіемъ солдата, особенно въ гористыхъ и покрытыхъ лѣсомъ мѣстахъ», избавиться отъ этой обузы ему не удалось; дѣлать было нечего, приходилось подчиняться волѣ начальства. Затѣмъ онъ обратилъ серьезное вниманіе на одежду солдатъ, на обозъ, лагерныя палатки и оружіе. Онъ предписалъ поспѣшнѣе раздать годовыя вещи и исправить мундиры съ тѣмъ, чтобы взять въ походъ мундиры «хотя старые, но крѣпкіе и— отнюдь не съ кожаными пуговицами, а съ мѣдными, хотя бы и безъ нумеровъ, стараго образца». Въ баталіоны вслѣдъ затѣмъ были отправлены всѣ полковые портные съ матеріалами и кромѣ того для ускоренія привлечены всѣ музыканты и унтеръ-офицеры **).

Но къ сожалѣнію, при всей своей дѣятельности, Хлюпинъ

*) Предписаніе бригаднаго командира отъ 25-го января 1844 г. № 8. Полк. архивъ.
**) Рапортъ Хлюпина бригадному командиру отъ 10-го января 1844 г. № 83. Тамъ же.

почти на каждомъ шагу встрѣчался съ такими недостатками полкового хозяйства, передъ которыми опускались руки. Такъ, напримѣръ, половина всѣхъ палатокъ оказывалась совсѣмъ негодною; оружіе въ полку было старое: ружья, хотя и ежегодно исправлялись починкою, но въ числѣ ихъ было множество прослужившихъ болѣе 25-ти лѣтъ, такъ что всякое исправленіе ихъ оказывалось напраснымъ и безполезнымъ *). Къ 15-му апрѣля всѣ приготовленія къ экспедиціи на Лабу приказано было закончить.

Продовольственные запасы на 8 мѣсяцевъ были сосредоточены: въ укр. Темиргоевскомъ—для отряда, дѣйствующаго на низовьяхъ Лабы, въ ст. Лабинской—для особаго летучаго отряда и въ укрѣпленіи на Кяфирѣ и въ ст. Невинномысской—для всей зеленчукской линіи и также для отряда, предназначаемаго на верховья Зеленчука. Въ усть-лабинскомъ госпиталѣ было прибавлено тридцать мѣстъ; въ темнолѣсскомъ госпиталѣ очищено помѣщеніе на 50 человѣкъ для больныхъ и раненыхъ зеленчукскаго отряда. Кромѣ того, каждый баталіонъ долженъ былъ имѣть по одной госпитальной палаткѣ на 25 больныхъ и госпитальныхъ припасовъ на 35 человѣкъ. Заряды приказано было сосредоточить въ слѣдующихъ пунктахъ: въ укрѣпленіи Темиргоевскомъ—100.000 патроновъ; въ ст. Лабинской 30.000; въ укрѣпленіи на Кяфирѣ—10.000 и въ ст. Невинномысской 40.000 **). Вмѣстѣ съ тѣмъ, для ускоренія доставки донесеній по лабинской линіи и оттуда въ Черноморію была учреждена пѣшая почта въ видѣ постовъ изъ нижнихъ чиновъ, расположенныхъ одинъ отъ другого въ полупереходѣ ***).

1844 годъ былъ послѣднимъ годомъ дѣятельности Хаджи-Магомета на Западномъ Кавказѣ; въ концѣ этого года онъ неожиданно умеръ, но зато передъ концомъ своей жизни ему удалось подчинить здѣсь своему вліянію почти всѣ отдѣльныя

---

*) Рапортъ Хлюпина начальнику 20-й дивизіи отъ 2-го марта 1844 г. № 714. Дѣло полк. архива.

**) Рапортъ командующаго войсками отъ 8-го февраля 1844 г. № 309. Дѣло № 12, ч. II, 2-го отд. генер. штаба 1843—45 гг.—Арх. шт. кав. воен. окр.

***) Исходящій журналъ 1844 г. № 361.—Дѣло полкового архива.

народности; кто же не хотѣлъ подчиняться добровольно, тѣхъ онъ заставлялъ силою. Къ числу послѣднихъ, сознающихъ, что гораздо выгоднѣе быть подвластными русскому правительству, принадлежали бесленеевцы, жившіе вдоль лѣваго берега Лабы, т. е. какъ разъ на границѣ нашихъ владѣній. Въ началѣ весны 1844 г. они прислали къ начальнику лабинской линіи, полковнику Рихтеру, депутацію съ просьбою послать на лѣвый берегъ Лабы отрядъ войскъ, чтобы поддержать ихъ въ виду угрозы Хаджи-Магомета прислать своихъ людей для собиранія съ нихъ штрафовъ, что означало полнѣйшій разгромъ ихъ ауловъ, и помочь имъ переселиться на правый берегъ рѣки. Полковникъ Рихтеръ, вполнѣ понимавшій серьезное значеніе этого обстоятельства, не заставилъ себя долго ждать.

Къ 15-му марта въ укр. Зассовскомъ уже былъ собранъ отрядъ изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты (2-й и 3-й баталіоны Тенгинскаго полка), четырехъ конныхъ и четырехъ пѣшихъ сотенъ казаковъ и восьми орудій *). Эти войска еще не успѣли какъ слѣдуетъ окончить необходимыя приготовленія къ экспедиціи, какъ приходилось выступить въ походъ. 17-го отрядъ переправился черезъ Лабу и, пройдя 20 верстъ вверхъ по теченію р. Ходзь, остановился на ночлегъ. 20-го марта, передъ разсвѣтомъ, было получено извѣстіе, что большое скопище абадзеховъ, баракаевцевъ, тамовцевъ и башильбаевцевъ намѣрено сдѣлать нападеніе на ст. Лабинскую, почему отрядъ былъ двинутъ по лѣвому берегу Лабы къ укрѣпленію Махошевскому; слѣдствіемъ этого движенія было то, что горцы не рѣшились привести въ исполненіе своего намѣренія.

21-го марта появились опять извѣстія о сборѣ многочисленной партіи. Непріятель былъ увѣренъ, что всѣ войска съ праваго фланга отозваны на лѣвый и что отрядъ, совершившій движеніе на р. Ходзь, послѣдуетъ за ними.

Получивъ свѣдѣнія, что главнѣйшіе старшины собрались для совѣщаній въ махошевскомъ аулѣ Глабугай, на оконечно-

*) Рапортъ полковника Рихтера отъ 8-го марта 1844 г. Дѣло № 17 ч. I-я, 2-го отд. генер. шт. за 1844 г. Арх. шт. кав. воен. окр.

сти Длиннаго лѣса, въ которомъ расположилась значительная часть скопища, полковникъ Рихтеръ рѣшилъ внезапно накрыть ихъ тамъ и разгромить. 23-го марта отрядъ нашъ снова переправился на лѣвый берегъ Лабы, противъ укр. Махошевскаго, и двинулся къ аулу Глабугай.

Этотъ аулъ, состоявшій болѣе чѣмъ изъ ста дворовъ, расположенъ былъ въ 45-ти верстахъ отъ укр. Махошевскаго и лежалъ въ глубокой балкѣ по теченію р. Катль. Онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ дремучимъ лѣсомъ; доступы къ нему были весьма затруднительны, такъ какъ на пути встрѣчалось много овраговъ; безпрестанно приходилось переходить въ бродъ множество рѣкъ съ широкими рукавами; но для кавказскихъ войскъ не существовало препятствій—они шли всю ночь, кавалерія достигла окрестностей аула къ 4-мъ часамъ утра, и 24-го марта пѣхота прибыла съ нею почти одновременно. Черезъ два часа отдохнувшія войска были готовы къ нападенію. Небольшой обозъ отряда былъ оставленъ на другой сторонѣ урочища Апче, подъ прикрытіемъ четырехъ ротъ пѣхоты и двухъ орудій, которыя въ то же время составляли резервъ отряда.

Едва только разсвѣло такъ, что можно было различать окрестные предметы, двѣ сотни казаковъ переправились черезъ р. Катль и быстро обскакали аулъ Глабугай съ правой стороны; для поддержанія ихъ были посланы 3-я гренадерская и 7-я мушкетерская роты Тенгинскаго полка; въ то же самое время двѣ другія сотни, поддержанныя 8-ю и 9-ю ротами Тенгинскаго полка, обскакали аулъ съ лѣвой стороны, а четыре сотни пѣшихъ казаковъ ворвались въ аулъ съ фронта. Моментально были зажжены сакли и началось безпощадное избіеніе горцевъ; послѣдніе, застигнутые врасплохъ, отчаянно сопротивлялись въ то время, какъ ихъ семейства спѣшили по глубокому оврагу скрыться въ чащѣ лѣса. Темнота имъ помогла и потому въ нашихъ рукахъ осталось только восемь плѣнныхъ, все имущество и 400 штукъ разнаго скота. Въ это время 2-я гренадерская и 4-я мушкетерская роты Тенгинскаго полка съ 6-ю орудіями и донскимъ казачьимъ полкомъ занимали высоту на правомъ берегу Катль

съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ нужды подкрѣпить колонну, посланную въ атаку; сюда отошли всѣ войска, когда аулъ былъ совершенно разоренъ.

Между тѣмъ непріятель, собравшись на выстрѣлы, со всѣхъ сторонъ спѣшилъ большими толпами на перерѣзъ отряду къ ущельямъ, прилегающимъ къ Апче. Это совершенно соотвѣтствовало планамъ полковника Рихтера, такъ какъ главнѣйшая цѣль его движенія состояла въ томъ, чтобы нанести скопищу враговъ возможно большій вредъ, а для этого надо было заставить ихъ выйти на равнину.

Когда всѣ части отряда собрались на правомъ берегу Катль, полковникъ Рихтеръ поспѣшилъ отправить кавалерію впередъ къ вагенбургу прежде, чѣмъ горцы успѣютъ занять переправу черезъ топкую рѣчку, а затѣмъ самъ съ шестью ротами Тенгинскаго полка при 4-хъ орудіяхъ, прикрывая все захваченное въ аулѣ, началъ отступленіе къ оврагу Апче. Горцы массами окружили колонну и безпрестанно съ ожесточеніемъ бросались въ шашки; тенгинцы, слѣдуя примѣру своихъ ротныхъ командировъ, штабсъ-капитановъ Карпова и Стоша, поручика Кушелева и, въ особенности, командовавшаго частью цѣпи храбраго подпоручика Бетаки, съ большимъ успѣхомъ отражали всѣ атаки. Когда колонна приблизилась къ оврагу, нападенія горцевъ усилились еще болѣе. 5-я и 6-я мушкетерскія роты Тенгинскаго полка, подъ начальствомъ маіора Маслова, заблаговременно спустились изъ вагенбурга къ оврагу, чтобы облегчить переправу; лѣсъ былъ осыпанъ картечью, и отрядъ перешелъ на другую сторону. Тогда непріятель всѣми силами обрушился на арьергардъ. При самой переправѣ, у ящика одного изъ орудій, находившагося въ арьергардѣ, былъ убитъ ѣздовой и ранены двѣ лошади; онѣ бросились въ сторону, ящикъ покатился въ кручу и завязъ въ тинистомъ ручьѣ; приказано было немедленно вынуть изъ него заряды, чтобы они не достались въ руки непріятеля. Но на это необходимо было довольно продолжительное время. Авангардъ вернулся назадъ, и въ оврагѣ, такимъ образомъ, соединились всѣ десять ротъ отряда; горцы окружили ихъ и на-

чали страшную стрѣльбу, но не могли помѣшать войскамъ спасти заряды.

Стянувъ колонну и выждавъ, когда большія толпы горцевъ показались изъ лѣса, Рихтеръ пустилъ на нихъ въ атаку свою кавалерію. Непріятель не выдержалъ и въ безпорядкѣ отступилъ въ лѣсъ и больше уже не тревожилъ наши войска. Скоро скопища горцевъ разсѣялись по всѣмъ сторонамъ и только стоны женщинъ, оплакивавшихъ свои потери на пожарищѣ аула Тлабугай, напоминали о разыгравшейся здѣсь 24-го марта драмѣ. Отрядъ отдохнулъ немного и 25-го марта вернулся въ укр. Махошевское.

Былъ второй день Святой Пасхи. Солдаты наши радовались, что можно будетъ, наконецъ, отдохнуть по праздничному; но въ глубинѣ души они чувствовали, что не такъ бы слѣдовало встрѣтить этотъ Свѣтлый праздникъ. Крѣпко отзывалась на нихъ тяжесть службы въ эти дни, когда каждаго русскаго человѣка тянетъ въ церковь послушать Слово Божіе. Но знали они также хорошо, что еслибъ сами не справили тризны на непріятельскомъ пепелищѣ, то врагъ не заставилъ бы себя долго ждать и, собравшись несмѣтной толпой, въ свою очередь вволю потѣшился бы надъ ними.

Эта экспедиція обошлась для насъ очень дорого: убито было 16 нижнихъ чиновъ (изъ нихъ тенгинцевъ 9 человѣкъ) и ранено 2 офицера и 72 нижнихъ чина (изъ нихъ тенгинцевъ 38). Въ вознагражденіе за понесенные труды полковникъ Рихтеръ отдалъ солдатамъ всю захваченную у непріятеля баранту *).

До половины мая лабинская линія была все время въ тревожномъ ожиданіи нападенія горцевъ. Наконецъ вода въ Лабѣ и Кубани поднялась, и только тогда наши линіи были обезпечены отъ покушенія непріятеля.

3-го іюня изъ ст. Новинномысской выступилъ отрядъ изъ

*) За это дѣло тенгинцы получили слѣдующія награды: маіоръ Гриневичъ, поручикъ Бетаки и Гейцль—Монаршее благоволеніе и шт.-капитаны Карповъ и Стоша—слѣдующіе чины; нижніе чины—9 знаковъ отличія воен. орд. Дѣло № 15, по дежур. особ. отд. за 1844 г. Арх. шт. кав. воен. окр.

трехъ баталіоновъ пѣхоты, одного взвода саперъ, 8-ми орудій и двухъ сотенъ казаковъ и направился вверхъ по Большому Зеленчуку къ новому укрѣпленію на р. Кяфирѣ, названному Надеждинскимъ укрѣпленіемъ. Здѣсь ждалъ его 1-й баталіонъ Тенгинскаго полка, который еще 1-го марта прибылъ изъ Горячеводской въ Надеждинское. Рѣшено было, тотчасъ же по прибытіи отряда на Кяфиръ, приступить къ окончательному устройству укрѣпленія. Въ то же самое время на средней части р. Лабы былъ собранъ летучій отрядъ въ видѣ общаго резерва, а также для исправленія укрѣпленій и постовъ по всей лабинской линіи и возведенія новаго поста между укрѣпленіями Курганнымъ и Егерукаевскимъ. Въ составъ летучаго отряда, который находился въ вѣдѣніи командующаго лабинской линіей подполковника Волкова, входили 3-й баталіонъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка, $^1/_2$ взвода саперъ, двѣ сотни казаковъ и 4 орудія.

Въ теченіе всего лѣта оба отряда, надеждинскій и летучій, нѣсколько разъ совершали движенія въ тѣ мѣста, гдѣ, по донесеніямъ лазутчиковъ, собирались горцы. Работы на время сбора отрядовъ прекращались и возобновлялись по возвращеніи. Но вскорѣ нашъ 3-й баталіонъ, состоявшій въ летучемъ отрядѣ, былъ размѣщенъ въ станицахъ Вознесенской, Лабинской и Чамлыкской.

Къ 17-му октября постройка Надеждинскаго укрѣпленія на р. Кяфирѣ была завершена окончаніемъ башни въ шпицѣ новаго бастіона. Уже недѣли двѣ стояла отвратительная погода; дождь лилъ въ перемежку со снѣгомъ; дулъ постоянно сѣверный вѣтеръ и чувствовалось, что ранняя зима съ суровыми морозами уже наступаетъ. Бодрые до сихъ поръ солдаты стали побалѣвать лихорадками, что было вполнѣ естественно, такъ какъ они ночевали въ ветхихъ палаткахъ, а работали подъ открытымъ небомъ. Поэтому, какъ только башня была закончена, отрядъ получилъ приказаніе разойтись по своимъ зимнимъ квартирамъ. Въ Надеждинскомъ укрѣпленіи на скучное зимнее сидѣніе остался нашъ 1-й баталіонъ съ одной ротой Брестскаго полка и двумя сотнями казаковъ *).

*) Дѣло № 17, ч. I, по 2-му отд. ген. шт. за 1844 г. Арх. шт. кав. воен. окр.

2-й баталіонъ тенгинцевъ все лѣто провелъ въ занимаемыхъ имъ новыхъ станицахъ, на низовьяхъ Лабы. На его долю, какъ мы уже ранѣе описывали, пришлась самая трудная служба, вслѣдствіе недостатка людей. Уже къ маю мѣсяцу 1844 года среди солдатъ обнаружилнсь развитіе лихорадокъ и цынготныхъ болѣзней; въ это время до 175-ти человѣкъ изъ четырехъ ротъ были больны; всѣ остальные утратили прежній здоровый видъ и сильно отстали по фронту *).

Полковникъ Хлюпинъ единственный исходъ изъ этого невеселаго положенія видѣлъ лишь въ замѣнѣ 2-го баталіона 4-мъ, который второй уже годъ оставался въ Черноморіи и хотя занималъ караулы въ Екатеринодарѣ и по станицамъ, но все же пользовался сравнительно гораздо лучшими условіями. Поэтому онъ началъ усиленно хлопотать и 24-го іюня уже получилъ отъ корпуснаго командира разрѣшеніе произвести смѣну баталіоновъ по полубаталіонно, чтобы не ослаблять линій. 1-го августа выступили изъ своихъ квартиръ 4-я гренадерская рота съ баталіоннымъ знаменемъ и 12-я мушкетерская и направились вверхъ по Кубани къ устью Лабы. Онѣ должны были смѣнить 2-ую гренадерскую и 6-ую мушкетерскую, принявъ отъ нихъ баталіонный лазаретъ и полковой обозъ. 2-я же гренадерская и 6-я мушкетерская роты, прибывъ въ Черноморію, смѣняли 10-ю и 11-ю мушкетерскія роты, которыя въ свою очередь должны были тотчасъ же выступить на Лабу **).

4-й баталіонъ выступалъ въ составѣ 1-го штабъ-офицера, 13-ти оберъ-офицеровъ и 943-хъ нижнихъ чиновъ. Придя на лабинскую линію, онъ располагался: баталіонный штабъ и 11-я и 12-я мушкетерскія роты въ ст. Тенгинской, 4-я гренадерская въ Некрасовской и 10-я мушкетерская въ Воздвиженской.

На другой же день по прибытіи на новыя мѣста, командиръ 4-го баталіона, подполковникъ Лебединскій, осмотрѣлъ станицы и нашелъ, что всѣ казармы полуразрушены, такъ что въ нихъ

---

*) Рапортъ Хлюпина начальнику корпуснаго штаба отъ 21-го мая 1844 г. № 1651. Полк. архивъ.

**) Дѣла полкового архива за 1844 годъ.

опасно было помѣщаться. Въ то же самое время сталъ обнаруживаться и недостатокъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, благодаря трудной службѣ. Здѣсь было не то, что дома, въ Черноморіи. Не успѣли еще устроиться какъ слѣдуетъ роты 4-го баталіона, какъ горцы уже сдѣлали имъ соотвѣтствующую встрѣчу. 17-го августа утромъ партія въ 800 человѣкъ конныхъ и пѣшихъ темиргоевцевъ подкралась къ станицѣ Тенгинской, врасплохъ налетѣла на казаковъ, пасшихъ свой скотъ близъ станицы, и буквально искрошила ихъ шашками, а затѣмъ все стадо въ 400 головъ погнала въ лѣсъ къ переправѣ. Пятнадцать человѣкъ убитыхъ и десять раненыхъ казаковъ остались на мѣстѣ. Маіоръ Тенгинскаго полка Масловъ съ двумя своими ротами (11-й и 12-й мушкетерскими) бросился въ погоню и настигъ хищниковъ въ лѣсу у переправы; осыпавъ ихъ картечью, онъ ударилъ въ штыки и отбилъ назадъ половину скота, другую половину хищники успѣли угнать за Лабу. Такимъ образомъ отпраздновалъ 4-й баталіонъ свое прибытіе на лабинскую линію.

Не прошло и мѣсяца, какъ партія горцевъ напала на небольшой конвой въ числѣ 24-хъ человѣкъ тенгинцевъ и 14-ти казаковъ, шедшій 7-го сентября съ рабочими казаками изъ Некрасовской ст. въ Усть-Лабинскую. Горцы неистово бросились въ шашки, пользуясь ничтожными силами прикрытія. Но начальникъ конвоя, унтеръ-офицеръ 13-й роты Грабовскій, не потерялся. Спокойно и твердо подавалъ онъ команды къ залпамъ, стараясь не допускать до рукопашной схватки. И послѣ каждаго залпа отступалъ дальше къ переправѣ на Кубани. Но наконецъ патроны стали подходить къ концу, и горцы начали одолѣвать. Уже одиннадцать человѣкъ тенгинцевъ и нѣсколько казаковъ были изрублены шашками, изъ остальныхъ тринадцати человѣкъ конвоя почти всѣ были переранены, но не переставали отбиваться штыками. Въ это время показалось подкрѣпленіе, спѣшившее на выстрѣлы. Горцы, видя, что придется поплатиться за свою дерзость, поспѣшно отступили къ лѣсу *).

Возмущенные этой дерзостью, тенгинцы рѣшили мстить гор-

*) Дѣло № 17, ч. I-я, 2-го отд. генер. шт. за 1844 годъ. Архивъ шт. кав. воен. окр.

цамъ при всякомъ удобномъ случаѣ. И вотъ 17-го сентября такой случай представился. Казаки, охотившіеся за Лабою, прибѣжали на Подольскій постъ, гдѣ находился съ 7-й и 9-й мушкетерскими ротами штабсъ-капитанъ Кушелевъ, и сообщили ему, что верстахъ въ семи паслось много непріятельской баранты. Тотчасъ-же Кушелевъ вызвалъ охотниковъ и вышли какъ одинъ обѣ роты. Выбравъ 180 человѣкъ и 70 казаковъ, онъ ночью подошелъ къ указанному мѣсту и внезапно окружилъ партію горцевъ, сторожившихъ баранту. Тѣ были такъ ошеломлены, что не могли обороняться и бросились бѣжать, оставивъ нѣсколько убитыхъ. Захвативъ до 3-хъ тысячъ баранты *), Кушелевъ вернулся обратно, безвредно осыпаемый выстрѣлами собравшихся отовсюду горцевъ; при этомъ изъ отряда пропалъ безъ вѣсти одинъ тенгинецъ; вѣроятно раненый, онъ утонулъ при переправѣ.

Послѣ того не разъ еще горцы дѣлали небольшія, но дерзкія нападенія на наши войска. Для того, чтобы проучить ихъ, начальникъ лабинской линіи подполковникъ Волковъ, не обращая вниманія на наступившіе сильные морозы, собралъ 3-й и 4-й баталіоны Тенгинскаго полка, 12 сотенъ казаковъ и 6 орудій и 11-го ноября двинулся въ земли наиболѣе провинившихся безпокойныхъ темиргоевцевъ, верстъ за 40 къ рѣкѣ Фарсу. Здѣсь, въ каргармезскомъ лѣсу, казаки отбили у горцевъ огромный табунъ лошадей, послѣ чего отрядъ двинулся обратно. Потерять табунъ было для темиргоевцевъ самымъ жестокимъ наказаніемъ. Они массами бросались на нашъ отрядъ, но ничего сдѣлать не могли, встрѣчаемые повсюду огнемъ и штыками. 15-го ноября отрядъ вернулся обратно въ ст. Воздвиженскую, и войска были распущены по домамъ **).

Въ Черноморіи весною 1844 года дѣятельность нашихъ войскъ заключалась въ движеніяхъ отрядовъ 2-го февраля и 17-го мая въ Абинское укрѣпленіе и обратно для сопровожденія транспортовъ. Движенія эти были чрезвычайно трудны, благодаря болотистой

*) Начальникъ дивизіи требовалъ точной отчетности о томъ, сколько было убито баранты, рогатаго скота и лошадей у горцевъ, сколько изъ этого числа отпущено на продовольствіе войскъ, сколько погибло, сколько осталось и гдѣ находятся. Приказъ по полку отъ 25-го іюня 1844 г.

**) Дѣло № 17, ч. I-я, по 2-му отд. генер. шт. за 1844 г. Арх. шт. кав. воен. окр.

дорогѣ, испортившейся отъ сильныхъ дождей, и сопровождались незначительными перестрѣлками. «Въ то время, какъ въ арьергардѣ горская молодежь и удальцы дрались съ нашими солдатами и казаками, въ авангардѣ являлись старики и почетные люди, объясняя весьма равнодушно, что трудно у молодыхъ отнять охоту порѣзвиться» *).

1-го февраля 1844 года полковникъ Хлюпинъ получилъ нѣсколько экземпляровъ приказа военнаго министра (отъ 8-го ноября 1840 года № 79), которымъ Императоръ Николай Павловичъ приводитъ во всеобщую извѣстность подвигъ рядового Тенгинскаго полка Архипа Осипова, добровольно вызвавшагося въ 1840 году зажечь пороховой погребъ въ Михайловскомъ укрѣпленіи во время нападенія горцевъ **).

Этотъ приказъ военнаго министра уже разъ былъ отданъ въ приказѣ по Тенгинскому полку отъ 13-го января 1841 года, и съ тѣхъ поръ, вѣроятно, о немъ больше и не упоминалось. Забыли постепенно и о приказѣ военнаго министра и о самомъ подвигѣ Архипа Осипова, такъ какъ весьма возможно, что тенгинцамъ, привыкшимъ къ разнымъ случайностямъ боевой жизни, катастрофа въ Михайловскомъ укрѣпленіи въ 1840 году казалась самымъ обыкновеннымъ, неизбѣжнымъ явленіемъ жизни. Теперь же было предписано разослать по одному экземпляру этого приказа въ каждую роту Тенгинскаго полка съ тѣмъ, чтобы онѣ хранили его вѣчно, передавая по описи въ числѣ прочихъ ротныхъ документовъ и, при чтеніи въ установленное время нижнимъ чинамъ военно-уголовныхъ законовъ, читали-бы и приказъ этотъ, «чтобы всѣ воинскіе чины знали доблестный поступокъ Осипова, сохраняли его въ своей памяти и, убѣдясь изъ сего примѣра, что никакой достохвальный подвигъ воина не останется ненагражденнымъ, горѣли бы рвеніемъ слѣдовать примѣру увѣковѣчившаго имя свое товарища ихъ».

Такимъ образомъ, только въ началѣ 1844 года, т. е. четыре

---

*) Журналъ командующаго черном. линіей. Дѣло № 17, по 2-му отд. ген. шт., ч. 1-я. за 1844 г. Арх. шт. кав. воен. окр.

**) Предписаніе Хлюпина командиру 1-го бат. отъ 1-го февраля 1844 г. № 325. Исх. журн. за 1844 г. Полковой арх.

года спустя послѣ взрыва укрѣпленія, всѣ нижніе чины Тенгинскаго полка узнали, что подвигъ ихъ товарища, тенгинца, оцѣненъ и узаконенъ Государевымъ словомъ. До этого же времени даже старики, вѣроятно, не помнили о немъ, поглощенные своими дѣлами и службой, переполненной трудами и опасностями.

10-го февраля въ станицѣ Ивановской случился сильный пожаръ. Огонь занялся на ротныхъ дворахъ и перешелъ на обывательскіе дома. Дулъ сильный вѣтеръ, и пожаръ охватилъ все селеніе. Къ несчастію всѣ нижніе чины Тенгинскаго полка, бывшіе въ штабѣ полка, въ этотъ моментъ находились въ полковой церкви на говѣніи. Караулы забили тревогу и солдаты только тогда высыпали на пожарище. Одни изъ нихъ самоотверженно бросились въ огонь помогать жителямъ спасать ихъ добро, другіе поспѣшили къ казеннымъ строеніямъ и стали выносить полковое имущество. Рядовой Макаръ Васьяновъ увидѣлъ внутри одного дома, объятаго со всѣхъ сторонъ пламенемъ, оторопѣвшую женщину, бросился въ середину и вынесъ ее на своихъ рукахъ, не обращая вниманія на то, что на немъ горѣла одежда и обуглились волосы. Другіе солдаты не отставали отъ него въ добромъ желаніи помочь погорѣльцамъ. Только къ вечеру огонь былъ затушенъ. Много домовъ, а также казармы учебной команды и другія строенія Тенгинскаго полка сгорѣли до тла; пришлось учебную команду вывести въ сосѣднюю станицу *). Полковая церковь къ счастью уцѣлѣла отъ огня.

Вскорѣ послѣ того произошло одно событіе, имѣвшее большое нравственное значеніе для нашихъ солдатъ. 11-го апрѣля, въ Тенгинскомъ полку было получено отъ начальника штаба кавказскаго корпуса 200 иконокъ и крестовъ, изъ числа присланныхъ къ командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса высокопреосвященнымъ Филаретомъ, митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ, отъ мощей св. Сергія, «какъ знаменіе благословенія Богу пріятнаго молитвенника земли Русской». Кресты и

*) Рапортъ Хлюпина начальнику 20-й дивизіи отъ 14-го іюля 1841 г. № 2242. Дѣло полк. архива.

иконки приказано было раздать черезъ священника тѣмъ изъ нижнихъ чиновъ, которые отличаются благонравіемъ и будутъ находиться въ этомъ году въ военныхъ дѣйствіяхъ *).

Въ каждый баталіонъ немедленно было отослано сорокъ иконокъ и крестовъ, и солдаты съ благоговѣніемъ получили эти священные предметы, доказывавшіе имъ, что и о нихъ, незамѣтныхъ труженикахъ, возносятъ къ Богу молитвы въ Москвѣ—сердцѣ Россіи.

1-й баталіонъ на одинъ лѣтній мѣсяцъ для фронтовыхъ занятій и цѣлевой стрѣльбы, не производившихся вслѣдствіе постоянныхъ передвиженій и неблагопріятныхъ условій походной жизни уже нѣсколько лѣтъ, былъ поставленъ лагеремъ возлѣ гор. Екатеринодара. Лагерь начался съ 10-го мая и продолжался до 18-го іюня. Каждый день по два раза производились сначала шереножныя, а потомъ ротныя ученья и цѣлевая стрѣльба, для которой выстроили особый земляной валъ. Для образованія офицеровъ и унтеръ-офицеровъ дѣлали по временамъ восьмирядныя ученья **). Но въ серединѣ мая мѣсяца 4-му баталіону пришлось на пять дней оторваться отъ своихъ занятій, чтобы сопровождать транспортъ въ укрѣпленіе Абинское. Возвратившись оттуда, онъ продолжалъ по прежнему свои занятія.

Съ первыхъ чиселъ іюня стало извѣстнымъ, что придется смѣнить 2-й баталіонъ на Лабѣ, и съ этого времени роты 4-го баталіона стали готовиться къ выступленію.

2-й баталіонъ прибылъ въ Черноморію въ половинѣ августа. Своимъ составомъ, благодаря развившимся среди солдатъ болѣзнямъ, онъ на 120 человѣкъ былъ бѣднѣе 4-го баталіона ***). Тамъ состояло: 1 штабъ-офицеръ, 9 оберъ-офицеровъ и 823 нижнихъ чина. Но это не помѣшало 2-му баталіону, исполняя въ Черноморіи ту же службу, которую несъ здѣсь 4-й баталіонъ, еще и отдыхать послѣ тяжелой службы на лабинской

---

*) Предписаніе Хлюпина баталіоннымъ командирамъ отъ 6-го мая 1844 г. № 1434; дѣло полк. арх. Исх. журн. 1844 г.

**) Предписаніе Хлюпина полковнику Левковичу отъ 27-го апрѣля 1844 г. № 1348, полк. архивъ.

***) Рапортъ командира 2-го баталіона отъ 15-го августа 1844 г. № 1437.

линіи. Полковникъ Левковичъ, командиръ 4-го баталіона, остался въ Черноморіи временно-командующимъ Тенгинскимъ полкомъ, такъ какъ полковникъ Хлюпинъ 6-го іюля выѣхалъ изъ Ивановской въ Россію въ трехмѣсячный отпускъ. Левковичъ былъ энергичный и опытный въ Кавказской войнѣ штабъ-офицеръ; начальство имъ очень дорожило, поручая ему отъ времени до времени наиболѣе трудныя предпріятія, требовавшія большой опытности и рѣшимости.

Такъ, въ концѣ августа ему приказано было произвести за Кубанью рубку строевого лѣса, въ которой тенгинскія роты не участвовали. Не смотря на то, что эта грандіозная рубка была сопряжена съ массою труда, такъ какъ для перевозки лѣса было собрано болѣе двухъ тысячъ фургоновъ для которыхъ пришлось построить два парома и новую батарею для прикрытія этихъ переправъ черезъ Кубань, Левковичъ такъ удачно выбралъ мѣсто рубки между Кубанью, р. Афипсомъ и непроходимыми плавнями, что если бы здѣсь собралось даже десять тысячъ горцевъ, то онъ съ небольшимъ, по его словамъ, отрядомъ удержался бы противъ нихъ *).

Всю эту осень 2-й баталіонъ тенгинцевъ отдыхалъ. Только въ началѣ октября предпринято было сначала движеніе двухъ ротъ 2-го баталіона за Кубань для содѣйствія переселенію племени жанбейцевъ съ долины рѣки Пшецъ на Каракубанскій островъ къ ихъ соплеменникамъ, а затѣмъ, тотчасъ по возвращеніи къ Ольгинскому тетъ-де-пону, совершено было уже всѣмъ баталіономъ движеніе къ Абину. Отрядъ, въ составѣ 2-го баталіона Тенгинскаго полка, двухъ Черноморскихъ пѣшихъ баталіоновъ, пяти сотенъ казаковъ и трехъ взводовъ артиллеріи, подъ начальствомъ генерала Рашпиля, собрался здѣсь 5-го и 6-го октября и двинулся къ укрѣпленію Абинскому. Путь былъ трудный; приходилось исправлять плотины на аушецкихъ болотахъ и все время вести перестрѣлку съ горцами. На обратномъ пути 9-го октября, проходя мимо прилегающаго къ дорогѣ лѣса, всего въ трехъ верстахъ отъ укрѣпленія, отрядъ нашъ наткнулся на

*) Рапортъ Левковича ген.-м. Рашпилю, отъ 23-го августа 1844 г. № 2640. Полк. архивъ.

толпу пѣшихъ и конныхъ горцевъ, занявшихъ лѣсъ. Необходимо было выбить ихъ оттуда, такъ какъ иначе опасно было продолжать движеніе. Это предпріятіе поручено было полковнику Левковичу съ двумя ротами тенгинцевъ и сотнею казаковъ. Разсыпавъ цѣпь, Левковичъ приказалъ открыть частую стрѣльбу по опушкѣ лѣса, а затѣмъ самъ повелъ тенгинцевъ въ атаку; горцы не устояли и бросились бѣжать; дѣло было выиграно, но зато храбрый Левковичъ былъ раненъ пулею въ ногу. Трудно было потомъ удержать тенгинцевъ, которые рвались отомстить за своего командира. Горцы затѣмъ нападали еще на нашъ авангардъ и арьергардъ, но были отбиты оба раза. Съ нашей стороны былъ убитъ 1 казакъ, ранено два, и контужено 3 тенгинца. 10-го октября отрядъ прибылъ къ Ольгинскому тетъ-де-пону и былъ распущенъ по квартирамъ *).

Такъ закончились военныя дѣйствія Тенгинцевъ въ 1844 году. Сдѣлавъ общій обзоръ этимъ дѣйствіямъ, мы увидимъ, что непріятель нашъ какъ будто бы ослабѣлъ; сборища его стали меньше и дѣйствія противъ нашихъ границъ разрозненнѣе.

Главная причина этой разрозненности заключалась въ томъ, что въ концѣ года неожиданно умеръ Хаджи-Магометъ, который цѣлыхъ четыре года волновалъ закубанскій край и держалъ большинство его жителей почти въ полномъ повиновеніи. Теперь все это на время прекратилось—русскимъ войскамъ стало спокойнѣе жить и получилась возможность доканчивать устройство новыхъ линій.

Но съ декабря мѣсяца снова стали долетать изъ-за Кубани тревожные слухи о новыхъ значительныхъ сборищахъ горцевъ, намѣревавшихся перейти обледенѣвшую Кубань и разорить наши станицы и курени. Говорили о появленіи среди закубанцевъ новаго предводителя, называвшагося Сулейманъ-эфенди, присланнаго Шамилемъ вмѣсто Хаджи-Магомета. Эти слухи заставили насъ повсюду принять энергичныя мѣры къ отраженію внезапнаго нападенія непріятеля. Однако, ожиданія для Черноморіи не оправдались, такъ какъ горцы сосредоточили все свое вниманіе

*) Дѣло № 17, ч. I-я. 2-го отд. ген. шт. кав. воен. окр.

на лабинскую линію, гдѣ и пришлось нашимъ войскамъ въ глубокую зиму совершить большую экспедицію для наказанія непокорныхъ. На зиму 1844 года Тенгинскій полкъ располагался на правомъ флангѣ: на лабинской линіи по станицамъ,—2-я и 3-я мушкетерскія роты 1-го баталіона и 3-й и 4-й баталіоны; въ кр. Усть-Лабѣ—5-я гренадерская и 13-я мушкетерская роты; въ Черноморіи: въ станицахъ 2-й баталіонъ, 1-я гренадерская и 1-я, 14-я и 15-я мушкетерскія роты; полковой штабъ по прежнему—въ станицѣ Ивановской.

Такимъ образомъ, въ Черноморіи стояли восемь строевыхъ ротъ Тенгинскаго полка; остальныя же двѣнадцать были сосредоточены на правомъ флангѣ *).

Въ концѣ 1844 года состоящій для особыхъ порученій при командующемъ войсками на кавказской линіи генералъ-маіоръ Анненковъ произвелъ обычный смотръ всѣмъ полкамъ 20-й пѣхотной дивизіи. Этотъ смотръ далъ слѣдующіе результаты:

Нижнихъ чиновъ въ Тенгинскомъ полку состояло:

	по списку:	на лицо:
Унтеръ-офицеровъ	535	519
Музыкантовъ	208	201
Рядовыхъ	5104	5019
Нестроевыхъ	171	169
Въ инвалидной ротѣ:		
Унтеръ-офицеровъ	20	15
Рядовыхъ	262	234
Нестроевыхъ	3	3
Въ нестроевой ротѣ:		
Унтеръ-офицеровъ	1	1
Рядовыхъ	125	121
Нестроевыхъ	106	98

Ружей состояло 7-ми-линейнаго калибра длинноствольныхъ 3910, короткоствольныхъ 1455, а всего 5365; изъ нихъ найдены негодными 2981 ружья, т. е. болѣе половины, всѣ тонкоствольны и подвержены разрыву; но они только въ 1846 году были

*) Дѣло № 256, 2-го отд. генеральн. штаба. Арх. шт. кав. воен. окр. за 1844 г.

замѣнены новыми. Со дня инспекторскаго смотра 1843 года по день такого же смотра 1844 года бѣжало: 17 человѣкъ (въ Навагинскомъ полку—2, Кабардинскомъ—42, Куринскомъ—30); умерло въ госпиталяхъ 174 чел., состояло больныхъ 447, убито въ перестрѣлкахъ 12, погибло отъ несчастныхъ случаевъ 3, умерло скоропостижно 2, застрѣлилось 6 человѣкъ.

Въ хозяйственномъ отношеніи полки 20-й дивизіи найдены въ одинаково хорошемъ состояніи; въ строевомъ же отношеніи представились въ слѣдующемъ порядкѣ: первымъ оказался Егерскій кн. Чернышева, вторымъ—Тенгинскій, третьимъ—Куринскій, четвертымъ—Навагинскій *).

О состояніи же воинскихъ чиновъ, выведенныхъ на смотръ, инспектирующій отозвался такъ: «сбережены хорошо; видъ имѣютъ здоровый, бодрый; содержатъ себя чисто и опрятно и удовольствованы всѣмъ положеннымъ по штату сполна».

Такимъ образомъ, все обстояло благополучно; полкъ нашъ въ дивизіи оказался вторымъ по успѣхамъ строевого образованія, и полковникъ Хлюпинъ могъ успокоиться, такъ какъ въ отношеніи смотровъ этотъ годъ прошелъ значительно успѣшнѣе, чѣмъ предъидущій.

Что же касается до военныхъ дѣйствій въ Черноморіи и въ особенности на правомъ флангѣ, то они, имѣя характеръ оборонительный и колонизаціонный, казались современникамъ по своимъ результатамъ слишкомъ скромными, сравнительно съ экспедиціями на лѣвомъ флангѣ. А между тѣмъ, по общему мнѣнію нашихъ историковъ кавказской войны, единственный только успѣхъ на всей кавказской линіи въ 1844 году мы имѣли, устроивъ лабинскую линію и занявъ, такимъ образомъ, земли между Кубанью и Лабой. Медленно, шагъ за шагомъ, съ огромными трудами и лишеніями подвигались здѣсь русскіе вглубь владѣній непокорныхъ горцевъ и насаждали въ нихъ, при помощи заселенія станицъ, новую жизнь и новую культуру; однимъ изъ главныхъ тружениковъ въ насажденіи этой культуры былъ

*) Донесеніе Государю Императору о смотрѣ полковъ 20-й пѣхотной дивизіи. Дѣло № 349, отд. I дел. 3-го стола за 1844 г. Арх. шт. кав. воен. окр.

Тенгинскій пѣхотный полкъ, который своею кровью расплачивался съ горцами за каждую пядь земли, отвоеванную у нихъ и присоединенную къ русскимъ владѣніямъ.

Начало 1845 года ознаменовалось на Кавказѣ событіемъ, которое считается очень важнымъ въ исторіи кавказской войны. Высочайшимъ приказомъ отъ 27-го декабря 1844 года членъ государственнаго совѣта, новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ, генералъ-отъ-инфантеріи, генералъ-адъютантъ графъ Воронцовъ былъ назначенъ главнокомандующимъ отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ и намѣстникомъ кавказскимъ *).

Громкая извѣстность графа Воронцова и его популярность въ войскахъ заставляли ожидать самыхъ рѣшительныхъ дѣйствій. Дѣйствительно, въ 1845 году была совершена, подъ его личнымъ начальствомъ, знаменитая даргинская экспедиція, окончившаяся потерею почти трехъ тысячъ человѣкъ **) и трехъ орудій. Но эта экспедиція служила отголоскомъ прежняго образа военныхъ дѣйствій на Кавказѣ; послѣ нея мы начали дѣйствовать болѣе систематично и если сравнить начавшійся теперь въ Чечнѣ образъ дѣйствій русскихъ войскъ съ послѣдними дѣйствіями на правомъ флангѣ, то можно увидѣть полнѣйшее сходство,— вырубая просѣки въ непроходимыхъ лѣсахъ и заселяя новыя станицы, мы занимали постепенно земли враждебныхъ намъ горцевъ и затѣмъ вводили въ покоренныхъ областяхъ управленіе, вполнѣ основанное на народныхъ обычаяхъ. Въ сущности это было возвратомъ къ ермоловской, нѣкогда забракованной.

Въ 1845 году съ нашей стороны не предполагалось никакихъ усиленныхъ военныхъ дѣйствій, вмѣстѣ съ тѣмъ и непріятель, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, не имѣлъ возможности предпринять противъ насъ что нибудь значительное; но не смотря на все это, графъ Воронцовъ старался какъ можно болѣе усилить войска по всей линіи для того, чтобы имѣть возможность вездѣ

*) Командующій войсками кавказской линіи и Черноморіи г.-л. Гурко назначался начальникомъ главнаго штаба кавказск. войскъ; вмѣсто него былъ назначенъ ген.-лейтенантъ Завадовскій. (Прик. по полку отъ 2-го марта 1845 г.).

**) Здѣсь, во время слѣдованія 10-го іюля 1845 г. колонны отъ сел. Дарго къ позиціи въ Киркинскомъ ущельѣ, было убито 11 человѣкъ ниж. чиновъ Тенгинскаго полка, находившихся въ полубригадѣ конно-подвижного магазина. (Прик. по полку отъ 26-го сент. 1845 г.).

и во всякое время года удержать каждое покушеніе горцевъ, а въ случаѣ надобности и самимъ дѣйствовать наступательно. Въ особенности его безпокоило положеніе праваго фланга, гдѣ оставался одинъ Тенгинскій полкъ въ то время, какъ Шамиль, при посредствѣ Сулеймань-эфенди, прилагалъ особенное стараніе взволновать закубанцевъ, побуждая ихъ къ возстанію противъ русскихъ *).

Но не взирая на всѣ опасенія намѣстника Кавказа, въ этомъ году было рѣшено вывести отсюда 5-й пѣхотный корпусъ, въ виду чего уже въ началѣ года состоялось переформированіе дивизій кавказскаго корпуса въ новый составъ, по которому Тенгинскій и Навагинскій пѣхотные полки, соединившись съ Ставропольскимъ и Кубанскимъ егерскими, составили 19-ю пѣхотную дивизію **).

По Высочайше утвержденному предположенію, Тенгинскій полкъ въ 1845 году неизмѣнно долженъ былъ продолжать ту же дѣятельность, какъ и въ предыдущіе два съ половиною года.

Въ Черноморіи, для охраненія пограничной линіи и устройства штабъ-квартиры Тенгинскаго полка, оставался 2-й баталіонъ и двѣ роты 5-го баталіона. Другія двѣ роты 5-го баталіона (5-я грен. и 13-я мушк.) были въ Усть-Лабѣ для охраны усть-лабинскаго участка. На правомъ флангѣ и на лабинской линіи было сосредоточено восемь баталіоновъ пѣхоты (въ томъ числѣ 1-й, 3-й и 4-й баталіоны Тенгинскаго полка) и 100 чел. саперъ для водворенія двухъ новыхъ станицъ на низовьяхъ Лабы, постройки промежуточныхъ постовъ на лабинской линіи, окончанія Надеждинскаго укрѣпленія на рѣкѣ Кяфирѣ и для охраны всей новой линіи ***).

Еще съ декабря 1844 года ходили упорные слухи о большихъ сборахъ горцевъ за Лабой, державшихъ всю Черноморію и

---

*) Отношеніе гр. Воронцова къ кн. Чернышеву отъ 24-го іюля 1845 г. № 44. Акты кавк. археогр. ком. т. X.

**) Приказъ по отд. кавк. корп. № 164 за 1845 г. Дѣло № 658 — Арх. шт. кавк. воен. округа.

***) Дѣло № 438, 3-го отд. генер. шт. за 1844 г. Арх шт. кав. воен. округа.

албинскую линію въ тревожномъ ожиданіи нападенія. Но прошелъ декабрь, за нимъ почти половина января, а горцы не появлялись. Говорили, что они оставили намѣреніе напасть на черноморскія станицы, а теперь мѣтятъ на лабинскую линію. Тогда начальникъ этой линіи, полковникъ Рихтеръ, рѣшилъ немедленно же наказать закубанцевъ за ихъ сборы съ враждебной цѣлью. Для этого онъ задумалъ разорить два темиргоевскихъ аула Темрюкай и Пхеней-хаджи-эфенди, расположенные одинъ подлѣ другого на лѣвомъ берегу р. Бѣлой.

Къ 23-му января на р. Лабѣ, въ ст. Некрасовской, былъ собранъ отрядъ изъ семнадцати ротъ пѣхоты, двадцати съ полови-ною сотенъ казаковъ и двѣнадцати орудій. Въ составъ пѣхоты входили Тенгинскаго полка 3-й и 4-й баталіоны и 2-я и 3-я мушкетерскія роты 1-го баталіона. Подъ сильнымъ дождемъ, скрытно, ночными движеніями подошли роты и сотни къ назначенному времени на сборный пунктъ. Но тутъ на бѣду Лаба вскрылась и набѣгъ пришлось на время отложить; только черезъ недѣлю погода измѣнилась—ударилъ морозъ, Лаба замерзла и войска, скученныя въ Некрасовской станицѣ и томившіяся бездѣйствіемъ, могли двинуться въ походъ. Ради успѣха предпріятія, чтобъ захватить горцевъ врасплохъ, отрядъ двигался ночью. Полковникъ Рихтеръ распредѣлилъ его на три эшелона: первый состоялъ изъ семнадцати сотенъ кавалеріи съ конной артиллеріей; второй—изъ одиннадцати ротъ пѣхоты, сотни казаковъ и 4-хъ орудій; а третій—изъ всего обоза, подъ прикрытіемъ 4-го баталіона Тенгинскаго полка, одной сотни казаковъ и двухъ орудій. Эта экспедиція представляла въ полномъ смыслѣ кавалерійское дѣло; пѣхота была взята лишь для прикрытія при возвращеніи назадъ и для поддержки казаковъ въ случаѣ ихъ неудачи. Пройдя ночью на 3-е февраля въ глубокой тишинѣ около 55-ти верстъ отъ рѣки Лабы, кавалерія за полъ часа до разсвѣта подошла къ броду черезъ р. Бѣлую, находящемуся въ трехъ верстахъ ниже аула Темрюкая; оставивъ резервы на переправахъ, казаки внезапнымъ налетомъ разорили аулъ Пхеней-хаджи-эфенди, перебили всѣхъ жителей и захватили 36 человѣкъ и множество

имущества и баранты. Затѣмъ казаки стали отходить назадъ, чтобы уйти вовремя отъ стекавшихся со всѣхъ сторонъ горцевъ. На высотѣ второй линіи, казаки должны были остановиться, пока перевозили черезъ Бѣлую плѣнныхъ и перегоняли баранту. Къ этому времени сюда подошла и пѣхота второй колонны. Здѣсь завязалась жаркая перестрѣлка, такъ какъ число горцевъ увеличилось до 700. По окончаніи переправы войска построились въ походный порядокъ, и отрядъ началъ обратное движеніе къ Лабѣ, подъ прикрытіемъ 4-го баталіона Тенгинскаго полка и двухъ орудій, составлявшихъ арьергардъ. На долю тенгинцевъ выпала наиболѣе трудная задача, такъ какъ приходилось выдерживать самыя яростныя атаки горцевъ. Командиръ 10-й мушкетерской роты, штабсъ-капитанъ Наумовъ, былъ раненъ, но не оставилъ своего мѣста и ободрялъ солдатъ *).

Дорога проходила въ близкомъ разстояніи отъ рѣки Бѣлой, берега которой покрыты густымъ лѣсомъ, куда съ лѣвой стороны была выслана боковая цѣпь отъ 3-го баталіона Тенгинскаго полка. Непріятель перешелъ рѣку Бѣлую вслѣдъ за нашими войсками и на протяженіи 15-ти верстъ продолжалъ безпрерывную перестрѣлку съ арьергардною и боковыми цѣпями. Здѣсь у тенгинцевъ были ранены: 1 офицеръ, 6 нижнихъ чиновъ и одинъ пропалъ безъ вѣсти. Во всемъ же отрядѣ: убито 1 офицеръ, 3 нижнихъ чина; ранено 5 офицеровъ и 37 нижнихъ чиновъ и одинъ пропалъ безъ вѣсти.

Только къ разсвѣту слѣдующаго дня отрядъ возвратился въ ст. Некрасовскую послѣ 38-ми часового похода, и войска были распущены по квартирамъ **).

Съ половины мая начались работы по устройству и заселенію двухъ новыхъ станицъ. Конечно, въ этихъ работахъ Тенгинцы принимали самое дѣятельное участіе. 18-го мая выступили изъ ст. Прочно-окопской за Кубань переселенцы, идущіе въ новыя станицы, устраиваемыя на Лабѣ, близъ Егерукаевскаго укрѣпленія и Каратюбинскаго поста.

*) За эту отвагу ему впослѣдствіи была пожалована золотая шпага съ надписью «за храбрость», а нижнимъ чинамъ 10-й мушкетерской роты—четыре знака отличія военнаго ордена.

**) Дѣло № 21, 2-го отд. ген. шт. за 1845 г. Арх. шт. кав. воен. окр.

Въ прикрытіе этимъ переселенцамъ былъ назначенъ, подъ командой Тенгинскаго полка маіора Горба, отрядъ, состоявшій изъ 2-й мушкетерской роты, трехъ сотенъ и двухъ легкихъ орудій. Переправившись черезъ Кубань, вся эта колонна медленно двинулась черезъ степь къ Егерукаевскому укрѣпленію. Для обезпеченія же ея движенія были расположены лагеремъ на рѣкѣ Чамлыкѣ, между укрѣпленіемъ Егерукаевскимъ и постомъ Каратюбинскимъ, три остальныя роты второго баталіона Тенгинскаго полка, подъ командой подполковника Голубицкаго-Лебединскаго *).

Весь слѣдующій мѣсяцъ работы и жизнь на лабинской линіи шла совершенно тихо. Но вотъ въ среднихъ числахъ іюня получены были отъ лазутчиковъ извѣстія о томъ, что Сулейманъ-эфенди прибылъ къ верховьямъ р. Рупса съ значительною партіею горцевъ и тамъ выжидаетъ присоединенія къ нему еще абадзеховъ, темиргоевцевъ и махошевцевъ; цѣль же его дѣйствій пока скрывалась въ тайнѣ.

Полковникъ Рихтеръ быстро собралъ въ Прочномъ-окопѣ летучій отрядъ изъ шести ротъ пѣхоты (въ томъ числѣ 1-я мушкетерская рота Тенгинскаго полка), восьми сотенъ казаковъ и восьми орудій и выступилъ къ укрѣп. Зассовскому. Въ то же время онъ послалъ приказаніе 2-й мушкетерской ротѣ Тенгинскаго полка прибыть къ 23-му іюня въ ст. Вознесенскую, а 1-й гренадерской и 3-й мушкетерской къ 24-му числу въ укр. Зассовское. Такимъ образомъ и весь 1-й баталіонъ Тенгинскаго полка былъ собранъ здѣсь. Въ то же самое время для охраны линіи въ станицу Усть-Лабинскую былъ поставленъ казачій полкъ; въ двухъ новыхъ станицахъ близъ Егерукаевскаго укрѣпленія расположено было въ каждой по три роты Тенгинскаго полка, по двѣ сотни казаковъ и по два орудія, и, наконецъ, усиленъ баталпашинскій участокъ однимъ казачьимъ полкомъ. Такимъ расположеніемъ войскъ обезпечивалась лабинская линія отъ покушенія малыхъ партій. Съ своимъ же летучимъ отрядомъ Рихтеръ перешелъ къ Шалаховскому посту. Тогда сборище Сулей-

*) Дѣло № 41, по 2-му отд. ген. шт., ч. I-я, д. 1845 г. Арх. шт. кав. воен. окр.

манъ-эфенди 4-го іюля потянулось къ верховьямъ Лабы и расположилось въ 12-ти верстахъ выше Ахметовскаго укрѣпленія.

Отрядъ также перешелъ къ Ахметовой горѣ и сталъ лагеремъ въ двухъ верстахъ отъ укрѣпленія. Этимъ маневромъ была прикрыта вся лабинская долина, всѣ ногайскіе аулы по Кубани и племена, жившія на Тегеняхъ, Урупѣ и низовьяхъ Зеленчуковъ. Вскорѣ лазутчики, бывшіе на общихъ совѣщаніяхъ горцевъ, донесли, что цѣлью Сулейманъ-эфенди было вести собранное имъ скопище въ земли карачаевцевъ на соединеніе съ Шамилемъ. Необходимо было воспрепятствовать этому опасному движенію. Полковникъ Рихтеръ быстро, форсированными ночными переходами двинулъ свой летучій отрядъ къ Надеждинскому укрѣпленію на рѣкѣ Кяфирѣ. Это движеніе совершенно рушило всѣ намѣренія Сулейманъ-эфенди, такъ какъ сборище было прижато къ горамъ и могло не иначе проникнуть къ карачаевцамъ какъ по непроходимымъ горнымъ дебрямъ, что для конныхъ скопищъ было невыполнимо. Сулейманъ-эфенди, видя, что всѣ пути преграждены, 15-го іюля двинулся назадъ къ Лабѣ, гдѣ и распустилъ свое сборище. Нашъ отрядъ былъ также распущенъ по своимъ квартирамъ. Такимъ образомъ, полковнику Рихтеру одними только вѣрно разсчитанными маршами удалось отвратить опасность, угрожавшую нашему правому флангу *).

Горцы послѣ того совсѣмъ прекратили большія сборища противъ лабинской линіи и только изрѣдка дѣлали хищническія нападенія на наши станицы. Такъ, 2-го августа въ 1-мъ часу дня, небольшая партія, человѣкъ въ пятнадцать горскихъ наѣздниковъ, подобралась къ крѣпости Усть-Лабинской. Здѣсь горцы увидѣли 12-ти-лѣтнюю дѣвочку, дочь одного тенгинскаго солдата, вышедшую за крѣпостныя ворота—и задумали ее захватить въ плѣнъ. Къ счастью, караульные солдаты (отъ 5-й гренадерской и 13-й мушкетерской роты Тенгинскаго полка) не дремали. Услыхавъ отчаянные крики дѣвочки, они бросились за валъ и окружили смѣльчаковъ, которые не успѣли еще сѣсть

*) Дѣло № 14, ч. II-я, по 2-му отд. ген. шт. за 1845 г. Арх. шт. кавк. воен. окр.

на лошадей. Началась жестокая рукопашная свалка. Горцы уже забыли о добычѣ и старались спасти свою жизнь, отбиваясь отчаянно шашками. Наконецъ, оставшимся въ живыхъ удалось сѣсть на коней и ускакать. Да и было время, такъ какъ во всей крѣпости уже поднялась тревога. Дѣвочку спасли, но зато два тенгинца, рядовые 5-й гренадерской роты Осипъ Проценко и 15-й мушкетерской Алексѣй Введенскій, лежали на землѣ мертвые, а у рядового 13-й роты Ильи Чернявскаго была почти совсѣмъ отрублена шашкою лѣвая рука. Такъ поплатились наши молодцы за свой прекрасный порывъ самоотверженія.

Въ общемъ же осень и начало зимы прошли здѣсь спокойно, и войска могли безпрепятственно закончить всѣ возложенныя на нихъ работы.

Тенгинцамъ, остававшимся въ этомъ году въ Черноморіи, въ началѣ года пришлось гораздо тяжелѣе, нежели въ прошломъ. Сулейманъ-эфенди началъ свои дѣйствія сначала за Кубанью среди шапсуговъ и абадзеховъ, а потомъ уже перешелъ на Лабу; поэтому движенія въ Абинское укрѣпленіе для сопровожденія транспортовъ, благодаря начавшимся новымъ возстаніямъ, сдѣлались труднѣе и опаснѣе и совершались значительно чаще прежняго.

1-го января начальникъ 3-й части черноморской кордонной линіи полковникъ Пшекуй Могукоровъ получилъ извѣстіе, что значительныя силы закубанцевъ собираются на р. Иль съ цѣлью вторгнуться въ наши предѣлы. Ежедневно извѣстія эти подтверждались и были очень вѣроятны, такъ какъ Кубань совершенно замерзла и не представляла для горцевъ никакого препятствія. Поэтому немедленно были приняты самыя энергичныя мѣры—сформированы три летучихъ отряда: первый—на Ольгинскомъ посту, второй—въ Марьинской станицѣ и третій—на Александровскомъ посту. Въ случаѣ появленія непріятеля, каждый изъ этихъ отрядовъ долженъ былъ двигаться ему навстрѣчу и, такимъ образомъ, противникъ окружался со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, 11-го января слухи превратились въ реальную дѣйствительность. Двѣ тысячи конныхъ и пѣшихъ горцевъ прошли

между Марьинскимъ и Елинскимъ постами и, оставивъ на переправѣ свою пѣхоту въ видѣ резерва, быстро понеслись къ Марьинской станицѣ. Но здѣсь ихъ встрѣтилъ летучій отрядъ полковника Могукорова и прогналъ обратно къ переправѣ. Тогда горцы, подкрѣпленные своимъ резервомъ, заняли было кустарники на лѣвомъ берегу Кубани и лѣсъ на правомъ берегу, но подоспѣвшая 5-я мушкетерская рота Тенгинскаго полка со взводомъ конной артиллеріи прогнала ихъ оттуда далеко за Кубань.

Въ этотъ самый день, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, на протяженіи болѣе 80-ти верстъ кубанской кордонной линіи, горцы значительными партіями покушались ворваться въ наши предѣлы, но вездѣ испытали неудачу. Такая дерзость требовала немедленнаго преслѣдованія и наказанія хищниковъ, но страшная усталость войскъ, находившихся въ теченіи цѣлаго дня въ безпрерывныхъ форсированныхъ передвиженіяхъ, не позволила предпринять что-либо въ эту же ночь. Между тѣмъ, 12-го января лазутчики сообщили, что отдѣльныя шайки хищниковъ соединились въ урочищѣ Хабанецъ и на общемъ совѣщаніи рѣшили раздѣлиться на три партіи, чтобы 13-го января напасть на линію въ трехъ отдѣльныхъ другъ отъ друга пунктахъ.

Эти слухи заставили принять рѣшительныя мѣры. Въ тотъ же вечеръ собранъ былъ между Великолагернымъ и Елинскимъ постами отрядъ изъ 1431-го человѣка пѣхоты (2-й баталіонъ и 15-я мушкетерская рота Тенгинскаго полка), 2100 конныхъ казаковъ и 11-ти орудій. Въ 9 часовъ вечера отрядъ этотъ былъ уже на лѣвомъ берегу Кубани и неслышно двинулся дальше черезъ камыши и бурьяны, засыпанные глубокимъ снѣгомъ.

Вскорѣ на вершинахъ горъ засверкали непріятельскіе маяки,—это значило, что горцы замѣтили насъ. Однако до тетерикскаго лѣса отрядъ двигался безпрепятственно. Горцы предполагали, что лѣсъ этотъ совсѣмъ непроходимъ; но они должны были разубѣдиться въ этомъ, когда 13-го на разсвѣтѣ русскій отрядъ показался уже на другой сторонѣ опушки; они толпами бросились на авангардъ, который въ это время дебушировалъ изъ лѣса, и осыпали его градомъ пуль; однако нѣсколько вы-

стрѣловъ картечью и атака нашей конницы заставили непріятеля обратиться въ бѣгство. Послѣ этого наша пѣхота двинулась въ атаку на высокіе и крутые берега рѣки Иль и заняла этотъ главный оплотъ урочища Хабанецъ. Горцы принуждены были разойтись, такъ какъ мы отняли у нихъ тактическій ключъ позиціи, а нашъ отрядъ выступилъ въ обратный путь, по обыкновенію сопровождавшійся почти непрерывною перестрѣлкою, которую затѣвала горская молодежь, чтобы, по выраженію стариковъ, «порѣзвиться». Потери наши заключались въ 5-ти раненыхъ и 10-ти контуженыхъ; горцы же потеряли убитыми и ранеными до 80-ти человѣкъ. Такимъ образомъ, урочище Хабанецъ, считавшееся горцами недоступнымъ, было уничтожено почти безъ всякой потери съ нашей стороны *).

Едва прошли двѣ недѣли послѣ этого похода, какъ явилась необходимость совершить новое движеніе. Начальникъ Абинскаго укрѣпленія донесъ, что гарнизонъ его сильно нуждается въ огнестрѣльныхъ и продовольственныхъ припасахъ; поэтому къ 6-му февраля въ Ольгинское укрѣпленіе былъ стянутъ транспортъ въ 155 повозокъ съ продовольственными и другими припасами и собранъ отрядъ изъ 2000 человѣкъ пѣхоты (2-й баталіонъ и 14-я и 15-я мушкетерскія роты Тенгинскаго полка), 560-ти казаковъ и 8-ми орудій для прикрытія этого транспорта, подъ начальствомъ полковника графа Энгельштрома.

9-го февраля отрядъ выступилъ изъ Ольгинскаго тетъ-деона. Въ этотъ день съ утра свирѣпствовала страшная вьюга. Не успѣлъ отрядъ пройти и трехъ верстъ, какъ впереди его забушевало огромное пожарище. Горѣлъ камышъ, который подожгли горцы съ цѣлью произвести въ отрядѣ замѣшательство. Но войска наши стройно двигались впередъ. Дорога, проложенная черезъ аушецкія болота, была здѣсь невозможна. Огромныя рытвины, наполненныя едва обледенѣвшею сверху грязью, замедляли движеніе, такъ какъ повозки поминутно проваливались, и люди на своихъ рукахъ должны были вытаскивать ихъ. Къ ве-

*) Журналъ командующаго черноморскою кордонною линіею. Дѣло № 14, ч. I-я, 2-го отд. ген. шт. за 1845 г. Арх. шт. кав. воен. округа.

черу отрядъ дошелъ только до Кунипса. Полковникъ Энгельштромъ, занятый одною мыслью—скорѣй доставить Абинскому гарнизону припасы и успѣть возвратиться на Кубань, пока она еще не вскрылась, далъ здѣсь колоннѣ небольшой отдыхъ и въ 10 часовъ вечера двинулся дальше.

Только что выступили въ путь, какъ полилъ дождь, смѣшанный съ градомъ, который сильными порывами встрѣчнаго вѣтра билъ солдатамъ прямо въ лицо; затѣмъ дождь перешелъ въ снѣгъ и непроницаемая мгла распространилась вокругъ. Мятель разыгрывалась съ ужасающею силой; стужа сковывала всѣ члены; грязь обволакивала колеса и замерзала на нихъ, лошади становились; но отрядъ, напрягая всѣ силы, медленно и упорно подвигался впередъ. Въ такомъ положеніи транспортъ дошелъ до урочища Перру. Лошади подъ орудіями пристали, транспортный скотъ падалъ отъ совершеннаго изнуренія, и только люди сохраняли еще энергію и бодрость. Но двигаться дальше не было возможности. Отрядъ остановился въ походномъ порядкѣ, не имѣя даже дровъ для разведенія костровъ. А вьюга все не унималась. Немедленно кавалерія была отправлена версты за двѣ за топливомъ, и только черезъ часъ костры запылали вдоль всей колонны. Къ разсвѣту утихла мятель, но зато огромный снѣгъ покрылъ дорогу. Весь порціонный скотъ былъ впряженъ въ повозки, а казачьи лошади въ орудія. Обозъ двинулся въ путь и къ полудню 10-го февраля достигъ, наконецъ, Абинскаго укрѣпленія. На другой же день графъ Энгельштромъ двинулся обратно. Уже въ 4-хъ верстахъ отъ Абина горцы, прикрываясь большимъ лѣсомъ, завели перестрѣлку, а затѣмъ бросились на арьергардъ въ шашки; но нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій и залпы нашей пѣхоты разогнали ихъ. Утомленный отрядъ заночевалъ на Кунипсѣ, а на другой день къ 2-мъ часамъ дня былъ уже въ Ольгинскомъ укрѣпленіи. Послѣ этого войска разошлись по квартирамъ *).

Положеніе этого отряда, по случаю ужасной вьюги, буше-

*) Журналъ временно-командующаго черноморской кордонной линіей со 2-го по 14-е февраля 1846 г. Дѣло № 14, ч. I-я, по 2-му отд. ген. шт. за 1845 г. Арх. шг. кав. воен. окр.

вавшей по всей Черноморіи, сильно безпокоило командующаго черноморскою линіею, и онъ сдѣлалъ было распоряженіе о подачѣ немедленной помощи, но вовремя получилъ извѣстіе, что упорство и энергія тенгинцевъ и казаковъ одержали полную побѣду въ борьбѣ со стихіей и что отрядъ достигъ своей цѣли.

Вскорѣ послѣ этого 2-й баталіонъ Тенгинскаго полка выступилъ изъ Черноморіи на лабинскую линію, гдѣ смѣнилъ 3-й баталіонъ, который въ началѣ мая прибылъ въ Черноморію. Здѣсь уже 14-го мая 3-я гренадерская и 7-я мушкетерская роты съ полковой учебной командой Тенгинскаго полка, были назначены въ составъ отряда для сопровожденія новаго транспорта изъ Ольгинскаго тетъ-де-пона въ Абинское укрѣпленіе. Весь отрядъ былъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Рашпиля и состоялъ изъ 2701-го чел. пѣхоты, 1529-ти конницы и 14-ти орудій; войска эти прикрывали транспортъ въ 2989 повозокъ.

Такъ какъ генералъ Рашпиль опасался, что Сулейманъ-эфенди можетъ, послѣ выступленія транспорта,напасть на ослабленную линію нашихъ кордоновъ, то онъ образовалъ два вспомогательныхъ резерва (въ составъ которыхъ входили наши 8-я и 14-я мушкетерскія роты) и расположилъ одинъ изъ нихъ близъ Константиновскаго поста; оба эти резерва должны были оказывать защиту ближайшимъ мирнымъ ауламъ до возвращенія на линію абинскаго отряда.

Все время движенія транспорта, туда и обратно горцы производили безпрестанныя то разсыпныя, то сосредоточенныя атаки на наши боковыя цѣпи и арьергардъ. Главная колонна шла подъ начальствомъ полковника Хлюпина. Всѣ атаки горцевъ были отражены съ большими потерями для нихъ. Наша же потеря была слѣдующая: убиты 1 офицеръ и 5 нижнихъ чиновъ; ранено 11 нижнихъ чиновъ (въ томъ числѣ 2 тенгинца). 21-го мая войска вернулись въ Ольгинское и были распущены по квартирамъ *).

Въ этомъ году вліяніе Сулейманъ-эфенди на закубанцевъ стало приходить къ окончательному упадку. Горскіе народы,

*) Дѣло № 14, ч. I-я, по 2-му отд. генер. шт. за 1845 г. Арх. шт. кав. воен. округа.

жившіе ближе къ нашимъ границамъ, завели уже постепенно съ русскими торговыя сношенія и потому, конечно, находили для себя гораздо болѣе выгоднымъ поддерживать миръ. Какъ ни старался Сулейманъ-эфенди во время общихъ собраній разжигать въ народѣ фанатизмъ и ненависть къ русскимъ, сколько ни посылалъ онъ своихъ агентовъ къ мирнымъ горцамъ съ угрозами, что съ ними за ихъ приверженность къ русскимъ будетъ поступлено какъ съ непріятелями,—ничто не помогало. Какъ только народныя собранія расходились, всѣ постановленія разсѣивались въ прахъ, такъ какъ не было среди черкесовъ такой постоянной власти, которая наблюдала бы за исполненіемъ рѣшенія, принятаго большинствомъ. Что же касается до защиты мирныхъ закубанскихъ ауловъ, то стоило намъ составить при Александровскомъ посту небольшой резервъ (8-я и 9-я мушкетерскія роты Тенгинскаго полка, 250 казаковъ и два орудія) и устроить паромъ для переправы его, въ случаѣ надобности, на лѣвый берегъ Кубани, какъ непріятель оставлялъ свои намѣренія напасть на мирные аулы и расходился въ глубь горъ *).

Послѣ этого Сулейманъ-эфенди перенесъ свои дѣйствія на р. Бѣлую. Онъ старался убѣдить закубанцевъ дѣйствовать энергичнѣе, увѣряя ихъ, что русскіе только ждутъ удаленія его, чтобы вторгнуться въ ихъ аулы. Въ это же самое время въ Георгіе-Афипское укрѣпленіе былъ посланъ нашъ отрядъ для производства работъ. Сюда же къ 11-му іюня были присланы 8-я и 9-я мушкетерскія роты. Этотъ маневръ заставилъ непріятельскія сборища окончательно разойтись, такъ какъ они увидѣли, что всѣ ихъ старанія не вели ни къ чему, и русскіе вездѣ имѣли готовые отряды для отраженія ихъ нападеній. Черезъ два дня (13-го іюня) 8-я и 9-я роты вернулись въ Черноморію. Сулейманъ-эфенди, потерпѣвъ на Бѣлой полную неудачу, въ концѣ іюня перенесъ свои дѣйствія на Лабу, но и тамъ, какъ мы уже разсказывали, полковникъ Рихтеръ помощью удачныхъ маневровъ разрушилъ всѣ его планы. Въ 1846 году этотъ эмиссаръ Шамиля

*) Журналъ военнымъ происшествіямъ на черноморской кордонной линіи съ 29-го мая по 5-е іюня 1845 г. Дѣло № 14, ч. I-я, 2-го отд. ген. шт. за 1845 г. Арх. шт. кав. воен. окр.

окончательно покинулъ закубанскій край и вернулся въ Дагестанъ.

Въ теченіе всей второй половины 1845 года въ Черноморіи и на Лабѣ царствовало относительное затишье. Горцы уже не безпокоили наши пограничные кордоны. Движенія отрядовъ съ транспортами въ укрѣпленіе Абинское сопровождались лишь незначительными перестрѣлками, къ которымъ войска такъ привыкли, что не обращали на нихъ почти никакого вниманія.

Тенгинцы теперь на досугѣ занимались учебною стрѣльбою и фронтовымъ ученьемъ и приводили въ порядокъ хозяйственную часть. Труды ихъ, конечно, не пропали даромъ, и полкъ нашъ на осеннемъ инспекторскомъ смотру представился во всѣхъ отношеніяхъ первымъ въ дивизіи, т. е. на одну степень выше сравнительно съ прошлымъ 1844 годомъ *); а за отличное состояніе полкового лазарета полковникъ Хлюпинъ получилъ благодарность отъ командира отдѣльнаго кавказскаго корпуса въ приказѣ отъ 26-го декабря 1845 года.

Въ концѣ ноября Хлюпинъ получилъ дислокацію войскъ кавказской линіи на зиму 1845—1846 года. По этой дислокаціи расположеніе Тенгинскаго полка оставалось то же, что и раньше: 1-й, 2-й, 4-й и двѣ роты 5-го баталіона оставались на лабинской линіи, а 3-й баталіонъ и двѣ другія роты 5-го баталіона занимали черноморскую линію. Но частнымъ образомъ до тенгинцевъ дошли слухи, что они весной 1846 года будутъ переведены на лѣвый флангъ. Слухи были достовѣрные, и никто

*) Дѣло № 182, 1-го отд. деж. 3-го стола за 1845 годъ. Арх. шт. кавк. воен. округа. Приводимъ сравнительныя данныя смотровъ Тенгинскаго полка 1844 и 1845 гг.:

	въ 1844 г.	въ 1845 г.
Бѣжало	17 чел.	20 чел.
Умерло въ госпиталяхъ и лазаретахъ	174 »	360 »
Въ день смотра состояло больныхъ	447 »	404 »
Убито въ перестрѣлкахъ	12 »	12 »
Застрѣлилось	6 »	— »
Въ теченіе года заболѣло	2221 »	1791 »

Число умершихъ къ числу выздоровѣвшихъ въ Тенгинскомъ полковомъ лазаретѣ относится какъ: 1 : 37. Смерть въ госпиталяхъ и лазаретахъ происходила отъ слѣдующихъ болѣзней: водянки, изнурительной перемежающей лихорадки, нервной горячки, чахотки, цынги, воспаленія легкихъ и кишекъ, также кроваваго поноса, желчной горячки, грудной водянки.

уже не сомнѣвался, что Тенгинскій полкъ доживалъ свои послѣдніе дни въ Черноморіи и на правомъ флангѣ.

Какъ ни тяжела и безпокойна была служба здѣсь, но и офицеры и солдаты привыкли къ своимъ штабъ-квартирамъ, сжились съ народомъ и съ природой, примѣнились къ нимъ за пятнадцать лѣтъ пребыванія, и имъ жаль было покидать этотъ край, въ завоеваніи и устройствѣ котораго они принимали немалое участіе.

Они должны были перейти теперь на главный театръ кавказской войны туда, гдѣ велась борьба съ самимъ Шамилемъ. Изъ скромной роли вооруженныхъ колонизаторовъ закубанскаго края, они дѣлались участниками главной борьбы, цѣлью которой являлось покореніе великаго могущественнаго имама.

Такимъ образомъ, первую половину 1846 года можно считать однимъ изъ рѣшительныхъ моментовъ въ жизни нашего полка, такъ какъ въ этотъ періодъ времени совершились два важныхъ для него событія: первое—это переходъ полка на новый театръ военныхъ дѣйствій; второе—перемѣна командира полка. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1846 года полковникъ Хлюпинъ получилъ высшее назначеніе *) и сдалъ Тенгинскій полкъ полковнику Левковичу.

Перемѣна командира полка была дѣйствительно важнымъ въ жизни полка событіемъ, такъ какъ командиръ полка, по воззрѣніямъ того времени, составлялъ въ полку все. Если сравнить штабъ Тенгинскаго полка, разбросаннаго почти всегда чуть ли не на пятьсотъ верстъ дистанціи, съ сердцемъ полка, то командиръ былъ для него главнѣйшимъ нервомъ, руководившимъ всѣми его жизненными отправленіями.

Командиръ, какъ мы видѣли, всегда находился въ штабѣ полка, гдѣ сосредоточены были, начиная отъ полковой канцеляріи, всѣ административныя и хозяйственныя учрежденія. Онъ ходилъ въ экспедицію только тогда, когда всѣ четыре дѣйствующихъ баталіона соединялись вмѣстѣ, а это случалось не часто. Но у него и безъ того было много работы, такъ какъ обо

*) Начальникомъ центра кавказской линіи.

всѣхъ происшествіяхъ въ отдѣльныхъ ротахъ и баталіонахъ немедленно сообщалось въ штабъ полка, и по всѣмъ этимъ сообщеніямъ необходимо было принять мѣры и сдѣлать распоряженія. Отсюда понятно, почему командиръ главнымъ образомъ вліялъ на образованіе нравственной физіономіи полка. Часто случалось, что офицеры были мало знакомы другъ съ другомъ, благодаря постоянной разбросанности ротъ по станицамъ, а командиръ полка зналъ всѣхъ хорошо, потому что, кромѣ постоянной служебной переписки съ офицерами, онъ ежегодно объѣзжалъ всѣ роты, производя имъ инспекторскій смотръ.

Средствомъ же для проведенія въ жизнь своего вліянія служили главнымъ образомъ приказы по полку, которые въ тѣ годы представляли изъ себя не сухіе отчеты и распоряженія какъ теперь, а въ полномъ смыслѣ журналъ, отражавшій всю внутреннюю жизнь полка и проникнутый тѣмъ нравственнымъ кодексомъ, который командиръ полка хотѣлъ внушить своимъ подчиненнымъ.

Семенъ Ильичъ Хлюпинъ былъ старый кавказскій служака и хотя въ 1846 году, получая высшее назначеніе, онъ имѣлъ всего 50 лѣтъ отъ роду, но зато въ офицерской службѣ состоялъ уже тридцать два года. Онъ происходилъ изъ дворянъ Таврической губерніи, города Севастополя; поступилъ на военную службу въ 1814 году унтеръ-офицеромъ въ 4-й морской полкъ, откуда въ 1824 году былъ переведенъ въ Нашебургскій пѣхотный полкъ, съ которымъ уже въ 1826 году участвовалъ въ усмиреніи закатальскихъ лезгинъ, подъ начальствомъ самого Ермолова; затѣмъ былъ въ Персіи, въ Турціи, подъ Баязетомъ, а съ 1830 года за Кубанью противъ абадзеховъ. Въ 1835 году, уже въ чинѣ маіора, онъ былъ переведенъ въ Тенгинскій полкъ, гдѣ принялъ въ свое командованіе 3-й баталіонъ. Дальнѣйшая его служба намъ извѣстна. Всѣ чины свои онъ получилъ за отличія въ сраженіяхъ; кромѣ того имѣлъ многіе другіе ордена—св. Анны 2-й степени, Станислава 2-й ст., св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. 10-го іюня 1837 года, во время десантной экспедиціи въ урочище р. Шап-

сухо, онъ былъ раненъ пулею въ лѣвую сторону груди, съ раздробленіемъ пятаго и шестого ребра, и послѣдствія этой раны всю жизнь не давали ему покоя, принося мучительныя боли и принуждая отъ времени до времени лечиться то на кавказскихъ минеральныхъ водахъ, то на крымскихъ грязяхъ *). При всемъ томъ онъ всю свою жизнь оставался дѣятельнымъ, энергичнымъ и даже педантомъ въ исполненіи службы, будучи въ то же время добрымъ, сердечнымъ человѣкомъ, въ полномъ смыслѣ— отцомъ своихъ офицеровъ и солдатъ.

Отзываясь на предписанія высшей власти **) заботиться о нравственномъ образованіи солдатъ, онъ дѣлалъ, что могъ; но отсутствіе книгъ въ ротныхъ библіотекахъ и невозможность заняться съ солдатами грамотностью сильно тормозили его дѣло ***). Единственными его помощниками въ этомъ отношеніи были полковые священники (старшій и младшій) и ротные командиры. Священникамъ нерѣдко приходилось бороться съ различными сектами, вродѣ скопцовъ, иконоборцевъ и др. Невѣжественные солдаты легко поддавались этимъ вреднымъ ученіямъ, гонимымъ въ предѣлахъ внутренней Россіи ****). Чтобы дать полную характеристику дѣятельности полкового священника, мы приведемъ подлинный рапортъ Хлюпина къ начальнику дивизіи: «Старшій полковой священникъ Тенгинскаго полка, Григорій Романовскій, при примѣрной жизни своей, съ постояннымъ усердіемъ и отличной ревностью продолжая службу свою въ настоящемъ санѣ свыше 24-хъ лѣтъ и исполняя всѣ обязанности духовнаго пастыря, нерѣдко возбуждалъ увѣщеваніями въ рѣчахъ своего сочиненія воинственный и терпѣливый духъ въ наствѣ его во время продолжительныхъ здѣшнихъ походовъ; просвѣтилъ святымъ крещеніемъ свыше ста человѣкъ иновѣр-

*) Полный послужной списокъ за 1839 годъ. Полковой архивъ.

**) Приказъ военнаго министра отъ 16-го января 1843 года.

***) Въ 1834 году въ ротной школѣ 5-й мушкетерской роты были слѣдующія книги. Уставъ Петра I-го—1, воинскій уставъ съ планомъ—1, 1-я и 2-я части рекрутской школы и ротнаго ученія съ рисунками и чертежами—2, краткая священная исторія—1, христіанскій катехизисъ—1, россійскихъ азбукъ—3. Въ 1843 году, какъ мы видѣли, даже уставовъ во многихъ ротахъ не оказывалось.

****) Рапортъ маіора Вьюгова отъ 5-го мая 1830 г. № 21.—Полк. арх. д. № 361. Вход. журн

цевъ, убѣдительными доказательствами въ истинахъ православной церкви; обратилъ къ православію образовавшуюся во ввѣренномъ мнѣ полку въ 1836 году секту иконоборцевъ и тѣмъ уничтожилъ вредныя послѣдствія отступничества и, наконецъ сверхъ настоящей своей обязанности, 14 лѣтъ исполняетъ обязанность дивизіоннаго благочиннаго» *). Съ этимъ духовнымъ пастыремъ Хлюпинъ все время шелъ рука объ руку, помогая ему, чѣмъ было возможно; такъ онъ выстроилъ ему въ Ивановскомъ новую церковь, на мѣсто второй, помѣщавшейся въ ветхомъ, турлучномъ зданіи, готовомъ ежеминутно развалиться.

Упадокъ нравственности среди солдатъ проявлялся главнымъ образомъ въ ихъ побѣгахъ со службы, которые въ концѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ достигали въ каждомъ полку очень большой цифры. Съ этимъ зломъ боролись уже давно, награждая ближайшее начальство, если побѣговъ не было и наказывая его, если ихъ было много; но все было безуспѣшно **). Если въ полку цѣлый годъ не было ни одного побѣга, командиръ полка получалъ орденъ; ротный командиръ, у котораго изъ ста рекрутъ ни одинъ не бѣжалъ, получалъ или годовой окладъ жалованья или чинъ. Если же въ ротѣ случалось по три побѣга два мѣсяца сряду, то ротный командиръ арестовывался на одну недѣлю, а затѣмъ при повтореніи побѣговъ лишался роты. Нижніе чины, получая за побѣги опредѣленное количество шпицрутеновъ, еще выдѣлялись въ ротахъ за особые столы и отмѣчались сѣрыми нашивками поперекъ погона; вмѣстѣ съ тѣмъ, за каждый побѣгъ имъ увеличивалось на два года время выслуги безпорочной службы и т. д. Но ничто не помогало, и изъ года въ годъ случаи побѣговъ повторялись, то увеличиваясь числомъ, то уменьшаясь. Видно тяжела была служба на Кавказѣ! Хлюпинъ понималъ это и потому не прекращалъ своей воспитательной дѣятельности. Онъ стремился прежде всего улучшить жизненную обстановку своихъ солдатъ, надѣясь, что тогда они съ большей любовью и сознательностью будутъ относиться къ службѣ.

*) Рапортъ Хлюпина нач. дивизіи отъ 9-го февраля 1844 года. Полк. арх.
**) Приказъ военнаго министра отъ 16-го января 1834 года № 6.

Кромѣ заботъ объ улучшеніи ихъ пищи и одежды, онъ старался дать имъ возможность заработать кое-что, для чего ежегодно, съ наступленіемъ сѣнокосовъ, отпускалъ недѣли на двѣ на вольныя работы къ ближайшимъ помѣщикамъ съ тѣмъ, чтобы люди работали по возможности вмѣстѣ; при этомъ строго наблюдалось, чтобы велся точный счетъ заработаннымъ деньгамъ и чтобы не была обижена третья часть солдатъ каждой роты, остававшаяся дома на случай неожиданной экспедиціи *).

Стараясь поставить въ полку званіе солдата на должную высоту, полковникъ Хлюпинъ неотступно требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ исполненія воинскаго чинопочитанія и соблюденія установленной формы одежды. Въ первые годы командованія его полкомъ, солдаты и даже офицеры были въ этомъ отношеніи страшно распущены. Ему нерѣдко приходилось встрѣчать на улицѣ, въ штабѣ полка, команды тенгинскихъ солдатъ, даже подъ начальствомъ офицера, одѣтыхъ въ бараньи черкесскія шапки (тогда уже вводились фуражки), въ полушубкахъ съ бешметами или въ шинеляхъ на распашку, такъ что ихъ только по ружьямъ можно было отличить отъ поселянъ. «Солдатъ всегда и вездѣ долженъ быть похожъ на солдата», говорилъ Хлюпинъ въ своихъ приказахъ и частенько за то, что солдатъ былъ неряшливо одѣтъ или забывалъ по артикулу снимать при встрѣчѣ съ нимъ фуражку, угощалъ его лозанами, сопровождая это должнымъ внушеніемъ и по адресу ротнаго командира. Года черезъ три, благодаря этой строгости, дисциплина въ Тенгинскомъ полку была возстановлена, и только старички инвалидной и нестроевой ротъ никакъ не могли привыкнуть, выходя на базаръ, замѣнять обычный свой полушубокъ и овчинную шапку форменной шинелью и фуражкой, но на нихъ Хлюпинъ смотрѣлъ сквозь пальцы.

Составъ офицеровъ Тенгинскаго полка былъ болѣе или менѣе однообразенъ. Сюда шли люди съ малымъ достаткомъ, скромнаго происхожденія, но всецѣло преданные военному дѣлу. Они не блистали образованіемъ и служили совсѣмъ не ради

*) Предписаніе Хлюпина баталіоннымъ командирамъ отъ 30-го мая 1842 г. № 2481.

карьеры. Доказательствомъ этому служитъ тотъ фактъ, что въ 1834 г. въ Тенгинскомъ полку не нашлось ни одного офицера, который обладалъ бы тѣми малыми научными свѣдѣніями, требовавшимися тогда для поступленія въ военную академію *). Въ послѣдующіе годы повторялось тоже самое. Только въ 1838 году прапорщикъ нашего полка Носовъ окончилъ академію, былъ прикомандированъ къ генеральному штабу войскъ кавказской линіи и получилъ за усердную службу въ единовременное пособіе на обмундированіе 500 руб. ассигнаціями **).

Изрѣдка появлялись въ нашемъ полку люди, которые чѣмъ нибудь выдѣлялись изъ общей среды, вродѣ, напр., унтеръ-офицера (впослѣдствіи прапорщика) Позднышева, который заявилъ въ штабѣ кавказскихъ войскъ о своемъ добровольномъ желаніи произвести съемки въ неизслѣдованныхъ мѣстахъ кавказскихъ горъ, за что получилъ благодарность корпуснаго командира ***).

Обстановка жизни офицеровъ была такова, что имъ и читать было некогда. Не смотря на поощреніе начальства, они даже журналовъ совсѣмъ не выписывали ****). Но когда въ 1834 году была объявлена подписка на сооруженіе въ городѣ Симбирскѣ памятника россійскому исторіографу Карамзину, то нѣсколько офицеровъ, бывшихъ въ то время въ штабѣ полка, быстро собрали 76 руб. ассигнаціями, желая хоть этой лептой своей выразить сочувствіе великому дѣлу изученія русской исторіи *****).

Слѣдуетъ вообще замѣтить, что уровень образованія русскихъ и въ особенности кавказскихъ офицеровъ стоялъ тогда очень низко. Это сознавало и наше правительство. Въ 1841 году Императоръ Николай I повелѣлъ полки и линейные баталіоны кавказскаго корпуса впредь комплектовать исключительно офицерами изъ военно-учебныхъ заведеній. Всѣхъ же унтеръ-офицеровъ, юнкеровъ и подпрапорщиковъ, удостоиваемыхъ къ производству въ офицеры какъ за выслугу лѣтъ, такъ и

*) См. Главу VI, стр. 139.

**) Рапортъ полковника Траскина 29-го мая 1838 г. Дѣло по описи № 483.

***) Отношеніе полк. Орла командиру Тенгинскаго полка отъ 3-го апрѣля 1839 года. Дѣдо по описи № 805.

****) Предписаніе ген. Кашутина отъ 19-го января 1840 г. № 105. Полк. арх. дѣло № 233.

*****) Исходящій журналъ 1834 г. по описи № 383. Полк. архивъ.

за отличія въ сраженіяхъ, предписано было переводить въ резервную пѣхоту 3-го армейскаго корпуса въ гор. Харьковъ, гдѣ и производить въ офицеры *). Но пока эта реформа должна была оказать свое вліяніе, въ полку нашемъ въ описываемую эпоху оставались тѣ же офицеры, какіе были и раньше.

Во всякомъ случаѣ они были хорошими помощниками своего командира полка. Какъ мы увидимъ впослѣдствіи, многіе изъ нихъ сдѣлались штабъ-офицерами въ Тенгинскомъ же полку, какъ напримѣръ, Горбъ, Пузыревскій, Меркуловъ, Мякининъ, Кушелевъ, Бетаки, Ксархаки, Зедергольмъ, Денибековъ; а поручики Баженовъ и Кемфертъ дослужились до генеральскаго чина, и первый изъ нихъ командовалъ Тенгинскимъ полкомъ, а второй Навагинскимъ. Конечно, всѣ эти служебныя отличія достигались только послѣ долголѣтней службы, переполненной тяжелыми трудами и лишеніями. Живя въ трущобахъ, наши офицеры весь интересъ жизни искали въ службѣ и были храбрыми и честными солдатами. Рѣдкій изъ нихъ не былъ раненъ. Какъ иллюстрацію мы приведемъ здѣсь выдержки изъ рапорта маіора Рыкова **), который объяснялъ полковнику Хлюпину, почему онъ, командуя 2-мъ баталіономъ, бывшимъ на Лабѣ, не можетъ нѣкоторое время нести обязанностей начальника участка кордонной линіи: «я одержимъ сильной простудной болѣзнью, которая, имѣя сильное вліяніе на голову (коей я часто страдаю отъ двухъ контузій), и производя сильную ломотнаго свойства въ обѣихъ ногахъ боль отъ послѣдствій: въ одной—огнестрѣльной раны, а въ другой—двухъ контузій—въ бедро и въ колѣно,—много препятствуетъ верховой ѣздѣ, которая при командованіи кордономъ могла легко встрѣтиться отъ могущей произойти въ какой либо части кордона тревоги». Вотъ человѣкъ, который къ концу своей службы не могъ уже найти на своемъ тѣлѣ мѣста, не болѣвшаго отъ ранъ и контузій! А такихъ въ полку было множество. Никто изъ нихъ не зналъ,

---

*) Предписаніе начальника 20-й пѣхотной дивизіи 5-го іюля 1841 года. Дѣло по описи № 301.

**) Рапортъ отъ 1-го іюня 1844 г. № 1025. Полковой архивъ.

что ожидаетъ его завтра—смерть или тяжелая рана; всѣ жили сегодняшнимъ днемъ. Поэтому и жизнь слагалась особеннымъ образомъ. О денежной экономіи думали только немногіе семейные; молодежь же больше увлекалась карточной игрой и кутежами. Благодаря этому среди офицерства царствовала большая задолженность. Должали и въ полковыя суммы, и товарищамъ, и даже зажиточнымъ нижнимъ чинамъ.

Хлюпинъ былъ очень скупъ на ссуды изъ полковой офицерской суммы, составлявшейся изъ опредѣленныхъ третныхъ вычетовъ изъ жалованья, такъ какъ зналъ, что молодой офицеръ, получая въ годъ усиленнаго жалованья всего на всего четыреста четыре рубля серебромъ, не могъ разойтись на нихъ широко. Только недавно прибывшимъ въ полкъ онъ давалъ займообразно отъ 15-ти до 30-ти рублей, обязывая ихъ уплатить при первой третной получкѣ. Особенно же возмущался онъ, когда къ нему приходили рапорты отъ офицеровъ на своихъ товарищей, взявшихъ у нихъ деньги и не думавшихъ вовсе объ уплатѣ; подобныя же жалобы поступали иногда и отъ нижнихъ чиновъ на офицеровъ *). Но это все были дѣла житейскія, которыя были всегда и будутъ вѣчно,—это понималъ и самъ Хлюпинъ и ограничивался по адресу виновныхъ одними только укорами, совѣтами, да угрозами отдать подъ судъ, чего впрочемъ онъ никогда не дѣлалъ, такъ какъ офицеровъ было мало и ими приходилось дорожить. Бывали случаи, что молодой офицеръ, вырвавшись съ линіи на недѣлю, другую въ Ставрополь или Екатеринодаръ, прорвется, закутитъ, накуралеситъ, ворвется въ чью-нибудь квартиру и произведетъ въ ней погромъ, увезетъ чужую жену и держитъ ее у себя въ станицѣ или укрѣпленіи, не обращая вниманія на то, что мужъ мыкается по начальству и проситъ о помощи,—словомъ надѣлаетъ такихъ бѣдъ, за которыя, кажется, ссылки въ Сибирь мало. А Хлюпинъ, понимая въ чемъ дѣло, сдѣлаетъ ему строгій выговоръ въ приказѣ по полку и, «принимая во вниманіе молодость и неопытность его»,

*) Приказъ по Тенгинскому полку отъ 17-го февраля 1842 г. и отъ 10-го марта 1846 г. Полковой архивъ.

посадитъ сутокъ на трое на гауптвахту. Если же молодой человѣкъ не унимался и въ другомъ случаѣ опять выкидывалъ какой-нибудь некрасивый проступокъ, то Хлюпинъ ссылалъ его на исправленіе въ самое отдаленное глухое укрѣпленіе и къ самому строгому ротному командиру (такимъ былъ у насъ капитанъ Стоша), съ категорическимъ приказаніемъ—не позволять виновному отлучаться ни подъ какимъ предлогомъ.

Онъ дорожилъ своими офицерами и всегда горячо отстаивалъ ихъ, когда начальство, узнавъ о проступкѣ, собиралось уволить офицера отъ службы. Въ 1842 году, при сформированіи новыхъ черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ, изъ Тенгинскаго полка безъ вѣдома Хлюпина перевели нѣсколькихъ офицеровъ, и онъ тогда немедленно обратился съ рапортомъ непосредственно къ начальнику корпуснаго штаба, жалуясь, что полкъ лишается черезъ это хорошихъ и нужныхъ офицеровъ *).

Въ 1844 году онъ, напримѣръ, писалъ бригадному командиру слѣдующее: «въ продолженіе слишкомъ трехъ лѣтъ командованія моего Тенгинскимъ полкомъ я не замѣтилъ со стороны ротныхъ командировъ ни одного умышленнаго злоупотребленія въ отношеніи расходованія солдатскихъ артельныхъ суммъ; при спросѣ же мною ротъ никто изъ нижнихъ чиновъ не объявлялъ мнѣ претензій, но всѣ отзывались, что дѣлаемые въ ротахъ расходы изъ артельной и другихъ суммъ, всѣ совершенно имъ извѣстны, потому что объявляются ежемѣсячно».

Такое сердечное и доброе отношеніе цѣнилось офицерами. Они чувствовали, что у нихъ есть начальникъ, любовно и отечески относящійся къ нимъ, и это сознаніе невольно сплочивало тенгинское общество и укореняло въ немъ духъ взаимнаго уваженія и поддержки, а также заставляло офицеровъ любить свой полкъ, въ которомъ каждый изъ нихъ находилъ защиту и помощь. Напримѣръ, былъ случай, когда въ полку выказался во всей своей силѣ духъ товарищества и взаимной поддержки. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1844 года Тенгинскаго полка штабсъ-капитанъ Яковлевъ и лекарь Меркуловъ, проѣзжая безъ всяка-

*) Рапортъ начальнику корпуснаго штаба отъ 4-го іюня 1842 г. Полк. архивъ.

го конвоя верхомъ изъ укр. Зассовскаго въ ст. Лабинскую, встрѣтились съ партіей горцевъ и были захвачены въ плѣнъ. Общество офицеровъ Тенгинскаго полка, зная хорошо, что предстоитъ вынести ихъ товарищамъ въ этомъ плѣну, не стали ждать обыкновенно запаздывавшей правительственной помощи и черезъ мѣсяцъ изъ скудныхъ остатковъ своего содержанія собрали тысячу рублей серебромъ для выкупа Меркулова и Яковлева. Деньги были отвезены начальнику лабинской линіи полковнику Рихтеру, котораго Хлюпинъ усиленно просилъ употребить все свое вліяніе на горцевъ для выручки отъ нихъ плѣнныхъ *). Черезъ шесть мѣсяцевъ Яковлевъ уже командовалъ 14-й мушкетерской ротой, а Меркуловъ исполнялъ свои обязанности полкового врача.

Такъ жилъ Тенгинскій полкъ, неутомимо неся свои тяжелые труды и служа грозой для закубанскихъ горцевъ. Въ то же время въ немъ незамѣтно, но безостановочно воспитывались, тотъ славный духъ самоотверженной преданности Царю и Отечеству и братское чувство, которыми такъ справедливо гордилась и всегда будетъ гордиться наша армія.

*) Отношеніе Хлюпина къ начальнику лабинской линіи полковнику Рихтеру, отъ 27-го апрѣля 1844 г. № 1350. Дѣло полка архива.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Господину генералъ-маіору и кавалеру Сталю 2-му.

Вскорѣ должны прибывать полки, на укомплектованіе корпуса назначенные, и я препровождаю вашему превосходительству расписаніе, какимъ образомъ предполагаю я распредѣлить оные.

До того времени должны быть произведены инспекторскіе смотры полковъ дивизіи, вами командуемой, и опредѣлено число людей, по совершенной неспособности не могущихъ продолжать полевой службы, дабы напрасно не занимали они вакансій, и мѣста ихъ тотчасъ пополнены были людьми способными.

По Высочайшему Государя Императора повелѣнію полки состоять должны изъ 300 унтеръ-офицеровъ и 3600 рядовыхъ; то есть, каждый баталіонъ изъ 100 унтеръ-офицеровъ и 1200 рядовыхъ. Въ сіе новое положеніе должны быть немедленно приведены Вологодскій и Суздальскій пѣхотные полки, и по совершенномъ ихъ укомплектованіи Вологодскій полкъ долженъ принять наименованіе Навагинскаго, а Суздальскій Тенгинскаго полковъ.

Изъ Вологодскаго и Суздальскаго полковъ извольте ваше превосходительство изъ каждаго приказать назначить по три оберъ-офицера и изъ каждой роты по одному унтеръ-офицеру, и по пятнадцать рядовыхъ, что и составитъ отъ каждаго полка 3 оберъ-офицера, 12 унтеръ-офицеровъ и 180 рядовыхъ. Каждая таковая часть должна называться: кадры Вологодскаго, Суздальскаго полка, т. е. по имени полка, изъ котораго составляется.

Людей сихъ прикажите избрать изъ числа прибывшихъ въ прошедшемъ году изъ 1-й арміи, какъ не обвыкшихъ еще къ здѣшнему климату и гораздо полезнѣйшихъ внутри Россіи, нежели здѣсь. За отдѣленіемъ сихъ кадръ баталіоны должны оставаться въ полномъ комплектѣ изъ 100 унтеръ-офицеровъ и 1200 рядовыхъ. Гг. командиры идущихъ изъ Россіи полковъ не должны сдавать своихъ музыкантовъ (но только положенное по штату число), мастеровыхъ и нестроевыхъ. Также не сдаютъ обоза и лошадей. Ибо, по распоряженію Его Императорскаго Величества, гг. полковые командиры съ принадлежащими имъ офицерами, принявъ кадры, возвратятся для сформированія полковъ въ Россію.

Какъ по новому въ полкахъ комплекту число людей въ ротахъ весьма умножается, Государь Императоръ изволилъ найти за нужное прибавить въ каждую роту по одному офицеру, то ваше превосходительство извольте изъ каждаго полка взять 12 офицеровъ подпоручиковъ или прапорщиковъ, да еще 3-хъ офицеровъ на мѣсто тѣхъ, которые пойдутъ съ кадрами или, если незатруднительно, то равныхъ съ ними чиновъ.

На людей поступающихъ въ кадры отпустить изъ полковъ ружья тѣхъ

калибровъ, которыя не въ употребленіи, но только исправныя, новаго же калибра и хорошихъ ружей не давать, ибо они перемѣнены будутъ въ Россіи другими.

По укомплектованіи полковъ предписать прибывшимъ гг. командирамъ полковъ впредь до повелѣнія расположиться съ кадрами, въ команду ихъ поступающими, и принадлежащимъ имъ обозомъ въ уѣздахъ, гдѣ удобнѣе можетъ быть ихъ продовольствіе, на что извольте дать ваше распоряженіе. Гренадерскія роты Навагинскаго и Тенгинскаго полковъ, какъ изъ расписанія увидѣть изволите, немедленно прикажите отправить въ Грузію.

По множеству занятій вашихъ невозможно будетъ вашему превосходительству произвести укомплектованіе подъ собственными глазами, а потому извольте дать полное наставленіе бригадному командиру генералъ-маіору Дебу. Въ разсужденіи же Суздальскаго полка, то по близости онаго полезенъ будетъ вашъ собственный надзоръ.

До прибытія полковъ надобно непремѣнно распредѣлить пришедшихъ въ нынѣшнемъ году рекрутъ, дабы съ большею точностью знать сколько нужно людей для дополненія по новому комплекту. О распредѣленіи рекрутъ поспѣшите доставить мнѣ отчетъ, сдѣлавъ вѣдомость по той самой формѣ, какъ присланы вами при рапортахъ за №№ 649 и 654.

О числѣ людей въ приходящихъ полкахъ также доставьте вѣрнѣйшій отчетъ и сколько, куда опредѣлено будетъ оныхъ.

Генералъ *Ермоловъ*.

№ 207.
18-го іюля 1819 года.

II.

Расписаніе, какимъ образомъ должна комплектоваться по новому положенію 19-я пѣхотная дивизія.

Изъ Навагинскаго полка въ Вологодскій полкъ: 1-го баталіона 3 роты. 2-й баталіонъ весь. 3-го баталіона—сколько нужно на дополненіе по новому комплекту. Остальные затѣмъ сего баталіона люди въ Суздальскій полкъ. 1-я и 3-я гренадерскія роты въ Грузинскій гренадерскій полкъ.	Вологодскій полкъ комплектуется немедленно и принимаетъ впредь именованіе Навагинскаго полка.
Изъ Тенгинскаго въ Суздальскій полкъ: 2-й баталіонъ весь. 3-го баталіона 3 роты. 1-го баталіона—сколько нужно на дополненіе по новому комплекту. Остальные затѣмъ сего баталіона люди въ Казанскій полкъ. 1-я и 3-я гренадерскія роты въ Херсонскій гренадерскій полкъ.	Суздальскій полкъ комплектуется немедленно и принимаетъ именованіе Тенгинскаго полка.

Изъ Мингрельскаго полка въ Бѣлевскій.
1-го баталіона 3 роты.
2-й баталіонъ весь.
3-й баталіонъ весь.
1-я и 3-я гренадерскія роты въ Херсонскій гренадерскій полкъ.
Изъ 45-го Егерскаго полка въ 15-й Егерскій полкъ.
1-го баталіона 3 роты.
2-й баталіонъ весь.
3-го баталіона 3 роты.

Бѣлевскій будетъ именоваться Мингрельскимъ; 15-й Егерскій — 45-мъ Егерскимъ полкомъ. Сформированіе зависитъ отъ командующаго войсками въ Грузіи.

1-я и 3-я карабинерныя роты въ 7-й Карабинерный полкъ.
Казанскій пѣхотный и 16-й Егерскій полки будутъ комплектоваться по новому положенію въ послѣдствіи времени.

О Казанскомъ и 16 Егерскомъ послѣдуетъ особое предписаніе.

III.

Списокъ гг. штабъ и оберъ-офицеровъ Суздальскаго и Тенгинскаго полковъ въ 1819 году.

Офицеры Суздальскаго полка.

Полковой командиръ, *полковникъ* Максимовичъ.

Баталіонные командиры. *Маіоры:* Угоницеловъ, Зергель (умершій, не исключенный изъ списковъ), Титовъ 5-й, Поповъ 9-й, Курило 1-й, Бетани.

Ротные командиры и субалтернъ-офицеры. *Капитаны:* Старовъ, Келли, Татьянинъ 1-й, Гречка, Викторовъ; *штабсъ-капитаны:* Курило 2-й (владикавказскій плацъ-адъютантъ), Рябининъ, Татьянинъ 2-й, Булгаковъ, Андреевъ, Арбабовъ, Лыковъ, Унтиловъ; *поручики:* Плескачевскій, Угоницеловъ (баталіонный адъютантъ), Диковъ 1-й, Кадомцевъ, Сущевскій-Ракузъ, Гагринъ, Толмачевъ, Звегинцевъ, Амосовъ, Чубровскій, Орловъ, Полянскій, Кананов 1-й, Кананов 2-й; *подпоручики:* Алексѣевъ, Гафидовъ, Пржелинскій, Лащининъ (полковой квартирмейстеръ), Вонсецкій, Марковъ, Роговскій, Акимовъ, Каратеевъ, Прокофьевъ, Долговъ, Жилинскій; *прапорщики:* Полубояриновъ, Фоголевъ, Мякининъ 1-й (полковой адъютантъ), Мякининъ 2-й, Есиповъ, Саликовъ, Евсѣевъ, Кейперъ, Рыбушкинъ (баталіонный адъютантъ), Полтавцевъ, Долбинъ, Ковѣдяевъ, Диковъ 2-й, Баратовъ (полковой казначей), Тулинскій, Ломсадзе, Голостѣновъ.

Офицеры Тенгинскаго полка, прибывшіе изъ Россіи.

Полковой командиръ, *полковникъ* Оранскій.

Баталіонные командиры. *Подполковникъ* Люцедарскій; *маіоры:* Рейтлингеръ, Мисевскій, Фроловъ, Якубовичъ, Принцъ.

Ротные командиры и субалтернъ-офицеры. *Капитаны:* Кашутинъ, Жидкевичъ, Ленъ, Медвицовъ, Лащинскій; *штабсъ-капитаны:* Соколовскій, Жеглинскій, Алехинъ, Очеретянко, Гостиловъ, Варакинъ; *поручики:* Халкидонскій (старшій адъютантъ 12-й пѣх. див.), Княжище, Шумаковъ (полковой казначей), Шафровъ, Шликевичъ, Богдановъ, Кашутинъ (полковой квартирмейстеръ), Машоновъ, Сорневъ, Прокофьевъ, Денисенко (полковой адъютантъ), Горяиновъ, Никшичъ, Золотой, Спиридоновъ (въ Бобруйской крѣпости отъ воротъ маіоромъ), Овсянниковъ;

подпоручики: Щегловитовъ, Купринъ (баталіонный адъютантъ), Нейманъ (тоже), Виттортъ, Круль, Писаревъ, Машевскій, Субочевъ, Квятковскій, Карякинъ, Баукѣевъ; *прапорщики:* Невѣдомскій 1-й, Невѣдомскій 2-й, Киріяцкій, Дерожинскій, фонъ-Трататрейдинъ, Акатьевъ, Жмелевскій, Боуфаль, Заіончковскій, Малиновскій, Войцеховскій, Самуило, Сабунаевъ.

Офицеры, оставленные въ Тенгинскомъ полку: *маіоръ* Принцъ; *капитанъ* Кашутинъ; *штабсъ-капитанъ* Алехинъ; *поручики:* Шликевичъ, Машоновъ, Сорневъ, Горяиновъ, Никшичъ; *подпоручики:* Купринъ (баталіонный адъютантъ), Нейманъ (тоже), Круль, Машевскій, Квятковскій, Карякинъ, Баукѣевъ; *прапорщики:* Кирьяцкій, Дерожинскій, Акатьевъ, Сабунаевъ, Заіончковскій.

Офицеры, отправляющіеся съ кадромъ Суздальскаго полка. Полковой командиръ *полковникъ* Оранскій; баталіонный командиръ *маіоръ* Поповъ 9-й; *капитанъ* Келли; *штабсъ-капитанъ* Андреевъ; *поручикъ* Звегинцевъ; *подпоручикъ* Гафидовъ; *прапорщики:* Полубояриновъ, Полтавцевъ, Голостѣновъ.

Сверхъ означенныхъ въ семъ спискѣ офицеровъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ назначаются изъ Навагинскаго пѣхотнаго полка: *маіоръ* Тихановъ, *поручикъ* Савицкій и *подпоручикъ* Ваньковичъ.

Архивъ окр. штаба. Дѣло штаба отдѣльнаго грузинскаго корпуса, по дежурству 1-го отд., 1820 г., № 134.

IV.

Приказъ въ полки 22-й пѣхотной дивизіи. На маршѣ, г. Тарки, іюня 23-го дня 1827 года № 20.

Командиръ Тенгинскаго пѣхотнаго полка господинъ подполковникъ Сагиновъ за грубое, дерзкое и непозволительное обращеніе съ г.г. штабъ и оберъ-офицерами, принесшими при инспекторскомъ смотру жалобу бригадному командиру г. генералъ-маіору и кавалеру Раллю, за весьма дурное содержаніе больныхъ нижнихъ чиновъ въ полковомъ лазаретѣ, за незнаніе порядка службы и разныя безпорядочныя распоряженія по ввѣренному ему полку отрѣшается отъ командованія онымъ; почему, впредь до назначенія, по представленію моему о томъ господину корпусному командиру на мѣсто подполковника Сагинова другого полкового командира, предписываю господину маіору барону Левендалю вступить въ командованіе Тенгинскимъ пѣхотнымъ полкомъ.

Генералъ-маіоръ *Турчаниновъ.*

V.

Божіею милостію Мы, Александръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему Крымскому мушкетерскому полку.

Отправленныя при семъ Знамена, сообразно съ воинскимъ уставомъ освятя, по прочтеніи предъ всѣмъ полкомъ сего Рескрипта, употребить на службу Намъ и Отечеству съ вѣрностью, усердіемъ и храбростью единому

Россійскому Воинству свойственными.—Пребываемъ вамъ Императорскою Нашею милостію благосклонны.—Данъ въ С-тъ Петербургѣ, сентября 30-го дня 1803 года.

Александръ.

VI.

Божіею милостію Мы, Николай Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему Козловскому пѣхотному полку.

Отличное мужество и храбрость, оказанныя въ 1829-мъ году Козловскимъ пѣхотнымъ полкомъ при отраженіи турокъ, сдѣлавшихъ нападеніе на крѣпость Баязетъ, обратили на оный особенное Наше вниманіе, въ ознаменованіе коего, Всемилостивѣйше жалуя ему препровождаемыя у сего Георгіевскія знамена, съ надписью «за оборону крѣпости Баязета 20-го и 21-го іюня 1829 года», повелѣваемъ, по прочтеніи сей Нашей грамоты предъ полкомъ и по освященіи знаменъ, употребить оныя на службу Намъ и Отечеству съ вѣрностію, усердіемъ и храбростію, толико Россійскому воинству свойственными. Пребываемъ Императорскою Нашею милостію къ сему полку благосклонны. С. Петербургъ, 7-го февраля 1833 года.

Николай.

VII.

Показаніе Тенгинскаго полка рядового Ефима Комаровскаго, 19-ти лѣтъ отъ роду.

Гарнизонъ кр. на Псезуапсе (Лазарева) состоялъ изъ 4-й мушкетерской роты Тенгинскаго полка, подъ командою капитана Марченко, и 8-ми крѣпостныхъ орудій съ артиллерійскою прислугой. Сего 1840 года въ февралѣ мѣсяцѣ, а какого именно числа неупомню, ночью я находился въ ротной казармѣ, состоя въ 3-й смѣнѣ часовыхъ; вдругъ услышалъ я, что всѣ солдаты въ казармѣ по барабанной тревогѣ схватили ружья и въ ту же минуту выскочили изъ казармы и увидѣли на площади ротнаго командира капитана Марченко, прапорщика Бурачкова, поручика и прапорщика Федоровыхъ, которые распоряжались къ занятію мѣстъ по стѣнамъ крѣпости и при орудіяхъ, а на крѣпостномъ валу со всѣхъ сторонъ множество черкесъ. Когда всѣ солдаты вышли изъ казармъ, то бросились подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ къ двумъ орудіямъ, стоящимъ къ сторонѣ моря, отбили оное изъ рукъ непріятеля и оборотили дуломъ къ крѣпости, начали стрѣлять по черкесамъ, занявшимъ уже противуположную сторону оной. Упорство гарнизона не могло долго стоять многочисленному непріятелю, окружившему оный со всѣхъ сторонъ; солдаты пошли на штыки, а черкесы на шашки и кинжалы, и въ четверть часа всѣ солдаты и офицеры были побиты, а около 40 человѣкъ нижнихъ чиновъ взяты въ плѣнъ.

По разграбленіи порохового погреба, ротнаго цейхгауза и госпиталя, черкесы свалили орудія въ канаву крѣпости и зарыли землею, а всѣ строенія зажгли. Во время бытности моей у горцевъ я слышалъ черезъ бѣглыхъ рус-

скихъ, что вожаками горцамъ служили; при нападеніи на поименованную крѣпость, неизвѣстные бѣглые линейные казаки.

Тенгинскаго полка 3-й мушкетерской роты Янъ Вертоховичъ показалъ то же.

Тенгинскаго полка 7-й мушкетерской роты Иванъ Васильевъ показалъ то же.

VIII.

Формулярный списокъ о службѣ и достоинствѣ Тенгинскаго пѣхотнаго полка подпоручика Краумзгольда. Іюль 1839 года.

Подпоручикъ Иванъ Федоровъ, сынъ Краумзгольдъ. Имѣетъ серебряную медаль за турецкую кампанію; исповѣданія греко-россійскаго; двадцать восемь лѣтъ. Изъ вольноопредѣляющихся; сынъ надворнаго совѣтника. Въ службу вступилъ унтеръ-офицеромъ 1829 года іюля 16-го. По Высочайшему приказу за отличіе въ сраженіи противъ горцевъ произведенъ въ прапорщики тысяча восемь сотъ тридцать восьмого года іюля перваго дня. Отъ роду тогда имѣлъ двадцать шесть лѣтъ. Подпоручикомъ съ 1839 года іюня 23-го.

Служилъ въ бывшемъ Крымскомъ пѣхотномъ полку. Изъ онаго, по переформированіи войскъ, поступилъ въ сей Тенгинскій пѣхотный полкъ въ 1834 г. іюня 1-го. По выборамъ дворянства не служилъ. Россійской грамоты читать и писать умѣетъ; въ домовыхъ отпускахъ не бывалъ. Выговоровъ не получалъ; въ штрафахъ и арестахъ не былъ. Холостъ. Родового и благопріобрѣтеннаго имѣнія не имѣетъ.

Въ походахъ былъ: 1829 года іюня 14-го въ походѣ изъ города Тифлиса до крѣпости Ахалцыха, а оттуда съ 27-го іюня по 2-е число іюля въ экспедиціи къ аджарскимъ владѣніямъ и обратно съ августа 3-го по 22-е въ слѣдованіи, для присоединенія къ главному дѣйствующему корпусу, до города Эрзерума; откуда 1830 года іюня 6-го числа въ Россійскіе предѣлы. Находился 1840 года сентября 30-го, по переправѣ при крѣпости Усть-Лабинской черезъ рѣку Кубань, въ экспедиціи противу обитающихъ за Кубанью народовъ для наказанія ихъ за непокорность и непріязненныя дѣйствія противъ Россіи, подъ начальствомъ генерала-отъ-кавалеріи Еммануеля, къ урочищу Длинному Лѣсу; въ перестрѣлкахъ съ абадзехами октября 10-го, при рѣкѣ Пшагѣ, 13-го и 14-го—при рѣкѣ Псекупсѣ, 19-го въ слѣдованіи отъ упомянутаго урочища къ Пшебскому укрѣпленію, подъ личнымъ предводительствомъ генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго; въ перестрѣлкахъ съ шапсугами въ афибскомъ ущельѣ при переправѣ чрезъ рѣку Афибсъ и разореніи шапсугскихъ ауловъ; тогожъ числа на правомъ берегу Афибса, въ ущельѣ горъ Шинакоко при истребленіи жилищъ тѣхъ же народовъ; 20-го, 21-го и 22-го, въ Абинскомъ ущельѣ при неоднократномъ отраженіи непріятеля, упорствовавшаго защищать свои жилища отъ истребленія; во время занятія войсками нашими ауловъ Таусъ-хаджи и Тлышъ-нко-хабль 24-го въ Азепскомъ ущельѣ при отраженіи непріятеля, нападавшаго на арьергардъ; во время отступленія колонны отъ вершинъ рѣки Азепса; того же числа въ перестрѣлкѣ на рѣкѣ Хабль; 25-го, въ Хабльскомъ ущельѣ при разореніи аула

Шеретлукъ-харлыкъ; 26-го и 27-го числа въ перестрѣлкѣ въ Антхирскомъ ущельѣ во время произведенныхъ фуражировокъ и истребленіи ближайшихъ ауловъ; 28-го, при разореніи жилищъ въ Абинскомъ ущельѣ; при отраженіи непріятеля, засѣвшаго въ аулахъ Кузенипъ и Аббатъ-Ахметъ; 29-го, при разсѣяніи непріятельской конницы, собравшейся на лѣвомъ берегу Абина и въ перестрѣлкахъ, бывшихъ съ шапсугами; при обратномъ слѣдованіи отряда отъ Абина къ Ишебскому укрѣпленію 30-го и 31-го числа того же мѣсяца. Находился 1834 года августа 1-го, переправясь чрезъ рѣку Кубань при Ольгинскомъ редутѣ, въ перестрѣлкахъ съ шапсугами; 7-го, пройдя аушецкія и тляхофижскія болота; 8-го близъ аула Абинъ-Ишачахъ; съ 11-го по 14-е въ слѣдованіи отъ Абина къ Великолагерному посту и при отраженіи сильнаго, внезапнаго нападенія непріятеля на обозъ; съ 18-го по 21-е при обратномъ слѣдованіи къ Абину въ безпрестанныхъ перестрѣлкахъ; съ 21-го авг. по 8-е сент. при слѣдованіяхъ транспортовъ изъ Ольгинскаго укрѣпленія на Абинъ и обратно и при оныхъ въ перестрѣлкахъ; 14-го сентября при сильномъ нападеніи непріятеля, скрывавшагося въ лѣсу на Кунипсѣ, а такъ же въ перестрѣлкахъ и сшибкахъ съ непріятелемъ на Абинѣ, при истребленіи ближайшихъ ауловъ; на фуражировкахъ съ 10-го октября въ укрѣпленіи Абинскомъ. Находился 1835 года по выступленіи изъ укрѣпленія Абинскаго съ 17-го іюня, подъ начальствомъ командующаго войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи генералъ-лейтенанта Вельяминова, для продолженія устройства укрѣпленной линіи отъ Ольгинскаго тетъ-де-пона до Геленджика и въ бывшихъ во время оной перестрѣлкахъ августа 17-го при слѣдованіи отряда отъ Абина къ Атакуафу; 26-го при истребленіи аула Ротока-хабля; сентября 14-го, 15-го и 16-го при движеніи генералъ-маіора Штейбена для истребленія ауловъ Абрекъ-хабля, Аумтъ-хабля, Пшехирзъ-хабля, Баста-хабля и Хорона-хабля; октября 1-го при движеніи генералъ-лейтенанта Малиновскаго въ Афибское ущельѣ для истребленія шапсугскихъ жилищъ; 3-го при истребленіи аула Тамухъ-хотоко, Озъ-хабля, подъ командою оберъ-квартирмейстера полковника Горскаго; 8-го въ дѣлѣ противъ ущелья Челюкомко-лайко и на долинѣ Богаюкъ, во время слѣдованія отряда изъ Николаевскаго укрѣпленія къ Абинскому; 9-го при истребленіи ауловъ Наше-кирой, Хуштъ-нахочукъ, Ишасоебрамъ и Мчайкоко-хачу; во время движенія генералъ-лейтенанта Малиновскаго въ ущелье рѣки Куафъ; 26-го и 29-го при движеніи вверхъ по Куафу и Шебину для истребленія шапсугскихъ жилищъ. По 8-е число ноября находился 1836 года въ экспедиціи за Кубанью для продолженія дѣйствій къ усмиренію непріязненныхъ намъ закубанскихъ народовъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Малиновскаго; при движеніяхъ отъ Ольгинскаго тетъ-де-пона для исправленія плотинъ чрезъ аушецкія и тляхофижскія болота и для препровожденія транспортовъ съ разными запасами къ Абинскому и Николаевскому укрѣпленіямъ; съ 9-го іюня по 5-е іюля и въ бывшихъ въ семъ послѣднемъ мѣсяцѣ перестрѣлкахъ; 1-го, 2-го и 3-го числа съ 10-го по 12-е іюня, подъ начальствомъ командующаго войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи генералъ-лейтенанта Вельяминова, при движеніи съ транспортомъ изъ Ольгинскаго укрѣпленія къ Абинскому и въ бывшей 10-го числа перестрѣлкѣ; съ 13-го іюня по 3-е іюля, подъ начальствомъ генералъ-маіора Штейбена, при

укрѣпленіи Абинскомъ для исправленія онаго; съ 3-го іюля по 30-е августа для разработки дороги отъ Абинска къ Николаевскому укрѣпленію и въ бывшихъ въ это время перестрѣлкахъ іюля 13-го близъ Абинска, іюля 5-го при лагерѣ на богаюкской долинѣ; августа 30-го по 13-е сентября при заготовленіи у подошвы горы Нако и доставленіи къ устраивающемуся на Дообѣ укрѣпленію разныхъ строительныхъ матеріаловъ; съ 13-го по 17-е сентября въ слѣдованіи отряда къ Ольгинскому укрѣпленію, а оттуда съ 24-го числа того же мѣсяца въ движеніи отряда до крѣпости Анапы по 4-е октября и въ бывшихъ при томъ перестрѣлкахъ сентября 27-го на рѣкѣ Адохунъ; 28-го при сожженіи ауловъ Саудъ и Холетъ-хочелькъ; 29-го близъ аула Лезерокъ; 30-го при аулѣ Таймсе; октября 2-го при истребленіи аула Зменіокъ; съ 6-го октября по 3-е ноября въ перестрѣлкахъ при истребленіи натухайскихъ ауловъ: октября 7-го на фуражировкѣ близъ станицы Зеленаго Мыса; 12-го въ Суджукской бухтѣ при занятіи высоты Сарачай; 13-го при истребленіи аула Цемесъ; 15-го при аулѣ Таюкже; 20-го при истребленіи ауловъ на рѣчкѣ Цегвай; 21-го и 22-го въ ущельѣ Джурба; ноября съ 5-го по 10-е въ обратномъ движеніи къ Ольгинскому укрѣпленію и 8-го въ перестрѣлкѣ на рѣчкѣ Тляхобунчъ. Находился 1837 года съ 21-го апрѣля въ экспедиціи для продолженія береговой укрѣпленной линіи по восточному берегу Чернаго моря отъ крѣпости Геленджика до устья рѣки Вулана и въ бывшихъ во время оной перестрѣлкахъ, подъ командою генералъ-маіора Штейбена, при конвоированіи транспортовъ съ разными запасами изъ Ольгинскаго тетъ-де-пона въ Абинское укрѣпленіе и обратно; апрѣля 26-го на рѣчкѣ Кунипсѣ; 29-го близъ Абина, подъ командою генералъ-лейтенанта Вельяминова при слѣдованіи отряда изъ Ольгинскаго тетъ-де-пона въ крѣпость Геленджикъ; мая 10-го въ сильной перестрѣлкѣ въ чумбайскомъ лѣсу; 11-го на Богаюкской долинѣ; 12-го близъ Николаевскаго укрѣпленія; 17-го на долинѣ Инаго; 23-го у перевала Вародобуй; 24-го на рѣчкѣ Дообъ; 25-го на рѣчкѣ Шшадъ и на бывшихъ фуражировкахъ около сей рѣчки; мая же 29-го, іюня 2-го, 5-го и 9-го, 10-го въ дѣлѣ при сожженіи контрабаднаго турецкаго судна на рѣчкѣ Шапсухо, подъ командою капитана 1-го ранга Серебрякова и при движеніи изъ Новотроицкаго укрѣпленія къ рѣкѣ Вуланъ; іюля 11-го въ ущельѣ Каріокъ; 12-го при урочищѣ Самсунѣ; 13-го при урочищѣ Чемчуашъ; 14-го на рѣчкѣ Вуланъ при построеніи Михайловскаго укрѣпленія; во время фуражировокъ по рѣчкѣ Вуланъ іюля 31-го, августа 2-го, 23-го и 26-го; при возвращеніи отряда къ крѣпости Геленджику сентября 2-го, 3-го, 4-го, 5-го, 6-го и 7-го чиселъ и при слѣдованіи къ берегамъ рѣки Кубани въ бывшихъ перестрѣлкахъ съ 25-го по 29-е число того же мѣсяца. Находился 1838 года въ экспедиціи, подъ командою начальника прибрежной черноморской линіи генералъ-лейтенанта Раевскаго, для занятія трехъ пунктовъ на восточномъ берегу Чернаго моря и возведенія на оныхъ укрѣпленій; въ двукратномъ движеніи чрезъ земли натухайцевъ отъ Новороссійска въ Анапу съ 7-го іюля по 19-е ноября, а именно: 1) 12-го мая въ десантѣ войскъ при устьѣ р. Туапсе и бывшемъ при семъ дѣлѣ; 2) 31-го мая въ отраженіи непріятельскаго натиска при спасеніи военныхъ судовъ, претерпѣвшихъ крушеніе съ 30-го на 31-е мая на рейдѣ Туапсе; 3) 10-го іюля въ десантѣ для занятія пункта при устьѣ р. Шапсуго и

въ дѣлѣ при семъ бывшемъ; 4) 12-го сентября въ десантѣ войскъ у устья р. Цемеса; 5) съ 2-го ноября по 19-е число въ движеніи отряда чрезъ земли натухайцевъ отъ Новороссійска въ Анапу и обратно, при вторичномъ движеніи чрезъ Анапу въ Джемитею и въ бывшихъ при томъ перестрѣлкахъ съ непріятелемъ. Находился 1839 года съ 7-го сентября по 27-е октября въ экспедиціи противъ горцевъ.

Раненъ и взятъ въ плѣнъ не былъ, особыхъ порученій не имѣлъ. За турецкую кампанію награжденъ серебряною медалью и за отличіе въ экспедиціи въ 1837 году противъ горцевъ произведенъ въ прапорщики—1838 года іюля 1-го дня.

Кромѣ сихъ наградъ Высочайшихъ благоволеній, Всемилостивѣйшихъ рескриптовъ и похвальныхъ листовъ отъ своего начальства не получалъ.

IX.

Послужной списокъ рядового 77-го пѣхотнаго Тенгинскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексія Александровича полка Архипа Осипова.

Составленъ 1-го января 1840 года.

I. Званіе, имя, отчество и фамилія; ордена, знаки отличія и нашивки; лѣта отъ роду.	Рядовой Архипъ Осиповъ сынъ Осиповъ, имѣетъ серебряныя медали за персидскую и турецкую кампаніи и нашивки на рукавѣ мундира въ 1 рядъ; отъ роду 38 лѣтъ, росту 2 арш. 7⅛ вер.; примѣты: лицо продолговатое, волосы темнорусые, глаза сѣрые, носъ умѣренный, говоритъ пространно.
II. Изъ какого сословія, какой губерніи, города или уѣзда и волости; какого вѣроисповѣданія, грамотенъ ли и не знаетъ ли какого мастерства.	Изъ крестьянъ Кіевской губерніи, Липецкаго уѣзда, села Каменки; помѣщика графа Стратонскаго, исповѣданія грекороссійскаго, грамотѣ и мастерства не знаетъ.
III. Прохожденіе службы, когда именно первоначально поступилъ на службу; въ какихъ служилъ полкахъ, отдѣльныхъ баталіонахъ, командахъ и въ какомъ званіи; когда и какія получалъ награды.	Въ рекруты принятъ 1820 г. декабря 21-го; зачисленъ рядовымъ 1821 г. апрѣля 5-го въ Крымскій пѣхотный полкъ; изъ онаго по переформированіи войскъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса въ сей полкъ 1834 г. іюня 1-го. Погибъ во славу русскаго оружія въ Михайловскомъ укрѣпленіи 1840 г. марта 22-го.

IV.

Бытность вн҃ службы: а) во временныхъ отпускахъ, б) въ безсрочномъ отпуску, в) въ плѣну и г) въ отставкѣ.

V.

Походы и дѣла противу непріятеля; полученныя въ сраженіяхъ раны или контузіи.

1827 года мая съ 12-го въ слѣдованіи отъ сборнаго мѣста близъ селенія Шулаверъ къ монастырю Эчміадзину и при походѣ чрезъ горы Акзебіюкъ и Безобдалъ іюня 8-го заграницу въ Персію; августа 1-го въ перестрѣлкѣ при Аштаракѣ и отраженіи сильнаго нападенія непріятеля, въ большихъ силахъ бывшаго и преслѣдовавшаго войска изъ Эчміадзинскаго монастыря въ лагерь, расположенный при урочищѣ Джангулѣ; 10-го въ перестрѣлкѣ противу сего лагеря; 13-го въ сраженіи при подошвѣ горы Алагеза и прогнаніи непріятеля; сентября 13-го при блокадѣ крѣпости Сардаръ-Абадъ; 19-го при взятіи оной; 1828 года іюля 18-го, переправясь при укрѣпленіи Гумрахъ чрезъ рѣку Арпачай въ Азіатскую Турцію, присоединился къ главному дѣйствующему корпусу; съ 21-го числа того же мѣсяца при осадѣ крѣпости Карса и 23-го при взятіи оной штурмомъ; 1829 г. съ 27-го февраля по выступленіи изъ города Тифлиса для вспомоществованія атакованной крѣпости Ахалцыхъ до мостового укрѣпленія въ Боржомскомъ ущельѣ, съ 5-го по 17-е число марта обратно до г. Тифлиса; іюля съ 3-го по 22-е число въ слѣдованіи для присоединенія къ главному дѣйствующему корпусу до города Арзерума; 1830 г. іюня съ 6-го обратно въ россійскіе предѣлы. За сію кампанію Всемилостивѣйше награжденъ серебряною медалью и 5-ю руб. ассигнаціями. Того жъ года декабря 30-го по переправѣ при крѣпости Усть-Лабинской чрезъ рѣку Кубань, въ экспедиціи противу обитающихъ за Кубанью народовъ для наказанія ихъ за непокорность, непріязненныя дѣйствія противу Россіи, подъ начальствомъ генерала-отъ-кавалеріи Емануеля, во время слѣдованія къ урочищу Длинному лѣсу, въ перестрѣлкахъ съ абздзехами октября 10-го; при рѣкѣ Пшадѣ 13-го и 14-го при рѣкѣ Псекупсъ; 19-го въ слѣдованіи отъ упомянутаго урочища къ Пшебскому укрѣпленію, подъ личнымъ предводительствомъ генералъ фельд-

маршала князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго; въ перестрѣлкахъ съ шапсугами въ Афибскомъ ущельѣ, при переправѣ чрезъ рѣку Афибсъ и разореніи шапсугскихъ ауловъ; того же числа на правомъ берегу р. Афибса въ ущельѣ горъ Шинакоко при истребленіи жилищъ тѣхъ же народовъ; 20-го, 21-го и 22-го въ Абинскомъ ущельѣ при неоднократномъ отраженіи непріятеля, упорствовавшаго защищать свои жилища отъ истребленія; во время занятія войсками нашими ауловъ Гаусъ-хаджи, Глышъ-ико-хабля; 24-го въ Азепскомъ ущельѣ при отраженіи непріятеля, напавшаго на арьергардъ во время отступленія колонны отъ вершинъ р. Азепса; того жъ числа въ перестрѣлкѣ на рѣкѣ Хабль; 25-го въ Хабльскомъ ущельѣ и при разореніи аула Шеретлукъ-харлыкъ; 26-го и 27-го въ перестрѣлкѣ въ Антхирскомъ ущельѣ во время произведенныхъ фуражировокъ и истребленіи ближайшихъ ауловъ; 28-го при разореніи жилищъ въ Абинскомъ ущельѣ при отраженіи непріятеля, засѣвшаго въ аулахъ Кузенипъ й Аббатъ-Ахметъ; 29-го при разсѣяніи непріятельской конницы, собравшейся на лѣвомъ берегу р. Абина и въ перестрѣлкахъ, бывшихъ съ шапсугами, при обратномъ слѣдованіи отряда отъ Абина къ Пшехскому укрѣпленію, 30-го и 31-го числахъ того же мѣсяца. За сію экспедицію Всемилостивѣйше награжденъ 2-мя р. ассигнаціями. 1834 г. августа 1-го, переправясь чрезъ р. Кубань при Ольгинскомъ редутѣ, былъ въ перестрѣлкахъ съ шапсугами; 7-го, пройдя аушецкія и тляхофижскія болота; 8-го близъ аула Абинъ-Пначахъ; съ 11-го по 14-е въ слѣдованіи отъ Абина къ Великолагерному посту и при отраженіи сильнаго и внезапнаго нападенія непріятеля на обозъ; съ 18-го по 21-е въ обратномъ слѣдованіи къ Абину въ беспрестанныхъ перестрѣлкахъ; съ 21-го авг. по 8-е сент. при слѣдованіи транспортовъ изъ Ольгинскаго укрѣпленія на Абинъ и обратно и при оныхъ въ перестрѣлкахъ; 14-го сентября при сильномъ нападеніи непріятеля, скрывавшагося въ лѣсу на Кунипсѣ, а также въ перестрѣлкахъ, сшибкахъ съ непріятелемъ на Абинѣ при истребленіи ближайшихъ ауловъ, на фуражировкахъ, съ 10-го октября въ укрѣпленіи Абинскомъ. За сію экспедицію Всемилостивѣйше награжденъ 2 р. 33 к. и въ мѣсто 1 й пары сапогъ—2 р. 45 к. ассигнаціями. 1835 г. іюля съ 17-го числа по выступленіи изъ

укрѣпленія Абинскаго, подъ начальствомъ командующаго войсками на кавказской линіи и въ Черноморіи генералъ-лейтенанта Вельяминова, для продолженія устройства укрѣпленной линіи отъ Ольгинскаго тетъ-де-пона до Геленджика и въ бывшихъ во время онаго перестрѣлкахъ августа 17-го при слѣдованіи отряда отъ Абина къ Атакуафу; 18-го при занятіи ауловъ Научъ-хабля и Сади-хабля; 26-го при истребленіи аула Ротока-хабля; сентября 14-го, 15-го и 16-го при движеніи генералъ-маіора Штейбена для истребленія ауловъ Абрекъ-хабля, Аумтъ-хабля, Пшехпрзъ-хабля, Баста-хабля и Хорона-хабля; октября 1-го при истребленіи ауловъ Тамухъ-хотоко, Озъ-хабля, подъ командою оберъ-квартирмейстера полковника Горскаго; 8-го въ дѣлѣ противъ ущелья Челюкомко-лайко и на долинѣ Богаюкъ, во время слѣдованія отряда изъ Николаевскаго укрѣпленія къ Абину; 9-го при истребленіи ауловъ Наше-Кпрой, Хуштъ-нахочукъ, Пшасоебрамъ и Мчайкоко-хачу; 24-го во время движенія генералъ-лейтенанта Малиновскаго въ ущелье рѣки Куафа; 26-го и 27-го при движеніи въ верхъ по Куафу и Шебину для истребленія шапсугскихъ ауловъ, до возвращенія войскъ нашихъ въ россійскіе предѣлы по 8-е число ноября. За сію экспедицію Всемилостивѣйше награжденъ 2 р. 40 к. ассигнаціями, вмѣсто одной пары сапогъ. 1836 года въ экспедиціи за Кубанью для продолженія дѣйствій къ усмиренію непріязненныхъ намъ закубанскихъ народовъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Малиновскаго; при движеніяхъ отъ Ольгинскаго тетъ-де-пона, для исправленія плотинъ черезъ аушецкія и тляхофижскія болота и для препровожденія транспортовъ съ разными запасами къ Абинскому и Николаевскому укрѣпленіямъ; съ 9-го мая по 5-е іюня и въ бывшихъ въ семъ послѣднемъ мѣсяцѣ перестрѣлкахъ; 1-го 2-го и 3-го числа, съ 10-го по 12-е же іюня, подъ начальствомъ командующаго войсками на кавказской линіи и въ Черноморіи генералъ-лейтенанта Вельяминова, при движеніи съ транспортомъ изъ Ольгинскаго укрѣпленія къ Абинскому и въ бывшихъ 10-го числа перестрѣлкахъ; съ 13-го іюня по 3-е іюля, подъ начальствомъ генералъ-маіора Штейбена, при укрѣпленіи Абинскомъ для исправленія онаго; съ 3-го іюля по 30-го августа для разработки дороги отъ Абинска къ Николаевскому

укрѣпленію и въ бывшихъ при томъ перестрѣлкахъ іюля 13-го близъ Абинска, іюля 5-го при лагерѣ на богаюкской долинѣ; августа съ 30-го по 13-е сентября при заготовленіи у подошвы горы Нако и доставленіи къ устраивающемуся на Дообѣ укрѣпленію разныхъ строительныхъ матеріаловъ; съ 13-го по 17-е сентября въ слѣдованіи къ Ольгинскому укрѣпленію, а оттуда съ 24-го числа того же мѣсяца въ движеніи отряда до крѣпости Анапы по 4-го октября и въ бывшихъ при томъ перестрѣлкахъ сентября 27-го на рѣкѣ Адохунъ; 28-го при сожженіи ауловъ Саудъ и Холетъ-Хочелькъ; 29-го близъ аула Лазерокъ, 30-го при аулѣ Таймсе, октября 2-го при исправленіи аула Зменіокъ; съ 6-го октября по 3-е ноября въ перестрѣлкахъ при истребленіи натухайскихъ ауловъ: октября 7-го на фуражировкѣ близъ ст. Зеленаго мыса; 12-го въ Суджукской бухтѣ при занятіи высоты Сарачай; 13-го при истребленіи аула Цемесъ; 15-го при аулѣ Таюкже; 20-го при истребленіи ауловъ на рѣчкѣ Цегвай; 21-го и 22-го въ ущельѣ Джурба; ноября съ 5-го по 10-е въ обратномъ движеніи къ Ольгинскому укрѣпленію и 8-го въ перестрѣлкѣ на рѣчкѣ Гляхобунчъ. 1837 года—въ экспедиціи для продолженія береговой укрѣпленной линіи на восточномъ берегу Чернаго моря отъ крѣпости Геленджика до устья рѣки Вулана и въ бывшихъ во время оной перестрѣлкахъ, подъ командою генералъ-маіора Штейбена, при конвоированіи транспортовъ съ разными запасами изъ Ольгинскаго тетъ-де-пона въ Абинское укрѣпленіе и обратно; апрѣля 26-го на рѣкѣ Кунипсъ; 29-го близъ Абина, подъ командою генералъ-лейтенанта Вельяминова, при слѣдованіи отряда изъ Ольгинскаго тетъ-де-пона къ крѣпости Геленджику; мая 10-го въ сильной перестрѣлкѣ въ чумбайскомъ лѣсу, 11-го на богаюкской долинѣ, 12-го близъ Николаевскаго укрѣпленія, 17-го на долинѣ Инаго, 23-го у перевала Вародобуй, 24-го на рѣкѣ Дообъ, 25-го на рѣчкѣ Шшадъ и на бывшихъ фуражировкахъ около сей рѣки; мая 29-го, іюня 2-го, 5-го, 9-го и 10-го въ дѣлѣ при сожженіи контрабандныхъ турецкихъ судовъ на рѣчкѣ Шапсухо, подъ командою капитана 1-го ранга Серебрякова; при движеніи изъ Новотроицкаго укрѣпленія къ рѣкѣ Вуланъ; іюня 11-го въ ущельѣ Каріокъ; 12-го при урочищѣ Шатухоѣ; 13-го при урочищѣ Чемчуашъ; 14-го на

рѣчкѣ Вуланъ при постройкѣ Михаиловскаго укрѣпленія; во время фуражировокъ на рѣчкѣ Вуланъ іюля 31 го, августа 2-го, 23-го и 26-го; при возвращеніи отряда къ крѣпости Геленджику сентября 2-го, 3-го, 4 го, 5-го, 6-го и 7-го; при слѣдованіи къ берегамъ рѣки Кубани и въ бывшихъ перестрѣлкахъ съ 25-го по 29-е число того же мѣсяца. За сію экспедицію Всемилостивѣйше награжденъ годовымъ жалованіемъ и за Высочайшій смотръ, бывшій 22-го сентября 2 р. 67 к. асигнаціями. 1838 года съ 7-го мая по 19-го ноября въ десантныхъ экспедиціяхъ, подъ командою начальника прибрежной Черноморской линіи генералъ-лейтенанта Раевскаго, для занятія трехъ пунктовъ на восточномъ берегу Чернаго моря и возведенія на оныхъ укрѣпленій; въ двукратномъ движеніи чрезъ земли натухайцевъ отъ Новороссійска въ Анапу, а именно: 12-го мая въ десантѣ на рѣчкѣ Гуапсѣ и въ бывшемъ при этой высадкѣ дѣлѣ, за который десантъ Всемилостивѣйше награжденъ 1 р. 21 к. ассигнаціями; 31-го мая при отраженіи сильнаго непріятельскаго натиска при спасеніи военныхъ судовъ, претерпѣвшихъ крушеніе съ 30-го по 31-е мая на рѣчкѣ Гуапсѣ; 10-го іюня въ десантѣ для занятія пункта при устьѣ рѣчки Шапсухо и въ дѣлѣ при семъ бывшемъ; 12-го сентября въ десантѣ у устья рѣки Цемеса; съ 2-го ноября по 19-е число въ движеніи отряда чрезъ земли натухайцевъ отъ Новороссійска въ Анапу и обратно, при вторичномъ движеніи чрезъ Анапу въ Джамитею и въ бывшихъ при этомъ перестрѣлкахъ съ непріятелемъ. 1839 года въ экспедиціи на восточномъ берегу Чернаго моря, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Раевскаго съ 27-го апрѣля по 27-е октября.

VI.

Холостъ или женатъ; какъ зовутъ жену; имѣетъ ли дѣтей; годъ, мѣсяцъ и число рожденія дѣтей, какого они и жена вѣроисповѣданія; гдѣ находятся жена и дѣти.

Холостъ.

VII.

Былъ ли въ штрафахъ

1822 года іюля 30-го, за 1-й побѣгъ по суду

по суду или хотя безъ суда, но за важные проступки; за что именно; когда послѣдовало распоряженіе о записаніи штрафа въ послужной списокъ.

и конфирмаціи наказанъ шпицрутенами чрезъ 1000 человѣкъ одинъ разъ.

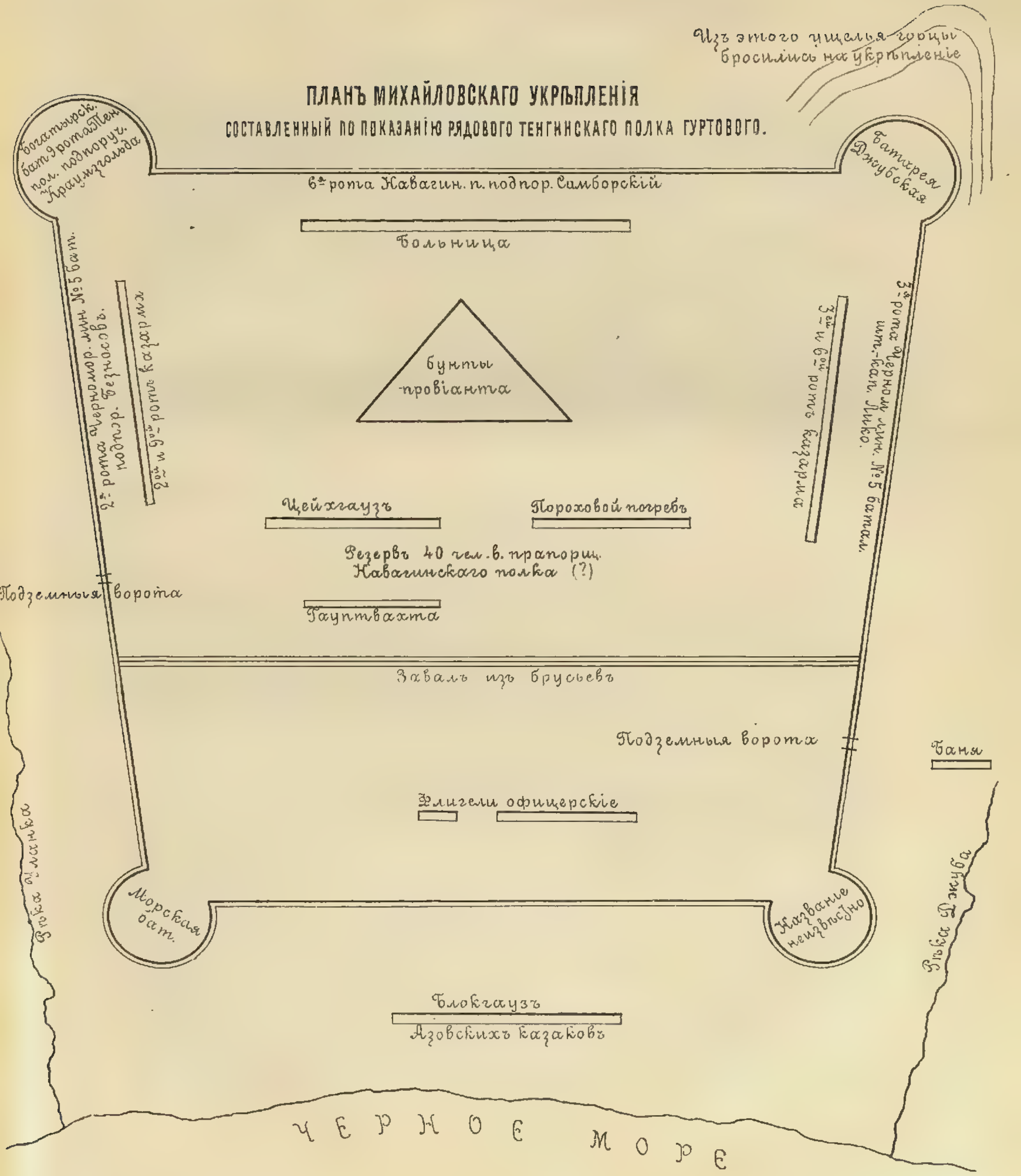
X.

а) Разореніе и взрывъ Михайловскаго укрѣпленія. Разсказъ Гуртова.

1840 года 22-го марта скопища горскихъ народовъ въ 11 тысячъ съ разсвѣтомъ бросились на Джубскую батарею съ зажженными головѣшками; пока они добѣжали до батареи, мы успѣли три раза навстрѣчу имъ послать картечи съ трехъ орудій съ той же батареи, что на густую массу мало подѣйствовало 9 выстрѣловъ, хотя и устлана была прогалина горскихъ народовъ тѣлами до самаго ущелья, откуда они сдѣлали нападеніе на укрѣпленіе,—но въ сію же увалились въ канаву и на батарею Джубскую. 1-й разъ штыками мы ихъ выбили съ батареи, 2-й разъ утроилось враговъ, тоже бросились на батарею, мы выбили ихъ; и 3-й разъ на ту же батарею бросились непріятели въ громадной массѣ, насъ уже мало было способныхъ съ ними бороться, но съ примкнутыми къ намъ 40 человѣкъ резерва и 6-й роты Навагинскаго пѣхотнаго полка мы все же выбили ихъ изъ укрѣпленія и батареи за укрѣпленіе; 4-й же натискъ мы не въ силахъ были биться съ панцырниками: 1) потому, что насъ противъ непріятеля слишкомъ мало было въ живыхъ и способныхъ; 2) больницу съ 100 человѣкъ больныхъ и казарму 3-й роты № 5-го баталіона непріятель поджогъ, насъ же въ 9 час. панцырники притѣснили къ пороховому погребу и гауптвахтѣ, гдѣ мы, т. е. между погребомъ и гауптвахтой долго возились съ панцырниками, но насъ совсѣмъ мало было уже,—а штабсъ-капитанъ Лико былъ съ нами, но уже имѣлъ двѣ раны; 1-й раздроблена была лѣвая бровь и кровь заливала ему глаза, 2-я—въ правой ногѣ, выше ступни, пробита пулею кость и г. Лико вмѣсто правой ноги подпирался шашкой, а въ лѣвой рукѣ держалъ кинжалъ; кромѣ г. Лика съ нами находился еще изъ кадетовъ прапорщикъ 6-й роты Навагинскаго пѣхотнаго полка. Въ 10 часовъ, человѣкъ пятнадцать 9-й роты Тенгинскаго пѣхотнаго полка съ богатырской батареи примкнули къ намъ; пороховой погребъ былъ уже окруженъ густой массой непріятеля, рубили двери, раскрывали крышу и разбивали стѣну. Что же касается до взрыва погреба, то я не могу навѣрно сказать, кто его взорвалъ, а что воинскій начальникъ штабсъ-капитанъ Лико за недѣлю до нападенія получилъ отъ лазутчика черкеса свѣдѣніе, что вблизи нашего укрѣпленія собралось уже 10 тысячъ горцевъ и все еще собираются и ежели не пойдутъ на укрѣпленіе Геленджикъ, то непремѣнно чрезъ недѣлю т. е. 22-го марта, нападутъ на наше укрѣпленіе. Поэтому воинскій начальникъ штабсъ-капитанъ Лико пригласилъ къ себѣ офицеровъ и нѣсколько человѣкъ приказалъ позвать къ общему совѣту нижнихъ чиновъ, прослужившихъ болѣе 20-ти лѣтъ на Кавказѣ, имѣвшихъ знаки отличія военнаго ордена св. Ге-

оргія и св. Анны, это я помню хорошо, что по предложенію г. штабсъ-капитана Лико, въ случаѣ неустойки, чтобы взорвать пороховой погребъ, на что 6 человѣкъ нижнихъ чиновъ отвѣтили, что намъ смерть нестрашна, мы ее уже много разъ встрѣчали, все равно умирать надо, поэтому мы желаемъ во время нападенія быть запертыми въ погребѣ; этотъ совѣтъ былъ до прибытія 6-й и 9-й ротъ Навагинскаго и Тенгинскаго пѣхотныхъ полковъ. Гарнизонъ за недѣлю до нападенія каждую ночь въ 12 час. ночи выходилъ на валы и батареи, гдѣ и находился до 12-ти час. дня, а потомъ кромѣ караула расходился по казармамъ, и весь гарнизонъ имѣлъ при себѣ 2 комплекта патроновъ. Въ половинѣ 11-го часа взорванъ погребъ и возлѣ него цейхгаузъ всего гарнизона, гдѣ по недостатку мѣста въ погребѣ находились гранаты и патроны. Во время взрыва насъ человѣкъ 30 перескочили за валъ, который былъ сдѣланъ съ брусьевъ, въ поперекъ укрѣпленія, гдѣ мы и были пока окончили взрывъ; но гдѣ погибъ штабсъ-капитанъ Лико мнѣ неизвѣстно. Остальныя постройки и бунты провіанта, гдѣ находился въ бочкахъ спиртъ, солонина и масло, сгорѣло. Когда же послѣ взрыва освѣтилъ насъ дневный свѣтъ, и горцы, въ живыхъ оставшіеся за укрѣпленіемъ, увидѣли, что русскіе еще есть въ укрѣпленіи, то они вторично со всѣхъ сторонъ бросились съ ружейными выстрѣлами на насъ, такъ что половина изъ насъ тутъ легла подъ перекатнымъ огнемъ, а остальные же, всѣ почти перераненые, отретировались на морскую батарею, гдѣ и окончили насъ въ 2 часа дня; т. е. меня раненнаго взяли въ плѣнъ. Изъ офицеровъ въ плѣну я не видѣлъ ни одного и не слышалъ даже, чтобы изъ офицеровъ кто былъ взятъ въ плѣнъ. Завалъ былъ сдѣланъ по приказанію г. штабсъ-капитана Лико для того, чтобы въ случаѣ неустойки, то половину укрѣпленія отъ моря, гдѣ находился одинъ только флигель, бросить и забить затравку въ орудіяхъ, а защищать верхнюю половину укрѣпленія, гдѣ находились всѣ постройки и пороховой погребъ. Послѣ истеченія 35-ти лѣтъ, что я могъ припомнить, все на этомъ листѣ изложилъ. Къ сему отставной, уволенный изъ Черноморскаго линейнаго 5-го баталіона коллежскій регистраторъ Сидоръ Яковлевъ, сынъ Гуртовой. 5-го марта 1876 года.

Прилагаю на семъ же приблизительный планъ укрѣпленія съ обозначеніемъ расположенія гарнизона во время нападенія горцевъ и постройкамъ.


ПЛАНЪ МИХАЙЛОВСКАГО УКРѢПЛЕНІЯ
СОСТАВЛЕННЫЙ ПО ПОКАЗАНІЮ РЯДОВОГО ТЕНГИНСКАГО ПОЛКА ГУРТОВОГО.
Изъ этого ущелья горцы бросились на укрѣпленіе
Богатырск. бат. 9 рота Тен. пол. подпоруч. Краумзгольда
Батарея Джубская
6я рота Навагин. п. подпор. Самборскій
Больница
бунты провіанта
2я рота Черномор. лин. № 5 бат. подпор. Безносовъ.
2ой и 9ой ротъ казармы
3ей и 6ой ротъ казармы
3я рота Черном. лин. № 5 батал. шт.-кап. Лико.
Цейхгаузъ
Пороховой погребъ
Резервъ 40 чел. в. прапорщ. Навагинскаго полка (?)
Подземныя ворота
Гауптвахта
Завалъ изъ брусьевъ
Подземныя ворота
Баня
Флигели офицерскіе
Рѣка Уланка
Морская бат.
Названіе неизвѣстно
Рѣка Джуба
Блокгаузъ
Азовскихъ казаковъ
ЧЕРНОЕ МОРЕ

б) Милостивый государь Н. Н.

Письмо ваше отъ 20-го февраля сего года изъ гор. Грознаго я имѣлъ честь получить 9-го марта сего мѣсяца, въ коемъ вы, милостивый государь, просите отъ меня подробное описаніе разоренія и взрыва Михайловскаго укрѣпленія, которое до полученія вашего письма въ ожиданіи требованія было у меня изготовлено, и оное вамъ, милостивый государь, при семъ прилагаю.

Штабсъ-капитанъ Николай Константиновичъ Лико былъ изъ греческихъ дворянъ гор. Балаклавы, Таврической губерніи, лѣтъ 40-ка или 45-ти, росту средняго, брюнетъ, бакенбарды, усы черные, тѣлосложенія средняго. Что же касается до рядового Тенгинскаго пѣхотнаго полка Архипа Осипова, я никакихъ свѣдѣній дать не могу потому, что 6-я рота Навагинскаго пѣхотнаго полка и 9-я рота Тенгинскаго пѣхотнаго полка присланы въ укрѣпленіе за нѣсколько дней до разоренія и взрыва укрѣпленія; по моему мнѣнію о Архипѣ Осиповѣ можно взять свѣдѣніе изъ формулярныхъ списковъ, хранящихся въ штабѣ Тенгинскаго пѣхотнаго полка, т. е. съ 1838 по 1841 годъ.

9-го марта 1876 года, гор. Александровскъ, Екатеринославской губерніи.

Имѣю честь быть отставной коллежскій регистраторъ Сидоръ Гуртовой.

в) Ваше высокоблагородіе, милостивый государь Петръ Васильевичъ.

По распоряженію начальника наряжена была 9-я рота въ Михайловское укрѣпленіе для подкрѣпленія тамошняго гарнизона. Прибывши на судно къ означенному укрѣпленію, выгрузились 14-го марта и того же мѣсяца 22-го числа горцы сдѣлали нападеніе на оное укрѣпленіе по полуночи въ 4 часа, и продолжалось сраженіе до 10-ти часовъ, пока ворвались въ крѣпость, и какъ нижніе воинскіе чины съ полночи поставлены были на стѣнахъ, то оные разсыпались кругомъ крѣпости по (?) вторгнулись, и во-первыхъ бросились зажигать казармы и въ мѣстѣ съ оными сожгли и госпиталь, въ которомъ находилось больныхъ до ста человѣкъ, и оные всѣ сгорѣли въ огнѣ; нѣкоторые изъ нихъ бросались на стѣнки, выходили защищать себя, то срублены были горцами въ куски. Послѣ того горцы бросились за добычею по крѣпости, забрали провіантъ вещи и прочее, и когда бросались толпами, то стоявшіе на стѣнахъ воинскіе чины начали бить изъ орудія картечью въ крѣпость, гдѣ множество ихъ погибло, не менѣе до 3-хъ тысячъ, исключая раненыхъ, которые въ скоромъ времени померли; послѣ чего мы ослабѣли силою и, по недостатку патроновъ и снарядовъ пушечныхъ, бросились на перебой черезъ крѣпость мимо порохового погреба, гдѣ находилось горцевъ около дверей нѣсколько человѣкъ, гдѣ мы ихъ нѣкоторыхъ подняли на штыки, а другихъ прогнали и отбили двери; рядовой Архипъ Осиповъ рѣшился умереть, подперъ дверп и просилъ меня съ тѣмъ, что если я останусь живъ, чтобы доложить начальству съ тѣмъ, что онъ умираетъ; я же, приказавъ ему обождать, покуда я съ остальными людьми не дойду до морской батареи, чтобы не запаливалъ пороху; но мы еще не успѣли дойти до морской батареи, онъ подпалилъ и при взрывѣ пороха тоже погибло множество горцевъ. Послѣ того осталось насъ на морской батареѣ не болѣе 6-ти человѣкъ, гдѣ и тутъ не те-

ряли духа, имѣли намѣреніе броситься къ блокгаузу, дабы соединиться съ тѣми, которые находились въ блокгаузѣ; но горцы пересѣкли намъ путь и забрали въ плѣнъ, въ коемъ я находился съ 22-го марта по 16-е число апрѣля, гдѣ претерпѣвалъ бѣдственность, страдалъ въ наготѣ безъ рубашки и обуви. 16-го числа апрѣля я выбѣжалъ въ Тенгинское укрѣпленіе и явился тамошнему воинскому начальнику г. маіору Цакни; по прибытіи же туда парохода я просилъ у г. маіора Цакни объ отправленіи меня въ Керчь къ г. генералъ-лейтенанту и кавалеру Раевскому и прибылъ въ Керчь 26-го апрѣля, и тогожъ числа прибылъ въ гор. Тамань, гдѣ и теперь нахожусь впредь до движенія отряда, по просьбѣ моей начальству имѣю быть прикомандированнымъ къ саперному баталіону для экспедиціи. Имѣю честь быть съ непремѣннымъ почтеніемъ.

Убитые въ нашей роты подпоручикъ Краумзгольдъ, подпрапорщики Корецкій и Черскій, фельдфебель Камлевъ.

Простите меня, великодушно ваше высокоблагородіе, что я осмѣлился писать вамъ на такой бумагѣ, ибо лучшей не могъ достать. 27-го апрѣля 1840 года, гор. Тамань.

Вашего высокоблагородія, вашъ покорнѣйшій слуга Юзефъ Мирославскій.

г) Разсказъ начальника штаба Черноморской береговой линіи полковника Филипсона о взятіи горцами Михайловскаго укрѣпленія.

22-го марта 1840 года.

Воинскимъ начальникомъ тамъ былъ штабсъ-капитанъ Лико. Это былъ исправный офицеръ, всю службу проведшій на Кавказѣ, серьезный и отважный. Когда онъ узналъ о взятіи Лазаревскаго укрѣпленія, то, предполагая и себѣ возможность такой же участи, онъ благоразумно отдѣлилъ внутреннимъ брустверомъ ближайшую къ морю часть своего укрѣпленія, гдѣ были провіантскіе магазины и пороховой погребъ. Въ этой цитадели Лико предполагалъ держаться, если бы непріятель и ворвался въ остальную часть укрѣпленія.

Въ предшествующую нападенію ночь собаки за укрѣпленіемъ сильно лаяли, гарнизонъ почевалъ, какъ обыкновенно, подъ ружьемъ; но все было тихо, и когда разсвѣло, непріятеля нигдѣ не было видно. Въ полдень, когда нижніе чины обѣдали, толпа горцевъ, скрывавшаяся за р. Вуланомъ въ перелѣскахъ, внезапно и безъ шума, бросилась къ укрѣпленію, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находился крытый ходъ къ рѣкѣ (такъ какъ другой воды гарнизонъ не имѣлъ). Сдѣлалась тревога, всѣ бросились къ угрожаемому пункту; но это, какъ видно, была фальшивая атака. Главная масса горцевъ атаковала укрѣпленіе съ сѣверной и сѣверо-восточной стороны, гдѣ спускающаяся къ морю мѣстность имъ болѣе благопріятствовала. Лазутчики говорятъ, что горцевъ было очень много и что большая часть ихъ были пьяны, выпивъ вѣроятно спирту, доставшагося имъ въ Лазаревскомъ и Вельяминовскомъ укрѣпленіяхъ. Гарнизонъ дрался съ ожесточеніемъ, но подавленъ огромнымъ превосходствомъ непріятеля, ворвавшагося въ укрѣпленіе съ двухъ сторонъ. Лико, съ горстью людей, отступилъ въ свой редюитъ и продолжалъ тамъ защищаться, обстрѣ-

ливая внутренность укрѣпленія картечью изъ горнаго единорога. Строенія въ остальной части укрѣпленія уже горѣли; горцы торопились грабить, уносить добычу и уводить плѣнныхъ. Только часа черезъ два они рѣшились штурмовать редюитъ и, когда ворвались въ него, послѣдовалъ взрывъ порохового погреба, отъ котораго погибли остатки храбраго гарнизона и до 2-хъ тысячъ горцевъ, какъ говорятъ лазутчики. Вѣроятно это число преувеличено, но во всякомъ случаѣ потеря была такъ огромна, что поразила ужасомъ горцевъ. Они разбѣжались, не убирая даже своихъ труповъ и съ того времени назвали это мѣсто «проклятымъ». Къ этому разсказу лазутчиковъ единогласно прибавили нѣсколько нижнихъ чиновъ гарнизона Михайловскаго укрѣпленія, случайно не бывшихъ тамъ во время его гибели. Увѣряли, что каждый день, при вечерней зарѣ, дѣлался расчетъ на случай атаки непріятеля; что штабсъ-капитанъ Лико объявилъ имъ, что не сдастъ укрѣпленія и въ крайности взорветъ пороховой погребъ; что на этотъ подвигъ вызвался рядовой Тенгинскаго полка Архипъ Осиповъ, который при расчетѣ всегда выходилъ впередъ и громко повторялъ свое обѣщаніе.

Въ этомъ видѣ и было донесено г. Раевскимъ военному министру, и Государю Императору угодно было приказать произвести строжайшее изслѣдованіе относительно взрыва порохового погреба и точно ли этотъ взрывъ произведенъ Архипомъ Осиповымъ? Казалось, самая сущность событія не давала никакой надежды на полное раскрытіе истины съ юридическою точностью; но тутъ помогли неожиданныя обстоятельства. Со времени взятія Михайловскаго укрѣпленія прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Въ продолженіи этого времени вышло отъ горцевъ около 50-ти нижнихъ чиновъ, взятыхъ въ плѣнъ вскорѣ послѣ того, какъ горцы ворвались въ укрѣпленіе. Нѣкоторые бѣжали, другіе были вымѣнены на нѣсколькихъ горцевъ, или выкуплены на соль, въ которой горцы нуждались. Я собралъ всѣхъ этихъ выходцевъ. Всѣ они подъ присягою показали: что 1) штабсъ-капитана Лико, какъ начальника строгаго и справедливаго, всѣ подчиненные боялись и уважали; 2) что онъ объявилъ при всѣхъ, послѣ взятія Лазаревскаго укрѣпленія, что взорветъ пороховой погребъ, а не сдастъ укрѣпленіе; 3) что служба отправлялась у нихъ строго, и каждую ночь гарнизонъ стоялъ въ ружьѣ; 4) что при вечерней зарѣ всегда дѣлался расчетъ гарнизону, кому и гдѣ находиться въ случаѣ нападенія; 5) что вызваны охотники зажечь пороховой погребъ въ случаѣ крайности; ихъ оказалось человѣкъ десятокъ, и очередной вызывался при каждомъ расчетѣ; 6) что однажды рядовой Тенгинскаго полка Архипъ Осиповъ сталъ просить штабсъ-капитана Лико возложить на него одного этотъ подвигъ; Лико согласился, іеромонахъ принялъ его клятву и благословилъ его; 7) что съ того времени Осиповъ всегда выходилъ впередъ, и Лико напоминалъ ему взятый на себя обѣтъ; 8) что Архипа Осипова всѣ въ гарнизонѣ знали, какъ исправнаго солдата, серьезнаго и набожнаго человѣка, и никто не сомнѣвался, что онъ сдержитъ свое слово.

Болѣе ничего эти люди не могли показать, потому что взяты были вскорѣ послѣ того, какъ горцы ворвались въ укрѣпленіе. Надобно сказать, что плѣнные считались у горцевъ дорогою добычей и тотчасъ же уводились въ горы, чтобы ихъ не лишиться въ общемъ безпорядкѣ. Иногда одинъ плѣн-

ный доставался нѣсколькимъ горцамъ, и они спѣшили увести его подальше, чтобы условиться въ томъ, какъ пользоваться своею добычею. Такіе плѣнные ничего не знали о взрывѣ порохового погреба; но совершенно неожиданно явились трое нижнихъ чиновъ, бывшихъ въ редюитѣ въ послѣдній актъ взятія укрѣпленія. Они показали подъ присягой: 1) что въ редюитѣ было всѣхъ человѣкъ 80 и въ томъ числѣ Архипъ Осиповъ, находившійся неотлучно при воинскомъ начальникѣ; 2) что горцы атаковали редюитъ со всѣхъ сторонъ, какъ одинъ изъ нихъ выразился—«лѣзла, какъ саранча»; 3) когда они уже ворвались въ редюитъ, Лико былъ сильно раненъ, но сказалъ Осипову твердымъ голосомъ: «дѣлай свое дѣло», а тотъ отвѣчалъ: «будетъ исполнено», и 4) что бывшій тутъ іеромонахъ Маркелъ, въ епитрахили и съ крестомъ, благословилъ Осипова и далъ приложиться ко кресту.

Двое изъ этихъ показателей были схвачены горцами; третій прибавилъ, что онъ находился подлѣ Лико и тоже былъ раненъ, слышалъ его слова и отвѣтъ Осипова и видѣлъ, какъ онъ взялъ гранату, сорвалъ пластырь и, взявъ въ другую руку зажженный фитиль, вошелъ въ пороховой погребъ; но взрывъ послѣдовалъ не въ то же мгновеніе, потому что онъ услышалъ его во рву укрѣпленія, куда горцы успѣли его столкнуть. Безъискуственный разсказъ этихъ людей носилъ на себѣ печать несомнѣнной истины, и фигуры Лико, Осипова и іеромонаха являлись въ такой героической простотѣ, что недобросовѣстно было бы допускать малѣйшее сомнѣніе, хотя самый актъ зажженія пороха Осиповымъ, по существу своему, не могъ быть доказанъ юридически. Ген. Раевскій представилъ военному министру всѣ подлинныя показанія. Государь былъ тронутъ ихъ чтеніемъ и приказалъ объявить объ этомъ подвигѣ по всему военному вѣдомству, отыскать и щедро обезпечить семейства Лико и Осипова и сверхъ того приказалъ считать на вѣчныя времена Архипа Осипова правымъ фланговымъ 1-й гренадерской роты Тенгинскаго пѣхотнаго полка и, при перекличкѣ, второй человѣкъ долженъ отвѣчать: «погибъ во славу русскаго оружія».

д) Копія съ рапорта начальнику Черноморской береговой линіи генералъ-лейтенанту Раевскому начальника 1-го отдѣленія той же линіи контръ-адмирала Серебрякова, отъ 8-го ноября 1840 года за № 2144.

Вслѣдствіе предписанія вашего превосходительства отъ 20-го іюня № 230 по предмету дознанія подробностей, коими сопровождалось взятіе горцами форта Вельяминовскаго и Михайловскаго укрѣпленія, честь имѣю представить именные списки и отобранныя, при священническомъ увѣщеваніи, показанія:

1) 34-хъ нижнихъ чиновъ, выбѣжавшихъ и выкупленныхъ изъ плѣна, изъ числа взятыхъ въ фортѣ Вельяминовскомъ.

2) 9 чиновъ Михайловскаго укрѣпленія.

Противъ именного списка, препровожденнаго ко мнѣ въ помянутомъ предписаніи, не спрошено 17 человѣкъ, вѣроятно по неизвѣстности нынѣшняго ихъ пребыванія.

Разногласія, сбивчивость и даже противорѣчія въ показаніяхъ очевид-

цевъ о подробностяхъ гибельнаго происшествія весьма естественны, потому что при врожденномъ чувствѣ самохраненіи трудно допустить, чтобы кто нибудь изъ нихъ среди пылу отчаянной схватки, трескотни выстрѣловъ, пламени пожара и защищая жизнь свою въ рукопашномъ бою, сохранилъ спокойное и любопытное вниманіе посторонняго наблюдателя.

Въ послѣднюю бытность мою въ укрѣпленіи Михайловскомъ 14-го числа марта,—за недѣлю передъ его разореніемъ,—я нашелъ гарнизонъ состоящій изъ одной роты Тенгинскаго полка, одной Навагинскаго и двухъ Черноморскаго линейнаго № 4 баталіона, въ самомъ бодромъ и воинственномъ видѣ, духъ солдатъ отличный, офицеровъ прекрасно расположенныхъ.

Я оставилъ штабсъ-капитану Лико приказъ того же утра на пароходѣ «Могучій» по ввѣренному мнѣ отдѣленію за № 5, отданный, и копію съ коего честь имѣю при семъ представить. Меня къ этому побудило сожалѣніе, что при взятіи двухъ укрѣпленій, не былъ исполненъ и истребленіемъ боевыхъ и съѣстныхъ запасовъ послѣдній долгъ воиновъ, когда не остается уже никакой надежды отразить непріятеля. Соображая пространство укрѣпленія, слишкомъ значительное по числу гарнизона, я приказалъ воинскому начальнику изъ бревенъ, бочекъ и проч. устроить поперекъ всего укрѣпленія траверзъ, немного вправо отъ гауптвахты, который служилъ бы точкою опоры въ случаѣ вторженія непріятеля, и здѣсь уже держаться до послѣдней крайности, а при невозможности дальнѣйшаго сопротивленія взорвать пороховой погребъ; всѣ офицеры присутствовали при моемъ наставленіи, всѣ единодушно и съ истиннымъ воинскимъ восторгомъ обѣщали мнѣ это исполнить. Лазутчиками сообщено извѣстіе о нападеніи за три дня впередъ; воинскій начальникъ, чтобы не подвергнуться оному неожиданно, расчитавъ гарнизонъ, часа за три до свѣта выводилъ людей на валъ и распускалъ его уже по восходѣ солнца, когда ничего не было замѣтно. Отсутствіе баркаса не дозволило ему меня увѣдомить. Показаніе нижнихъ чиновъ Михайловскаго укрѣпленія почти совершенно согласны; это весьма понятно, потому что они заблаговременно приготовлены были встрѣтить непріятеля, всѣмъ объясненъ былъ порядокъ отступленія и сопротивленія, слѣдовательно дѣло происходило безъ суетливости, и всякій могъ лучше помнить всѣ подробности этого происшествія.

22-го числа на разсвѣтѣ, гарнизонъ стоя на своихъ мѣстахъ, замѣтилъ многочисленныя толпы горцевъ во всѣхъ ущельяхъ и оврагахъ вблизи укрѣпленія: по нимъ тотчасъ открытъ огонь изъ орудій и ружей, и они въ то же время бросились стремительно на Джубскій и прилегавшіе къ нему Михайловскій и Николаевскій бастіоны; прежде всего они вторгнулись толпами на Джубскій бастіонъ, коимъ овладѣли послѣ кровопролитнаго боя холоднымъ оружіемъ. Безпрестанно увеличивающееся число ихъ, вынудило воинскаго начальника отступить за траверзъ, при чемъ онъ былъ раненъ; поручикъ Тимченко, подпоручикъ Краумзгольдъ и прапорщикъ Симборскій убиты; строенія зажжены горцами и пылали одно за другимъ; все укрѣпленіе занято постепенно непріятелемъ, и ничтожный остатокъ гарнизона, упорно и дорого продававшаго каждый шагъ, сбитъ наконецъ на морской бастіонъ, гдѣ съ подпоручикомъ Безносовымъ, при общемъ натискѣ всей толпы непріятельской и

совершенномъ изнеможеніи силъ, захвачены въ плѣнъ оставшіеся въ живыхъ. На бастіонахъ развѣвались красные значки горцевъ, знаменуя ихъ побѣду, какъ вдругъ опрокинуты взрывомъ порохового погреба, который превратилъ торжество непріятеля въ ужасъ огромнаго урона.

Горцы обратились тогда къ блокгаузу, гдѣ находился въ карауле унтеръ-офицеръ Кадушка съ 20-ю рядовыми и нѣсколькими казаками; послѣ непродолжительной перестрѣлки и сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ изъ фальконета, Кадушка, видя невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, хотѣлъ, какъ показываютъ, берегомъ пробраться къ Новотроицкому укрѣпленію, но едва отворили ворота, какъ вторгнувшаяся толпа горцевъ овладѣла блокгаузомъ, гдѣ кто изрубленъ, а кто взятъ въ плѣнъ, и въ числѣ послѣднихъ Кадушка.

Штабсъ-капитанъ Лико раненъ, поручикъ Гимченко, подпоручикъ Краумзгольдъ и прапорщикъ Симборскій убиты; подпоручикъ Безносовъ, по словамъ однихъ раненый, по словамъ другихъ не раненый и прапорщикъ Смирновъ взяты въ плѣнъ; объ артиллерійскомъ прапорщикѣ Ермоловѣ и лекарѣ Самовичѣ никѣмъ изъ допрошенныхъ не упомянуты. Впрочемъ всѣ единодушно показываютъ, что ни одного офицера въ плѣну не видали; къ тому же и отъ горцевъ нѣтъ по сіе время ни объ одномъ никакихъ свѣдѣній, а потому нѣтъ сомнѣнія, что даже и тѣ, которые были захвачены, померли отъ ранъ или сдѣлались жертвою мщенія и ярости непріятеля.

Число горцевъ, по собственнымъ ихъ разсказамъ и показанію нашихъ, простиралось не менѣе 12-ти тысячъ; уронъ до 2000 человѣкъ убитыми и раненымп, въ томъ числѣ до 1000 однихъ абадзеховъ; гарнизонъ нашъ при нападеніи состоялъ изъ 500 человѣкъ, изъ числа коихъ, по всѣмъ обстоятельствамъ и показаніямъ, остались въ живыхъ весьма немногіе.

Сами горцы откровенно сознаются, что они никакъ не ожидали столь упорной обороны и не помнятъ столь значительной потери; по словамъ ихъ, встрѣченные ядрами, потомъ картечью и наконецъ ружейнымъ огнемъ, они осыпаемы были чугуннымъ и свинцовымъ градомъ, который валилъ цѣлые ряды; они успѣли вторгнуться на Джубскій бастіонъ, но люди, занимавшіе Николаевскій и Михайловскій бастіоны, дрались какъ львы; когда на первомъ перебиты были офицеры, и оставалось нижнихъ чиновъ не болѣе человѣкъ пятидесяти, видя что на Михайловскомъ еще держится воинскій начальникъ, они бросились туда, пробивая себѣ дорогу штыками; едва половина успѣла присоединиться къ нему; сюда же (пришелъ) подпоручикъ Безносовъ съ морского бастіона; но когда послѣ отчаяннаго боя штабсъ-капитанъ Лико опять (былъ) раненъ и взятъ, большая часть уже нашихъ пали, то горсть остальныхъ въ числѣ человѣкъ сорока, отступили на морской бастіонъ, гдѣ кончилась неравная и славная борьба.

Спрошенные нижніе чины Черноморскаго линейнаго № 5 баталіона показываютъ, что имъ неизвѣстно, кѣмъ и по чьему распоряженію подожженъ пороховой погребъ; это обстоятельство весьма вѣроятно, потому что подобное распоряженіе необходимо было держать въ тайнѣ; я говорилъ объ этомъ вездѣ однимъ лишь офицерамъ и гдѣ только принято было такое намѣреніе, даже и въ самомъ Новороссійскѣ, гдѣ сдѣланы всѣ приготовленія къ совершенію онаго, оно самымъ тайнымъ образомъ объявлялось только тѣмъ, кто назначались исполнителями.

Впрочемъ показанія фейерверкера Киселева и рядового Тенгинскаго полка Геофила Козловскаго, по болѣзни новороссійскаго іеромонаха спрошеннаго безъ священническаго увѣщеванія, подтверждаютъ, что о принятомъ намѣреніи было извѣстно нѣкоторымъ нижнимъ чинамъ, хотя объ исполнителѣ они не знаютъ. Представленное въ копіи письменное (за)явленіе іеромонаха Августина также служитъ доказательствомъ, что штабсъ-капитаномъ Лико сдѣлано было заблаговременно распоряженіе о взрывѣ порохового погреба, въ случаѣ послѣдней крайности, къ тому же надобно сознаться, что если бы распоряженіе не было сдѣлано заблаговременно, то исполнить подобное намѣреніе среди боя невозможно, какъ случилось въ фортѣ Вельяминовскомъ. Соображая всѣ эти обстоятельства съ послѣднимъ посѣщеніемъ моимъ Михайловскаго укрѣпленія, нисколько не колеблюсь утверждать, что пороховой погребъ взорванъ не иначе какъ по распоряженію воинскаго начальника, хотя неизвѣстно, кто былъ исполнителемъ. Впрочемъ, полагаю, что о дѣйствительности подвига рядового Осипова можно скорѣе узнать отъ его товарищей, освобожденныхъ изъ плѣна и находящихся уже въ своемъ полку. Ко всему этому неизлишнимъ считаю присовокупить, что отнюдь не должно казаться страннымъ, если штабсъ-капитанъ Лико, для исполненія своего намѣренія, предпочелъ солдата посторонней команды всякому другому изъ непосредственно подчиненныхъ ему линейныхъ ротъ; на его мѣстѣ, я сдѣлалъ бы тоже, и не счелъ бы своего предубѣжденія несправедливымъ. Въ заключеніе обязываюсь имѣть честь доложить, что о взятіи форта Лазарева никакихъ свѣдѣній не имѣю, кромѣ изложенныхъ въ прежнихъ моихъ объ этомъ несчастномъ происшествіи донесеніяхъ, потому что выбѣжавшіе и выкупленные изъ плѣна нижніе чины тамошняго гарнизона, принадлежа Тенгинскому пѣхотному полку, были отправляемы къ оному, откуда и можно потребовать снятыя съ нихъ показанія.

е) Защита Михайловскаго укрѣпленія 22-го марта 1840 г.

(Рус. Стар. 1877 г. т. XIX, ст. А. П. Берже).

Подробности происшедшаго здѣсь дѣла, завершившаго управленіе Черноморскою береговою линіею генералъ-лейтенанта Раевскаго, передавались въ разное время и съ разными варіантами; самое же вѣрное ихъ изложеніе принадлежитъ современнику событія, генералъ-маіору фонъ-Бринку, котораго разсказъ, сообщенный намъ старымъ кавказскимъ ветераномъ М. Ѳ. Ѳеодоровымъ, мы приводимъ здѣсь дословно.

Гарнизонъ Михайловскаго укрѣпленія состоялъ изъ роты Черноморскаго линейнаго № 5-й баталіона, подъ командою штабсъ-капитана Лико (онъ же былъ воинскимъ начальникомъ), и роты Тенгинскаго полка, которою завѣдывалъ подпоручикъ Краумзгольдъ; въ ротѣ состояли: прапорщикъ Геевскій, подпрапорщикъ Корецкій, фельдфебель Камлевъ. Нижнихъ чиновъ въ ротѣ, хотя и числилось по списку 250 человѣкъ, но, за убылью отъ болѣзней и по другимъ случаямъ, подъ ружьемъ въ это время не было и половины; всего же гарнизона въ обѣихъ ротахъ съ артиллеристами считались до 500 человѣкъ, вмѣстѣ съ больными. Когда за убылью этихъ послѣднихъ изъ фронта

нельзя было, въ случаѣ нападенія, занять все протяженіе огневой линіи, штабсъ-капитана Лико раздѣлилъ укрѣпленіе углубленнымъ ретраншаментомъ съ амбразурою въ передовой насыпи для орудія, снятаго съ оставленнаго имъ бастіона, обращеннаго къ ущелью, откуда скорѣе всего можно было ожидать нападенія. Извѣстившись о взятіи форта Лазарева, онъ собралъ всѣхъ офицеровъ и, въ присутствіи нижнихъ чиновъ, объявилъ объ угрожающей имъ опасности, при чемъ напомнилъ долгъ присяги и данное ими обѣщаніе генералу Раевскому «не сдаваться живыми, въ крайности взорвать пороховой погребъ и погибнуть вмѣстѣ съ непріятелемъ». На это напоминаніе офицеры и солдаты отвѣтили единодушнымъ согласіемъ. Затѣмъ, распредѣливъ гарнизонъ по бастіонамъ той части укрѣпленія, которую отдѣлили ретраншаментомъ, условились при неустойкѣ отступать къ бастіону, въ которомъ находился пороховой погребъ, и въ крайности привести въ исполненіе данное слово. Ожидая нападенія, весь гарнизонъ постоянно былъ наготовѣ встрѣтить непріятеля, и потому въ ночное время въ казармахъ никто не оставался.

Въ ночь съ 21-го на 22-е марта 1840 года, съ четверга на пятницу, съ той стороны, откуда именно ожидали нападенія, съ 10-ти часовъ вечера слышенъ былъ лай солдатскихъ собакъ, которыхъ на ночь выгоняли за укрѣпленіе; этого было достаточно, чтобы именно въ эту ночь ожидать нападенія, а потому самъ Лико, за нимъ офицеры и многіе изъ нижнихъ чиновъ надѣли чистое бѣлье, а офицеры даже принарядились въ лучшіе свои мундиры; во всѣ орудія заложили картечь. Къ утру часу въ четвертомъ лай собакъ послышался во рву укрѣпленія. Тогда съ фланга сѣвернаго бастіона сдѣланъ былъ выстрѣлъ, вслѣдъ за которымъ раздался гикъ непріятеля, появившагося на всемъ протяженіи огневой линіи. Удачные выстрѣлы картечью, хотя на время его задерживали, но, постепенно усиливаясь, онъ наконецъ ворвался въ укрѣпленіе. Тутъ началась рукопашная свалка. Лико былъ изрубленъ въ числѣ первыхъ; гарнизонъ защищался, отступая къ погребу, двери котораго были отворены. Горцы бросились грабить порохъ; изъ погреба повалила пыль. Тогда-то рядовой роты Краумгольда, Архипъ Осиповъ, закричалъ:

— «Пора братцы! кто останется въ живыхъ помните Осипова!» и съ этими словами вбѣжалъ въ погребъ, сдѣлалъ выстрѣлъ;—послѣдовалъ страшный взрывъ; все смолкло и солнце, не дойдя еще до полудня, освѣтило только кровавую картину смерти и разрушенія.

Вотъ разсказъ полковника фонъ-Бринка, составленный имъ изъ свѣдѣній, собранныхъ отъ оставшихся въ живыхъ плѣнныхъ, при посредствѣ лазутчика, линейнаго казака, бѣжавшаго изъ отряда полковника Засса, во время наѣздовъ его на егерукаевскіе аулы. Этого бѣглаго фонъ-Бринкъ никогда не хотѣлъ наименовать, да и въ Анапѣ кромѣ его никто не зналъ именъ лазутчиковъ.

XI.

а) Формулярный списокъ о службѣ и достоинствѣ Тенгинскаго пѣх. полка поруч. Лермонтова.

4-го декабря 1840 года.

Чинъ, имя, отчество и прозваніе; также имѣ-	Поручикъ Михайло Юрьевъ, сынъ Лермонтовъ, вѣроисповѣданія православнаго.

етъ ли ордена и прочіе знаки отличія и какого вѣроисповѣданія?	
Сколько отъ роду лѣтъ, изъ какого званія?	Двадцать шесть лѣтъ, изъ дворянъ Тульской губерніи.
Есть-ли за нимъ, за родителями его, или, когда женатъ, за женою недвижимое имѣніе?	За нимъ состоитъ Тверской губерніи 150 и за бабкою въ Пензенской губерніи 500 душъ крестьянъ.
Когда въ службу вступилъ и въ оной какими чинами происходилъ и когда, съ показаніемъ прописью времени производства въ первый офицерскій чинъ и сколько тогда имѣлъ отъ роду лѣтъ?	Унтеръ-офицеромъ въ 1832 г. ноября 13-го; юнкеромъ въ 1832 г. декабря 19-го; произведенъ корнетомъ въ 1834 г. ноября 22-го; имѣлъ тогда отъ роду 20 лѣтъ; поручикомъ въ 1839 г. декабря 6-го.
Въ теченіи службы, въ которыхъ именно полкахъ и баталіонахъ и съ какого по какое время по переводамъ находился, по какому случаю переводимъ въ оные былъ: по волѣ начальства, или по собственному желанію, и когда прибылъ къ каждой новой командѣ или другому мѣсту; также не служилъ ли по выборамъ дворянства, когда и къ какимъ должностямъ былъ выбранъ, и когда отъ оныхъ уволенъ?	Лейбъ-гвардіи въ гусарскомъ полку; Высочайшимъ приказомъ переведенъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ прапорщикомъ 1837 г. февраля 27-го; Высочайшимъ приказомъ переведенъ лейбъ-гвардіи въ Гродненскій гусарскій полкъ съ переименованіемъ въ корнеты 1837 г. октября 11-го; переведенъ Высочайшимъ приказомъ лейбъ-гвардіи въ гусарскій полкъ 1838 г. апрѣля 9-го; прибылъ къ полку 1838 г. мая 14-го; Высочайшимъ приказомъ переведенъ въ Тенгинскій полкъ тѣмъ же чиномъ 1840 г. апрѣля 13-го; по выборамъ дворянства не служилъ.
Во время службы своей въ походахъ и въ дѣлахъ противъ непріятеля гдѣ и когда находился; не былъ ли раненъ, гдѣ и какъ, ка-	1837 года находился въ экспедиціи за Кубанью, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Вельяминова, въ какихъ же походахъ неизвѣстно. За бывшіе въ Высочайшемъ присутствіи смотры, парады, маневры и ученьи удостоившись получить въ числѣ прочихъ офицеровъ Высочайшія благоволенія, объ-

кое время и гдѣ находился для пользованія раны; не былъ ли взятъ въ плѣнъ, въ какомъ дѣлѣ и когда изъ онаго возвратился на службу; не имѣлъ ли, сверхъ настоящей обязанности, особыхъ порученій по Высочайшимъ повелѣніямъ или отъ своего начальства; какія именно, когда, какъ оныя исполнилъ и въ какое время; также, когда какія награды получалъ за отличіе въ сраженіяхъ и по другимъ дѣйствіямъ чинами, орденами и знаками отличія Высочайшія благоволенія, Всемилостивѣйшіе рескрипты и похвальные листы отъ своего начальства, за какія дѣла и по какому мѣсту служенія?

явленныя въ Высочайшихъ приказахъ 1835 года іюля 6-го, 7-го, 8-го и 9-го, ноября 6-го; 1836 г. мая 2-го, 18-го и 19-го, іюня 14-го, 15-го и 16-го, іюля 14-го, 15-го, 23-го, 24-го, 25-го, 26-го и 27-го, августа 1-го, октября 12-го; 1838 г. іюля 6-го, 11-го, октября 5-го и 6-го, ноября 6-го; 1839 г. марта 16-го, мая 9-го и 27-го, іюня 12-го, 13-го, 14-го и 23-го, іюля 14-го, 15-го, 26-го, 27-го, 30-го и 31-го, августа 2-го и 7-го, октября 21-го, ноября 6-го; 1840 г. февраля 12-го и марта 5-го.

Россійской грамотѣ читать и писать и другія какія науки знаетъ ли?

Россійской, французской, нѣмецкой грамотѣ читать и писать умѣетъ; математику, тригонометрію, алгебру, исторію, географію, фортификацію, ситуацію, военное судопроизводство и законъ Божій знаетъ.

Въ домовыхъ отпускахъ былъ ли; когда имено, по какимъ причинамъ или случаямъ, являлся ли на срокъ, а если просрочилъ, то когда именно явился, и было-ль о причинѣ просрочки представлено доказательство; какое, когда и кому именно; если же увольняемъ былъ безсрочно, то когда возвращался на службу?

Былъ въ отпускахъ по домашнимъ обстоятельствамъ: 1835 года съ 20-го декабря на 6 недѣль, въ коемъ по болѣзни пробылъ по 14-е число марта 1836 года, о чемъ было представлено лѣкарское свидѣтельство къ начальнику 1-й легкой гвардейской кавалерійской дивизіи отъ 4-го февраля 1836 года № 317.

Въ штрафахъ, по суду или безъ суда, былъ ли; когда, за что именно и чѣмъ дѣло кончено; также—не подвергался ли Высочайшимъ замѣчаніямъ и выговорамъ, кои объявляемы были въ Высочайшихъ приказахъ?	Приказомъ по отдѣльному гвардейскому корпусу отъ 11-го марта 1840 года за № 38 преданъ военному суду за произведенную имъ, по собственному его сознанію дуэль, и за недонесеніе о томъ тотчасъ своему начальству. Высочайшимъ приказомъ, отданнымъ въ 13-й день апрѣля 1840 года, переведенъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ тѣмъ же чиномъ.
Холостъ или женатъ, и имѣетъ ли дѣтей и какого вѣроисповѣданія?	Холостъ.
Въ комплектѣ или сверхъ комплекта, при полку или въ отлучкѣ, гдѣ именно, по чьему повелѣнію, и съ котораго времени находится?	Въ комплектѣ, а находится прикомандированнымъ въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Галафѣева въ Чечнѣ.
Къ повышенію чиномъ и къ награжденію знакомъ отличія безпорочной службы достоинъ или нѣтъ, и за чѣмъ именно не аттестуется?	До преданія суду аттестовался достойнымъ.
Если по выборамъ дворянства служилъ, то съ какимъ успѣхомъ отправлялъ сію службу; не поступали ли въ неправильномъ выполненіи таковой должности какія либо жалобы и какое получили онѣ окончаніе?	По выбору дворянства не служилъ.
Отчеты по должности какіе имѣлъ въ теченіе службы, представлялъ ли въ срокъ, и если таковыхъ когда либо не доставилъ, то	Въ срокъ доставлялъ.

по какимъ причинамъ и уважены ли оныя начальствомъ?

Не подвергался ли жалобамъ, которыя начальствомъ найдены основательными, хотя по существу оныхъ виновный суду не подлежалъ, и если въ виду начальства таковыя жалобы были, то отъ кого, когда именно, въ чемъ оныя состояли и какое получили окончаніе?

Не подвергался.

Не былъ ли замѣченъ слабымъ въ отправленіи обязанностей службы и по званію начальника, или, вопреки должной взыскательности по службѣ, не допустилъ ли между подчиненными какихъ-либо безпорядковъ или неисправностей; и если въ какомъ-либо изъ тѣхъ случаевъ находился, то въ чемъ именно оный состоялъ, какія произошли отъ того послѣдствія; не были ли онѣ причиною какого-либо ущерба для интереса казеннаго, общественнаго или частнаго; вознагражденъ ли оный, кѣмъ и какимъ образомъ, или нѣтъ и почему?

Не бывалъ

Не былъ ли оглашаемъ или изобличаемъ въ неприличномъ поведеніи, руководствуясь въ

Не былъ.

отмѣткѣ противъ сего пункта 21-ю статьею статута о знакѣ отличія безпорочной службы? |

Командующій полкомъ полковникъ *Вылсковъ*, полковой адъютантъ поручикъ *Баженовъ*.

б) Наградной списокъ поручику Лермонтову.

Испрашивается о наградѣ: прикомандированному къ отряду, по распоряженію высшаго начальства для участвованія въ экспедиціи, къ кавалеріп дѣйствующаго отряда Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручику Лермонтову.

«Въ дѣлахъ 29-го сентября и 3-го октября обратилъ на себя особенное вниманіе отряднаго начальника расторопностью, вѣрностью взгляда и пылкимъ мужествомъ, почему и поручена ему была команда охотниковъ 10-го октября; когда раненый юнкеръ Дороховъ былъ вынесенъ изъ фронта, я поручилъ его начальству команду изъ охотниковъ состоящую. Невозможно было сдѣлать выбора удачнѣе: всюду поручикъ Лермонтовъ, вездѣ первый подвергался выстрѣламъ хищниковъ и во всѣхъ дѣлахъ оказывалъ самоотверженіе и распорядительность выше всякой похвалы. 12-го октября на фуражировкѣ за Шали, пользуясь плоскостью мѣстоположенія, бросился съ горстью людей на превосходнаго числомъ непріятеля, и неоднократно отбивалъ его нападенія на цѣпь нашихъ стрѣлковъ и поражалъ неоднократно собственною рукою хищниковъ. 15-го октября онъ съ командою первый прошелъ шалинскій лѣсъ, обращая на себя всѣ усилія хищниковъ, покушавшихся препятствовать нашему движенію и занялъ позицію въ разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ опушки. При переправѣ черезъ Аргунъ онъ дѣйствовалъ отлично противъ хищниковъ и, пользуясь выстрѣлами нашихъ орудій, внезапно кинулся на партію непріятеля, которая тотчасъ же ускакала въ ближайшій лѣсъ, оставивъ въ рукахъ нашихъ два тѣла.

«*Переводъ въ гвардію тѣмъ же чиномъ съ отданіемъ старшинства*» (написано рукою самого генералъ-лейтенанта Галафѣева).

Означенный наградной списокъ приложенъ къ рапорту начальника 20-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанта Галафѣева, отъ 9-го декабря 1840 г. за № 3337. Генералъ-лейтенантъ Галафѣевъ въ своемъ рапортѣ просилъ командующаго войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи генералъ-адъютанта Граббе о награжденіи отличившихся чиновъ отряда, «бывшихъ въ продолженіи 20-ти-дневнаго движенія отряда по Чечнѣ и при взятіи приступомъ главныхъ непріятельскихъ ауловъ: Шали, Герменчука и Санъ-юрта».

Дѣло № 13357 центральнаго архива при управленіи начальника Владикавказской мѣстной бригады.

в) Наградной списокъ поручику Лермонтову.

Испрашивается о наградѣ: прикомандированному къ кавалеріи дѣйствующаго отряда Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручику Лермонтову.

«Во всю экспедпцію въ Малой Чечнѣ, съ 27-го октября по 6-е ноября поручикъ Лермонтовъ командовалъ охотниками, выбранными изъ всей кавалеріи и командовалъ отлично во всѣхъ отношеніяхъ, всегда первый на конѣ

и послѣдній на отдыхѣ этотъ храбрый и расторопный офицеръ неоднократно заслуживалъ одобреніе высшаго начальства; 27-го октября онъ первый открылъ отступленіе хищниковъ изъ аула Алды и при отбитіи у нихъ скота принималъ дѣятельное участіе, врываясь съ командою въ чащу лѣса и отличаясь въ рукопашномъ бою съ защищавшими уже болѣе себя, нежели свою собственность, чеченцами; 28-го октября, при переходѣ черезъ гойтинскій лѣсъ, онъ открылъ первый завалы, которыми укрѣпился непріятель и, перейдя тинистую рѣчку, вправо отъ помянутаго завала, онъ выбилъ изъ лѣса значительное скопище, покушавшееся противиться слѣдованію нашего отряда и гналъ его въ открытомъ мѣстѣ и уничтожилъ большую часть хищниковъ, недопуская ихъ собрать своихъ убитыхъ; по миновании дефиле поручикъ Лермонтовъ съ командою былъ отряженъ къ отряду г. генералъ-лейтенанта Галафѣева, съ которымъ слѣдовалъ и 29-го числа, дѣйствуя всюду съ отличною храбростью и знаніемъ военнаго дѣла; 30-го октября при рѣчкѣ Валерикѣ поручикъ Лермонтовъ явилъ новый опытъ хладнокровнаго мужества, отрѣзавъ дорогу отъ лѣса сильной партіи непріятельской, изъ которой малая часть только обязана спасеніемъ быстротѣ лошадей, а остальная уничтожена. Отличная служба поручика Лермонтова и распорядительность во всѣхъ случаяхъ достойны особеннаго вниманія и доставили ему честь быть принятымъ г. командующимъ войсками въ число офицеровъ, при его превосходительствѣ находившихся во все время второй экспедиціи въ Большой Чечнѣ съ 9-го по 20-е число ноября».

Къ золотой сабль съ надписью за храбрость (помѣтка сдѣлана рукою самого полковника князя Голицына, командующаго всею кавалеріею на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи и въ дѣйствующемъ отрядѣ состоящемъ[1].

(Означенный наградной списокъ приложенъ къ рапорту, отъ 24-го декабря 1840 года за № 139, командовавшаго всею кавалеріею дѣйствующаго отряда на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи полковника князя Голицына, въ которомъ онъ просилъ командующаго войсками на кавказской линіи и въ Черноморіи генералъ-адъютанта Граббе о награжденіи штабъ, оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ, «оказавшихъ отличіе въ дѣлахъ во время двухъ десятидневныхъ экспедиціяхъ въ Малой Чечнѣ, съ 27-го октября по 6-е ноября и въ Большой Чечнѣ съ 10-го по 20-е ноября).

Центральный архивъ при управленіи начальника Владикавказской мѣстной бригады, дѣло № 13337.

Г) Командиру Тенгинскаго пѣхотнаго полка г. полковнику и кавалеру Хлюпину.

Онаго же полка поручика Лермонтова рапортъ.

Отправляясь въ отрядъ командующаго войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи г. генералъ-адъютанта Граббе, заболѣлъ я на дорогѣ лихорадкой и, бывъ освидѣтельствованъ въ гор. Пятигорскѣ докторами, получилъ отъ Пятигорскаго коменданта, г. полковника Ильяшенкова, позволеніе остаться здѣсь впредь до излѣченія. Іюня 13-го дня 1841 года, гор. Пятигорскъ.

О чемъ вашему высокоблагородію донести честь имѣю. Поручикъ Лермонтовъ.

Д) Свидѣтельство.

Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Михаилъ Юрьевъ, сынъ Лермонтовъ, одержимъ золотухою и цынготнымъ худосочіемъ, сопровождаемымъ при-

пухлостью и болью десенъ, также изъявленіемъ языка и ломотою ногъ, отъ какихъ болѣзней г. Лермонтовъ, приступивъ къ лѣченію минеральными водами, принялъ болѣе двадцати горячихъ, сѣрныхъ ваннъ, но для облегченія страданій необходимо поручику Лермонтову продолжать пользованіе минеральными водами въ теченіи цѣлаго лѣта 1841 года; остановленное употребленіе водъ и слѣдованіе въ путь можетъ навлечь самыя пагубныя слѣдствія для его здоровья.

Въ удостовѣреніе чего подписомъ и приложеніемъ герба моего печати свидѣтельствую, гор. Пятигорскъ, іюня 15-го 1841 года.

Пятигорскаго военнаго госпиталя ординаторъ, лекарь, титулярный совѣтникъ Барклай-де-Толли.

XI.

Командующему войсками на кавказской линіи и въ Черноморіи, г. генералъ-адъютанту и кавалеру Граббе.

Пятигорскаго коменданта полковника Ильяшенкова рапортъ. -

По суду, произведенному въ коммиссіи, учрежденной въ гор. Пятигорскѣ надъ подсудимыми: уволеннымъ отъ службы изъ Гребенского казачьяго полка маіоромъ Мартыновымъ, лейбъ-гвардіи коннаго полка корнетомъ Глѣбовымъ и служащимъ въ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи титулярнымъ совѣтникомъ княземъ Васильчиковымъ, открылось:

Сего года іюля 15-го числа подсудимые эти и съ ними Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Лермонтовъ, по полудни въ шесть съ половиною часовъ, изъ квартиръ своихъ отправились по дорогѣ ведущей въ Николаевскую колонію и, отъѣхавъ отъ города не болѣе 4-хъ верстъ, остановились при подошвѣ горы Машуки, между растущаго кустарника, на полянѣ гдѣ привязавъ за деревья своихъ лошадей *), и изъ нихъ, корнетъ Глѣбовъ и князь Васильчиковъ, размѣрили вдоль по дорогѣ барьеръ разстояніемъ на 15 шаговъ, поставивъ на концахъ онаго свои фуражки, и отмѣрили еще отъ оныхъ въ обѣ стороны по 10-ти шаговъ, потомъ, зарядивъ пару пистолетовъ, отдали ссорившимся маіору Мартынову и поручику Лермонтову; сіи, пришедъ на назначенныя мѣста, остановились и потомъ, по сдѣланному знаку корнетомъ Глѣбовымъ приблизясь къ барьеру, маіоръ Мартыновъ выстрѣломъ своимъ ранилъ поручика Лермонт(ов)а, который въ тоже время отъ этой раны и померъ, не успѣвъ даже произвести и выстрѣла по Мартыновѣ.

Ссора у маіора Мартынова съ поручикомъ Лермонтовымъ, какъ изъ дѣла видно, произошла послѣдній разъ 13-го числа того мѣсяца по выходѣ изъ дома генералъ-маіорши Верзилиной, которую хотя въ ономъ никто изъ бывшихъ въ то время у ней гостей и не замѣтилъ, но это подтверждается собственнымъ сознаніемъ Мартынова и объясненіями князя Васильчикова и корнета Глѣбова, ибо Мартыновъ имъ неоднократно говорилъ, что поручикъ Лермонт(ов)ъ дѣлалъ и напредъ сего безпрерывныя надъ нимъ насмѣшки и гово-

*) Мартыновъ, Лермонтовъ и Васильчиковъ верховыхъ, а Глѣбовъ запряженную въ бѣговыхъ дрожкахъ.

рилъ разныя колкости, а въ послѣдній разъ Лермонтовъ рѣшился сказать Мартынову, что онъ не вправѣ заставить его молчать, присовокупилъ къ тому: «ты вмѣсто угрозъ гораздо бы лучше сдѣлалъ, если дѣйствовалъ; ты знаешь, что я отъ дуэлей никогда не отказываюсь». Почему и назначено было время для дуэли и къ оной были приглашены секундантами со стороны Мартынова корнетъ Глѣбовъ, а Лермонтова—князь Васильчиковъ.

Секунданты, хотя и употребляли всѣ мѣры къ примиренію ссорящихся, но никакъ успѣть въ томъ не могли; а не дали они объ этомъ знать мѣстному начальству потому, что дали ссорящимся слово никому о томъ не говорить. Спрошенные подъ присягою крѣпостные люди: поручика Лермонтова Илья и Ермолай Козловы, Иванъ Смирновъ, маіора Мартынова—Иванъ Вертюковъ и Иванъ Соколовъ, показали, что въ тотъ день, когда у господъ ихъ назначена была дуэль, они ничего не знали, куда и зачѣмъ поѣхали тоже не знаютъ, а узнали объ этомъ тогда, когда корнетъ Глѣбовъ пріѣхалъ съ мѣста происшествія въ квартиру и приказалъ изъ нихъ Ильѣ Козлову и Ивану Вертюкову ѣхать за тѣломъ Лермонтова, кои отправились туда и привезли оное въ квартиру, во все же время сосѣдственнаго квартированія ихъ, они, Мартыновъ и Лермон(тов)ъ, жили дружелюбно и ссоры никогда никакой между ними не было, а Иванъ Смирновъ и Ермолай Козловъ находились въ тотъ день безотлучно въ квартирѣ и о происшествіи семъ не знали до тѣхъ поръ, пока не было привезено въ квартиру тѣло убитаго Лермонтова; Иванъ же Соколовъ въ это время находился въ Желѣзноводскѣ.

За неимѣніемъ о подсудимыхъ маіорѣ Мартыновѣ и корнетѣ Глѣбовѣ формулярныхъ списковъ, ни о лѣтахъ, равно и службѣ видѣть ничего нельзя, ибо таковыя требуются коммиссіею, отколь слѣдуетъ и по полученіи будутъ мною доставлены вслѣдъ за дѣломъ.

Титулярный совѣтникъ князь Васильчиковъ отъ роду имѣетъ 22 года, въ службѣ съ 1839 года, изъ россійскихъ князей, въ походахъ и штурмахъ не бывалъ.

Военный судъ дѣло это производившій, согласно свода военно-уголовныхъ постановленій части 5-й, книги 1-й, статьями 392, 393 и 398, подсудимыхъ маіора Мартынова, корнета Глѣбова и титулярнаго совѣтника князя Васильчикова приговорилъ къ лишенію чиновъ и правъ состоянія.

Я также соглашаясь съ приговоромъ коммиссіи военнаго (суда) во всей его силѣ и потому судное о нихъ дѣло, обще съ пистолетами, имѣю честь представить на разсмотрѣніе вашего превосходительства, докладывая при томъ, что издержанные презусомъ, ассесорами и аудиторомъ прогонныя и суточныя деньги, всего 154 рубли 72½ копейки ассигнаціями, взыскать съ подсудимыхъ. № 1260. октября 10-го дня 1841 года. Г. Пятигорскъ.

Полковникъ *Ильяшенковъ*. Въ должности адъютанта поручикъ *Турдаковскій*.

XII.

Списокъ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ нижнихъ чиновъ 77-го пѣхотнаго Тенгинскаго полка съ 1819 по 1845 годъ.

Составленъ по годовымъ рапортамъ.

1820 годъ.

3-й гренадерской роты Матвѣй Котляровъ, убитъ въ отрядѣ маіора Курило за рѣкою Подкумкомъ.

1821 годъ.

Фельдфебель Андрей Васильевъ.
Гренадеръ Тимофей Исаевъ.
» Гаврилъ Емельяновъ.
» Андрей Соколовъ.
» Василій Косиковъ.
» Денисъ Сашка.
} Убиты въ перестрѣлкѣ съ кабардинцами за рѣкою Подкумкомъ, 5-го и 6-го мая 1821 года.

Стрѣлокъ Семенъ Васильевъ, убитъ въ перестрѣлкѣ съ кабардинцами за рѣкою Кумою, съ 13-го—17-го декабря 1821 г., въ отрядѣ маіора Курило.

Стрѣлокъ Иполитъ Донской, умеръ отъ ранъ, полученныхъ въ дѣлѣ съ 13-го—17-го декабря 1821 г. въ отрядѣ маіора Курило.

1823 годъ.

Стрѣлокъ Леонтій Никифоровъ, убитъ горскими хищниками въ окрестности Новаго Ахандуковскаго укрѣпленія.

1824 годъ.

Рядовой Сергѣй Федоровъ, убитъ хищниками.

1825 годъ

Рядовой Андрей Герасимовъ.
» Яковъ Илоцкій.
» Емельянъ Ерохинъ.
} Убиты при сопровожденіи транспорта съ провіантомъ въ Усть-Лабинскую крѣпость.

Унтеръ-офицеръ Яковъ Абрамовъ.
Рядовой Юрій Янъ.
} Умерли отъ ранъ тогда же.

1826 годъ.

Фельдфебель Павелъ Андреевъ, убитъ хищниками въ Ахандуковскомъ ущельѣ.

1828 годъ.

Унтеръ-офицеръ Василій Семеновъ.
Гренадеръ Василій Клепиковъ.
» Михаилъ Гусенко.
» Леонтій Зайцевъ.
» Алексѣй Колѣсниковъ.
} Убиты въ отрядѣ г. Емануеля при Карачаевскомъ аулѣ.

Унтеръ-офицеръ Ларіонъ Яковецъ, умеръ отъ ранъ.

1829 годъ.

Унтеръ-офицеръ Гавріилъ Концевъ, убитъ хищниками близъ крѣпости Темнолѣсской.

1830 годъ.

Гренадеръ Карпъ Ефимовичъ, убитъ въ сраженіи шапсугами.

Мушкетеръ Тихонъ Шиминъ, убитъ на секретѣ горскими хищниками.

» Иванъ Шишкинъ, убитъ въ сраженіи противъ шапсуговъ; выключенъ 12-го апрѣля.

Мушкетеръ Алексѣй Нестеровъ, убитъ въ сраженіи противъ шапсуговъ; включенъ 15-го ноября.

1832 годъ.

Семенъ Егоровъ, убитъ хищниками при проѣздѣ изъ Баталпашинской станицы въ Усть-Джегуты съ маіоромъ Гарковенко.

1834 годъ.

Рядовой 1-й гренадерской роты Гавріилъ Красниковъ, убитъ 12-го сентября на фуражировкѣ.

Рядовой Исай Игнатьевъ, убитъ въ экспедиціи за Кубань въ отрядѣ полковника Засса.

Рядовой Алексѣй Трофимовъ, убитъ 11-го августа при нападеніи на непріятеля на обозъ.

1835 годъ.

Рядовой 4-й мушкетерской роты Федоръ Харченко, убитъ въ экспедиціи за рѣкою Кубанью 11-го марта 1835 года.

Рядовой 4-й мушкетерской роты Сергѣй Барышниковъ, убитъ 18-го августа 1835 года въ перестрѣлкѣ съ горцами.

Рядовой мушкетерской роты Радіонъ Кондаковъ, убитъ 14-го сентября 1835 года во время разоренія шапсугскихъ ауловъ.

Рядовой 2-й гренадерской роты Федоръ Нефловъ, убитъ 14-го сентября при разореніи ауловъ.

Унтеръ-офицеръ Нестеръ Никитинъ. } Убиты во время фуражировки
Рядовой Илья Волховскій. } 14-го сентября.

Рядовой 3-й гренадерской роты Михаилъ Черноусовъ, убитъ 26-го октября въ перестрѣлкѣ съ горцами.

Рядовой 7-й мушкетерской роты Иванъ Кузнецовъ, убитъ 3-го октября на фуражировкѣ.

1836 годъ.

Рядовой 9-й мушкетерской роты Егоръ Карсаевъ, убитъ въ сраженіи съ горцами въ отрядѣ начальника 20-й дивизіи, генералъ-лейтенанта Малиновскаго, во время слѣдованія изъ Ольгинскаго укрѣпленія до Николаевскаго и обратно до Абина, съ 30-го мая по 4-е іюня.

Рядовой Афанасій Волчинскій.
» Клементій Старбулаевъ.
» Козьма Ластухинъ.
} Умерли отъ ранъ.

1838 годъ.

Унтеръ-офицеръ 1-й мушкетерской роты Яковъ Янсенко, убитъ 12-го мая въ перестрѣлкѣ съ горцами.

Рядовой 4-й гренадерской роты Николай Васильевъ, убитъ при слѣдованіи колонны изъ Цемеса къ Анапѣ.

1839 годъ.

Рядовой 9-й мушкетерской роты Сергѣй Перфильевъ—умеръ отъ ранъ, полученныхъ при рубкѣ лѣса.

Рядовой 2-й гренадерск. роты Филиппъ Плехановъ. } Убиты въ перестрѣлкѣ
» » » » Яковъ Васильевъ. } 3-го мая на р. Субаши.

Унтеръ-офицеръ Степанъ Софищенко, убитъ 3-го мая.
» Степанъ Григорьевъ.
Рядовой Павелъ Голубицкій.
» Степанъ Киривашкинъ.
» Анисимъ Вишняковъ.
» Трофимъ Масловъ.
» Тимофей Степановъ.
» Спиридонъ Матвѣевъ.
} Умерли отъ ранъ.

4-й роты рядовой Михайло Ивановъ.
» » » Герасимъ Яковлевъ.
» » » Егоръ Луценко.
} Убиты.

» » » Янъ Левковичъ.
» » » Николай Евстратовъ.
» » » Иванъ Малкофдовъ.
» » » Иванъ Колтуновъ.
» » » Яковъ Агиблечовъ.
} Умерли отъ ранъ.

6-й » » Петръ Савицкій.
» » » Елизарь Доронтовъ.
» » » Кузьма Даниловъ.
8-й » » Янъ Нарбутъ.
} Убиты.

Унтеръ-офицеръ 10-й мушкетерской роты Иванъ Трубниковъ, убитъ 27-го мая при рубкѣ лѣса.

Рядовой Евсѣй Алексѣевъ.
» Андрей Булатовъ.
} Убиты 27-го мая при рубкѣ лѣса.

Рядовой 1-й гренадерской роты Михаилъ Коноваловъ, убитъ 28-го мая въ перестрѣлкѣ.

Рядовой 7-й мушкетерской роты Алексѣй Зинченко, убитъ 22-го мая при рубкѣ лѣса.

Рядовой 10-й мушкетерской роты Иванъ Ивановъ, убитъ при высадкѣ десанта на рѣкѣ Псесуапсѣ, 7-го іюня.

Рядовой 1-й гренадерской роты Яковъ Морозовъ, убитъ 18-го октября.
» 7-й мушкетерской » Леонтій Камышевъ, убитъ 16-го іюля.
» 8-й » » Павелъ Бурцовъ.
» 1-й » » Афанасій Сивцовъ. } Умерли отъ ранъ.
» » » » Парфенъ Пахомовъ. }
» 6-й » » Семенъ Даниловъ. }

1840 годъ.

Рядовой 4-й гренадерской роты Иванъ Фарафоновъ—убитъ.

» 10-й мушкетерской роты Максимъ Ермолаевъ, убитъ въ крѣпости Абинѣ.

Рядовой 4-й мушкетерской роты Сидоръ Мещеряковъ, убитъ на пастбищѣ близъ форта Лазарева.

Рядовой 8-й мушкетерской роты Михайла Зашекъ, убитъ тамъ же.

Погибли при взятіи горцами форта Лазарева.

4-й мушкетерской роты:

Фельдфебель Марцелій Сторжинскій.
Каптенармусъ Дмитрій Литвиновъ.

Унтеръ-офицеры:

Федоръ Артамоновъ.
Андрей Кувыкинъ.
Антонъ Кострубинскій.
Алексѣй Прохинъ.

Горнисты:

Никифоръ Ефимовъ.
Антонъ Дубарицкій.

Барабанщики:

Василій Аверьяновъ.
Анисимъ Ивановъ.

Рядовые:

Карлъ Понтонъ.
Маркъ Рева.
Федоръ Леонтьевъ.
Петръ Шушковскій.
Войцехъ Яничиковскій.
Гаврило Баевъ.
Василій Федоровъ.
Андрей Вашковъ.
Александръ Петровъ.
Тимофей Тидловъ.
Федоръ Кирѣевъ.
Михайло Киртовъ.
Войцехъ Краснопольскій.

Погибли при взятіи горцами форта Лазарева.

Григорій Крысоловъ.
Афанасій Твердуновъ.
Евсѣй Борисовъ.
Гаврила Максимовъ.
Семенъ Климовъ.
Илья Пашкевичъ.
Спиридонъ Морской.
Богуславъ Снѣщаръ.
Янъ Христофоровъ.
Яковъ Жевляковъ.
Іосафатъ Линъ.
Илья Лаврентьевъ.
Тихонъ Небитовъ.
Миксимъ Боганскій.
Карпъ Юдинъ.
Игнатъ Зенкинъ.
Савелій Петровъ.
Вицентій Рацевичъ.
Емельянъ Четвериковъ.
Ефимъ Федотовъ.
Григорій Чупинъ.
Петръ Кошельковъ.
Іонъ Ивановъ.
Тиморгалитъ (?) Шашковъ.
Андрей Конглинъ.
Еремѣй Костинъ.
Антонъ Семеновъ.
Титъ Татаринцовъ.
Петръ Романовъ.
Филиппъ Осиповъ.
Иванъ Отвѣчалинъ.
Антонъ Журъ.
Степанъ Бурмистровъ.
Король Гаврюшка.
Федоръ Вемочко.
Акинфій Степановъ.
Павелъ Степановъ.
Семенъ Петровъ.
Степанъ Яковлевъ.
Алексѣй Никифоровъ.
Харитонъ Кочетковъ.
Максимъ Поповъ.
Михей Григорьевъ.
Сидоръ Александровъ.
Антонъ Шалухинъ.
Фадей Кобяковъ.

Андрей Алексѣевъ.
Александръ Даниловъ.
Макаръ Погудинъ.
Ерса Кашаловъ.
Андрей Кошеревъ.
Павелъ Шелелись.
Степанъ Соловицкій.
Епифанъ Зыковъ.
Максимъ Бритюковъ.
Семенъ Крикуновъ.
Асей Ивановъ.
Михаилъ Сергѣевъ.
Мацей Гавриловъ.
Михайло Ганинъ.

2-й мушкетерской роты:

Рядовые:

Федоръ Савчукъ.
Федоръ Бондаренко.
Лукьянъ Стиненко.
Иванъ Кальварчикъ
Василій Костенко.
Дмитрій Кирьяновъ.
Козьма Сѣренко.

1-й гренадерской роты:

Унтеръ-офицеръ.

Максимъ Овчинниковъ.

Рядовые:

Моисей Рѣшетнякъ.
Козьма Старыгинъ.
Игнатъ Нагорной.
Денисъ Тетерятнисовъ.
Гурій Матвѣевъ.
Терентій Ильинъ.
Федоръ Кирилловъ.

1-й мушкетерской роты.

Рядовой.

Захаръ Федоровъ.

3-й мушкетерской роты:

Унтеръ-офицеръ.

Тихонъ Просвиринъ.

Рядовые:

Константинъ Камерной.
Павелъ Бородинъ.

Погибли при взятіи города Данцига.

Погибли при взятіи горцами форта Лазарева.

Иванъ Котелкинъ.
Антонъ Пенчевскій.
Ефимъ Горбунинъ.
Ларіонъ Сухаревъ.
Янъ Вечерковичъ.

2-й гренадерской роты:

Унтеръ-офицеръ.

Борисъ Щеняцкій.

Рядовые:

Егоръ Калининъ.
Янъ Болышъ.
Николай Кальковскій.
Наумъ Можаевъ.
Антонъ Якубонъ.
Яковъ Сенкевичъ.
Алексѣй Орѣховъ.
Викторъ Родзіевскій.

3-й гренадерской роты:

Рядовые:

Іосифъ Кучеренко.
Абрамъ Петровъ.

7-й мушкетерской роты:

Рядовые:

Василій Долгихъ.
Станиславъ Озиманъ.
Ларіонъ Голованов.
Иванъ Дрюковъ.
Иванъ Васильевъ.
Леонтій Василенко.
Степанъ Ельникинъ.
Бенедиктъ Панасъ.
Даніилъ Плухшиновъ.
Ефремъ Ильченко.

8-й мушкетерской роты:

Унтеръ-офицеръ.

Петръ Верещагинъ.

Рядовые:

Алексѣй Цариченко.
Никифоръ Маковскій.
Иванъ Матвѣевъ.
Петръ Лаксенко.

4-й гренадерской роты.

Рядовые:

Ермолай Быковскій.

Погибли при взятіи города штурмомъ форта Лазарева.

Дмитрій Леоновъ.
Семенъ Гумисъ.
Андрей Самороковъ.
Степанъ Лебеденко.
Нефедъ Леонтьевъ.
Павелъ Егоровъ.

10-й мушкетерской роты:

Рядовые:

Егоръ Лукашкинъ.
Архипъ Кузьминъ.
Войцехъ Андрусъ.
Адамъ Кобемонексъ.
Василій Наумовъ.

11-й мушкетерской роты:

Рядовые:

Сафронъ Каширцовъ.
Андрей Голубьевъ.
Федоръ Рысниковъ.
Филиппъ Бондаревъ.
Федоръ Коробовъ.
Казимиръ Петрушкевичъ.
Петръ Февралевъ.
Михаилъ Малинда.
Юрій Бартлошадъ.
Власъ Мартыновъ.
Францъ Ликшъ.
Самойло Изотовъ.

Погибли при взрывѣ укрѣпленія Михайловскаго.

9-й мушкетерской роты:

Подпрапорщикъ.

Константинъ Корецкій.

Фельдфебель.

Харитонъ Камлевъ.

Унтеръ-офицеры:

Михайло Ефимовъ.
Василій Семикинъ.
Семенъ Просвиринъ.
Романъ Рафиловъ.

Барабанщики:

Григорій Медвѣдевъ.
Степанъ Адашенко.
Сысой Халчеевъ.

Рядовые:

Архипъ Осиповъ.
Митрофанъ Григорьевъ.

Антонъ Янчинъ.
Афанасій Дежиновъ.
Григорій Смирновъ.
Алексѣй Кудровъ.
Кондратій Ермаковъ.
Леонтій Дмитріевъ.
Яковъ Овчинниковъ.
Степанъ Должниковъ.
Егоръ Карповъ.
Михайло Слѣпокуровъ.
Кузьма Трофимовъ.
Григорій Жукъ.
Яковъ Леоновъ.
Степанъ Мартыновъ.
Андрей Борисовъ.
Михайло Клинцовъ.
Андрей Воробьевъ.
Хрисанфъ Матвѣевъ.
Купріянъ Стончевъ.
Ефимъ Павловъ.
Павелъ Вороновъ.
Антонъ Щетилинъ.
Дементій Савельевъ.
Илья Мичуринъ.
Осипъ Зарубинъ.
Федотъ Волковъ.
Петръ Миненко.
Степанъ Голинъ.
Андрей Карнелюкъ.
Селиверстъ Савельевъ.
Никита Буруцкій.
Семенъ Четвериновъ.
Семенъ Фроловъ.
Степанъ Березовскій.
Петръ Остапенко.
Потапъ Шуваловъ.
Кондратъ Бондаревъ.
Афанасій Сѣровъ.
Семенъ Оглоблевъ.
Кирилло Анисимовъ.
Иванъ Франтилюкъ.
Христофоръ Ринкевичъ.
Тимофей Радковскій.
Осипъ Киселевъ.
Трофимъ Заярловъ.
Дмитрій Трофимовъ.

Погибли при взрывѣ укрѣпленія Михайловскаго.

Ларіонъ Мельниковъ.
Антонъ Балбатунъ.
Титъ Исаевъ.
Трофимъ Бубновъ.
Ларіонъ Дроновъ.
Ефимъ Селезневъ.
Иванъ Молодчинъ.
Антонъ Пономаревъ.
Алексѣй Лепешкинъ.
Никита Гордѣенко.
Федотъ Монастырскій.
Казимиръ Богдановичъ.
Томашъ Буцекъ.
Осипъ Кулаковъ.
Филиппъ Степановъ.
Артемъ Викикоровъ.
Григорій Соловьевъ.
Людвигъ Черскій.
Степанъ Бурцовъ.
Егоръ Анисимовъ.
Илья Кирилловъ.
Иванъ Афанасьевъ.
Игнатъ Грженда.
Войцехъ Голецъ.
Никифоръ Макаровъ.
Яковъ Трошковъ.
Семенъ Кузьминъ.
Маркъ Климовъ.
Мамонъ Феклистовъ.

} Погибли при взрывѣ укрѣпленія Михайловскаго.

1841 годъ.

5-й гренадерской роты, рядовой Якимъ Улярниковъ, убитъ за Кубанью въ отрядѣ генерала Засса.

5-й гренадерской роты, рядовой Игнатъ Мазницынъ.
» » » » Артемъ Гончаровъ.
» » » » Иванъ Дементьевъ.
} Убиты въ перестрѣлкѣ.

» » » » Абрамъ Андрученко, убитъ при блокированіи и бомбардированіи укрѣпленія Навагинскаго 26-го—30-го іюля 1841 г.

5-й гренадерской роты, рядовой Абрамъ Маликовъ, убитъ при занятіи 28-го іюля 1841 года лагеря отрядомъ генералъ-маіора Муравьева.

5-й гренадерской роты, рядовой Евдокимъ Формальный, убитъ въ прикрытіи при рубкѣ лѣса.

5-й мушкетерской роты, рядовой Степанъ Ткачевъ, убитъ во время слѣдованія отряда 8-го, 9-го и 10-го октября 1841 года изъ лагеря при укрѣпленіи св. Духа до форта Навагинскаго.

4-й гренадерской роты:

Унтеръ-офицеръ.

Захаръ Андреевъ.

Рядовые.

Кузьма Рожинскій.
Игнатъ Овчиниковъ.

10-й мушкетерской роты:

Рядовые:

Никифоръ Волченко.
Павелъ Жариновъ.
Павелъ Остроумовъ.
Мартынъ Евстигнѣевъ.
Кириллъ Машаленко.

11-й мушкетерской роты:

Подпрапорщикъ.

Феликсъ Ордынскій.

Рядовые:

Андрей Жиголинъ.
Изотъ Сергѣевъ.

14-й мушкетерской роты.

Унтеръ-офицеръ.

Николай Зачайный.

12-й мушкетерской роты:

Подпрапорщикъ.

Николай Чагинъ.

Унтеръ-офицеръ.

Карпъ Семчукъ.

Рядовые:

Аксентій Федоровъ.
Францъ Черноцкій.
Михайло Соколовъ.
Константинъ Хитровъ.
Николай Чекмазовъ.
Федоръ Терентьевъ.
Илья Кононовъ.
Василій Савченко.
Василій Чеботаревъ.
Семенъ Ефременко.
Иванъ Рѣзниченко.
Семенъ Быковскій.
Томашъ Красуцкій.

8-й мушкетерской роты.

Рядовой.

Данило Волковъ.

Убиты въ перестрѣлкахъ 8-го, 9-го и 10-го октября 1841 года во время слѣдованія отряда изъ лагеря при укрѣпленіи св. Духа до форта Навагинскаго.

3-й гренадерской роты:

Унтеръ-офицеръ.

Ефимъ Татаринцевъ.

Рядовые:

Алексѣй Воротниковъ
Яковъ Бородкинъ.
Михайловъ Агафоновъ.
Тимофей Кораблевъ.

1-й гренадерской роты.

Рядовой.

Василій Кузнецовъ.

7-й мушкетерской роты.

Унтеръ-офицеръ.

Дмитрій Андреевъ.

8-й мушкетерской роты:

Рядовые:

Федотъ Огурцевъ.
Федоръ Саламатинъ.

9-й мушкетерской роты:

Рядовые:

Ефимъ Петровъ.
Яковъ Нестеровъ.
Макаръ Фокинъ.

Убиты въ перестрѣлкахъ 8-го, 9-го и 10-го октября 1841 года во время слѣдованія отряда изъ лагеря при укрѣпленія св. Духа до форта Навагинскаго.

1842 годъ.

10-й мушкетерской роты:

Рядовые:

Яковъ Сокинъ.
Павелъ Чолбенко.
Войцехъ Петросюкъ.

Убиты при внезапномъ нападеніи горцевъ на сел. Васюринское 23-го января 1842 г.

13-й мушкетерской роты:

Рядовые:

Игнатій Мазницынъ.
Артемъ Гончаровъ.
Иванъ Дементьевъ.

Убиты при нападеніи горцевъ на Усть-Лабинскій форштадтъ.

8-й мушкетерской роты:

Рядовые:

Тимофей Сергѣевъ.
Василій Цапкинъ.
Илья Николенко.

Убиты въ перестрѣлкѣ 21-го іюня 1842 г. около переправы черезъ рѣку Псекупсъ.

7-й мушкетерской роты рядовой Иванъ Григорьевъ, убитъ близъ лагеря на правомъ берегу рѣки Псекупсъ въ перестрѣлкѣ 25-го іюня 1842 г.

1843 годъ.

4-й гренадерской роты:
Рядовые:
Петръ Ткачъ.
Фаддей Байденко.

10-й мушкетерской роты:
Рядовые:
Иванъ Устиновъ.
Павелъ Мироновичъ.
Иванъ Тисленко.
Трофимъ Воронецкій.

11-й мушкетерской роты:
Рядовые:
Иванъ Ивановъ.
Иванъ Дудкинъ.

12-й мушкетерской роты.
Рядовой.
Алексѣй Дамацкій.

Убиты въ перестрѣлкѣ 28-го апрѣля 1843 г.

6-й мушкетерск. роты рядов. Александръ Стрѣльниковъ, умеръ отъ раны.

1844 годъ.

2-го баталіона:
Унтеръ-офицеръ.
Илья Щербинскій.
Рядовые:
Иванъ Прейманъ.
Денисъ Андреевъ.
Дмитрій Никитинъ.
Василій Осиповъ.
Леонтій Поливозъ.
Ефимъ Комаровъ.
Андрей Терещенко.
Гавріилъ Ефимовъ.
Григорій Подусовъ.
Филиппъ Горбуновъ.
Василій Никифоровъ.

Убиты въ перестрѣлкѣ съ горцами 24-го марта при занятіи аула Глабугай.

5-й гренадерской роты.
Рядовой.
Осипъ Проценко.

13-й мушкетерской роты:
Рядовой.
Алексѣй Введенскій.

Убиты въ перестрѣлкѣ близъ станціи Усть-Лабинской, при преслѣдованіи хищниковъ, увлекшихъ съ собой 12-тилѣтнюю дѣвочку.

13-й мушкетерской роты:

Рядовые:

Осипъ Конкинъ.
Иванъ Гривенко.
Андрей Максимовъ.
Ларіонъ Петровъ.
Алексѣй Мостовой.
Назаръ Антоновъ.
Иванъ Колесниченко.
Прохоръ Шебановъ.
Антонъ Янощикъ.
Петръ Ивановъ.

} Умерли отъ ранъ.

Убиты 7-го сентября при нападеніи горцевъ на колонну, шедшую отъ станицы Некрасовской къ укрѣпленію Усть-Лабѣ, подъ командой унтеръ-офицера Грабовскаго, въ должномъ порядкѣ отступавшаго и ведшаго перестрѣлку до самой переправы на рѣкѣ Кубани.

1845 годъ.

4-й гренадерской роты рядовой Кондратій Ищенко, убитъ въ перестрѣлкѣ.

4-й гренадерской роты:

Рядовые:

Иванъ Желиновичъ.
Матвѣй Николаевъ.
Никита Ивановъ.
Иванъ Воротинцевъ.
Степанъ Смѣловскій.
Федоръ Малюшкинъ.
Томашъ Комаровскій.
Егоръ Чухманцевъ.
Лука Дзыгало.
Демьянъ Долинскій.
Иванъ Войтиковъ.

} Умерли отъ ранъ.

Нижніе чины Генгинскаго полка, находившіеся въ полубригадѣ конно-подвижнаго магазина, убитые въ сраженіяхъ съ горцами во время слѣдованія колонны отъ сел. Дарго къ позиціи въ Киркинскомъ ущельѣ 10-го іюля 1845 г.

XIII.

Знаки отличія военнаго ордена за Кавказскую войну.

Фельдфебель.

Димитрій Плотниковъ № 44538.

Унтеръ-офицеръ.

Василій Рованъ № 44531.

Рядовые:

Семенъ Федоровъ № 44536.
Анисимъ Заводскій » 44537.
Павелъ Афанасьевъ » 44535.
Антонъ Артюровъ » 44513.
Василій Ивановъ » 44539.
Яковъ Плоцковъ » 44540.

За участіе, въ составѣ отряда полковника Грекова, въ набѣгѣ за рѣкою Сунжу съ 7-го по 15-е марта 1820 г.

Унтеръ-офицеръ.
Иванъ Лаврентьевъ № 44962.
Рядовой.
Кузьма Яковлевъ № 44992.

За разореніе кошей разбойниковъ Касаева и Атажукова отрядомъ маіора Курила, 5-го мая 1821 года.

Фельдфебель Иванъ Чернышевъ № 45104, за экспедицію отряда генерала Вельяминова за Кубань съ 30-го сентября по 7-е октября 1823 года.

Фельдфебели:
Михаилъ Губкинъ № 45318.
Мартиньянъ Шантинъ » 45333.
Иванъ Матаринъ » 45334.
Унтеръ-офицеры:
Борисъ Скурдинца № 45338.
Афанасій Яковлевъ » 45336.
Рядовые:
Яковъ Федотовъ № 45331.
Никита Левчинка » 45335.
Михаилъ Науменко » 45319.
Василій Федоровъ » 45332.
Михаилъ Шмановъ » 45337.
Димитрій Васильевъ » 45339.
Василій Михайловъ » 45340.

За дѣло 18-го іюля 1825 года при отраженіи скопища абадзеховъ и кабардинцевъ, напавшихъ на транспортъ съ провіантомъ, слѣдовавшій изъ Усть-Лабинской крѣпости подъ общимъ начальствомъ князя Бековича-Черкаскаго.

Унтеръ-офицеръ Петръ Роговой № 45390, за отличіе, оказанное въ дѣлахъ противъ абадзеховъ въ августѣ 1825 года.

Рядовые:
Прохоръ Чуриловъ № 57083.
Даніилъ Федотовъ » 57082.

За отличіе въ сраженіи противъ карачаевскихъ народовъ съ 18-го по 24-е октября 1828 г.

Фельдфебель Иванъ Терентьевъ Соколовъ № 57235, за отличіе въ перестрѣлкѣ 30-го—31-го октября 1830 года.

Рядовые:
Анисимъ Першинъ № 58458.
Варфоломей Варфоломеевъ » 58388.
Таиръ Бахметовъ » 58453.

За сраженіе съ персіянами при урочища Тахтагай 23-го іюля 1827 года.

Фельдфебель.
Соколовъ № 57235.
Унтеръ-офицеры:
Самойловъ № 57236.
Тихоновъ » 57231.
Рядовые:
Ивановъ № 57233.
Полозовъ » 57230.
Рѣпкинъ » 57232.

За экспедицію въ землю шапсуговъ съ 19-го —30-го октября 1830 г.

Рядовой Иванъ Медвѣдевъ № 69835, пожалованъ Государемъ Императоромъ за отличіе 21-го ноября 1831 года при истребленіи абазинскихъ ауловъ.

Рядовой Будниченко № 69834, пожалованъ Государемъ Императоромъ за отбитіе отъ горцевъ двухъ плѣнныхъ дѣвочекъ 3-го іюля 1832 года.

Унтеръ-офицеръ Лебедевъ № 67251, за отличную храбрость, оказанную въ перестрѣлкѣ съ горцами 16-го мая 1833 года.

Унтеръ-офицеры:

Максимъ Чудинъ № 70660.
Кириллъ Михайловъ » 70661.

Фельдфебели:

Алексѣй Денисовъ № 70891.
Григорьевъ № 70892.
Шалимовъ » 70893.
Поповъ » 70894.
Камлевъ » 70895.

Унтеръ-офицеры:

Павловъ № 70896.
Куликовъ » 70897.
Рыковъ » 70898.
Дудченко » 70899.
Яшниковъ » 70900.
Полугинъ » 70901.
Безпаловъ » 70902.

Рядовые:

Шевкуносовъ № 70903.
Голиковъ » 70904.
Сикачевъ » 70905.
Абдурештовъ » 70906.
Филиповъ » 70907.
Якубовскій » 70908.
Пузанковъ » 70909.
Аникѣевъ » 70910.
Бѣляевъ » 70911.
Мандрусъ » 70912.
Дергуновъ » 70913.
Матвѣевъ » 70914.

За разбитіе хищнической партіи на Лабѣ и уничтоженіе аула князя Айтека Кононова 6-го и 7-го ноября 1833 г.

За отличіе въ дѣлахъ во время экспедиціи къ Геленджику въ 1834 г.

Фельдфебель Ѳедоръ Поповъ, за отличіе въ экспедиціи 1834—1835 г.

Рядовой Титъ Сальниковъ, за отличіе при разореніи за Кубанью аула 11-го марта 1835 года.

Рядовой Варламъ Саликовъ, за отличіе 11-го марта 1835 года.

Фельдфебели:

Василій Шлыкъ № 71039.
Михаилъ Игнатьевъ » 71040.

Унтеръ-офицеры:

Юзефъ Бруницкій № 71041.
Петръ Коваленко » 71042.

За отличіе, оказанное въ зимнюю экспедицію 1834—1835 годовъ.

За отличіе, оказанное въ зимнюю экспедицію 1834—1835 годовъ.

Алексѣй Проникъ № 71043.
Даніилъ Ильинъ » 71044.
Даніилъ Крыльцовъ » 71045.
Захаръ Петровъ » 71046.
Степанъ Лагуновъ » 71047.
Анисимъ Андреяченко » 71048.
Андрей Васильевъ » 71049.
Минай Зерниковъ » 71050.
Петръ Зотовъ » 71051.

Рядовые:

Ѳедосій Владимировъ № 71052.
Алексѣй Петровъ » 71053.
Матеушъ Заренко » 71054.
Петръ Драженецъ » 71055.
Михаилъ Збродько » 71056.
Тимофей Яковлевъ » 71057.
Антонъ Яковлевъ » 71058.
Алексѣй Санинъ » 71059.
Даніилъ Александровъ » 71060.
Фролъ Марковъ » 71061.
Андрей Ивановъ » 71062.
Семенъ Михеевъ » 71063.
Иванъ Картуновъ » 71064.
Михаилъ Боглачевскій » 71065.
Федосѣй Скороходъ » 71066.
Иванъ Острецкій » 71067.
Антоній Яворскій » 71068.
Прокофій Ладыгинъ » 71069.
Матвѣй Сергѣевъ ». 71070.

Унтеръ-офицеры вольноопредѣляющіеся: Демонтовичъ, Хазовъ и Величко—за экспедицію 1836 года.

За отличіе въ экспедиціяхъ 1836 г.

Фельдфебели:

Эверсъ. Михайловъ.
Шамовъ.

Капитенармусы:

Литвиновъ. Соснинъ.

Унтеръ-офицеры:

Бондаревъ. Битковъ.
Поповъ. Григорьевъ.
Юрковъ. Здоровцевъ.
Ефимовъ. Морозовъ.
Пальчиковъ. Двояновъ.

Рядовые:

Безпаловъ. Подгурскій.
Николаевъ. Михайловъ.

За отличіе въ экспедиціяхъ 1837 года.

Козляковъ.
Бѣляевъ.
Ильинъ.
Скиба.
Васюкъ.
Тодоровъ.
Филипповъ.
Богачевъ.
Катміонъ.
Рузановъ.
Незвалка.
Мельковъ.
Панченко.
Филоненко.
Новиковъ.
Павловъ.

Фельдфебель.

Егоръ Крыловъ № 73109.

Унтеръ-офицеры:

Александръ Петровъ № 73110.
Елистратъ Булгаковъ » 73111.
Сергѣй Кузнецовъ » 73112.
Иванъ Сметанинъ » 72482.
Антонъ Ткаченко » 72480.
Николай Степановъ » 72481.

Горнистъ.

Софронъ Коростинъ № 73113.

Рядовые:

Михаилъ Грязновъ № 72494.
Антонъ Покусаевъ » 72492.
Алексѣй Сапинъ » 72473.
Фролъ Сафроновъ » 72490.
Степанъ Горловъ » 72491.
Никонъ Завертенюкъ » 73114.
Илья Николенко » 73115.
Аѳанасій Матвѣевъ » 73116.

За отличіе, оказанное въ дѣлѣ противъ горцевъ во время десанта при занятіи береговъ рѣки Туапсе 12-го мая 1838 года.

Фельдфебель.

Николай Христенко № 72991.

Унтеръ-офицеры:

Алексѣй Яковлевъ № 72785.
Антонъ Великановъ » 72786.
Григорій Романовскій » 72892.

Рядовой.

Кузьма Тимофеевъ » 72783.

Унтеръ-офицеры:

Павелъ Седышовъ № 72992.
Кондратій Таньковъ » 72693.
Никаноръ Ефимовъ » 72994.
Дмитрій Масловъ » 72996.
Семенъ Евтѣевъ » 72997.
Иванъ Чушкинъ » 72998.
Василій Ивановъ » 72999.

Рядовые:

Иванъ Борозна » 73000.

Возложены лично командиромъ корпуса.

За отличіе, оказанное въ дѣлѣ противъ горцевъ во время десанта при занятіи береговъ рѣки Туапсѣ—12-го мая 1838 года.

Андрей Ивашкевичъ	№	73001.
Семенъ Мелаевъ	»	73002.
Станиславъ Барковскій	»	73003.
Павелъ Коваленко	»	73004.
Алфимъ Ивановъ	»	73005.
Тимофей Бирюковъ	»	73006.
Абрамъ Яковлевъ	»	73007.
Матвѣй Клюшниковъ	»	73008.
Семенъ Покшива	»	73009.
Василій Мельниковъ	»	73010.
Николай Ѳедоровъ	»	73012.
Елисѣй Фроловъ	»	73014.
Дмитрій Ефимовъ	»	73015.
Тимофей Комарнетой	»	73016.
Иванъ Штоколовъ	»	73018.
Семенъ Желяевъ	»	73019.
Леонъ Прядкинъ	»	73020.

За отличіе, оказанное въ экспедиціи 1839 года.

Фельдфебели:

Семенъ Чернявскій	№	74934.
Михаилъ Ильинъ	»	74935.

Унтеръ-офицеры:

Михаилъ Марчакъ	№	74936.
Моисей Хорошковскій	»	74937.
Кирилъ Щербина	»	74938.
Меркулъ Слесаревъ	»	74939.
Петръ Жуковъ	»	74940.
Григорій Брагинъ	»	74941.
Василій Сковородниковъ	»	74942.
Иванъ Великановъ	»	74943.
Моисѣй Михайловъ	»	74944.
Николай Чудиновъ	»	74945.
Александръ Николаевъ	»	74946.
Андрей Кузминъ	»	74947.
Иванъ Цѣлинъ	»	74948.
Василій Леонтьевъ	»	74949.
Людвигъ Коретковскій	»	74982.

За отличіе противъ горцевъ.

Рядовые:

Максимъ Чокинъ	№	74950.
Савва Коньковъ	»	74951.
Максимъ Сайченко	»	74953.
Варламъ Трофимовъ	»	74953.
Петръ Чебковъ	»	74954.
Леонтій Артемовъ	»	74955.
Ѳедоръ Кравченко	»	74957.
Иванъ Басоргинъ	»	74983.
Маркъ Ревва	»	74984.

Унтеръ-офицеры:		
Фердинандъ Кочаровскій	№ 75810.	За отличіе, оказанное при штурмѣ форта Навагинскаго 28-го, 29-го и 30-го іюня 1840 г.
Андрей Рандеротъ	» 75811.	
Андрей Гореглядъ	» 85812.	
Рядовые:		
Робертъ Курелли	» 75813.	
Дмитрій Мищенко	» 75814.	
Игнатій Добрскій	» 75815.	
Унтеръ-офицеръ.		
Карпъ Симчукъ	№ 74885.	За отличіе при отраженіи 26-го мая 1840 года горцевъ отъ Абинскаго укрѣпленія.
Рядовые:		
Давидъ Крыжаевъ	№ 74886.	
Иванъ Семенюкъ	» 74887.	
Федотъ Бирюковъ	» 74888.	
Демьянъ Абельцовъ	» 74889.	
Унтеръ-офицеры:		
Кириллъ Бурундукъ	№ 75893.	За отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ въ Далѣ въ 1840 года.
Бенавентуръ Козырскій	» 75894.	
Андріанъ Яковлевъ		
Анисимъ Батраковъ	» 75602.	
Василій Васильевъ	» 75606.	
Ѳедоръ Баравашевъ	» 75609.	
Рядовые:		
Казимиръ Рожинскій	№ 75896.	
Петръ Ревинъ	» 76895.	
Евдокій Молочаевъ	» 75603.	
Николай Егоровъ	» 75604.	
Иванъ Поповъ	» 75605.	
Степанъ Гоховъ	» 75607.	
Иванъ Ледовскій	» 75608.	
Игнатъ Дроздовъ	» 75610.	
Ефимъ Шуваловъ	» 75611.	
Александръ Ѳедоровъ	» 75923.	За отличіе при взятіи горцами Михайловскаго укрѣпленія 1840 года.
Іосифъ Мирославскій	» 75833.	
Унтеръ-офицеры:		
Никифоръ Сергѣевъ	№ 75640.	За отличіе, оказанное нижними чинами въ дѣлахъ противъ горцевъ въ 1841 году въ землѣ убыховъ въ отрядѣ генералъ-маіора Анрепа.
Дмитрій Бѣловъ	» 75642.	
Иванъ Грумши	» 75643.	
Аѳанасій Акимовъ	» 75644.	
Иванъ Копынскій	» 75645.	
Михаилъ Голущенко	» 75646.	
Иванъ Никифоровъ	» 75647.	
Даніилъ Павловъ	» 75648.	

Фельдфебели:		
Василій Богатинскій	№ 76626.	
Семенъ Дмитріевъ	» 76627.	
Унтера-офицеры:		
Никифоръ Герасимовъ	№ 76629.	
Василій Семенкинъ	» 76630.	
Лаврентій Котельниковъ	» 76631.	
Иванъ Лупчинъ	» 76634.	
Николай Кротовъ	» 76635.	
Тимофей Чернышевъ	» 76636.	
Степанъ Карпауховъ	» 76637.	
Гордѣй Терентьевъ	» 76638.	
Григорій Дунаевъ	» 76639.	
Савва Надальскій	» 76654.	
Каптенармусъ.		
Василій Сурковъ	№ 76632.	
Рядовые:		
Иванъ Потѣхинъ	№ 76641.	
Ефимъ Кирѣевъ	» 76642.	
Трофимъ Каменскій	» 76643.	
Андрей Симановичъ	» 76645.	
Дмитрій Сухавѣевъ	» 76650.	
Варфоломей Сопинъ	» 76651.	
Никита Таранинъ	» 76653.	За отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ въ экспедиціи въ землю убыховъ въ 1841 года подъ начальствомъ генералъ-маіора Анрепа.
Унтеръ-офицеръ.		
Николай Востриковъ	№ 76140.	
Рядовые:		За отличіе, оказанное при нападеніи на станицу Васюринскую многочисленной партіи горцевъ 23-го января 1842 года.
Федоръ Ивановъ	№ 76141.	
Алексѣй Шерошеленко	» 76142.	
Трофимъ Митрофановъ	» 76143.	
Унтеръ-офицеръ.		
Давидъ Дудинъ	№ 76357.	
Рядовые:		За отличіе, оказанное
Семенъ Приходченко	№ 76358.	
Егоръ Васильевъ	» 76359.	въ экспедиціи противъ
Николай Булавинъ	» 76360.	горцевъ за Кубань съ
Яковъ Котовъ	» 76361.	20-го августа по 2-е сен-
Ефимъ Морозовъ	» 76362.	тября 1842 года.
Иванъ Войновъ	» 76363.	
Алексѣй Стоногговъ	» 76364.	
Фельдфебели:		За отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ въ экспедиціи за Кубанью съ 18-го іюня по іюль 1842 года.
Андрей Николаевскій	№ 76378.	
Василій Молчановскій	» 76384.	
Унтеръ-офицеры:		
Ѳедоръ Жилинъ	№ 76379.	
Гавріилъ Ткачевъ	» 76386.	

Ѳедоръ Линьковъ	№ 76387.	За отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ въ экспедиціи за Кубанью съ 18-го іюня по іюль 1842 годъ.
Даніилъ Приваловъ	» 76392.	
Андріанъ Яковлевъ	» 77060.	
Рядовые:		
Ерофей Панькинъ	№ 76380.	
Алексѣй Касьяновъ	» 76381.	
Селиверстъ Челноковъ	» 76382.	
Михаилъ Гордіенко	» 76383.	
Акимъ Кирильцевъ	» 76385.	
Николай Косыхъ	» 76388.	
Павелъ Перенечаевъ	» 76389.	
Лазарь Григорьевъ	» 76390.	
Василій Клейкановъ	» 76391.	
Яковъ Коробаевъ	» 76393.	

Унтеръ-офицеръ Григорій Дементѣевскій № 77061, за отличіе, оказанное при нападеніи горцевъ 23-го января 1843 года на Васюринскій курень.

Капитенармусъ.		
Василій Федюшинъ	№ 77101.	За отличіе, оказанное при отраженіи скопища шапсуговъ и абадзеховъ, сдѣлавшихъ нападеніе на мирные аулы 6-го апрѣля 1842 года.
Унтеръ-офицеръ.		
Юлій Негръ	№ 77102.	
Рядовые:		
Петръ Вегралевинъ	№ 77103.	
Сергѣй Сѣдашенко	№ 77949.	За отличіе, оказанное при разбитіи 25-го іюня 1842 г. большого скопища абадзеховъ при рѣкѣ Псекупсѣ и вообще—въ продолженіе экспедиціи, совершенной подъ начальствомъ ген.-лейт. Завадовскаго.
Иванъ Бобченко	» 77950.	
Андрей Алексѣевъ	» 77951.	
Василій Михаиошенко	» 77952.	
Григорій Барановъ	» 77953.	
Лазарь Плотниковъ	» 77954.	
Фельдфебель.		
Михаилъ Косулинъ.		За отличіе, въ дѣлѣ противъ горцевъ 15-го іюня 1843 года на рѣкѣ Яксыкѣ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Гурко.
Унтеръ-офицеръ.		
Ларіонъ Кирѣевъ.		
Рядовые:		
Василій Кудаевъ.		
Михаилъ Музуркевичъ.		
Степанъ Максимовъ.		
Ѳома Головченко.		
Иванъ Дмитріевъ.		
Унтеръ-офицеры:		
Гавріилъ Грояновъ	№ 80211.	За отличіе, оказанное въ дѣлѣ противъ горцевъ 24-го марта 1844 года при взятіи абадзехскаго аула Тлабугай.
Тимофей Ильковъ	» 80212.	
Моисѣй Ерофѣевъ	» 80213.	
Панфилъ Долгихъ	» 80292.	

Людвигъ Песецкій № 80293.
Николай Гренъ » 80294.

Рядовые:

Ѳедотъ Григорьевъ № 80214.
Семенъ Трофимовъ » 80215.
Исай Слѣпаченко » 80216.
Филиппъ Чисточенко » 80217.
Маркъ Матвѣевъ » 20218.
Тихонъ Ревинъ » 80219.
Григорій Парфеновъ » 80295.

За отличіе, оказанное въ дѣлѣ противъ горцевъ 24-го марта 1844 года при взятіи абадзехскаго аула Глабугай.

Фельдфебели:

Макаръ Куцеба № 82257.
Александръ Елисѣевъ » 82258.

Унтеръ-офицеры:

Николай Полуяновъ № 82179.
Ларіонъ Щербина » 82259.
Тимофей Кондратьевъ » 82260.
Максимъ Брюховецкій » 82261.

Баталіонный горнистъ.

Александръ Камодовъ № 82262.

Фельдшеръ.

Иванъ Рогульскій № 82263.

Рядовые:

Василій Хлопотовъ № 82178.
Иванъ Котовъ » 82180.
Петръ Ношенко » 82181.
Викентій Харчевскій » 82264.
Ѳедоръ Яснисевичъ » 82265.
Павелъ Козюлькинъ » 82266.
Василій Парахна » 82267.
Василій Поповъ » 82268.
Петръ Тымковскій » 82269.
Яковъ Цыбинъ » 82270.
Яковъ Карпенко » 82271.
Иванъ Семеновъ » 82272.

За отличіе, оказанное въ дѣлѣ 18-го апрѣля 1846 года при встрѣчѣ со скопищемъ Шамиля, вторгнувшагося въ Кабарду, на лѣвомъ берегу рѣки Терека.

Рядовой Иванъ Моховъ, за особое отличіе 3-го сентября 1846 года близъ рѣки Натхой.

Фельдфебели:

Иванъ Шуваловъ № 82686.
Иванъ Васильченко » 82697.

Унтеръ-офицеры:

Севастьянъ Ильинъ № 82688.
Захаръ Агаповъ » 82690.
Иванъ Скуратовъ » 82691.
Маркъ Раштокъ » 82694.

За отличіе, оказанное въ перестрѣлкѣ съ горцами въ 1846 году при возведеніи Ачхоевскаго укрѣпленія.

Кириллъ Яковлевъ	№ 82696.	За отличіе, оказанное въ перестрѣлкѣ съ горцами въ 1846 году при возведеніи Ачхоевскаго укрѣпленія.
Матвѣй Кострубовъ	» 82699.	
Рядовые:		
Блажей Крацынскій	№ 82687.	
Герасимъ Плавинскій	» 82689.	
Игнатій Головкинъ	» 82692.	
Петръ Шестопаловъ	» 82693.	
Василій Меньшиковъ	» 82695.	
Гавріилъ Шетиловъ	» 82698.	
Андрей Карповъ	» 82700.	
Егоръ Волковъ	» 82701.	
Унтеръ-офицеръ.		
Павелъ Хвощевскій	№ 84173.	За отличіе, 12-го декабря 1847 года, 11-го марта и 9-го апрѣля 1848 года.
Рядовые:		
Маркъ Рагуленко	» 84174.	
Иванъ Гайновъ	» 84175.	
Сергѣй Угодниковъ	» 84176.	
Яковъ Юдинъ	» 84177.	
Степанъ Мельниковъ	» 84178.	
Фельдфебели:		За отличіе, въ дѣлѣ съ горцами 24-го іюня 1848 года.
Игнатій Сырниковъ	» 83439.	
Степанъ Охотинъ	» 84350.	
Рядовые:		
Трофимъ Петровъ	» 83440.	
Захаръ Шведъ	» 84351.	
Унтеръ-офицеръ.		За отличіе, лѣтомъ 1848 года.
Семенъ Шевчукъ	№ 84575.	
Рядовые:		
Іосифъ Кавецкій	» 84576.	
Илья Честюхинъ	» 84577.	
Михаилъ Горбачъ	» 84578.	
Антонъ Конаревъ	» 82579.	
Дорофей Борейко	» 84580.	
Фельдфебель.		За отличіе, въ дѣлахъ съ горцами въ 1849 г. и при возведеніи укрѣпленія Генли-кичу.
Василій Кобцевъ	» 85017..	
Унтеръ-офицеры:		
Федотъ Краевъ	№ 85018.	
Александръ Юрьевъ	» 85024.	
Рядовые:		
Иванъ Поповъ	» 85019.	
Константинъ Першинъ	» 85020.	
Сергѣй Дозоровъ	» 85021.	
Петръ Ситниковъ	» 85022.	
Гавріилъ Пчельнинъ	» 85023.	

Унтеръ-офицеръ.		
Михаилъ Спиринъ	№ 85118.	За отличіе во время зимней экспедиціи въ Большой Чечнѣ въ 1849—1850 годахъ.
Рядовые:		
Акимъ Руденко	» 85114.	
Александръ Горевой	» 85115.	
Григорій Шалапай	» 85116.	
Гавріилъ Дмитріевъ	» 85117.	
Александръ Чернякъ	» 85119.	
Фельдфебель.		
Анисимъ Киселевъ	» 86092.	За отличіе, въ дѣлахъ противъ горцевъ въ 1849 году.
Унтеръ-офицеры:		
Артемій Хасровіанъ	№ 86093.	
Никита Дьяченко	» 86094.	
Никита Агѣевъ	» 86095.	
Иванъ Демидовъ	» 86096.	
Иванъ Сурковъ	» 86097.	
Леонтій Долговъ	» 86098.	
Рядовые:		
Максимиліанъ Рудковскій	» 86099.	
Ефимъ Андреевъ	» 86100.	
Ѳедоръ Михайловъ	» 86101.	
Трофимъ Кузьминъ	» 86102.	
Харамъ Поповъ	» 86103.	
Петръ Смирновъ	« 86104.	
Герасимъ Шкурлатовъ	» 86105.	
Прокофій Юзвинъ	» 86106.	
Яковъ Подобѣдовъ	» 86107.	
Фадѣй Стоценко	» 86108.	
Осипъ Ванифантьевъ	» 86109.	
Платонъ Акимовъ	» 86110.	
Андреянъ Дрежаченъ	» 86111.	
Андрей Коробкинъ	» 86112.	
Унтеръ-офицеръ.		
Петръ Ивановъ	№ 88563.	За отличіе, во время рубки лѣса на Качкалыковскомъ хребтѣ въ августѣ и сентябрѣ 1850 года.
Рядовые:		
Трофимъ Блейцаръ	» 88564.	
Прокофій Савинъ	» 88565.	
Даніилъ Григорьевъ	» 88566.	
Унтеръ-офицеръ.		
Василій Катковъ	№ 89039.	За отличіе, въ дѣлахъ 6-го и 7-го января 1852 года въ Большой Чечнѣ.
Рядовые:		
Иванъ Ходырневъ	» 89037.	
Матвѣй Быченко.	» 89038.	
Казимиръ Заборскій.	» 89040.	
Ѳедоръ Казаковъ	» 89041.	

Александръ Мальцовъ	№ 89042.	За отличіе въ дѣлахъ 6-го и 7-го января 1852 года въ Большой Чечнѣ.
Артемъ Елистратовъ	» 89043.	
Ефимъ Романовъ	» 89044.	
Унтеръ-офицеры:		
Никифоръ Лавровъ	» 94376.	За отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ съ 8-го марта по 15-е апрѣля 1853 года.
Михаилъ Тимохинъ	» 94379.	
Рядовой.		
Дмитрій Журавлевъ	» 94378.	

XIV.

Списокъ штабъ и оберъ-офицерамъ Тенгинскаго полка

съ 1820—1833 годахъ.

Полковой командиръ.	*Въ Тенгинскомъ полку.*
1. **Тихоцкій 2-й,** Яковъ Михайловичъ, подполковникъ, въ штатской службѣ губернскимъ регистраторомъ въ 1795 году; въ военной—сержантомъ въ Кабардинскомъ полку; прапорщикомъ 1798 г., подпоручикомъ 1799 г., поручикомъ 1802 г., штабсъ-капитаномъ 1804 г., капитаномъ 1806 г., маіоромъ 1808 г., подполковникомъ 1819 г.; изъ малороссійскихъ дворянъ Слободско-Украинской губерніи, грамотенъ, женатъ; 46-ти лѣтъ отъ роду получилъ Тенгинскій полкъ.	1820 года мая 31-го. Изъ Грузинскаго гренадерскаго полка (гдѣ находился съ 1817 г.), 5-го марта 1826 г.; уволенъ отъ службы за полученныя въ сраженіяхъ ранами полковникомъ съ мундиромъ и пенсіею.
Баталіонные командиры:	
2. **Угоницеловъ,** Иванъ Матвѣевъ, маіоръ; изъ грузинскихъ дворянъ гор. Астрахани; находился подъ судомъ.	1819 года марта 31-го. Изъ Суздальскаго полка; 21-го января 1822 г. за болѣзнью переведенъ въ Уфимскій баталіонъ внутренней стражи.
3. **Титовъ 5-й,** Петръ Васильевичъ, маіоръ; изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, Херсонской губерніи.	1819 года. Изъ Суздальскаго полка, Высочайшимъ приказомъ отъ 23-го апрѣля 1821 г. за болѣзнью переведенъ въ Таврическій баталіонъ внутренней стражи.
4. **Курило 1-й,** Иванъ Алексѣевичъ, маіоръ; изъ дворянъ Полтавской губерніи.	1819 года. Изъ Суздальскаго полка; съ 20-го августа 1819 г. завѣдывалъ 2-ю частью кордона праваго фланга кавказской линіи; 9-го апрѣля 1824 г. по болѣзни уволенъ отъ службы подполковникомъ съ мундиромъ.
5. **Тихоновъ 1-й,** Матвѣй Давидовичъ, маіоръ; изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей; Новгородской губерніи.	1820 года іюля 30-го. Переведенъ изъ прибывшаго изъ Россіи Навагинскаго полка, 17-го

октября 1827 г. умеръ отъ болѣзни маіоромъ.

6. **Принцъ,** Петръ Алексѣевичъ, маіоръ; изъ военныхъ дворянъ Петербургской губерніи.

1820 года іюля 30-го.
Прибылъ съ Тенгинскимъ полкомъ изъ Россіи.

Оберъ-офицеры:

7. **Старовъ,** Иванъ Васильевичъ, капитанъ; изъ дворянъ Курской губерніи.

Изъ Суздальскаго полка

8. **Татьянинъ,** Левъ Андреевичъ, капитанъ; изъ дворянъ Кавказской губерніи, гор. Кизляра.

Изъ Суздальскаго полка; 17-го ноября 1822 г. произведенъ въ маіоры съ переводомъ въ Кабардинскій пѣхотный полкъ.

9. **Кашутинъ,** Василій Алексѣевичъ, изъ кадетъ, выпущенъ прапорщикомъ въ Тенгинскій полкъ въ 1811 г., подпоручикомъ въ мартѣ 1812 г., поручикомъ въ ноябрѣ 1812 г., штабсъ-капитаномъ 1816 г., капитаномъ 1818 г.; происходилъ изъ дворянъ Ревельской губерніи.

1820 года іюля 30-го.
Прибылъ изъ Россіи съ Тенгинскимъ полкомъ 17-го ноября 1822 года; произведенъ въ маіоры съ переводомъ въ 7-й Карабинерный полкъ.

10. **Викторовъ,** Петръ Васильевичъ, капитанъ; изъ дворянъ Саратовской губерніи, выпущенъ прапорщикомъ изъ 2-го кадетскаго корпуса въ 1810 г.

Изъ Суздальскаго полка; 1821 г. марта 21-го по домашнимъ обстоятельствамъ уволенъ отъ службы маіоромъ съ мундиромъ.

11. **Савицкій,** Михаилъ Клементьевичъ, изъ дворянъ Черниговской губерніи, изъ 2-го кадетскаго корпуса, поручикъ.

Прибылъ изъ Россіи съ Навагинскимъ полкомъ; 26-го апрѣля 1831 г. уволенъ по болѣзни отъ службы маіоромъ съ мундиромъ.

12. **Курило 2-й,** Федоръ Алексѣевичъ, штабсъ-капитанъ; изъ дворянъ Полтавской губерніи, изъ подпрапорщиковъ.

Изъ Суздальскаго полка; съ января 1814 г. занималъ должность владикавказскаго плацъ-адъютанта.

13. **Алехинъ,** Константинъ Герасимовичъ, штабсъ-капитанъ; изъ кіевскаго военносиротскаго отдѣленія.

1820 года іюля 30-го.
Прибылъ изъ Россіи съ Тенгинскимъ полкомъ 3-го сентября 1823 г.; произведенъ въ маіоры съ переводомъ въ Кабардинскій полкъ.

14. **Рябининъ,** Иванъ Гавриловичъ, штабсъ-капитанъ; изъ дворянъ Воронежской губерніи.

Изъ Суздальскаго полка; 14-го іюля 1824 г. произведенъ въ маіоры съ переводомъ въ Навагинскій полкъ.

15. **Татьянинъ 2-й,** Емельянъ Андреевичъ, штабсъ-капитанъ; изъ дворянъ Кавказской губерніи, гор. Кизляра.

Изъ Суздальскаго полка; старшимъ дивизіоннымъ адъютантомъ съ 12-го марта 1823 г.

16. **Арбабовъ,** Захаръ Христофоровичъ, штабсъ-капитанъ; изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, Кавказской губерніи.	Изъ Суздальскаго полка; съ 6-го мая 1824 г. астраханскій плацъ-маіоръ.
17. **Лыковъ,** Иванъ Андреевичъ, штабсъ-капитанъ; изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, Кавказской губерніи.	Изъ Суздальскаго полка; 25-го января 1823 г. по домашнимъ обстоятельствамъ уволенъ отъ службы капитаномъ.
18. **Унтиловъ,** Филиппъ Федоровичъ, штабсъ-капитанъ; изъ дворянъ Херсонской губерніи, изъ нижнихъ чиновъ.	Изъ Суздальскаго полка; 12-го іюня 1827 г. произведенъ въ маіоры съ переводомъ въ Ширванскій полкъ.
19. **Леоновичъ,** Михаилъ Ивановичъ, штабсъ-капитанъ; опредѣленъ въ Тенгинскій полкъ изъ дворянъ Виленской губерніи.	1820 года мая 29-го. Опредѣленъ въ Тенгинскій полкъ изъ отставки тѣмъ же чиномъ; 24-го августа 1823 г. переведенъ во Владикавказскій гарнизонный полкъ штабсъ-капитаномъ.
20. **Плескачевскій,** Евграфъ Никитичъ, поручикъ; изъ дворянъ Смоленской губерніи, изъ нижнихъ чиновъ.	Изъ Суздальскаго полка; 12-го апрѣля 1829 г. произведенъ въ маіоры съ переводомъ въ Херсонскій гренадерскій полкъ.
21. **Угоницеловъ,** Матвѣй Матвѣевичъ, поручикъ; изъ грузинскихъ дворянъ гор. Астрахани, изъ подпрапорщиковъ.	Изъ Суздульскаго полка; 8-го февраля 1822 г. за болѣзнью переведенъ въ Астраханскій гарнизонный полкъ штабсъ-капитаномъ.
22. **Сущевскій-Ракуза,** Константинъ Филимоновичъ, поручикъ; изъ дворянъ Могилевской губерніи, изъ Дворянск. полка.	Изъ Суздальскаго полка.
23. **Гагринъ,** Николай Григорьевичъ, поручикъ; изъ дворянъ Иркутской губерніи, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, изъ военно-сиротскаго отдѣленія.	Изъ Суздальскаго полка; 14-го октября 1822 г. по домашнимъ обстоятельствамъ переведенъ въ Иркутскій гарнизонный полкъ штабсъ-капитаномъ.
24. **Шликевичъ,** Семенъ Семеновичъ, поручикъ; дворянинъ Черниговской губерніи; изъ Дворянскаго полка.	1820 года іюля 30-го. Прибылъ изъ Россіи съ Тенгинскимъ полкомъ; переведенъ въ Тенгинскій полкъ изъ Сѣвскаго пѣхотнаго полка 20-го іюня 1831 г.; уволенъ по болѣзни маіоромъ съ мундиромъ и пенсіономъ $^2/_3$ жалованья.
25. **Машоновъ,** Александръ Ивановичъ, поручикъ; дворянинъ Рязанской губерніи, изъ 2-го кадетскаго корпуса.	Прибылъ изъ Россіи въ Тенгинскій полкъ.

26. **Сорневъ,** Иванъ Никитичъ, поручикъ; дворянинъ Смоленской губерніи, изъ 2-го кадетскаго корпуса.	1814 г. августа 18-го. Прибылъ изъ Россіи съ Тенгинскимъ полкомъ; 11-го октября 1826 года, умеръ отъ болѣзни въ чинѣ капитана.
27. **Чубровскій,** Василій Николаевичъ, поручикъ; дворянинъ Кавказской губерніи, гор. Моздока, изъ подпрапорщиковъ.	Изъ Суздальскаго полка; 30-го сентября 1833 года уволенъ отъ службы за болѣзнью маіоромъ съ мундиромъ и пенсіономъ 2/3 жалованья.
28. **Орловъ,** Иванъ Антоновичъ, поручикъ; изъ грузинскихъ дворянъ гор. Моздока.	Изъ Суздальскаго полка; 24-го августа 1823 года переведенъ во Владикавказскій гарнизонный полкъ поручикомъ.
29. **Никшичъ,** Егоръ Николаевичъ, поручикъ; изъ славяно-сербскихъ дворянъ Херсонской губерніи, изъ подпрапорщиковъ.	1820 года іюля 30-го. Прибылъ изъ Россіи съ Тенгинскимъ полкомъ; переведенъ въ Тенгинскій полкъ изъ 55-го Егерскаго полка; 21-го марта 1821 года по домашнимъ обстоятельствамъ уволенъ отъ службы штабсъ-капитаномъ.
30. **Кананов 1-й,** Илья Акимовичъ, поручикъ; изъ грузинскихъ дворянъ гор. Кизляра, изъ подпрапорщиковъ.	Изъ Суздальскаго полка; 21-го марта 1821 года уволенъ по домашнимъ обстоятельствамъ отъ службы штабсъ-капитаномъ.
31. **Кананов 2-й,** Семенъ Акимовичъ, поручикъ; изъ грузинскихъ дворянъ гор. Кизляра.	Изъ Суздальскаго полка.
Подпоручики:	
32. **Пржилинскій,** Павелъ Карповичъ, изъ дворянъ Витебской губерніи, въ Дворянскомъ полку.	Изъ Суздальскаго полка; уволенъ отъ службы по болѣзни капитаномъ съ мундиромъ и пенсіономъ 2/3 жалованья, 14-го августа 1831 года.
33. **Лощилинъ,** Осипъ Мироновичъ, изъ крестьянъ Тамбовской губерніи.	Изъ Суздальскаго полка; 14-го августа 1831 года уволенъ отъ службы капитаномъ съ мундиромъ и полнымъ пенсіономъ; полковой квартермейстеръ.
34. **Венецкій,** Василій Николаевичъ, дворянинъ Полтавской губерніи, въ Дворянскомъ полку.	Изъ Суздальскаго полка.
35. **Купринъ,** Константинъ Андреевичъ, дворянинъ Рязанской губерніи, въ Дворянскомъ полку.	1820 года іюля 30-го. Прибылъ изъ Россіи съ Тенгинскимъ полкомъ; баталіонный адъютантъ.

36. **Нейманъ,** Осипъ Васильевичъ, дворянинъ Могилевской губерніи, въ Дворянскомъ полку.	1820 года іюля 30-го. Прибылъ изъ Россіи съ Тенгинскимъ полкомъ, изъ корнетовъ Кренсбургскаго уланскаго полка, переведенъ въ Тенгинскій полкъ прапорщикомъ.
37. **Круль,** Николай Александровичъ, дворянинъ Рижской губерніи, изъ юнкеровъ.	1820 года іюля 30-го. Прибылъ изъ Россіи въ Тенгинскій полкъ юнкеромъ изъ 3-го Уланскаго полка съ производствомъ въ прапорщики въ Тенгинскій полкъ; 24-го іюля 1823 г. по болѣзни переведенъ въ Уфимскій баталіонъ внутренней службы поручикомъ.
38. **Машевскій,** Викторъ Ивановичъ, дворянинъ Витебской губерніи, въ Дворянскомъ полку.	1820 года іюля 30-го. Прибылъ изъ Россіи съ Тенгинскимъ полкомъ; 31-го марта 1828 г. за болѣзнію переведенъ въ Виленскій внутренній гарнизонный баталіонъ поручикомъ.
39. **Квятковскій,** Іосифъ Степановичъ дворянинъ Витебской губерніи, изъ Дворянскаго полка.	1820 года іюля 30-го. Прибылъ изъ Россіи съ Тенгинскимъ полкомъ; іюля 17-го 1822 г. переведенъ за болѣзнью въ Витебскій баталіонъ внутренней стражи подпоручикомъ.
40. **Марковъ,** Василій Михайловичъ, дворянинъ Курской губерніи, изъ Дворянскаго полка.	Изъ Суздальскаго полка; 8-го августа 1833 г. уволенъ за болѣзнью отъ службы капитаномъ съ мундиромъ.
41. **Роговской,** Викентій Доминиковичъ, изъ шляхтичей Минской губерніи, изъ Дворянскаго полка.	Изъ Суздальскаго полка.
42. **Каретьевъ,** Николай Николаевичъ, дворянинъ Воронежской губерніи, изъ Дворянскаго полка.	Изъ Суздальскаго полка; января 2-го 1821 г. по домашнимъ обстоятельствамъ уволенъ отъ службы поручикомъ.
43. **Прокофьевъ,** Евграфъ Семеновичъ, дворянинъ Курской губерніи, изъ Дворянскаго полка.	Изъ Суздальскаго полка; 8-го февраля 1822 года умеръ отъ болѣзни.
44. **Корякинъ,** Евгеній Михайловичъ, дворянинъ Могилевской губерніи, подпрапорщикомъ въ Тульскомъ полку.	1820 года іюля 30-го. Изъ Тульскаго полка прапорщикомъ; умеръ 30-го сентября 1820 года.
45. **Баукѣевъ,** Евграфъ Алексѣевичъ, дворянинъ Ярославской губерніи, изъ подпрапорщиковъ.	1820 года іюля 30-го. Прибылъ изъ Россіи съ Тенгинскимъ полкомъ; переведенъ изъ

	Тульскаго пѣхотнаго полка съ производствомъ въ прапорщики; іюня 9-го 1821 года по домашнимъ обстоятельствамъ уволенъ отъ службы поручикомъ.
46. **Ваньковичъ,** Денисъ Михайловичъ, дворянинъ Могилевской губерніи, изъ подпрапорщиковъ.	1820 года іюля 30-го. Изъ прибывшаго изъ Россіи Навагинскаго полка; февраля 19-го 1821 года по домашнимъ обстоятельствамъ уволенъ отъ службы поручикомъ.
47. **Долговъ,** Антонъ Ивановичъ, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей Екатеринославской губерніи, изъ военно-сиротскаго отдѣленія, въ Дворянскомъ полку.	Изъ Суздальскаго полка; 19-го ноября 1822 г. по домашнимъ обстоятельствамъ уволенъ отъ службы поручикомъ.
48. **Жилинскій,** Сергѣй Алексѣевичъ, дворянинъ Смоленской губерніи, въ Дворянскомъ полку.	Изъ Суздальскаго полка; марта 21-го 1821 года по домашнимъ обстоятельствамъ уволенъ отъ службы поручикомъ.
49. **Францкевичъ,** Фридрихъ Ивановичъ, дворянинъ Литовско-Виленской губерніи, изъ юнкеровъ.	1820 года іюля 1-го. Изъ отставки; августа 4-го 1821 года переведенъ въ Финляндскій драгунскій полкъ прапорщикомъ.
50. **Петровъ,** Иванъ Григорьевичъ, изъ вольноопредѣляющихся Казанской губ.	1820 года февраля 15-го. Изъ 19-й артиллерійской бригады съ производствомъ въ подпоручики; 11-го апрѣля 1827 года умеръ отъ болѣзни.
Прапорщики:	
51. **Дебу,** Александръ Осиповичъ, изъ дворянъ Петербургской губерніи, изъ подпрапорщиковъ.	1820 года апрѣля 24-го. Изъ отставки; 31-го марта 1832 года переведенъ въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ поручикомъ.
52. **Мякининъ 1-й,** Николай Ивановичъ, полковой адъютантъ, изъ дворянъ Кавказской губерніи, гор. Ставрополя, изъ унтеръ-офицеровъ.	Изъ Суздальскаго полка; 2-го мая 1823 года исключенъ умершимъ отъ болѣзни.
53. **Мякининъ 2-й,** Александръ Ивановичъ, дворянинъ Кавказской губерніи, гор. Ставрополя, изъ унтеръ-офицеровъ.	Изъ Суздальскаго полка.
54. **Есиповъ,** Никандръ Петровичъ, дворянинъ Тамбовской губерніи, изъ подпрапорщиковъ.	Изъ Суздальскаго полка.
55. **Саликовъ,** Владиміръ Александровичъ, дворянинъ Тамбовской губерніи, изъ подпрапорщиковъ.	Изъ Суздальскаго полка; 9-го декабря 1822 года по домашнимъ обстоятельствамъ уволенъ отъ службы поручикомъ.

56. **Евсѣевъ**, Федоръ Александровичъ, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей Кавказской губерніи, изъ нижнихъ чиновъ.	Изъ Суздальскаго полка; 9-го ноября 1830 года умеръ отъ болѣзни.
57. **Киряцкій**, Флоріанъ Андріановичъ, изъ дворянъ Могилевской губерніи, изъ подпрапорщиковъ.	1820 года іюля 30-го. Прибылъ изъ Россіи съ Тенгинскимъ полкомъ; переведенъ изъ Пермскаго полка съ производствомъ въ прапорщики; 1-го марта 1824 года по домашнимъ обстоятельствамъ уволенъ отъ службы поручикомъ.
58. **Самойловъ**, Алексѣй Андреевичъ, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей.	Прибылъ изъ Россіи съ Тенгинскимъ полкомъ; принятъ изъ отставки; 18-го мая 1823 года исключенъ умершимъ отъ болѣзни.
59. **Акатьевъ**, Иванъ Аверьяновичъ, будучи унтеръ-офицеромъ за сраженіе подъ Люценомъ въ 1813 году, получилъ знакъ отличія военный орденъ № 20402.	1818 года іюля 30-го. Прибылъ изъ Россіи съ Тенгинскимъ полкомъ, произведенъ изъ унтеръ-офицеровъ сего же полка; 17-го іюня 1830 г. уволенъ по болѣзни въ отставку штабсъ-капитаномъ съ мундиромъ и пенсіею.
60. **Долбинъ**, Іосифъ Герасимовичъ, дворянинъ Курской губерніи, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, изъ Дворянскаго полка, съ 12-го декабря 1822 года полковымъ квартирмейстеромъ, съ 1824 г. полковымъ казначеемъ.	Изъ Суздальскаго полка; 22-го сентября 1833 года уволенъ отъ службы за болѣзнью штабсъ-капитаномъ съ мундиромъ.
61. **Коведяевъ**, Дмитрій Павловичъ, дворянинъ Псковской губерніи, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, изъ Дворянск. полка.	Изъ Суздальскаго полка.
62. **Сабунаевъ**, Федоръ Филипповичъ, дворянинъ Смоленской губерніи, изъ Дворянскаго полка выпущенъ прапорщикомъ въ Тенгинскій полкъ.	1819 года апрѣля 15-го. Прибылъ съ Тенгинскимъ полкомъ изъ Россіи; выпущенъ прямо въ полкъ.
63. **Заіончковскій**, Августъ Антоновичъ, дворянинъ Могилевской губерніи.	1819 года апрѣля 21-го. Прибылъ съ Тенгинскимъ полкомъ изъ Россіи; изъ подпрапорщиковъ своего полка; 28-го февраля 1833 года переведенъ въ коммиссаріатскій штатъ съ переименованіемъ въ 10-й классъ.
64. **Диковъ**, Владиміръ Николаевичъ, дворянинъ Кавказской губерніи, гор. Моздока.	Изъ Суздальскаго полка.

65. **Баратовъ,** Степанъ Григорьевичъ (полковой казначей), дворянинъ Кавказской губерніи, гор. Кизляра.	Изъ Суздальскаго полка; 19-го ферваля 1831 года переведенъ въ провіантскій штатъ и переименованъ въ 12-й классъ.
66. **Ломсадзевъ,** Илья Ивановичъ, изъ грузинскихъ дворянъ Московской губерніи, изъ унтеръ-офицеровъ.	Изъ Суздальскаго полка; 21-го марта 1821 года за дурное поведеніе отставленъ отъ службы.
67. **Янушевскій,** Василій Тимофѣевичъ, дворянинъ Минской губерніи, изъ нижнихъ чиновъ.	1820 года августа 22-го. Изъ отставки; 24-го августа 1823 года переведенъ во Владикавказскій гарнизонный полкъ прапорщикомъ.
68. **Дынниковъ,** Ларіонъ Григорьевичъ, изъ вольноопредѣляющихъ; оберъ-офицерскій сынъ.	1819 года января 20-го. Изъ Переяславскаго конно-егерскаго полка; произведенъ въ прапорщики съ переводомъ въ Тенгинскій полкъ; октября 7-го 1821 года по болѣзни переведенъ въ Екатеринославскій баталіонъ внутренней стражи.
69. **Похвасневъ,** Василій Николаевичъ, дворянинъ Кавказской губерніи, изъ кадетъ 1-го кадетскаго корпуса, произведенный прапорщикомъ въ Тенгинскій полкъ.	1820 года января 20-го. 31-го января 1830 года умеръ отъ болѣзни.
70. **Понуровскій,** Филиппъ Яковлевичъ, дворянинъ Воронежской губерніи, изъ Дворянскаго полка.	1820 года іюля 7-го. Произведенъ въ Тенгинскій полкъ; 23-го марта 1827 года отставленъ отъ службы за дурное поведеніе.
71. **Мещериновъ,** Викторъ Васильевичъ, дворянинъ Пензенской губерніи, изъ Дворянскаго полка.	1820 года іюля 7-го. Произведенъ въ Тенгинскій полкъ; 9-го августа 1828 г. умеръ отъ болѣзни подпоручикомъ.
72. **Солодко,** Яковъ Васильевичъ, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей Слободско-Украинской губерніи, изъ Дворянскаго полка.	1820 года іюля 7-го. Произведенъ въ Тенгинскій полкъ; 8-го іюня 1830 года выключенъ умершимъ отъ болѣзни.
73. **Красовскій,** Петръ Яковлевичъ, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей Слободско-Украинской губерніи, изъ Дворянскаго полка.	1820 года іюля 7-го. Произведенъ въ Тенгинскій полкъ; 9-го марта 1824 г. по болѣзни переведенъ въ Харьковскій баталіонъ внутренней стражи.
74. **Гриневичъ,** Кириллъ Степановичъ, дворянинъ Черниговской губерніи, изъ Дворянскаго полка.	1820 года іюля 7-го. Произведенъ въ Тенгинскій полкъ.

75. **Масловъ**, Петръ Мироновичъ, изъ дворянъ, воспитанникъ Смоленскаго военно-сиротскаго отдѣленія, изъ Дворянскаго полка.	1820 года іюля 7-го. Произведенъ въ Тенгинскій полкъ.
76. **Петровъ**, Ефимъ Архиповичъ, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей; воспитанникъ Тверского военно-сиротскаго отдѣленія.	1820 года іюля 7-го. Произведенъ въ Тенгинскій полкъ; 31-го декабря 1822 г. отставленъ отъ службы за нерадѣніе къ опой.
77. **Бѣлановичъ**, Григорій Максимовичъ, дворянинъ, изъ воспитанниковъ Смоленскаго военно-сиротскаго отдѣленія.	1820 года іюля 7-го. Произведенъ въ Тенгинскій полкъ.
Старшій полковой лѣкарь.	
78. **Соколовъ**, Павелъ Петровичъ (преданъ пьянству).	1812 года марта 29-го. Прибылъ изъ Россіи съ Тенгинскимъ полкомъ.
Младшій полковой лѣкарь.	
79. **Александровскій**, Иванъ Александровичъ.	Переведенъ изъ Суздальскаго полка.
Священникъ.	
80. **Траулинскій**, Кириллъ Дмитріевичъ.	1820 года марта 18-го. Переведенъ изъ Суздальскаго полка; 22-го марта 1822 г. умеръ.
81. **Назарьевъ 2-й**, Иванъ Ивановичъ, маіоръ.	1821 года августа 4-го. Произведенъ въ маіоры изъ капитановъ Мингрельскаго полка съ переводомъ въ Тенгинскій полкъ; 1-го февраля 1824 г. за болѣзнью переведенъ въ Таврическій баталіонъ внутренней стражи.
82. **Марковъ.**	1821 года января 10-го. Переведенъ изъ Нижегородскаго драгунскаго полка; 24-го марта 1821 года умеръ отъ болѣзни.
83. **Табаровскій**, Адамъ Григорьевичъ, капитанъ, дворянинъ Каменецъ-Подольской губерніи, во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, за грубость во фронтѣ баталіонному командиру былъ подъ судомъ и по Высочайшему повелѣнію посаженъ былъ въ Шлиссельбургскую крѣпость на 3 мѣсяца, послѣ чего переведенъ въ Тенгинскій полкъ.	1821 года сентября 12-го. Переведенъ изъ Шлиссельбургскаго пѣхотнаго полка; 3-го сентября 1823 года произведенъ въ маіоры съ переводомъ въ Навагинскій полкъ.
84. **Ищенко**, Андрей Моисеевичъ, поручикъ.	1821 года октября 10. Переведенъ изъ 20-го Егерскаго полка; 22-го февраля 1822 года умеръ въ Московскомъ военномъ госпиталѣ.

85. **Сливаковъ**, Игнатъ Матвѣевичъ, подпоручикъ, изъ фельдфебелей сего полка. — 1821 года сентября 5-го. 21-го мая 1822 года за болѣзнью переведенъ въ Харьковскій внутренній гарнизонный баталіонъ подпоручикомъ.

86. **Ундринцевъ.** — 1821 года октября 11-го. Изъ фельдфебелей Херсонскаго гренадерскаго полка съ производствомъ въ подпоручики въ Тенгинскій полкъ.

87. **Венеровскій**, Левъ Антоновичъ, прапорщикъ, дворянинъ Кавказской губерніи; съ 1827 года іюля 17-го полковымъ адъютантомъ. — 1820 года ноября 23-го. Изъ портупей-прапорщиковъ сего же полка.

88. **Жеребцовъ**, Василій Фроловичъ, прапорщикъ, дворянинъ гор. Астрахани. — 1821 года августа 4-го. Изъ портупей-прапорщиковъ сего же полка; 24-го ноября 1823 года по домашнимъ обстоятельствамъ уволенъ отъ службы.

89. **Бетаки**, Василій Афанасьевичъ, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей; прапорщикъ, съ 1824 года полковымъ квартирмейстеромъ. — 1821 августа 4 го. Изъ портупей-прапорщиковъ сего же полка.

90. **Григорьевъ**, Василій Дмитріевичъ, прапорщикъ, дворянинъ гор. Астрахани. — 1821 года августа 4-го. Изъ портупей-прапорщиковъ сего же полка; 29-го марта 1831 г. умеръ отъ болѣзни.

91. **Подвельскій**, Федоръ Парфеновичъ, прапорщикъ. — 1821 года октября 14-го. Произведенъ изъ кадетъ Дворянскаго полка.

92. **Залѣсскій**, Сергѣй Іоновичъ, прапорщикъ. — 1821 года октября 14-го. Произведенъ изъ кадетъ Дворянскаго полка, 24-го декабря 1827 года умеръ отъ болѣзни.

93. **Зеньковичъ**, Азарій Абрамовичъ, прапорщикъ. — 1821 года октября 14-го. Произведенъ изъ кадетъ Дворянскаго полка; 23-го марта 1826 года за болѣзнью переведенъ въ Кизляркій гарнизонный баталіонъ прапорщикомъ.

Старшій полковой лѣкарь.

94. **Коропочинскій**, Герасимъ Алексѣевичъ, штабъ-лѣкарь. — 1821 года февраля 15-го. 19-го февраля 1822 г. умеръ.

95. **Левендаль**, Владиміръ Николаевичъ, баронъ, маіоръ; баталіонный командиръ, дворянинъ Петербургской губерніи, лютеранинъ, изъ гардемаринъ морского корпуса. — 1822 года марта 28-го. Переведенъ изъ Навагинскаго полка; 29-го октября 1830 г. выключенъ умершимъ отъ холеры.

96. **Акимовъ**, Абрамъ Никитичъ, подпоручикъ, изъ грузинскихъ дворянъ гор. Тифлиса, изъ Дворянскаго полка.

1822 года іюня 30-го.
Принятъ изъ отставки; 22-го декабря 1825 года по болѣзни переведенъ въ Тифлисскій внутренній гарнизонный баталіонъ.

97. **Франкъ**, Иванъ Ивановичъ, прапорщикъ, сынъ юнкера гор. Петербурга, изъ 2-го кадетскаго корпуса.

1822 года марта 18-го.
Принятъ изъ отставки.

98. **Левитскій**, Іосифъ Ивановичъ, лѣкарь.

1822 года апрѣля 10-го.

99. **Ковалевскій**, Стефанъ Игнатовичъ, лѣкарь.

1822 года сентября 4-го.
21-го мая 1829 года переведенъ въ Кизлярскій гарнизонный баталіонъ.

100. **Рашевскій**, Павелъ Ивановичъ, прапорщикъ, изъ дворянъ Слободско-Украинской губерніи, съ 5-го марта 1823 года полковымъ адъютантомъ.

1822 года ноября 17-го.
Произведенъ изъ портупей прапорщиковъ сего же полка; 26-го апрѣля 1831 года уволенъ отъ службы по болѣзни поручикомъ.

101. **Чагинъ**, Гавріилъ Евгеньевичъ, прапорщикъ, дворянинъ Ярославской губ.

1823 года іюня 16-го.
Произведенъ изъ кадетъ Смоленскаго кадетскаго корпуса.

102. **Казыкумыкскій**, Константинъ Георгіевичъ, сынъ хана бывшаго владѣтеля Казыкумыкскаго, прапорщикомъ.

1823 года іюня 16-го.
Произведенъ изъ кадетъ Смоленскаго кадетскаго корпуса.

103. **Ноздрачевъ**, Макаръ Александровичъ, прапорщикъ, изъ дворянъ Курской губерніи.

1823 года іюня 16-го.
Произведенъ изъ Дворянскаго полка.

104. **Грудиновъ**, Григорій Адамовичъ, прапорщикъ, изъ бѣлорусскаго шляхетства.

1823 года іюня 16-го.
Произведенъ изъ Дворянскаго полка; 20-го іюня 1828 г. умеръ отъ болѣзни.

105. **Федосьевъ**, Филиппъ Васильевичъ, прапоршикъ.

1823 года іюня 21-го.
Произведенъ изъ фельдфебелей сего же полка; 5-го февраля 1829 года умеръ отъ болѣзни.

106. **Ертовъ**, Илья Михайловичъ, полковой священникъ.

1823 года мая 1-го.
Переведенъ изъ 8-го Егерскаго полка; по указу св. Синода уволенъ изъ армейскаго духовенства въ астраханскую епархію 22-го іюля 1827 года.

107. **Вьюговъ**, Левъ Евстафьевичъ, маіоръ, дворянинъ гор. Тамбова, изъ юнкеровъ.

1824 года іюля 14-го.
Переведенъ изъ Мингрельскаго полка съ производствомъ въ маіоры; 14-го августа 1831 года уво-

	ленъ по болѣзни отъ службы подполковникомъ съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго оклада.
108. **Брейтигамъ,** Андрей Вильгельмовичъ, поручикъ, дворянинъ Кіевской губерніи, изъ юнкеровъ.	1824 года апрѣля 1-го. Переведенъ изъ 1-го Украинскаго уланскаго полка; 29-го февраля 1828 года умеръ отъ болѣзни поручикомъ.
109. **Лукьяновъ,** Иванъ Лукьяновичъ, подпоручикъ, изъ крестьянъ Тамбовской губ.	1824 года января 16-го. Произведенъ изъ старшихъ вахмистровъ Нижегородскаго драгунскаго полка.
110. **Лучьянчиковъ 1-й,** Алексѣй Александровичъ, прапорщикъ, дворянинъ гор. Астрахани.	1823 года октября 31-го. Произведенъ изъ портупей-прапорщиковъ сего полка.
111. **Сорневъ,** Елисѣй Никитичъ, прапорщикъ, дворянинъ Смоленской губ.	1823 года октября 31-го. Изъ портупей-прапорщиковъ сего полка.
112. **Ивачеевъ,** Игнатъ Михайловичъ, прапорщикъ, изъ новокрещенныхъ мордвовъ Пензенской губерніи.	1824 года января 16-го. Произведенъ изъ вахмистровъ Нижегородск. драгунскаго полка.
113. **Диковъ,** Алексѣй Андреевичъ, прапорщикъ, дворянинъ гор. Моздока.	1824 года августа 27-го. Изъ портупей-прапорщиковъ сего полка.
114. **Мякининъ 2-й,** Михаилъ Ивановичъ, прапорщикъ, дворянинъ Кавказской области.	1824 года августа 27-го. Изъ портупей-прапорщиковъ сего полка.
115. **Лукьянчиковъ 2-й,** Никаноръ Васильевичъ, прапорщикъ, дворянинъ Екатеринославской губерніи.	1824 года августа 27-го. Изъ портупей прапорщиковъ сего полка.
116. **Лукьянчиковъ 3-й,** Александръ Васильевичъ, прапорщикъ, дворянинъ Екатеринославской губерніи.	1824 года ноября 6-го. Изъ подпрапорщик. сего полка.
117. **Бетаки,** Викторъ Афанасьевичъ, прапорщикъ, дворянинъ гор. Астрахани.	1824 года ноября 6-го. Изъ подпрапорщик. сего полка.
118. **Лукьянчиковъ 4-й,** Алексѣй Васильевичъ прапорщикъ, дворянинъ Екатеринославской губерніи.	1824 года ноября 6-го. Изъ подпрапорщиковъ сего полка; 26-го апрѣля 1831 года по домашнимъ обстоятельствамъ уволенъ подпоручикомъ.
119. **Дубенко,** Максимъ Ефимовичъ, прапорщикъ, изъ казаковъ Черниговской губерніи.	1824 года октября 25-го. Изъ унтеръ-офицеровъ сего полка; 30-го іюля 1830 года уволенъ отъ службы за раною подпоручи-

	комъ съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго оклада.
120. **Павелковъ**, Василій Степановичъ, прапорщикъ.	1824 года октября 25-го. Переведенъ изъ Фанагорійскаго артиллерійскаго гарнизона; 17-го ноября 1829 года выключенъ умершимъ за болѣзнью.
121. **Тихоновъ**, Николай Давидовичъ, капитанъ, сынъ коммисіонера 2-го класса, изъ Дворянскаго полка.	1825 года марта 2-го. Переведенъ изъ Вологодскаго полка.
122. **Крестинскій**, Иванъ Федоровичъ, подпрапорщикъ, дворянинъ Черниговской губерніи, изъ кадетъ.	1825 года января 25-го. Переведенъ изъ пѣхотнаго принца Карла Прусскаго полка; 12-го февраля 1827 года отставленъ отъ службы поручикомъ.
123. **Малиновскій**, Максимъ Ивановичъ, подпоручикъ, дворянинъ Черниговской губерніи, изъ подпрапорщиковъ.	1826 года января 10-го. Переведенъ изъ Томскаго пѣхотнаго полка; 11-го сентября 1827 года умеръ отъ болѣзни.
124. **Дуткинъ**, Мартынъ Васильевичъ, подпоручикъ, изъ солдатскихъ дѣтей Владимірской губерніи.	1824 года февраля 7-го. Переведенъ изъ Нижегородскаго пѣхотнаго полка; 24-го декабря 1827 года умеръ отъ болѣзни подпоручикомъ.
125. **Никифоровъ**, Антонъ Никифоровичъ, прапорщикъ, изъ экономическихъ крестьянъ Рязанской губерніи.	1819 года октября 20-го. Прибылъ изъ Россіи съ Тенгинскимъ полкомъ; 20-го іюня 1831 года уволенъ отъ службы за ранами подпоручикомъ съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго оклада.
126. **Пошевкинъ**, Петръ Алексѣевичъ, прапорщикъ, изъ дворянъ гор. Ставрополя, съ ноября 20-го 1826 г. полковымъ адъютантомъ.	1825 года сентября 15-го. Изъ подпрапорщиковъ сего полка; 21-го декабря 1827 года отставленъ отъ службы за дурное поведеніе.
127. **Булгаковъ**, Иванъ Алексѣевичъ, маіоръ.	Умеръ въ 1826 году.
128. **Саварсемидзевъ**, Константинъ Леонтьевичъ, маіоръ.	Въ 1826 году по болѣзни переведенъ въ Моздокскій гарнизонный баталіонъ.
129. **Коновальскій**, Михаилъ Дмитріевичъ, капитанъ.	27-го іюня 1826 года произведенъ въ маіоры съ переводомъ въ 7-й Кабардинскій полкъ.

130. **Воронскій,** Николай Кирилловичъ, поручикъ.	29-го сентября 1827 года уволенъ отъ службы по болѣзни.
Полковой командиръ.	
131. **Сагиновъ,** Захаръ Павловичъ, подполковникъ, изъ грузинскихъ дворянъ.	1826 года марта 5-го. Переведенъ изъ Апшеронскаго полка съ назначеніемъ командиромъ Тенгинскаго полка; 6-го января 1829 г. назначенъ состоять по арміи.
132. **Штрембергъ,** Алексѣй Ларіоновичъ, маіоръ, дворянинъ Пензенской губерніи, въ Дворянскомъ полку.	1826 года іюля 27-го. Переведенъ изъ Тифлисскаго полка съ производствомъ въ маіоры; 18-го ноября 1827 г. умеръ отъ болѣзни маіоромъ.
133. **Уреуль,** Ипполитъ Григорьевичъ, маіоръ, дворянинъ Воронежской губерніи, изъ подпрапорщиковъ.	1826 года іюля 27-го. Переведенъ изъ Кабардинскаго полка съ производствомъ въ маіоры; 20-го февраля 1828 г. умеръ отъ болѣзни.
134. **Волковъ,** Владиміръ Федоровичъ, капитанъ, дворянинъ Смоленской губерніи, изъ подпрапорщиковъ.	1826 года мая 28-го. Переведенъ изъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка тѣмъ же чиномъ; 27-го января 1828 г. умеръ отъ болѣзни капитаномъ.
135. **Плотниковъ,** Димитрій Емельяновичъ, подпоручикъ, изъ однодворцевъ Кавказской области.	1826 года марта 23-го. Произведенъ изъ фельдфебелей сего полка.
136. **Смагинъ 1-й,** Николай Ефимовичъ, прапорщикъ, дворянинъ Пензенской губ.	1826 года февраля 2-го. Произведенъ въ Тенгинскій полкъ изъ юнкеровъ 22-й артиллерійской бригады; 1-го февраля 1833 года уволенъ отъ службы по болѣзни подпоручикомъ.
137. **Смагинъ 2-й,** Димитрій Ефимовичъ, прапорщикъ, дворянинъ Пензенской губ.	1826 года февраля 2-го. Произведенъ въ Тенгинскій полкъ изъ юнкеровъ 22-й артиллерійской бригады; 1-го февраля 1833 года уволенъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ подпоручикомъ.
138. **Федоровъ,** Николай Ивановичъ, поручикъ, дворянинъ Курской губерніи.	1827 года іюня 15-го. Принятъ изъ отставки Казанскаго драгунскаго полка; 20-го января 1829 г. умеръ отъ болѣзни.
139. **Поляковъ,** Федоръ Герасимовичъ, подпоручикъ.	1826 года декабря 5-го. Переведенъ изъ Астраханскаго гарнизоннаго полка съ оставле-

ніемъ астраханскимъ плацъ-адъютантомъ; 22-го апрѣля 1828 года умеръ отъ болѣзни.

140. **Безугловъ**, Яковъ Семеновичъ, прапорщикъ, дворянинъ Полтавской губерніи.

1826 года декабря 23-го.
Изъ отставленныхъ отъ службы за дурное поведеніе подпоручикомъ Кавказскаго артилерійскаго гарнизона; 1-го ноября 1830 года умеръ отъ холеры.

141. **Бебутовъ** кн., Иванъ Арсентьевичъ, прапорщикъ.

1827 года марта 5-го.
Произведенъ изъ рядовыхъ на основаніи указа 22-го августа 1826 года; 17-го февраля 1833 года переведенъ въ 41-й Егерскій полкъ.

Полковой священникъ.

142. **Кривскій**, Евдокимъ Лукьяновичъ.

1827 года мая 31-го.

143. **Бекау**, Иванъ Ивановичъ, капитанъ, дворянинъ изъ воспитанниковъ путей сообщенія.

1828 года іюля 14-го.
Переведенъ изъ Нашебургскаго полка; 12 го апрѣля 1829 года произведенъ въ маіоры съ переводомъ въ Навагинскій полкъ.

144. **Курило**, Григорій Алексѣевичъ, подпоручикъ.

1828 года іюля 14 го.
Изъ отставки; 4-го іюля 1830 г. уволенъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ поручик.

145. **Морозовъ**, Павелъ Ивановичъ, прапорщикъ.

1828 года января 1-го.
Произведенъ изъ унтеръ-офицеровъ 8-го піонернаго баталіона за отличіе противъ персіянъ съ переводомъ въ Тенгинскій полкъ.

146. **Семеновъ 1-й**, прапорщикъ.

1828 года января 28-го.
Произведенъ изъ топографовъ; 27-го марта 1829 года переведенъ въ корпусъ топографовъ.

147. **Саламатинъ**, прапорщикъ.

1828 года января 28-го.
Произведенъ изъ топографовъ; 27-го марта 1829 года переведенъ въ корпусъ топографовъ.

148. **Путовъ**, Афанасій Ивановичъ, прапорщикъ.

1828 года марта 25-го.
Произведенъ изъ Дворянскаго полка.

149. **Назаровъ**, Михаилъ Михайловичъ, прапорщикъ.

1828 года марта 25-го.
Произведенъ изъ Дворянскаго полка.

150. **Семинихинъ**, Алексѣй Егоровичъ, прапорщикъ.

1828 года августа 11-го.
Изъ отставныхъ подпоручиковъ (былъ отставленъ за дурное пове-

	деніе изъ Рязанскаго полка); принятъ прапорщикомъ.
151. **Горковенко,** Евстафій Григорьевичъ, маіоръ, дворянинъ Херсонской губерніи, изъ кадетскаго корпуса.	1828 года октября 16-го. Переведенъ по способности къ полевой службѣ изъ Владикавказскаго гарнизоннаго полка; 24-го мая 1832 г. умеръ отъ болѣзни.
152. **Бетаки,** Афанасій Францовичъ, маіоръ.	1829 года января 3-го. Переведенъ изъ Башенскаго гарнизоннаго баталіона; 2-го ноября 1832 года уволенъ за болѣзнью отъ службы подполковникомъ съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго оклада.
153. **Голеновскій,** Антонъ Астафьевичъ, маіоръ, дворянинъ Черниговской губерніи.	1829 года апрѣля 12-го. Переведенъ изъ Тифлисскаго полка съ производствомъ въ маіоры; 5-го декабря 1832 г. умеръ отъ болѣзни.
154. **Кадниковъ,** Алексѣй Ивановичъ, маіоръ.	1829 года апрѣля 12-го. Переведенъ изъ 44-го Егерскаго полка съ производствомъ въ маіоры; 15-го декабря 1829 г. умеръ отъ болѣзни.
155. **Бардовскій,** Николай Трофимовичъ, маіоръ, дворянинъ Черниговской губерніи.	1829 года апрѣля 12-го. Переведенъ изъ 44-го Егерскаго полка съ производствомъ въ маіоры.
156. **Погуляй,** Моисей Андреевичъ, капитанъ, дворянинъ Херсонской губерніи.	1828 года ноября 12-го. Переведенъ изъ Севастопольскаго полка; 19-го декабря 1829 года переведенъ въ Кабардинскій полкъ маіоромъ.
157. **Пановъ,** Димитрій Васильевичъ, поручикъ.	1828 года октября 18-го. Переведенъ изъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка; 4-го декабря 1831 года отставленъ отъ службы съ тѣмъ, чтобы и впредь никуда не опредѣлять.
158. **Штромъ,** Егоръ Петровичъ, поручикъ.	1828 года октября 25-го. Переведенъ изъ Екатеринославскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона; 20-го іюня 1831 года уволенъ за болѣзнью отъ службы штабсъ-капитаномъ съ мундиромъ и пенсіономъ 1/3 оклада.
159. **Батулкинъ,** Александръ Ивановичъ, подпоручикъ.	1828 года октября 25-го. Переведенъ изъ Архангелогород-

	скаго гарнизоннаго полка; 10-го ноября 1830 г. умеръ отъ холеры.
160. **Поповъ**, Ефимъ Леонтьевичъ, подпоручикъ.	1828 года октября 25-го. Переведенъ изъ Алатырской инвалидной команды; 13-го мая 1830 года уволенъ отъ службы по болѣзни поручикомъ съ полнымъ пенсіономъ.
161. **Новаковичъ**, Иванъ Ивановичъ, подпоручикъ.	1829 года марта 5-го. Переведенъ изъ Кабардинскаго полка; 26-го апрѣля 1831 г. уволенъ отъ службы по болѣзни поручикомъ съ мундиромъ.
162. **Чекаловъ**, Михаилъ Павловичъ, прапорщикъ.	1828 года октября 25-го. По способности къ полевой службѣ переведенъ изъ Херсонскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона; 24-го января 1830 года выключенъ умершимъ отъ болѣзни.
163. **Бакановъ**, Арсентій Васильевичъ, прапорщикъ.	1828 года октября 25-го. По способности къ полевой службѣ переведенъ изъ Нижегородскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона; 20-го іюля 1831 г. уволенъ отъ службы по болѣзни съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго оклада.
164. **Мироновъ**, Петръ Мироновичъ, прапорщикъ.	1828 года октября 25-го. По способности къ полевой службѣ переведенъ изъ Нижегородскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона; 30-го августа 1830 года уволенъ за болѣзнью отъ службы подпоручикомъ съ мундиромъ и пенсіономъ $^2/_3$ оклада.
165. **Щепетовъ**, Иванъ Ивановичъ, прапорщикъ.	1828 года октября 25-го. По способности къ полевой службѣ переведенъ изъ Алатырской инвалидной команды; 10-го мая 1831 года уволенъ отъ службы по болѣзни съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго оклада.
166. **Башмашниковъ**, Михаилъ Ивановичъ, прапорщикъ.	1828 года октября 25-го. По способности къ полевой службѣ переведенъ изъ Нижегородской инвалидной команды; 12-го апрѣля 1829 года умеръ отъ болѣзни.

167. **Сагиновъ,** Александръ Дмитріевичъ, изъ грузинскихъ дворянъ гор. Тифлиса.

1829 года января 9-го.
Произведенъ изъ портупей-прапорщиковъ сего полка; 15-го декабря 1829 года переведенъ въ Эриванскій карабинерный полкъ.

168. **Михайловъ,** Иванъ Тимофѣевичъ, прапорщикъ.

1829 года мая 17-го.
Изъ Каспійскаго морского баталіона.

169. **Петровъ,** Гавріилъ Петровичъ, прапорщикъ.

1829 года мая 17-то.
Изъ Каспійскаго морского баталіона; 30-го августа 1830 года уволенъ отъ службы по болѣзни съ мундиромъ и пенсіономъ 2/3 оклада.

170. **Васильевъ,** Яковъ Кузьмичъ, прапорщикъ.

1829 года мая 17-го.
Изъ Каспійскаго морского баталіона.

171. **Максимовъ,** Николай Сергѣевичъ, прапорщикъ.

1829 года іюля 8-го.
Переименованъ изъ аудиторовъ Апшеронскаго полка въ прапорщики съ переводомъ въ Тенгинскій полкъ.

172. **Ураловъ,** Тихонъ Степановичъ, прапорщикъ.

1829 года іюня 6-го.
Опредѣленъ изъ отставки (уволенъ изъ 3-й фуршатской бригады на основаніи Высочайшаго указа отъ 22-го августа 1826 года).

173. **Агаларовъ,** Бахтіаръ Мерзинъ, прапорщикъ.

1829 года августа 12-го.
За отличіе произведенъ изъ унтеръ-офицеровъ; 14-го іюня 1830 года уволенъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ.

Полковой командиръ.

174. **Лисаневичъ,** Тихонъ Тихоновичъ, подполковникъ, дворянинъ Воронежской губерніи, изъ юнкеровъ, кавалеръ ордена св. Георгія 4-го класса.

1829 года января 6-го.
Изъ Мингрельскаго полка; 31-го іюля 1833 года уволенъ за раною отъ службы съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго оклада.

175. **Севарсемидзевъ,** кн. Константинъ Яковлевичъ, изъ грузинскихъ князей гор. Моздока, маіоръ.

1830 года февраля 26-го.
По способности къ полевой службѣ переведенъ изъ Кавказскаго 7-го линейнаго баталіона; 17-го іюня 1832 года уволенъ отъ службы по болѣзни подполковникомъ съ мундиромъ.

176. **Орловъ,** Иванъ Антоновичъ, капитанъ, изъ грузинскихъ дворянъ гор. Моздока.

1829 года сентября 27-го.
Принятъ изъ отставки; 14-го августа 1831 года уволенъ отъ службы по болѣзни капитаномъ

	съ мундиромъ и пенсіономъ 1/3 оклада.
177. **Павловскій**, Иванъ Ивановичъ, подпоручикъ, дворянинъ Кіевской губерніи, изъ Дворянскаго полка.	1829 года апрѣля 16-го. Переведенъ изъ Тифлисскаго пѣхотнаго полка; 19-го іюля 1831 года переведенъ въ Апшеронскій пѣхотный полкъ.
178. **Нейманъ**, Александръ Викентьевичъ, прапорщикъ изъ подпрапорщиковъ.	1829 года декабря 15-го. Переведенъ изъ Херсонскаго гренадерскаго полка.
179. **Жеребцовъ**, Василій Фроловичъ, прапорщикъ.	1830 года мая 31-го. Принятъ изъ уволенныхъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ.
180. **Цытовичъ**, лѣкарь.	1829 года іюня 1-го.
181. **Масловскій**, Афанасій Кирилловичъ, маіоръ, дворянинъ Черниговской губерніи, изъ подпрапорщиковъ.	1831 года февраля 11-го. Переведенъ изъ Кіевскаго гренадерскаго полка.
182. **Лебединскій**, Федоръ Дмитріевичъ, маіоръ, дворянинъ Полтавской губерніи, изъ кадетъ.	1831 года іюля 22-го. Переведенъ изъ Эриванскаго карабинернаго полка.
183. **Павловъ**, Иванъ Никитичъ, штабсъ-капитанъ.	1831 года января 29-го. Переведенъ изъ Севастопольскаго полка по волѣ начальства.
184. **Умановъ**, Илья Васильевичъ, поручикъ, изъ штабъ-офицерскихъ дѣтей Кавказской области, изъ подпрапорщиковъ.	1830 года декабря 21-го. Переведенъ изъ Вологодскаго полка; 27-го августа 1832 года за болѣзнью уволенъ отъ службы штабсъ-капитаномъ съ мундиромъ.
185. **Вишковскій**, Максимъ Ивановичъ, подпоручикъ.	1830 года декабря 3-го. Переведенъ изъ Кавказскаго линейнаго № 3-го баталіона.
186. **Долговъ**, Антонъ Ивановичъ, прапорщикъ.	1831 года апрѣля 26-го. Опредѣленъ изъ уволенныхъ отъ службы сего полка.
187. **Стенаевъ**, Николай Григорьевичъ, прапорщикъ, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей Слободско-Украинской губерніи, изъ нижнихъ чиновъ.	1831 года іюня 13-го. Произведенъ изъ унтеръ-офицеровъ сего полка.
188. **Трудаковскій**, Николай Николаевичъ, прапорщикъ, изъ семинаристовъ гор. Тамбова.	1831 года іюня 13-го. Произведенъ изъ унтеръ-офицеровъ сего полка.

Младшіе лѣкари:	
189. **Озеровъ**, Иванъ Васильевичъ.	1831 года ноября 1-го.
190. **Скородумовъ**, Емельянъ Андреевичъ.	1831 года іюля 30-го.
191. **Чаплыгинъ**, Владиміръ Харитоновичъ, маіоръ, дворянинъ Курской губерніи, изъ кадетъ 2-го кадетскаго корпуса.	1832 года мая 16-го. Переведенъ изъ Козловскаго полка съ производствомъ въ маіоры.
192. **Волынскій**, Василій Ивановичъ, штабсъ-капитанъ, дворянинъ Полтавской губерніи, изъ подпрапорщиковъ.	1831 года ноября 5-го. Переведенъ изъ Тамбовскаго внутренняго гарнизоннаго батал.
193. **Кушнеровъ**, Александръ Елисѣевичъ, поручикъ, дворянинъ Херсонской губерніи, изъ унтеръ-офицеровъ.	1832 года марта 10-го. Переведенъ изъ Пермскаго пѣхотнаго полка; 8-го августа 1833 года уволенъ отъ службы штабсъ-капитаномъ и пенсіономъ 1/3 оклада.
Полковой командиръ.	
194. **Шостенко**, Иванъ Даниловичъ, подполковн., дворянинъ Слободско-Украинской губерніи (прибылъ въ полкъ только 13-го октября), изъ унтеръ-офицеровъ.	1833 года іюля 31-го. Переведенъ изъ Херсонскаго гренадерскаго полка.

2007058096